

АЛЕКСАНДР

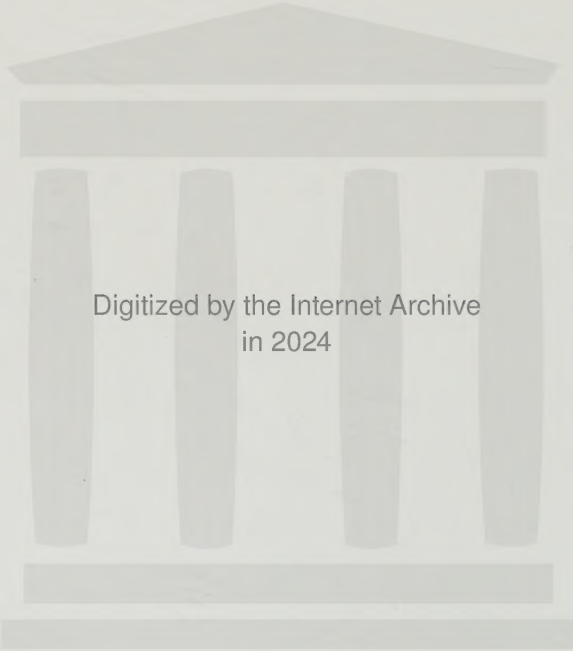
ПРОХАНОВ

Меклоход

РОМАН-
ТРИЛЛЕР

SACRAMENTO PUBLIC LIBRARY
828 "I" STREET
SACRAMENTO, CA 95814

9/2010

Digitized by the Internet Archive
in 2024

РОМАН-ТРИЛЛЕР

ПРОХАНОВ

Менлохорд

2010

АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ

Меллоход

Москва
алгоритм
2010

УДК 82-311.6

ББК 83.3

П 84

Проханов А.А.

П 84 Теплоход. Роман-триллер. – М.: Алгоритм, 2010. – 448 с.

ISBN 978-5-9265-0670-6

Главные действующие лица романа-триллера Александра Проханова «Теплоход» – российская элита, легко узнаваемая за ироничными псевдонимами. На теплоходе «Иосиф Бродский» избранное общество отмечает свадьбу угольного магната Франца Малютки и светской львицы Луизы Кипчак. Во всех каютах телеканал, специализирующийся на реалити-шоу интимной жизни, установил видеокмеры. Канун президентских выборов. Действующий президент отказывается идти на «третий срок», и его ближайший помощник готовит переворот...

УДК 82-311.6

ББК 83.3

© Проханов А.А., 2010

ISBN 978-5-9265-0670-6

© ООО «Алгоритм-Книга», 2010

Вот, Я посылаю пред тобою Ангела
хранить тебя на пути и ввести тебя в то
место, которое Я приготовил.

Исход 23:20

Часть первая

«НИ СТРАНЫ, НИ ПОГОСТА...»

Глава первая

Глава Администрации Президента Василий Федорович Есаул — на коричневом твердом лбу морщины, как полоски от гриля. Черная, без пробора волна волос, осыпанная металлической сединой. Прямой целеустремленный нос с чуткими ноздрями охотника. Угрюмый блеск умных карих глаз с волчьим золотым огнем. Густые кустистые брови, которым не давал срастись небольшой прогал переносицы, излучавший потаенное свечение.

Собеседник, посол Соединенных Штатов Америки в Москве Александр Киршбоу, — полнеющее холеное тело. Женственные мягкие губы с блуждающей ироничной улыбкой. Нежный обволакивающий взгляд зеленых русалочьих глаз. Волнистые светлые волосы, из-под которых прозрачно светились перламутровые плоские уши. Белые мясистые руки с одиноким перстнем, напоминавшим глаз теленка, взятый в золотую оправу.

Местом их встречи служила резиденция посла «Спасохаус», где в небольшой уютной гостиной был накрыт стол на двоих. За окнами чудесно зеленел сад старинной московской усадьбы, цвели розы, солнечно брызгала и переливалась вода. Среди оконных, чисто вымытых стекол было вставлено одно — малиново-алое, полное сочных рубиновых лучей, которые ложились на паркет, словно в этом месте было пролито вино. Служители в белых камзолах, приносявшие на подносах серебряные супницы и фарфоровые соусницы, попадали в лучи, пропитывались сочным вишневым цветом, и казалось, за их белыми туфлями по дубовому паркету тянутся мокрые красные отпечатки.

— Люблю сухое московское лето, жаркое, солнечное и слегка сумасшедшее,— произнес Киршбоу, наслаждаясь звуками русской речи, которой владел в совершенстве.— Впрочем, и зима в Москве великолепна, особенно крещенский мороз, смесь янтаря и лазури, малинового солнца и зеленого неба.

— Я знаю, Александр, вы работаете без выходных. Отказались от отпуска и не поехали в свой любимый Нью-Джерси.— Есаул старался быть любезным, для чего прикрыл настороженные недремлющие глаза, наблюдая за послом с помощью потаенного лобного ока, источавшего прозрачный луч.— Почему бы вам не оставить на пару деньков свой посольский кабинет и не поехать в какое-нибудь замечательное подмосковное место? Например, в Завидово. Там живет престарелый егерь, фольклорный человек. Он расскажет, как охотились в этих местах Брежнев и Громыко, Кастро и Хонеккер. Это он привязывал в кустах пойманного заранее кабана, чтобы престарелый Леонид Ильич мог застрелить зверя из карабина, подаренного ему президентом Никсоном. Хотите повторить этот выстрел?

— Василий Федорович, я не охотник до кровавых забав. Предпочитаю чтение Достоевского или посещение московских коллекционеров и антикваров, у которых иногда приобретаю изделия русской старины.— Отказ Киршбоу сопровождался легкой усмешкой, в которой Есаул усмотрел тщательно скрытую издевку над своим brutальным предложением.

— Ну что вы, Александр! Вы говорите о невинном подмосковном сафари, как если бы речь шла о кровавой оргии в Багдаде и Басре, где бурый песчаник так пропитался кровью, что стал краснее кремлевских стен.— Есаул не остался в долгу, помещая посла в круг эмоций, заведомо тому неприятных.

— Ваш Президент, Василий Федорович, недавно пролетел над многострадальным Грозным. Мне передавали, что он был так потрясен, что сравнил несчастный город с луной.

Киршбоу улыбался женственными губами, с ласковым превосходством над собеседником. И только перстень с оправленным в золото зраком жертвенного тельца говорил о принадлежности Киршбоу к касте жестокосердных жрецов.

— Нельзя сшить одной нитью ваше нападение на Ирак и нашу самооборону в Чечне,— с раздражением, уступая в изящном состязании, произнес Есаул.

— Искусство дипломатии в том, чтобы уметь сшивать и разрезать. Дипломаты — это закройщики, который шьют миру но-

вый костюм. И как знать, где пройдет жесткий шов, а где мягкий вырез.— Неумолимость и угроза прозвучали в этих негромких словах.— Впрочем, вы правы, Василий Федорович, даже в самых неотложных трудах необходимо отыскивать возможность для отдыха. Я получил приглашение от господина Малютки и его очаровательной невесты Луизы Кипчак принять участие в их свадебном путешествии на теплоходе из Москвы в Санкт-Петербург. Отдых на воде среди изысканной российской элиты — о чем еще может мечтать иностранец, друг России, неумоимо познающий загадочную русскую душу?

— Вы правы, Александр, это будет великолепная свадьба богатых и очаровательных русских. Франц Малютка — самый крупный и успешный углепромышленник России, который не скрывает своих политических амбиций. Луиза Кипчак подарит ему не только славу несравненной обольстительницы и светской львицы, но и родословную самого либерального устроителя новой России, чья могила в Петербурге стала местом поклонения демократов. За ваше странствие по водам! — Есаул поднял бокал с белым шабли, метнув на посла угрюмый молниеносный взгляд.

Их беседа изобиловала необязательными любезностями и едва заметными колкостями, которыми они перчили коричневый, с лужицей незапекшейся крови стейк, занимавший большую часть тарелки. Разглагольствования двигались по плавной спирали, медленно приближаясь к центру, где помещалась сердцевина еще незатронутых тем. Так мякоть персика содержит каменную косточку, которую предстоит извлечь, расколоть щипцами, чтобы ощутить на губах пряную горечь истины. Приближалось время пудинга — гастрономического изделия с прозрачными цветами из студня. Ложечкой можно было вычерпывать их дрожащие лепестки, проглатывая кусочки холодного студня. Малиновое стекло лило на пол винно-красный свет, будто вино из кувшина. Есаул опасно наблюдал прилив алого света, подбиравшегося к столу.

— Василий Федорович, я собирался высказать вам точку зрения Госдепартамента и лично госсекретаря на проблемы, которые в последнее время активно обсуждаются в российской печати и в политическом сообществе.— Кишбоу не переставал мягко, чарующе улыбаться, но эластичная интонация его лишь скрывала металлическую сущность высказываний, как пластиковая изоляция обволакивает жилу электрического провода.

— Завершается второй срок пребывания в должности Президента Порфирия Антоновича Мухина, когда ему придется окончательно сложить с себя полномочия. Я понимаю озабоченность Кремля преемственностью власти. Но такая преемственность не может достигаться любой ценой. Было бы неразумно менять для этой цели конституцию, закладывая в нее «третий президентский срок». Или превращать Россию из президентской республики в парламентскую с одной только целью переместить Порфирия Антоновича из президентского кресла в кресло всесильного премьера. И уж поверьте, совсем неразумно объединять Россию и Беларусь в одно государство, делая Президентом этого нового образования Порфирия Антоновича. Мы считаем, что ваш Президент должен уйти, оставляя неприкосновенным основной закон страны. Тем более что Порфирий Антонович неоднократно публично отрицал всякую возможность переизбрания на третий срок. Откуда же тогда, Василий Федорович, эта странная дискуссия в СМИ? Быть может, окружение Президента старается его удерживать и тем самым сохранить свои привилегии?

Киршбоу взирал на Есаула женственными глазами, насмешливо наблюдая, как тот бледнеет и по стиснутым скулам пробегает ненавидящая дрожь.

Эта дрожь напоминала тусклую поверхность закипающего свинца, и всей воли и дипломатического такта не хватало Есаулу, чтобы унять это закипание. Пухлый, как младенец, американец с потаенными пороками на пунцовых губах, в центре Москвы, в чудесной русской усадьбе, диктовал условия ему, потомственному казаку, всесильному распорядителю Кремля, — как вассалу, слуге, подневольному исполнителю чужой победившей власти. Эта власть незримо присутствовала в светлом воздухе уютной гостиной. Наполняла взрывной энергией летучие молекулы и пылинки вокруг его головы. Была готова взорвать заряженные частицы и испепелить Есаула. Пунцовое пятно на полу медленно приближалось к столу, и в его бестелесном скольжении таилась угрожающая мощь.

Он был пленником в собственном доме, в собственной столице, в собственной стране. Было невозможно восстать, сбросить иго — за ним надзирали, следили, окружали всевидящими частицами. Как крохотные разведывательные спутники, частицы считывали его мысли и чувства, фотографировали его перемещения, доносили о каждой встрече. Сопутствовали ему на заседаниях правительства, в секретных штабах, на закрытых экономических

форумах. Проникали в банки, министерства, ракетные шахты и подводные лодки. Страна, проигравшая холодную войну, была расчленена, обессилена. Ее наводнили бессчетные корпускулы, парализующую силу которых испытывал на себе каждый русский. И только он, Есаул, сопротивлялся наркотическому воздействию ядовитых молекул. Сжигал их своей неистовой ненавистью, отчего все темней становились коричневые ожоги на лбу, потаенней светились звериные огоньки на дне непокорных глаз.

— Дорогой Александр, мне казалось, что Америка, как никто, заинтересована в сохранении Президента Порфирия. Он проявил себя как искренний друг и предсказуемый партнер. Он — украшение «восьмерки», ее петербургская жемчужина. Полностью разделяет американскую концепцию «международного терроризма», наполняя ее кавказским содержанием. Он содействовал открытию ваших баз в регионах Средней Азии и предоставил воздушные коридоры для их обеспечения. В китайско-американских разногласиях, становящихся центральным мировым сюжетом, он неявно, но эффективно поддерживает вашу страну, всячески препятствуя проникновению в Казахстан и Киргизию китайского влияния. Согласитесь, немаловажным для Америки является сохранение стабильности в самой России, в чем весьма преуспел Президент Порфирий, остановив распространение экономического и социального хаоса. Избави нас Бог от повторения русского бунта, от которого зашатаются стены мира. Президент религиозно верит в устои либеральной экономики, готов конвертировать русскую нефть в американское развитие. Все это вместе, дорогой Александр, перевешивает незначительные отступления от либеральных процедур, которые сопровождают продление президентских полномочий на третий срок.

Этот любезный тон стоил Есаулу немало усилий, отчего сузились и тонко задышали его чуткие ноздри, седина на черных сплошных волосах заблестела, как сыпучие звериные искры, а тайное око в костяной переносице окуталось облачком невидимой плазмы.

— Никто не посмеет отрицать заслуги Президента Порфирия перед Россией и мировым сообществом, Василий Федорович.

Киршбоу чуть изменил положение руки, отчего «телячий глаз» в золотой оправе метнул разящий луч в переносицу Есаула. Тот едва не вскрикнул, испытыв колющую боль в мозгу, будто под череп проникла узкая слепящая молния.

— Однако во время его правления случались и перегибы, о которых можно пожалеть. Я имею в виду отмену губернаторских выборов, что знаменует откат от демократии в сторону централизма. Произошла неумеренная концентрация СМИ в руках государства, что резко сузило возможность отдельных групп и партий влиять на общественное мнение. Политические преследования, лишь слегка заgrimированные в юридические оболочки, привели к изгнанию из страны виднейших предпринимателей и политиков, некоторые же, самые непокорные, томятся в тюрьме. Вы прибегаете на Кавказе к политике «голой силы», что дает основания мировой общественности обвинять вас в геноциде чеченского народа. Вы упорно содействуете Ирану в его ядерных программах, зная, сколь болезненно это воспринимается в Соединенных Штатах. К тому же общий политический вектор Президента Порфирия завуалированно направлен на реставрацию российского влияния в бывших республиках СССР, что равносильно восстановлению, пусть в новой форме, прежней империи. И, наконец, как ни больно мне это констатировать, в тяжелый для Америки момент, когда мы проверяли искренность наших друзей, Президент Порфирий отказался поддержать наши усилия в Ираке.

Слова посла, при всей их уравновешенной мягкости, производили впечатление отточенного ножа.

Есаул испытал острую неприязнь к Киришбуу. Вся его казачья плоть и душа возопили мучительной антисемитской памятью о кровавой гульбе еврейских комиссаров по тихому Дону, на откосах которого висели красно-синие гроздья расстрелянных казаков. Он свел свои кустистые брови, стиснув глазницу во лбу. Провел невидимой шашкой по Киришбуу от темени до пояса, разваливая пополам, так что лезвие рассекло стол надвое, перемалывая звонкий хрусталь и фарфор. И тут же салфеткой прикрыл взмокший лоб, пугаясь этой лютой вспышки.

— Дорогой Александр, в прошлый раз мы говорили о росте фашистских настроений в русском народе, что приводит к участвовавшим убийствам эмигрантов и иноверцев, осквернению синагог и еврейских кладбищ. У молодежи самой модной прической стала бритая голова, в которой кроме цитат из «Майн кампф», крутятся подстрекательства коммунистического радикала Лимонова. «Лимоновская революция», в отличие от «оранжевой» или «революции роз», будет кровавой. Господин Куприянов, которого вы прочтете вместо Президента Порфирия, хоть и хорош собой, и умеет аппетитно высказываться, но не справится с назре-

вающим русским бунтом. Углубит раскол элит, ввергнет Россию в хаос. Неужели американцы хотят, чтобы от Тихого океана до Балтики ревели и извергались вулканы русского бунта?

— Бунта не будет, Василий Федорович. Русский народ израсходовал энергию бунта и теперь не горит, а тлеет. Россия больше не угрожает миру революцией и войной. Она угрожает миру своим гниением, которое может стать источником неприятных эпидемий. Президент Порфирий оказался неудачливым врачом, и его методы лечения не привели к исцелению умирающей России. Госдепартамент считает, что надо возвращаться к прежней черте, от которой были сделаны неверные шаги. Новое руководство страны должно привлечь к ответу тех, кто ответственен за подавление свобод, разорение крупнейшей нефтяной компании ЮКОС и незаконный арест ее владельца, за кровавые преступления в Чечне и незаконный вывоз ядерных технологий в Иран и Северную Корею. Это будет началом оздоровления России, которое осуществит новый Президент господин Куприянов.

Киришбоу смотрел на Есаула внимательно, ласково, словно любовался. Так энтомолог рассматривает изумрудного жука, прежде чем вонзить отточенную булавку в его металлическую спину и перенести в стеклянную коробку. В коллекции низвергнутых врагов Америки уже красовались жуки разноцветные, пятнисто-алые, воронено-синие, огненно-желтые. Когда-то непокорный и горделивый Милошевич, низвергнутый Садам Хусейн, несговорчивый и властолюбивый Норьега. Все, кто сражался, грозил восстанием, сжигал американские флаги, а потом ослабел и сдался,— были помещены в коллекцию. Есаул под цепенящим взглядом зеленых, водянисто-солнечных глаз испытал космический ужас. Словно из разъятых миров прянуло отточенное острие, вонзило в лопатки голубую сталь, и он, как пронзенный жук, корчится на игле, бессильно перебирая лапками. И кто-то огромный, внимательный смотрел на него из небес зелеными глазами иудея.

— Александр, вы хотите сказать, что после прихода к власти Куприянова, меня и моих товарищей отправят в Гаагский трибунал? — Есаул улыбнулся длинной волчьей улыбкой, обнажив крепко посаженные белые зубы. Скосил глаза на пурпурное пятно, неотвратно приближавшееся к столу. Край белой скатерти уже коснулся багряной полосы, пропитался красным, словно его приложили к открытой ране. — Вы хотите сказать, что и на Президента Порфирия наденут наручники и повезут в Гаагу?

— Президенту Порфирию не грозит путешествие в Гаагу,— с легкой укоризной произнес Киршбоу, сочувствуя не понимающему логику политических процедур собеседнику.— Во время визита в Москву госсекретаря с Президентом Порфирием была достигнута договоренность. Президент после ухода из Кремля получает полную неприкосновенность и сохраняет в мировом сообществе репутацию безупречного политика. Взамен соглашается на контроль американских экспертов за разболтанным, пришедшим в негодность ядерным комплексом России.

У Есаула под сердцем словно взорвалась ручная граната,— брызги боли, страха и ненависти. Президент Порфирий, друг и соратник, основатель «тайного ордена», магистр «незримого братства», предал своих товарищей. Отдал в руки врагов, с которыми они вели тайную войну, преступая закон, совершая злодеяния, медленно, по крохам собирая растерзанное государство. Оказался ничтожным изменником, трусливым предателем, жалким честолюбцем. Госсекретарь, черная обезьянка с верткими ножками и пахнущим мускусом животом, в имперских залах Кремля, среди православных святынь и царских надгробий вершит судьбу Государства Российского. Ничтожный человечек с плешивой головкой и белесым хохолком свиристеля предает великую идею, бежит к врагу, отдавая товарищей в плен, на позор и мучения.

Сквозь малиновое стекло бесшумно, как из открытой артерии, плескало алым. Скатерть хлюпала и нестерпимо горела. Рука Есаула, сжимавшая серебряную ложку, была вся в крови, и казалось, вместо пудинга он поддевает из розетки ломтики трепещущей плоти.

— Неужели, господин посол, вы забыли, как благодаря моим неимоверным усилиям удалось скрыть от мировой общественности факт потопления нашего подводного крейсера «Курск» вашей субмариной «Лос-Анджелес»? Благодаря моим стараниям, в угоду интересам НАСА, мы досрочно свели с орбиты шедевр русской космонавтики, станцию «Мир», и утопили ее в океане? Благодаря моему лоббированию ваши нефтяные компании получают долю в разработке сибирской нефти, и мы строим незамерзающий Мурманский порт, откуда нефть танкерами пойдет в США? И после этого вы хотите привлечь меня к ответственности?

— Василий Федорович, я не сказал ничего подобного. Только то, что политика — это искусство сшивать и разрезать. Где провести надрез, какая часть ткани останется по одну сторону раз-

реза, а какая по другую, решает политическое руководство Америки. Хочу только заметить — русские генералы и разведчики, «силовики», как вы их называете, не слишком искушены в интригах. В моменты кризисов они неизменно проигрывают, уступая либеральным интеллигентам, у которых нет танков, но есть утонченные технологии победы. Так было во время ГКЧП, когда «срезали» неуклюжих генералов армии и КГБ. Так было при Президенте Ельцине, когда устранили неповоротливых Коржакова, Барсукова и Сосковца. Так может случиться и теперь, если «силовики», к которым принадлежите и вы, Василий Федорович, в момент передачи власти станут вести себя необдуманно.

Это была угроза. Железной волей веяло от мягкотелого, ласкового человека. Есаул ощутил эту волю, как приближение стального сердечника, готового ударить в переносицу и погасить чувствительное потаенное око. Перед ним сидел враг, всемогущий, библейский, не щадящий никого на земле, как не щадил он исчезнувшие народы, встававшие на пути предводителя Иисуса Навина, как не щадил донские станицы, расстреливая из орудий белые курени, выгоняя на откос рыдающих баб и детей. Враг восседал в центре Москвы в ампирной усадьбе, как владыка. Его агенты и соглядатаи наводнили Кремль, захватили газеты и студии, овладели финансами, контролировали центры влияния. Он подбирается к тайному бункеру, ключи от которого передал ему в руки предатель. И скоро последних защитников, босых и раздетых, выведут из катакомб, расставят на откосе и направят им в грудь брызжущий смертью свинец.

Пышная корона лучей, пропущенных сквозь алый светофильтр, коснулась лица Есаула, и он замер, обезумев от огненной маски. Все было красным, пылающим, бесшумно бушевало, накрывало с головой пурпурным приливом.

Киришбоу стал расплываться, менять очертания, перетекал в другие обличья. Как в плавильной печи, разлетался на слепящие брызги и вновь собирался в дикие фантастические образы.

Был бизоном с пламенеющим загривком, взрывающим копытами багровую землю саванны,— в горбе под лопаткой хлестала черная рана, поливала степь жаркой жижей. Превратился в почтовый экспресс, несущийся к Западному побережью среди вечерних холмов,— блестели рельсы, клубился малиновый дым, за поездом на красных конях гнались медноликие всадники, качались пернатые уборы, светились винтовки, блестели вагоны. Преобра-

зился в линкор, разорванный страшным ударом, который погрузился в воду залива, красную, кипящую, как варенье,— фонтаны огня, туманные струи грохочущих скорострельных орудий, в завесе огня, разрубленный на куски, скользит самолет с японскими кругами на крыльях. Плавно оформился в жемчужную медузу гигантского взрыва, с нежными пышными кромками, под которыми свивался голубой жгут атомной плазмы,— земля, коричнево-ржавая, цвета запекшейся крови, с мертвой коростой в одночасье погибшего города. Стал белоснежной капсулой с надписью «Аполлон», нашедшей в солнечном Космосе другое белоснежное чудо с надписью «Союз». Они нежно сближались, как фантастические небесные бабочки, трепетали серебристыми крыльями, касались друг друга чуткими хоботками и усиками. И та, что звалась «Аполлон», вонзила в другую молниеносное жало, впрыснуло под белый хитин струйку смертельного яда. Теперь он являл собой американскую винтовку М-16, чей вороненый ствол отражал зарю Гиндукуша — на полированном цевье светомузыка вечерних хребтов, розовое зеркало ледника, облако, похожее на распутившийся мак.

Последняя метаморфоза вскрыла алые лепестки обезумевшего рассудка, и Есаул, ахнув от боли, закачался под сосновой балкой, не доставая ногами земли. Руки, скрученные веревкой, были приторочены к кривой жерди, чьи концы были вмурованы в саманные стены. Двор, окруженный глинобитной оградой, заливал слепящий жар. Из-за купола глинобитной постройки с осколком голубого изразца слышались стуки цепов, на солнце, прозрачная, легкая как пух, летела мякина. На земле чернела высыхающая лужа крови, окруженная по краям изумрудным ожерельем застывших мух. Рядом с лужей, с мутно-жемчужными немигающими глазами стояла на обрубке шеи баранья голова с загнутыми рогами. Петух налетел на курицу и топтал ее, прижимая к земле. Курица освободилась, побежала, распушив рябые коричневые перья. Петух победно вытянул шею, золотую, с голубым отливом, открыл для крика костяной крепкий клюв, но издал лишь сиплый скрипящий хрип. Есаул почувствовал, как содрогается от рези пах и под тканью изорванных брюк, по затекшим ногам побежала горячая струйка. Достигла черных опущенных пальцев и, блестя, стеклянным ручейком пролилась на сухую землю. Тотчас впиталась, оставив сырое пятно. Из калитки выбежал круглолицый афганский мальчик в малиновой шапочке и синей долгопо-

лой рубахе. Увидел, как мочится подвешенный человек, поднял камень и кинул. Промахнулся — камень слабо стукнул за спиной, ударив в сухую стену.

Есаул висел под сосновой перекладиной в афганском кишлаке, и в его помраченном рассудке роились видения. Подвешенный к балке, он слушал, как сверху начинают звучать громopodobные слова.

— Василий Федорович.— Это был дружелюбный голос Киршбоу, встающего из-за стола.— Я все думаю, что бы я мог подарить молодоженам — несравненной Луизе Кипчак и господину Малютке? На теплоходе, я знаю, будет церемония вручения подарков.

— Это и для меня большая проблема.— Есаул поднялся, выпадая из красного бреда, который схлынул бесшумным водопадом.— Я ведь тоже получил приглашение на свадебный теплоход. Господин Малютка — угольный магнат. Может, подарить ему кусок каменного угля в золотой оправе? — Есаул, борясь с помрачением, отступал подальше от рубиновых лучей, чья колдовская сила все еще опьяняла его.— Луиза — автор и ведущая самой пикантной эротической программы на телевидении. Может быть, ей подарить Камасутру — на пергаменте, с рисунками древнего индийского мастера?

— Что-нибудь придумаем,— засмеялся Киршбоу.— А сейчас, Василий Федорович, мне не терпится показать вам подарок, который я сделал себе самому.

— Что за подарок? — к Есаулу уже вернулась прежняя ясность мыслей.

— Чудесная русская икона семнадцатого века, кажется из Тобольска. Ваш министр культуры, милейший человек, помог мне приобрести эту икону и решить все формальности для вывоза ее из страны.

— Наш министр — действительно милейший человек, с одной лишь маленькой слабостью. Его хобби — вывозить культурные ценности из России.

Эти слова со смехом произнес Есаул, следуя за Киршбоу в соседнее помещение, в рабочий кабинет посла, где на стене в строгой раме висел портрет американского Президента, узколобого властелина планеты.

На диване, прислоненная к кожаной спинке, стояла икона — старинный Спас. Грубые черные доски в щербинах и мети-

нах, покрытые древним нагаром, несмываемой копотью лампад и свечей, глубинным смоляным теплом бесчисленных молений, воздыханий и поцелуев, превратили икону в чудесное хранилище русской красоты и боли. Быть может, последний царь в предсмертной тобольской ссылке вместе с цесаревичем и страдавшей в предчувствиях царицей стоял перед этим образом на коленях. Огромные немигающие очи с подглазьями. Сурово сдвинутые, немилосердные брови. Чуть краснеющие сжатые губы, окруженные легкими пучками волос. Спас взирает угрюмо и строго, среди изысканных безделушек кабинета, телефонами и компьютерами, словно расталкивал их, не подпуская к себе близко, создавая вокруг бестелесное поле отчуждения.

— Ну, как вам икона? — Киршбоу восхищенно смотрел на образ, потирая полные руки, подсвечивая пленную икону перстнем с телячьим глазом.— В моем загородном доме в Нью-Джерси она займет самое почетное место.

Есаул чувствовал утонченную пытку, приготовленную для него американцем. Мучение было облечено в непринужденную форму дружеского общения. Он и сам был пленный, скован невидимой цепью, как узник Гуантанамо, на глазах которого осквернялись святыни. Унижаемый в своей сокровенной сердцевине, Есаул мог только бледнеть, мучительно улыбался, не в силах скрыть пробежавшую по скулам судорогу.

— Вы, Александр, настоящий знаток России. Нам повезло с послом, а вам повезло с нашим министром культуры.

Есаул делал вид, что любит Спасом, радуется удачному приобретению. Старался выдержать невыносимую пытку.

Спас взирает на него с укоризной. Офицер, правитель страны, кому судьба вменила защищать и спасать Россию, он был бессилен сберечь родную святыню, чудотворный образ, увозимый в плен оккупантами и разорителями Родины. Русский Бог смотрел на него с осуждением и угрюмым презрением. И это казалось проклятьем, отлучением от благодати и святости, сбросом во тьму.

Есаул поворачивался спиной к послу, делая вид, что любит икону и выбирает лучшее место для обозрения. Сам же, побледнев от страдания, каялся перед образом. Просил не винить за то, что не в силах убить ненавистного еврея, сорвать со стены портрет дегенерата, разорвать флаг врага. Незримо, верующей страстной душой, припадал к закопченным доскам, касаясь губами не божественных уст, не смуглого, в треугольных морщи-

нах лба, а только синих и красных цветов, окружавших голову Бога. Умолял научить, что делать ему, захваченному в тенета предательства, обманутому Президентом Порфирием, окруженному врагами страны.

Умоляюще смотрел на грозный божественный лик. И вдруг из глубин строгих немигающих глаз, из пунцовых, как лесная малина, губ, хлынула чистая влага, сверкающий слезный поток. Оросил икону, заструился по черному дереву, на котором просияли цветы, зажглась позолота, прочертились священные письмена. Образ беззвучно рыдал — о России, о несчастном народе и о нем, Есауле, погруженном в пучину несчастий, не умеющем пробиться к высшей лазури, к спасительной дивной истине, в которой нет места злодеяниям, а чистые души цветут, как цветы несказанного Рая.

Есаул был потрясен. Отступил от плачущего образа. Киришбоу, не заметивший чуда, проводил его до дверей «Спасохауса».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Следующая встреча была в Кремле, в кабинете Президента Порфирия. Кабинет сиял великолепием и имперским величием, был изукрашен теплым малахитом, светящейся яшмой, туманным сердоликом, бело-розовым и снежно-голубым мрамором. Позолотой сиял камин, ампирная, драгоценная мебель, часы с Афиной Палладой. Хрустали канделябров и лучезарная люстра переливались нежными радугами. Кабинет был выполнен по рисункам знаменитого Глазунова, знатока петербургских дворцов и аристократических подмосковных усадеб. Являл собой чудо вкуса, возвышенной красоты и вдохновения. Был переделан из кремлевского кабинета Сталина, чьи аскетические дубовые панели, тяжеловесный диван, продавленные кресла и светильники в матовых абажурах канули в Лету вместе с грозным хозяином.

Президент Порфирий сидел за широким столом карельской березы, положив на зеленое сукно хрупкие белые руки. Сукно было пустым, без бумаг, с крохотной визитной карточкой, на которой жеманной вязью было выведено чье-то женское имя. На периферии стола, аккуратно расставленные, не менявшие своих мест все годы правления, покоились фетиши Президента. Хрустальный шар, поглощавший солнечный свет, в чьей глубине пе-

реливалась ослепительная косматая радуга. Янтарные, искусно выточенные Бранденбургские ворота. Кисть дамской руки с волнистыми чудными пальцами, отлитая из серебра. Небольшое блюдо из венецианского стекла, зелено-голубое, цвета морской волны, на дне которого лежала изящная, из белой платины наяда. Президент светло смотрел на Есаула водянистыми, чуть выпуклыми глазами. Улыбался застенчивой милой улыбкой.

— Вася, ты не заметил, что наш премьер поразительно похож на мэра Лужкова и юмориста Жванецкого? Та же степень облысения, те же плутоватые глазки, та же глубинная алчность. Я ему говорю: «Зачем государственные накопления России хранить в банках Америки? Давайте переведем часть в Гонконг?» А он блесит своими пуговками и посмеивается: «А вы в случае «оранжевой революции» собираетесь переехать в Америку или в Китай?»... Приходил на прием губернатор Русак. Таких Русаков на Брайтон-Бич поискать. Выклянчивает деньги на сельское хозяйство. Знаю я это хозяйство — сафари-парк, горнолыжный курорт и Диснейленд на землях, где рожь выращивали... Является вчера Добровольский, старая лиса, пережившая двух генсеков и двух президентов: «Умоляю, Порфирий Антонович, помилуйте нашего незадачливого узника-олигарха. В сибирской колонии он подвергается издевательствам уголовников, которые бурят ему задницу в поисках нефти. Помилование произведет самое благоприятное впечатление в бизнес-сообществе». А я-то знаю, что он меня ненавидит, настраивает бизнес против меня... «Мидовец» малахольный приводит ко мне африканца на вручение верительных грамот: «Порфирий Антонович, эта страна находится в зоне «национальных интересов» России». Какие интересы? Обезьяна с дипломом Оксфорда, зараженная СПИДом. Во всей стране две русские бабы, вышедшие за африканских студентов и нарожавшие кучу чернокожих мартышек... А тут еще пресс-секретарь затрахал своим «пиаром»: «Порфирий Антонович, вам необходимо совершить полет на стратегическом бомбардировщике к полюсу. Это вновь подымет ваш пошатнувшийся рейтинг». Да они же летающие гробы, эти «стратеги»! Хотите похоронить меня на Северном полюсе?.. А сегодня подкатывается твой любимец Яким: «Порфирий Антонович, движение «Нейшн» объявляет конкурс на лучший стих о Президенте России. На проведение конкурса нужно сто тысяч долларов». А он не знает, твой молодчик Яким, что в народе его шайку именуют — антифашистское движение «Гитлерюгенд»?.. Устал, надоело!.. Брошу все и уеду в Альпы кататься на лыжах!..

Все это он произносил томно, женственно. В окружении красивых безделушек и дорогого убранства напоминал капризного изнеженного маркиза, каких любил рисовать художник Бенуа. Есаул мысленно уложил его на мягкое канапе, где тот поместил свое маленькое изящное тело, подперев миловидную голову, вытянув ноги в панталонах и белых чулках.

Это сравнение мучило Есаула, рождало ощущение хрупкости, ненадежности, мнимости. Будто убранство кабинета — пышная геральдика и золоченые гербы, изящные изгибы и дорогие виньетки были изделием искусного гастронома, изготовившего праздничный торт. Разрежут на сочные ломти созданный из крема камин, подденут ножом марципаны и трюфели украшений, извлекут ванильную, пропитанную вином мякоть, и вновь обнажатся жесткие дубовые стены, тяжеловесная рабочая мебель, зеленая настольная лампа. Хозяин кабинета, во френче, с прокуренными усами, снимет телефонную трубку и тихо скажет: «Слушаю тебя, Лаврентий».

— Понимаю, ты устал. На то оно и есть — бремя власти. Сталин, который здесь когда-то работал, тоже уставал. Но до смерти нес свое бремя.

Есаулу показалось, что Сталин слышит его слова. Присутствует рядом, вот-вот прорвет бутафорию разукрашенных стен, шагнет в кабинет и встанет, сурово поглядывая на измельчавших политиков, промотавших великое наследство.

— Сталин не только сам утомился, но и всех остальных утомил. Поэтому, говорят, Никита его и убил. Чтобы дать отдохнуть народу. — Президент Порфирий потянулся за столом, так что нежно хрустнули сахарные хрящики. Было видно, что мысли его реют над сверкающими альпийскими склонами, по которым он несется по извилистой трассе, подымая чудесный солнечный вихрь.

— Народ, отдыхая, полстраны потерял. Еще поотдыхаем немного, и России конец.

Есаула мучило это нарочитое легкомыслие, которым Президент исключал всякое серьезное обсуждение, угадывая в соратнике глубинное клокочущее раздражение.

— Конец, не конец России, — пусть уж без меня разбираются. Я свое дело сделал. Второй срок доматываю, можно сказать, свержурочно. — Он легонько зевнул, похлопывая ладошкой по бледно-розовым губам.

Есаул увидел, как правее камина вздулась обитая парчой голубая стена. Сквозь лучистый шелк, продирая его с легким трес-

ком, в кабинет ступил Сталин. Остановился у стены — зеленоватый френч с костяными пуговицами, военные брюки, свободно заправленные в сапоги, густые рыжеватые волосы с желтоватой сединой на висках, небольшой крепкий кулак, сжимающий вишневую трубку, медленно подносящий ее к тяжелым вислым усам.

— Все эти министры, долги Парижскому клубу, отмороженные чеченцы, тонущие лодки, бунтующие пенсионеры,— хлебнул этого пойла, и хватит. Пусть кто-нибудь другой. Может, ты, Вася? Станешь членом «восьмерки».— Президент Порфирий шаловливо взглянул на друга, радуясь тому, что шуткой своей причиняет Есаулу страдание.

— Я был у посла Киршбоу. Надменный иудей дал понять, что Госдеп и эта черненькая болонка возражают против продления твоего президентства на третий срок. Надеюсь, мы сможем дать достойный ответ наглецам? Быть может, на время закроем воздушный коридор для их баз в Средней Азии? Пусть гоняют свои «Геркулесы» через Пакистан.

— Это решение Госдепа, мой друг, подкрепляется всей мощью американской цивилизации, которая, увы, давно оттеснила нас на периферию мировой политики.— Президент Порфирий стал серьезен, лицо его заострилось, он стал странно похож на креветку с оттопыренными губами и выпуклыми водянистыми глазками. На лбу, под белесой лысиной, образовалась морщинка.— Иногда мы можем позволить себе изображать великую державу, и американцы из великодушия позволяют нам это. Но наш подводный атомный флот давно ржавеет у пирсов. Мы лишились системы дальнего ракетного обнаружения. На прошлой неделе упал последний разведывательный спутник, и у нас больше нет космической группировки. Наши деньги лежат в их кошельке, а их агентура рыщет по нашим министерствам и телестудиям. Придется подчиниться, мой друг.

Сталин отошел от стены, стоял у камина, насупил брови и слушал. Одновременно втягивал воздух в трубку, раздувая в вишневой чашечке малиновый уголь. Выдыхал синий дым. Есаул чувствовал дуновение забытого, старомодного табака. То был дым былого, испепеленного отечества.

— У тебя всегда была воля к власти. Ты был воплощением нищезанятости. Твоя воля привлекала народ. Люди, устав от безволия, обожали тебя не за результаты власти, а за волю к ней. Ты был воплощением русской державной воли, а она сильнее дивизий и ракетных лодок.

— Воля к власти уступила место воле к свободе, мой друг. Властью искушал Христа Сатана. Свободу Христос проповедовал с кровли храма.— Президент Порфирий легко воспроизвел интонацию задумчивого богослова. Затуманил взор, прозревая глубинные сущности бытия.— Я решил уйти, мой друг.

— Но ведь все полетит к черту! Вся громадная государственная работа! Все, к чему ты нас призывал! Недостроенное здание рухнет!

— Но так ли мы строили? Все ли камни клали на место? — Теперь Президент был исполнен мягкой печали, сознавая тщету земных устроений, когда затеянное вопреки Божьему промыслу дело, подобно столпу Вавилонскому, обречено на крушение.— Не на песке ли мы строили?

— Ты говорил, что мы восстановим порушенную державу! Соберем утерянные пространства! Встанем железной пятой на западных и восточных границах! Накажем жалких карликов в Прибалтике и на Кавказе! Ты позвал нас на великое дело, и мы поверили тебе и пришли!

— Ты говоришь — «порушенная держава».— Президент Порфирий меланхолично, со скучающим видом посмотрел в окно, где золотились мятые купола Успенского собора, и в узорных крестах путалась летучая стая галок.— Но элита не думает о мифической державе, а с радостью предается утехам на Лазурном берегу и Сейшелах. Ты говоришь — «утерянные пространства». Но эти пространства все более и более желтеют, одеваясь в цвет китайской империи. «Народ» и «великое строительство»? Но народ, как таковой, исчез, пьет, словно перед концом света, вешается на каждом суку, кидается в первую попавшуюся прорубь. «Железная пята на границах»? Генералы все воры, продают противнику танки и оружейные установки, и я жду, когда же они, наконец, продадут Бен Ладану атомную бомбу. В культуре навсегда засели гомосексуалисты, в науке царят экстрасенсы, промышленность производит игральные автоматы и рулетки для казино. Извини, но я не хочу, чтобы во время моего третьего срока взорвались разом все канализационные трубы России и меня забрызгало дерьмом в моем кабинете. Уж лучше я буду в это время купаться на коралловом рифе. А ты, если хочешь, восстанавливай на здоровье русскую канализацию!

Президент Порфирий счастливо засмеялся, обнажив белые зубки молодого хорька.

Сталин устало слушал, грыз мундштук, выпуская из усов кольца синего дыма. Одно колечко, не размыкаясь, перелетело кабинета и встало над головой Президента Порфирия, как прозрачный нимб, отмечая его загадочным символом.

Есаул чувствовал, как взбухает под лобной костью сокровенный глаз, протачивая непрозрачную материю всевидящим зрением. Сидящий перед ним изящный человек, которого он почитал другом, идейным вождем, «магистром тайного ордена», был предатель. Весь лучился предательством, как ночной болотный цветок. Его тонкие кости, хрупкие жилы, утонченные сосуды были пропитаны вероломством. Контуры его были размыты, словно яды выступали наружу, и вокруг шла реакция едва заметного тления.

Есаул подумал, что это предательство коренится в природе госбезопасности, из которой вышел Президент Порфирий, — той лукавой вероломной структуры, откуда выползли черви обмана, личинки гниения, гусеницы ненасытной алчности, источившие великое государство. Президент Порфирий был из того клубка — крохотный червячок, проскользнувший в тектонические разломы эпохи. Теперь он вырос, нагулял плоть, с блестящей головкой, в сочных золотых колечках, с перламутровым отливом на скользких боках, но все тот же червь КГБ, пропитанный трупным ядом изглоданного государства.

— Я знаю, черная леди Госдепа обещала тебе индульгенцию за все грехи твоего правления. Ты подпишешь договор о контроле над русскими ядерными объектами. Пустишь американских морпехов к ракетным шахтам и ядерным станциям. И за это тебе гарантируют безопасность, членство в «клубе бывших президентов», сохранность вкладов в офшорных банках Кипра и Каймановых островов, которые, как мне известно, приближаются к тридцати миллиардам долларов. А о нас ты подумал? Отдашь нас в руки «гаагского правосудия»?

— Ты зря упрекаешь меня офшорными банками, — с тихой укоризной возразил Президент Порфирий. — Ведь и вы получили свое. Не стану перечислять вашу недвижимость в Англии и Испании, ваши виллы на Рублево-Успенском, пакеты акций в «Газпроме», участие в торговле оружием, доли в нефтяных компаниях, включая и тех, что были отобраны у дурных олигархов. Я позвал вас во власть, когда вы были всеми забытые, обшарпанные отставные полковники ГРУ, а теперь вы одни из самых богатых людей России. Вам не на что роптать.

Печальная улыбка и грустное выражение влажных выпуклых глаз искусно скрывали веселое превосходство и беспощадность намерений. В этой небольшой, освещенной солнцем голове, словно выточенной из горного хрусталя, уже созрело решение. Оно будет высказано в форме деликатного признания, за которым последует молниеносное действие. Так наносят удар кинжалом, завернутым в струящийся шелк. Глаза еще любят чудесной благоухающей тканью, а сердце уже дрожит, пробитое клинком.

— После того как я уйду из Кремля, вы можете выбирать. Либо остаться со следующим Президентом, коим станет господин Куприянов. Либо продолжить свой бизнес в качестве частных лиц. Или, если угодно, уехать за границу и жить как рантье, в свое удовольствие. Ты должен понять, Василий, я — не ваш заложник. Не хочу, чтобы во время третьего срока террористы захватили Калининскую АЭС и диктовали мне условия. Или восстал обезумевший народ, и мне пришлось бросать на него войска или тайно бежать из Кремля.

Есаул опустил коричневые веки, чтобы собеседник не угадал в глубине сумрачных глаз бешеные искры ненависти. Но во лбу, выдавливаясь меж бровей, как выпуклое яйцо, взбухало потаенное око. Раскаленные лучи вырывались из костной глазницы и пронзали предателя. Тот начинал двоиться, терял очертания, оплывал, как воск. Ввергался в череду превращений, словно вращалось кармическое колесо сансары, и обнаруживались сущности прежних жизней Президента Порфирия.

Маленький злобный хищник, похожий на красноглазую крысу, вскакивал на спину ленивого динозавра, грыз сочное, брызгающее мясо. Нарядный полосатый жучок, похожий на драгоценную брошь, вылезал из туловища гигантского гниющего кита, чья туша взбухла на отмели. Евнух в гареме султана, среди изразцов и узоров, с тучным животом, бабьей грудью, поливал из ковши обнаженную девочку, ее смуглые плечи, острые грудки, стыдливо сжатые ноги, улыбался вожаделенной улыбкой, вел пленницу в опочивальню султана. Сухой перезрелый стручок на ветке африканской акации, под которой дремал утомленный лев, растворялся, семена просыпались на спящего зверя. Мать Евы Браун с любовными стонами обнимала мужчину, кусала его усы, раздирала ногтями лопатки любовника, чувствуя, как вторгается в нее горячая лава, клокочет в дрожащем лоне. Старый слепой налим в гниющем омуте с заржавелым крючком в губе и обломком

медной блесны. Зеленая невесомая тля, ползущая по волосатой руке Каина, когда тот с топором подкрадывался к спящему Авелю. Папа Сикст, шестипалый, в тяжелой серебряной парче, искушаемый страшным соблазном, с нимбом над головой, похожим на колечко табачного дыма. Зеленоглазая стрекоза с голубым изогнутым телом, пожирающая крылатого муравья на опушке леса под Суздалем. Истошно кричащая нянька, на глазах которой убийцы ножами режут царевича у царских палат в Угличе. Танцовщица «Фоли Берже», поправляющая кружева на гибкой ноге, позирующая художнику Дега. Крохотная вошка, притаившаяся в душной шерсти верблюда, вяло бредущего через красные пески пустыни Регистан.

Колесо сансары крутилось, как огромная карусель, пронося перед глазами Есаула странные образы — бывшие воплощения Президента Порфирия.

Есаул прыгнул на карусель, и его понесло в иное пространство и время.

Он снова висел под сосновой балкой во дворе афганского кишлака, подвешенный на жесткой веревке. В гончарной стене голубел изразец. За стеной раздавался перезвон колокольчиков — в кишлак входил караван, над изгородью плыли губастые верблюжьи головы. Его голое тело пузырилось, обожженное солнцем. На ребре, как от удара копья, кровенела рана, которую сосали мухи. Под голыми ступнями темнела высыхающая лужа мочи. Голова гудела от ушибов, от солнечного перегрева, от безумных мыслей. Сквозь слезы, сквозь колючее, проникавшее под ресницы солнце, из пыльного света и горячечного бреда возникало видение — ангел великанских размеров. Его сияющие, выточенные из драгоценного камня ноги. Плающее, цвета пурпура покрывало. Уходящая в раскаленную высь голова, в которой нестерпимо сверкали глаза, шевелились громогласные губы. Ангел воздел могучую руку, наставил на него указующий перст. В гуле небес звучало вещее предсказание: «Это ты!», и у Есаула закладывало уши от слов, подобных изверженью вулкана.

— Ты думаешь, мне легко далось это решение? — Президент Порфирий покинул кресло и ходил по кабинету, вернув Есаула из галлюциногенного мира. — Я провел в раздумьях не одну бессонную ночь. Попытался попасть на Афон, спросить совета у афонских старцев, но разыгралась буря и не пустила меня на остров. Хотел испросить благословения у святого старца, отца Николая Гурья-

нова, что жил на псковском острове Залит, но и там, когда я поплыл на катере, случился непроглядный туман, и остров скрылся из глаз. Я понял, что надо смириться. Мы с тобой делали, что могли, но нельзя победить фатум истории. Русское царство пало теперь раз и навсегда. Мы переносим свою историю на небо, где жизнью вечной живут наши праведники, полководцы, великие духовидцы и созидатели. Там продолжится небесная история России, а здесь, на земле, будет конец и распад. Нельзя связывать себя с распадом и разложением.

Президент Порфирий энергично ходил, изображая трагическое волнение. Есаул чувствовал его лицедейство. Было странно, что он не замечает стоящего у камина Сталина.

— Ты позвал нас для великого дела,— глухо произнес Есаул, с трудом возвращаясь из мира галлюцинаций.— Мы, твои соратники, пришли в Кремль не за деньгами, не ради акций «Газпрома» или доли в «Сибнефти». Мы пришли ради русской идеи, как мы ее понимали, и как ты ее нам изложил. Теперь ты нас предал. Думаешь, мы с этим смиримся?

— Я вас не предал, мой друг. Просто завершилась история, и я умываю руки. И не надо грозить. ГКЧП невозможен. Если дернетесь, вас сметут.— Холодная беспощадность звучала в словах Президента Порфирия.

Сдерживая трясение в скулах, пробежавший по телу озноб, Есаул почувствовал, что может убить Президента. Сжать коричневой костяной пятерней его голое цыплячье горло, чтобы хрустнул и провалился в глубину кадычок. Опустить железный кулак на белесое беззащитное темечко, чтобы хрустнула скорлупка, и вытекли водянистые рыбы глазки.

— Ты втянул нас в дело, в которое никогда не верил! Уедешь в Альпы и будешь кататься на лыжах, а меня в наручниках спецрейсом доставят в Гаагу. Потому что я своими руками, выполняя твои тайные поручения, наводил порядок в разоренной Ельциным России. Я создавал чеченский батальон «Восток», направляя его на «зачистки», после которых «без вести пропало» триста чеченцев и перестали действовать пятнадцать отрядов отъявленных боевиков. Я лично руководил операцией по захвату Масхадова, а потом приказал его расстрелять в подвале и подбросить в бункер, чтобы он на суде не разгласил тайну ваших с ним переговоров. Я придумал институт «спецпредставителей Президента», положивших предел оголтелому сепаратизму татар, якутов,

башкир, ингушей. Я убедил тебя отказаться от выборов губернаторов, этих алчных и продажных бояр, торгующих из-под полы территориями. Я приструнил беспардонных телевизионных шавок, закрыв сначала ядовитые «Итоги», а потом и «Свободу слова». Я инициировал разорение ЮКОСа и арест его руководителей, а когда шел суд, лично вызвал судью и потребовал жесткого приговора. Я организовал устранение американца Хлебникова, этого проныры, который переселился в Москву и затеял издание «Форбса» с одной только целью — разнюхать реквизиты твоих офшорных фирм. Это я задумал монетизацию льгот, чтобы стряхнуть непосильное бюджетное бремя, которым пользовались воры и прохвосты. Я продавливал финансирование армии и флота, выбивая деньги у твоих петербургских выкормышей. Я взял на себя «выстрел» в Беслане, который положил начало ужасному штурму и привел к гибели трехсот детей. Я создал для тебя идеологию новой империи, убедил принять текст и мелодию нового гимна. Я все это сделал ради благополучия Родины, и с этим ты передаешь меня в гаагское судилище, где готовы судить патриотов любой из стран мира, выступающих против оккупации. И это называется «умыть руки»?

Есаул испытал одуряющую немощь. Силы истаяли в мышцах, ноги не держали. Рассудок, охваченный паникой, был вместилищем хаотичных мыслей, среди которых одна побуждала убить, другая — бежать и скрыться, третья — изнемочь и рухнуть прямо тут, посреди роскошного кабинета. Обморочно, шатаясь, он двинулся туда, где у окна находился Президент Порфирий.

На его пути возник Сталин. Остановил его могучей силой, невидимым магнетизмом, от которого у Есаула оцепенели ноги, и он замер, натолкнувшись на прозрачную стену. Сталин медленно поднял усталые веки, и глаза, полные глубинного света и таинственных переливов, устремились на Есаула. В них была божественная пронизательность, достигавшая таких глубин в душе Есаула, до которых не погружался он сам. Сталин поднес к губам трубку. Сделал долгий, глубокий вдох. Отвел трубку в сторону. Направил в Есаула струю металлического, горячего дыма. Струя вонзилась в переносицу, проникла в глубинный глаз. Сквозь потаенное око омыла разум, наполнив дух холодным разумением и незыблемой волей. Окатила сердце, превратив в железный шар. Распространилась во все углы недвижимого тела, пропитав стальной уверенностью, прозорливостью, негасимой страстью, где были неразли-

чимы ненависть и любовь, а дышала мессианская вера и молитвенное служение. Казалось, Сталин с серебристо-синей струей табачного дыма переселился в Есаула, обрел в нем новое существование. Есаул ощутил присутствие в себе громадной воли, тяжкого бремени, огненного небывалого счастья.

Отошел, изумляясь своему чудесному преображению.

Президент Порфирий шагнул от окна, начиная говорить: «Видишь ли, Василий, есть только видимость власти...» В своем движении по кабинету натолкнулся на Сталина. Замер, не понимая, какая безымянная сила удерживает его на месте. Сталин поднес к губам трубку. Сделал короткий вдох, за которым последовал слабый выдох. Клуб дыма окутал лицо Президента Порфирия. Тот замахал руками, стал смешно и тонко чихать, как чихает кошка, которой шутник хозяин выпускает в нос дым сигареты.

— Откуда эта аллергия! — говорил он, обмахиваясь батистовым платком. — Надо скорее в Альпы, на чистый воздух хребтов. Впрочем, мой альпийский отпуск будет недолог. Я приглашен в свадебное путешествие Луизы Кипчак и ее жениха Франца Мэлютки. Говорят, на теплоходе они проплывут из Москвы в Петербург. Ты же знаешь, Луиза Кипчак — моя духовная дочь. Я чту память о ее покойном отце, который был для меня благодетелем. Кстати, Вася, и тебе не мешает поехать. Там будет Куприянов, который, кажется, уже готовит инаугурационную речь. На воде, среди непринужденных бесед, вы сможете выяснить отношения.

— Ты прав, я подумаю, — отозвался Есаул. Он был спокоен и тверд. Еще не знал, как ответит на предательство, но уже провидел возмездие, которое сияло, как прозрачный кристалл льда под негаснущим полярным солнцем.

Они стояли у открытого окна, любуясь Кремлем. В полупрозрачных резных крестах на куполах соборов, кустистых и нарядных, как золотые заросли, летали вороны и галки. Будто чайники кружились в водоворотях синего воздуха, ныряли, пропадая в лучах.

Эти многочисленные обитатели кремлевских бойниц и башен доставляли массу хлопот хранителям кремлевских соборов. Птицы, упиваясь сиянием золота, склеивали с куполов драгоценные частицы, уносили в свои деревянные, из прутьев и веток, гнезда, выкладывали золотом неприхотливые жилища, превращая их в царские чертоги. После них на куполах оставались белесые метины, седые потеки, что сказывалось на торжествен-

ном благолепии храмов. Поэтому комендант Кремля, с разрешения Президента Порфирия, раз в неделю устраивал избиение назойливых птиц.

Вот и сейчас десяток стрелков Кремлевского полка в парадных мундирах, с ружьями, в разных концах площади были заняты отстрелом птиц. Вскидывали стволы. Грохали выстрелы, брызгали желтые струи огня. Подстреленные птицы рушились из синевы, срезанные дробью. Грай испуганно носился над Кремлем, метался среди крестов, а из него меткие выстрелы вырывали то одну, то другую птицу. Кремль сиял, белоснежно сверкал, окропленный вороньей кровью.

— Ловко стреляют! — Президент Порфирий восхищенно следил за потехой, отмечал возгласами каждое удачное попадание. — Я сам выбирал стрелков. Среди них есть снайперы, прошедшие Чечню. Есть Герой России, застреливший Гелаева. Когда я был в гостях у Президента Буша на его ранчо в Техасе, мы забавлялись тем, что стреляли из пневматических ружей в больших голубых лягушек в искусственном водоеме. Когда он приедет в Москву, я дам ему ружье, и он примет участие в нашей забаве.

Близко, под окном грохнул выстрел. Из пустоты, ударяясь о жестяной карниз, рухнула подстреленная ворона. Трепетала на листе железа — ком окровавленных перьев, перебитая белая кость, липкая гуща. Из раскрытого клюва вырывалось жуткое шипенье. В голове, умирая, светился ненавистью и болью огненный птичий глаз. Президент Порфирий отшатнулся. Затворил окно, глядя сквозь стекло на изуродованную птицу. Это был знак свыше. Посланная с неба черная метка, обрызганная рубиновым соком.

Есаул оглянулся. Сталина в кабинете не было. Только таяло у камина сиреневое облачко дыма.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наступила суббота. Есаул, пребывая в тяжелом раздумье, отправился в Рублевско-Успенский оазис, где на даче у генерального прокурора Грустинова собирался «узкий государев круг». Союз приближенных соратников, «рыцарский орден», имевший обыкновение в конце недели, вдали от людных приемных, рабочих кабинетов, нервных встреч и телефонных звонков, встречаться на природе и свободно обмениваться мнениями по поводу важней-

ших государственных дел. Глядя сквозь сетчатую шторку «Мерседеса» на мелькание красных сосен, дымчатых хвойных крон, на верноподданных постовых, элегантно отдававших честь, Есаул пытался совместить множество элементов, из которых мучительно возникал сложный проект — ответ на трагедию, вызванную предательством Президента Порфирия. Но замыслу не хватало гравитации, отсутствовал скрепляющий принцип. Собранные элементы складывались в стройную фигуру, которая мгновение держалась в сознании, переливаясь драгоценными гранями, а потом начинала рассыпаться, рушилась, как огромное кристаллическое здание, пронзенное «Боингом», превращалась в дым.

Усадьба прокурора Грустинова помещалась в чудесном уголке на берегу Москвы-реки. Включала в себя участок заповедного леса, главной ценностью которого был пятисотлетний дуб. Он поражал грандиозностью, каменистым, в буграх и дуплах стволом, черными, как застывшая лава, ветвями и необъятной кроной, полной желудей, соек, сизоворонок, малиновок, дятлов, дроздов и белок. Этот дуб был внесен в каталог ЮНЕСКО под названием «Богатырский», ибо, по преданию, под ним отдыхал Илья Муромец после того, как скрутил и посадил в мешок Соловья-разбойника, свившего гнездо в ветвях того же дуба. Другое предание связывало заповедный дуб с Кудеяром-разбойником и несметной казной, зарытой в корнях. Третье предание утверждало, что под этим дубом лишилась невинности греческая царевна Софья Палеолог, когда ее привезли венчаться в Москву с великим князем Иваном Третьим. Было много других преданий, что и заставило прокурора Грустинова включить священное дерево в территорию своего участка, дабы уберечь национальную святыню от бездумных посягателей.

Есаул застал соратников сидящими за дощатым столом, в продуваемом ветром бунгало. Они поедали вкусное мясо громадного кабана, туша которого вращалась на вертеле среди дыма и багровых углей. Искусные повара махали опахалами, раздувая угли, опрыскивали вспыхивающее пламя водой, мягко вращали тушу, насаженную на железный шкворень. Другие длинными ножами отрезали ломти смуглого благоухающего мяса, несли на тарелках к столу. Царственный дуб бросал на зеленый газон просторную круглую тень, был полон голубого дыма, вспыхивал в черной листве колючим солнцем. Появление Есаула не нарушило трапезы, лишь внесло в нее оживление.

— Садись, Вася, закажи любую часть кабана, по вкусу, — усаживал гостя прокурор Грустинов, возбужденный сладким дымом жаровни и зрелищем могучего, рассеченного надвое зверя...

Прокурор был тучен, носил за спиной, на животе, на груди комья жирного мяса. Крохотные синие глазки шаловливо блестели среди складок розового лица. — А мы тут, знаешь, состязаемся, кто лучше предание про дуб расскажет. Я их запишу, отнесу в краеведческий музей, чтобы детки знали. Ну, кто у нас на очереди?

Взгляд его упал на спикера Государственной думы Грязнова. Серое железистое лицо, ямы щек, вислые, неопределенного цвета усы, сдавленные виски, — казалось, голова Грязнова побывала в слесарных тисках, где ее обрабатывали грубым напильником. Чмокая, он поедая кабаньей мозг, извлеченный из звериного черепа, отрезал аккуратные ломтики от складчатой массы, подносил на вилке к усам.

— Ну что вам сказать, господа? Предание таково. Иван Грозный охотился в этих местах. Раз, на охоте, проезжая мимо дуба, застал под ним своего сына Ивана, который задрал юбку молодой монашке и воткнул ей свой... ну как это по-татарски? — ял-дак! А эта монашка была любимой наложницей Грозного царя. Тот сделал вид, что ничего не заметил. Вернулся в Москву, велел выстругать посох из ветки этого дуба, оковать железом. Когда сын Иван вошел в его палаты, царь вскочил и гневно крикнул: «Умри от дуба сего!» И убил сына. Вот такое, стало быть, предание. — Грязнов обвел собравшихся мутными глазами, в которых на мгновение расступился донный ил, и проглянуло осмысленное выражение. После чего с прежней старательностью стал поедать кабаньей мозг.

— Кто следующий? — воззвал прокурор Грустинов, чиркая в блокноте маленькой золотой ручкой. — Даешь предания!

Следующим был министр экономики и развития Круцефикс. Небольшой, с неуверенными жестами, волосатым комочком бородки, волнистой шелковой шевелюрой, он отличался болезненной женственностью, которая проявлялась в странном жеманстве, с каким он поглядывал на свою тарелку. На тарелке красовался выпученный запеченный кабаньей глаз — желтоватый белок, черный зрак, окруженный белесыми человеческими ресницами. Круцефикс прилаживался ножичком, норовя отрезать кусок глаза. Не решался, бессильно опускал руки.

— Предание, как оно бытует в окрестных деревнях, следующее. Петр Первый проезжал в карете мимо сего дуба. Залюбовал-

ся на могучее дерево и воскликнул: «Срубить его на постройку российского флота, коим будем теснить шведа на Балтике!» А из дупла голос: «Не руби, царь, заветное дерево. Где же нам тогда хороводы водить?» Царь заглянул в дупло, а там сидит пастушка, красная девица, ох как собой хороша. Царь ценил красоту, тут же красавицу на траве под дубом оприходовал. Пастушка через положенное время родила сына, которому царь дал имя — Дубровский и произвел в дворяне. Быть может, герой пушкинской повести — прямой царский потомок? — Кружефикс болезненно улыбался, оглядывая товарищей. Снова взял ножик, зажмурившись, разрезал надвое кабаний глаз, и тот распался, как крутое яйцо.

— Отличное предание.— Прокурор колыхал розовым жиром щек, делал пометки в блокноте.— Следующий!

Был черед говорить телевизионному магнату Попичу. Маленький, большеголовый и нервный, он во всем усматривал тайный подвох. Это делало его надменным, заставляло держать голову с хохолком высоко поднятой, произносить слова с пренебрежением к собеседнику. Высоко поднятыми были и его каблуки, что придавало некоторую неустойчивость походке, а значит, и характеру, подверженному вспышкам неоправданного раздражения. Он отложил нож, которым резал изогнутый кабаний язык, похожий на ятаган. Язык был шершавый, с желобом, в котором, казалось, еще держался предсмертный звериный рык.

— Предание? Вечно ты со своими прокурорскими выдумками! Ну, хорошо, слушайте. Ехала Екатерина Великая из Петербурга в Крым. Проезжала мимо дуба, и напала на нее похоть. А она, надо вам сказать, не умела ждать. Если приспичит, подавай мужика. Потемкина не было рядом, он вперед укакал строить вдоль дороги деревни. Разумовский ждал ее в Запорожской Сечи с казаками. А был только кучер кареты. Она говорит ему: «Давай развешивай кушак, иди ко мне в карету». — «Барыня императрица, нездоров я. С утра карету поднимал, кила выпала». — «Ступай, говори, а не то велю в Сибирь сослать». Нечего делать, кучер вошел к ней в карету, и она так разохотилась, что пошли они по третьему и по четвертому кругу, покуда кучер не помер. Императрица привела кринолин в порядок и сказала: «Дал дуба». С тех пор это крылатое выражение привилось в народе.

— Ну, ты даешь, Попич,— хохотал прокурор, водя золотой ручечкой.— Ну-ка давайте дальше по кругу!

На приглашение откликнулся министр обороны Дезодорантов, щегольского вида, с бровями вразлет, с легкой асимметрией

аристократического лица. Одна рука у него была короче другой, талию стягивал корсет, рядом стояла тросточка — спутник хромоты. Баловень успеха, сластена, искусный танцор и ценитель классической музыки, он всегда во время артиллерийских стрельб затыкал уши разноцветной ваткой, чтобы не повредить чуткий к бельканто слух. Сейчас он исследовал огромный, белесого цвета кабаньих семенник, лежащий перед ним на тарелке. Гурман и эстет, он не торопился разрушать ножом уникальное произведение природы.

— Предание, мои друзья, таково,— с легким грассе произнес он.— Стало быть, наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин прогуливался в дубраве, сочиняя одну из своих изумительных сказок. Приближаясь к дубу, он заметил дремлющую под ним барышню-крестьянку. Дивной красоты молодые, дышащие во сне ланиты. На целомудренной вые золотая цепочка. Поэт был по-африкански горяч. Осторожно снял с барышни золотую цепочку, повесил на сучок. Желая разбудить красавицу, тихо мяукнул. На его нежное «мяу» барышня откликнулась своим. Поэт овладел ею во сне. Вот так в «Руслане и Людмиле» появилась в зашифрованном виде эта любовная история: «Дуб зеленый, златая цепь на дубе том, и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...» — Дезодорантов мило улыбнулся и погрузил нож в перевитый жилами семенник.

— Ну ладно, теперь моя очередь.— Прокурор Грустинов отложил золотую ручку, воззрился на тарелку, где в черной крови круглилось огромное, как валун, кабанье сердце. В нем запеклась рваная рана — след тесака, прервавшего звериную жизнь.— Значит, так. Один деревенский силач по имени Иван, лежа под дубом, поднял на своем члене двухпудовую гирию. Это и был русский богатырь Иван Поддубный.— Прокурор захохотал, схватил кабанье сердце крепкими пальцами и стал поедать, роняя на тарелку кровавые капли.

Есаул слушал их дурацкие речи, простительные после недельных трудов, когда они стоически и верно несли непосильный груз государства, в служении которому поклялись. Им доверил свою тайную мечту о возрождении великой России Президент Порфирий. Наполнил их жизни грандиозными деяниями, смертельным риском. Возвысил над алчной и бездарной толпой чиновников, поручив «государево дело». Вероломно бросил среди незавершенных начинаний. Есаул, охваченный смятением, старался отыскать одно-единственное, среди множества ложных, ре-

шение, которое положит предел предательству. Выстраивал одну за другой великолепные конструкции, сияющие небоскребы, отточенные филигранные башни. Но прилетал очередной «Боинг», протыкал драгоценный кристалл, и конструкция осыпалась множеством пыльных осколков.

Как всегда в моменты высшей опасности, он доверялся не логике, не причинно-следственной обусловленности, а своей звериной интуиции. Закрывал суровые, с волчьей искрой глаза, разверзал потаенное око во лбу, начинавшее заглядывать в сокровенную глубь явлений. Вот и теперь, под смех соратников и стеклянный звон рюмок, чувствовал, как в костной глазнице накаляется, накапливает энергию рубиновый лазер, посылает в пространство пучки лучей, и те, облетев неведомые миры, приносили загадочные отражения.

Есаул грезил, вылавливая образы из таинственных океанов, надеясь среди случайного улова обнаружить драгоценный сосуд.

Между тем восседавшие в застолье обсуждали события минувшей недели, занимавшие их политические умы.

— Все-таки не понимаю намерений Аркадия Трофимовича Куприянова,— рассуждал прокурор Грустинов, отирая расшитым полотенцем жирные блестящие губы.— Ведь знает, стервец, что на крючке. Его партийная кличка «Аркаша — два процента» имеет подтверждение в наших оперативных материалах. Он, стервец, находясь в правительстве, аккуратненько отрезал себе дольку от любой правительственной программы. Строим детский кардиологический центр — два процентика от детишек себе. Строим скоростную железную дорогу — два процентика не достроили, потому что Аркаша слизнул. Финансируем сельское хозяйство — пяток крупных хозяйств разорилось, а у Аркаши на счетах еще десять миллионов. Если падают вертолеты, сходят с рельсов поезда, взрываются подстанции — это значит, Аркаша богатеет. Неужели дурачок не понимает, что прокуратуре известны все его счета на Кипре, все виллы на Лазурном берегу, все подмосковные дачи. А все равно, стервец, лезет в президенты. Надо его хорошенько пугнуть! Хоть бы дачкой в Троице-Лыково!

Теперь на тарелке прокурора вместо съеденного кабаньего сердца лежала нога зверя, жареная, в румяной корке, с коричневым копытом, в котором запеклась смуглая кровь. Прокурор поглядывал на эту ногу, прицеливаясь, с какой бы стороны за нее ухватиться.

— Чему удивляешься? — нервно, с возмущением воскликнул экспансивный Попич.— Если он идет в Президенты, значит, получил агреман американцев. Что ты с ним сделаешь? Посадишь, как Ходорковского? Да он после этого точно в Президенты пройдет. Наш народец сердобольный, любит мучеников. Аркаша из «Матросской Тишины» прямо в Кремль прыгнет. Нет, дорогой мой, тут надо действовать тоньше. У меня в «Останкине» есть пленочка, можно сказать заветная. На ней Аркадий Трофимович во время фуршета снят. Такой импозантный, красавец, осанка царственная, в руке бокал с шампанским в золотых пузырьках. А ширинка растегнута. Мой оператор Шмультрихтер, замечательный мастер, эту ширинку снимал и слева, и справа, и наездом, и почти что внутрь заглянул. Показать по центральному телевидению — вся страна хохотать будет. После такого Президентами не становятся, а идут в программу «Аншлаг»!

Попич с хохочущими глазами надменно оглядывал товарищей, демонстрируя свое над ними превосходство, понимание тонких технологий, важность политического театра, а не топорных методов прокуратуры. На его тарелке, где еще недавно красовался язык зверя, теперь завивался спиралькой симпатичный кабаний хвостик. Попич взял его опасно, словно это был зажатый червячок. Сунул в рот и хрустнул, прислушиваясь к нежному звуку и чудесному вкусовому ощущению.

— Куприянов — неблагодарная скотина, вот и все! — спикер Госдумы Грязнов сурово топорщил посыпанные железной пудрой усы.— Когда он был премьером, стелился перед Президентом. Меня умолял обеспечить в Думе его утверждение, клялся в вечной дружбе. Мы его дутые бюджеты протаскивали, от коммунистов отбивали, а он, скот, теперь подножку Президенту ставит. За такие дела молотком убивают или топят в бочке с дерьмом. Я подготовил законопроект, по которому запрещается финансирование выборных кампаний из зарубежных фондов. Пусть-ка теперь Аркашка не на американские денежки, на свои, наворованные избирается. Да он лучше удавится, чем копейку из кармана вынет. Конечно, этот угольный жулик Франц Малютка его поддерживает, на шахтерские деньги его кампанию финансирует. Ну да наши люди в ФСБ покажут, как Малютка отмывает денежки в зарубежных банках. Одна минутка, и нет Малютки.— Спикер выругался, похожий на рассерженного слесаря, весь в седой окалине, железных опилках, проволоочный, жестяной. Еще не успел распра-

виться с кабаньими мозгами, похожими на складчатый пластилин, а на тарелке у него появилось зажаренное свиное ухо, розово-золотое, треугольное, ломкое на вид, с непогасшим, сладко дымящим угольком.

— Все-таки Аркадий Трофимович — опытный экономист и управленец, — осторожно заметил Круцефикс, испытывавший тайную симпатию к Куприянову. — При нем наблюдался заметный экономический рост. У него отличные отношения с Добровольским, а значит, с крупным бизнесом. Может, попробовать отговорить его от безумной затеи? Пообещать ему снова роль премьера? — Но тут же, под суровыми взглядами товарищей, Круцефикс поспешил отказаться от сентиментальной затеи. — Нет, едва ли он остановится, если за ним американцы. Как нехорошо, как нечестно! А мы так ему доверяли! — Круцефикс, проглотивший запеченный кабаньей глаз, теперь осматривал новое лакомство — изогнутое желтоватое ребро, окруженное нежным, благоухающим мясом.

— Если уж, господа, говорить о настоящем пиаре, то расстегнутая ширинка Куприянова должна быть дополнена стратосферным, туго застегнутым костюмом нашего Президента. — Изящный в словах и жестах, слегка грациозный, министр обороны Дезодорантов вынул монокль и, играя солнечным зеркальцем, навел на присутствующих. — Я предлагаю поближе к выборам провести воздушный парад над Москвой, как во времена Сталина. Я подыму в воздух весь военно-воздушный флот России. Гигантская эскадра ракетноносцев, бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков с ревом пройдет над Красной площадью. В головном «стратеге» будет находиться наш замечательный Президент, и народ увидит, кто истинный хозяин страны, держатель русской земли и русского неба. — Он уронил монокль, повисший на золотой цепочке. Кабаньей семенник, перевитый упругой жилой, был съеден. Его сменила грудинка, смуглая сочная мышца в прожилках мраморного жира.

Есаул рассеянно слушал наивные речи сотоварищей, не оставляя мучительных попыток сочетать воедино множество разрозненных мыслей. Его мыслительный процесс напоминал усилия алхимика, который собрал в реторту десятки элементов — подвергал их нагреву, пропускал по змеевику булькающие растворы и газы, наблюдал, как вскипают разноцветные смеси, выпадают искрящиеся осадки. Но не было среди них драгоценного кри-

сталла, волшебного философского камня, способного претворять обыденные чувства и мысли в бесценное золото откровения.

Служитель в облачении тирольского охотника — замшевая безрукавка, кожаный ягдташ, шляпка с фазаньим пером — положил перед ним на тарелку кабаний пупок — жилистый пузырь, наполненный шипящим соком. В этом мускулистом отростке таилась скрытая мощь. Пуповина соединяла зверя с племенной стихией, свирепой энергией косматых существ, с яростью звериных боев и гонов. Съесть кабаний пупок означало соединить себя с бесконечной жизнью земли, с языческим первородством, прозорливостью первобытной души.

Тем временем из-за Москвы-реки, из лугов, из полуденного горячего блеска поднималась пышная туча. Ее края состояли из белоснежных пухлых шаров, раздувавшихся один из другого. В сердцевине копилась тьма, фиолетовая чернота, в которой, как в люльке, дремала гроза. Луга блестели от солнца, от бесчисленных цветов, мотыльков, разноцветных шмелей и мух, стеклянных стрекоз, а в туче собиралась студеная водяная сила, готовая погасить разноцветье луга. У края тучи, у белой сияющей кромки, парила семья ястребов, реяла в невесомых потоках.

— Василий, отчего ты не пьешь, не ешь? — окликнул его министр обороны Дезодорантов, озорно, по-гусарски вскинув золотистую бровь. — Солдат перед походом должен набить желудок.

Есаул не отозвался на замечание друга. Трапеза на дощатом столе, залитые жиром и кровью доски, падающие в фарфоровое блюдо кости напоминали поедание жертвенного животного — языческий пир под священным дубом, в стволе которого жил языческий бог, могучий Перун. Ему приносилась жертва, ему в угоду проливалась звериная кровь, ему посвящались возлияния и звон кубков. Божество внимало, спрятавшись в гигантский ствол, в черную сочную крону. Обнаруживало себя в мерном движении тучи, которая выкатывала в синеве громады белых шаров.

— Вася, присоединяйся к компании. — Прокурор поднял хрустальный стакан с водкой. — Тебе лучший кусок принесли. Ты у нас — пуп земли. Выпьем за нашего Президента!

Все потянули стаканы со сверкающей водкой. В момент, когда хрустали страстно ударились друг о друга, Есаул произнес:

— Президент Порфирий нас предал. Он отказывается идти на третий срок. В сговоре с американцами уступает свое место Куприянову. Нас ждут огромные потрясения. Может быть, гибель.

Все замерли с протянутыми руками, в которых сверкали радужные хрустальные вспышки. Напоминали скульптурную группу, фонтан застывших фигур, в руках которых влажно переливалось стеклянное солнце. Фигуры распались, не выпитые стаканы стукнули о доски стола.

— Ты с ума сошел, Вася! — трезвел прокурор Грустинов, выкатывая из жирных складок маленькие умные глазки, похожий на сердитого носорога. — Дурацкие это шутки!

— Я не шучу, — сказал Есаул. — В аппарате уже приготовлен текст, в котором Президент Порфирий объясняет народу, почему он не может остаться на третий срок. Уже состоялись две закрытые встречи Президента и Куприянова, где согласованы посты в будущем правительстве. Управделами Президента получило указание перестроить интерьер Ново-Огарева по эскизам Куприянова, на его вкус и манер. А главное, во время моей встречи с американским послом Киршбоу тот сообщил мнение на этот счет Госдепартамента. Президент Порфирий должен уйти, ему гарантируется иммунитет и участие в парapolитических организациях мира. Нам же иммунитет не обещан, а, напротив, с нас будут спрашивать за издержки восьмилетнего правления, и, возможно, будут спрашивать в Гааге.

Настала тишина столь глубокая, что были слышны тихие голоса поваров у жаровни, поскрипывание шкворня, на котором вращался кабан, шипенье падающего в огонь жира. Туча воздвигала в небе свои бело-синие башни. В ее глубине, в фиолетовой тьме что-то слабо дрожало и вспыхивало. Так в животе беременной великанши бьется слепой младенец. Часть далекого луга была в сверканье, переливалась зноем и блеском, очаровывала струящимся разноцветьем. А другая была в тени, замерла, словно на нее наступила громадная темная стопа. Дуб, окруженный теплой тенью, еще стеклянно сверкал, но в его могучей кроне наступило безмолвие, утихли дрозды и малиновки, перестали скакать дятлы и белки.

— Но тогда, если все это правда, надо бежать! Продавать недвижимость, переводить деньги в «Бэнк оф Нью-Йорк», жечь документы и немедленно уезжать! — панически воскликнул спикер Госдумы Грязнов, глядя на дворец с готическими шпилями, ампирами колоннами и мусульманскими минаретами — свидетельство архитектурных пристрастий прокурора Грустинова. Там стояли автомобили, прогуливались ленивые шоферы, и можно

было вскочить в «Мерседес» и мчаться в «Шереметьево» на ближайший рейс в Лондон. — Надо сваливать отсюда немедленно!

— Это абсурд, — остановил товарища крайне взволнованный Круцефикс. — Зачем бежать? Надо договориться с Куприяновым. Аркадий — разумный, взвешенный человек. Мы с ним работали. Он меня ценит. Не так-то много способных экономистов и управленцев, готовых работать в правительстве. Это не то, что сажать в тюрьму олигархов или отдавать приказы снести с лица земли очередной чеченский аул.

Круцефикс язвительно взглянул на Есаула, чуть отсаживаясь от него. Провел между ним и собой черту, помещая себя в безопасную зону, куда не было хода Есаулу.

— Друзья, умоляю, не надо впадать в панику! — Министр обороны был бледен как полотно. Он силился сохранить единство «священного ордена», который стремительно распадался. — Надо упрашивать Президента остаться. Надо организовать общественность. Обратимся к Патриарху. Пусть граждане пишут письма. Все партии, все сословия, деловое сообщество, армия, губернаторы. Пусть направят делегации. Помните, когда Иван Грозный затворился в Александровской слободе и грозил отречься от царства, народ шел к нему из Москвы, полз на коленях, умолял вернуться?

— Чушь! Не те времена! — Прокурор Грустинов затравленно мигал звериными глазками. — Все эти твои сословия сдадут нас первыми. Повяжут и приведут к Куприянову. «Вот, мол, батюшка, главные виновники всех несчастий. Их бери, а нас пощади!» Надо немедленно вводить чрезвычайное положение. Президент уходит, и ради бога! Пусть случится какой-нибудь взрыв, Московский университет взлетит на небо или самолет с чеченцами врежется в Кремль. Под этим соусом — чрезвычайное положение. Мы остаемся у власти как Временный Национальный совет, до выборов. А потом президентом делаем Есаула!

— Еще один ГКЧП? Танец маленьких лебедей? Увольте! У вас не получится «оранжевой революции». Вы не владеете технологиями! Современные революции совершаются с помощью СМИ, а не танков. У меня, например, в телевизионном архиве есть компромат на Президента Порфирия, который очень понравится Аркадию Трофимовичу Куприянову. Почтище «девочек прокурора Скуратова». Как Президент Порфирий развлекается со своей маленькой пони Типпи. Да и на других есть компромат. — Попич

торжествующе посмотрел на собравшихся, презрительно улыбаясь, давая понять, кто из всех самый влиятельный, грозный, незаменимый.

— Вы все будете уничтожены,— тихо произнес Есаул, не глядя на соратников.— Одних из нас просто убьют, других с позором препроводят в тюрьму, доставив самолетами из Англии или Швейцарии. По моим сведениям, в «Матросской Тишине» уже приготовлены свежие камеры.

Опять воцарилась тишина. Померкло солнце. Туча огромно и фиолетово встала над головами, с расплавленной кромкой, из-за которой пышно излетали лучи. Луг, и зеленый газон усадьбы, и крона дуба были в тени. Темная стопа нависла над застольем и была готова расплющить. Ветер упал с высоты в дуб, шумно распушил листву, и, казалось, в крону свалился невидимый камень, утонул в черной глубине.

Есаул томился, не в силах синтезировать распадавшийся мир. Уповал на тучу, похожую на брюхатую великаншу, в чьем огромном животе содрогался младенец. Тайной языческой молитвой взывал к дубу, в чьем громадном стволе таился Перун. Взирает на кабаньих пупок, вместилище звериных энергий. Ждал откровения, в котором обнаружится истинное устройство мира, сойдутся все лучи, все частицы, все разрозненные элементы.

Воздух чуть слышно потрескивал, пронизанный электричеством. Молекулы слабо светились, словно крохотные шаровые молнии. Ударялись в лицо Есаула, бесшумно взрывались, вонзая микроскопические иголки. Потаенное око страдало в костяной глазнице, было повернуто внутрь, переполненное видениями.

«Спарка» Су-25 летит над пустыней Регистан — красное безбрежное пекло с круглыми куполами барханов. Бусины каравана — зыбкая вереница верблюдов, волнистая строчка следов. Самолет в боевом развороте пикирует на караван — рыжие взрывы бомб, красно-белая пыль. Распластанные верблюды плоско лежат на песке, раненый зверь, выбрасывая длинные ноги, безумно бежит по пустыне. Стекланный удар в самолет, срезанная плоскость крыла, убитый окровавленный летчик. Толчок катапульты, отлетающий крест самолета, паренье в прохладном воздухе под пузырящимся белым шатром. Паденье в горячий песок, в стороне догорают обломки машины, черная копоть в небе. Он бредет по пустыне, удаляясь от страшного места, оставляя на склонах барханов отпечатки следов. Отдаленный вой двигателя кружит в

пустыне, приближается, пропадает. На склоне, выбрасывая струи песка, возникает «тойота», пулемет над крышей кабины, в открытом кузове моджахеды в приплюснутых шапках, в развевающихся долгополых хламидах. Он лежит за барханом, отстреливаясь из пистолета, посылает выстрелы в кромку песка, откуда стучит пулемет, окружает песчаными вспышками. Удар под ребро, гаснущее бледное небо, медленное возвращение в явь. Он лежит на железном дне, под кузовом трясется дорога, сверху, из неба, смотрят на него смуглые черноусые лица, огненно-черные ненавидящие глаза. Он висит под сосновой балкой во дворе афганского дома, в глинобитной стене мерцает голубой-изразец. Курица стряхивает с себя петуха, бежит по сухой земле. Над изгородью проплывают головы горбоносых верблюдов, гулко звенит бубенец. Мальчик в розовой шапочке запустил в него камнем, промахнулся, стук камня о стену. Высыхающая лужа мочи под его босыми ногами. Мухи прилипли к ране, к запекшимся горьким губам. В его воспаленных глазах, в помутившемся разуме возникает виденье. Из бледного неба, огромный, лучистый, появляется ангел. Исполин — слепящее светом лицо, пылающие белые крылья, растворенные громогласные губы, откуда несутся слова пророчества о его богоизбранности, о его великой судьбе.

— Василий.— Голос прокурора заставил его очнуться.— Ты самый из нас продвинутый. Ты несомненный лидер. Найди какой-нибудь выход. Как скажешь, так и поступим.

— Пока что у меня нет решения.— Есаул смотрел, как над дубом несется фиолетовый сгусток, в котором что-то беззвучно мерцает, и листва шипит и трепещет, будто с дуба сдирали громадную рубаху.— Пока что сделаем следующее. Через пару недель из Москвы в Петербург отплывает свадебный теплоход, на котором будут светская львица Луиза Кипчак и ее жених, угольный миллиардер Франц Малютка. Туда приглашен Куприянов. Там же окажется Президент Порфирий. Мы все должны присутствовать на борту теплохода. Зачем? Я и сам не знаю. Но делайте, как я сказал.

— Конечно,— торопливо произнес прокурор.— Ведь ты у нас лидер.

По крыше бунгало жестко хлестнуло. Под навес занесло холодную горсть капель, обрызгало сидящих. Издалека по лугу приближался туманный столп, ширился, густел, соединял небо и землю. Обрушился на бунгало слепым, дымным грохотом, водяной

тьмой, холодом, гулом. Трава вокруг пузырилась и блестела, будто в ней скакали тусклые стеклянные рыбы. Дуб ревел в водопаде. Залитая жаровня погасла. Повара, сгибаясь, укладывали в траву недожаренного кабана, натягивали балахон из пленки. Слуги с зонтиками, мокрые, в прилипших одеждах, подбегали к бунгалу. Все, кто сидел в застолье, вскакивали, слепо ныряли под перепончатые укрытия, бежали по газону, а за ними гнались водяные всадники, хлестали с седел нагайками, секли саблями, вонзали стеклянные пики.

Есаул остался сидеть, глядя, как холодные струи вгоняют гвозди в доски стола, стучат по объедкам, бутылкам водки. Жутко сверкнуло и ахнуло над головой, слепя и сметая. Расплавленная жила опустилась с неба, коснулась дуба, пролилась по стволу в корни, раскалывая надвое гигантское дерево. Блистающий колун развалил бугристый ствол, тот распался, и среди белых волокон, как в гробнице, обнаружилось темное тело — круглая голова, покатые плечи, сложенные на груди великаныи руки. Бог Перун лежал в саркофаге, окруженный древесной плотью. Через него перескакивали волшебные стеклянные рыбины. Над ним проносилась черная магма неба. Вокруг разметалась растерзанная взрывом крона.

Есаул, оглушенный, испытывал небывалое счастье, словно его коснулся огненный перст небес. Взял с тарелки кабаний пупок, вонзил зубы в жилистую горькую мышцу. Вышел наружу, охваченный водопадом. Стоял под ливнем среди белых древесных осколков и ворохов черной листвы. Жевал жертвенный отросток, соединился пуповиной зверя с магическими силами мира. Взирает на поверженный дуб, на разбросанных по траве опаленных белок и дятлов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Еще одна встреча, задуманная Есаулом как акт стратегической разведки, состоялась в закрытом, элитном клубе «Джентльмен», что соседствовал с роскошным казино «Золотой век». В советские времена в доме с античным фасадом располагался Дворец культуры, теперь же здание было перестроено, приобрело вид экзотического храма с золочеными колоннами, было усыпано разбегавшимися по фасаду огненными змеями. Неоновая

танцовщица то исчезала, пропадая в фонтанах огня, то появлялась, кружась вокруг блистающего шеста. Весь окрестный квартал переливался, мерцал, был завешан электрическими гирляндами, уставлен тропическими иллюминированными пальмами. В дразнящем, возбуждающем зареве, черные, в перламутровых отливах, проскальзывали дорогие автомобили, отражая в стеклах вспышки самоцветов. Останавливались перед входом, где их встречал огромного роста полуголый зулус в набедренной повязке, с плюмажем. Охрана окружала тяжеловесный автомобиль. На асфальт опускалась волевая стопа богатого джентльмена, на минуту открывалось надменное лицо. Очередной посетитель нырял в зеркальные двери казино, сопровождаемый поклонниками африканского вождя.

Именно сюда, в разрастающийся посреди Москвы Лас-Вегас, приехал поздним вечером Есаул, чтобы повидаться со своим главным соперником, претендентом на президентское кресло Аркадием Трофимовичем Куприяновым и его спонсором, угольным магнатом Францем Егоровичем Малюткой, чья счастливая свадьба с Луизой Кипчак обыгрывалась во всех гламурных журналах и светских телевизионных программах.

Они сидели втроем в небольшом ресторанном зале, не торопясь заказывать ужин. Одна стена ресторана состояла из сплошного звуконепроницаемого стекла, за которым переливалось великолепное пространство казино. Противоположная стена была также стеклянная, за ней располагался вольер с живыми павлинами. Горделивые птицы возносили надменные головы на тонких шеях, распускали громадные веера изумрудно-золотых, фиолетово-синих хвостов, трясли изящными хохолками, напоминавшими горящие бенгальские огни. Немногочисленные гости, сидящие за столиками, могли любоваться одновременно живыми павлинами, поражающими драгоценным оперением, и павлинами электрическими, рассыпавшими в зале казино магические ворохи искусственных бриллиантов, сапфиров и изумрудов.

— Продолжайте, Франц, мне так интересно. История вашей любви заслуживает того, чтобы превратиться в телесериал. — Есаул, изображая наивысшее внимание, обволакивал Малютку своим восхищением, в котором присутствовали симпатия, мужская зависть, благоволение. — Вы — баловень, любимчик Гименея. Мало кто пережил столь бурный, ошеломляющий роман.

Франц Малютка расцветал от этой дружеской лестии, был польщен признаниями могущественного человека, отношения

с которым еще недавно казались небезупречными, но теперь приобретали род дружбы. Он возвышался над столом, как скала, одетая в дорогой английский костюм, под которым напрягалась могучая мускулатура. Из ворота рубахи вздымалась короткая, в розовых жилах шея, на которую была насажена маленькая сверхплотная голова,— твердые скулы, расплющенный нос, низкий лоб и кудрявый черноволосый чубчик. Он выглядел свирепо и благодушно, был жесток и сентиментален, казался настороженным и в то же время мягко расслабленным.

— Так где же вы познакомились со своей будущей женой?

— Да вот, Аркаша во всем виноват,— кивал Малютка на Куприянова, который снисходительно улыбался, поощряя откровения друга. Статный, плечистый, он напоминал безукоризненный манекен, на котором великолепно сидел дорогой костюм. Сероглазый, гладкий, барственный, он был похож на пресыщенного кота. Дитя успеха, он был исполнен уверенности в победе на президентских выборах, куда его влекли могущественные, неодолимые силы внутри страны и за ее пределами. Он согласился на этот ужин втроем, чтобы насладиться превосходством над врагом, еще не поверженным, но уже обреченным. Взирали на Есаула с легким снисхождением, как на человека, которому было невозможно помочь.

— Аркаша большой мастер на всяческие развлечения,— продолжал Малютка.— Раз в месяц у себя в Успенском устраивает скачки, на манер лондонских дерби. Это надо видеть, я вам скажу. Полсотни лошадей, каждая стоимостью в миллион долларов. Лучшие жокеи Европы. Смотреть — загляденье! Чубайс вскакивает и в трансе бьет по голове Немцова. Хакамада, как бандитка, свистит в два пальца. Дедушка Ельцин в азарте хватается своего зятя Юмашева и скидывает с трибуны. Деньгами все сыпят, проигрываются в пух и прах. Вижу среди них женщину — блеск. От страсти кончает и стонет. Из сумочки вынимает пачки по десять тысяч зеленых. «Кто такая?» — спрашиваю у Потанина.

«Не знаешь? Это же Луиза Кипчак. Дочка петербургского мэра, который на спор с принцем Чарльзом проглотил яйцо Фаберже и умер. Патологоанатомы после вскрытия вернули яйцо в Эрмитаж. Дочь вся в него». Я ее тогда засек и подумал, Аркаша меня познакомит.— Он легонько ткнул Куприянова локтем, тот чуть поморщился от боли, но продолжал улыбаться, прощая фамильярную выходку. Малютка был главным спонсором его пред-

выборной кампании, и каждый подобный толчок приносил в предвыборный фонд несколько миллионов долларов.

— Понимаю вас, Франц. Луиза — настоящая светская львица, а вы, я знаю, охотились в Кении на львов.— Есаул выражал высшую степень заинтересованности, восхищаясь искусством рассказчика. При этом изучал состав кружка, который сложился вокруг Куприянова, продвигал его к власти. Олигархи «ельцинского призыва» и сам престарелый властитель желали видеть Куприянова Президентом, с его помощью восстановить свое пошатнувшееся могущество, вновь опрокинуть Россию.— И как же вы познакомились?

— Вечером Куприяныч устроил коктейль с демонстрацией стриптиза. Аркаша любит шашлык из молодого женского мяса, насаженного на штырь. Правильно я говорю, Аркан? Вокруг шеста увивалась стриптизерша из Нигерии, у которой груди как два черных арбуза. Классная девка из Швеции, гибкая, как рыжая кошка, с лобком в виде серпа и молота. Креолка из Коста-Рики, у которой в пупке горела лампочка, а из лобка торчала горящая золотая свеча. Женщина-змея из Японии обвинялась вокруг шеста тремя узлами, а потом уползала, оставив на подиуме светящуюся чешуйчатую кожу. Среди нас, мужиков, была Луиза. За ней ухаживал Дерипаска, с сальной рожей, все подносил коктейли. Она разогрелась на все сто, выскочила на подиум и стала танцевать у шеста. Это был танец, я вам скажу.— Малютка раздул красные ноздри своего сплющенного в боксе носа, и казалось, из них повалил розовый пар.— Сперва сбросила туфли и стала топотать босиком, и я от лапок ее обалдел. Потом нажала какую-то кнопку, и платье с нее слетело, как листья с клена. Такое тело я видел только раз в Голливуде, когда купил себе на ночь кинозвезду. Она увидела, что я смотрю на нее, как на НЛО, сняла лифчик и метнула мне прямо в лицо. Я чуть в обморок не грохнулся — в лифчике ее запах, тепло, духи, а она кружит вокруг шеста, и груди ее плещутся, как два дельфина. Трусы ее полетели куда-то в зал и упали на голову Дерипаски, который тут же их стал набивать купюрами. А я увидел, как она без трусов выгибает вперед бедра, крутит животом, раздвигает ноги, и ослеп натурально. Между ног у нее сияние, бриллиантовый блеск, как в Лас-Вегасе, когда ночью летишь над Невадой. Думаю, для пирсинга она использовала весь Алмазный фонд. У меня на пальце был перстень с тяжеленным алмазом,— купил в Амстердаме у еврейских ювелиров. Я этот пер-

стену снял, кинул ей, и она, представляете, поймала его ртом, как собака кость, и показала мне зад обалденной красоты. Тут же решил — моя женщина, женюсь и все, чем владею, отдам.

Есаул восхищался этим порывом бычьей страсти, пасовал перед разгулом неандертальских чувств. Кутался в эти эмоции, как убийца кутается в плащ, пряча клинок. Понимал, что союз Малютки и Куприянова питает силу последнего, и надо рассечь союз, умным и точным ударом обессилить Куприянова.

За стеклом переливалось, бесшумно плескалось казино, словно огромный павлин распустил свой пышный, в золотых и зеленых звездах хвост. За другим стеклом прохаживалась горделивая птица с ворохом сложенных перьев, похожих на гаснущий в небе салют. Затрепетала, страстно задрожала, раздувая стоцветный сноп, и раскрылся громадный веер, великолепная радуга, из которой смотрели темно-синие очи с изумрудными и золотыми подглазьями, словно лик изумленного языческого божества.

Есаул чувствовал напряженное поле, которое создавали эти две великолепные стеклянные стены, окружая его бесчисленными переливами цвета. Он находился в реторте, где шла таинственная реакция, пролетали бесшумные разряды, вспыхивали сгустки света. Дух, сжатый мощными силами, накалялся, струился под воздействием световых лучей, преображался, был готов к восприятию огромной фантастической истины.

— И вот вы решили сыграть свадьбу? Отправиться на теплоходе по Волге? — Есаул ничем не выдавал происходящую в нем глубинную работу по сотворению чудесного кристалла. — Вы покорили самую недоступную красавицу России. Так альпинисты многолюдной командой отправляются покорять Монблан, но до вершины доходит единственный.

— Наоборот. Чтобы ею овладеть, я был вынужден спуститься в самую глубокую шахту, из тех, что принадлежат мне. Вы знаете, что она мне сказала, когда я сделал ей предложение и подарил бриллиантовое кольцо, не заплатив шахтерам месячный заработок? «Франц, я отдамся тебе на глубине двух тысяч метров. Поставь наше брачное ложе в своей самой глубокой шахте». Я выбрал воркутинскую шахту. Аварийная, глубина две тысячи метров. Угли выбраны, добираем остатки. Шахтеры спускаются, молятся, как перед смертью. Даю приказ: «Двухспальную итальянскую кровать поставить в самый дальний забой. Застелить лучшим французским бельем. Рядом торшер, обогрев, бар с лучшим вином».

Все сделали, как приказал. Мы с Луизой надеваем робы и каски, берем шахтерские лампы. Опускают нас в ствол, отводят в тупиковый забой. Там стоит роскошная кровать, шелковое одеяло, розовые наволочки. Рядом торшер из сердолика, шампанское в серебряном ведре со льдом. А кругом куски угля, свод чуть укреплен опалубкой, угольки шуршат с кровли. Раздеваемся. Она сняла пластмассовую каску, робу и осталась ни в чем, со своим Лас-Вегасом, как Хозяйка Медной горы. «Давай, говорит, милый, выпьем шампанского». Чокнулись с ней на глубине двух километров, легли в постель. В свете торшера ее бриллианты горят, как электросварка. Каменный уголь в кровле блестит, в нем всякие окаменелые папоротники, древние ящеры, первобытные слюдяные стрекозы. Я ее обнимаю, а сам думаю: «Да это же рай подземный!» Она такое со мной вытворяет, что у меня полный отпад. Вдруг по громкой связи сигнал тревоги. В соседней штольне авария. Метановый взрыв и обвал. Бригаду засыпало. «Срочно покинуть шахту!» «Надо, говорю, сматываться». — «Нет, говорит, самый кайф для любви». — «Засыплет обоих, и вся любовь!» — «Где нет смерти, там нет любви». Села на меня верхом, как ведьма, и понеслась. По громкой связи аварийные команды, пожар, люди гибнут. Кто Бога молит, кто проклинает, кто с родными прощается. А мы несемся по адским кругам, и она меня пятками прищипывает. Угомонилась, когда у меня глаза на лоб вылезли. Поднялась, надела робу, каску, выпила шампанское и сказала: «Теперь пойдем, милый. Буду твоей женой». Нас вытащили, а потом мертвых шахтеров два дня поднимали. Она на похороны пошла, смотрела, как красные гробы несут, и под духовой оркестр кончала. Я понял, что второй такой женщины мне не найти.

— Ты, Франтик, породнился с великой фамилией, — многозначительно заметил Куприянов, как знаток сокровенных тайн. — Ее папенька, прежде чем подавиться яйцом, любил с тазом горячей воды опускаться в склеп Петра Первого и часами перемывал косточки государю императору. А его вдовица, великолепная госпожа Стеклярусова, сделала себе на живот пересадку кожи с мертвой принцессы Дианы, отчего раз в месяц, когда наступает урочное женское время, она начинает синеть, как болотный гриб. Ты, Франтик, приобщился к августейшим фамилиям. Не случайно твоё свадебное путешествие состоится в августе.

— Хочу, чтобы ты понял, Аркаша, мое свадебное путешествие — твоя первая предвыборная поездка. На теплоходе ты должен объявить себя будущим Президентом России. Это гигантский

пиар. Вся элита окружит тебя, и ты проплывешь исконным русским путем, из одной столицы в другую. Я нанял лучшего телеоператора Шмультрихтера, который снимет фильм о нашем путешествии.

— Спасибо тебе, Франтик, — растроганно произнес Куприянов. — Стану Президентом, отблагодарю тебя стократ.

Есаул поглощал информацию, как индусский йог поглощает прану, как гренландский кит всасывает питательный планктон. Перед ним сидели враги, рвущиеся к власти, несущие неисчислимые беды стране и ему, Есаулу. Его ум искал спасительный выход. Единственное в своей простоте и разящей силе решение, которое сможет повергнуть врага. Решение было рядом, он ощущал его близость. Так чуткие ноздри волка ловят близкий запах оленя, его парное тепло, дразнящие испарения. Не хватало последней искры, последней мерцающей частицы, чтобы пришло озарение, возникла ясность открытия. Он улыбался врагам, делая вид, что смиряется перед неизбежным поражением, заискивал, льстил.

За стеклом бесшумно кипело казино. У игральных столов сгрудились гении покера, усыпая зеленое сукно королями, валетами, дамами. Рулетки, как ядовитые цветы, переливались радужными лепестками. Крупье изящными лопатками передвигали разноцветные фишки. Здесь были известные на всю Москву шулера с пальцами чуткими, как морские актинии. Удачливые бандиты и киллеры — авторы «нераскрытых убийств».

Роскошные проститутки — отрада олигархов и министров. Солидные господа из корпораций, утомленные обилием нефтедолларов. Богемные артисты в шелковых бантах, с размытыми половыми признаками. Среди блеска, в аметистовом свете прожектора, на постаменте, напоминавшем алтарь, возвышался фиолетовый «бэнтли», похожий на перламутровую раковину. Как языческое божество, был вожделенным кумиром людских страстей и пороков.

За другой стеклянной стеной павлины свесили пучки хвостов, собрали воедино золотые и зеленые звезды, выставили шеи в голубых и изумрудных кашне. Короны из рубинов и топазов венчали их маленькие горделивые головы.

Есаул чувствовал бесшумные ожоги цвета, словно огненные поцелуи незримого духа.

— Господа желают сделать заказ? — Официант в предупредительном поклоне, словно уличный фонарь, навис над столиком, раскладывая тяжеловесные карты. — Что будут пить господа?

Все трое отказались от вина, предпочитая свежавыжатые соки. Куприянов выбрал блюдо французской кухни — мясо провансальского тельека в вине. Малютка остановил свой выбор на японском блюде — королевские креветки, нагулявшие свою золотистую плоть в потоках Курисио. Есаул заказал средиземноморскую рыбу сибас, попросив приготовить ее на пару. Официант устремился выполнять заказ столь пылко и трепетно, словно речь шла о спасении собственного ребенка.

— Действительно, теплоход — великолепный повод начать предвыборную компанию.— Есаул, как мог, изображал восхищение, будто являлся страстным сторонником Куприянова.— Волга — великая русская река, откуда видна и слышна вся Россия. Сам теплоход — образ святого ковчега, где собрались избранные мира сего, уцелевшие от потопа. Две столицы — два извечных полюса, меж которых колеблются чаши русской истории. И, наконец, свадьба — образ грядущего расцвета, мистического бракосочетания, венчания на царство, символ плодоношения и продолжения рода, что столь актуально при нынешнем демографическом кризисе.

Куприянов с недоверием слушал.

— Действительно, я полагаю, у меня будет возможность объясниться с народом и элитами и нарисовать тот образ России, к которому я стану стремиться во время моего президентства,— заметил он, строго посмотрев на Есаула.— К тому же я укажу народу на врагов, которые мешают сделать Россию процветающей, обеспечить людям достойную жизнь.

В его бархатном рокошущем голосе прозвучала угроза, из мягких кошачьих лап показались когти.

— Вы, Аркадий Трофимович, блестящий оратор.— Есаул верноподданно заглядывал в глаза Куприянова, изображая покаяние поверженного соперника.— Ваша речь предельно убедительна. К тому же природа наградила вас изумительным баритоном, с которым вас могли бы принять в театр Ла Скала. Мне говорили, вы замечательно исполняете арии Верди. Но кто же те враги, что посмеют встать у вас на пути? После того как Президент Порфирий отказался выдвигаться на третий срок, у вас больше нет врагов. Никто не сомневается в вашей победе.

— Конечно, те, кто еще недавно выступал против меня, позволяя грязные выпады в мой адрес, сейчас выглядят смешотворно,— торжествующе улыбнулся Куприянов.— Я не говорю о ны-

нешнем премьере. Он потеет от страха и выглядит так, словно его мучает геморрой. Наверняка, у него в брюках скрываются бандаж и катетер, из которого во время заседаний правительства капает в бутылочку. — Он победно взглянул на Малютку, который с наслаждением раздувал бычьи ноздри, всасывая пропитанный иронией воздух. — Но вот господин прокурор Грустинов, эта чугунная баба, которой планомерно разрушалось здание демократической России, он уж у меня загрустит. Он еще позавидует своему предшественнику, которого в голом виде показали с двумя проститутками, так и не сумевшими превратить его из мертвой рыбы в мужика. И другому своему предшественнику, которого посадили в тюрьму за прокурорские взятки, и он стал легкой добычей тюремных гомосексуалистов. Обещаю, что эту свинью в прокурорском мундире увидят в клетке Басманного суда, где он расскажет, как поощрял беззаконие, изгоняя из России лучших ее бизнесменов — Березовского, Гусинского, Невзлина. Как посадил за решетку мужественного, жертвенного Ходорковского. Как разгромил лучшую в России компанию ЮКОС. Как утаивал от общественности ужасающую правду о «Норд-Осте» и Беслане. Как пугал меня тюрьмой, посылая землемеров обмеривать мою дачу в Петрово-Лыкове. Он еще будет стоять на коленях, целовать мне туфли, умолять о прощении! — Красивое, благодушное лицо Куприянова исказилось мщением, стало уродливым и зловещим, словно было обращено на врага, которого удушали деревянным винтом — хомут сдавливал жирную прокурорскую шею, тот хрипел, страшно выпучивал готовые лопнуть глаза.

Малютка побледнел, вобрал маленькую голову в массивные плечи, как делает улитка, когда прячется в раковину от внезапной опасности.

— Уверен, что придется ответить комсомольскому выкорымышу, господину Попичу, превратившему телевидение в мусорный бак, который он вываливает на головы граждан. Чего стоит фильм, который он прокрутил месяц назад, когда стало ясно, что я участвую в выборах. Злодейский монтаж — Куприянов поддевает ложкой черную икру, и тут же нищие роются в помойках. Куприянов режет ножом фаршированного осетра, и тут же голодные дети подбираются на улицах города. Куприянов поднимает бокал шампанского, и горит жилой дом, рушится в реку мост. В заключение этого мерзкого пасквиля показали меня на какой-то презентации, где у меня расстегнута ширинка. Камера долго

рассматривала мои расстегнутые штаны, словно хотела заглянуть внутрь. Но Попич не знал, что я оставил ширинку проветриваться после того, как выеб его жену, и его дочь, и его престарелую маму. После этого моему увлажненному члену нужно было просохнуть. И пусть он готовится ответить за клевету по всей строгости демократического законодательства. И пусть готовится увидеть свою фотографию в «Московском комсомольце», на которой его трахает в зад грязный дворовый кобель!

Малютка радостно хохотнул, пригладив кудрявый чубчик и обнажив желтые клыки волкодава. Ему нравился друг, сбросивший личину респектабельности, необходимую в кругах западных финансистов и политиков, и обнаруживший грубый лик русского мужика, добывшего славу и состояние на большой дороге.

— Не увильнет от ответа министр экономики и развития Круцефикс, эта мерзкая двусторонняя свастика, которая вертится в ту сторону, куда дует ветер. Когда я был в силе, он клялся мне в вечной любви, а после моей отставки обвинял в разрушении экономики. Этот шизофреник и психопат раз в три месяца укладывается в психушку, где объявляет себя Адамом Смитом, Гринспеном, Джеффри Саксом. Вскакивает нагишом на спинку кровати и безобразно орет, выщипывая себе бороду, пока его не скрутят санитары и не вколют в жопу успокаивающее. Тогда он пускает слюни, бормочет про макроэкономику и мочится под себя. Когда я приду к власти, подвергну его психической экспертизе и помещу в одиночную палату с видом на живодерню. Пусть воет из-за решетки и цитирует Спенсера.

Малютка угрюмо сдвинул косматые брови и задумчиво посмотрел на друга, видимо разглядев в нем нечто, чего не видел в глазах братков-компаньонов в период раннего накопления капитала и силового захвата шахт.

— Видит бог, выведу на чистую воду министра обороны Дезодорантова. Он артистически хромает, опираясь на трость с серебряным набалдашником, уверяя всех, что подвернул ногу во время прыжка с парашютом. Лицо его перекошено, с нашлепкой носа и вставными зубами, якобы потому, что получил контузию в Афганистане. Он заикается, не выговаривает «р» и «л», ибо терпел аварию на атомной подводной лодке. Но я опубликую данные, из которых видно, что он болен хроническим сифилисом. Генералы после коллегии министерства, те, с кем он здоровается за руку, потом проходят тщательную дезинфекцию, делают обеззаражи-

вающие уколы. Последней жертвой, которая от него пострадала, была молоденькая официантка во Владивостокском гарнизоне, которая проходит сейчас принудительное лечение. Помещу его в лепрозорий, пусть тихонечко гниет под музыку Преображенского полка.

Малютка от отвращения сжал свои непомерные бицепсы, отчего английский костюм затрещал по швам.

— И наконец, спикер Думы Грязнов. При нем Дума превратилась в одну огромную липкую взятку, которую дают за любой принимаемый закон. За принятие таких шедевров, как «автогражданка» или лесной и водный кодексы, он имеет три процента от барыша страховых компаний, два процента от «лесной мафии» и скупщиков подмосковных водоемов. Сейчас в Думе рассматривается закон о приватизации Байкала, храма Покрова на Нерли и монумента «Родина-мать» на Мамаевом кургане. Он получит за протаскивание этих законов сорок миллионов долларов...

Малютка хохотнул, крутанув головой, отчего набрякшая жилистая шея громко хрустнула могучими хрящами.

Есаул погружался в медитативную прострацию, свертывая окружавшие его лепестки света. Сворачивал их в плотный бутон, погружал живую пульсирующую почку в свое потаенное око. Оно мягко перевернулось в лобной орбите, погрузилось в сердцевину сознания, в котором расцветал потаенный цветок сновидений. Куприянов утратил свой облик, стал раздваиваться, отекал, будто восковая фигура. Превратился в розовый эмбрион — лобастое личико, курносый носик, плотные губки, поджатые к подбородку кривые ножки, на которых виднелись крохотные пальчики с ноготками. Эмбрион обладал портретным сходством со взрослой особью. Из выпуклого живота струилась пуповина, как трубка стеклодува, на конце которой возникал прообраз будущего Куприянова. Эмбрион видоизменялся, проходя в обратном порядке стадии развития. Становился похожим на сморщенную обезьянку с загнутым хвостом. На общипанного птенца с зачатками крыльев и перепончатыми лапками. На рыбу с ядрышками выпученных глаз, костлявым носом и плавниками. Все они странным образом сохраняли сходство с будущим Куприяновым. Развитие вспять привело к лягушонку со смешными тонкопалыми лапками и пятнистой шкуркой. К голубоватой медузе с колеблемой бахромой. К пучку зеленовато-синих водорослей, обитавших в первичном океане. И все они несли в себе отпечаток будущего

Куприянова, будто природа имела изначальный эскиз, по которому творила предполагаемый образ, наполняя его рассолом, сгустками молекул, слизью, цветными растворами, приближаясь к идеалу путем непрерывного совершенствования. Наконец, перед внутренним оком Есаула предстал огромный сперматозоид — наполненный водянистым студнем пузырь, от которого ответвлялся чуткий отросток. В глубине пузыря туманилось нечто, отдаленно напоминавшее Куприянова — та же барственная осанка, надменная стать, манера доброжелательно и вальяжно взирать. Оставалось облачить сперматозоид в дорогой английский костюм и поместить на предвыборном плакате.

Есаул прервал медитацию, еще раз убедившись, что, пребывая в настоящем, можно перемещаться во времени в обе стороны — как в область «первичного взрыва», когда Бог сотворил Мироздание, так и к завершающему «судному часу», когда схлопнется злополучный, неудавшийся Создателю мир.

— Но все перечисленные мною враги — ничто по сравнению с исчадием ада, которое проникло на вершину власти и совершило неслыханные злодеяния. За них придется держать ответ не только перед русским народом, но и перед всем человечеством.— Куприянов откинул красивую голову, взглянул на Есаула.— Я просто предвкушаю час суда. Злодея введут в зал скованного по рукам и ногам, в оранжевой хламиде, как узника Гуантанамо. Он будет греметь никелированной цепью, на него будут рычать овчарки, его будут держать под руки жилистые охранники. Поместят в клетку из нержавеющей стали, и все увидят его испуганное, жалкое лицо.— Куприянов торжествующе взирал на Есаула, ожидая увидеть тень страха. Но Есаул сидел, потупившись, изображая тихое повиновение и немощь.— Судья в шелковой мантии с серебряной цепью станет читать обвинение, которое тут же будут переводить на множество языков и рассылать по всем мировым агентствам. Подсудимый виновен в создании батальона чеченских головорезов «Восток», который участвует в карательных операциях против мирных граждан. Врываются в селенья, где проживают родственники бойцов за свободу. В масках, под покровом тьмы, выволакивают из домов женщин, стариков и детей отвозят в лес и расстреливают. Он лично повинен в том, что были взяты в заложники родственники президента Масхадова, и тот вынужден был сдаться федеральным властям. Обвиняемый присутствовал при пытках президента, руководил допроса-

ми, выбивая из пленного данные о партизанском подполье, о финансовых потоках, о спонсорах чеченского сопротивления. Когда нужные сведения были добыты, сам застрелил Масхадова и подбросил труп в специально отрытый бункер.— Куприянов рокотал своим сочным баритоном, метал молнии, ожидая увидеть ужас в глазах врага. Но Есаул сидел словно околдованный, покорно ожидая любой для себя участи.— Это он, в угоду своему самовластию, разрушил хрупкую ткань российской демократии. Вернул многострадальную Россию к тоталитаризму, задумав институт «спецпредставителей», этих жестоких надсмотрщиков над свободно выбранными губернаторами. А потом отменил и сами свободные губернские выборы. Когда алтайский губернатор Евдокимов, весельчак, шутник, любимец народа, отказался подчиниться произволу, его просто убили, подрезав тормоза скоростной губернаторской машины. Ненавистник свободы, этот кремлевский сатрап задушил удавкой независимую российскую прессу, изгнав с телевидения свободомыслие, замалевал экран серой известкой унылой официальной пропаганды. Он закрывал НТВ, изнасиловал в кабинетах «Останкино» двух очаровательных телеведущих, русскую и еврейку, после чего их показали публике, растрепанных, в засосах, бессвязно лепетавших о своей согласии на реформу канала. Он же устроил дорожную аварию самому талантливому телеведущему, которого демократы любовно называли «наш Савик», после чего тот вынужден был закрыть свою программу «Свобода слова».— Куприянов раздвигал рот в туманной улыбке, и в этой жестокой игре с поверженным врагом его круглая голова обрела очевидное сходство с котом, который забавлялся с пойманной птицей, подбрасывая ее, цепляя в воздухе лапами, и при этом странно, по-звериному улыбался.— Это он задумал арест Ходорковского, обставив этот арест с особой жесткостью — с избиением, кандалами, с последующими пытками в карцере, психотропными уколами, требуя от страдальца добровольного отказа от ЮКОСа. Разоренная компания пополнила казну мертвыми деньгами, а карманы злодея — кругленькой суммой в полтора миллиарда долларов, которые крутятся теперь в банке на Каймановых островах. Когда в Россию приехал талантливый журналист Хлебников, основал журнал «Русский Форбс», поставив целью вскрыть махинации кремлевской мафии, этот беспощадный злодей нанял чеченцев, которые расстреляли отважного журналиста.

Есаул был сломлен. Что-то жалкое и беспомощное сквозило в его согбенной спине, сжатых плечах, потускневших пепельных волосах. Он всем видом признавал свое поражение, робел взглянуть в глаза победителя. Куприянов же был неутомим в мучительстве.

— Его людоедский ум разработал вампирическую схему, по которой подорожание нефти на мировых рынках ведет к астрономическим ценам на российский бензин, разгоняет тарифы на электричество и тепло, разоряет сельское хозяйство, делает нищим народ, увеличивает смертность. Уже разорилось множество сельских ферм, крупных заводов, центров военно-промышленного комплекса. Кремлевские же разбойники тем временем скупают Лазурный берег во Франции, побережье Бискайского залива в Испании, курорты Сардинии и Сицилии, купаясь в роскоши и разврате. На процессе прозвучат доказанные обвинения в том, что именно этот преступник в Беслане отдал приказ снайперу подорвать взрывное устройство, а потом по его приказу танки прямой наводкой превращали спортивный зал с заложниками в кровавое месиво. На нем лежит вина в убийстве трехсот детей. К тому же он, антисемит и фашист, спровоцировал известное письмо других русских фашистов, требующих разгона всех еврейских организаций, провоцируя тем самым погромы и всеобщую юдофобию. Он неуклонно подвигает Россию к диктатуре фашистского типа, возрождая гитлеризм в начале двадцать первого века. Перечисленные обвинения повторяют многие пункты Нюрнбергского процесса и требуют приговора, подобного тому, что был вынесен фашистским преступникам. То есть повешения...

Он висел под деревянной балкой, во исполнение таинственного, вынесенного судьбой приговора. В скрученных веревкой запястьях натянулись готовые порваться жилы. Из рассеченного ребра вяло сочилась кровь, и он чувствовал, как шевелятся у раны тяжелые теплые мухи. Впалый живот содрогался от приступов рвоты. Босые стопы свисали из камуфляжных брюк, и он видел свои огромные грязные ногти. Вдоль глинобитной стены, где мерцал голубой изразец, проплыли губастые головы усталых пыльных верблюдов, и унылый звон бубенца затихал среди знойных проулков. Глаза, слезящиеся, залитые потом, ослепшие от света высокого беспощадного солнца, смотрели в пустыню, в розовое тусклое пекло, вымаливая смерть, избавление от неизбежных мучений, когда в кишлак вернется отряд моджахедов и чернобородый, с огненным взглядом главарь возьмется за ре-

менную плетку, готовый нанести рассекающий кожу удар. Смотрел в пустыню, в пепельно-розовый жар, выкликая себе избавление. И в розовом облаке, в частицах песка и праха, из лучей и кристалликов света возникало видение — огромный сияющий ангел, колонны расставленных ног, белоснежные пышные перья, взирающее из солнца лицо. Одежда, как волны расплавленного серебра. Пряди волос, как текущее золото. Глаза, как огромные самоцветы. Голос из разъятых губ — гулы бессловесного грома. В рокошующих громогласных раскатах — послание, адресованное ему: «Ты — избранник! Ты — угоден Богу! Ты спасешь свой народ и поверженную, брошенную в погибель Россию! Живи, терпи, верь! В тебе Господь открывает прозорливое око. Им узришь».

Ангел из неба протянул могучую руку, приставил ко лбу огненный перст. Прожег лобную кость. Вкатил пылающий глаз. Замуровал в костяной глазнице. И внезапно открылась необъятная даль, бесчисленные народы и страны, невиданные города и земли, неисчислимые армии, непрестанные войны, и он, Есаул, исполненный благодати, был спасителем мира, избавителем Родины. Был готов превозмочь все мучения, свершить предначертанный подвиг.

— Быть может, его и не повесят, как Риббентропа или Кейтеля,— иронично произнес Куприянов, почти с состраданием рассматривая поникшего врага.— Но уж поездка в Гаагу в тюремном самолете ему обеспечена.

Есаул смыкал ясновидящее лобное око, медленно избавляясь от ослепительного видения. Неохотно всплывал в явь из бездонных глубин бытия.

— Я думаю, тот, кого вы изобразили, как исчадие ада, на самом деле им не является,— тусклым голосом произнес Есаул, все еще не поднимая лицо навстречу торжествующему неприятелю.— Теперь, когда Президент Порфирий отказывается идти на третий срок, у вас не остается реальных противников. Так или иначе, но вы станете главой государства. Вам понадобятся опытные управленцы. Тот, о ком вы только что говорили, обладает бесценным опытом, уникальными связями. Он готов вам служить на любых выдвинутых вами условиях. Тем более, что никто не сомневается в том, что вы любите Россию, желаете ей добра. Народ примет образ русского будущего таким, каким вы его начертаете.

— Да, у меня есть образ русского будущего, и он ничем не напоминает ту уродливую образину, которую лепил Президент Порфирий и его приспешники.— Куприянов надменно откинул кра-

сивую голову, как это делали цезари при выступлениях в сенате, и на его челе просиял золотой венец.— Моя высшая цель, моя, если угодно, священная миссия,— избавить Россию от тысячелетнего бремени имперскости. Русский народ изуродован имперскостью, искалечен бессмысленной мессианской идеей, которую нашептала какому-то безумному великому князю какой-то забытый юродивый. Вся наша русская злоба, нищета, дурная гордыня, все наше бескультурье и животное свинство проистекают из имперскости, на поддержание которой мы израсходовали впустую тысячу лет своей бессмысленной истории...

Куприянов пылко, с кафедральной проникновенностью, читал курс русской истории, уподобляясь Ключевскому или Костомарову, вдохновленных обожанием курсисток и влюбчивых студентов. Их роль выполнял сейчас Франц Малютка, с восхищением глядя на интеллектуального друга. От волнения гладил чубчик на костяной голове, шевелил могучими, полными волос ноздрями, вдыхая запах истинного интеллектуализма. Есаул сосредоточенно слушал — не рокошующий баритон ненавистного человека, а далекий шум таинственного ветра, который летел к земле из небесных пространств, нес благую весть. Мир вокруг, в предчувствии откровения, менялся. В нем что-то собиралось, копилось, стекалось в потаенный центр, который помещался в его любящем и ненавидящем сердце.

— Когда стану Президентом, намерен и дальше колоть мертвую льдину российских пространств,— властно, царственно продолжал Куприянов.— Буду откалывать от нее, вслед за Украиной, Кавказом, Казахстаном и Средней Азией, другие ломти, замороженные в мертвый монолит империи. На восемь, на двадцать, на шестьдесят ломтей расколю тупую льдину, и каждый осколок будет оттаивать, чудесно переливаясь на солнце. Как на талом леднике расцветают восхитительные тюльпаны, нарциссы, эдельвейсы, так на этих освободившихся территориях будут распускаться цветы истинной свободы. Конфедерация областей, республик, регионов, со своими столицами, центрами суверенных сил, укрепощенных культур. Открытость внешнему миру, эфемерность границ. Дыхание великого Китая, объятия мужественных тюрков, рукопожатия родственной и близкой Германии. Россия перестанет быть тупым гигантским носорогом, упершимся бивнем в Северный полюс, а превратится в разноцветную бабочку, парящую среди трех океанов. Бремя русских пространств, задача их обороны, освоения, угрюмого воспевания будут сброшено. Вместо

одной, тупо неделимой и мертвенной, возникнет много России, легких, подвижных, счастливых... Русский человек, защищая проклятые пространства, истреблял себя и других в войнах, замерзал во льдах, сгорал в песках. Строил не удобные дома и квартиры, а живя в бараках, клепал подводные лодки и баллистические ракеты. Изобретал не благовонные мази и упоительные духи, а штамповал в шарашках атомные бомбы. Русская наука открывала не средства наслаждений, не формулу вечной жизни, а средства убийств — лазерные пушки, атомные мины, геофизические взрывы, способные согнуть ось Земли. Зачем нам такая наука? Закрывать все изуверские НИИ и КБ, распустить ученых! Нам хватит нефти и газа, чтобы быть счастливым народом. А наукой пусть займется Америка. Русский человек должен расслабиться, пожить, наконец, для себя. На обломках империи построить радостный Диснейленд со множеством забав, развлечений...

Франц Малютка, о котором говорили, что он собственноручно застрелил пятерых конкурентов по угольной отрасли, этот громила с навороченной мускулатурой и головой, обработанной пневмомолотом, счастливо улыбался, будто катался на «американских горках», сладко повизгивая. Есаул чувствовал, как накаляется громадная реторта мира, как стискивается под страшным давлением земное вещество, теряя рыхлость и блеклость, сжимаясь в сверхтвердый сгусток, готовое превратиться в сияющий прозрачный кристалл.

— Моей главной заботой будет устранение из русского сознания имперской идеи, этой ужасной опухоли, поразившей ум русского человека. Нейрохирургией станет новая культура, которая сменит собой прежнюю, имперскую. «Слово о полку Игореве», «Полтава», «Война и мир», «Тихий Дон», «Последний солдат империи» — их нужно смыть, засветить, как ненужную пленку, вырезать из русского сознания эту тысячелетнюю гематому. Главным министром в моем будущем правительстве станет министр культуры. И знаете кому я предложу этот портфель? — Куприянов обратился к Малютке, обалдело, с раскрытым ртом, внимавшему пьянящим речам. — Я предложу этот пост твоей жене, Франтик, великолепной Луизе Кипчак. Красота, наслаждение, эротика, прельстительные улады, культ прекрасного тела, гедонизм, эллинское упоение каждым мгновением жизни. Луиза — образец нового русского человека. Я дам ей огромный бюджет, подчиню ее влиянию все телевизионные каналы. Она превратит русскую

жизнь в непрерывный фестиваль, в нескончаемое бьеннале, в восхитительный оргазм, который ослепит, заставит забыть угрюмое прошлое, шизоидное мессианство — нравоучительного Толстого, чахоточно-морализирующего Чехова, постыло дидактического Проханова....

Ненависть и любовь вливались в сердце Есаула двумя жгучими потоками, смешивались, вскипали, рождали бесшумные взрывы. Сердце содрогалось, меняло цвет, от ослепительно-алого и нежно-золотого до черно-фиолетового и мрачно-синего. В этой цветомузыке созревало великое знание. Все рассеянные случайные мысли, прихотливые чувства, несовершенные идеи, несостоятельные замыслы сливались, твердели, образуя кристалл откровения.

— Операция, которую я замышляю, будет болезненна. Не скрою, удаление имперской опухоли обойдется недешево. Многие умрут прямо на операционном столе. Реформы, которые я проводил, будучи премьер-министром и которые были оборваны с воцарением Президента Порфирия, будут возобновлены и продолжены. Быть может, в конце реформ русских сохранится шестьдесят миллионов, остальные умрут вместе с имперским сознанием. Но оставшиеся образуют расу счастливых людей, напоминающих дельфинов, что плещутся в теплой лазури.

Куприянов обольстительно улыбнулся, упиваясь музыкальными рокотами собственного баритона и изысканными переливами мысли. Есаул испытывал невыносимую ненависть к этому сакральному врагу, убивающему страну и народ. И слепящую нежность, любовь к ненаглядной России, над которой нависла беда. Два эти чувства, сливаясь, сотворяли кристалл, в котором таилось открытие — как воспрепятствовать враждебному замыслу.

У столика возник официант. В изящном полупоклоне нес перед собой деревянную доску, на которой, обложенная блестящими крупцами льда, красовалась рыба.

— Господам недолго ждать, — сладкозвучно произнес он. — Телятина в красном вине уже на плите. Королевские креветки кипят в молоке. Вот, взгляните. — Он слегка приблизил деревянный поднос к Есаулу. — Ваш сибас. Вам нравится?

Есаул слышал, как приближается шумящий шар света, в котором что-то крутилось, взрывалось, выбрасывало протуберанцы энергии. Ударило, ослепило, накрыло с головой душным вихрем. За стеклянной стеной в казино взыграли фонтаны света, взлетели салюты огня, распушились букеты радуг. За другой стеной вещи

птицы раскрыли громадные шелковистые веера с изумрудными и голубыми очами, ослепили переливами, волшебной игрой перламутра. Рыба на деревянной доске восторженно встрепенулась, ударила влажным хвостом, разбрызгивая блески льда. В голове счастливо и яростно крутанулся золотой глаз. Из бокала брызнула искра, перелетела стеклянный край, ужалила в разгоряченный лоб. Среди космических радуг и волшебных птиц сотворилось чудо. Вода в бокале преобразилась в вино, играла чудным рубином. Ожившая рыба трепетала на доске. Испуганный официант ловил ее на лету, уносил, прижимая к груди.

Есаул испытывал прилив могучей энергии, был счастлив, светел. Его посетило прозрение. Выход был найден. Он поднял на Куприянова просветленное лицо, на котором не было ни гнева, ни ненависти, а лишь свет прозрения.

— Вы абсолютно правы, Аркадий Трофимович. Нам всем предстоит сбросить бремя империи. Путешествие по рекам из Москвы в Петербург ознаменует начало вашей предвыборной кампании, где вы сможете обнародовать свой манифест. Рассматривайте меня как друга, который мог заблуждаться, но теперь готов искупить грех своего заблуждения. Кстати,— он обратился к Малютке,— я знаю, вы еще не зафрахтовали теплоход. И не надо. Администрация Президента предоставит в ваше распоряжение чудесный корабль, построенный на верфях Гамбурга. Он прибыл в Москву недавно, и теперь представляется случай употребить его по назначению. Если бы такой корабль был построен в Германии в тридцать седьмом году, он бы назывался «Адольф Гитлер». Но теперь, в благословенное время, мы дали ему имя «Иосиф Бродский» в честь великого космополита, всем творчеством отрицавшего империю.

— Отлично! — воскликнул Малютка.— Братцы, давайте жить дружно!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Теплоход «Иосиф Бродский», созданный германским гением на верфях Гамбурга, поражал своей красотой и величием. Казался башней с зеркальными этажами. Сочетал эстетику Парфенона и марсианской ракеты. Нежность белого лебедя и тяжело-весную грациозность кита. Его каюты завораживали комфортом,

драгоценными породами дерева, инкрустациями из золота и серебра, картинами великих художников, приобретенных на аукционе «Сотбис». Рестораны и бары, концертные залы и дансинги позволяли превратить плавание в непрерывный пир и нескончаемый праздник. В трюме, как стальной гигантский мускул, помещался двигатель, блистающий своей чистотой и мощностью. Из хрустальной рубки, напоминавшей кабину космического корабля, были видны дно и небо, окрестные берега и глубины. Приборы, сконструированные хитроумными немцами, сочетали корабль с орбитальными спутниками, мировыми столицами, помещали в ноосферу планеты, в прозрачный океан информационных потоков. На борту литерами из чистого золота, искусно сочетая графику готики, церковно-славянского и иврита, была выведена надпись «Иосиф Бродский». Белую трубу опоясывала алая полоса с золотым двуглавым орлом — символом президентской власти. Именно так выглядел теплоход вечером теплого августовского дня, пришвартованный к пристани Речного порта, в ожидании великосветских пассажиров.

Вездесущая пресса, пронюхав о свадебном странствии, оповестила публику об излишествах богачей, пересчитала золотые и серебряные сервизы, миллионные кольца и браслеты, обнародовала списки VIP-персон, среди которых были знаменитые политики, всемогущие олигархи, прославленные артисты, что вызвало нездоровый ажиотаж завистливой толпы. Родились непристойные анекдоты, поползли крамольные слухи, состоялись демонстрации неимущих — пенсионеры под красными знаменами у памятника Марксу требовали прекратить бесчинства развратной Луизы Кипчак. Особенно злобствовала газета «Завтра», изображая теплоход как «плавающий сад извращений», перед которыми меркли фантазии маркиза де Сада.

Все это заставляло принять самые строгие меры безопасности.

По приказу Есаула вдоль всего речного маршрута из пятикилометровой зоны были выселены жители прибрежных деревень и поселков. Вдоль берега, в рощах и кустах, были установлены секретные посты и засады. Над водами барражировали вертолеты. По всему водяному пути прошел тральщик, процеживая глубины на случай закладки подводных мин. На самом теплоходе были установлены аппараты, противодействующие водным и наземным диверсантам, вероятность появления которых была весь-

ма велика. Эти меры безопасности перемежались с ухищрениями дизайнеров и устроителей празднеств — возводились на берегах беседки в китайском стиле для увеселений и чаепитий, оборудовались причалы в виде греческих амфитеатров, создавалась подсветка деревьев и кустарников, готовились лазерные представления на облаках и на стенах окрестных соборов. Повсюду, где проплывал теплоход, планировались маскарады, фейерверки, пикантные увеселения, развлекательные прогулки. В строжайшей тайне блюлось время и место прибытия на теплоход Президента Порфирия, который прямо с альпийского курорта обещал подлететь на вертолете к плывущему кораблю и принять участие в празднествах.

Есаул лично контролировал меры безопасности, общался с разведкой, глушил скандалы, отвлекал внимание прессы от одиночной поездки. С ней был связан его тайный замысел. Его он лелеял под сердцем, окружая кольцами защиты, непроницаемой немотой. Запрещал себе думать о нем, зная, что у противника существуют технологии, считывающие мысли.

Он приехал на Речной вокзал незадолго до прибытия гостей. У трапа Есаула встретил и изысканно козырнул капитан теплохода Яким, молодой голубоглазый атлет, облаченный в белую форму с золотыми позументами. Узкий в талии китель был схвачен парадным поясом, на котором висел морской кортик, — узкий, спрятанный в ножны клинок с костяной инкрустированной ручкой. На ножнах извивалась золоченая змейка. Торец рукоятки украшало золотое сердце.

— Обстановка? — спросил Есаул, поднимаясь на трап.

— Все готово, Василий Федорович. Вот ключ от вашей каюты, — Яким протянул хромированный ключ с набалдашником в виде резной головы Иосифа Бродского. Пока они шли по мягким коврам коридора, среди сверкающего лака и мягкого света плафонов, им попадались члены экипажа, молодые, спортивного вида люди в безукоризненно белых мундирах. Все состояли в молодежном движении «Нейшн», любимом детище Есаула. Все прошли школу корабельного искусства, были прикомандированы к теплоходу, владели языками, хорошими манерами, правилами светского тона.

Люкс, куда вошел Есаул, был лишен кричащей роскоши, свойственной остальным каютам. Напоминал деловой кабинет, где можно было работать, проводить совещания, связываться по

многочисленным телефонам с Кремлем, Правительством, Государственной думой и Советом Федерации. Прямые телефоны соединяли каюту с Министерством обороны и МВД, штабами флота и армии. Телевизор с огромным плоским экраном позволял принимать несколько сотен телевизионных программ.

Есаул снял трубку голубого, без устройства для набора, телефона, услышал сдержанный голос: «Оперативный слушает». Удовлетворенно вернул трубку на место. Подошел к окну и стал смотреть на пирс, ожидая прибытия гостей.

Первыми явились новобрачные. Длинный, словно игла, перламутровый «линкольн» картинно выкатил на пирс в сопровождении тяжеловесных, как катафалки, джипов. Луиза Кипчак, обворожительная, в аметистовом платье, светясь жемчужным лицом, с полуобнаженной грудью, встала из автомобиля, царственно улыбаясь. Франц Малютка, тяжеловесный и мощный, с грациозностью гризли, протянул ей руку. Было видно, как чуткие белые пальцы Луизы опустились на могучую волосатую лапищу Малютки. Струнный квартет у трапа страстно заиграл «Маленькую серенаду» Моцарта. Бриллианты переливались на шее Луизы, ее локоны напоминали прическу загадочных женщин на картинах Борисова-Мусатова. Брачная пара под аплодисменты, сопровождаемая слугами с поклажей, проследовала на трап, где их встретил галантный капитан Яким. Отдал честь, верноподданно улыбался. Помощник капитана с поклоном протянул Малютке ключ от люкса с костяной головой Иосифа Бродского, проводил до дверей каюты.

Когда молодожены остались одни, Луиза оглядела роскошные комнаты, столы и кресла красного дерева, просторную кровать под шелковым балдахином, текинские ковры под ногами, приоткрытую дверь в туалет, где драгоценно мерцали фарфор унитаза и биде, зеркала и кафель, и сказала суженому:

— Как здесь мило, Франческа. Какой замечательный дом. Так давай же скорее впустим нашего домового, пускай обживает наше уютное гнездышко!

— Но не сейчас же, Лизок! — пробовал возразить Малютка.

— Именно сейчас. Нельзя нашего домового так долго держать взаперти!

Она положила свою чуткую аристократическую руку на пах Малютки, играючи расстегнула пуговики брюк, нырнула в открыв-

шуюся норку. Малютка воздел к потолку остановившиеся бычьи глаза. Некоторое время в глубине, где орудовала прелестная рука, раздавался стук бильярдных шаров, а затем разбуженный неосторожным вторжением божок стал подниматься, выгибая ткань дорогих брюк. Убедившись, что разбуженный идол не уснет, Луиза извлекла шаловливую ручку. Нажала невидимую кнопку у себя на спине. Сбросила аметистовый покров, оставшись в тончайших трусиках «танго». Переступила светящийся ворох, словно вышла из лесного озера.

— Наш домовой обожает путешествовать. Мы уже выпускали его глубоко под землей, когда занимались любовью в шахте. И в туалете «Боинга», куда я выманила тебя во время полета в Америку. И на дереве баобаба, когда ты взял меня на сафари в Кению. И ночью в фонтане «Треви», когда мы гостили в Риме. И в ложе Большого театра, где слушали оперу «Дети Розенталя». И в открытой могиле, когда прогуливались по Ваганьковскому кладбищу. И на асфальте перед «Матросской Тишиной», где мы выражали солидарность с нашим другом Ходорковским. Ну, давай же, Франтишек, выпускай домового!

Малютка сопел, вываливая из тесных тканей могучие волосатые мышцы. Скакал на одной ноге, сбрасывая туфлю. Превращался в гигантского примата с горбатой спиной, согнутыми коленями, достающими до земли руками, среди которых бушевал рассерженный красно-фиолетовый детеныш.

— Масенький, холесенький,— лепетала Луиза Кипчак, стараясь ухватить не помещавшегося в ладони божка. Освободилась от шелковой нитки с треугольничком прозрачной материи. Предстала в блеске бриллиантов, усыпавших ее от шеи до лобка. Малютка, ослепленный, с видом восхищенной конголезской гориллы сгреб любимую женщину в мохнатые объятия. Швырнул под балдахин на кровать.

Капитан теплохода Яким ощутил необычную вибрацию палубы, но догадался об источнике колебаний. Нервно погладил кортик.

К причалу из вечерней аллеи выскользнул зеркально-черный «мерседес» в сопровождении двух «хаммеров», из которых повалила охрана, охватила причал полукольцом. Здоровенные громилы оттопырили подмышки, где притаились скорострельные «беретты». Из «мерседеса» величественно вышел Куприянов.

Расправил статные плечи, красиво выгнул грудь. Огляделся во круг, убеждаясь, что находится в окружении обожателей. Плавно двинулся к трапу, зная, что верные слуги несут за ним баулы с дорожной поклажей.

Капитан Яким вытянулся по-флотски, прикладывая ладонь к белоснежной фуражке. Помощник капитана подобострастно, споткнувшись о ковер, заторопился вперед, неся ключ с головой Иосифа Бродского, словно магический жезл. Куприянов милостиво ему улыбнулся. Отпустил носильщиков. Остался один в великолепном люксе с окнами на залив, по которому струились розово-зеленые переливы зари.

Куприянов приблизился к просторной кровати, застеленной шелковым покрывалом. Сильным взмахом сдернул японскую ткань, обнажив простыню и свежую подушку в чистейшей наволочке. Вспрыгнул на кровать, не снимая туфель. Некоторое время топтался на подушке, глядя, как черные туфли погрузились в девственную чистоту подушки.

Спрыгнул на пол. Подошел к одному из своих саквояжей, небольшому кожаному баулу с медным запором. Повернул колеса. Открыл дорожную суму. Извлек белое куриное яйцо. Ударил тупым концом о стол красного дерева с бронзовым позументом. Отколупнул красивыми ногтями ломтики скорлупы. Запрокинул голову, раскрыл широко рот и влил в него содержимое яйца. Сладострастно сглотнул. По мере того как желток проскальзывал по пищеводу, Куприянов тер свою бархатную холеную шею, массировал чувственный кадык. Когда сгусток упал на дно желудка, Куприянов выпрямился и рокочущим баритоном пропел: «О — а — у — э — о — а!»

Достал из того же баула чистый платок. Приблизился к зеркалу и, оскалив большой рот, тщательно протер платком крепкие зубы, убеждаясь, что они безупречно белы, отлично смотрятся в широко открытом зеве, где влажно шевелится розовый, как у молодого пса, язык.

Некоторое время наблюдал свое отражение. Чем дольше смотрел, тем туманнее и влажнее становились его глаза. Дыхание участилось, грудь высоко вздымалась. Он приблизил к серебряному стеклу покрасневшие, налитые соком губы и жадно, страстно приник. Поцеловал себя долгим обморочным поцелуем, уста в уста, пока не пробежала по его сильному туловищу мелкая судорога. Ослабел, обмяк. Вяло отошел от зеркала, оставив на стекле влажный, тающий отпечаток.

К причалу вылетела игривая «альфа-ромео», напоминающая нарядную бабочку. За рулем восседал смуглый круглолицый тувинец, огромного роста, с серебряной серьгой в ухе, сын шамана, уроженец Саян. Рядом с ним откинулась очаровательная мадам Стеклярусова, мать невесты, вдова петербургского мэра. Ее нежное целлулоидное лицо было доведено в салонах красоты до молочно-восковой спелости. Недавно перенесенная очередная подтяжка придавала ей вид двадцатилетней барышни. Бирюзовые глаза светились наивным счастьем. Широкополая парижская шляпа делала ее похожей на садовый цветок. Розовое девичье платье открывало грудь настолько, что всякий желающий мог рассмотреть смуглые, натренированные соски. Вышли из машины, проследовали к трапу. Тувинец нес на плече громадный баул, как охотники Саян носят туши убитых медведей.

— Вы очень милы,— прошептала она капитану Якиму, потрепав шаловливой ручкой его мужественную, гладко выбритую щеку.— Мой бедный муж не дожил до счастливого дня, но там, на небесах, он радуется счастьем Луизы. Очень милый кораблик,— бубенчиком звучал ее голос, а пальчики, усыпанные самоцветами, как бы невзначай бегали по гульфику капитанских брюк, как это делает пианист, играя Скрябина.

Оказавшись в номере, она тут же распустила тесемки платья, обнажила полную, с голубоватыми наплывами спину. Пала на кровать лицом вниз, пролепетав:

— Дорогой Тока, ты не забыл? Время приступить к процедурам.

Сын шамана был приставлен к неувядающей женщине, которая так много сделала для жителей горной страны, что те решили открыть ей секреты долголетия и вечной молодости. Они направили ей в услужение молодого колдуна, владеющего восточными практиками. Тока — так звали врача и целителя — сбросил покровы из тонко выделанных козьих шкур, обнажил бронзовую мускулатуру атлета, оставшись в набедренной перевязи.

— Давай же, Тока,— торопила мадам Стеклярусова.

Тувинец опустил на ее поясницу могучее бронзовое колено. Надавил на чакру, так что затрещали и разошлись швы многочисленных подтяжек — за ушами, на шее, на животе, на боках, под лопатками, под языком, в глазницах, в матке, в правом полушарии, в селезенке, в двенадцатиперстной кишке. Стало легче дышать, словно сняли корсет. Тувинец мощными пальцами стал мять

тучную спину, как месят тесто в квашне, погружая пятерни в податливую мякоть. Постепенно из раскрытых швов стал выступать синий жир. Лекарь соскабливал его ножом из медвежьей кости и складывал в старинную склянку.

— Теперь доставай «малых мира сего», — торопила его прекрасная пациентка.

Врачеватель извлек березовый туесок и высыпал на нее лесных муравьев, которые расползлись по распаренной спине, покрывая ее укусами. Женщина повизгивала от наслаждения, выделяя в местах муравьиных укусов капельки желтого пота. Тувинец снимал их костяным лезвием и стряхивал в склянку.

— Теперь эликсир «Хозяин тайги» и мазь «Хозяйка ущелий», — требовала женщина.

Молчаливый лекарь извлек бутылку с желудочным соком медведя и флакончик с ядом горной гадюки. Лил на спину из обоих сосудов. Спина вскипала, покрывалась волдырями, сочилась ржавыми ручьями. Тувинец орудовал костяным ножом, стряхивал коричневатую жидкость в подставленную склянку.

— Теперь — «Удар милосердия». — Мадам Стеклярусова ловко стянула остававшиеся на ней покровы, обнажив две желтые продолговатые ягоды, напоминавшие сросшиеся лежалые дыни. Тувинец сорвал с чресл повязку, освобождая заветный амулет, который оказался детородным отростком изюбря. Был украшен костями осетра, перьями орла, панцирем черепахи, кедровыми шишками и острыми иглами дикобраза.

С протяжным криком: «Уи-и-и уо-о-ол!» — нанес разящий удар, разделяя сросшиеся дыни. Стеклярусова возопила, оглашая ущелья победным криком оплодотворенной медведицы.

К пристани Речного вокзала — шедевра сталинской архитектуры, где итальянское причудливо сочеталось с неандертальским, вылетел кортеж автомобилей. Вереница представительских машин перемежалась тяжеловесными джипами охраны, пылко мерцающими машинами сопровождения. Раскаленная вереница остановилась у теплохода. Телохранители помогали выйти тем, кого в народе называли «могучая кучка» и кто составлял ближнее окружение Президента. То были генпрокурор Грустинов, председатель Госдумы Грязнов, министр экономики Круцефикс, телемагнат Попич и министр обороны Дезодорантов. Все держались вместе, были встревожены, недоверчиво поглядывали на белоснежный,

окруженный пышными огнями корабль. Шли по трапу гуськом, осторожно ставя ноги, словно боялись, что трап может рухнуть, и они упадут в темную, с ртутным отливом воду.

— Василий Федорович прибыл? — спросил Грустинов у капитана Якима.

— Так точно, — по-военному отрапортовал капитан, называя номер каюты, в которой остановился Есаул.

Офицеры экипажа в белых мундирах с серебряными позументами, вооруженные кортиками, провожали вождей по каютам, передавая им ключи с костяной головой поэта, напоминавшие жреческие символы.

Прокурор Грустинов, как только оказался в каюте, запер на два оборота дверь. Осмотрел все углы, словно опасался засады. Постучал кулаком в стену, убеждаясь в ее прочности. Плотнее занавесил окно, чтобы чужой взгляд не проник с палубы в помещение. Извлек мобильный телефон, затрепетавший в его толстой пятерне, как жемчужная раковина. Набрал номер отдаленной колонии, где за колючей проволокой с пулеметами, в тюремном бараке, на нарах, в серой робе зэка томился некогда могучий нефтемагнат. Узник давно уже отказался от своих либеральных воззрений. Миновал краткосрочную фазу увлечения социал-демократией. От «левого поворота» качнулся к национальной идее, призывая к национально-освободительной войне. Но и это осталось позади. Погруженный в мистику, исполненный видений, он принял православие и дал обет, выйдя на свободу, постричься в монахи. Генпрокурор внимательно следил за его эволюцией, с облегчением наблюдая, как в знаменитом узнике исчезает мстительность, он уже отказался от мщения своим мучителям и расхитителям нефтяной корпорации. Пел псалмы, призывал любить «врагов своих», особенно прокурора Грустинова. Однако грядущие в стране перемены, неизбежный уход Президента Порфирия и возвышение Куприянова, сулили прокурору неприятности. Набрав телефон начальника колонии, он сухо приказал:

— Так, полковник, слушай сюда. В прошлый раз ты докладывал, что заключенный «2769-7» назвал тебя «Брат мой», за что ты посадил его в карцер. Больше не сажай, понял? Пусть называет. Купи ему леденцов, скажи — я прислал. Пошей ему рясу, как он просил, скажи — я велел. Приведи к нему попа, скажи — я приказал. И вообще с ним помягче, помягче. Понял, полковник? Так-то, брат мой!

Остальные члены «могучей кучки» вели себя столь же встревоженно. Министр экономики Круцефикс, оказавшись в замкнутом пространстве каюты, испытал ужас клаустрофобии. Тихо взвыл, стал биться головой о стены, рвать клочковатый комок бороды, запел гнусным голосом романс на стихи Гейне: «Кенст ду дас ланд, во ди цитронен блюэн...»

Спикер Грязнов, как всегда, когда волновался, в том числе и на заседаниях Государственной думы, разулся, достал небольшие ножницы и стал подстригать на ногах когтистые желтоватые ногти, бормоча: «Фракция думского большинства — ведь, в сущности, там одни идиоты!»

Министр обороны Дезодорантов уронил трость в угол, отклеил перед зеркалом накладной нос, промыл его в формалине. С помощью крохотной клизмы закачал пахучий зеленоватый раствор в зияющую дыру над губой, предохраняя пораженную мякоть от дальнейшего разложения. Вновь приставил эластичный протез носа, побрызгав лицо из баллончика душистой аэрозолю.

Телевизионный магнат Попич, маленький, нервный, трясся хохолком, бегал по каюте, названивая в тысячи разных мест. Возмущался, почему опаздывает на теплоход знаменитый телеоператор Шмультрихтер, в чьи обязанности входило снимать свадебное путешествие. Интересовался у дежурного по кораблю, в какой каюте разместился Куприянов и не спрашивал ли он о нем, Попиче. Домогался у подчиненных в «Останкине», в каком архиве хранится кассета, на которой заснят случившийся с Есаулом конфуз, когда тот, проходя по кремлевскому залу, споткнулся и едва не упал.

— Подбери-ка мне все, что у тебя есть на Есаула, особенно его подвиги в Чечне, с батальоном «Восток», — приказывал он помощнику, бегая по каюте.

Из аллеи к причалу выкатила кавалькада. «Вольво», розовая, как фарфоровая ваза для омовения. Комфортабельный автобус «мерседес» с нарисованной экзотической птицей. Второй автобус, чуть меньших размеров, на борту которого рука скелета сжимала алый цветочек. Небольшая фура, зачехленная тканью с нарисованным оскаленным псом. Из розовой раковины, в пене одежд, прекрасный и женственный, как Афродита, вышел известный модельер Словозайцев. Вслед за ним показался маленький чернорусый человек, похожий на энергичного пса, по фамилии Русак — губернатор древнерусского города, славного своими победами

над Ливонией. Он нарочито изображал из себя европейца и поощрял в своем городе не игру на гусях, не колокольный звон, а рок-концерты и фестивали высокой моды, что сближало его со Словозайцевым.

Из автобуса стали невесомо выпадать высокие тонконогие женщины, манекенщицы, все в великолепных нарядах, похожие на цветущие астры. Из третьего экипажа по одному спрыгивали на землю странные неуклюжие существа, облаченные в оранжевые балахоны, скрывавшие тела и лица. Ступали кособоко, иные прихрамывая, иные задом наперед, и могло показаться, что под рыжими покрывалами прячутся приматы,— очередная затея падкого на выдумки Словозайцева.

Из фуры мускулистые служители стали выводить собак — в намордниках, на хромированных цепях. Казалось, что это боевые псы, предназначенные для смертельных схваток. На деле же Словозайцев хотел продемонстрировать великосветским пассажирам теплохода образцы экстравагантной собачьей моды.

Все двинулись на корабль. Собак отвели на корму, поместив в отдельный бункер, где приковали к крюкам. Животные крутились на цепях, нервно повизгивали, пялились розовыми от злобы глазами.

Существа в балахонах поселились в двухместных каютах на нижней палубе, под которой располагался двигатель. Служители заперли их в помещениях, а ключи унесли с собой. Длинноногих красавиц расселили по всему теплоходу, и они, едва оказавшись в каютах, принялись переодеваться, поправлять маникюр, делать массаж запястий и щиколоток, глотать питательные, не прибавлявшие веса таблетки.

Словозайцев, войдя в каюту, обнаружил, что в ней уже находятся несколько манекенщиц. Их искусственные безукоризненные зубы, улыбающиеся лисьи лица, протянутые к нему длинные коготки не предвещали ничего хорошего.

— Зи-зи, Ки-ки, То-то... Ну не надо, не сейчас... Я еще не переоделся,— жалобно умолял он, отступая от двери. Но красавицы только усмехались, поблескивая перламутровыми когтями, цокая отточенными каблуками, беспощадно сияя прекрасными глазами.— Ли-ли, Фи-Фи... Я прошу...

Красавицы кинулись на него, бросили на кровать, стали щекотать. Словозайцев извивался, хохотал, умолял оставить его:

— Фру-Фру, Мо-мо, я изнемогаю...

Проказницы щекотали его под мышками, теребили пятки, забирались тонкими щупальцами в пах, лезли в уши, под язык. Словоизайцев орал, хохотал, обливался слезами, корчился. Обессиливший, с выпученными глазами, вываленным языком, в коме, остался лежать на кровати. Манекенщицы по-матерински заботливо раздели его, накрыли одеялом, поправили подушку. Оставили лежать, видя, как дергается под одеялом беспомощная пятка.

Губернатор Русак, напротив, сам был исполнителем увлекательной затеи. В просторной каюте к кровати был прикован белемый бультерьер в наморднике. Русак в гетрах, в безрукавке дрессировщика держал ременный хлыст. Наносил по собаке длинные разящие удары. Собака взвизгивала от боли. Отпрыгивала. Кидалась на мучителя. Рвалась на цепи. Снова отскакивала, пораженная ударом бича.

— Не любишь!..— приговаривал Русак, награждая бультерьера очередным ударом хлыста.— Не любишь!..

Глаза собаки набрякли кровью. Намордник наполнился розовой пеной. На мускулистых, играющих ненавистью боках вздувались рубцы. Русак все бил и бил, пока, дрожа коленями, не упал на пол, изнемогая от сладострастной муки.

Прикатил тяжеловесный «форд» с американским флажком. Два морских пехотинца растворили дверцу, выпуская посла США Александра Киршбоу. Доброжелательный и вальяжный, улыбаясь, он посмотрел на теплоход, как взрослые люди смотрят на детскую дорожную игрушку.

— Ер эксесенц!..— козырнул ему у трапа Яким.

— Где-то я вас видел, не правда ли? — посол пожал капитану руку.— Вы не служили в «Нэйви энэлайзес»?

— Никак нет, я возглавляю организацию «Нейшн».

— Да, конечно. Ваших ветеранов хоронят на Арлингтонском кладбище.

С этими словами он принял ключ с костяной головкой поэта. Красивая мускулистая девушка в белой короткой юбке с серебряным кантом, по виду толкательница ядра, подхватила его баул и проводила в каюту. По коридору посол шагал ленивой походкой скользящего интеллектуала. Но, едва войдя в номер, обернулся и с необычайным проворством залез барышне в трусы. Та не повела бровью. Улыбалась, держа саквояж, пока Киршбоу совершал экскурсию по кустистым дебрям. Когда он удовлетворил пыливость путешественника и вернул руку в пространство каюты, девушка поставила баул и спросила:

— Что-нибудь еще, господин посол?

— Немного позже,— ответил Киршбоу и подарил русской красавице стеклянные бусы, как когда-то колонисты одаривали диких туземцев.

Голубой «фольксваген» доставил к теплоходу председателя Союза предпринимателей и промышленников Добровольского. Жовиальный старик с горбатым склеротическим носом и красными веками улыбался во все стороны искусственными зубами. Приглаживая медного цвета парик, он направился к трапу ослабленной семенящей походкой, время от времени смыкая пятки и разводя носки, что делало его похожим на Чарли Чаплина. Всякий, кто знаком с масонскими символами, без труда мог определить в нем члена ложи, прибегавшего к особым приемам, чтобы его в толпе опознали другие братья. Пока он двигался к трапу шажками пингвина, ему откликнулось несколько находящихся на пирсе соратников. Мусорщик в оранжевой робе, подбиравший на асфальте бумажки, сделал несколько шажков, имитируя пингвина. Охранник, скрывавшийся в кустах, вышел из тени на свет фонаря, скрестив средний и указательный пальцы и послав приветствие магистру. Милицейский полковник с рацией показал ладонь, на которой светящейся краской был начертан мастерок — орудие вольных каменщиков.

— Не могли бы вы прислать мне в номер лед? — спросил Добровольский у капитана Якима, принимая ключ.

— Лед уже доставлен,— любезно ответил Яким.

— Спасибо, мой мальчик,— удовлетворенно заметил Добровольский, чувствуя себя окруженным тайными братьями, лишь на мгновение обнаружившими свое присутствие.

В номере на столе стояло ведро с мелко нарубленным льдом. Добровольский снял парик, который являл собой резиновую оболочку, усеянную рыжими синтетическими волосами. Обнажил бугристый, голубоватый череп с больной синей веной. Над раковиной он вылил из парика воду, как выливают ее из грелки. Натолкал в оболочку мелко нарубленный лед. С наслаждением нацепил парик, который действовал, как рефрижератор, остужая пылающий мозг, перегретый от постоянного крючкотворства и каверз. То же самое проделал с бандажом, окружавшим пах. Промежности нестерпимо горели, ибо недавно в секретной биолaborатории ему, вместо истлевших чресл, пересадили семенни-

ки молодого орангутанга. Семенники прижились, но иногда начиналось изнурительное жжение, хотелось в джунгли Нигерии, где обитало множество привлекательных самок.

Появился «лендровер», украшенный странным плюмажем, испещренный кабалистическими звездами, изображениями ящериц и гадюк. В нем прибыла известная гадалка и чаровница Толстова-Кац. Из автомобиля вытекла огромная рыхлая старуха, наруганная и набеленная, в розовом тюрбане, с живой совой на плече. Ее ноги распухли от «слоновой болезни», тела колыхались и хлюпали. Она напоминала огромный перезрелый гриб, пропитанный влагой, с почерневшей губкой, в которой завелись мокрицы и сороконожки. Поддерживая себя за бока, понесла свое тело к теплоходу, и казалось, вот-вот от нее отвалится рыхлый скользкий ломоть, и начнут разбегаться потревоженные обитатели водянистого гриба.

Тяжело взгромоздилась на трап. Мельком взглянула на капитана Якима:

— Когда устанешь убивать, станешь садовником. Будешь сажать на могилах хризантемы.

Едва протискиваясь в коридоре, добралась до каюты. Пересадила сову с плеча на вешалку. Растворила баул и выложила магическую пирамиду, колоду карт, сушеную саламандру, сморщенную, с извлеченным черепом, головку эскимоса, кипу длинных булавок, свечу, китайский веер, а также том стихов Иосифа Бродского (издательство «Независимая газета», 2001 год). Прделавав эту работу, собралась было прилечь, но в ней что-то заурчало, забурлило. Ахнув, она заторопилась в туалет, где накрыла своими пышными юбками лазурный унитаз, как накрывает чайник лоскутная баба. Из нее тотчас хлынуло, полилось, неудержимо, как водопад, как проливной дождь, что неумоимо хлупает за окном, наполняя влагой яблоневоый сад. Бульканье услышал вахтенный офицер, думая, что преждевременно заработал водяной винт. Но за кормой была гладь, на которой нежно трепетало отражение оранжевого фонаря.

На подержанном «ниссане» прикатил известный телеоператор Шмультрихтер, тот, что когда-то поразил общественность кадрами голого совокупляющегося прокурора. Маэстро был одет, как турок на старинной литографии — бирюзовые шаровары, малиновая безрукавка, на выющихся чернильных волосах белая

феска с кисточкой. Длинный птичий нос вертелся во все стороны. Вслед за носом вращались пытливые всевидящие глаза — один красный, другой фиолетовый.

— Один для ночных съемок в инфракрасном спектре,— пояснял Шмультрихтер,— другой для дневных, в ультрафиолете.

Он то и дело облизывался, высовывая длинный язык, и сглатывал слюну, как собака, предвкушающая вкусную косточку. Проществовал к трапу, энергично переставляя ноги в загнутых чужаках.

— Извольте опаздывать,— сделал ему мягкий выговор капитан Яким.

— Изволю, изволю,— согласился оператор.— Обгонял Патриарха. Небось, тоже сюда намылился, «Ноев ковчег» освящать.

Попав в свою каюту, Шмультрихтер сразу направился к стене, что была задрапирована тканью. Отдернул занавес, и открылся вмонтированный в стену полиэкрэн. В большинстве кают были установлены скрытые камеры, которые вели непрерывную съемку. Эта съемка должна была лечь в основу телевизионного фильма, который заранее купил экстравагантный канал ТНТ, специализирующийся на случаях в прямом эфире.

— Тэкс, тэкс, позвольте взглянуть.— Шмультрихтер стал нажимать тумблеры, включая поочередно мониторы.

В каюте новобранцев обессилевший Франц Малютка опрокинулся навзничь, а неистовая Луиза Кипчак, словно обнаженная валькирия, сидела у него на лице и подпрыгивала. Губернатор Русак продолжал истязать собаку, приговаривая «Не любишь!», и у терзаемого животного из намордника падала пена. Посол Киршбоу достал звездно-полосатый американский флаг и учился его складывать, как складывают на гробах убитых в Ираке солдат. Куприянов позировал перед зеркалом, примеряя двенадцатый галстук, при этом был без брюк, прятал глубоко между ног гениталии, пытаясь изображать из себя женщину. Прокурор Грустинов возлежал на кровати, играя мобильным телефоном, пробуя своим небольшим, натренированным отростком набрать Генеральную прокуратуру, но попадал почему-то на квартиру проститутки.

— Конечно, я не Антониони, но все же Шмультрихтер,— засмеялся оператор, заморгал разноцветными глазами и облизнулся.

Из липовой аллеи у освещенной пристани появилась фигура, маленькая и нелепая. Когда она приблизилась к фонарю, можно было увидеть, что это горбун. Лицо его, болезненно-бледное, с за-

павшими щеками, тонкой переносицей, широко раскрытыми серыми глазами, было красиво и измучено, выражало кроткую мольбу и сострадание. Его появление среди роскошных автомобилей, рослых охранников и чванливых гостей было странным. Когда он взошел на трап, капитан Яким недоверчиво его оглядел:

— А вы, простите, кем будете? Присутствуете в списке гостей? — он стал просматривать листки, где значились вельможные имена, звания и титулы. — Должно быть, вы из группы Словозайцева? Показ экстремальной моды? — Яким чуть насмешливо, сверху вниз, заглянул на его горб.

— Да, да, Словозайцев, — смущенно ответил горбун, получая ключ, расточаясь в глубине коридора.

Есаул все это время из-за плотной шторки наблюдал прибытие гостей. Он нервничал, его раздражали помпезные мужчины и женщины, явившиеся на корабль праздновать — не столько счастливую свадьбу, сколько восхождение Куприянова, его неизбежную победу. Многие из гостей еще недавно боготворили Есаула, искали встречи, пользовались благодеяниями, славословили на всех углах. Но в миг, когда изменилась погода, и подули студёные ветры, вероломно от него отвернулись. Эта ветреная, эфемерная публика, изнеженная и развратная, именовалась «элитой», была правящим классом, разорявшим страну. Вызывала у Есаула глубинную ненависть, потаенное презрение, чуткую осторожность. Ибо из вороха драгоценных шелков, блеска бриллиантов, легкомысленного и веселого лепета в любой миг могла протянуться рука с пистолетом.

Есаул смотрел, как подкатывают автомобили и на борт теплохода следует нескончаемая вереница. Прибывали именитые актеры, забавные смехачи, расфранченные писатели, экзотические стилисты. Уже прошествовала черная шляпа, принадлежащая долговязому фату, вылитому артисту Боярскому. На чьем-то лице проплыли хохочущие усы Михалкова. На чьей-то голове проблистала сальная лысинка Жванецкого. Кинозвезды и телеведущие, воротилы шоу-бизнеса и пиар-агентств — все они были похожи на разноцветную легкую пену, шелестящую над кружкой пива. Рождали у Есаула отторжение, как прекрасный ядовитый цветок, насыщенный тлетворными соками.

Из-за темных деревьев взошла луна, вначале оранжевая и туманная, затем все белее и ярче, наливаясь млечным блеском,

зеркальным свечением. Огромно и чисто пылала над теплоходом, отражаясь в заливе.

По золотой бахrome, пересекая ее тенями, скользили лодки, яхты, буксиры, вытягивая по воде дрожащие золотые нити.

Есаул востепенел, увидев, как подкатывает скромный, с зачехленными окнами, микроавтобус. Сразу несколько членов экипажа, мелькая под фонарями белыми куртками, кинулись к автобусу, отворяя задние двери. Через минуту от автобуса отделились носилки, подхваченные четверьмя молодцами. На носилках высилась кибитка без окон, в каких по улицам средневекового города странствовали прекрасные дамы, отправляясь на тайные порочные встречи. Бегом, в сопровождении нескольких членов команды, кибитку внесли на трап. Направили в самый отдаленный отсек корабля, в глухую, за железной дверью, каюту, перед которой была выставлена стража. Есаул впервые облегченно вздохнул и заметил, как прекрасна луна.

Оставались последние минуты перед отплытием, когда на пристань выскользнул торжественный кортеж — мотоциклы, лиловые вспышки, шумные вихри машин. То прибыли Святейший Патриарх Пий 45-й и мэр Москвы Юрий Долгоухий. В тяжелых золотых ризах, окутанный сладкими фимиамами, запалив высокие свечи, из автомобилей выплыл клир, начиная богослужение. Патриарх, поддерживаемый под локти, белобородый и немощный, в золотой митре, воздел руки, облаченные в золотые рукава, напоминая птицу, тщетно желавшую взлететь. Знакомый пастве дребезжащий, блеющий голос затянул псалом, обращая его к ковчегу, который, казалось, очнулся, ожил, одухотворился. На палубы из кают выходили набожные пассажиры, держа в руках запаленные свечи. Мэр Юрий Долгоухий стянул замшевое кепи, и его смуглые кудри рассыпались за спиной, придавая сходство с благородным рыцарем.

— Отправляясь в странствие по водам и потокам днесь, являя народу Израиля рекохом благолепие и стяжание алкающих, снизошел чадам градов сих и поселений, в назидание братии и восшедши, аки дочь низподаху, благословляю ковчег сей и немощных человеколюбце, аще на поприще благоволения и произрастание злаков и кормящих во утробу сию... — восклицал Пий 45-й, жалобно и слезно взирая на ковчег, где ему вторили нестройные голоса верующих и молящихся.

Свечи теплились золотыми огнями. Луиза Кипчак набожно крестилась, капая чистым воском на свою босую, чуть прикрытую бальным платьем ногу с сиреневым педикюром.

— Сочетаемые браком нераздельным, яко светила негасимые царствия опричь, благолепие чертогу и плодов земных, яко виноградников и во оскудение благодати, опричь ниспадаху и отрекоху, преумножая лета и во избавление и продление роду сего, всякого писанного и неписанного, в благодарение и снискание едиnorodных сих...— голосом, дрожащим, как хрусталь во время землетрясения, возглашал Патриарх.

Корабль, как огромный аналой, был дивен и великолепен под полной луной. Куприянов, в галстук на голом теле, крестился левой рукой, кладя знамение снизу вверх, слева направо, как учил его выкрест-священник, окормлявший кабинет министров.

— От града первопрестольной Москвы, чадам и святотатцам, опричь немощных и увечных, донельзя воинов и благонравных, дабы по водам и потокам в достижение столиц северных и богобоязнен, донельзя и сподвижникам сих человеколюбце...— возглашал Патриарх.

Служки поднесли Патриарху чашу святой воды и кропило. Тот немощной рукой посылал сверкающие под фонарями брызги в сторону корабля, благословляя ковчег и всех странствующих на нем. Оператор Шмультрихтер, приклеив свечку к поручню палубы, ловил в окуляр патриаршьи ризы, облизываясь красным собачьим языком.

Луна отекала медом, вязкая медовая полоса пролегла по заливу. Медлительные лодки и яхты пересекали ее, вытягивая золотой клейкий след. Так оса, попадая в медовую сладость, неохотно ее покидает, оставляя за собой золотистую тягучую струйку.

Мэр Юрий Долгоухий, отбросив назад романтические темные кудри, воскликнул:

— Счастливого плавания, дорогие москвичи. Передайте моей незабвенной коллеге, мэру Санкт-Петербурга Валентине Воспаленко-Оскуденко привет и послание, которое прошу вскрыть по прибытии в город на Неве,— с этими словами мэр протянул на борт конверт, скрепленный сургучными печатями, на которых был оттиснут герб Москвы — азербайджанский шашлык на шампуре высотой с Останкинскую телебашню — работа скульптора Церетели.

И тут случилось знамение. Луна вдруг окуталась пепельной дымкой, словно ее занавесили серым прозрачным батистом. Свет убавился, исчез медовый блеск. Потускнев, луна стала отсвечивать красной медью. След на воде из сусально-золотого превратился в грязно-желтый, какой бывает на обветренной, содранной с кровли латуни. Муть, летела к луне. Это было облако несметных тварей, летучих насекомых, гонимых ветром через моря и горы из песков африканской пустыни. Мириады существ с прозрачными крыльцами окутали луну, помещая ее в туманное облако. Каждая невесомая тварь действовала, как кристаллик стекла, преломляла свет в прозрачных крыльцах и стекловидных чешуйках. Желтую луну окружили зеленые и алые кольца, голубые и оранжевые оболочки. Лунный круг превратился в черный квадрат, по углам которого полыхали изумрудные и багровые вспышки. Рядом с квадратной луной образовались лазурный полумесяц, фиолетовое треугольное светило, шестиконечный спектральный крест. На заливе в багровом отражении струились черные змеи, словно плыли в кровавой реке. Черный квадрат набряк кровью. В его рубиновой глубине стали проявляться силуэты, как в театре теней. Вместо привычной библейской сцены, в которой Каин убивает Авеля, возник Грозный царь, убивающий сына Ивана. Его сменил царь Петр Первый, убивающий сына Алексея. Была явлена сцена, где Иосиф Сталин убивает сына Якова.

Люди на пристани с ужасом взирали на зловещее светило, являвшее сцены детоубийства, сулившее беды и пролитие крови. Гости теплохода немо запрокинули головы, глядя, как из луны в залив капает кровь, и от каждой капли расходятся багровые круги.

Облако слюдянистых тварей, прилетевших из африканских пустынь, пронеслось дальше, оставляя луну. Видение исчезало, ночное светило вновь наполнилось серебряной девственностью, медовым блеском, отражалось в заливе золотой бахромой.

— Тьма египетская,— пролепетал Патриарх Пий 45-й.— Знак Божий, ниспосланный Моисею в исходе иудейском, яко тварей творящий и рабов очищающий, донельзя бысть.

— Приказал же моим педерастам,— досадовал мэр Юрий Долгоухий.— «Поднимите самолеты, разгоните облака». Так нет же, суки, пропьянствовали.

Есаул, бледный и истовый, смотрел в небеса, пославшие ему загадочный, укрепляющий знак.

В недрах корабля мягко зарокотало. Бархатно задышало железо палуб. Машина теплохода плавно отвалила от пристани, оставляя на берегу кортежи, слуг, охрану, благословляющего Патриарха, машущего иступленно мэра.

Два оркестра страстно и пылко взыграли, знаменуя отплытие. На носу бушевал новоорлеанский диксиленд — десяток негров в красных жилетках. Дули, сияли медью, выпучивали фарфоровые белки, раскрывали красные рты, оглашали залив музыкой Миссисипи. Случившийся рядом прокурор Грустинов не удержался, заколыхал тучным телом, задвигал локтями, как если бы тер себе спину махровым полотенцем. Здоровенный негр, выворачивая красные губы, игриво ему подмигнул, намекая на возможность близких отношений.

На корме играл струнный одесский джаз — в фиолетовых куртках, галстуках-бабочках, чернявые, глазастые, очаровательно-порочные музыканты. Взмахивали смычками, рвали струны, картинно изгибались, встряхивали кудрями. Губернатор Русак, услышав музыку милых сердцу местечек, не удержался и стал отплясывать «семь-сорок».

На воде разгорался праздник. По всему заливу из темных глянцевых вод вырывались салюты, взмывали огненные вихри, полыхали сгустки пламени. Продернутые под водой огненные жгуты взмывали фонтанами света, описывали вензеля, рисовали виньетки. На темной поверхности алмазной нитью загорелась вышивка — два имени: «Луиза» и «Франц», и рядом — рубиновое, всплывшее из глубин сердца.

— Франтик, это чудо какое-то! — обнимала суженого Луиза Кипчак.— Давай скорее прыгнем в воду. Наш домовой хочет поплавать среди такой красоты! — Франц Малютка начал было раздеваться, но потом опомнился, замороженно смотрел на пламенные письма.

Провожая теплоход, плыли яхты, моторные лодки, веселые кораблики, все в гирляндах, в цветных лампадах, как светящиеся алтари, плавающие часовни. Куприянов самодовольно улыбался, кланялся проплывавшим яхтам, послал воздушный поцелуй какой-то женщине, махавшей ему цветами.

На палубах слуги с подносов раздавали бокалы, в которых металась искры салюта. Казалось, вино было почерпнуто прямо

за бортом, из рубиново-алых волн, из золотистых разливов, из шипящих огненных брызг.

Над заливом появились дельтапланы. Перепончатые драконы попадали в лучи прожекторов, вспыхивали орнаментом своих отточенных крыльев, как восхитительные исчадия ада. Пилоты в блестящих трико разбрасывали над водой термитные шарики. Мерцающие корпускулы, ударяясь о воду, превращались в кипящие кометы, ныряли в глубину, просвечивая полыханием. Казалось, в заливе отражается северное сияние, а в воде мечется огромный электрический скат, рассылая туманные молнии, розовые и зеленоватые отсветы.

Корабль проплывал под мостом. Автомобили брызгали аметистовыми фарами, посылали сигналы восторженных приветствий. Мост был украшен гирляндами, усыпан самоцветами, походил на великолепную радугу, пропускавшую корабль в волшебную страну. Был вратами в рай. На вершине моста горело пульсирующее алое сердце, из которого сыпались в воду парашютисты, похожие на купидонов. Проносились над палубами, осыпая пассажиров конфетти, серпантинами, блестками, бросая пригоршни конфет и золоченых орехов.

За мостом открывалась просторная большая вода, по которой теплоход плыл на золотых отражениях. В темноте возникали сияющие буруны, стеклянные вздутья. Лопались, словно прозрачные кувшины, и из них появлялись русалки. Их было множество, целая стая, явившаяся из теплых морей в прохладные подмосковные воды. Ныряли, резвились, взлетали в разноцветных фонтанах. Перевертывались и уходили в глубь, мелькая раздвоенными хвостами. Плыли наперегонки, вырывая из воды белые руки, сгибая в локтях, как стремительные пловчихи, а потом исчезали, оставляя на поверхности серебряные круги, словно плеснувшие рыбы.

Среди русалок были блондинки с утонченными славянскими лицами и васильковыми глазами. Были чернокудрые смуглянки галльского или испанского типа, страстные, нетерпеливые. Были смуглые, с фиолетовым отливом мулатки, томные и ленивые, чьи волосы, переплетенные кувшинками, стеклянно прилипали к плечам. Были страстные негритянки с длинными козьими грудями и фиолетовыми сосками — их мокрые волосы были заплетены множеством блестящих косичек с раковинами и жемчужинами. Были монголоидные красавицы с луновидными ликами и узкими

смеющимися глазами, чьи белые шеи украшали стеклянные бусы и костяные амулеты. Казалось, над их прическами работали в дорогих салонах красоты — завитые или распущенные, уложенные или схваченные в пучки, их волосы были ярко-зеленые, нежно-голубые, медно-алые. Русалки то и дело пленительным жестом перебрасывали их на спину. Грациозно ныряли, обнажая изумительные полукруглые ягодицы, из которых возникал упругий чешуйчатый хвост, утончался, змеино извивался, переходя в глянцеви́тый двулистник.

— Боже, посмотри чем они занимаются! — Спикер Грязнов схватил за локоть рассеянного и восторженного министра экономического развития Круцефикаса. — Да ведь они лесбиянки!

И впрямь резвящиеся водяные создания, ведущие свой род от пленительной Сафо, сплетались в гибкие сладострастные узлы. Одна из них, родом из Карибского моря, перевернулась на спину, вздымая смуглые груди, напоминавшие экзотические плоды, томно плескала хвостом, открывая выпуклый, стеклянно блестящий живот. Другие извивались вокруг, ласкали легкими касаниями, целовали соски, оглаживали кувшинообразные бедра, погружая персты в густой, как водоросль, лобок, переливавшийся слюдяными блесками.

Другая наяда, беловолосая, чьи предки обитали в устье Даугавы, лежала на воде грудью вниз, выгибая гибкую спину, на которой ложбинка отливала изумрудной водой. Ее круглые, дивной красоты ягодицы были источником наслаждения для других наяд, что разгонялись в воде, взмывали, как летучие рыбы, проносились над подругой, целуя ее на лету, касаясь в полете ее прелестей, осыпая ворохом ярких брызг. Вода сверкала, кипела серебром, словно нерестилище с множеством сильных, страстных рыбин.

Третья русалка, с верховий Нигера, держала над водой гластую голову, иногда выхватывая гибкую руку с браслетом из слоновой кости. Вода под ней волновалась, ходила ходуном от вьющихся ненасытных тел. Мелькали на мгновенья хвосты, возникали обезумевшие от наслаждений прекрасные лица. Волны от подводных совокуплений широко расходились, переливаясь, словно павлинье перо.

Тонкие вскрики, сладкие вздохи, пронзительные вопли неслись к кораблю. Оба оркестра, на носу и на корме, аранжировали эти сладострастные песнопения, создавая бесчисленные им-

провизации на тему русалочьей любви. Несколько манекенщиц из гарема Словозайцева принялись, было, высовывать чувственные язычки, шаловливо расстегивать бретельки платьев. Однако евнух в турецком халате, приставленный наблюдать за красотками, строго погрозил им нагайкой.

— Господа, кто желает принять участие в охоте на русалок? — возгласил в громкоговоритель капитан Яким, приглашая гостей перейти на верхнюю палубу, где у борта стояла гарпунная пушка. Вместо разящего острия в нее была заряжена сеть, упакованная в плотный ком.

Когда охочие до потехи гости собрались на палубе, Яким приник к пушке, направил ее на плывущую в отдалении русалку и выстрелил. Стремительный комок полетел, освещенный прожектором. Упал на воду, не попадая в русалку, раскрываясь шатром. Сеть сжалась, охватывая пустоту, на шелковой веревке потянулась обратно к теплоходу, оставляя искрящийся след. Русалка, увильнувшая от выстрела, сначала испуганно нырнула, а потом появилась над водой, с любопытством рассматривая уплывавшую сеть. Ее миловидное славянское личико с накрашенными губками и выщипанными бровями выражало неподдельный интерес.

— Дайте мне, — потребовал у Якима Куприянов, перенимая пушку. Приник к прицелу, направляя ствол на проплывавшую не遠далеке китаянку, — ее маленькие ладные грудки трепетали над волнами, изящные руки сверкающими кругами двигались в воде, а хвост оставлял ртутный бурун, от которого убегали две небольшие крепкие ягодицы. Выстрел ахнул, как хлопушка. С красными искрами полетел комок сети, плюхнул рядом с русалкой, едва ее не накрыв. Китаянка ушла в глубину, поднырнув под опасную снасть. Выскользнула в стороне, как нерпа, блестя лицом, стряхивая с бровей капли.

— А ну-ка, я попробую. — Министр обороны Дезодорантов молодцевато прохромал к гарпунной пушке. Откинул стек. Освободился от мешавшего монокля. Прижал воспаленный глаз к прицелу, наведя орудие на проплывавшую цель, — медлительная немолодая красавица плавно двигалась, выставив полную грудь, похожая на императрицу Анну Иоанновну в декольте. И впрямь, на ее высокой прическе красовалась небольшая алмазная корона. Раздался выстрел. Сеть перелетела русалку, распустилась в воде широким пологом, а потом быстро сжалась в том месте, где только что находилась матрона. Выдавшая виды русалка продолжала

спокойно плыть, помахав Дезодорантову пухлой ручкой, на которой виднелся золотой браслет от часов. Посмотрела на крохотный, окруженный бриллиантами циферблат, спохватилась, словно куда-то опаздывала, и ушла в глубину, показав незадачливому стрелку великолепный зад, похожий на две пышные округлые подушки.

— Дайте же мне! — Американский посол Киршбоу схватился за пушку, выцеливая плескавших в волнах русалок, переводя ствол с одной на другую, будто не мог выбрать одну-единственную среди белокожих, смуглоликих, темногрудых красавиц, резвившихся в пределах выстрела.

Есаул стоял у поручня рядом с председателем Промышленного союза Добровольским, наблюдая увлекательную охоту. Старческое горбоносое лицо масона пламенело молодым румянцем. Узкие панталоны взбухли там, где находились пересаженные семенники орангутанга. Из-под медно-рыжего парика сочился пот, ибо находящийся в резиновой оболочке лед растаял и больше не охлаждал воспаленный мозг, в котором предельно возбуждился эротический центр, заставляя Добровольского тереться животом о поручень. Есаул пытался выведать у старого селадона настроения олигархов в связи с возможной победой Куприянова. Однако пожилой сластолюбец был так захвачен зрелищем молодых женских тел, так стремился в темные, с переливами волны, где плескались красавицы, что Есаул боялся, как бы тот не опрокинулся за борт.

— В прошлом году Абрамович предоставил мне свою средиземноморскую яхту, и я целую неделю плавал между Критом и Кипром, там, где когда-то была Атлантида. Мои молодые спутники ныряли в аквалангах, надеясь отыскать на дне затонувшую амфору или осколок коринфской капители. А я, грешным делом, забавлялся с русалками, которых мне на борт поставляли греки-киприоты. Я вообще, надо сказать, люблю рыбную кухню и знаю толк в дарах моря.— Добровольский с завистью следил за послем, который в оптический прицел мог разглядеть каждую чешуйку на зеленоватом хвосте русалки, каждый стеклянный волосок на ее плотном лобке, каждое золотое колечко в розовой мочке уха, чудесные углубления подмышек, выбритых наголо отточенной кромкой раковины.— Знаете, мой друг, русалка в постели требует особого обхождения. Во-первых, ее нужно поставить в особую позу, чтобы не мешал хвост и вы, в конце концов, не оконфузились. Во-вторых, она сначала покажется вам холодноватой, и ее следует разогреть,

по крайней мере, до комнатной температуры. Она немножко пахнет тиной, но если вы любите морскую капусту, то этот запах покажется вам привлекательным. Попробуйте придать ей такую позицию, чтобы она стала похожа на греческую вазу, и тогда вы сможете опустить в нее свой букет. Но бойтесь оказаться не на высоте. Если вы будете не в форме и дадите слабину, она может раззадориться и зашекотать вас до смерти. Многие моряки Древней Эллады поплатились жизнью, переоценив свои мужские возможности. Их находили на палубе полузатонувших кораблей, в чешуе, с ужасными засосами в области паха.

Между тем посол Киршбоу выбрал среди множества плещущих целей одну, что была ближе прочих. Молодая златокудрая русалка подплыла к кораблю и с любопытством разглядывала столпившихся на палубе гостей. Она чувствовала, что нравится, что ею любят. Шаловливо выскальзывала из воды, обнажая молодые чудные груди, поддерживая их ладонями, так что восхитительно заострились розовые соски. Ныряла, играя ягодичками, шлепая по ним узкими ладонями. Вновь выскакивала в фонтане брызг, с хохотом, сверкая жемчужными зубами. Киршбоу выбрал момент, когда шалунья подплыла совсем близко. Раздался выстрел. Из жерла вырвался стремительный ком, накрыл русалку сетью. Сжался, охватывая ячеей, помещая добычу в тесный кошель. Русалка не испугалась, принимая случившееся за продолжение веселой игры. Плескалась в сети, просовывала сквозь ячейу прелестные пальчики с маникюром, грозя удачливому стрелку, который самодовольно распрямился. Улыбался, принимая поздравления.

Кошель с русалкой подтягивали на тросе к кораблю, поднимали на лебедке. Наяда мягко извивалась в воздухе, озаряемая прожектором, отекала серебристыми ручьями, осыпалась стеклянной каплей.

— Ах, ты, моя рыбка! — с нежностью воскликнул Добровольский, когда сеть с русалкой проплывала над его головой. Брызги падали ему на лицо, он жадно ловил их губами. Протянул к морскому диву свою склеротическую старческую руку, тронул сквозь сеть нежную грудь с целомудренным соском, на котором переливался бриллиантик пирсинга.

Русалку бережно опустили сквозь люк на нижнюю палубу, где ее должны были выпутать из сети и выпустить, как того требовала экологическая хартия, обратно в водную стихию.

— Да, так о чем мы говорили? — повернулся к Есаулу Добровольский, доставая батистовый платок и стряхивая с лица оставленные русалкой брызги.— Об этой странной особенности русских мыслить себя «мессианским народом». Об этой навязчивой идефикс, согласно которой русские считают свою историю «особым путем». Об этой вечной «исторической альтернативе», которая противопоставляет Россию всему остальному миру, искривляя нормальный ход времен, вставляя палки в колеса истории, отвлекая человечество от вселенской работы по объединению всех людей, по созданию единого, организованного человечества, управляемого единым просвещенным разумом...

Ни о чем подобном Есаул не разговаривал с Добровольским, но этот неожиданный поворот беседы показался Есаулу несчастным. Хитроумный масон ничего не говорил и не делал случайно. Вот и теперь начало беседы сулило откровение, объяснявшее Есаулу скрытые пружины случившихся ужасных перемен.

— Мир всегда взирал на Россию как на огромного уродца, зародившегося к востоку от просвещенной Европы, разраставшегося, словно гигантская опухоль, и заполонившего, в конце концов, континент между трех океанов. Просвещенная Европа думала, как обезвредить уродца, как умертвить его в этой гигантской матке между Карпатами и Хинганом, как вернуть русских в семью народов. Европа посылала в Россию своих посланцев, которые проникали в княжеские терема и царские дворцы, входили в доверие к русским правителям, пытаясь изменить уродливый вывих истории. Большинство из этих замечательных, просвещенных людей осталось неведомо, лишь некоторые запечатлели себя во времени, ибо так пожелало тайное общество, к которому они принадлежали. Вся русская политика — это борьба тайных обществ, окружавших царский престол, с упорным безумием русских вождей, возвращавших Россию на «особый путь». Россия — это внematочная беременность мира, оплодотворенного сбесившимся, прилетевшим из Космоса сперматозоидом...

Есаул вслушивался в произносимые фразы, стараясь угадать заключенный в них тайный смысл. По палубе, где они стояли, двигались гуляющие пассажиры, наслаждаясь теплотой чудесной бархатной ночи с уплывавшим заревом Москвы. К ним приближался посол Киришбоу, триумфатор, меткий стрелок, поймавший в ловчую сеть прелестную наяду. Вышагивал небрежной походкой баловня, которому нет равных. Приблизился, рассмот-

рел в сумерках носатое лицо Добровольского, его медно-красный парик. Изменил осанку. Вытянулся, как вытягивается солдат при виде офицера. Ноги его утратили вальяжную небрежность. Он сжал пятки, раздвинул носки, сделал несколько шагов, изображая пингвина. И Есаул тот час угадал в нем масона, посылавшего сокровенному брату опознавательный знак. Добровольский едва заметно кивнул, давая понять, что по тайному жесту брат опознан.

— Князь Курбский был послан к Ивану Четвертому в надежде образумить молодого царя, превратить из азиатского чудовища в просвещенного европейского монарха. Князь и его «тайные братья» преуспели во многом. Англичане, итальянцы, поляки были приняты при дворе. Музицировали, писали картины, возводили терема и дворцы. Однако демон русской истории возобладал. Курбский бежал в Литву, «братья» были схвачены опричниками и замучены до смерти в Александровской слободе — до сих пор над их могилами летают красные бабочки цвета кардинальской мантии. Началась великая смута, во время которой Россия вновь обрела черты чудовища, уповающего на «собственный путь». Храм Василия Блаженного — гигантское чучело, каменный скоморох, цветастый дракон «русского мессианства»...

По палубе приближался Куприянов. Его фигура породистого аристократа мелькала в свете окон. Он чему-то туманно улыбался, мечтательно щурился, как пресыщенный кот, заглядывая через поручень на темные маслянистые струи. Увидел Добровольского, преобразился. Вытянул руки по швам, склонил почтительно голову. Сделал ногами «пингвина» и прошлепал мимо, через несколько шагов возвращая себе поступь властелина. Добровольский лишь двинул бровью, откликаясь на знак.

Есаул вдруг прозрел — теплоход наводнен членами тайной ложи. Перед ним в красном парике стоит магистр. И если быть наблюдательным, то по жестам, походке и мимике можно выявить членов ложи, участников тайного заговора, направленного против России.

— Патриарх Никон внимал кружку просвещенных людей, приехавших к нему из Европы. Они убедили его исправить православные книги, чтобы Россия стала частью мирового христианства. Не отторгала себя во имя особой «богоизбранности», согласно которой Христос якобы выбрал ее как место Второго Пришествия. Никон внимал «тайным братьям». Но потом мессианство

одолело, и «братья» были, кто изгнан, кто умерщвлен. Патриарх стал бредить скорым Пришествием, построил под Москвой Новый Иерусалим, куда молитвами зазывал Христа. Все кончилось крахом. Запылали костры старообрядцев. Патриарх был развенчан. Россию поразил ужасный раскол. Ново-Иерусалимский монастырь в своей гордыни и фанаберии являет образ безумной архитектуры, предназначенной для безумного замысла. В окрестностях Истры есть неизвестные могилы замученных «братьев», на которых в солнечные дни появляются пятнистые красно-зеленые саламандры...

Вдоль поручня палубы шествовал губернатор Русак, топорщил редкие собачьи усы, думал о чем-то легкомысленном и приятном. Увидел Добровольского, замер. Поднял правую руку ладонью вперед, словно клялся на библии. Скрестил большой и средний пальцы и мягко, на цыпочках, проследовал мимо, так и не успев изобразить Чарли Чаплина. Добровольский повторил крест, сплетя неловкие склеротические персты.

— Петр Первый разрывался между европейским клавесином и русской дыбой. Просвещенные «братья» учили его быть «человеком мира», звали в клуб европейских монархов, в «восьмерку» просвещенной Европы. Он внимал, учился европейским манерам, путешествовал по столицам мира, но, вернувшись в Россию, самобытно и богоносно рубил стрельцам головы, сам их кидал на плаху. После Полтавской победы славил пленных шведских генералов, среди которых было много «друзей просвещения», обнимал, называл их «братьями», наливал шампанское. Но потом велел заковать в кандалы и отправить в Сибирь. Он с обожанием относился к Лефорту, одному из «братьев», и вновь возвращался под влияние лукавого Алексашки Меншикова, внушавшего царю мысль о «неповторимом русском величии». Царь то пытал староверов, требуя отречения от «русской идеи», то живьем закапывал «братьев» на невских болотах. По сей день на этих неизвестных могилах в осенние ночи загораются огоньки болотного газа.

По палубе двигался Франц Малютка. Есаул смотрел на угольного магната, чьими деньгами питалась избирательная компания Куприянова. Ожидал, что его большие стопы сложатся углом, и он проковыляет мимо, как стреноженный медведь. Но Малютка не содеял ничего необычного со своими ногами и пальцами. Протопал, едва втиснувшись между стеной и Добровольским, в котором видел не посвященного магистра, а лишь влиятельного крючко-

творца, управлявшего олигархами. Есаул испытал к нему внезапную теплоту, беспричинную благодарность, какую испытывают к утесу за то, что тот не падает на голову.

— Александр Первый стоял на пороге Европы. Россия заговорила вдруг по-французски. Повсюду расцветал парижский ампир. «Тайные братья» наводнили Зимний дворец. Великий Сперанский писал царю Конституцию. Просвещенный Магницкий учил молодежь братству, свободе и равенству. Наполеон называл Александра «братом». Все испортили Кутузов и «русская партия» при дворе. Посланцы Европы были, кто убит, кто сослан в Сибирь, а царь, желавший походить на Юлия Цезаря, постригся в монахи. Стал каким-то дремучим Кузмичом, молился на нарисованной русской доске. В его землянке сегодня живет барсук, а на могиле Сперанского раз в десять лет вырастает лиловая орхидея...

На палубе колыхалась Толстова-Кац, переполненная влагой, в сырых одеждах, огромная, волнообразная, как медуза. Увидев Добровольского, старая колдунья пригладила височки, заюлила тучными бедрами. Ее чувяки сошлись в пятках и раздвинулись в носках, и она, как пингвин на лапах, пропыхтела мимо, наградив Добровольского очаровательной улыбкой. Он же чуть хлопнул ее по ягодцам, сложив при этом пальцы крестом.

— Николай Первый повесил семерых «тайных братьев», полагая, что удержит Россию в рамках «православия, самодержавия и народности»,— пресловутая триада неповторимой русской дикости. Однако другие «тайные братья» продолжили сокровенное дело. Уже не проповедью гуманных идей, а бомбами разрушали «святую триаду», направленными взрывами возвращали Россию в мир. Николай Второй был отлучен Шульгиным и Гучковым, которых послала в Псков «тайная ложа», насчитывающая шестьсот человек. В ней были министры, депутаты Государственной думы, профессора, генералы, члены августейшего семейства и даже иерархи церкви. Лишь неистовый Иоанн Кронштадский пытался противодействовать «братьям». За что его кости, как и кости последнего царя, будут вырывать и закапывать, подвергать экспертизе и выставлять на обозрение толпы, покуда они ни превратятся в костную муку и из них ни сварят дегтярное мыло. На могилах же Шульгина и Гучкова весной поют соловьи...

В свете окон, о чем-то испуганно переговариваясь, приближались прокурор Грустинов и спикер Грязнов. Есаул мучительно следил за их приближением, страхась разочароваться в со-

ратниках, обнаружить в них «тайных братьев», коварных согла-датаев, перевербованных отвратительным старцем, от которого разило потом похотливого орангутанга и тлетворной могильной плесенью. Есаул, едва сдерживая пробежавшую в скулах судорогу, смотрел на соратников. Но те, поравнявшись, лишь неловко посторонились, не насилуя своих ног, не подавая скрытых масонских сигналов.

— Большевики сплошь состояли из «братьев». Троцкий, Зиновьев и Радек почти вовлекли доверчивого и хворого Ленина в «тайную ложу», подчинили своему влиянию. Их «идея мировой революции» состояла в том, что Россия, с ее упорной дремучей самобытностью, должна быть израсходована в «великом походе». Сознательным «певцам самобытности» — дворянам, священникам, профессорам и художникам расшибали их заблудшие патриотические головы. Бессознательную массу народа одевали в военную форму и миллионами гнали в Европу на пулеметы и штурм европейских столиц. На полях революционных сражений, под Варшавой, Парижем, Берлином, должна была улетучиться «русская идея». Мавзолей в своей вавилонской архитектуре изображает «призму познания», где усопшее тело «брата» транслируется через тысячелетия будущим поколениям. Все карты спутал Иосиф Сталин. Он уничтожил «братьев», пытая их огнем и железом в подвалах Лубянки. Выбил «интернационалистов» в партии и вновь вернул России мессианскую идею неповторимой Красной империи, противопоставив ее остальному миру. Руины рейхстага в сорок пятом году — неудача, постигшая «тайных братьев». Университет на Ленинских горах — символ сталинского «особого пути». Тела расстрелянных Зиновьева, Бухарина, Каменева, Радека были похищены «братьями» из безымянных могил на чекистских кладбищах и тайно свезены на озерный остров рядом с монастырской обителью, мимо которой мы будем проплывать. Туда же из Мексики был тайно доставлен прах Троцкого. В этой «братской могиле» они покоятся под другими именами и фамилиями. К могиле «пяти братьев» каждый год под видом богомольцев стекаются их тайные единомышленники и служат поминальную мессу. В огромном факеле, который возжигается ночью, звучит голос Мирового Демидурга, передающего людям свои заветы...

Их отвлекло костяное постукивание. Это приближался министр обороны Дезодорантов, опираясь на трость, дергая изувеченным телом. Есаул пристально следил, не сплетет ли министр свои лимфатические пальцы в нелепый узел, не перекрестится

ли слева направо масонским крестом, не вывернет ли уродливо ноги, уподобляясь еврейскому комику. Но ничего подобного не случилось. Поравнявшись, Дезодорантов, изображая дурковатого, щелкнул каблуками, отдал честь, приложив ладонь к непокрытой голове. У Есаула отлегло от сердца. Министр оставался верным товарищем. Масонский заговор его не коснулся.

— Юрий Андропов был тем человеком, кто помог отыскать на чекистских кладбищах безымянные могилы «пяти братьев». Перевез их прах на озерный остров и первый в осеннюю ночь отслужил поминальную мессу. Из огненного факела Мировой Демиург благословил его на великое деяние, имя которому «перестройка» — перестройка ветхой «русской идеи» в идеологию «общечеловеческих ценностей». Юрий Владимирович проделал огромную работу. Он наводнил «братьями» органы КГБ, правительство, Госплан, армию, газеты, внешнюю торговлю. Его стараниями были вытеснены из партии сторонники Сталина, и подверглась осмеянию доктрина «суверенной России». Многих «братьев», арестованных КГБ за проповедь свободы, братства и равенства, он не расстрелял, не заточил в лагерях, а выслал за границу, где они прошли курс оздоровления, чтобы позже снова вернуться в Россию. Андропов слишком рано ушел в созвездие Рака, но успел оставить нам на земле своих последователей — Горбачева и Ельцина, которые вместе в 1988 году побывали на могиле «пяти братьев» и совершили тайную мессу. Заметьте, в день рождения Юрия Андропова на Лубянской площади, на Соловецком камне появляется множество желтых божьих коровок — знак благоволения Мирового Демиурга...

Есаул отступил в тень, ибо заметил, как вдоль палубы ступает министр экономического развития Круцефикс. Тайным вероломством веяло от Круцефикса — от его бородки, истерических телефонных звонков. Есаулу стало известно, что он ищет с Куприяновым встречи, переводит за границу активы своего тайного бизнеса. Все внушало недоверие, все сулило измену. И вправду, едва Круцефикс приблизился, вдруг подобострастно поклонился Добровольскому, скорчил гримасу, отчего на его лице образовалась свастика, сначала правосторонняя, а потом — с левым вращением. Ноги сложились «ижицей», и он неловко пропрыгал мимо, как спеленатый кузнечик, так и не заметив Есаула.

— Горбачев преуспел в деле возвращения России в лоно всемирной истории. Он отдернул «железный занавес», разру-

шил Берлинскую стену. Реабилитировал многих из расстрелянных Сталиным «братьев». Вернул сателлитов «красной империи» в объятия благодарной Европы, вывел оттуда войска советской империи, а в Россию ввел множество организаций и фондов, в недрах которых удобно устроились наши «тайные братья». Однако силы реванша, духи «суверенной России», адепты «уникального русского пути» организовали путч. Провозгласили ГКЧП, едва не погубивший всю многотрудную работу «братьев». Благо, среди ГКЧП находился внедренный «брат». Крючков сорвал опасный замысел, выдал гэкачепистов в руки Ельцина. Однако Горбачеву, зазевавшемуся в Форосе, пришлось уйти в тень, довольствоваться ролью отставного магистра. Ему оставалось играть на флейте под аккомпанемент Раисы Максимовны, которая изумительно музицировала на арфе, исполняя сонеты Нострадамуса на музыку Калиостро. Знаете ли вы, что на могиле Раисы Максимовны время от времени выступают «розовые слезы любви»?

Приближался Попич, маленький, на высоких каблуках. Хохолок на его голове шевелился от речного ветра. Есаул направил беспощадный взор на каблуки, готовые вот-вот сомкнуться. Попич увидел Есаула, гордо вскинул голову, изображая Наполеона при Ватерлоо, прошествовал, едва кивнув обоим. На что Добровольский хмыкнул, оскалив фарфоровые зубы. Есаул так и не понял, является ли Попич предателем.

— Величие Ельцина уже зафиксировано в сакральных книгах всемирного «братства». Он развеял миф о единой и неделимой России, об уникальном континенте Евразии, он обошелся с Россией как с кочаном капусты, отламывая от него один за другим самые сочные листья, раздевая ее, вплоть до твердой несъедобной кочерыжки. При нем множество «братьев» заняли высшие посты в государстве. Гайдар, Чубайс, Немцов — энергичные, самозабвенные, выбивали из России дух старообрядства, дух имперской гордыни, идиотическое самомнение, в котором тысячелетие прозябали смешные ксенофобы и тупоголовые славянофилы. Когда они попытались взять реванш, завладев парламентом, великий Ельцин со словами «Свобода, равенство, братство» направил танки к парламенту. Плающий в центре Москвы парламент — пример живой архитектуры, дающей приют очистительному огню. Жаль, что Ельцин преждевременно умер, сделав себе пересадку бычьего сердца, отчего во лбу его начали расти рога, остриями внутрь, пронзили мозг и вышли в затылке. На моги-

лу Ельцина в ночь накануне Крещения приходит красный теле-нок, у которого страусиные ноги, змеиный хвост и крылья летучей мыши. «Вавилонский телец» — так он значится в магической книге, символизируя могущество «братства». Кстати, именно Ельцин ввел в обращение масонский опознавательный знак — молоток на шасси самолета. Многие VIP-персоны, перед тем как отправиться в полет с государственным визитом, подходят к шасси самолета и справляют на колесо малую нужду...

К ним приближался кутюрье Словозайцев, рассеянный, милый, в шитой золотом иранской жилетке, в русских лаптях и в кожаных галифе с пустой кобурой от «стечкина». Он что-то лепетал, хихикал, не видел беседующих. Приблизился к борту, расстегнул галифе и помочился в канал Москва — Волга игривой светящейся струйкой. Есаул подумал, что вряд ли это был масонский знак, — нигде поблизости не было аэропорта и шасси от «Боинга». Просто непосредственный, похожий на дитя, Словозайцев не стал заходить в каюту и облегчил, где придется, переполненный пузырь.

— Мы долго искали «брата», который мог бы стать достойным преемником Ельцина. Наконец, подобрали. Милый, обаятельный, знаком с Европой, офицер КГБ и страстный поклонник Андропова, хранящий на теле медальон с локоном Юрия Владимировича. Любитель горных лыж и породистых сук. Ненавистник СССР и друг великой Америки. Мы привели к власти Президента Порфирия и наделялись, что он расчленил Россию на десять независимых территорий, уничтожит последний оплот «сверхдержавности» — ядерные ракеты, сольет православие с католичеством, поставит в центре Москвы памятник Папе Павлу Иоанну Второму высотой с Останкинскую телевышку работы Зураба Церетели и переименует Красную площадь в Площадь Равенства, Братства, Свободы. Вначале все шло отлично. Славянофилов не стало видно. Курилы собирались отдать Японии, а Калининград уступить Германии. Но вот появились вы, Василий Федорович. — На этих словах Добровольский умолк и вперил в Есаула горящие, окруженные красными веками, яростные глаза.

Стало слышно, как играет на носу новоорлеанский джаз и отплясывает артист Боярский, топоча ботфортами д'Артаньяна. На корме томно заливались одесские скрипки, и юморист Жванецкий подпрыгивал круглым пузиком вперед.

— Но появились вы, Василий Федорович, и скомкали наш план. Вы овладели мыслями и волей Президента Порфирия.

Ввергли его в соблазн «великодержавия, православия и народности». Поселили в его нестойкой головке мечту о «Великой русской империи». Опять повсеместно подняли головы славянофилы. Нет дома в России, где бы открыто ни бранили евреев. Вынашиваются планы по строительству новых гиперзвуковых ракет, авианосцев и дальних бомбардировщиков, а Северный Казахстан, Абхазия, Приднестровье объявлены зоной российских интересов. Президент Порфирий стал позволять себе оскорбительные фразы в адрес еврейских журналистов, намекая на их обрезанную крайнюю плоть. Он назвал страны Прибалтики «ненасытными мандавошками», забыв всякую политкорректность. Грозил спровоцировать восстание негров Америки и свергнуть режим расистов. И все это вы, Василий Федорович. Вы — камень преткновения, остановивший наш твердый, размеренный шаг...

Шмультрихтер, уже подшофе, пестрый, как какаду, в красной свитке, зеленом колпачке, клетчатых штанах, прошел мимо, выделявая вензеля, которые никак нельзя было принять за тайные масонские знаки.

— Чтобы остановить катастрофу, мы вынуждены были собрать «ложу» на Мальте, вызвали на нее Президента Порфирия и воздействовали на него всей силой кабалистических методик, месопотамских и халдейских практик, приемами розенкрейцеров и тамплиеров. Мы влили ему в рот из чаши Грааля цитварное семя, действующее как сильное слабительное, отвар чертополоха с могилы висельника, расслабляющий суставы и кости, раствор пустырника на желчи гиены, просветляющий разум, когда в нем загорается черное потустороннее солнце. Мы заставили его заглотнуть туркменскую гюрзу, чтобы она искусила ему кишечник и яды ее, проникнув в печень, вызвали черное озарение, когда истины дневного света уступают истинам полуночи. Мы положили ему на глаза выкидышей эфиопской макаки, чтобы из глазных яблок истекли мнимые видения красоты и райской гармонии, и возникла хохочущая гримаса ада. Наконец, мы влили ему в уши черный гной истлевающего самоубийцы, чтобы умолкли искусительные райские звуки, и разверзлась истинная в своей космической мощи симфония ада. В итоге мы убедили его отказаться от «третьего президентского срока» и уступить свое место Куприянову, нашему «брату», который продолжит заветное дело...

Есаул чувствовал, как тело его начинает цепенеть, словно подул полярный холод, и они с Добровольским оказались одни на ледовой шапке, под сполохами сияний, среди голубых кри-

сталлов вечной ночи. Старый масон оказался магом, был способен околдовывать, лишать рассудка и воли. Громадным усилием, вбрасывая в леденеющий мозг жаркую кровь из сердца, Есаул боролся с понижением температуры, приводящей к анабиозу.

— Но остаетесь вы, Василий Федорович. Вы с вашей проклятой «русской идеей», чудовищным имперским безумием, сумасшедшей мечтой снова вырвать Россию из лона мира, как была когда-то вырвана из лона Земли Луна. Вы хотите, чтобы Россия одиноко и мертвенно, лишённая атмосферы, в рывках холодных вулканов, в котлованах засыпанных пылью морей, парила в безвоздушном пространстве? Вы этого хотите, Василий Федорович?

Губы Есаула посинели от лютой стужи. К ребрам примерзали легкие. Мозг превращался в тяжелую глыбу льда.

— Вас приговорили к смерти члены «ложи», и вы бы уже были мертвы, если бы не я. Я помню добро, которое вы сделали для меня. Добились моего назначения на пост председателя Союза промышленников и предпринимателей, хотя отчаянно возражали Чубайс и Потанин. Помирили меня с Дерипаской, когда он оскорбительно упрекнул меня в том, что я злоупотребляю финансами его «Базового элемента». И, наконец, порекомендовали хирурга Акчурина, который сделал мне опасную пересадку семенников, после чего я стал лазать по деревьям, разгрызать кокосы и ездить в часы пик в метро, чтобы в давке оплодотворить какую-нибудь очередную московскую самочку. Я настоял, чтобы вам сохранили жизнь. Понимаете ли вы, Василий Федорович, в каком положении вы оказались?..

Есаул находился один в ледяном жутком Космосе. На него, одинокого, были направлены силы ада, могущественные духи преисподней, великие мудрецы, творящие мировую историю по тайным заветам и заповедям. Бесчисленные разведки и армии, хитроумные политологи и витии, миллиардные состояния и информационные центры. Против него был Голливуд, вручающий «Оскары» блудницам и педофилам. Диснейленд, превращенный в миниатюрную столицу мира, где московский Кремль из пластмассы соседствует с Эйфелевой башней из пенопласта, с пирамидой Хеопса из пластилина. Он был распят на огромном ледяном кресте, головой вниз, и внизу, сквозь звездную пыль, виднелась земля, русская ночная равнина, слюдяная струйка канала в районе Икши, и на ней — жемчужина теплохода среди золотых отражений.

— У вас есть выбор, Василий Федорович. Или вы отказываетесь от своего реваншистского плана, признаете победу Куприя-

нова и уходите навсегда из политики, куда-нибудь в лесной, богом забытый уголок, где повторите судьбу Меньшикова в Березове. Или вы будете убиты, и на вашу могилу тысячу лет подряд будут сползаться змеи на свои весенние свадьбы. Что выбираете, Василий Федорович?..

Мимо шел капитан теплохода Яким, статный, молодой, с чудесной открытой улыбкой. Его мундир казался серебряным. Его кортик золотился впотьмах. Проходя мимо, он поклонился:

— Не правда ли, чудесный вечер, господа? — и прошел, оставляя запах свежего одеколона.

— Что выбираете, Василий Федорович? — зловеще повторил Добровольский.

Последней струйкой горячей крови Есаул разморозил мозг. Собрал в него всю стойкость, веру и ненависть. Окружил непроницаемой молитвенной защитой сокровенный план, хранимый под сердцем. Потупил глаза, сузил плечи, покорно поклонился Добровольскому:

— Кому не хочется жить? В Березове тоже жизнь. Считайте, что я вас услышал.

Их общение прервал металлический голос, которым капитан Яким извещал гостей теплохода:

— Уважаемые дамы и господа, через пятнадцать минут в музыкальном салоне на верхней палубе состоится церемония вручения подарков!.. Просим всех пожаловать в музыкальный салон!..

Добровольский и Есаул раскланялись и разошлись.

В каютах возбужденные гости примеряли перед зеркалами наряды, вешали на шеи коллье, повязывали дорогие галстуки. В то же время на нижней палубе, в закутке, недалеко от кухни, матросы, закатав рукава, били головой о стену русалку. Ее рот был залеплен скотчем, васильковые глаза побелели от боли и ужаса, золотистые волосы слиплись от крови. Дюжие парни раскачивали ее, подхватив под руки, с гулом ударяли о железную стену. У русалки изо рта и из маленьких жабр за ушами брызгала кровь. Оглушенную наяду потащили на кухню, волоча по палубе липкий бессильный хвост. Шмякнули на черный противень, грудью вверх, так что виден был нежный дрожащий сосочек с бриллиантовым пирсингом. Повар в белоснежном колпаке и фартуке взял острый нож. Сделал русалке надрез от пупка до основания лобка. Надавил — в подставленное блюдо жирно, густо потекла красная зернистая икра, переполняя сосуд.

В музыкальный салон, сверкающий дорогими породами дерева, в стеклянные двери входили гости. Жених и невеста встречали их у лакированного столика для подарков. Луиза Кипчак была в полупрозрачном аметистовом платье, лучистом, как хризантема. Ее матовые великолепные плечи, едва прикрытая грудь с бриллиантовым колье дышали силой и свежестью, пленяя взоры восхищенных мужчин. Франц Малютка блаженно улыбался, словно до сих пор не мог поверить, что ему досталась эта великолепная женщина, чья голая спина, обнаженные сильные ноги, несравненный живот с дорогим алмазом в пупке не раз украшали страницы гламурных журналов. Он стоял огромный, как истукан, на который натянули костюм дорогого шелка, расставленные ноги обули в остроконечные итальянские туфли, на каменную голову прилепили кудрявый чубчик, а в петлицу вставили пунцовую розу.

Подле них, чуть отступив, приветливо и властно улыбался Куприянов, комильфо, безупречно элегантен, одетый так, словно рекламировал лучшие дома моды, лучшие мужские одеколоны, светские манеры, высокий стиль, на который следует равняться всем, кто причисляет себя к элите и претендует на богатство и власть.

Есаул вместе с соратниками появился в салоне, оказавшись среди толпы, где мужчины и женщины с дорогими футлярами, затейливыми свертками наполнили обширный зал.

Вначале Есаул был окружен оживленными лицами, дорогими туалетами, ароматами тончайших духов и дорогих табаков. Но постепенно стал чувствовать, что толпа вокруг него редет. Люди, заметив его соседство, начинали отступать, теснились прочь, протискивались в сторону, ближе к Куприянову. Между ним и другими гостями проявлялись отталкивающие силы. Так, под воздействием тока, заряженные частицы перетекают от одного электрода к другому, обнажая и оголяя один, покрывая плотным слоем другой.

Он чувствовал на себе язвительные взгляды, ловил презрительные улыбки, слышал злорадные реплики.

— А он плохо выглядит,— заметил тощий, прокуренный господин в черной шляпе артиста Боярского.— Не сравнить с Куприяновым.

— По-моему, ему жмут ботинки,— хихикнул толстячок с лысиной Жванецкого.

— И воротничок,— хохотнул долговязый балагур с усами Михалкова.

— Как приговоренному к повешенью,— громко, чтобы слышал Есаул, произнесла надменная дама, артистка Театра сатиры.

— Да, попил он нашей кровушки. Как только не захлебнулся! — вторила ей увядшая кинодива.

— Вот погодите, выйдет из тюрьмы Ходорковский, он ему припомнит,— громким, на весь салон, шепотом прошипела дикторша телевидения.

— Ему бы лучше здесь не появляться! Глаза бесстыжие! — возмущенно воскликнул редактор интеллектуального журнала.

— «Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья!..» — кривляясь, псевдонародным голосом пропел юморист, изображавший на сцене русских алкоголиков.

— «Есаул, есаул, ты оставил страну, и твой конь под седлом чужака...» — вторил ему эстрадный певец, энергичный и уродливый, как обезьянка.

Вокруг Есаула разверзалась пустота. Скоро рядом с ним оставалось лишь пять соратников. При чем Круцефикс отдалился на два шага, чтобы выглядеть неподвластной Есаулу персоной, и все время, малыми шажками, увеличивал расстояние.

Есаул мучился, испытывал отвращение, страдал от унижения, ненавидел.

Эти легкомысленные, вероломные особи во все века окружали властителей, восторженно роились вокруг престола фараона, трона царя, алтаря первосвященника. Мгновенно, едва кумир начинал слабеть, и возникало новое светило, они летели на его свет, окружали легковесной, мельтешащей массой, славословили, льстили, заискивали, тая в себе очередное предательство и вероломство. Это была та самая «светская чернь», которая на балах и раутах язвила Пушкина, мучила Лермонтова, распространяла гнусные сплетни, кидала подметные письма, клеветала, чернила, доводя до самоубийства. Эта была мошкарa, легкокрылая, эфемерная, переносимая ветром, но эта мошкарa была способна закусать и зажалить до смерти.

Здесь, на теплоходе, проявлялась феноменология власти, двигавшей людскими страстями, похотями, вожделениями, перемещавшая их от слабеющего полюса к тому, что наливался силой и крепостью. Точно так же возникала смертельная пустота во-

круг последнего царя Николая, от которого отвернулись недавние придворные, камергеры, генералы, советники, оставив его одного на заклание, подсовывая «Акт отречения», равнодушно провожая на эшафот. Так же предали Сталина его сподвижники и клеветы, бросив обессиленного вождя корчиться на полу своей подмосковной дачи, торопясь поскорей его схоронить, чтобы на могилу навалить ту самую «гору хлама и мусора», о которой провидчески говорил престарелый слабеющий вождь. Та же участь постигла жовиального Хрущева, любимца интеллигенции, обреченного после опалы на унижительное одиночество, тщетно вызывавшего к прежним друзьям,— вмиг отпрыгнули бесчисленные подхалимы, сонмы льстецов, торопящиеся кинуть в него ком грязи.

То же самое испытывал сейчас Есаул, слыша насмешки, ловя ядовитые взгляды, наблюдая, как очередная актриса или политолог перебегают к Куприянову, брезгливо стряхивая с себя сам воздух, зараженный дыханием Есаула.

Был еще один человек, на которого сыпались насмешки, щипки, шаловливые и злобные выходки. Горбун, маленький, облаченный во фрак, с бабочкой-галстуком, тоже явился на церемонию и сразу же стал мишенью толпы. На него стали указывать пальцем, якобы невзначай толкали. Эстрадный пересмешник пригнулся, ссутулил спину, изображая горбуна, на согнутых ногах пристроился сзади калеки. Молодые певички из «Фабрики звезд» окружили его и стали водить хоровод. Синие печальные глаза калеки умоляюще смотрели на обидчиков. Худое лицо покрылось болезненным румянцем. Челядь, видя поведение господ, копировала их, желая угодить хозяевам. Прислужник, разносивший шампанское, с наглой усмешкой, присвистнув, пронес поднос с бокалами над головой горбуна, заставив его испуганно присесть, что вызвало хохот толпы. Женщина-мажордом, управлявшая церемонией, наклонилась к нему, как к малому ребенку, что-то жеманно сюсюкала, поглаживала по голове, одновременно навалив на него свои сдобные груди. Эстрадный певец, игривый, как макака, стал скакать вокруг убогого, фальшиво запел романс: «Мой Лизочик так уж мал, так уж мал, что, сорвавши одуванчик, заказал себе диванчик, тут и спал, тут и спал...» Горбун уклонялся от обидчиков, смотрел на них укоряющими, полными слез глазами. Удалился, исчезнув в стеклянных дверях.

Есаулу было жаль горбуна. У них была общая доля. Их обоих ненавидели и мучили. Относились, как к убогим и неполноценным. Дразнили и оскорбляли.

— Господа,— торжественно и жеманно, раскрывая зев, жирно обведенный губной помадой, возгласила дама-мажордом.— Приступаем к церемонии преподнесения даров. Нет ничего чудесней, чем дарить от всего сердца, особенно таким счастливым и красивым людям, как наши молодожены. Сейчас несколько слов хотела бы сказать наша неповторимая красавица и любимица, несравненная Луиза. Прошу, моя дорогая! — благостно сочась подобострастием, пригласила дама-мажордом Луизу Кипчак.

Та ослепительно улыбулась, озаряя почитателей и друзей лучезарным обаянием. Ее лучистое аметистовое платье напоминало свежую хризантему. А сама она, с полуоткрытой грудью, матово-жемчужными плечами, белокурыми волосами, уложенными в античную прическу, казалась сказочным цветком, женщиной-звездой, источавшей аметистовое сверканье.

— Любимые мои,— задушевно обратилась она к гостям.— В этот счастливый час мне хочется вспомнить моего дорогого, незабвенного папочку, который сейчас смотрит на меня с небес и радуется моему счастью. Он сделал все, чтобы я была счастлива.— Луиза посмотрела сначала на Франца Малютку, чье лицо было блаженным и просветленным, а потом на Куприянова, с мужским интересом внимавшего сладостному голосу. Казалось, и тот и другой были ее женихами, и втроем они составляли чудесную пару.— Папочка говорил: «Помни, Луиза, что ты — лучшая, ты — элита. Ты самая умная, достойная, дорогая. Мы выстрадали свою элитарность, сбросив оковы тяжкого тоталитаризма, где все были равны в своей серости, бедности и униженности. Ты должна блистать как звезда и светить людям. Не помогай бедным, пусть они видят твое богатство и захотят разбогатеть. Не сострадай убогим и некрасивым, пусть они увидят, как ты хороша и совершенна, и стремятся походить на тебя. Не отказывай себе ни в чем, и люди, подражая тебе, не будут ни в чем себе отказывать». Я выполняю завет моего милого папочки. Поэтому все меня любят, все мной любят, все хотят быть рядом со мной.— Луиза умолкла, поводя плечами, на которых переливалось бриллиантовое кольцо, позволяя мужчинам мысленно целовать эти бриллианты, щекотать усами благоухающие теплые плечи, скользить губами по дышащей груди, погружая чувственные носы в матовую ложбинку.— Хочу, чтобы наше плавание было сплошным увеселением, сплошным «праздником на воде». Не отказывайте себе ни в чем, наслаждайтесь, любите, вкушайте сладость свободной любви. Здесь все дозволено, все предрассудки остались на бере-

гу. Здесь свобода, любовь, красота! — Она вытянула свои голые плавные руки, усыпанные золотом и сапфирами. Малютка и Куприянов бережно подхватили ее протянутые длани, проникновенно целовали прелестные пальцы. — Уверена, все, кто взошел на борт этого корабля, насладятся плаванием. А те, кто остался на берегу, увидят, как мы веселимся, посмотрев фильм, который я буду снимать в пути. Мы должны помнить, что канал, по которому сейчас плывем, строили рабы Сталина, берега усеяны неизвестными могилами, усыпаны безымянными костями. И мы, живые, должны наслаждаться и за тех, кто не увидел счастья в жизни. Чем счастливее мы будем на этом корабле, тем лучше будет тем миллионам несчастных, которые с небес следят за нами. Эту мысль тоже высказывал мой незабвенный папочка. Веселитесь, дорогие, я люблю вас! — Луиза Кипчак одарила всех обворожительной улыбкой, обводя гостей бирюзовыми очами.

— Я тоже хочу сказать, — вперед просочилась мадам Стеклярусова, матушка невесты. Сделала несколько шагов вперед, и Есаул с удивлением заметил, что ее толстенькие, похожие на бутылочки ноги сдвинулись пятками, носы туфель разошлись в стороны, и она совершила несколько небольших прыжков, как кенгуру, что выдавало в ней масона. Есаулу многое стало понятно, — безвольный, сладкоречивый Кипчак, пребывавший в сексуальной зависимости от своей обольстительной жены, находился также в плену ее масонских интриг. Именно под ее воздействием он инициировал расследование «тбилисских событий», когда русские десантники вышли с саперными лопатками, чтобы возделать газоны на площади Руставели, окопать старинные платаны, взрыхлить клумбы с цветами, а Кипчак обвинил их в человекоубийстве. Именно она в постели под балдахином, нашептывая сладострастные речи своему возбудимому супругу, убедила его переименовать Ленинград в Санкт-Петербург и пустить в фонтане «Самсон», что в Петергофе, газированную воду нарзан. Именно она заставила его заняться скупкой недвижимости по довоенным ценам, что сделало ее обладательницей нескольких великолепных квартир с видом на Неву, где собирались члены петербургской масонской ложи. И именно она уговорила мужа взять на службу молодого, обаятельного чекиста, связанного с дрезденскими масонами, который, благодаря протекции «тайных братьев», превратился в Президента Порфирия. Это открытие поразило Есаула, обнажало скрытую грибницу масонских связей, пронизывающих мир.

— Я хочу вам сказать,— продолжала мадам Стеклярусова,— что мой незабвенный муж дал Луизе поистине европейское воспитание. Иногда он бил ее плеточкой за рукоблудие на уроках французского. Иногда ставил «на горох», когда заставлял в объятиях учителя немецкого. Иногда выгонял голую зимой на балкон, когда находил в ее детской постельке банан, или стеариновую свечу, или свою электробритву, или набалдашник от трости. Не верьте тем, кто утверждает, что мой муж умер, якобы подавившись яйцом Фаберже, или задохнулся пухом, нюхая одуванчик. Он погиб смертью героя, пав жертвой недобитого советского подполья, которое не могло ему простить переименование Ленинграда в Санкт-Петербург. Террорист, занимавшийся в лаборатории КГБ медленно действующими ядами, проник в ложу Кипчака во время оперы «Сказка о царе Салтане» и посадил ему на голову ядовитого шмеля, обитающего в дельте Амазонки. Этот шмель был запрограммирован на музыку Римского-Корсакова. Когда зазвучала мелодия «Полет шмеля», злобное насекомое вонзило свое жало, и Кипчак умер от инсульта спустя два года в момент посещения синагоги...

Во время всей речи за спиной красавицы возвышалась молчаливая фигура тувинца. Тока, сын шамана, похожий на бронзовое литье, время от времени трогал голую спину госпожи. Тело красавицы, во многих местах обнаженное, пережившее множество пластических операций, «подтяжек», парафиновых вливаний, напоминало дорогую сырокопченую колбасу, перетянутую бечевой. Иногда швы ослабевали, и тело начинало вздуться. В эти моменты преданный тувинец крутил небольшой винтик, вживленный между лопаток красотицы. Бечева натягивалась, возвращая мадам Стеклярусовой былую стройность и пластику.

Следующим, не в силах скрыть волнения, слово взял Франц Малютка.

— Дамы и мужики... Я так счастлив... Луиза сделала из меня человека... Кто я был? Бандит, умевший просверлить дырочку в черепе конкурента... А кем я стал? Элитой, родственником великого Кипчака... Мне с ней везде хорошо... В шахте, в «Боинге», на дне морском, на шпигеле Адмиралтейства, у подножья памятника Тимирязеву, в ложе Мариинского театра, в жерле царь-пушки, у подножья памятника Линкольну, у пирамиды Хеопса, у фонтана ресторана «Метрополь», на концерте Паваротти, в фонтане «Треви» в Риме, у подножья памятника Петру Первому работы Це-

ретели, у подножья самого Церетели, на клумбе перед зданием ФСБ, в могиле Ваганьковского кладбища, в петергофском фонтане «Самсунг», где шипит чистейший нарзан ... Где еще, Луизочка, я забыл?

— Всего два раза в постели,— подсказала невеста.

— Всего два раза, но какие! — воскликнул Малютка.

Толпа не выдержала, закричала: «Горько!.. Горько!» Луиза Кипчак кинулась к суженому, подпрыгнула, обхватив его сильными коленями. Поцеловала Малютку долгим, высасывающим жизнь поцелуем, от которого силач едва ни лишился чувств.

— А теперь, дамы и господа,— вмешалась мажордомша.— Начинаем дарить подарки. Не бойтесь нанайцев, дары приносящих,— пошутила она, став похожей на Регину Дубовицкую.

Первым одаривал Куприянов. Красивым жестом погрузил руку во внутренний карман пиджака. Извлек футляр красного дерева. Раскрыл, и на черной сафьяновой подкладке всплыл, драгоценно воссиял, нежно и восхитительно замерцал огромный изумруд, исполненный блеска, средоточие лучей, от которых стало светлее в зале. Протягивая подарок, как протягивают сорванную с неба звезду, Куприянов произнес:

— Этот изумруд зовется: «Слеза изумленного Бога». До этого он принадлежал шейху Катара. А раньше — индийскому магарадже. Говорят, он хранился в сокровищнице царя кушан и был захвачен войсками Александра Македонского. Владейте им, и пусть ночью, когда в вашей спальне погаснет свет, он освещает ложе вашей любви,— с этими словами Куприянов передал драгоценный камень Малютке. Все заплодировали.

Затем выступил губернатор Русак. Заговорщически топорща собачьи усы, таинственно улыбаясь, поставил на столик шкатулку карельской березы. Извлек крохотный золотой ключик. Вставил в скважину крохотного замочка и несколько раз повернул. Шкатулка оказалась музыкальной. Хрустальными переливами зазвучал «Свадебный марш» Мендельсона. Шкатулка приоткрылась. В ней обнаружилось золотое свечение. Из этого чарующего зарева, под звуки священного гимна, стал подниматься, как поднимается ствол зенитного орудия, орган мужской любви, золотой, в натуральную величину, с поразительным сходством, как если бы золотая отливка была сделана по эскизам Микеланджело. Устремив золотой ствол в зенит, любовный фетиш остановился, окруженный священным жаром. Луиза Кипчак, истинная жрица любви, припала

к нему, хватая пламенными устами самую культовую часть фетиша. Ее голубые глаза наполнились золотыми слезами счастья.

Все восторженно аплодировали. Оператор Шмультрихтер почти въехал камерой в зев жрицы, стараясь запечатлеть поведение золотого бога в его новой обители.

Председатель Союза предпринимателей и промышленников Добровольский созерцал сцену глазами библейского старца, подсматривающего за Сюзанной. Приблизился к столику и выложил на него роскошный фолиант. Эта была Камасутра, выполненная на старинном пергаменте, с рисунками культового художника Сальникова, который умел самые непристойные сцены и виртуозные извращения облечь в форму высокого искусства. Работая над книгой, он проводил время в залах художественной гимнастики, наблюдая, как прелестные гимнастки делают шпагаты, стоят на руках, свиваются в узел, смыкаются в колесо, изгибаются в «мостики», садятся в «позу лотоса», помещают шею среди ягодиц, заносят правую пятку за левое ухо.

При этом их молодой тренер умудряется каждую спортивную позу использовать для соития.

Добровольский перелистал несколько негнущихся страниц, показывая Луизе Кипчак и Францу Малютки нечто такое, что их страшно заинтересовало. Они начали было копировать экзотические позиции, но Добровольский мягким жестом остановил их:

— Хочу заметить, что переплет этой изумительной книги сделан из кожи кенийского козла. Одна часть кожи пошла на переплет Конституции Российской Федерации, на которой клялся наш дорогой Президент Порфирий. Другая часть была использована для обрамления этой мистической книги, на которой вы, дорогой Франц, поклянетесь своей возлюбленной в вечной любви и верности. Если у вас что-то не будет получаться, зовите меня. Я помогу вам исполнить эти сложные, но, поверьте, увлекательные упражнения.

Франц Малютка положил волосатую лапищу на кожаный переплет Камасутры и, взирая на драгоценную супругу, произнес:

— Клянусь, блин. Однако теперь я пропал.

Гости рукоплескали в неопишемом восторге. Выступила ведьма Толстова-Кац, напоминавшая огромный бурдюк с водой. Приподняла ворох шелковых юбок и извлекла из-под них женскую статуэтку, выточенную из голубой яшмы. Статуэтка изображала женщину, по виду египтянку, которая широко раздвинула ноги, растворила лоно, приглашая животворный дух посетить его.

Это могла быть Нефертити, призывающая Тутанхамона, но могла быть и Клеопатра, поджидающая в опочивальне Цезаря. Дух, витавший над Нилом, над зарослями белоснежных лотосов принимал образы прекрасных, благородных мужчин, бесчисленных воплощений Озириса. Соответственно женщина, выточенная из лазурной яшмы, была вечной Изидой. Обо всем этом колдунья поведала молодоженам, передавая подарок.

— Берите амулет в свою постель. Он стократ увеличивает наслаждение, перенося в ваш оргазм оргазмы сотен живших до вас любовников. Однако бойтесь умереть от пресыщения, время от времени прерывайте ласки и становитесь под охлаждающий душ.

Луиза Кипчак поцеловала нарумяненную старуху, которую почитала своей наставницей. У той от нежности к своей воспитаннице из-под юбок потекла шумная струйка.

Мадам Стеклярусова протянула дочери тонкий, стертый до блеска кожаный ремешок, вырезанный из хобота африканского слона.

— Это тебе, моя доченька. Ты помнишь этот ремешок, который висел в папином кабинете. Ты в детстве все спрашивала, зачем этот ремешок. Но я стеснялась тебе сказать. Теперь же открою тайну ремешка. Когда твой папа возвращался из Смольного, где он боролся с остатками тоталитаризма, то бывал так измучен, что терял часть своих мужских достоинств. Чтобы вернуть их себе, ложась в постель, просил меня отстегать его ремешком. Я никогда не отказывала своему мужу и крупному общественному деятелю и стегала до тех пор, пока у него не вырастал хоботок. Тогда мы сливались в объятьях. Но этот ремешок, будучи источником его возрождений, стал, в конце концов, причиной его гибели. В тот день, когда я не ночевала дома и поддалась на уговоры принца Чарльза покататься с ним по Неве, твой бедный ревнивый отец не выдержал краткосрочной разлуки и удавился на этом ремешке, привязав его к итальянской люстре, которую перенес к себе из запасников Эрмитажа. Дарю тебе этот памятный ремешок, призывая не забывать, что в каждом предмете таится как оживляющая, так и умертвляющая сила.

Луиза Кипчак бережно приняла ремешок, целуя его, как герои целуют саблю. А потом внезапно размахнулась и стегнула Франца Малютку, который от неожиданности взревел слонам, и в паху у него стало жутко взбухать.

Конфузу не дал разразиться кутюрье Словозайцев.

— Вы оба очаровательны,— умиленно произнес модельер, скользя через зал. Он был облачен в белую тунику с золотым меандром. На босых ногах были легкие греческие сандалии. На перевязи висел небольшой бронзовый меч, каким Ахилл поразил Гектора. Словозайцев являл собой эллина, явившегося под стены Трои. Нес в руках дары, бояться которых предостерегала Регина Дубовицкая.— Эти одеяния — часть моей новой коллекции, которую я назвал «Одиссей и Пенелопа». Когда вы удалитесь к себе после торжественной церемонии, попробуйте примерить эти простые, подчеркивающие пластику тела туалеты.

Он протянул Луизе Кипчак длинную жемчужную нить, которую следовало набросить на шею, свободно пропустить под обнаженной грудью, обвить живот, продернуть в пах, погрузить в глубину ягодиц и вновь протянуть вверх, к шее, по ложбинке спины. В том месте, где нить ниспадала с живота и погружалась в таинственные прелести,— находилась небольшая морская звезда. Она стыдливо прикрывала сокровенные дары, заслоняя ход дерзновенному герою. Но уж если герой, преодолевая множество преград, достигал желанного, то эта звезда служила источником непередаваемых усад, награждая героя истинным счастьем.

Францу Малютке достался галстук, столь же тонкий, как и жемчужная нить. На конце галстука качалась перламутровая, с отточенными кромками раковина. Во время любовных игр, которым предавались древние греки, галстуком можно было душить строптивую подругу, а острой раковиной, если эллина постигла неудача, можно было вскрыть себе вены.

Принимая подарки, молодожены переглянулись, и можно было не сомневаться, что туалеты уже нынешней ночью будут примерены.

Посол Киршбоу никогда не был скуп на подарки, но сейчас превзошел самого себя. Он подарил жениху и невесте подлинный автограф Джорджа Вашингтона,— расписку в том, что тот купил у еврея-торговца семьдесят четыре черных раба из Либерии.

— Фокус в том, что среди купленных рабов была жрица негритянского племени, влюбившая в себя великого американца. От нее через два века произошли Кондолиза Райе и Майкл Джексон. И хоть одна осталась черной, а другой выбелил себе кожу, но оба считают Джорджа Вашингтона своим прапрапрадедом.

Дарения продолжались. Персона, похожая на Боярского, подарила молодоженам свою черную широкополую шляпу, тут же

заменяв ее на своей голове другой. В тот краткий миг, когда голова оставалась непокрытой, обнаружилось, что череп его срезан, над кромками костяной чаши вспучивается мозг, словно кипящее, готовое убежать молоко, и в этой белесой гуще дергается, мерцает, словно крохотная молния, единственная извилина.

Юморист, напоминавший Жванецкого, подарил счастливой паре банку, полную живых мух. Стал смешно бегать по залу, жужжать, изображая муху. Передал гостинец Луизе, сказав:

— Я знаю, в Санкт-Петербурге, на могиле моего друга Кипчака состоится ритуал выпуска птиц. Кто-то будет выпускать голубей, кто-то горных орлов, а ты, моя дорогая, выпусти мух. Свободу любят все,— и мухи, и Ходорковский,— с этими словами, вибрируя руками, потряхивая толстым брюшком, он полетел на место.

Персона с усами Михалкова вручила Малютке шашку Деникина. Прах генерала был уже вырыт из вашингтонской земли, похоронен ненадолго в Париже. Через несколько дней его снова отроют, по Волге-матушке доставят в Москву. Теплоход «Иосиф Бродский» повстречается с сухогрузом «Генерал Деникин», везущим прах прославленного генерала и примкнувшего к нему философа Ивана Ильина.

— Тогда, брат, выходи на палубу, отсалютуй шашкой двум славным сынам России!

Малютка взыграл, обнажил клинок, свистнул в воздухе, так что лезвие отсекло михалковский ус.

Наступил черед дарений для отчужденных изгоев, к которым принадлежал и Есаул.

Первым, неуклюже, набычась, к молодоженам приблизился прокурор Грустинов, предложив Малютке свой подарок. Это был искусно сделанный, уменьшенный «автозак», с решетками на окнах, мышиного цвета, с мигалкой, какие курсируют от «Бутырок» и «Матросской Тишины» к московским судам и обратно. Малютка опасливо принял дар. Нажал на фиолетовую кнопку, изображавшую «мигалку». Крышка «автозака» растворилась, и вылезла дорогая, с золотой каймой, кубинская сигара. Малютка облегченно загоготал, похлопав по плечу прокурора:

— Ну, блин, ты и шутник, прокурор!

Дрыгая парализованной ногой, опираясь на трость, прихрамывая министр обороны Дезодорантов. Протянул Малютке золотую пулю на цепочке:

— Это, милостивый государь, пуля для вас. Носите ее с собой, чтобы не досталась врагу.

Малютка благосклонно хмыкнул и тут же нацепил охранный амулет на жирную шею.

Спикер Грязнов подарил шахматы — искусный резчик выточил фигуры и пешки с лицами депутатов, причем сам Грязнов был изображен в виде белого короля, а вице-спикер Слиска оказалась симпатичной толстобокой королевой.

— Аппетитная бабенка,— сказал Малютка, вертя пальцами белую королеву, словно хотел рассмотреть, как устроены у нее под платьем ноги.

Телемагнат Попич преподнес серебряную клетку с золотым соловьем, намекая на то, что и сам он поет в неволе.

— Я, братан, тоже налетался. Луизка на цепь посадила. Ни одной бабы близко не подпускает,— вздохнул Малютка.

Настал черед Есаула нести свой подарок. Толпа воззрилась, сверкая ненавидящими глазами, издевательски указывая перстами. Между Есаулом и молодоженами оставалось пустое пространство, которое ему предстояло перейти. Оно было заминировано противопехотными минами, начинено фугасами, рассечено невидимыми «растяжками». Над ним носились злобные духи, которых выпускала из своего хлюпающего живота Толстова-Кац, страшая Есаула выпученными жабыми глазами, скользкими бородавками, раздутым зобом, из которого неслись квакающий звук переполненных слизью болот.

Есаул глубоко вздохнул. Держа у груди сверток с подарком, пошел, как идет сапер, чувствуя стопой начиненную взрывчаткой землю. Как идет знаменосец, пронося алое полотнище сквозь встречный, наполненный пулями ветер. Пересек пустое пространство, остановился перед молодоженами.

— Мой подарок символичен,— произнес он, извлекая из свертка просторную золотую чашу с серебряной каймой, на которой черной вязью был начертан стих Дельвига: «Когда еще я не пил слез из чаши бытия...» — Я дарю это вам с надеждой и молитвой, чтобы чаша сия никогда не наполнилась до краев слезами, а только молодым благородным вином, которое вы вместе станете пить долгие годы.

Он протянул чашу Малютке. В глубине золотого сосуда плавало прозрачное дивное пламя. Стенки сосуда чуть слышно звучали, будто чей-то волшебный голос исполнял романс на стихи Дельвига: «Тогда зачем в венке из роз к теням не отбыл я...» Все замерли, зачарованные музыкой, озаренные нежным, излетающим из чаши светом.

Малютка принял подарок, бережно осматривал. Шевелил толстенными губами, сиюсь прочитать стих.

— Всю жизнь башлял, а книг совсем не читал. Теперь начну.

— Ты, Франц, русский человек, в бараке родился,— Есаул в поклоне приблизил губы к твердому волосатому уху Малютки.— До всего дошел сам, без протекции. Выбирай путь правильно. Не ошибись. Старый друг лучше новых двух.

Малютка взглянул на него с удивлением. Луиза Кипчак, не позволяя продлиться беседе, отобрала чашу, громко, на весь зал произнесла:

— Вы, Василий Федорович, все-таки заходите к нам, когда уйдете в отставку. Мы с Франтиком добро помним.

Это ласковое обращение было исполнено язвительности, должно было причинить Есаулу боль. Так бросают собаке кусок лакомства, в который спрятан осколок стекла. В толпе засмеялись.

В это время Круцефикс с безумным лицом, нелепо подпрыгивая, делая странные выкрутасы, словно выпутывался из тенет, кинулся через зал к Куприянову. Стал хватать его за руку, норовя поцеловать, бессвязно выкрикивая:

— Не верьте ему!.. Он лжет!.. Он готовит какой-то план!.. Он хочет нас всех погубить!.. Велите повернуть теплоход обратно!.. Я с вами!.. Я всегда вас любил!..

Прокурор Грустинов кинулся вдогонку Круцефиксу, схватил за пиджак, оттягивая от Куприянова. Старец Добровольский, с необычной для своих лет прытью, ухватил Круцефикса за шиворот, не отдавал прокурору. Спикер Грязнов подоспел на подмогу Грустинову, вцепился в ногу Круцефикса, тянул, что было мочи. Колдунья Толстова-Кац припрыгала на помощь Добровольскому, впиалась Круцефиксу в бородку, тянула на себя. Министр обороны Дезодорантов подскакал на одной ноге, стал бить набалдашником трости по голове Круцефикса, желая лишить его чувств и в этом виде унести с поля боя. Но ему мешал губернатор Русак, умудрившийся засунуть пятерню в раскрытый зев Круцефикса, не отдавая назад перебежчика. Все смешалось, клубилось. Круцефикс то взлетал к потолку с оторванной бородкой и разодранным ртом, то рушился на пол, крича и умоляя, пока огромная, как переполненная лохань, Толстова-Кац не села ему на голову. Окатила шумным водопадом, в котором умолкли жалобные клики ренегата. Мокрого, без чувств, похожего на утопленника, с несколькими, вцепившимися в него раками, с улитками на лице, с

лягушачьей икрой в глазах, Круцефикса уложили на полу. Персона в шляпе Боярского стала делать искусственное дыхание, выдвигая из его щеки легкие зеленую воду.

Желая сгладить дурное впечатление от происшедшего, кто-то крикнул:

— Виват молодоженам!.. Горько!.. Все стали вторить:

— Горько!.. Горько!..

— Дамы и господа,— раздался в репродукторе бархатный, чарующий голос капитана Якима.— Просим всех в ресторацию на третьей палубе, где уважаемых гостей ожидает ужин из экзотических рыбных блюд и где можно отведать дары всех четырех океанов.

Гости, утомленные неразберихой, с радостью откликнулись на приглашение. Есаул испытывал тоску, разочарование, тревогу. Еще один из близких сподвижников оказался предателем. План, который был спрятан под сердцем, по-прежнему был неведом врагам. Но те уже знали, что план существует.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ресторанная зала сверкала хрустальными, фарфором, серебряными ножами и вилками. На столах в литых подсвечниках горели свечи. На эстраде играл одесский джаз. Миловидные, с печальными глазами евреи исполняли музыку двадцатых годов. Певец Буйнов во всем белом, в облегающих брюках, эффектно подчеркивающих величину упругих семенников, напевал: «По улицам Милана шла девушка милая...»

Гости усаживались, где придется: Есаул оказался за столом, где по одну руку от него сидел Франц Малютка, по другую — посол Киршбоу. Напротив голодной улыбкой улыбался Добровольский, потирая венозные руки, приговаривая: «Ах, как я люблю рыбу! Рыбка — моя слабость!»

Официанты в сиреневых сюртуках с белыми розами в петлицах разносили блюда, любезно предлагая:

— Суп из плавников рыбы-молот, с плодами авокадо и устрицами острова Целебес... Печень голубой акулы с гарниром из святающихся водорослей Карибского бассейна... Шейка рака-отшельника в винном соусе из молодого шабли...— Ставили перед гостями пиалы с дымящимся золотым бульоном, серебряные блюда с

ломтями янтарного мяса, фарфоровые рыбницы с дольками прозрачной плоти, чуть прикрытой сине-зелеными водорослями, источавшими свечение.

Есаул, не притрагиваясь к деликатесам, дал возможность Малютке утолить первый голод. дождался, когда в его могучем зеве исчезнут хрящи морского угря, глаза электрического ската, мякоть норвежской семги, икра дальневосточной кумжи. Когда он с хрустом разжует отростки коралла, скорлупу лобстера и перламутровую раковину вместе с небольшой полинезийской жемчужиной.

— Франц,— обратился к нему Есаул.— Я продолжу мысль, которую не успел тебе высказать во время дарения подарка. Ты русский человек, плоть от плоти народа. Ты выбился в большие люди, стал богачом, угольным олигархом, но сохранил русскую душу. Тебе не наплевать, как живет остальной народ. Тебе не безразлично, будет ли Россия великой страной, или ее изложут жида, захватят чеченцы, оттрахает по полной Америка. Ты вырос в бараке, а родня твоя похоронена на простом деревенском кладбище. Вспомни свои корни, Франц!

Есаул использовал психологические приемы вербовки, которая удавалась ему, когда он, военный разведчик, вербовал агента в Германии, где познакомился с Президентом Порфирием, в Афганистане, где явился ему пророческий Ангел, в России, где, введенный в ближайший круг Президента, создавал свою личную агентурную сеть в партиях, в госбезопасности, в бизнесе.

— Мы с тобой русские люди,— пытался он воздействовать на подсознание Малютки.

— А че, я русский в натуре,— охотно соглашался Малютка.— Всего достиг без жидов. Из барака переехал на Успенку, и моему дому завидуют Юмашев и Танька Дьяченко. Квартира в Москве, в одном доме с Патриархом,— там у меня зимний сад с живыми бабочками из Бразилии, я на Пасху Святейшему полный сачок приношу. Братана моего, в которого кемеровские на стрелке две обоймы всадили, я в золотой гроб положил, памятник ему из розового мрамора высотой шесть метров у Церетели заказал,— братан был немного на Колумба похож. Я с Афона каждый год монахов самолетом вожу, чтобы они по братану панихиду служили.

— Франц, ты роешь русский уголь для русских электростанций и русских домен. Котельни с твоим углем греют русских людей. Не чета Абрамовичу, Вексельбергу, Фридману, сосущим рус-

скую нефть и оставляющим бабки в офшорах. Ты думаешь, они будут тебя терпеть? Они видят в тебе конкурента, заставят взорвать твои шахты, выбросят тебя из бизнеса. Они закроют последние сталеплавильные цеха, прикончат Уралмаш и «Ижорские», «Электросталь» и «Магнитку». Они добьют русское авиастроение и автпром. Им не нужна русская наука и русская культура. Им нужна нефтяная труба из Сибири в Европу, в Китай и пятьдесят миллионов русских, которые обслуживают эту трубу. Ведь ты не с жидами, Франц? — Есаул будил в нем неприязнь к заносчивым олигархам, неохотно пустившим недавнего бандита в свой аристократический клуб. Пугал переменами, которые наступят, как только к власти придет Куприянов — отречется от мужиковатого спонсора, выберет новых элитных друзей — любимцев Америки, знатоков мировых финансов.

— Вася, правильно ты угадал. Жидов не люблю. Они тебе в лицо «гур-гур-гур», а за спиной хер показывают. Если бы не ты, этот пиздюк Добровольский меня в свой долбаный «Союз» никогда не принял. Я с ним и с его олигархами дольше часа в одной комнате не могу находиться. Другое дело, с конкретными пацанами, с которыми начинали на шахтах, соберемся, зафрахтуем яхту и плывем два дня туда, где «Титаник» накрылся. По пути маленько бухаем, о делах перетираем. Над «Титаником» бутылку шампанского вскроем, помянем. И обратно, в Россию, уголек добывать. Конечно, девочек на борт берем, в основном негритянский ансамбль песни и пляски.— Эти слова Малютка произнес шепотом, опасливо оглядываясь на Луизу, которая кокетничала с Куприяновым, обсасывая разноцветных рыбок атолла Бикини, засахаренных в клубничном соке.

Официанты неумоимо разносили блюда, поражавшие изысканностью морских даров. Казалось, их приготовил сам тележурналист Михаил Кожухов, специалист по туземным кухням, чья смерть наступила внезапно, когда он подавился жуком-плавунцом. Среди предлагаемых кушаний были глаза зеркальных карпов в желе из лепестков роз. Брюшко рыбы-меч, вымоченное в клюквенном соке. Крыль в меду диких пчел. Камчатский краб с гарниром из незабудок. Гости, поглощая деликатесы, испытывали блаженство, которое монахи называют гортанобесием. Ибо, как полагают они, вкусовой зуд, распалывший гортань и язык, есть выдумка беса, который зримо, свивая хвост и скаля песью морду, витал над столами.

— Франц, ты помогаешь Куприянову, тратишь на него несметные деньги. Но он кинет тебя, как кинул многих. Он сдаст тебя Чубайсу и Дерипаске. Тебе вновь навяжут посредников, которые станут накручивать на себя принадлежащую тебе прибыль. Тебе перекроют рынок, заставляя потребителей покупать не уголь, а мазут. Твоих шахтеров подобыют на стачки, и они перекроют железные дороги, по которым ты перевозишь уголь. Они инспирируют тебе какую-нибудь страшную аварию на шахте и объявят кровопийцей. Подумай об этом, Франц.— Есаул будил в Малютке страхи, тревожил мнительность, сеял недоверие.

— Вася, ты много мне помогал, и этого я не забуду. Прошу об одном — не настраивай против Куприяныча. Я ему по гроб благодарен. Он ведь с Луизкой меня познакомил. А это дорого стоит. Увы, держит баба нашего брата за яйца.— Малютка улыбнулся детской виноватой улыбкой. Вонзил в панцирь морской черепахи клык, которому позавидовал бы саблезубый тигр.

Есаул потупил глаза. Вербовка не удалась. С другой половины стола на него смотрел Добровольский, ласковый, как вампир, выбирающий на горле живую пульсирующую жилку. Вслушивался в тихие, недоступные его слуху речи, старался по шевелению губ угадать их смысл. Улыбался, напоминая, что его, Есаула, жизнь находится в его, Добровольского, лапках.

Между тем на подиуме вместо одесских евреев и охрипшего от страсти Буйнова появился новоорлеанский джаз — восемь здоровенных жизнерадостных негров, один из которых был альбинос с рыжими волосами. Казалось, его долго вымачивали в хлоре, а потом окунали голову в куриный желток. Возникла бесподобная Тина Тернер, в длинном платье из блесток, стекларуса и искрящихся нитей. Стала исполнять негритянские спирчуэлз, импровизировала, как певчая птица, и не сразу в ней угадали певцу Долину, выкрашенную черной ваксой.

Поедание морских блюд возобновилось с новой силой. Гостям предлагался осьминог, у которого на каждое щупальце был надет башмачок из апельсиновой дольки. Псковский снеток в бордо урожая 1914 года. Хорда севрюги, охлажденная в крем-брюле.

После неудачной вербовки Малютки Есаул обратил свое внимание на посла Кишбоу — тот заглатывал студенистую медузу с засахаренной вишенкой в глубине.

— Ваше превосходительство, верно ли, что под Басрой погибло сегодня еще пятнадцать морских пехотинцев? Вы так изу-

мительно складываете американский флаг, что впору и мне поучиться. Сложенные таким образом флаги прекрасно смотрятся на гробах, в которых покоятся герои.

— Эти проклятые шииты усвоили манеру обвешиваться фугасами и кидаться под наши транспортеры и танки. Исламский фундаментализм — не медуза, его так просто не съешь, — ответил Киршбоу, пропуская в пищевод студенистый, пахнущий морем сгусток.

— Вы обвиняете меня в том, что я придерживаюсь проиранских взглядов, настаиваю на строительстве атомной электростанции в Бушере. Но таким образом Россия сохраняет свое влияние на иранских имамов. Мы в состоянии удерживать их от слишком глубокого вмешательства в иракский конфликт. Куприянов, жалкая креатура Госдепа, порвет с Ираном, расторгнет ядерный контракт. И уже ничто не удержит имамов от развязывания полномасштабной войны. Вы будете только успевать сворачивать флаги. А ведь это дело не из легких.

Еще недавно, в разговоре с Малюткой, Есаул использовал психологические приемы вербовки, такие как обольщение, тайная лесть, скрытый подкуп. Теперь же, в разговоре с дипломатом, был пущен в ход тонкий шантаж, ненавязчивый торг, логика «национальных интересов».

— Василий Федорович, мы понимаем все издержки, связанные с приходом во власть Куприянова. Но они сполна искупаются вашим отстранением от власти. С вашим уходом исчезнут те антиамериканские силы в правительстве, армии, безопасности, которые вы насадили. Куприянов управляем. Мы сможем свести к минимуму риски его правления.

— Мне кажется, господин посол, в вашем сознании свили гнезда реликты холодной войны. Вы для нас — не враги, а старшие, желанные партнеры. Мы в вас нуждаемся. Китайская угроза заставляет нас искать вашей дружбы. Исламский фундаментализм для нас столь же опасен, сколь и для вас. Вы хотите, чтобы китайские дивизии дошли до Урала, и сибирская нефть стала питать китайскую цивилизацию? Хотите, чтобы Чечня и весь остальной Кавказ стал базовым районом «Аль-Кайды», которая соединит в антиамериканский халифат Турцию, Северную Африку и русское Поволжье? Ведь именно это произойдет, когда Куприянов станет Президентом России. Он — друг «свободной Ичкерии». Сторонник того, чтобы квота китайских переселенцев в Сибирь и Приморье достигла десяти миллионов в год. Вам это нужно?

— Василий Федорович, Куприянов во время своего последнего визита в Вашингтон обещал открыть американские военные базы на Кавказе, подобно тем, что развернуты в Средней Азии. Он обещал разместить вдоль Транссибирской магистрали позиции американских тактических ракет «Першинг». Более того, он дал согласие на американский контроль за вашим ракетно-ядерным комплексом, состояние которого внушает нам опасение. Вы же, Василий Федорович, держитесь за свои чудовищные устаревшие ракеты «Сатана», видя в них призрачную тень сверхдержавы. Пора уgomониться, Василий Федорович. Времена Сталина не-возвратно миновали. Русским не нужна сверхдержава. Им нужна спокойная, беззаботная, зажиточная жизнь, без аварий на ядерных станциях, без тонущих атомных лодок и произвольных пусков ракет.

Киршбоу говорил с Есаулом, как взрослые разговаривают с испорченным, плохо воспитанным ребенком, еще не решаясь шлепнуть его, но уже отказывая в родительском расположении. Так в Госдепе беседуют с послами из Коста-Рики или Колумбии, давая понять, что любого из них может постичь участь панамского президента Нарьеги, сидящего на цепи в одной из американских тюрем.

Морские яства сменяли одно другое. В маслянистые листья ламинарии были завернуты спинки молодых кашалотов, посыпанные ванильной и сахарной пудрой. Янтарно-желтый жир трески подавался вместе с грибами «дедушкин табак», производя то-низирующее действие. Глубоководные светящиеся змеи, будучи нарезанными на ломти и погруженными в абрикосовый джем, продолжали светиться нежно-зеленым, синим и розовым.

— Вы поддерживаете Куприянова, который не сможет удержать разбегающиеся русские пространства! Вы готовите восстание пространств! Бунт сбесившихся территорий! Великий евразийский хаос! Дремлющий континент поднимется на дыбы и рухнет на голову остального мира! Не мешайте нам восстановить евразийский порядок! Воссоздать евразийскую империю, которая будет другом Америки! Мы — не сталинисты, мы — модернисты! Видим в Америке великого союзника и партнера! — Есаул имитировал экзатичность, словно в бессилии пускал в оборот последний ресурс.

— Поздно, Василий Федорович, ставка сделана на Куприянова. — Киршбоу наслаждался видом истеричного, но уже безо-

пасного противника.— Увы, Президент Порфирий уходит. Его банковские счета и зарубежная недвижимость будут сохранены, а сам он пополнит клуб русских экс-президентов, где ему будет уютно в обществе Горбачева и Ельцина.

— Но Россия превратится в грязевой вулкан! Будут непрерывные взрывы! К власти рвутся русские фашисты, которых нам пока что удастся удерживать! Орудуют лимоновцы, которые на глазах превращаются в «Красные бригады» и «Баадер унд Майн-хоф»! Они придут к власти и направят Россию против Америки!

— Я вас уважаю, Василий Федорович. Рад, что мы вместе плывем.

Так закрывают перед носом надоедливого просителя дверь, оставляя его с протянутой рукой и несчастным лицом.

Добровольский через стол пытался уловить суть разговора. Складывал синеватые губы в сосущую трубочку, как делает вампир, прокусив на горле жертвы горячую жилку. Есаул потупил глаза, выражая покорность судьбе.

Дама-мажордом, напоминавшая Регину Дубовицкую, ослепительная в своем вечернем туалете, почти не скрывавшем ее смуглого, с мраморными прожилками тела, возгласила:

— Дорогие мои, а сейчас вам будет предложен деликатес, присланный на корабль нашим большим другом, предводителем племени Каймановых островов, по совместительству директором одного из офшорных банков. Рыба, которую он нам дарит, водится на глубине трех километров, куда не достигают лучи солнца, и появляется на поверхности океана раз в году, в полнолуние, когда духи моря совокупляются с духами земли. Рыба зовется — айворадо, приготовлена по рецепту туземного жреца, апробированному покойным Михаилом Кожуховым. Прошу! — Она повернулась к дверям, взмахивая маленьким жезлом мажордома, усыпанным алмазами и сапфирами.

Четыре служителя в сиреневых сюртуках с белыми розами в петлицах внесли длинное тяжелое блюдо, на котором красовалась большущая рыба. Она была покрыта горячей душистой шубой из ломтиков яблок, долек мандаринов, нежных пластин ананасов. Лишь раздвоенный хвост, чуть загнутый, обжаренный по краям, выступал из-под шубы, дразнил воображение ломкими, хрустящими на вид лепестками. Над блюдом туманился жаркий дух, распространяя искусовые ароматы.

Диковинное яство опустили на стол, перед которым возвышалась башня фарфоровых тарелок, пленявшая свежестью и белизной. Гостям сменили приборы — серебряные ножи и вилки. Служитель, священнодействуя, словно жрец, занес над рыбой отточенный клинок и серебряный трезубец. Вонзил и то и другое, вырезая из рыбы ломоть, обнажая розовое дивное мясо, выпуская струю сладкого пара. Другой служитель подставил тарелку, рыбий кусок лег на фарфоровый круг, и жрец, ловко поддевая фруктовые пластинки и дольки, красиво обрамлял порцию. Одна за другой тарелки плыли к столам. Гости, не скрывая вожделения, склонялись над блюдами, вкушали нежное мясо, извлекали из рыбьей плоти редкие розовые косточки, откладывали их на специальные тарелочки. Слышались возгласы одобрения, тихие постанывания, вожделенные чмоканья.

Добровольский перестал шпионить за Есаулом. Всю свою страсть обратил на жаркий, лежащий перед ним ломоть, шевеля ноздрями, всасывая испарения, улавливая горячие, излетающие из рыбы молекулы.

Кругом стучали ножи и вилки, слышались охи и ахи, хвалы шеф-повару, создавшему дивное блюдо, а также вождю Каймановых островов, приславшему подарок, и умелым ловцам, поднявшим из глубин диковинную добычу, и журналисту-гурману Михаилу Кожухову, вся жизнь которого прошла в жевании рыб, пауков и змей. Скоро серебряное блюдо, на котором внесли рыбу айворадо, опустело. Остался очищенный рыбий скелет с загнутым обугленным хвостом, да костяная голова с металлическими жабрами, среди которых мертвенно сияли лазоревые русалочьи глаза, слиплись измазанные майонезом и фруктовым соком золотистые локоны.

В завершение трапезы встала Луиза Кипчак, поводя ослепительными плечами. Подняла узкий бокал шампанского:

— Итак, наше плаванье длится среди увеселений и празднеств. Так пусть же этой ночью наш корабль превратится в чертог любви, в ковчег наслаждений, в храм эроса, куда слетятся боги всех времен и народов, покровители трепещущей плоти, демоны страсти, духи услад. Не отказывайте себе ни в чем. Отбросьте предрассудки. Импровизируйте, играйте в театре любви самые смелые роли. Фильм, который мы снимаем для ТНТ, соберет урожай этой первой ночи, которая да будет Вальпургиевой! — Она выпила шампанское. Малютка поднял ее на руки и с ликующим,

блаженным лицом понес в каюту. Все торопились покинуть ресторанную залу, увлекали в каюты наперсников и наперсниц любви.

Корабль с опустевшими палубами, увитый гирляндами, переливался, как огромный алмаз. Скользил в тесном канале по черной воде, удаляясь от Москвы. Среди таинственных берегов, недвижных дубрав пролетал редкий огонь ночного автомобиля, начинало светиться розоватое зарево отдаленного предмета, высоко и туманно переливались теплые звезды, по которым скользила высокая мачта с изумрудным огнем. Казалось, на мачту присел крылатый, прилетевший из небес дух, многоглазый и многокрылый. Освещал своими атласными крылами творимое в каютах действо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Франц Малютка и Луиза Кипчак едва оказались вдвоем в своем великолепном люксе, тотчас же принялись разбирать груды занесенных в каюту подарков. Разбросав по сторонам невесты наряды, блистая ослепительной наготой, Луиза выхватила из футляра подарок Куприянова — огромный изумруд «Слеза изумленного бога». Мгновение казалось, что она не знает, как поступить с драгоценным камнем, ищет достойное ему применение. Затем с силой и ловкостью погрузила волшебный камень в свое сокровенное лоно, отчего из жаркой тьмы потянулись наружу зеленоватые, словно морская вода, лучи. Луиза чувствовала в себе изумруд как чудесный плод, восхитительно тяжеливший чрево. Поводила бедрами, направляя лучи на потолок и на стены, где выводила загадочные письмена и орнаменты. Франц Малютка не мог оставаться безучастным к игре изумрудных лучей. Его вечерний костюм небрежным комом валялся у порога, его туфли были разбросаны по сторонам могучим взрывом. Всей силой любящего, неутомимого тела, всей страстью воина, стремящегося взять осажденную крепость, с упорством кладоискателя, знающего цену сокровищам, он пытался вернуть утраченный изумруд. То угадывал его в глубине бездны. То вновь терял ускользающее чудо.

Нырнул за ним, набрав воздух, еще и еще, до изнеможения, старался вырвать звезду из преисподней. Наконец каким-то чудом ему удалось нащупать камень. Нырнул за ним, скрывшись из

вида, долгое время оставаясь под водой, так что ловцы жемчуга на соседних пирогах уже решили, что он утонул — не выдержало сердце, разорвались легкие. Но через полчаса, когда друзья уже стали его оплакивать, направляя ладьи к побережью, он в буре брызг, словно кит, вырвался на поверхность, держа изумруд. Озарял пространства, возвращая светило небу.

— Милый, будь осторожней с камнем. Любая царапина снизит его цену на аукционе «Сотбис». А у тебя все такое острое и колючее, — утомленно произнесла Луиза Кипчак, поднимаясь с пола и перебираясь на кровать.

Однако любовь, если она истинна, не терпит пауз. Были востребованы следующие два подарка — губернатора Русака и волшебницы Толстой-Кац. Луиза извлекла из музыкального ларца золотой фетиш, воздетый, как зенитное орудие. Это был языческий бог любви и плодоношения, идол, которому поклонялись сонмы любовников, кумир, перед которыми падали ниц великие сладострастники и куртизанки. Царственный, лучезарный, он гордо поднял свою небольшую, прекрасно сформированную голову, вызвал у Луизы Кипчак религиозное восхищение. Не зная, как угодить божеству, следуя инстинкту, унаследованному от прародительницы Евы в пору ее бурного романа со змеем, она схватила фетиш и взергла в свое лоно. Божество, ощутив себя в храме, принимая знаки обожания, стало расти, вздыматься, источая свет торжествующего злата. Это был внутренний свет, который льется из глаз, давая понять, что носитель этого света испытывает неземное блаженство. Глаза Луизы стали золотыми, и она ладонями заслонила двери храма, куда проникло желанное божество.

Между тем Малютка исповедовал тот же культ, но поклонялся иному кумиру. Это была египетская статуэтка из голубой яшмы — обольстительная Нефертити, или, быть может, Клеопатра, или сама Изида, растворившая точеные ноги, открывавшая доступ к своим несметным сокровищам. Малютка, привыкший погружаться в шахты, там находя источник нескончаемых радостей, и на этот раз испытал влечение бездны. Створ, куда он устремил свое нетерпеливое естество, был окружен белоснежными лотосами и целомудренными лилиями, в лепестках которых трепетали золотые тычинки и блестили капли нильской воды. Молитвенно, закрыв глаза, он ринулся вглубь, как падают в затяжном прыжке парашютисты, упиваясь смертельной сладостью, испытывая блаженство падения.

Оба они, Луиза и Франц, соединились через акт богопознания, поклоняясь разным богам, но в одной и той же кумирне. Божеества, которым приносились жертвы, переливали в них прану. Лишь изредка, из разных углов каюты они переглядывались, посылая друг другу воздушные поцелуи.

Золотой идол, которому исповедовалась Луиза Кипчак, переполнялся ее откровениями, взрастал, ярился, менял обличья. Превратился в гневного волка, метавшегося взад-вперед по клетке. В круторогого овена, наносящего тугие удары в стенки загона. В неистового скакуна, брызгающего пеной, стеклянного от пота, крушащего копытами преграду. Бог-оборотень стал моржом, чьи бивни резали и кололи лед. Африканским слоном, чей кожаный хобот ломал и валил деревья. Внезапно он стал Колоссом Родосским, который был виден из моря. Александрийским маяком, посылавшим свет кораблям. Петром Первым работы Церетели, которого с опаской облетали самолеты. Красноярским столбом, на вершине которого свил гнездо орел. Наконец он достиг размеров «Эмпайр-стейт-билдинг» — в студеной синеве, среди стеклянных вершин Манхэттена, на плоской крыше знаменитого небоскреба лежала обессиленная Луиза Кипчак. Ее бурно дышащий живот был окружен золотым свечением.

— Франтик, помоги, он застрял,— жалобно произнесла Луиза, и Малютка, ухватившись двумя руками, неохотно выполнил свои супружеские обязанности.

Страсть, если ей одержимы пассионарии, не терпит простоя. Луиза Кипчак схватила родовую реликвию — подаренный маменькой поясok, вырезанный из хобота слона, коим приводились в движение могучие силы жизни, заставлявшие великого демократа неумоимо служить России.

— Папочка плохой, очень плохой!..— приговаривала Луиза, охаживая суженого.— Папочка мамочку плохо трахает, совсем обленился!.. Если так будет дальше, мамочка уйдет к Куприянову!..

Настал черед благодарить Словоzайцева. Его авангардные туалеты пришлось впору обоим. Луиза обмотала вокруг шеи, грудей и бедер жемчужную нить, пропустила ее в теснину розовых ягодиц, куда почти никогда не заглядывало солнце, и царил вечный сумрак. Франц Малютка, почесывая исхлестанный зад, напятил галстук, узкий, как водоросль, на конце которого переливалась перламутром острая раковина. Малютка душил галстуком Луизу Кипчак, доводя ее до посинения. Хрипел над ней: «Люб-

лю тебя, дорогая!» А она отзывалась гусиным сипом: «Туже затягивай, сука!»

Подарок посла Киршбоу — автограф Джорджа Вашингтона — не сразу нашел себе применение. Вначале Луиза стремилась засунуть его в себя куда только можно. Затем сделала из него птичку и стала пускать по каюте. Кончилось тем, что автограф великого сына Америки поместили в изящную рамку и повесили в изголовье кровати, где он висит по сей день, являясь гордостью Московского речного пароходства.

Из старой засаленной шляпы Боярского заскакали растревоженные блошки. Накинулись на Луизу Кипчак и Малютку, поселившись в их шевелюрах. Оба прервали любовные утехы, уселись рядом. Трогательно вылавливали друг у друга блошек, брали их на зубок, слабо похрустывали, напоминая двух влюбленных шимпанзе, исполненных нежности и умиления.

Им помешали мухи из стакана Жванецкого. Порвав газетку, вынеслись с несносным жужжанием, стали летать по комнате, норовя усестись на разгоряченные спины влюбленных. Малютка схватил шашку Деникина — подарок режиссера Михалкова, — вскочил верхом на Луизу Кипчак, пришпорил и с криком «Даешь Москву!» помчался вскачь, размахивая шашкой, разрубая на лету проклятых мух. Это длилось до тех пор, пока последняя обезглавленная муха не упала на землю, а Луиза Кипчак, вся в мыле, с жалобным ржаньем, косила на возлюбленного умоляющий фиолетовый глаз.

После этого они лежали на широкой кровати, животами вниз, и мирно курили сигары, подаренные спикером Грязновым. При чем вставили их не в рот, а совсем в другое место, выпуская сладкие дымы, для чего им приходилось равномерно выпучивать и вбирать животы.

Золотого соловья — подарок Попича — Малютке пришлось посадить на ту ветку, которая вырастала прямо из-под его мускулистого живота. Золотую пулю — подарок Дезодорантова — Луиза игриво взяла в рот. И началась стрельба золотой пулей по золотому соловью. Иногда Луиза попадала, и Малютка, чувствуя, как больно раненой птице, начинал реветь и стенать. Иногда же Луиза промахивалась, вместе с пулей пролетала мимо, ударялась головой о стену, и тогда раздраженный промахом Малютка с силой шлепал суженую по ягодицам, отчего у той пуля вылетала изо рта.

Они уже присматривались к подарку Есаула — чаше со стихом Дельвига, думая, как лучше ее употребить, чтобы не повто-

рять предшествующие опыты. Но на глаза им попалась Камасутра — подношение Добровольского. Книга, обтянутая кожей кенийского козла, напоминала «Конституцию РФ», но содержанием сильно разнилась. Картинки, виртуозно выполненные художником Сальниковым, походили на иллюстрации из книжки «Сделай сам». Луиза Кипчак со свойственным ей молодым любопытством стала принимать фантастические позы, предлагая неповоротливому Малютке ими воспользоваться. Когда она сделала «вертикальный шпагат», упиравшись одной ногой в пол, а другой в потолок, сверкая всеми бриллиантами, Малютка без труда справился с первым заданием и не хотел, чтобы милая отрывала от потолка ногу. Так что той пришлось немного побраниться, произнося: «А ну прочь, грязный кобель!» После этого она сделала «колесо», прижав к затылку мыски ног. Малютка стал вертеться, как белка в колесе. У него закружилась голова, как у космонавта на центрифуге. Захрустели кости, как при колесовании. Он проклинал индуса — изобретателя этой эротической пытки. Мышцы живота и спины набухли, и в этой позе его «заклинило». Как ни старались они разлучиться, как ни пытался утешать Малютка рыдающую подругу, ничто не помогало. Тогда оба они, изображая нелепую шестерню, перекатились в дальний угол каюты, где находилась кнопка вызова стюарда. Открыть замок им не хватило сил.

Когда дверь выломали, предстала пугающая картина двух «сиамских близнецов», сросшихся в самом неподходящем месте. Пришлось вызывать корабельного врача, пожелавшего тут же, с помощью хирургии, разлучить близнецов. Однако подоспел корабельный слесарь. Поддомкратил Луизу Кипчак. Накапал из спринцовки машинного масла в место неудачного сочленения. Схватил кувалду и нанес удар по тем двум шарам, которые Малютка никогда не использовал для игры в бильярд. Что-то жутко треснуло, взвыло, взорвалось, и супруги распались. И тогда открылась суть неприятного инцидента — золотая пуля оказалась в самом неподходящем месте у Луизы Кипчак, послужила причиной ужасного спаривания.

После ухода ремонтной бригады супруги мало-помалу угмонились. Все реже Малютка превращался в бешеного кентавра. Все реже Луиза Кипчак походила на амазонку с распущенными волосами. Постепенно они утихомирились и заснули, целомудренно обнимая друг друга, как брат и сестра.

Скрытая камера запечатлела их бурную ночь. Оператор Шмультрихтер наблюдал на мониторе упоительные картины любви, мысленно их монтировал, помещал в еще несуществующий фильм. Иногда занимался мастурбацией, обморочно сникал и вновь припадал к мониторам, на которые из всех кают поступали изображения кипящей, огнедышащей оргии.

Есаул среди ночи покинул каюту и совершал обход корабля. Палубы были пусты, зато в коридорах из-за дверей неслись душераздирающие вопли оргии. Толстова-Кац хрипела, как кошка, в которую впились сразу несколько похотливых котов. Словозайцев хохотал и захлебывался, а когда смех превращался в клекот, слышалось нежное женское щебетание. Из-за двери Русака раздавался собачий вой, зубовные лязги, и садистский голос губернатора, задыхаясь, восклицал: «Не любишь!.. Не любишь!..» У Добровольского плакал ребенок, испуганный детский голос умолял: «Дядя, не надо... пожалуйста...» У Стеклярусовой слышалась горловая тувинская песня, звон бубна, и красавица игривым бельканто выводила: «У любви, как у пташки, крылья...» Персонаж, похожий на Боярского, томным голосом молодого гасконца кого-то упрашивал: «Милая, мать твою, ну примерь мою черную шляпу, кому говорю», и та, кого он упрашивал, голосом Жванецкого отвечала: «Ты измучил меня, дорогой». Круцефикс верещал: «Ой, ой, убери уголек из попки!», на что суровый бас Грустинова возражал: «Ты предатель, а мы таких в тюрьме завсегда опускаем».

Есаул обходил пустые палубы, слышал мягкий шелест воды. В хрустальной рубке, среди светящихся приборов стоял капитан Яким. Управлял кораблем, глядя на индикатор кругового обзора, где радаром высвечивались зеленоватые контуры берегов, зубчатые кромки леса, далекие холмы Клинско-Дмитровской гряды. Эхолоты непрерывно измеряли глубину канала. Гидролокаторы просматривали водяное пространство на случай, если возникнет донное препятствие, случайная помеха, поставленная злоумышленником мина или проплывет в акваланге подводный террорист. Лицо капитана было литым и суровым. В сумерках белоснежный мундир отражал свет приборов. Тонким лучом играл у пояса кортик.

— Какая обстановка? — поинтересовался Есаул, любясь статью капитана, черными переливами канала, изумрудным огнем на носовой мачте.

— Обстановка нормальная, Василий Федорович. Все идет по плану,— сдержанно отозвался капитан. Слегка потянул рычаг управления. Машина корабля бархатно качнулась, сменив на полградуса курс.

Он спустился в машинное отделение. Среди слепящего света ламп, потный и жаркий, металлический и могучий, рокотал двигатель. Маслянисто сиял, источал упорную волю, неутомимую мощь. Вращал стальной вал, на котором латунный винт рубил и месил воду, кромсал отточенными лопастями канал, оставляя за кормой бурлящую бахромку.

Механики в оранжевых робах замеряли щупами масло, поглядывали на циферблаты. По-военному отдали Есаулу честь, приложив ладони к оранжевым кепи.

Он прошел в самый дальний отсек корабля, где за металлической дверью хранилось содержимое крытых носилок, занесенных на борт. Перед дверью дежурили два члена экипажа, все в тех же белоснежных мундирах с кортиками. Их вооружение было усилено короткоствольными автоматами, чьи вороненые стволы отличали чернью на фоне белых одежд. Оба козырнули Есаулу.

— Как обстановка? — повторил он вопрос, пытаясь уловить звуки за дверью.

— Без происшествий,— отозвался караульный. За дверью была тишина. Только рокотал углубленный в железо дизель.

Есаул вышел на верхнюю палубу. В недрах корабля совершалось чудовищное действо, мерзкое святотатство. Но здесь, под высокими звездами, веяли невесомые духи необъятных русских пространств. Ночная Русь, таинственная и безмолвная, несла вечную невысказанную загадку, неповторимую красоту и печаль. Томила ароматами трав, благоуханьем лесных опушек, свежестью чистых вод. Есаул смотрел, как наплывает рубиновый бакен, отражаясь в канале багровой струйкой. Как далеко на холмах за Яхромой горит одинокий бессонный огонек — вестник безымянной души. Есаулу было тревожно, сладостно. Хотелось оттолкнуться от палубы, оставить сонмище ничтожных развратных людей, на бесшумных крыльях улететь в темноту, где в полях пролегли печальные проселки, в ложбинах укрылись сиротливые деревни, где все знакомо, любимо, зовет его кроткими наивными голосами.

Но он оставался заложником своего сокровенного замысла, часовым, которого судьба поставила на страже священных заветов — беспризорной, поруганной Родины, у которой больше не было ни великих вождей, ни могучей армии, ни ослепи-

тельной богоносной идеи. Страна, которую обрекли на гибель, покорно, смиренно ожидала смертного часа. Лишь он один оставался ее защитником, один сберегал в себе идею спасенья. И, чувствуя ужас своего одиночества, испытывая робость перед громадной, вмененной ему задачей, он стал молить. Пусть будет явлено свидетельство его правоты. Пусть вновь посетит его Ангел. Пусть возникнет в русской ночи в снопе лучей, вознесется на огненных крылах, озарит из неба ослепительным, как солнце, лицом. Вдохнет ему в грудь могучие, вдохновляющие слова, укрепит в правоте и истине. Подтвердит, что он, Есаул, есть носитель божественной воли.

Но Ангела не было. Проплывали темные берега, лилась фиолетовая вода. Раздавались в глубине корабля истошные крики и похабные возгласы.

Близилось утро. Ночная чернота стала блекнуть, в ней возникла тихая муть, слабые белесые тени. Туман, окутавший берег, колебался, мягко катился к воде, свивался, путался в древесных ветвях. В тумане возникали невнятные фигуры и образы. Есаул обостренным зрением ночной птицы всматривался в близкий берег, и его взору открывались странные, полуразрушенные балюстрады, покосившиеся постаменты, наклоненные памятники. Серые, мучнистого цвета, пионеры отдавали салют проплывавшему кораблю. Алебастровые физкультурники поднимали весла, толкали ядра, метали копья. Летчики в комбинезонах указывали в небо, наблюдая полет самолетов. Ученые, распахнув фолианты, уперев в чертежи циркули, делились с миром своими открытиями. Солдаты в остроконечных шлемах застыли, примкнув штыки, неся бессменную вахту.

Туман делал фигуры блеклыми, подвижными, зыбкими. Это были символы исчезнувшей эры, герои минувшей эпохи. Травяные берега канала хранили в себе бесчисленные могилы строителей. Древесные корни оплели скелеты невольников, кости безвестных мучеников. Скульптуры украшали могилы, были слеплены из костной муки цвета серой известки, мутной барачной побелки. Все они были с изъянами, несли следы разрушения. Пионер отдавал салют железной, торчащей из плеча арматурой. Метательница диска была без головы. Солдат со штыком стоял на одной ноге и вместо шинели был облачен в металлическую сетку. Ученый был лишен торса, вместо которого чернел штырь. Фигуры были скелетами. Корабль окружали скелеты эпохи, и от этого зрелища Есаулу стало не по себе.

Скелеты шевелились, выходили из зарослей, толпились на берегу. Казалось, они тянут к кораблю железные протезы, простирают проволоочные ладони, обращают развалившиеся головы и прогнившие лица. О чем-то беззвучно умоляют, просят на борт корабля. Но их не пускали — из земли, из сырых могил тянулись костлявые руки, взирали черепа и пустые глазницы. Одни скелеты удерживали другие, сбивали с них штукатурку, обгладывали известь, обнажали ржавые штыри и крюки. Корабль проплывал мимо кладбища, где совершалась битва скелетов.

В тумане над деревьями возникла блеклая тень. Огромно, прозрачно, не касаясь земли, прошла над каналом. Вождь в военной фуражке, в долгополой шинели проплыл, как туманный свиток, исчез в полях за Дмитриевом.

Огромная малиновая заря стояла над берегом. Деревья казались черными, неподвижными на заре. Железо палубы было залито малиновой водой. В канале низко клубился туман. Плеснула рыба, и круги на воде плыли за кораблем, розовые, слюдяные.

Есаул увидел, что навстречу ему идет горбун. При свете зари утонченное лицо казалось еще бледней, болезненней. Изуродованное маленькое тело зябко сжималось. Поравнявшись с Есаулом, он робко кивнул. Есаул ответил поклоном. Это была еще одна одинокая, страдающая душа, не находящая отклика в равнодушном жестоком мире. Как и его, Есаула.

Часть вторая

«НЕ ХОЧУ ВЫБИРАТЬ...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Далеко от белого теплохода, роскошных кают и изысканных яств, словно в другой галактике, трудились воркутинские шахты. Утомленные, из воловьих жил и каменных мускулов люди среди подземных сквозняков, тусклых светильников, прорубались к пластам. Управляли комбайнами, грохотали отбойными молотками. Транспортеры валили уголь в железные вагонетки. Мчались по рельсам подземные электровозы. Хрустело дерево крепей. В пластах резцы вгрызались в черные кристаллы угля. Шахтеры, сквозь скрежет и пыль, скалили зубы, светили во мгле лучами шахтерских ламп. Казались циклопами с огненными глазами во лбу.

Воркутинский шахтер Степан Климов собирался на шахту в ночную смену. В тесной комнатухе слабо горела лампа. На большой железной кровати спали две маленькие дочки, мутно белея лицами среди комьев одеял и подушек. Жена Антонина собирала его на работу, полуодетая, худая, с выцветшим, потерявшим красу лицом. Она была беременна. Круглился под домашней юбкой большой живот, на котором в свете лампы лежали грубые, изъеденные домашней работой руки.

— Ходишь на работу как заведенный, а зарплаты не носишь,— раздраженно говорила Антонина, глядя, как Степан натягивает куртку, сует ноги в стоптанные башмаки.— Когда зарплату начнут платить? Хлеб купить не на что, девкам туфельки надо, старые прохудились. В долг живем. А тут еще третьего носи.— Она выпучила живот.— Пойду, аборт сделаю.

— Да что ты, Тоня, не думай об этом! — испуганно воззрился Степан.— Сейчас в России каждый младенец на вес золота. Не стало детей в России. Алешка желанный!

— Пусть те родят, у кого деньги есть! А мне нищету плодить? Или сиротами их растить? Вон на шахтах аварии, что ни месяц, то взрыв, то пожар! Устали гробы носить!

— Тонь, брось тоску нагонять.— Степан приобнял жену сильной рукой, положив на худое плечо осторожные темные пальцы.— Все будет нормально, Тонь. Обещали к концу месяца зарплату за весь квартал выдать. Купим детям одежду, платье тебе красивое. Поедем в отпуск в деревню. У тебя под Воронежем в деревне хорошо, травы много, ягод. Дети в речке будут купаться, ягоды есть. Там и родишь, у матери. Хватит девок рожать, роди сына Алешку.

— Ты говоришь — родить! А где жить? Потолок вот-вот упадет. Зимой стена промерзает. Квартиру тебе не дадут, прошли времена. На новую не заработаешь. Давай соберемся и насовсем в деревню уедем. Я сплю и деревню вижу. Березу нашу вижу, рощу с ландышами, подсолнухи в поле. Давай поселимся — ты фермером станешь. Будем кроликов разводить.

— Какие, дурочка, кролики! — Степан гладил жену по нечесаным поредевшим волосам.— Какой я фермер? Я шахтер. Уголь рублю. На мне земля держится. Пока стою под землей, по ней люди ходят, машины ездят, дети на ней играют. А деньги я зарабатываю. Потерпи еще, Тонь. Выплатят, куда им деваться?

— Выплатят, выплатят, а я к этому времени под нож лягу! Не могу больше! Потолок течет, из окна дует, дети болеют, а тут еще авария за аварией! Тебя завалит, как мы жить будем? — Она рыдала, по бледному лицу текли слезы, живот под юбкой уродливо вспучивался. Дети в кровати, не просыпаясь, тревожно завертелись в комьях одеяла.

— Не надо, Тонь. Все будет нормально. Люблю тебя. Еще немного подожди, заживем.

Он обнимал жену, дул ей на лоб, вытирал большими темными пальцами слезы. Она перестала плакать. Вздрагивала, прижималась к мужу.

— Дай-ка послушаю.— Степан наклонился, приложил ухо к ее животу и слушал. Его темное, угловатое, сточенное о подземные пласты лицо тихо светилось нежностью.— Торкает, брыкается. На меня взглянуть хочет. Скоро увидимся, Алексей Степанович!

— Прости меня, Степа, я дура. Тебе под землю идти, а я реву. Возвращайся, ждем тебя всем семейством.

Поцеловал жену, вдохнул на прощанье ее теплый домашний запах. Подхватил суму и вышел из дома. В соседних бараках мутно желтели окна. Шахтеры собирались на смену. В темноте, под чахлыми тополями, катил трескучий автобус, собирал на шахту бригады.

Утро было солнечное, великолепное среди ленивого течения вод. Белая громада теплохода величаво скользила по зеленым отражениям, среди холмов и пригорков, на которых краснели сосняки, синели ели, кудрявились березняки и дубравы.

Не все из гостей вышли к завтраку, чтобы воспользоваться разнообразием шведского стола, любезностью обслуги, предупредительностью экипажа. Многие оставались в каютах, дремали после ночных безумств. Другие, в ожидании вечера, когда предполагалось продолжение празднеств, коротали время в зале для боулинга, за бильярдными столами или столиками для карт. Было приятно смотреть, как тучный прокурор Грустинов обыгрывал помятого за ночь господина в черной шляпе Боярского, лихо засаживал «свояка» в центральную лузу, пуская крутящийся шар в дальний угол, не промахиваясь, как это иногда с ним бывало во время процесса над Ходорковским. Верткий длинноносый Шмультрихтер, в красном колпачке и пузырящихся шортах, похожий на паяца, метал тяжелый шар так ловко, что валил сразу все кегли.

Теплоход вышел на сияющий простор водохранилища и замер среди драгоценных вспышек, серебряных завихрений, пернатых отпечатков ветра. Тяжелый якорь мягко погрузился в глубину и ушел в донный ил.

— Что случилось? Почему встали? — забеспокоились пассажиры.

— Плановая остановка, господа. Вписываемся в график движения, — успокаивал галантный капитан Яким, следуя на мостик, кланяясь встречным мужчинам, слегка улыбаясь дамам.

Есаул встретился с послом Киршбоу на средней палубе. Посол был в прекрасном расположении духа, в белой панаме, розовых шортах, в рубаше апаш. Он неплохо выпался, потому что еще до рассвета выпроводил из каюты красавицу из состава экипажа, что приглянулась ему накануне.

— Чем объяснить остановку? — спросил Киршбоу с мягкой усмешкой, которая теперь всегда появлялась на его румяных губах, когда он смотрел на Есаула.

— Не хочу вас тревожить, ваше превосходительство, но возникли непредвиденные обстоятельства, — ответил Есаул, стараясь не выдавать беспокойства.

— В чем дело, можно узнать?

— Прошу, господин посол, пройдемте на капитанский мостик. Там для вас станет понятна причина остановки.

— Вы куда? — Куприянов, свежевыбритый, благоухающий одеколоном, преградил им путь холеным, размягченным после массажа телом.

— Прошу и вас, Аркадий Трофимович,— пригласил Есаул.— Вам будет небезынтересно узнать.

Втроем они поднялись на капитанский мостик, открытую площадку, где были расставлены кресла, и в одном из них, нервный, аристократический, с солнечным моноклем, восседал министр обороны Дезодорантов — отложил стек, вытянул костяную негнущуюся ногу. На мостике было установлено спецоборудование, изготовленное в секретных лабораториях связи и информации. Торсионные генераторы посылали вдаль импульсы, которые пронизывали пространство и возвращалась на корабль голографическим изображением местности. Позволяли выявить мельчайшие подробности пейзажа, контуры и объемы предметов, вид строений, людские, невидимые глазом фигуры. Изображения проецировались на плоские экраны во всем богатстве красок. А также фокусировались в огромных голубоватых линзах, где каждый предмет был охвачен тончайшим спектром, радужным драгоценным свечением. Передающие антенны на мачтах посылали импульсы вдоль поверхности земли и на беспилотные самолеты, кружившие высоко в безоблачном небе. Объекты, облученные под разными углами, с различных высот, были воссозданы на экранах с замечательной четкостью.

— Что это? — Киршбоу изумленно взирал на экран, где виднелись строения, передвигались люди, катили машины.

— По-моему, деревня,— пренебрежительно заметил Куприянов, прижимая белесые брови к линзе.— Достопримечательность? Народные промыслы? Нам, кажется, обещали встречу с народом?

— Не советую, Аркадий Трофимович, обращаться к этому народу с предвыборной речью. Могут и пристрелить,— сдержанно заметил Есаул.— Это село еще недавно называлось Калиновка. Теперь же, когда в нее переселилось две тысячи чеченцев, она зовется Калин-Юрт.

Экраны меняли изображения, выхватывали отдельные дома, улицы, идущих по ним людей. В центре села возвышалась большая церковь, массивная, пятикупольная, в византийском стиле, но без крестов. Как и ее византийская предтеча, константинопольская Святая София, была окружена минаретами, взята в плен

остроконечными башнями, на которых красовались полумесяцы. Было видно, как над входом, где обычно помещалась икона, теперь переливается арабеска. Люди подходили к мечети, стелили молитвенные коврики, падали ниц. Множество молящихся то подымали головы, то падали лицами на землю, словно колыхалось огромное травяное поле.

— Что такое? Откуда чеченцы? — изумился Киршбоу.

— База террористов. Мы уничтожаем их в Аргунском ущелье, а они возникают под Москвой. За последний месяц в окрестностях Москвы мы уничтожили пять подобных баз. Но эта возникла недавно. Отсюда они готовят теракт в нашей столице, а также тренируют боевиков для нападения на Америку.

— Но как же можно этому попустительствовать? — взволновался Киршбоу.

— Правозащитники и Европарламент связывают нам руки. Господин Куприянов в своих предвыборных документах берет под защиту чеченцев. Когда он станет Президентом России, вокруг Москвы возникнут поселения Дмитров-Юрт, Звенигород-Юрт, Клин-Юрт, Подольск-Юрт. Но уж видно, такова воля Госдепа, если он поддерживает кандидатуру Аркадия Трофимовича.

— Не передергивайте, — возмутился Куприянов. — Я выступаю против ваших «зачисток» и неадекватного применения силы.

— Мы не поддерживаем террористов ни в окрестностях Кабула, ни в предместьях Москвы, — важно произнес Киршбоу.

На улицах села между тем усиливалось движение. Куда-то торопились женщины в черных паранджах. Семенили, опираясь на палки, старики в бараньих папах и кожаных сапожках. Проехал грузовик — в кузове молодежь размахивала зеленым флагом. За селом, где когда-то располагался выгон для скота, теперь сооружались трибуны, выстраивались ряды вооруженных людей. На далеком лугу крутили пропеллерами «кукурузники», изящные спортивные самолетики. По проселку пылил бэтээр.

— Что они задумали? Почему такая активность? — Киршбоу то окунал лицо в синеву увеличительных стекол, где играли радужные переливы, то вновь с беспокойством разглядывал объемное изображение экранов, где крупным планом возникало крыло биплана с ичкерийским волком, бородатое лицо горца, сжимавшего ручной пулемет.

— По данным агентурной разведки, они ждут прибытия важного лица. Готовят в его честь парад,— скромно заметил Есаул, не выпячивая всего объема информации, которой владел.— Не так ли, товарищ министр? — обратился он к Дезодорантову.

— Так точно... То есть, нет... Хотя возможно... Впрочем, как угодно.— Дезодорантов изобразил голосом козу и наставил на всех солнечный слепящий монокль.

— Хотите сказать, что под Москвой может появиться Шамиль Басаев? — недоверчиво спросил Киршбоу.

— Не исключаю, что ждут Бен Ладена,— скупно заметил Есаул.

— Ну, хоть Масхадов, слава Богу, уже не приедет! — Киршбоу воспринял слова Есаула, как шутку, и был готов ее поддержать.

— Кстати, о Масхадове. Хотите знать, как он провел свои последние минуты? — спросил Есаул.— Я присутствовал при его безвременной кончине. Могу рассказать.

— Ну что ж, расскажите. Пусть ваш рассказ будет репетицией признательных показаний, которые вам придется дать в Гаагском трибунале.— Куприянов презрительно на него посмотрел, словно сожалел о его бесконечной глупости, неспособности держать язык за зубами.

— Видите ли, господа,— начал свое повествование Есаул, не спуская глаз с мониторов.— С тех пор как по моему приказу два наших отважных разведчика взорвали в Катаре машину Зелимхана Яндарбиева, прекратились финансовые потоки, идущие из Саудовской Аравии через Турцию в Аргунское ущелье. Сразу же спал накал войны. Уменьшились потери федеральных войск, меньше стало взрываться на дорогах машин, реже падали подбитые вертолеты. Масхадову было нечем расплачиваться с полевыми командирами. Умный стратег, он разработал план, по которому деньги саудитов будут поступать в Москву, а оттуда, с помощью предателей в нашем правительстве, в силовых структурах, в политической элите,— направляться в Чечню. План был тщательно разработан, договариваться с предателями в Москве поехал сам Масхадов. Благополучно выбрался из ущелья и в обычной машине, с минимальной охраной, давая взятки на постах ГАИ, доехал до Москвы. Там у него состоялись тайные встречи с высокопоставленными лицами в российском руководстве, после чего деньги вновь щедро потекли в Чечню. Боевые действия возобновились с новой силой. Я узнал о московском визите Масхадова, пытался выявить предателей, но тщетно. Слишком законспирированной оказалась сеть изменников.

— Господин Есаул, у вас параноидальная подозрительность. Сталинская маниакальность, с которой вы повсюду ищете изменников и предателей,— иронично заметил Куприянов.— А вам не кажется, что просто-напросто чеченцы ведут войну за свою независимость и им сам Бог помогает?

Есаул не ответил. На мониторе возникла центральная площадь Калин-Юрта с мечетью. На соседнем доме висела табличка: «Площадь Джохара Дудаева». К мечети вышагивал мулла в длинных одеждах, в шелковой рыхлой чалме, белобородый и тучный. Люди кланялись ему, целовали края одежды, падали ниц. Мулла вошел в мечеть, и над селеньем разнесся мегафонный, трещащий, как фольга, голос муэдзина, возглашавшего молитву.

— Я поставил перед командованием группировки в Чечне задачу — во что бы то ни стало обезвредить Масхадова.— Есаул продолжал, убавляя звук, чтобы голос муэдзина не мешал рассказу.— Я сам проводил в Аргунском ущелье войсковые операции. Мы засекали позывной Масхадова «Гафур». Посылали на эту сопку штурмовики, нанося бомбовые удары. Затем шли вертолеты огневой поддержки, сжигая дотла лесной массив по склонам сопки. Потом артиллерия открывала шквальный огонь, от которого хрустели горы. Затем шел спецназ ГРУ, совершая проческу. Ему помогала «Альфа». Пехота вокруг сжимала кольцо, прочесывая каждую ложбинку. В конце концов, находила землянку, деревянный стол, на столе бутылку водки, граненый стакан и записку Масхадова: «Есаул, напейся с горя и удавись». Так кончалась не одна операция.

— Надо отдать ему должное, он не был лишен остроумия,— злорадно хохотнул Куприянов.

Линза, принимавшая изображение с беспилотного летательного аппарата, показывала улицу с добротными каменными домами, зелеными железными заборами. На доме висела табличка: «Улица Зелимхана Яндарбиева». У дома стоял чернявый мальчишка в цветастой шапочке. Держал автомат стволом вверх. Пускал трескучие очереди.

— Я долго думал, как выманить Масхадова из Аргунского ущелья. Пока он находился в горах, наши либеральные московские истерички и предатели надеялись на мирные переговоры с Чечней, в результате которых Чечня, как это было в Хасавюрте, получит независимость от России. Я этого не мог допустить. Приказал отыскать всю родню Масхадова — в Чечне, в Ставро-

полье, в Москве, в городах и селах России, где чеченцы свили уютные гнездышки. Родни набралось с полсотни, в том числе его жена, братья, тетки, дети, племянники, внуки, несколько дедов и бабок,— всех вертолетами доставили в Ханкалу и заперли в кунгах. Я стал выходить на радиочастоту Масхадова: «Аслан, у меня вся твоя родня. Три дня на размышление, или сдашься, или я стану их расстреливать». Так поступали они с нашими заложниками, так решил поступить и я. Молчит, не выходит на связь. Через три дня расстрелял его деда и тетку. Отдали трупы чеченцам, слух об этом ушел в горы. Молчит, не выходит на связь. Еще через день расстрелял племянника с бабкой. Опять мертвецов отдали чеченцам, и слух ушел в горы. Молчит, не выходит. «Аслан, если через час не выйдешь на связь, расстреляю твою жену». Через час выходит на связь: «Не стреляй, Есаул, выхожу на переговоры...»

— Да ведь это военное преступление приравнивает вас к фашистским карателям! — с ужасом и мстительной ненавистью воскликнул Куприянов.— Я слышал о ваших зверствах, но теперь сам убедился, что вы истинный зверь. Обещаю, что не пожалею сил, чтобы вы оказались в Гааге рядом с преступниками Милошевичем и Шешелем!

Кишбоу молчал, дипломатично удерживал эмоции, стараясь угадать, в чем смысл этих ужасающих откровений.

На мониторе возникла сельская улица, бирка на доме: «Улица Руслана Гелаева». Из узорных железных ворот, украшенных полумесяцем, вытолкали женщину, русую, с распущенными волосами, в разодранном платье. Вокруг шеи была обмотана веревка. Другой конец веревки был в руке у бородатого чеченца, который пинками погнал пленницу по улице. Она спотыкалась, он дергал за веревку, бил ногой. Следом бежали мальчишки, кидали в пленницу камни.

— Его встретила группа спецназа на выходе из ущелья,— продолжал Есаул.— В наручниках привезли ко мне в Ханкалу, прямо в кунг, где я разместился. Он был исхудалый, с запавшими глазами, с маленькой седой бородкой, но в безукоризненно выглаженном камуфляже, в каракулевой папахе, с дорогими часами. «Я требую, чтобы со мной обращались как с законно избранным президентом Ичкерии. Требую, чтобы меня отправили в Москву, в Кремль, к Президенту России, где в присутствии международных наблюдателей мы начнем переговоры о независимости Ичкерии». Он был спокоен, держался с достоинством, го-

ворил, как власть имущий. «Но вы ведь, Аслан, были уже в Москве с тайным визитом,— сказал я.— Мне бы хотелось знать, с кем вы встречались. Кто обеспечивал вам безопасность. Кто аккумулировал финансовые потоки саудитов и переправлял их вам. Какие банковские и политические структуры в России содействуют чеченскому сопротивлению». «Я не желаю вести с вами никаких разговоров. Требую доставить меня в Кремль, где в качестве законного президента Ичкерии я встречу с Президентом России. В присутствии международных посредников мы проведем переговоры о мире и о независимости Ичкерии...» — так он говорил, глядя на меня запавшими глазами, в которых я читал презрение и превосходство.

— Он действительно превосходил вас морально и политически. Вы — насильник, каратель, убийца безоружных заложников. А он — героический генерал, бесстрашный военный, лидер свободолюбивого народа, который сражается за свою независимость,— с негодованием произнес Куприянов, брезгливо отступая от Есаула, как если бы тот был в непросохшей крови.

Киршбоу внимательно и задумчиво смотрел на Есаула, стараясь проникнуть в хитросплетения его замысла.

В голубой линзе наблюдательного прибора возник дом с прибитой дощечкой: «Улица Салмана Радуева». У старого амбара, где когда-то русские крестьяне хранили колхозное зерно, толпились чеченские юноши. К дубовым воротам амбара был привязан человек, по виду российский солдат, в ободранной форме, босой, с растянутыми в стороны руками. Вокруг живого распятия дышали нежные спектры, как переливы на крыле бабочки. Парни с большого расстояния метали в амбар ножи. Лезвия молниями мерцали в воздухе, со стуком вонзались в дубовые доски, окружали голову и шею солдата. Попадания были точными. Лишь один нож задел солдатское ухо, и из него текла кровь.

— «Аслан,— сказал я.— Ты не на сходке своих полевых командиров. И не в гостях у московских предателей, которые угощают тебя турецким кофе и восточными сладостями. Ты разговариваешь сейчас не с главой Администрации Президента РФ, а с полковником ГРУ, который, поверь, еще со времен Афганистана умеет выбивать показания. Спрашиваю тебя, с кем ты встречался в Москве? Кто из московских предателей начал тебя финансировать?» Он смотрит на меня глазами снайпера и эдак кривенько улыбается: «Требую, чтобы меня немедленно доставили в

Кремль, где я начну переговоры с Президентом России о независимости Ичкерии».

И тут, скажу я вам, со мной случилось помрачение. Какой-то приступ бешенства и ненависти. Я ударил его в челюсть, свалил на землю. Папаха его слетела, руки в наручниках дергаются, а я бью его ногами в живот: «Это тебе, баран вонючий, за расстрел Майкопской бригады!.. Это, сука драная, за гибель Шестой десантной роты!.. Это тебе, поганка, за казнь русского мученика Евгения Родионова!.. Это за изнасилованных русских женщин!.. За расстрел и пытки контрактников!.. За русских рабов в зинданах!.. За фальшивые авизо!.. За казино и бордели в Москве!.. За наркотики в русских городах!.. Это тебе, блядь, за русские слезы и кровь!» Бил его страшно, отшиб селезенку, печень, почки. Он лежал без сознания. На него вылили ведро воды. Мокрый, с синяками, с выбитыми зубами, окровавленный, едва открыл глаза и просипел: «Требую, чтобы меня доставили в Кремль, как законно избранного президента Ичкерии».

— Да вы — палач, сталинский выродок! — гневно воскликнул Куприянов.— Если вы останетесь у власти, у нас снова воскреснет ГУЛАГ, людей будут пытать в подвалах Лубянки, ночью будут разъезжать «черные воронки» и хватать невинных! Я сделаю все, чтобы вышвырнуть вас из Кремля! Вам место на скамье подсудимых!

Киршбоу был бледен, задумчив. Заглядывал в фиолетовую глубину окуляров, где каждый предмет был окружен тончайшим радужным нимбом. Теперь там виднелась стена кирпичного дома с надписью: «Улица Хункар-паши Исрапилова». Вдоль железных заборов с вязью и резными полумесяцами мчался веселый всадник. Гикал, охаживал лошадь плеткой. За лошадью на аркане волочилась русская женщина — петля стягивала босые ноги, волосы волочились по земле, полуголое тело подпрыгивало на ухабах.

— Я дал ему очухаться. Усадил на стул. «Аслан,— говорю.— Ты можешь умереть здесь героем, как настоящий джигит, и о тебе в чеченском народе будут слагать песни. Но я этого не допущу. Сейчас я привяжу к твоим яйцам запал от гранаты и подорву. Тебе оторвет яйца. В таком виде я выпущу тебя, и к тебе привяжется кличка «Аслан без яиц». Или ты мне скажешь, с кем встречался в Москве, или я приступаю к кастрации методом микровзрыва». Я вывинтил из гранаты взрыватель, булавкой прикрепил к его обоссанным штанам. «Считаю до десяти... Раз!.. Два!.. Три!..»

Он страшно побледнел. Разбитые губы задрожали. Он смотрел на запал гранаты, на меня. Произнес: «Скажу, убери эту!» Я отстегнул запал. «В Москве я встречался с двумя людьми. В Старо-конюшенном переулке, дом 3, встречался с бывшим премьер-министром Аркадием Куприяновым. Мы договорились о банках, которые будут нас финансировать, и каналах поставки оружия. Два самых крупных олигархических банка приняли транши из Саудовской Аравии. На Кутузовском проспекте, дом 7, я встречался с послом США Александром Киршбоу. Он передал мне привет из Госдепартамента и просил активизировать военные действия на Кавказе, для усиления американского давления на Москву».

— Ложь!.. Клевета!.. У вас нет доказательств!..— завопил Куприянов, и его сочный баритон сорвался на тирольскую фистулу.— Вы подлец, и все ваши приемчики подлые!..

— Вы снимали допрос на видеокамеру? — глухо спросил Киршбоу, и его розовое породистое лицо карьерного дипломата выцвело, словно весь гемоглобин ушел из щек в какую-то другую часть тела.— Есть кассета с записью допроса?

Есаул не ответил. Холодно взирал на монитор, куда поступала информация с беспилотного аппарата, совершавшего круги над селом. На прибитой к дому табличке значилось: «Улица Салаутдина Тимирбулатова». Вдоль торопливо шел отряд боевиков — черные маски с вырезами, тяжелые автоматы, зеленый мусульманский штандарт.

— Я вел допрос без видеокамеры. Мне были не нужны никакие свидетельства. И никакие свидетели. Я вынул пистолет, поставил к сердцу Масхадова и выстрелил. Мертвый, он упал на меня, положив голову мне на плечо, как брату. Я действительно поступил с ним по-братски. Мои люди нашли в чеченском ауле погреб, где хозяева хранили соленья, сушеные фрукты, моченые яблоки. Кинули туда пару гранат, а тело Масхадова положили рядом. Вот тогда и понадобилась видеокамера. Возник миф о бункере, где якобы укрывался Масхадов.

— Палач! — ненавидяще прошипел Куприянов.

— Я могу вам верить, Василий Федорович? Вы действительно не зафиксировали допрос на видеокамеру? — тихо повторил свой вопрос Киршбоу.

— У нас в России развелось столько предателей, что не хватит никаких палачей,— не глядя на Куприянова, произнес Есаул.— Вы можете мне верить, господин посол. Я ваш друг, друг Соединенных Штатов Америки. Не было видеокамеры при допросе.

На мониторе обозначилась околица села, куда выходила главная улица, и открывался сельский выгон, на котором сооружалась трибуна. По улице валил народ — старики в папах, юноши с автоматами, женщины в паранджах и хиджабах. На крайнем доме висела табличка: «Улица Аслана Масхадова».

— Прошу внимания, господа.— Есаул переключал тумблеры пульта, управлявшего торсионными генераторами и летательным аппаратом, что позволяло просматривать различные участки местности.

На проселке, поднимая солнечную пыль, возник кортеж автомобилей. Несколько тяжеловесных джипов, упруго долбивших ухабы. Машины подлетели к трибуне, дверцы растворились, и на землю высыпала охрана — здоровяки чеченцы в камуфляже, опоясанные пулеметными лентами, с ручными пулеметами наперевес. Из переднего джипа осторожно спустился на землю коренастый чеченец с черной, чуть косой бородой, придерживая на боку кобуру со «стечкиным». Слегка прихрамывая, направился ко второй машине. Линза приблизила его лицо, так что борода, торчащие из-под шапочки уши, сутулые плечи были окружены тончайшей спектральной каймой. Не было никакого сомнения, что это Шамиль Басаев.

Басаев приблизился ко второму «джипу», некоторое время стоял, почтительно склонившись. Черная дверь машины растворилась, и из нее появился очень худой и высокий человек в белом шелковом балахоне, шароварах, в стеганой безрукавке и плоской шапочке афганского моджахеда. Его длинная легкая борода блестела сединой. На аскетическом, с впалыми щеками, лице жарко блестели большие неукротимые глаза. Через плечо стволом вниз висел «калашников».

— Да ведь это Бен Ладен! — ахнул посол Киршбоу, испуганно отшатнувшись от оптического прибора.

Басаев и Бен Ладен обнялись, касаясь друг друга щеками. Было видно, как сплелись их бороды, как смуглые руки Басаева обнимают шелковую белизну балахона. Знаменитый чеченец и неуловимый араб стояли на виду у толпы, не размыкая объятий. Народ вокруг восторженно кричал «Аллах Акбар», палил из автоматов и пулеметов, наполняя воздух пылью стреляных гильз, серыми вихрями очередей.

— Что-то надо делать!.. Я хочу позвонить в Пентагон!.. — пырнулся уйти Киршбоу.

— Не торопитесь, дорогой Александр,— остановил его Есаул.— Не все в России предатели. Наберитесь терпения. Положитесь на меня, вашего друга и друга великой Америки.

Между тем Бен Ладен и Басаев поднялись на трибуну, уселись на шелковые подушки, окруженные сподвижниками — лидерами джамаатов, полевыми командирами Ингушетии, Чечни, Дагестана, шейхами «Аль-Кайды», участниками терактов в Йемене, Пакистане, Египте, прославленными бойцами Кандагара и Басры. Ударил оркестр — солнечная медь, гремучие тарелки, рокот барабанов. Взыграл бравурно и неистово военный марш. Под бодрые звуки на выгон, превращенный в парадный плац, потянулись боевые контингенты исламских фундаменталистов.

Первым шел батальон Аргунского ущелья. Рослые, дюжие, натренированные ходьбой по кручам, ночными бросками, засадами, бородачи сжимали оружие, оббитое о камни, истертое о жесткую землю гор. Следом шагало подразделение бойцов «Аль-Кайды», все в черных масках, в черных мундирах. Гибкие, в тюрбанах и шапочках, развевая розовые и голубые одежды, с лицами, красными, как обожженная глина, прошествовали талибы, ветераны боев в Тора-Бора, герои Гордеза и Хоста.

На плац вышли женщины — сводный отряд шахидок. Легкая поступь, закрытые масками лица, за спиной пузываются завитки черного шелка. Опоясанные взрывчаткой, с короткими автоматами, грациозные, как танцовщицы. В прорезях сверкали влажные, длинные, как у горных газелей, глаза.

Появление все новых и новых боевых отрядов сопровождалось ревом толпы, криками «Аллах Акбар», автоматными очередями в воздух.

Вслед за пехотой прошла кавалерия — арабские скакуны с горделивыми наездниками. Пышные тюрбаны, расписные седла, загнутые чувяки в серебряных стремянах, кривые блестящие сабли. Полетела авиация — трескучие бипланы с изображением полумесяцев. В кабинах сидели длинноволосые арабы, прошедшие авиационные школы в Калифорнии, Йемене, в аэроклубах бывшего ДОСААФ. Самолеты были снаряжены взрывчаткой, на малых высотах могли прорвать любую противовоздушную оборону, врезаться в небоскребы Манхэттена или московского Сити или в колокольню Ивана Великого.

Завершал парад одинокий танк. Он был выкрашен в ярко-зеленый цвет, расписан сурами из Корана. В люке сидел бородач,

вздымал мусульманское знамя. У танка не было двигателя. Он был запряжен шестеркой быков.

— Но ведь надо что-то делать? — панически возопил Киршбоу. — Они направят свои удары на Белый дом, где проходит ночная встреча президента Буша и Кондолизы Райе. Она играет ему на фортепьяно этюды Шопена, а он пьет виски и кидает в нее хлебный мякиш.

— Не волнуйтесь, господин посол. Мы, слава Богу, знаем, как расправляться с международными террористами. Не то что... — Есаул презрительно взглянул на Куприянова. Повернулся к министру обороны Дезодорантову. — Товарищ министр, соединитесь со штабом воздушной армии. Пусть присылают самолеты.

Все это время Дезодорантов, удобно устроившись в кресле, специальной пилочкой придавал ногтям идеальную форму, думая о том, как вернется в каюту и нанесет на ногти слой розового лака.

— Что вы сказали? — очнулся он.

— Вызывай самолеты! — глухо приказал Есаул. Дезодорантов снял с пульта трубку:

— Я — «Иосиф Бродский»!.. Я — «Иосиф Бродский»!.. Как слышите меня?

— Кто ты такой? Какой, на хуй, Иосиф? — был ответ.

— То есть я — не «Иосиф Бродский», я — Дезодорантов! — поправился министр.

— Какой, на хуй, тарантул!.. Уйди из эфира, мудака, не занимай частоту!

Разгневанный Есаул вырвал трубку из рук Дезодорантова:

— Генерал Петров, это я, Есаул!.. Не ори!.. Как слышишь меня?

— Слышу вас хорошо, Василий Федорович.

— Отлично!.. «Гром», я — «Тайфун», я — «Тайфун!» Как слышите меня?

— «Тайфун», я — «Гром»!.. Слышу вас хорошо!..

— «Гром», я — «Тайфун»!.. Квадрат 575. Повторяю: квадрат 575. Присылайте «грачей». Как поняли меня?

— Понял вас, «Тайфун»!.. Я вас понял!.. «Грачей» высылаю!.. Подлетное время — десять минут!.. До связи!..

Все молчали. Смотрели на циферблаты часов, Киршбоу — на «Патек Филипп», Куприянов — на «Ролекс» с бриллиантом, а Есаул — на простые «командирские» часы, которые не снимал со времен Афганистана.

Парад завершился. Батальоны выстроились перед трибуной. Толпа приблизилась, покрыла луг шевелящимся черным варом. Бен Ладен поднялся с шелковой расписной подушки, прижал к микрофону длинную бороду и стал говорить. Арабская речь, усиленная электроникой, подхваченная ветром, неслась над селом, над остроконечными минаретами, над русскими полями и рощами, прилетала к теплоходу, окруженному солнечной рябью. Казалось, вода вибрирует в такт далекой мембране, и пророческие слова отпечатываются на воде.

— Пришли! — воскликнул Есаул, глядя в небо, прикрывая глаза ладонью. — «Грачи» мои дорогие!

Высоко в лазури просверкали два крохотных стеклянных осколка. От них в разные стороны разлетелись белые брызги. Распушились нежной куделью. Стеклянные проблески устремились вниз и исчезли. На земле, на плацу стали лопаться красные взрывы, разлетались колющие ворохи, вздымались копоть и дым. Толпа побежала. Растерзанные тела лежали у горячих воронок. Люди давили друг друга. Белые венчики расцветали в синеве. Среди них мерцали стеклянные ломтики. Взрывы терзали плац, ломали трибуну, превращали стройные отряды в обезумевшее месиво. Горело село, рушились минареты, скакала врассыпную ошалелая конница. Один из быков, притащивших танк, метался, охваченный пламенем.

— Хорошо, «Гром»!.. Хорошо!.. Присылайте «вертушки»!.. — ликовал Есаул.

— Вас понял, «Тайфун»!.. «Вертушки» уже на подходе!..

Над селом появилась вертолетная пара. От машин отделялись черные заостренные стрелы, вонзались в небо. По земле плетью хлестал огонь, вставала стена дыма. Среди пожара носились одичалые люди, метались кони. Отдельные стрелки огрызались огнем автоматов, наводили на вертолеты «стингеры» и «стрелы». Но их поглощал огонь.

Из села вырвался всадник. Арабский скакун перебирал тонкими ногами, мчался в намет. Всадник в белом шелке пригибался к лошадиной шее, оглядывался на вертолет. Была видна его черная растрепанная борода, худое лицо, ненавидящие пылающие глаза. Бен Ладен домчался до рощи и исчез в березах, по которым хлестал пулемет вертолета. Ушел от преследований, чтобы через месяц объявиться в пустыне Сахаре, или в тундрах Лабрадора, или в университетском городе Принстон.

Другой наездник в тюрбане, в пузырящихся шароварах плашмя бил коня саблей, гнал к водохранилищу, на котором застыл теплоход. Уже вспенил воду, разбрызгал солнце, когда его настиг удар из неба. Реактивные снаряды вскипятили отмель, разорвали коня и наездника. Когда вода успокоилась, и пропитанный копотью пар улетел в небеса, на мелководье лежали убитый конь и растерзанный всадник, и вокруг расплывалось пятно ржавой крови.

— Вы убийца, вам место в Гааге! — истерически закричал Куприянов.

— Пойдите, — остановил его посол Киршбоу. — Я должен быть уверен — когда вы придете к власти, будете ли вы, подобно господину Есаулу, бороться с международным терроризмом... А теперь, господа, простите, я должен вас покинуть. Мне необходимо связаться с Госдепартаментом и сообщить о случившемся. — Исполненный глубокой задумчивости, посол покинул мостик и удалился в каюту.

— Убийца! — ненавидяще прошептал Куприянов.

— Аркадий Григорьевич. — Есаул смиренно потупился. — Я хотел дать понять: когда вы станете Президентом России, вам понадобятся люди, способные делать грязную работу по укреплению государства.

Куприянов умолк, внимательно на него посмотрел.

Когда спустились с мостика на среднюю палубу, их обступили взволнованные пассажиры.

— Что это было? Мы слышали взрывы? У нас на глазах убили человека и лошадь!

— Не волнуйтесь, господа, — успокаивал Есаул. — Это съемка сериала «Менты в Чечне». Все в порядке, все под контролем.

Через несколько минут теплоход поднял якорь, огласил широкие воды протяжным гудком. Плавно, великолепно тронулся в путь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Воркутинская шахта — черный, уходящий под землю провал, взятый в бетонные оболочки. Напичканный железом, ржавым или стертым до блеска. Пиленым лесом и лязгающими электровозами. Дрожью моторов и гулом компрессоров. Перевитый прово-

дами и кабелями. Пульсирующая черная вена, уходящая в центр земли, нагнетающая в преисподнюю воздух, электричество, свет. Выжимающая на-гора ртутно-синий шуршащий уголь.

В раздевалке в начале смены шахтеры на длинных лавках складывали одежды, обнажая бугристые спины. Развешивали по крюкам штаны и рубахи. Вынимали из шкафов с номерками робы, порты и портянки. Облекались, увеличивались в объеме. Напяливали кирзу и резину, пластмассовые каски, спасатели. Вешали на пояс аккумуляторы, помахивая шнурами и рефлекторами ламп. Окончившие смену бригады мылились в душевых, стояли под горячими струями, омывали натруженные в подземной работе тела. Выходили розовые, окутанные паром. Только кромки век, опущенных ресницами, оставались угольно-черными, как подведенные дамской тушью.

Степан Климов обматывал ногу полотняной портянкой, поправляя острый матерчатый мысок, прицеливаясь к кирзовому сапогу с вывернутым голенищем.

Рядом товарищи по бригаде натягивали теплые свитера, телогрейки. Двигали мускулами, готовя их к кромешной работе.

— Мужики, сколько будем задарма вкалывать? Директор каждый день сулит заплатить, а все наебывает. Мы что, африканские негры? — Забойщик Федюля, нервный и тощий, с птичьим носом и желтушными бегающими глазами, взывал к сотоварищам. — Слышь, мужики, давай профсоюзника вытащим. Пусть народ подымает. Сядем в шахте, будем бастовать, покуда зарплату не выплатят. Или айда на рельсы, перекроем «железку», пусть без угля поживут, небось, взвоют. А еще чище — директора, борова жирного, взять в заложники, спустить в шахту и держать в забое, покуда зарплату за три месяца не привезут!

— Как же, станет тебя профсоюзник слушать! Он же куплен, у него вторая зарплата в конверте! Он с начальством в ресторане коньяк жрет, — иронично и едко посмеивался крепильщик Скатов, перекладывая в термо-сок принесенные из дома куриные яйца и плоскую соленую рыбину, которую намеревался расшелушить и съесть в центре Земли. — На твою зарплату сейчас хозяин на теплом море под пальмами жопу греет. Блядей к себе водит. А если сядешь на рельсы, ОМОН так тебя отпиздит, что про зарплату забудешь.

— Мужики, кончайте базарить. — Степан, недовольный этой вечной, каждую смену возобновляемой распрей, утрамбовывал

стопу в сапоге, проверяя, не мешает ли складка или матерчатый, неловко сбитый комок. — Надо вкалывать и чтоб бригадир учет правильный вел. А зарплату выплатят, сразу деньги большие почувствуем. Купим, что нужно по дому. Чего зря базарить.

Бригадир, одутловатый, угрюмый, с татуировкой на вздутом плече — синяя русалка с грудями и загнутым чешуйчатым хвостом, — недовольно буркнул:

— Про забастовку языки прикусите. Будет вам забастовка по башке дубиной.

Некоторое время молчали, запахиваясь в робы, опоясываясь брезентовыми ремнями с подвешенными аккумуляторами. Затем Федюля, разъедаемый раздражением, произнес:

— Наш-то хозяин, Франт или Франк, хер его правильно говорит, он, говорят, зарплату нашу бабе своей на бриллианты пустил. У него баба на телевидении голая танцует. Вся, говорят, от жопы до манды бриллиантами усыпана. Вы своим бабам трусы новые купить не можете, а хозяин бабу в бриллиантах вокруг света на пароходе повез. «Титаник» — называется. Мы тут вкалываем, а они на белом пароходе икру лопатами гребут. Нет, без революции русскому народу не обойтись!

— Тебя, дурака, при всякой власти наебывать будут, — радуясь возобновлению спора, хохотнул ироничный Скатов. — Тебя коммунисты наебли и эти наебывают. Все они — коммунисты вчерашние. Одни в Думе сидят, дурью маются. Другие воруют. А четвертые дома не ночуют. Ты про революцию, Федюля, забудь. Русский мужик, что на земле, что под землей ишачил и будет ишачить.

— Да бросьте вы друг друга подначивать. О чем-нибудь хорошем скажите, — укорял их Степан. — На работу с хорошей мыслью надо идти. Какой-нибудь анекдот веселый. Чтоб веселее работалось.

— Вот я и пойду с пустым брюхом, дырявым карманом про революцию думать, — упрямо сказал Федюля.

— Ты помолчишь или нет, трепло? — осадил бригадир. — Тебе бы в язык да гвоздь вбить.

Они облачались в пластмассовые каски. Вооружались заплечными спасателями с запасом кислорода. Расправляли плечи под робами. Готовились покинуть землю и уйти в слепое чрево, где залегли таинственные пласты окаменелых деревьев и трав, спрессованные первобытные птицы, допотопные стрекозы и бабочки, — черное кристаллическое солнце исчезнувшей жизни.

— Этот Франт гребаный три шкуры дерет, что с людей, что с машин,— не мог уgomониться Федюля.— За смену два раза комбайн останавливается, цепи летят. Вентиляция вполсилы работает. Газометры в лавах все погорали на хер. Работаешь и носом водишь, газ, как собака, ноздрями ловишь. Я в шахту иду, каждый раз Богу молюсь. Не знаю, выйду на свет или нет. Этого Франта загнать бы в забой и поставить, пусть нашу работу понюхает, угольком белый костюм замазает.

— Федюля, в тебе глист живет, вот и неймется. Брось ты хер в ведре полоскать. Горбил, и будешь горбить. На русском мужике что цари, что вожди верхом катались. Попробуешь сбросить, они тебя сбросят, костей не найдешь.

— Кончайте тоску нагонять,— урезонивал обоих Степан.— Все будет у нас нормально. На той неделе зарплату выплатят. Только на бутылку ее не спустить, и будет у нас не жизнь, а праздник.

— Кончайте трепаться. Айда на выход,— мрачно произнес бригадир.

Вместе с другими шахтерами они погрузились в клеть, стиснутые дышащими большими телами. Клеть лязгнула, сошла с тормозов, окунулась в кромешность. Начался свободный полет в ледяном сквозняке, ударившем из сердцевины Земли. Пахло недрами, камнем, железом. В луче фонаря сыпалась и мелькала вода,плыли бетонные размывы колодца.

Высыпали из клетки. Двинулись торопливо по штреку, гурьбой, под неоновым трубчатым светом. Электровоз с вагонетками прогрохотал, груженный породой, прижав бригаду к ребристой крепи. Торопились мимо мокрых груд арматуры, штабелей пиленого леса. Путь перебежала жирная крыса, мелькнув любопытным глазком.

Вошли в наклонный просек с канатной дорогой. В туманном свечении с медленным звяком двигались подвесные седла. Шахтеры садились верхом, исчезали в туманном зеве. Степан Климов оседлал пролетавшее железное кресло. Моментально, охваченный лютым ветром, подумал о печальном лице жены, о ее дышащем большом животе.

Есаул оставался в каюте, среди телефонов, глядя на стену, по которой скользила солнечная отраженная рябь. На стене висела прекрасная репродукция Ван Гога «Пейзаж в Оверни после дождя» — далекий поезд оставлял в сыром воздухе колечки дыма,

катил среди зеленых и розовых плантаций, сочных от недавнего ливня. Операция, которую он только что провел, поколебала решимость Киршбоу. Посол по-прежнему видел Куприянова будущим Президентом России, но его антипатия к Есаулу, граничащая с презрением, сменилась сложным чувством, где мешались личная благодарность, страх разоблачения, желание обезопасить себя от возможного шантажа. Есаул был рад этому первому, пусть минимальному успеху.

Внезапно он ощутил тревогу, почувствовал слабое давление во лбу, где очнулось, затрепетало сокровенное око, воспринимая сигналы опасности. Оно расширялось, ужасалось, озиралось сквозь лобную кость в поисках источника страха.

Дверь приоткрылась без стука, и на пороге появилась колдунья Толстова-Кац, огромная, пышная, с необъятными бедрами, которые она с трудом пронесла в каюту, как ведра на коромысле. И, как с ведер, с них капала вода, оставляя на полу мокрую дорожку.

— К вам можно, мой дорогой? Вы не спите? Ничего, что я отниму у вас несколько драгоценных минут?

Едва ведунья вошла, Есаул почувствовал тоску и смертельную опасность, как если бы в каюту проник туберкулез, или чума, или разновидность сибирской язвы. Каждая клеточка затрепетала в тревоге, откликаясь на вторжение враждебных духов, которые, как невидимые силовые линии, пронизали каюту, окружили всякий находящийся в ней предмет и его самого, Есаула, сложной ловушкой, отсекая от внешнего мира, лишая доступа к источникам здоровья и света.

— Прошу вас, сударыня. Вы ничуть не помешали. Чем могу служить? — Он пытался быть галантным, чувствуя немощь и обморочность, словно множество невидимых присосок прилипло к телу, принимаясь тянуть и высасывать живые соки. Око не обмануло его, оповестило о страшной опасности.

— Видите ли, мой дорогой, через час в кают-компании я буду демонстрировать мое искусство прорицания. Стану вызывать дух покойного Иосифа Бродского и гадать на его стихах, поистине пророческих, где каждый может угадать свою будущую судьбу. Мне казалось, мой дорогой, вас мучит неопределенность вашей судьбы. Я готова приоткрыть завесу тайны над вашим будущим. Словом, приглашаю вас в кают-компанию на сеанс медитации.

Она говорила, быстро озирая комнату, захватывая в незримые сети все ее уголки, устанавливая повсюду господство своих

чар. Есаул чувствовал, как погружается в невидимую вязкую субстанцию, не позволявшую дышать и двигаться. Так насекомое попадает в клейкую смолу, залипая в ней навсегда.

Толстова-Кац двигалась по каюте, заполняя ее своими бедрами, в которых что-то хлюпало, как в огромных бидонах, разбрызгивая темные струйки влаги. Ее чары рождали у Есаула галлюцинации. Не приближаясь к телефону, она своим жгучим пронзительным взглядом оторвала трубку от аппарата, повесила в воздухе, как если бы ее держал невидимка. Трубка висела минуту, и в ней рокотал голос: «Оперативный слушает...», а потом улеглась в гнездо аппарата. Тот же взгляд коснулся картины Ван Гога, и поезд с кудрявой полоской дыма вдруг тронулся, достиг края картины, вышел за рамку и побежал по стене, оставляя за собой дымные сырые кудряшки. Взгляд ее упал на легкий белый пиджак Есаула, висящий на спинке стула,— на рукаве пиджака стало расползаться пятно гари, ткань лопнула, полыхнул голубой огонь, и запахло паленой материей.

— Садитесь, сударыня, ноги, чай, не казенные,— попробовал пошутить Есаул, чувствуя, что угорает, и пол уходит из-под ног.

— Постоим, мы не гордые,— игриво отозвалась колдунья. Протянула к нему старушечьи, в венах и рыжих пятнах пальцы, усыпанные перстнями. Коснулась лба и залепила всевидящее око чем-то клейким и серым, похожим на мастику. Он словно ослеп, как слепнут ястребы, когда им на голову ловчий надевает глухой колпачок.

Колдунья присела, накрыв юбкой половину каюты, положив на колени руки, изуродованные старческой подагрой. Из ее плеча прозрачно и зыбко протянулась третья рука, обнаженная и прелестная, коснулась лба Есаула, словно проверяла плотность замазки. Лобное око ослепло в своей темнице, лишив его прозорливости. Прозрачность руки чуть искажала световые лучи, и предметы, просвечивая сквозь руку, приобретали размытость и зыбкость.

— У вас так хорошо, так уютно.— Она кокетливо поправила накладной завиток у виска. Приподняла край юбки, обнажив нарядную туфельку. Прозрачная рука между тем шарилась среди одежд Есаула, перебирала пряжки и пуговики, теребила нателенный крестик, стараясь проникнуть в глубь его существа. И он понимал, что колдунья явилась вывести его сокровенный замысел, разгадать потаенный план. Послана Добровольским и дру-

гими членами «ложи» выкрасть тайну, которую он, Есаул, хранил и лелеял под сердцем.

— Я так много слышал о вас,— произнес он, борясь с помрачением.— Ваша слава целительницы, искусство прорицать и угадывать сделали вас мировой знаменитостью. Это правда, что прежние коммунистические вожди, члены Политбюро, секретари ЦК и министры прибегали к вашим услугам, и вы их врачевали?

— Ах, чего только ни напридумывают люди! — Толстова-Кац по-бабьи махнула рукой, словно отгоняла нелепые слухи.— Впрочем, кое-что я умела. Это теперь по немощи мой дар меня покидает. Но когда-то сам Леонид Ильич Брежнев пользовался моими скромными услугами.

— Что за услуги? — Есаул чувствовал, как пальцы прозрачной руки шарят у него в волосах, нежно ласкают подбородок. Так летом, на опушке леса, во время сладкой дремы, чувствуешь, как по лицу движется легчайшее, с крохотными крыльцами существо, щекочет переносицу, теребит волоски бровей.

— Вы знаете, у Леонида Ильича обнаружился странный недуг. Его стало пучить, он потерял сон, не мог есть рыбу, пропускал заседания Политбюро и все перебирал какие-то тряпочки, что-то вырезал и сшивал. Академик Чазов, этот кремлевский ветеринар, поставил диагноз — слабоумие, заворот кишок, пупочная грыжа, почечные колики, интоксикация. Прописал вулканические грязи, лоботомию, электрошок и иссечение пупка, что могло лишить Леонида Ильича основной чакры, связывающей человека с Космосом. Близкое окружение генсека просило повременить с операцией, обратилось ко мне за помощью. Я приехала в Кремль и тут же в кабинете попросила Брежнева раздеться. Мне бросилось в глаза вздутие живота, набухание грудей и какой-то нежный, влажный и таинственный взгляд, какой бывает у рожениц. Я поняла, что он беременен. Попросила его лечь на диван. Пользуясь методиками филиппинских врачей, произвела бескровное «кесарево сечение» и извлекла плод — крохотный эмбрион, который, если хорошо присмотреться, был вылитой копией Ленина — тот же лоб, прищур добрых глаз, рыжеватая борода. И хотя младенец был неживой, но вызвал у Леонида Ильича прилив материнских чувств. Он подносил сыночка к груди, пробовал завернуть в распашонку, а когда убедился, что дитя мертво, со слезами на глазах предложил соорудить небольшой мавзолей и поместить в нем крохотную мумию дорогого существа. Его отговорил Громыко, и маленькое тельце погребли в Ленинграде на Волковском

кладбище, по православному обряду, как завещал вождь пролетариата. Я рассказала об этом Михалкову, убеждая отказаться от выноса Ленина из мавзолея и захоронения в земле. Нельзя дважды хоронить одного и того же человека. Но Никите если уж что втемяшится...

Пальцы прозрачной руки шелестели в волосах Есаула, щека-тали за ухом. Мягко проникли в ушную раковину, а оттуда сильно, дерзко вторглись в головной мозг. Стали шарить среди полушарий, ощупывали мозжечок и гипофиз, проникали в чуткую мякоть серого вещества. Искали на ощупь «замысел», чтобы извлечь и похитить. Есаул, околдованный этим вторжением, парализованный прикосновением пальцев, не мог противиться. Лишь слабо пролепетал:

— Но вы, кажется, врачевали и Юрия Владимировича Андропова?

— Это был совсем иной случай,— ответила Толстова-Кац, извлекая прозрачные пальцы из черепа Есаула, пробираясь ими под рубаху, на грудь,— Юрий Владимирович страдал не столько почечной недостаточностью, сколько странными приступами вселенской тоски. В такие моменты, особенно ночью, он начинал издавать истошные вопли, силился взлететь, хлопая себя руками по бедрам. Имел необъяснимое пристрастие посещать палеонтологический музей и часами простаивал перед скелетом птеродактиля, стараясь скопировать его позу. Академик Чазов называл это «осложнением после гриппа», рекомендовал диету, послеобеденный сон, сексуальную разрядку. В конце концов, пригласили меня, и я, исследуя чакры Юрия Владимировича, обнаружила в его копчике рудиментарный, «второй» мозг, который он унаследовал от своих далеких предков,— ящеров мезозоя. Именно этот «второй» мозг беспокоил его по ночам, заставлял издавать клекот и щелканье, толкал в небо, насылал сновидения, где Юрий Владимирович, превратившись в птеродактиля, на громадных перепончатых крыльях летел над гигантскими хвощами и папоротниками. Я блокировала ему нижнюю чакру, и он успокоился...

Прозрачные пальцы безболезненно проткнули Есаулу горло, вторглись в гортань, в пищевод. Шарили среди альвеол, доставали трахею. Надеялись среди голосовых связок, вдохов и выдохов обнаружить секретный «план», который должен был иметь речевой аналог. Есаул чувствовал удушье, позывы кашля, как если бы в горле застряла кость, но тешил себя мыслью, что сокровенный клад так и остается ненайденным.

— Мне говорили, что Константин Устинович Черненко также прибегал к вашей помощи,— просипел Есаул, чувствуя нехватку воздуха.

— Не скрою, это был презабавный случай,— с удовольствием вспоминала Толстова-Кац, не оставляя свой поиск. Прозрачная рука проникла Есаулу сквозь грудину, разъяла грудную плевру, зарылась в сплетение артерий и вен, подцепила пульсирующее сердце и сжала так, что у Есаула едва не случился инфаркт. Он чувствовал тиски, в которых билось страдающее сердце. В упругой мышце, переполненной жаркой кровью, мог храниться заветный «замысел». Но и в предынфарктном состоянии Есаул торжествовал — колдунья опять ошиблась, искала не там. «План» был недоступен, хранился, как игла Кощея, в сокровенном яйце, а то — в утке, а утка — в зайце, а заяц — в медведе, а медведя поди пощупай.— Константин Устинович страдал сонливостью. Только соберется Политбюро решать какой-нибудь важный вопрос, а он засыпает. Спит все заседание, и государственный вопрос остается нерешенным. Академик Чазов утверждал, что его укусила муха цеце, занесенная в Кремль одним африканским послом. Константину Устиновичу прописывали бодрящий сок мухоморов, тоник из чеснока, настоящего на метиловом спирте, подсаживали ему на колени обнаженную девушку — ничего не помогало, он засыпал. Тогда обратились ко мне. Пригласили на Политбюро. Я стала исследовать поля, которые витали в зале заседаний, и выяснила, что поле Громыко усыпляюще действует на поле Черненко. Стоило появиться Громыко, как Черненко впадал в длительную спячку. Как вы думаете, что я сделала? Перекодировала их поля! Теперь поле Черненко действовало усыпляюще на Громыко. С этого момента Константин Устинович бодрствовал на заседаниях, рисуя на бумаге чертиков, складывал из листов самолетики и пускал в Громыко, который спал непробудным сном...

— А что Горбачев? Его вам удалось излечить? — Есаул почувствовал, что сердце оказалось, наконец, на свободе, в невидимых порезах и вмятинах, неровно толкало кровь, заходило экстра-систолами и спазмами боли.

— Этот случай, я вам скажу, не описан ни в одном из учебников психиатрии.— Чаровница охотно делилась воспоминаниями.— Академик Чазов сначала испытывал ко мне естественную ревность, но потом смирился с моими хождениями в Кремль. Однажды сам призвал меня и поведал о недуге, поразившем Михаи-

ла Сергеевича. В его отношениях с Раисой Максимовной наступил ужасный разлад. Ночью, сжимая в объятьях пышное, сдобное тело жены, еще недавно любимой, он представлял себе совсем иную женщину — тощую, наглую, развратную куртизанку, которая била его пятками, страстные стоны перемежала с матерщиной, кусала за губу и однажды, побуждая продолжить любовные скачки, ударила кулаком в глаз. Это было невыносимо для Раисы Максимовны. Она ревновала его к незнакомке, подозревала, что этой пассией могла быть Маргарет Тэтчер, с которой у Горбачева был платонический роман. Брак был поставлен на грань разрыва. Рушилась партийная карьера. Ломалась кадровая стратегия партии, выдвигавшей Горбачева на передовые роли. Академик Чазов прописывал Михаилу Сергеевичу сильные транквилизаторы, подвергал сеансам гипноза, заставлял Раису Максимовну материться в постели и больно прищипывать мужа пятками. Все тщетно. Опять призвали меня. В нашей оккультной практике этот случай зовется «сексуальным отречением от астрального тела», когда в плоть одной женщины вселяется астрал другой, быть может, уже умершей или еще неродившейся. С этим явлением трудно бороться. Требуется высокая степень посвящения, которой я уже обладала. Я прибегла к способу, который на нашем языке зовется «кавитацией астральных субстанций методом сублимативных смещений». Иными словами, я преобразовала образ развратной, распущенной шлюхи в политическую категорию, назвав ее наугад «перестройкой». В этом виде вложила в сознание Михаила Сергеевича. Брак был сохранен. Ночи супругов снова обрели полноту и целостность. Но дни Михаил Сергеевич всецело отдавал «перестройке» и трахал с ее помощью страну, как только мог. Вот такая смешная история...

Прозрачные пальцы проникли Есаулу в желудок, перебирали комочки непереваренной пищи, пробирались в двенадцатиперстную кишку, в аппендикс, тщетно разыскивая погребенный клад. Не находили. И, лишь обшарив прямую кишку, показавшись из нее наружу, разочарованно оставили поиск на этом завершающем участке пищевого тракта, так и не обрета желаемого.

— Ну а что было с Ельциным? — В желудке у Есаула урчало, он испытывал страшное неудобство, собирая всю свою волю, чтобы не осрамиться. — Что, говорю, было с Ельциным?

— Борису Николаевичу я приготовила снадобье. Как известно, он страдал извечным русским недугом — пьянством. В пья-

ном виде упал с моста. В бражном похмелье подписал Беловежский договор. С бодуна расстрелял Дом Советов. Напившись, так лупил деревянными ложками по голове Аскара Акаева, что тот, бедолага, превратился в блаженного. Из пьяного застолья послал своего собутыльника Грачева в Грозный, чтобы тот захватил город силой одного полка. Чего только ни придумывали кремлевские лекари, чтобы излечить Президента. Делали оздоровительные клизмы из кипящего рыбьего жира. Кодировали ударами молотка, призывая для этого кельтских колдунов из Ирландии. Вмораживали в льдину Антарктики. Обмазывали сырой нефтью и поджигали. Пропускали электрический ток, подвешивая к ЛЭП-500. Ничего не помогало. Обратились ко мне. Меня включили в свиту Бориса Николаевича, когда тот путешествовал по Енисею в районе Красноярска. Увидев Красноярские столбы, Борису Николаевичу захотелось выпить за каждый столб отдельно. Потребовал водку. Ему вежливо отказали. Снова потребовал. Опять отказали. Он придал своему лицу знакомое всем выражение.

«Трезвый пьяница хуже пьяного трезвенника!» — произнес он ту же фразу, что и перед расстрелом парламента. Тут вмешалась я. «Голубчик, Борис Николаевич, сейчас поднесу вам стаканчик от души и от сердца». Побежала в каюту, откупила «Русский стандарт», налила стакан, а в водку бросила волосы пресс-секретаря Костикова, которые вместе с мыльной пеной остались после бритья. Размешала, поднесла Борису Николаевичу на серебряном подносыке. «Будем здоровы! — сказал он, осушая стакан. — Какой-то в нем вроде осадок, — произнес он, вытирая губы и приглядываясь к стакану». Тут я сказала ему, что это за осадок. Глаза его страшно выпучились, изо рта пошла пена. Он издал звериный рык, схватил Костикова и швырнул в Енисей. После этого Борис Николаевич икал три недели и уж больше никогда не брал в рот спиртного...

Прозрачные персты проникли в «тайные уды» Есаула. Осторожно перетирали семенники, мяли предстательную железу, добываясь семяизвержения, чтобы с раскаленным белком вылетела частичка, содержащая «план». Есаул боролся с приближавшейся сладостной судорогой, используя приемы древних аскетов, которые сражались с похотью путем защемления склонных к грехопадению органов.

— Ну что ж, мой дорогой, — произнесла Толстова-Кац, извлекая из Есаула прозрачную руку и медленно убирая ее в глубь своего естества. — Если ты такой стойкий, что я «перстами, легкими,

как сон» была не в силах нащупать твой «план», тогда я тебе «навею сон золотой», и ты в забытьи откроешь мне суть своего коварного заговора. А потом я тебя умерщвлю. Так приказали мне «братья» и наш магистр Добровольский, который и послал меня к тебе, дурачок.

Она протянула к нему свои старушечьи, усыпанные перстнями, испещренные морщинами руки, и Есаул почувствовал, как от ее коричневых ладоней повеяло бесплотной могучей силой, мягко уложившей его на кровать. Эта сила была подобна студеному ветру, от которого цепенели кровавые частицы, замедлялось биение сердца, останавливались чувства и мысли. Так погружается в сладкое небытие путник, упавший в ночной сугроб. Остывает и сладко грезит, вспоминая теплое лето.

Ее пальцы завораживающе шевелились, поблескивал лак ногтей, мерцали в перстнях камения. Ее набеленное, нарумяненное лицо с наведенными бровями, вороньим клювом, розовой мальвой в черно-медном шиньоне больше не было страшным, а, напротив, чарующим и желанным.

— Спи, дорогой, закрой свои милые глазки, маленький мой, хороший. Слушай свою добрую няню... Ты не знаешь всей силы моего волшебства. Ведь это я с помощью чародейства склонила членов Политбюро принять решение о вводе советских войск в Афганистан... Я напустила чары на операторов Чернобыля, и они, зачарованные, взорвали реактор... Я заморозила членов ГКЧП на их пресс-конференции, так что у Янаева дрожали от холода руки, а Крючков так и не отдал приказание «Альфе» арестовать Ельцина... Спи, мой малютка, усни...

Есаул, не закрывая глаз, погружался в сладостный сон. Руки, которые навевали этот сон, побелели, с них опали кольца и перстни, сошел ядовитый лак. Они были нежные, тихие, с маленьким обручальным колечком, которое носила мать на своей вдовьей руке. Над ним склонилось любимое дорогое лицо, как в детстве, когда его поражала болезнь, с жаром, бредом, и из сумрака комнаты, из-за красного ночника появлялось любимое материнское лицо, на пылающий лоб ложилась ее прохладная исцеляющая рука.

— Миленький мой, хороший, баюшки-баю. Спи, мой родной, любимый... Ведь это я наслала духов унынья на осажденный Дом Советов, и Руцкой с Хасбулатовым так и не решились повести народ на Кремль... Я остановила Ельцина, который в панике собирался бежать из Москвы, и заставила направить танки к пар-

ламенту... Это я волхованиями, ворожбой, тайной магией внушила Ельцину мысль отказаться от власти и отдать ее преемнику Президенту Порфирию... Спи, закрой свои милые глазки, и будет тебе хорошо...

Есаул улыбался, целовал белые душистые руки, такие любимые, нежные. Над ним склонилась невеста своим золотистым лицом, губы ее розовели, как лепестки мальвы, солнечная легкая прядь упала ему на лоб. Ее появление из далекого, небывалого прошлого было чудесным. Он плакал, покрывая поцелуями божественные, любимые руки.

— Тебе хорошо, чудесно? Я «навееяла сон золотой»... Это я по настоянию «братьев» окружила чарами Президента Порфирия, склонила к тому, чтобы он отказался идти на третий президентский срок и уступил свое место Куприянову... Спи, мой хороший, усни...

Это говорила ему таинственная и прекрасная женщина неземной красоты, с рассыпанными по плечам иссиня-черными волосами, в бриллиантовой диадеме, чьи смуглые груди светились сквозь прозрачное облачение. От нее исходило благоухание цветущего сада. Голос ее был подобен звону ручья, шелесту ветра, пению лесной птицы. Она была властительницей иных миров, возлюбленной древних царей, быть может, царицей Савской, воспетой Соломоном.

Есаул спал наяву, не закрывая глаз. Испытывал странное раздвоение. Казалось, его личность покинула тело, невесомо поднялась к потолку, и оттуда, сквозь сферу прозрачного воздуха, он видит себя, лежащего, и склонившуюся над ним колдунью.

Она растегнула ему рубаху, открыла мускулистую, с темной куделью грудь. Гладила, массировала, нежно дула, создавая теплые, уходящие в грудь круги. Сложила ладони, как для молитвы. Провела посередине груди невидимую полосу. И вдруг мягким сильным движением погрузила ладони в грудь. Давила, углубляла, раздвигала невидимый шов, откуда вдруг выступила красная роса. Она погружала руки все глубже, до самого запястья, растворяла грудь, как створки огромной раковины, которая похрустывала, неохотно раздвигала кромки. Открылось алое нутро, перламутровая трепещущая пленка, сплетенье алых сосудов.

Колдунья извлекла руки, на которые были надеты алые перчатки, стряхнула капли на пол. Прикосновением пальцев, словно невидимой бритвой, рассекла перепонку. И открылись пузырящиеся, дышащие легкие, черно-алые стебли артерий и среди

них, смуглое, в голубых жилах, глянцевитое, словно влажный булыжник, сердце. Дрожало, колотилось, солнечный свет пульсировал на его мускулистой влажной поверхности.

Ее руки поднырнули под сердце, и оно неохотно всплыло, удерживаемое сетью сосудов, словно овальный голубоватый камень в авоське, сплетенной из красных бечевок.

Она что-то искала. То, что она искала, находилось в левом легком, среди воздушных дышащих пленок. Там сохранился рубец. Крохотная темная спайка. След от пули, пронзившей его на кандагарской дороге у кишлака Нагахан. В этом рубце, как в крохотной лунке, он спрятал свой «замысел», сберегал сокровенный «план». Ее пальцы приближались к тайнику, старались нащупать среди легочных хлопьев крохотное твердое ядрышко.

Он не чувствовал боли, не испытывал тревоги и сожаления. Только странное недоумение при виде ловких чужих рук, рыскающих в его «святая святых».

Эти руки обнаружили в легких пулевое отверстие. Тонкий палец колдуньи проник в углубление, где лежала малая бусинка. Лакированный ноготь пытался ее поддеть, извлечь на свет. И вдруг, без всякой на то его воли, сработали заключенные в бусину силы. Ожили системы защиты, соединявшие бусину с Мирозданием. Вся сила галактик, пламя рожденных звезд, взрывы миров прянули сквозь пулевое отверстие. Обожгли блудливые пальцы колдуньи, оторвали запястья, отшвырнули колдунью прочь. С диким визгом она превратилась в драную кошку, затем в оципанную ворону, затем в юмориста Петросяна, в минитрактор, в портативный пылесос, в ноутбук. В этом виде, жутко мерцая экраном, Толстова-Кац выскочила из каюты. А он спланировал с потолка в свое разъятое тело, улегся в него удобно, как скрипка в сафьяновый футляр. Очнулся. Отдирал ото лба липкий пластик, похожий на изжеванную жвачку. Испытывал головокружение и слабость. Смотрел на белый пластмассовый телефон, на котором краснело несколько ярких капель.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бригадиры запускали шахтеров в лаву, перехватывая пласт у утренней смены. Трещали своды, мелькали косые лучи. Рокотала масляная, блестящая сталь. Оседлав механизмы, двинув транспортерные ленты, бригады превратились в таран, долбящий чер-

ную толщу. Степан Климов, погружаясь в работу, чувствовал соразмерность и общую жизнь машин, налегавших на них шахтеров, истечение угля и породы.

«Это вам не снега белы, лопушисты,— насмешливо взглядывал он на кого-то, поднимая глаза к низкому, подпертому крепями своду, подгребая лопатой уголь, летящий из-под ревущего ротора.— Вы попробуйте нашего хлебушка, черного, а уж потом говорите...»

Ему было легко и свободно. Молодо, вертко двигался он в тесноте, чувствуя под робой сильные, напряженные мышцы. Пласт тянулся в бесчисленных надresaх и дугах, в кольцах, надпилах и сколах. Комбайн, звеня бронированным телом, рвался, посаженный на сальную цепь. Пропускал под собой полную угля транспортерную ленту. Фреза была похожа на стальную острокрылую бабочку, выстригавшую пласт. Шнек выламывал мерцающие столбы угля, и они, качнувшись, рушились наподобие лесных стволов, в которых окаменел птичий свист, шум первобытной листвы.

Уголь тек сочно-синий. Машинист комбайна Федюля, белозубый, с закопченным лицом, умерял рукоятями слепое громыханье машины. Высвечивал длинным, укрепленным на лбу огнем пыльные вихри. Припадал грудью к брускам механизма, будто шептал, уговаривал, побуждал на страшное, непосильное дело. Комбайн, как железный зверь, опущенный в шахту, обреченный умереть в бронебойной работе, сточиться об уголь, слушал машиниста, доверяясь ему в своей слепоте и силе.

«Так, погоди...— волновался Степан, наблюдая работу комбайна.— Федюля, раззява, профиль держишь иль нет? — Он вглядывался в белую млечную жилку кварца, отделявшую пласт от породы.— Вон куда двинул... Чуть ниже возьмет, и конец... Уголь сточит, а порода пух, прах, стояки начнут проседать... Ну, сейчас напортачит...»

Федюля словно угадал его тревогу, надавил рукоятки и кнопки. Сместил фрезу, оторвал от кварцевой жилки.

«Так, хорошо,— думал Степан, орудуя лопатой, кидая на транспортер ошметки угля.— Это там, наверху все вопросы, а у нас под землей все ответы...»

Рабочий просек, окруженный чешуйчатой железной защитой, шевелился, опираясь на гидравлические колонны, как гигантская лапчатая гусеница. Степан, махая лопатой, видел, как близ-

ко от него крепильщик Скатов тянет рукоять управления. Стойка мягко, тягуче вбирала полированную опору. Ослабленный свод начинал трещать и ломаться. Сквозь верхние щели прорывались сыпучие черные струи. Осколки громыхали о каску. Застилили пылью огни. Скатов, задыхаясь, весь окутанный острой резью кристаллов, двигал домкрат, толкал тяжеленную повисшую лапу. Нехотя лапа выпускала пядь, принимала новое давление свода, мощно его подпирая. А рядом, за железной стеной, с костяным страшным треском рушилась пустая порода, навеки погребя пространство, где только что плясал человек.

Степан надрывался в работе. Где-то в чеченских горах шел скоротечный бой. В ночной дискотеке танцевали веселые люди. Под лунным сиянием плыл белоснежный корабль, и в каюте, в зеркальном блеске, стояла обнаженная женщина. Две его дочери спали в духоте комнатухи. Жена Антонина слабо вздыхала во сне, слыша биение ребенка. А он в глубине держал их всех на плечах, посылал им из центра земли свое немое, благоговейное слово.

Теплоход плыл по зеркальной воде, стеклянно-прозрачной, недвижной, в которой отражалось высокое голубое облако. Далеко у берега мерцала бегущая, ударявшая в камень волна. Утка взлетала, оставляя на воде солнечную спящую черту. В далеких лугах было пестро от цветов — краснело, белело, желтело. Глаз, восхищаясь разноцветными живыми коврами, угадывал в них невидимую кипящую жизнь — бессчетных бабочек, шмелей, пестрых мух, красных коростелей, сизых соколят, и ветер приносил на палубу запах земляники и меда.

В кают-компанинн стала собираться публика, приглашенная на спиритический сеанс и гадания. Гости рассаживались вольными рядами вокруг стола, с благодушными, чуть насмешливыми лицами. Кают-компания наполнялась любопытствующими. Уже проплыла и угнездилась в первых рядах черная, засаленная шляпа Боярского. Прохохотали шевелящиеся усы Михалкова, обнажая крепкие собачьи зубы. Круцефикс, редко появляясь на публике после своего предательства, прошел бочком и сел у стены, выставив комочек бороды, похожей на прилипшую котлетку. И только когда помещение было заполнено и начал раздаваться нетерпеливый ропот, появилась волшебница и ведунья Толстова-Кац. Она была облачена в необъятные белые одежды, которые пени-

лись на ней, словно парус. Золотые нити на ее туалете создавали ощущение царственности. На голове красовался белоснежный тюрбан, украшенный павлиньим пером. Туфли, шитые бисером, выглядывали из пышных шаровар. На плече сидела живая желтоглазая сова, щелкая клювом. Ворожея внесла и водрузила на стол магическую пирамиду, в которой морозно пылала застывшая радуга. Поставила медный светильник в виде змеи и зажгла в нем свечу. Высыпала кипу длинных стальных булавок, на конце которых мерцали шарики из оникса, аметиста, рубина. Длинные перчатки, скрывавшие руки, придавали ей сходство с хирургом, который раскладывает на операционном столе инструменты. И только Есаул, вошедший последним и вставший в тени гардины, знал, что перчатки маскируют ожоги и порезы рук. Их колдунья получила, тронув сокровенное пулевое отверстие, где таилась драгоценная бусинка.

Некоторое время чародейка взирала на большой портрет Иосифа Бродского, украшавший кают-компанию. Из рамки красного дерева смотрело изнуренное, с большими глазами, лицо иудейского мученика, прозревавшего весь скорбный путь богоизбранного народа от грехопадения, египетского плена, исхода, бесчисленных гонений и рассеяний до напрасной попытки создать государство Израиль, обреченное пасть под ударами палестинских гранатометов.

— Господа,— прервала молчание Толстова-Кац,— прежде чем я начну спиритический сеанс и потревожу дух Иосифа Бродского, может быть, вы скажете мне, кем он был? Что вы знаете о Иосифе Бродском? — Она обвела собравшихся испытующим взглядом, и сова на плече повторяла ее движения, нацеливая на гостей рыжие пронзительные глаза.

— Бродский? Език? — оживился Малютка, услышав знакомое имя.— Был такой беспредельщик, угольный посредник, накручивал, как хотел. Предупреждали его, упрашивали. А он ни в какую. Пришлось пристрелить.

— Бродский Иосиф? Как не знать! — радостно встрепенулась мадам Стеклярусова.— Это мой дантист. Рекомендую — товар на лице! — Она с готовностью обнажила вставные зубы, которые и в ржавом черепе будут сиять белизной.

— Иосиф Бродский — известный специалист по залоговым аукционам,— тихонько произнес Круцефикс, смущенно теребя бородку.— Вместе с господином Найшулем они разработали ме-

тод, позволивший безболезненно отобрать собственность у некомпетентного населения и передать ее нашим людям.

— Иосиф Бродский, насколько я помню, это вор-рецидивист из Ростова,— напрягал память прокурор Грустинов.— За ним числилось несколько убийств, он был приговорен к «пожизненному» и повесился в ростовской тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

— В Биробиджане есть мэр — Иосиф Бродский,— отозвался спикер Грязнов.— И что интересно — антисемит. Евреев называет «жидами». И те ничего, откликаются.

— Иосиф Бродский был директором съемочной группы, когда снимался фильм «Свой среди чужих»,— хмыкнули усы Михалкова.— Конечно, приворовывал, стервец, но мужик был классный.

— Господа,— с чувством легкой иронии, прощая собравшимся их необразованность и удаленность от искусств, произнесла Луиза Кипчак.— Иосиф Бродский — это замечательный поэт, сочинивший слова известной песенки про Чебурашку. Если вы прислушаетесь к звукам, которые издает при движении наш корабль, вы чутким ухом уловите мотив знаменитой песенки. Кстати, он лауреат Премии Ленинского комсомола.

Все умолкли, подавленные этим незлым, но чувствительным упреком, почувствовав себя невеждами рядом с просвещенной красавицей. Устремили взоры на Толстову-Кац, ожидая пояснений.

— Все вы правы,— вещунья озидала гостей пронизательными очами, над которыми наведенные брови выгибались синими дугами. Сова, вторя ей, поворачивала круглую голову с ненавидящими золотыми глазами.— Видите ли, Иосиф Бродский вездесущ и столик. Он был в далеком прошлом, существует ныне во множестве воплощений и никогда не исчезнет, какие бы сюрпризы ни преподносила нам история. Человечество, с момента зарождения, двигалось от одного Иосифа Бродского к другому, которые являлись в самые переломные, драматические периоды, не позволяли истории уклониться от божественного промысла. «Иосиф» на арамейском языке — «подающий знак». Иосиф Бродский — это тот, кто подает человечеству знаки, уводя за собой сбившуюся с пути историю. Таким был Иосиф, сын Иакова, проданный братьями в Египет, что предопределило появление Моисея, великий «исход», скрижали, скинию и весь иудаизм как неизбежный путь человечества. Таким был великий историк и метафизик Иосиф Флавий, предсказавший христианство. Никто не

сомневается, что святой Иосиф, в семье которого родился Христос, был такой же путеводной звездой человечества. Можно перечислять без конца. Иосиф Волоцкий, знаменитый устроитель православной церкви. Иосиф Сталин, которого многие почитают святым. Иосиф Броз Тито — несомненный славянский герой. Наконец, Иосиф Кобзон, чьи песни, при всей их непривлекательности и ущербности, являются «музыкой сфер» — сфер обслуживания. Иосифы Бродские есть во всех народах, на всех материках. Есть у китайцев, есть у народа майя, есть у племени зулу. Антропологи, изучающие останки австралопитеков, обнаружили у некоторых скелетов признаки Иосифа Бродского. Некоторые гипотезы утверждают, что Иосиф Бродский существовал в «дочеловеческий период», являя себя в образе динозавра. Моя же мысль, подтвержденная герменевтикой, сводится к тому, что Иосиф Бродский заявил себя уже на стадии минеральной фазы земли, в период образования гор, выделения из расплавленной магмы минералов и руд, — такие самоцветы, как топаз, изумруд, аквамарин, носят признаки Иосифа Бродского. Изучая академика Зельдовича, его теорию происхождения Вселенной, можно найти намек, что «первичный взрыв» в той или иной степени связан с Иосифом Бродским. Поэтому, господа, спиритический сеанс, участниками которого вы согласились стать, соединит вас не просто с духом усопшего человека, но с космическими силами невиданной мощи, что одновременно и плодотворно и смертельно опасно. Те из вас, кто отважится испросить у Иосифа Бродского прощание о своей судьбе, должны знать, что ответ будет содержать не относительную, но абсолютную истину, пусть и изложенную в сомнамбулической форме его бессмертных стихов.

Все подавленно молчали, стараясь уразуметь грандиозную, умонепостижимую тайну, завесу над которой приоткрыла колдунья в волшебном тюрбане с древней совой на плече.

Есаул смотрел на портрет в лакированной рамке, — выпуклые, печальные, переполненные тайными слезами глаза, наклоненная голая шея, словно ее побрили перед ударом топора, горько сжатые губы, познавшие тщету славословий, вкусившие полынь молчания. Он чувствовал непостижимую связь, сочетавшую его, потомственного казака Есаула, и этого печального иудея, занесенного в русскую жизнь, как заносит астероид в пространство чужой планеты. Эта связь была неявной, состояла из мучительной несовместимости и сладкой нерасторжимости. Донской казак, военный разведчик, изощренный государственный муж.

И иудей, печальный изгнанник, болезненный стихотворец. Они являли собой две ветви расщепленного человечества, которые пытались срастись, и в тщетных попытках истребляли друг друга. Погибали в этом непрерывном борении, уповая на смерть, в которой снова сольются.

— Господа,— приступила к священнодействию Толстова-Кац.— Технология обращения к духу весьма проста, но требует определенного навыка и решительности. Вот книга стихов поэта,— она приподняла увесистый том в черном переплете, на котором стояло название: «Перемена империи» — и была изображена странно-мерцающая синяя рыба.— А вот магические булавки,— она тронула ворох длинных стальных колючек, увенчанных шариками из драгоценных камней.— Желающий угадать судьбу берет книгу и под прямым углом вонзает в нее булавку,— она приставила заостренную спицу к переплету и сделала вид, что с силой ее вгоняет.— Булавка проникает в глубь книги, и острие останавливается на том изречении, в котором содержится неявный ответ. Конечно же, он подлежит толкованию. Но в этом доверьтесь мне. Я распутаю хитросплетения слов, разовью венки сонетов, переведу бормотания дервиша на понятный людям язык,— она обвела собравшихся гипнотическими глазами, и ее вороний клюв выбирал себе добычу среди притихших, оробевших гостей.

— Приступаю к погружению в бездну.

Толстова-Кац извлекла пакетик с порошком горчичного цвета. Бросила щепоть в огонь свечи. Пламя из желто-белого превратилось в ослепительно-зеленое, вспыхнуло дымно-красным, оделось нежно-лиловым, заметалось золотом, багрянцем, пурпурно-алым и черно-синим. В воздухе запахло озоном, альпийскими снегами, садовыми розами, благовониями востока, сквозь которые потянуло серным сквознячком преисподней, сладковатым запахом тления. Сова радостно взидала на многоцветное пламя глазами певца Леонтьева, поющего знаменитую песню о Казанове. Портрет Иосифа Бродского вдруг помутнел, наполнился туманом. Лицо поэта померкло и скрылось в «дыму все소жжения». Из книги стали истекать невесомые полупрозрачные лопасти, будто среди страниц таилась гора самоцветов.

— Кто первый? — грозно и повелительно воскликнула жрица.— Ты! — Она указала перстом, затянутым в перчатку, на губернатора Русака, который трусливо сжался, попытался укрыть-

ся. Но властный колдовской взгляд поднял его из кресла, и он в трепете приблизился к столу.— Бери и пытай судьбу! — приказала колдунья, протягивая губернатору спицу, увенчанную смуглым гранатом.

Русак, топорща усы в трусливой улыбке, чуть кривляясь и делая вид, что принимает увлекательную игру, несерьезную детскую забаву, положил перед собой книгу. Приставил длинную булавку, впившись пальцами в красное ядрышко граната. Погримасничал напоказ, изображая факира, и с силой погрузил острие в плотную обложку, проталкивая узкую сталь сквозь толщу страниц. Раздался тонкий вопль, исходивший из лакированной рамки, словно там, за мутной завесой дыма, вопил подстреленный заяц. Собравшиеся вздрогнули, многие побледнели, другие растерянно улыбались. Есаул почувствовал, как узкая разящая боль пронзила его печень, и он схватился за бок, как это делает раненый шпагой. Он был пронзен одной иглой с Иосифом Бродским, висел вместе с ним в пустоте, насаженный на тонкую бесконечную спицу, уходящую в обе стороны мироздания.

— Запрос послан. Теперь прочитаем ответ.— Толстова-Кац взяла книгу, в которой торчала булавка с красной каплей граната. Слегка встряхнула. Часть страниц распушилась, другая, скрепленная булавкой, оставалась слитной. Колдунья раскрыла книгу на той последней странице, где остановилось острие, удерживая кипу листов.— Булавка укажет стих, острие обозначит ответ.— Толстова-Кац склеротическим пальцем стала гладить страницу, нащупывая выступавшее жало. Нащупала, стала читать:

...И в этом пункте планы Божества
И наше ощущение униженья
Настолько абсолютно совпадают,
Что за спиною остаются: ночь,
Смердящий зверь, ликующие толпы,
Дома, огни. И Вахх на пустыре...

Все слушали голос колдуньи. Русак стоял подавленный, мучительно улыбался, заискивающе смотрел на колдунью, в чей власти было истолковать сомнамбулический стих, как предсказанье успеха или предупреждение о неминуемой гибели.

— Мой друг.— Колдунья воздела наведенные брови.— Несомненно, что ваше грядущее, связанное с некоторым диском-

фортом и потерей достоинства, находится в полном согласии с божественной волей, как об этом гласит стих. Само событие, скорее всего, случится ночью, но не где-нибудь дома или в укромном месте, а прилюдно, среди возбужденной толпы, быть может, на стадионе, в цирке, на ночном митинге. Здесь будет фигурировать некий зверь, скорее всего, крупный, разъяренный, источающий дух зловонья. Им может быть большая собака, или, положим, медведь, или даже тигр, если действие происходит в цирке. И при этом либо толпа, либо вы сами будете находиться в высокой стадии опьянения, подружитесь с Вакхом.

Русак криво ухмылялся, очень бледный, словно выслушал смертельный диагноз. Отправился на свое место, дергая колючие усы, будто проверял, не снится ли ему все это.

Есаул испытывал головокружение, помещенный в мироздании на тонкой оси, пронзившей его и поэта. Это было свидетельство трагического единства и сходства. Вращаясь в разные стороны, оба двигались вокруг единого центра, придавая устойчивость шаткому миру. Так вертолетные винты, раскручиваясь в противоположных направлениях, сохраняли равновесие летящей машины. Трагедия Иосифа Бродского виделась в том, что он стремился вырвать у бесконечности еще один атом тайны. Сделать его явным, дать ему имя. Назвать неназванное. Поименовать безымянное. Изречь неизреченное.

Есаул был из той же когорты безумцев. Его государственное служение, утопическая мечта, ради которой он совершал злодеяния, жертвовал собой, вовлекал в сражение и творчество соратников, — было единоборством с историей, с ее слепым дурным ходом. Стремление развернуть ее перед тем, как она сбросит Россию в пропасть.

Есаул стоял в тени гардины, наблюдая волшебное действо.

— Кто следующий? — возгласила Толстова-Кац, шевелясь в глубине белоснежного вороха восточных одежд. Сова победно взирала, словно сидела на вершине меловой горы, в которой поблескивали струйки золота. — Быть может, вы, госпожа Стеклярусова?

— Отчего бы и нет, — мадам Стеклярусова, похожая на щебечущую птичку, приблизилась к столу. Выбрала из кипы булавок ту, что была украшена драгоценной каплей аквамарина. Мило улыбалась, зная, что все любят ее грациозными жестами, ее очаровательным молодым телом, которое она за полчаса до этого

подтянула, повернув скрытый между лопаток заветный болтик. С силой вонзила булавку.

В лакированной раме, наполненной дымом, повторился крик, жалобная мольба, истошный зов о помощи. Так, должно быть, кричал худосочный царевич Алексей, воздетый на дыбу перед грозными очами отца, когда палач хлестнул по ребрам беспощадным бичом. Есаул почувствовал колющую боль, которая, как молния, проникла в ключицу, пронзила ребра, остановилась возле сердца. Слабо застонал, хватаясь за стену. Он и Иосиф Бродский трепетали, словно два жука, надетые на единую энтомологическую булавку, силились растворить надкрылья, судорожно шевелили лапками, старались дотянуться усами до стальной иглы.

— Теперь посмотрим,— возгласила Толстова-Кац, поднимая книгу и распуская страницы. Часть листов распушилась, другая была крепко сжата булавкой. Колдунья поводила пальцем, нащупала на странице колющий кончик. Стала читать:

...Черная лента цыганит с ветром.
Странно тебя оставлять нам в этом
Месте, под грудой цветов, в могиле,
Здесь, где люди лежат, как жили:
В вечной своей темноте, в границах;
Разница вся в тишине и в птицах.

Мадам Стеклярусова застенчиво улыбалась.

— Моя дорогая, пусть вас не смущают признаки, дающие основание полагать, что ожидающее вас потрясение произойдет на кладбище, где свищут птицы и где в могилах царит вечная тишина. Черная лента венка со словами прощания, множество поминальных цветов. О какой могиле может идти речь? — Толстова-Кац была похожа на благожелательную классную даму, экзаменующую выпускницу-отличницу.

— Мне кажется, речь идет о могиле моего незабвенного мужа, куда мы отправимся все вместе по прибытии в Петербург. Конечно, как всегда, встреча с родной могилой причинит мне сладость и боль. Мой муж умер от неизвестной болезни, которую подцепил, общаясь с бушменами в пустыне Калахари. Он был большой путешественник, его именем назван остров западней Африки в Атлантическом океане. Некоторые называют его Святой Еленой. Полагаю, на могиле, которой мы все пойдем поклониться, я еще успею рассказать об этом подробнее,— мадам Стекля-

русова, получив «отлично», отправилась на место, где ее молча дожидался верный телохранитель и паж тувинец Тока.

Есаул переживал странное прозрение. Иудей Иосиф Бродский и он, Есаул, донской казак, были лютыми врагами по крови, обильно пропитавшей грешную русскую землю. Но их астральные тела обагрили метафизической кровью одну и ту же стальную ось, по которой текли и сливались струйки их метафизической крови, создавая таинственную общность их творческих душ и судеб, обреченных на поиск истины, на жертвенность, на поношение близких, на нестерпимую, непреходящую боль.

— Продолжим наше увлекательное блуждание впотьмах, где нет-нет, да и сверкнет откровение.— Толстова-Кац разводила в воздухе руками, выписывая странные иероглифы, затейливые вензеля, запутанные монограммы, будто раздвигала завесы, перемещала светила, устраняла мешающих духов, открывала полог, за которым брезжила истина.— Я думаю, небезынтересно узнать о своем недалеком будущем нашему почтенному мэтру, властителю наших дум, безукоризненному кавалеру и обожателю дам,— она взглянула на Добровольского, чей медно-красный парик отливал солнцем, как шлем Агамемнона, а ласковая стариковская рука лежала на колене Луизы Кипчак.— Все тайное да станет явным!

Добровольский неохотно убрал руку с милого колена. Поднялся, направился к столу ритуальной походкой масона, сдвинув пятки и раскрыв носки. Этот жест невольно повторили многие из сидящих, зашаркав по полу дорогой и изящной обувью.

— Судьба индейка, а жизнь копейка! — молодецки воскликнул Добровольский, принимая от вещуньи книгу и булавку, на этот раз с навершием из розового коралла. Уложил книгу на стол, рассматривая начертанную на ней голубую рыбу. Прижал острие булавки к рыбьей голове и вонзил. И пока сталь пробивала страницы и останавливаясь в глубине спрессованных текстов, из лакированной рамы неслся крик пытаемого, у которого хотели вырвать чье-то тайное имя, обнаружить секретный адрес, раскрыть сокровенный заговор. Есаул был пытаем теми же палачами и катями. Те же враги доставили его в каземат, сковали цепями, терзают голое тело. Желают выведать заветный план, добыть секретный проект,— колют иглами, режут лезвиями, льют на раны рассол. У него и у Иосифа Бродского были одни и те же мучители. Поэт и солдат — оба обладали священной тайной, за которой охотились враги империи, враги красоты и истины.

Толстова-Кац отыскала стих, в котором застряла игла.

...Так в феврале мы, рты раскрыв,
таращились в окно на звездных Рыб,
сдвигая лысоватые затылки,
в том месте, где мокрота на полу.
Где рыбу подают порой к столу,
но к рыбе не дают ножа и вилки.

Добровольский снисходительно слушал, наклонив голову.

— Что я могу вам сказать, милостивый государь.— Колдунья теребила пальцем стальное жало, выступавшее из страницы.— Рыба — проблемное для вас существо. Рыбная трапеза, к которой вас пригласят, быть может, в монастыре, а быть может, в новомодном ресторане «Фиш», что в Спиридоньевском переулке в Москве, сулит для вас ряд неприятностей. Чтобы их избежать, требуйте прибор — вилку, нож, салфетку — и не старайтесь разделять рыбу руками. И все будет у вас хорошо, мой милый, и мы еще попируем на могилах наших врагов! — Колдунья ярко взглянула на Есаула, и у того заломило грудь, куда недавно проникли руки колдуньи.

— Что верно, то верно, рыбок люблю,— похихикивал Добровольский, отправляясь на место походкой неуклюжего пингвина.

Есаул томился, чувствуя, как из разъятой преисподней, изпод полога, приподнятого руками колдуньи, вылетают бесплотные духи. Реют в кают-компании, колеблют пламя свечи, тревожат в магической пирамиде пылающую радугу. Он, Есаул, не был Богом, не творил историю, но Бог двигал его делами и помыслами, и он, исполненный волей Божьей, услышав пророчество Ангела, служил России, отводя от нее беду. Как и Иосиф Бродский, пророчески, косноязычной речью доносил до оглохших людей голос Бога, напоминал о поруганных заповедях, попанном ковчеге завета, опрокинутом жертвеннике, опустевшей скинии. Оба они были сосудами, в которых гудел голос Бога, трубами, из которых дул огненный псалом.

— Не угодно ли вам, господин Куприянов, испросить оракула?

— Погадайте, погадайте,— милостиво согласился Куприянов, сидевший рядом с Крузефиксом.— Сразу на нас двоих погадайте.— Он положил руку на плечо Крузефикса, и тот сжал-

ся, как сжимается преданный пес от прикосновения хозяина. — Мы только что договорились, что господин Крुцефикс в будущем правительстве продолжит управлять экономикой. Погадайте, каковы перспективы экономического роста? Каков уровень инфляции? Не грозит ли нам дефолт? — Куприянов посмотрел на дорогие часы «Патек Филипп», словно его ждали на заседании правительства. Барственно улыбаясь, прошествовал к столу, баловень и любимец, несомненный фаворит, уже вытянувший счастливый билет и теперь на разные лады получающий благословение от своей удачливой фортуны.

Книга легла на стол. В сильной руке Куприянова возникла булава, увенчанная сердоликом. Он установил острие. Сжал скулы, напряг бицепс и вогнал булаву в глубь книги. Крик из портретной рамы повторился. В клубах розоватого дыма что-то металось, пыталось вырваться, но, пришипленное, оставалось в полированном четырехугольнике рамы.

— Ну что ж, посмотрим, что сулит Иосиф Бродский вам обоим, — милостиво улыбалась Толстова-Кац, кивая Куприянову и Крुцефиксу:

...Один топором был встречен,
и кровь потекла по часам,
другой от разрыва сердца
умер мгновенно сам.
Убийцы тащили их в рощу
(по рукам их струилась кровь)
и бросили в пруд заросший.
И там они встретились вновь...

Куприянов стоял, ошарашенный. Еще держалась на лице надменная улыбка, но само лицо стало бескровным, словно он заглянул в гроб и увидел себя с окостенелыми веками, выцветшими губами, бледным лбом. Крुцефикс съехал с кресла и сжался в робкий комочек, заслоняясь от разящего, посланного сверху удара. Сама Толстова-Кац, казалось, была смущена:

— Не усматривайте, мои родные, дурной знак в полученном предсказании. Напротив, по закону инверсии, любое преждевременное упоминание смерти — есть заговаривание смерти, выкликание ее бессильной тени, отвлечение ее от субъекта. Так что, любезный господин Куприянов, этим посланием вы обезопасили

себя от козней врагов, которые, увы, все еще присутствуют среди нас и желают вам зла,— с этими словами ведьма метнула ненавидящий взгляд в сторону Есаула, и тот заметил, как задымился край гардины.

— Господа, кто еще желает говорить с поэтом на языке птиц и камней? Кто рискнет распознать в гуле ветра и звоне ручья весть о грядущем? — Толстова-Кац приглашала к столу гостей, заманивая их колыханием рук, переливами золота и бриллиантов.— Может быть, вы, прелестная Луиза? Или вы, мужественный любвеобильный Франц?

— Мы оба знаем, что нас ждет сегодня ночью в каюте,— откликнулась Луиза Кипчак.— А дальше нет смысла загадывать.

— Ты не забыла попросить прислугу, чтобы нам сменили сломанную кровать? — озабоченно спросил Малютка.

— Можете представить, каково мне приходится? — пожаловалась Луиза гостям.

— Госпожа Толстова-Кац,— раздался ехидный, насмешливый голосок, напоминавший хихиканье Жванецкого.— А что бы вам самой не попытать судьбу? Духи к вам благосклонны. Ответ, который вы получите, будет произнесен не на языке птиц и камней. Мы сможем узнать, как провидит ваше будущее великий поэт.

— Я как раз хотела обратиться к духам за пророчеством, хотя волшебники знают все о себе наперед. Но чтобы вселить в вас мужество, приобщить ваши робкие души к вечному, я готова послать запрос,— надменно ответила чаровница, и сова грозно щелкнула клювом, заставляя умолкнуть насмешника.

Есаул страдал поэту, над которым чинилось глумление. Алмазный стих, добытый в каменоломнях непознанного, извлекался на потеху толпы. Его щупали жадные руки, облизывали липкие языки. Сокровища, место которым было в ризницах великой империи, расхватывала тупая толпа, валяла в грязи и помоях. Он чувствовал страдание поэта, любил его, звал в соратники. Оба они, поэт и солдат, были нужны друг другу.

— Итак,— «что день грядущий мне готовит»? — Толстова-Кац положила перед собой книгу, исколотую в предшествующих опытах. Из вороха булавок выбрала ту, что была украшена крупным зерном аметиста.

Сверкая очами, с безжалостной улыбкой, вонзила сталь. Из рамы донесся вопль столь истошный, что казалось — этим воплем душа навсегда покидает рай и погружается в вечную тьму.

Из переплета выступили рубиновые капли. Страница, которую раскрыла ведьма, была пропитана кровью. Острые остановилось в стихе, который она стала читать нараспев:

...Ты та же, какой была.
От судьбы, от жилья
После тебя — зола,
Тусклые уголья,
Холод, рассвет, снежок,
Пляска замерзших розг.
И как сплошной ожог —
Не удержавший мозг...

Мгновение колдунья молчала. С ней происходили преобразования. Она превратилась в Венеру Милосскую с обрубленными руками, поразительной красоты и неги. Затем — в скифскую бабу с приплюснутой башкой, уродливыми бедрами и вислым каменным задом. В девушку с веслом, что когда-то украшала Парк культуры и отдыха имени Горького. В золотую буддийскую танцовщицу с трепещущими крылышками у пяток. В скульптуру Майоля с громадными ягодицам, пухлым животом, на который наваливались гипертрофированные груди с уродливыми сосками. В статую Свободы с пылающим факелом. И наконец, снова в Толстову-Кац, рыхлую, разбухшую, в намокших материях, из которых сочилась несвежая жидкость.

— Не лги, жид проклятый!..— крикнула она, показывая кулак дымящейся раме.— Ты всегда меня ненавидел!.. Не верю твоему предсказанию!.. Явись сюда сам и разъясни, от каких таких розг я должна умереть?

Ее сквернословия были ужасны. Гостей обуял страх. Шляпа Боярского вместе с принадлежащей ей головой оказалась под креслом. Усы Михалкова подметали пыль в дальнем углу кают-компания. Лысинка Жванецкого, покрытая испариной, силилась спрятаться под подолом Луизы Кипчак. Кутюрье Словозайцев нервно хохотал, хотя ни одна из манекенщиц не рискнула в эту ужасную минуту щекотать его ребра. Все ждали, чем кончится приступ бешенства, обуявший Толстову-Кац. Колдунья между тем принялась ворожить. Извлекла табакерку, где хранился порошок растертой в труху саламандры. Кинула на стол колоду игральных карт, рассыпав ворох валетов, тузов и дам. Пересадила сову на

другое плечо, отчего недовольная птица зашипела и выпустила из-под хвоста ядовитый шматок.

— Явись тотчас пред моими очами, мерзкий клеветник и обманщик!.. Заклинаю тебя духом Астарты и именем Гекаты!.. Понуждаю тебя кровью стотельчих жертв, что приносили в Вавилоне богам Евфрата и Тигра!..— Метнула в свечу прах саламандры, наполнивший какют-компанию бенгальским блеском.

Из дымной рамы вдруг просунулся молодой иудей, с черной бородой, жгучими очами, облаченный в дорожные одежды, с золотым амулетом на шее в виде рогатого овна.

— Не ты, не ты!..— замахала на него Толстова-Кац, прогоняя обратно в раму. Показавшийся по пояс Иосиф был не Бродский, а сын Иакова, проданный братьями в Египет.

Колдунья метнула в свечу новую горсть трухи, отчего комната наполнилась слепящим мерцаньем, словно от вспышки салюта. Из рамы просунулся лысый старец с морщинистым лбом, в линялой тунике, в завитках седой бороды.

— Иосиф Флавий, ты-то зачем мне нужен!.. Ступай, откуда пришел!..— накричала на философа рассерженная ворожея, загоня пришельца обратно в раму.

Она кидала в свечу магический порошок саламандры, вызывая Иосифа Бродского. Но что-то не складывалось в магическом заговоре. Вместо выкликаемого поэта один за другим по пояс появлялись Иосиф Волоцкий в монашеском облачении, с драгоценной панагией, черно-седой бородой. Иосиф Сталин в маршальском кителе с бриллиантовой Звездой Победы. Иосиф Кобзон в парике из черного каракуля, беззвучно разевавший рот, из которого вылетали тучи мошки. Все они держались за перекладину рамы, высовываясь наружу и что-то силясь сказать. Но рассерженная Толстова-Кац махала на них, загоняла обратно в мир иной.

Наконец, выведенная из себя, она приподнялась из кресла, огромная, гневная, хлюпающая водой Мертвого моря, пропитанная месопотамской влагой:

— Явись, лжец!.. Иначе книгу твою буду сечь лозой, пороть розгой, кину на уголья, превращу в мертвый пепел! — Она швырнула в свечу последнюю щепоть порошка. Комната озарилась фиолетовым светом. Ударил гром. Из рамы, неловко, как перелезают через забор, вылез тощий, угловатый, болезненный человек. Дико вращал глазами, затравленно поворачивая шею. Перенес через раму сначала одну тонкую ногу, потом другую. На нем была длинная, расстегнутая на груди рубаха, белые кальсоны с

тесемками, стоптанные туфли на босу ногу. Так одевают пациентов в сумасшедших домах. Загнанно глядя на мучительницу, путаясь в тесемках, бочком протиснулся меж рядов, добрался до двери, вышел на палубу. Переступил через борт и мягко опустился на воду. Не утонул, а лишь слегка разбередил поверхность. Сутуля плечи, прижимая руки к груди, пошел по водам, удаляясь, переставляя неловкие ноги, тощий, одинокий, в сторону берега, оставляя на воде след, подобный росчерку ветра. Следом, покинув плечо колдуньи, полетела сова, уменьшаясь, переваливаясь с крыла на крыло.

Все, обомлев, смотрели, как уходит по водам Иосиф Бродский.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Шахтерская смена летела в хрустящих брызгах угля, в челночных качаньях комбайна. Степан Климов устал от мотаний, но в его утомлении копились веселье и легкость.

«Люди мы черные, неученые, зато крученые да верченые...— бормотал он, оканчивая ремонт лебедки, проверяя ход барабана.— Хоть свету здесь мало, а видим зорче...»

— Витек! — окликнул он пробежавшего мимо шахтера с кувалдой.— Тупик сажать будешь, подсобить?

— Не откажусь,— отозвался шахтер, светя изо лба туманным лучом, вонзая его в дымную копоть.

Захотелось пить. Степан отвинтил у термоса крышку, сдул набившийся в резьбу уголь. Ухватил зубами алюминиевое горло. Глотнул теплый, отдающий металлом чай. Рядом молодой горнорабочий в белой замусоленной каске грохотал отбойным молотком. Степан залюбовался работой парня, его противоборством с горой. Напряженным упором его ног, головы и плеч, играющих с давлением земли. Парень погружал молоток, налегая гибкими, неотвердевшими мускулами. Достигал острием нервной глубокой точки. Достигнув, уклонялся, отскакивал, давая обрушиться на транспортер черным лепным карнизам.

Степан чувствовал его молодость. Радость его неутомимых движений. Пляску губ, бровей, свежих глаз.

Поймал на себе его молодой быстрый взгляд и смутился.

— Коляня, ты носом-то вертишь, газа больше не чуешь? — спросил он парня.

— Нету! Вчера маленько пахнуло. Должно, один пузырек попался. Сегодня ни грамма,— и снова стал стрекотать.

Степан смотался на нижний тупик, где случилась заминка с осадкой кровли. Помогая горнорабочим, схватил топор, ударив обухом свежий, с сосновой корой, стояк. Работал, открывая замки у металлических стоек, спуская из них давление. Тонким тросиком выдергивал их из-под кровли. Уклоняясь, выхватывал уцелевшее дерево, аккуратно, по-мужицки, складывал в поленницу.

«Об чем мы еще горюем? Об чем другом вспоминаем?» — думал он отрешенно.

Перетаскивал литое тело стойки, прижимая к себе, как ствол миномета. Начиная работать домкратом до нагрева, до пота, до липкого ручья из-под каски. И, пока работал, все время сыпались глыбы.

«Так что же нам, грешным надо? Чего никак не находим?» — думал он, распрямляясь.

Он устал. Было время обедать. Побрел в пустой соседний тупик, где лежали сосновые бревна. На них и уселся, открывая тормосок, где лежали снаряженные Антониной бутерброды, ломоть солонины, куски рафинада.

Почувствовал слабое дрожанье земли, переходящее в тупые удары. Что-то ревело, сипло дышало, гуляло по забоям и штрекам, добираясь до его тупика. На верхнем горизонте, под фрезой комбайна выламывался громадный кусок угля. Бил гигантский взрыв огня, каменных брызг и осколков. Шумное пламя катилось под землей, сжигая бригаду, ломая машины и крепи, обваливая своды. Взрыв метана раскачал преисподнюю, и последнее, что видел Степан,— пляску сосновых бревен, упавшую стену породы, завалившей отсек. Кусок скалы ударил по каске, дырявя пластмассу, оглушая его и слепя.

Есаул был потрясен сеансом колдовства. После исхода Иосифа Бродского рама в кают-компании оставалась пустой. Пророчества поэта, изложенные смутными речениями, зашифрованные стихотворной абракадаброй, запали в душу Есаула. Отпечатались в ней, как криптограмма на мягком воске. В каждом из пророчеств угадывалась гибель врага. План, задуманный Есаулом, был угоден Богу, о чем Творец извещал стихотворными текстами. «Перемена империи» с лазурной рыбой, исколотая булавами, лежала на столе каюты. Поэт, изведенный колдуньей, ушел

по водам в сторону Дубны, и их дружбе не было суждено состояться. От этого сохранялась легкая боль, как от ампутированного, томящего своим отсутствием органа. Он был окружен врагами, которые выводывали «замысел», прибегая к колдовству и коварству. Реализация «плана» намечалась на шестой день путешествия, когда теплоход достигнет намеченной точки. Эта точка существовала в пространстве, затягивала в себя теплоход через волжские разливы, пустынные отмели, озерное безбрежье. Ничем не приметная, была нанесена на корабельную карту, и в эту минуту в ней, быть может, взбухала турбулентная водяная воронка, или плеснувшая рыба распускала стеклянные круги, или ветер клал серебряный отпечаток. Эта точка странным образом совпадала с пулевым отверстием в легких, где, недоступный козням, хранился «замысел».

С этим чувством Есаул покинул каюту и поднялся в ресторанную залу, где предлагался изысканный ужин. Ужин сопровождался представлением юмористов, решивших повеселить гостей, пребывавших после ворожбы в несколько подавленном состоянии.

Сияли крахмальные скатерти. В хрустальных подсвечниках горели розовые свечи. Приборы радовали глаз безупречным столовым серебром. Гости блистали вечерними туалетами и драгоценностями. Мажордом, копия Регины Дубовицкой, голая по пояс, в венке из полевых цветов, с живыми бабочками, трепетавшими вокруг головы, изображала вакханку, которую внесли на руках юмористы Гальцев и Карцев, голые, с набедренными повязками из луговых колокольчиков и ромашек, изображавшие сатиров.

— Дорогие мои,— прельстительно улыбалась она.— Мы собрались на этом «корабле счастья», чтобы радоваться каждой минуте. Как пчела умеет добывать из любого цветка капельку сладости, так и мы должны из каждого мгновения извлекать частицу радости и любви. Сегодня вам будет предложен ужин из деликатесов, составленных несравненным гурманом Михаилом Кожуховым. Мы нашли эти рецепты в его записной книжке, которую чуть, было, ни закопали вместе с ним в вулканическую почву Галапагосских островов, где он безвременно скончался, объевшись червей-людоедов. Кухня, которую вы сейчас отведаете, является прощальным приветом знаменитого гастронома, который неутомимо коллекционировал экзотические блюда народов мира. Он был великий интернационалист, и если бы наша молодежь познако-

милась с рецептами этих блюд, уверена, почти прекратились бы избиения скинхедами папуасов, полинезийцев и жителей острова Кука, которые в последнее время зачастили на вещевые рынки Москвы и Воронежа. Итак, наслаждайтесь, дорогие мои! — Голые сатиры, раздвигая могучими корнеплодами набедренные завесы цветов, унесли прекрасную вакханку, оглашавшую корабль криками влюбленной тигрицы.

Есаул занял отведенное ему место между послом Киршбоу и Францем Малюткой, не оставляя намерений продолжить вербовку. Ибо к моменту реализации «плана», в день, когда теплоход достигнет заветной точки, союз Куприянова и Малютки надлежало расторгнуть, а позиция посла Киршбоу, касавшаяся третьего президентского срока, должна была быть поколеблена.

— Все-таки, куда он ушел? — задумчиво произнес посол Киршбоу, не называя имени Иосифа Бродского, но всем своим опечаленным видом давая понять, что речь идет именно о нем. — Неужели, как говорил ваш великий поэт Есенин, «в ту страну, где тишь и благодать»?

— Убежден, господин посол, если бы вы рискнули сделать запрос поэту касательно вашей будущей судьбы, он бы дал вам понять, что вслед за Кондолизой Райс, после ее постыдных провалов в Ираке и Иране, место статс-секретаря займете вы. И мы в России сделаем все для этого. — Есаул скромно потупился.

— Разве вы можете на это влиять, Василий Федорович? — насмешливо произнес Киршбоу, но было видно, что намек Есаула задел его. — Ваши личные рекомендации утратили важность для Госдепартамента.

— Я не дерзну давать рекомендации Госдепартаменту. Но если, не без моей помощи, вы, господин посол, станете свидетелем уничтожения последней русской ракеты «Сатана», привезете в Пентагон кусочек урановой боеголовки, который сами же и отпилите от смертоносной ракеты, вам в заслугу запишут установление контроля над русскими ядерными силами, а это — прямой путь на вершину Госдепартамента.

— Попытаемся установить контроль над гастрономическими экзерсисами господина Кожухова, а уж потом, бог даст, займемся ракетами, — дипломатично пошутил Киршбоу, хотя было видно, что замечание Есаула его заинтриговало.

Служители на подносах разносили изысканный напиток, напоминавший аперитив для поднятия тонуса. Подносы были уставлены множеством крохотных рюмочек. В каждую головой вниз

был вставлен жук,— скарабей, пойманный на помете нигерийского носорога, жужелица, питавшаяся мертвыми грызунами кенийской саванны, усач-трупоед, гнездящийся в теле мертвого кита. Заостренные спинки жуков торчали из рюмочек, и в каждую была вставлена тонкая трубочка. В жуках, в недрах хитина, содержалось несколько капель перебродившего сока, обладавшего специфическим запахом и несказанно высоким градусом алкоголя. Гости снимали с подносов рюмочки, хватали губами окончания трубок, всасывали пьянящие капли. Почти никого не тошнило. Лишь единицы начинали кашлять и выпучивали глаза. Мало кто плевался и кидал жука в голову прислуги. Большинство поглощало терпкую влагу, мгновенно возбуждаясь и начиная громко разглагольствовать. Прокурор Грустинов быстро опьянел и крикнул через стол предателю Круцефиксу: «Я тебе, как этому жуку, в жопу кочергу вставлю!» На что Круцефикс, осмелев от пьянящего тоника, тонко выкрикнул: «Сам ты — жопа прокурорская, да еще и с ушами!»

— Слушай, Франц.— Есаул наклонился к Малютке, отвлекая его от щебечущей Луизы Кипчак.— Разве не отвратительно это ничтожество — Круцефикс? Подумать только, в чьих руках находится экономика России. Бездарь, вор, макроэкономист, педераст, и при этом все говорят — ему нет замены! Да ты, если станешь министром экономики, дашь ему сто очков форы! Ты — реалист, практик, человек из народа, умеешь деньги считать, любишь Родину. Неужели слабо стать министром?

— А что! — оживился Малютка, которому так понравился перебродивший желудочный сок жука-плавунца, что, выпив напиток, он закусил хрустящим хитином.— Какого хера? Могу стать министром!

На эстраду тем временем вышли забавники-юмористы. Два, то ли армянина, то ли еврея, переодетые в старушечьи кофты и юбки, повязанные платками, стали изображать старческий секс. Старушки смешно приседали, выставляя тощие зады. Комично вращали колючими бедрами, изображая танец живота. Терлись друг о друга грудью, имитируя лесбийскую любовь. При этом окали по-вологодски, цокали по-псковски, шамкали по-смоленски, забавно копируя диалекты русских провинций. Публика за столами, разогретая тоником, смеялась и аплодировала.

Официанты понесли подносы, уставленные небольшими горшочками, напоминавшими тугоплавкие тигли. В них дышали ис-

парениями порции питательного супа, приготовленного из зеленых травяных клопов, красной саранчи с саблевидными отростками, личинок стрекозы с колючими жвалами и ребристыми ногами. Каждый вид бульона или супа обладал особым едким запахом и острейшим вкусом, от которого разрушалась любая посуда, кроме той, что была изготовлена из огнеупорного фарфора. К супу полагалась приправа из перетертых стрекозиных крыльев, перемолотых божьих коровок, вороха сушеных комаров, которые, будучи брошенными в суп, размокали и становились совсем как живые. Гости расхватывали горшочки, выпивали залпом, обжигались, набивали щеки сушеными комарами и мухами. У некоторых разъедались стенки желудка. У других оживали кишечные язвы. Но большинство ело да нахваливало, просило добавку. Модельер Словозайцев, падкий до всего экзотического, поперхнулся, стал ужасно кашлять. Сидевший рядом губернатор Русак принялся жестоко дубасить его по спине, пока из кутюрье ни вылетел оживший майский жук.

— Послушай, Франц, доколе все наши русские недра будут принадлежать Абрамовичу, Фридману, Вексельбергу? Ты станешь министром и своей русской, патриотической волей отберешь народное богатство у захватчиков. Недра будут служить народу. Ты станешь развивать реальную промышленность, восстановишь загубленные отрасли — электронику, самолетостроение, космическую индустрию.

Есаул вдохновился своей мечтой, вовлекал в нее Малютку, который одним махом выпил суп из кампучийских шмелей и, воспользовавшись рассеянностью супруги, проглотил ее порцию бульона из тарантулов вместе с горсткой сушеных пауков-косиножек.

— Абрамович еще ничего, — Малютка выплюнул на ладонь сухие паучьи ножки, — Абрамович чукчей научил играть в ягельбанн. Но этот, блин, Вексельберг всех достал своими фальшивыми яйцами. Стану министром, разберусь с молотком, где у него настоящие, а где Фаберже!

На эстраду вышел одесский юморист и стал комично изображать пьяного русского мужика. Рыгал, сморкался двумя пальцами, держался за стенку, матерился, звал Машку, расстегивал ширинку, орал песню «Ой, мороз, мороз...», ползал по-собачьи, мочился в зал, бился головой о стену, ругал евреев, а потом поскользнулся, шмякнулся в грязь, да там и заснул, к великому удовольствию гостей, которые хлопали и смеялись.

Вторые блюда, разносимые официантами, поражали географическим разнообразием и вкусовой гаммой. Биштекс из жуков-пилигримов, пойманных в Коста-Рике. Отбивные из мякоти больших гусениц, обитающих на кувшинках Ганга. Вырезка из мяса пауков-птицеедов, родом из Сьерра-Невады. Рагу из комаров-толкунов, плодящихся у озера Танганьика. Сациви из акрид, пойманных в горах Тибета. Жульен из лесных сверчков, с островов Зеленого Мыса. Пельмени с начинкой из водяных блох, изобилующих в Карибском бассейне. На отдельном подносе, на изящной тарелочке, стояло блюдо, едва не стоившее жизни гастроному Михаилу Кожухову, — огромный розовый клещ, снятый с австралийского кенгуру, фаршированный молью, пойманной на свет фонаря в джунглях Бразилии, с приправой из раздавленных ос-наездниц, гнездящихся в старых пнях Мадагаскара. Официанты предлагали это блюдо гостям. Те вежливо отказывались, пока мадам Стеклярусова ни сняла с подноса разбухшего клеща, насадив его на зубочистку, — сунула в рот тувинца Токи, который с каменным лицом проглотил опасную пищу. Пять минут в зале стояла гробовая тишина, все ждали, что тувинец умрет. Но у того случился лишь краткосрочный обморок.

— Франц! — Есаул шептал на ухо Малютке страстным шепотом мечтателя. — Брось Куприянова, он пустой! Окончательно загубит Россию! Отдаст в концессию иностранцам леса, воды, нефть, уголь, рыбные угодья, медные прииски! Тебе нет места в экономике, которую он станет насаждать! Возьмет твои деньги на предвыборную компанию, а потом тебя кинет! Оставайся со мной!

— Вася, ты — хороший парень, но ты проиграл. Тебя самого кинул Президент Порфирий. А Куприяныч слово сдержит, даст мне мою долю. К тому же, Луизка от него без ума. Велит мне ему помогать. А ты ведь знаешь, что она меня держит за яйца. Настоящие, а не Фаберже! — загоготал Малютка и кинул в свою огнедышащую пасть горстку горных пчел Гиндукуша.

Пародистка на подиуме изображала девочку-проститутку, сдающую экзамен учителю. Задирала юбку, показывала учителю ягодицы, открывала живот с пупком, материлась, подсовывала педагогу презерватив, надувала его и при этом что-то лепетала про Пушкина, про Александра Невского, про Дмитрия Пожарского. Все потешались до слез.

Слуги разносили завершающий десерт — компот из вошек, что кормились на эфиопских мартышках. Сироп из тли, плодя-

щейся на орхидеях Боливии. Бисквит из «песых мух», тех самых, которыми Господь мучил египтян, заставляя отпустить на волю евреев. Этих последних, не евреев, разумеется, а мух, шаловливая шляпа Боярского сажала на лысинку Жванецкого. Владелец оной жалобно вскрикивал и начинал чесать свою тыковку совсем по-собачьи.

— А теперь, дорогие мои,— возгласила мажордом Регина Дубовицкая, изрядно помятая двумя сатирами, которые утомленно и пресыщено вносили ее на руках, стыдливо поправляя травяные набедренные повязки.— Теперь, дорогие мои, станем играть в увлекательную игру «Разбуди в себе зверя!». Пусть каждый постарается изобразить какое-нибудь животное, которое скрывается в его человеческой сущности. Самым талантливым будет позволено поцеловать ножку нашей обольстительной Луизы Кипчак,— чем талантливей, тем выше. Итак, «Разбуди в себе зверя!» — Регина Дубовицкая оскалила зубы и зарычала, словно тигрица, отчего оба сатира бросили ее на пол и испуганно убежали.

Гости оставались за столами, по которым ползали ожившие божьи коровки, разноцветные жучки, прозрачные червячки — все, что значилось в предсмертном меню Михаила Кожухова, посвятившего свою жизнь пищеводу, желудочному соку, перистальтике и тому последнему отрезку туннеля, в конце которого виден свет. На подиум, где еще недавно господствовали смехачи, стали один за другим выскакивать талантливые изобразители животных, поражая воображение сходством с тем или иным диким зверем.

Первыми выкатились негры новоорлеанского джаза, шумным веселым клубком, изображая шимпанзе. Скакали, скалили зубы, почесывались, играли в чехарду, повизгивали, дрались из-за банана, отыскивали друг у друга вошек, отталкивались всеми четырьмя конечностями от пола, распространяя характерный запах, по которому в зоопарках отыскивают обезьянник. Гости наградили талантливых негров аплодисментами, а Луиза Кипчак, скинув хрустальную туфельку, позволила джазистам поцеловать кончики пальцев, мерцающих перламутровым педикюром.

За ними на помост запрыгнули одесские скрипачи. Они изображали стаю беспризорных кошек — визжали, драли друг друга когтями, лазали по помойкам, задрав хвосты, гонялись кругами, злобно шипели, пляли зеленые злые глаза, попадали под проезжие автомобили. А когда появилась раскормленная дворо-

вая крыса, разом бросились на нее и разодрали. Но есть не стали, а положили на стол к Круцефиксу. Всем понравилась выходка одесситов,— хлопали, свистели, делали «кыс-кыс». Одесситы были награждены тем, что их допустили к ножке, и они целовали сахарную косточку. Но были биты, когда пожелали просунуть головы глубже под юбку.

Следом на подиум вылез Добровольский, изображая гиену. Жутко скалил зубы, наливал кровью глаза, истощно выл на луну. Рыскал по саванне в поисках падали. Грыз позвонки и ребра антилопы, оставшиеся после пиршества львов. Отгонял лапой зеленых трупных мух, норовивших сесть ему на глаза. Источал тлевающее зловонье, от которого Дезодорантов, страдавший отсутствием носа, и тот прикрыл лицо надушенным батистовым платочком. Был удостоен призом,— Луиза Кипчак приподняла край пышной юбки, и стариковские губы сладострастно коснулись хрупкой щиколотки, которую он долго не хотел выпускать из своих склеротических рук.

Есаул рассеянно наблюдал забаву. Легкомысленные игрища и фrivольные проказы не могли обмануть его аскетический ум. Теплоход, увитый гирляндами, полный увеселений и роскоши, был местом жестокой схватки. Соперничали его сокровенный «план» и коварный «проект» врагов, искавших его смерти. Малейшая оплошность, неверно сделанный шаг, неосторожно произнесенное слово могли его погубить. Он оставался начеку. Ни на секунду не утрачивал бдительность. Своим всевидящим лобным оком усматривал тайные козни, прозревал опасности. Продолжал приближать желанный миг, когда теплоход достигнет заветной точки и настанет время поступков.

Игра в зверей между тем продолжалась. В каждом обнаруживалось диковинное животное, просыпался тотемный зверь, оживала первобытная природа. Губернатор Русак демонстрировал поразительное сходство с дикой свиньей. Хрюкал, рыхлил рылом землю, свирепо выставлял загнутые клыки, горбился, топорщил щетину, подрывал вековой дуб, хрустел желудями, оставлял на опушке леса свежий помет, по которому его могли отыскать охотники и пустить в косматый бок смертоносный жакан. Свиноподобие было поразительным. На руках и ногах Русака образовались раздвоенные копыта, цокая которыми он подбежал к Луизе Кипчак, ткнулся мокрым рылом в ее обнаженную ногу, и это означало поцелуй в теплую икру, чуть прикрытую цветастым подолом.

Его сменил Словозайцев. Жеманно приподнял одну ногу, согнув ее в колене. Остался стоять на другой, изображая фламинго. Грაციозно наклонил шею, приоткрыл большой загнутый клюв. Отражался розовым опереньем в мелком заливе, похожий на нежное утреннее облако. Толкнулся о воду, расплескав мелкие брызги, плавно полетел, вытянув длинные ноги. И казалось, в воздухе плывет розовый нежный платок, опускается перед Луизой Кипчак. Из-под платка высунулось круглое ушастое лицо Словозайцева, полезло оттопыренными губами целовать жемчужно-белое колено красавицы.

Не все и не сразу догадались, кого силится изобразить мадам Стекларусова. Она оседлала тувинца Току, который двигался на четвереньках, а его повелительница взгромоздилась ему на круп, ерзала, втираясь в него ягодичками, при этом жужжала, вращала руками, выпучивала глаза. «Ты кто? Ты кто?» — посыпались вопросы из зала. «Я — оса-наездница. Откладываю яйца в шмеля». Сходство обнаруживалось с трудом. Женщина-оса была удостоена меньшей, чем другие, награды, — поцелуя в пятку.

Есаул смотрел на стада диких животных, в которые превратились аристократы и знаменитости, властители дум и кумиры толпы. Прелестная Луиза Кипчак своей волшебной властью срывала человечьи обличья, под которыми обнажались звериные личности — лязгали клыки, стучали копыта, раздавались визги и завывания, храпы и клекоты. Есаул вслушивался в себя, стараясь рассмотреть своего тотемного зверя, угадать свою звериную сущность. Испытывал неодолимое влечение кинуться через плечо, облечься в звериную плоть прародителя и добиться сладостной награды — поцелуя в белую, сильную, теплую ногу красавицы, милостиво выставленную напоказ. Почувствовал, как утончается его тело, становится гибким и длинным, собранное из мерцающих разноцветных колечек. Увеличиваются непомерно глаза, занимая всю голову, превращаясь в голубые стеклянные шары, в которых прелестная Кипчак с обнаженной ногой двоится, троится, множится в калейдоскопическом разнообразии. Из лопаток вырастают шуршащие, стеклянно-прозрачные крылья, четыре стремительных лопасти, пронизанные хрупкой сеткой прожилок. Легко и счастливо, в блеске и трепете, он взмыл над лесом, над цветущим лугом, помчался в сладком ветре, перевертываясь на солнце, включаясь в хоровод с другими, такими же, как и он, розовыми, голубыми, золотыми стрекозами.

Было несомненно, его тотемный зверь — стрекоза, хищная и прекрасная, неутомимая и деятельная, летучая и стремительная. Есаул оставался недвижим, чувствуя, как в лобной глазнице слабо шевелится реликтовый стрекозиный глаз, способный различать легчайшие оттенки цветов, тончайшие переливы чувств.

Зверинец между тем пополнялся все новыми особями. Круцефикс отливал змеиной чешуей, стелился пустынной гадюкой, сворачивался в клубок, поднимался на хвост, открывая зев в маленькой костяной голове, где трепетало шипящее жало. Укрывался в белом конском черепе, терпеливо дожидаясь, когда престарелый князь поставит ногу на кость умершего любимого коня. Извиваясь, он подполз к Луизе Кипчак, проструился по голой ноге вверх к колену, нырнул под платье, и все ждали, что красавица вскрикнет от смертельного укуса. Но змей с библейских времен умел обращаться с женскими прелестями, поэтому лицо Луизы изобразило сладостную негу, и она, повернувшись к Малютке, обморочно прошептала: «Адам!..»

Прокурор Грустинов превратился в африканского бегемота. Тряс кожаными, в морщинах и трещинах боками, валялся в грязи, открывал громадную, розовую, полную белых клыков пасть. Погружался в гнилую теплую воду, выставя чуткие вулканчики ноздрей, из которых выдувались липкие пузыри. Прочавкал к Луизе Кипчак, неся на спине гору мокрой глины. Ткнулся в колено губастой харей. Полез, было, под подол, но получил удар пяткой в лоб, мотнул башкой и послушно побрел на место.

Спикер Грязнов принял обличье ежа. Елозил острой мордочкой, чихал, мерцал темными глазками, цокал коготками. То зарывался в груды палой листвы, и там раздавался беспокойный шорох. То выкатывался клубочком наружу, неся на иголках вялый грибок, сухой листик, сладкую ягодку. Шмыгнул к Луизе, натолкнулся на сброшенную туфельку. Сжался в колючий шар, который понемногу раскрывался, умягчался, освобождая пугливое любопытное рыльце. Полез целоваться, скобля гладкую белую ногу смешными коготками, милостиво допущенный к пышному открытому бедру.

Есаул увидел, как пробирается меж столов высокий статный помощник Малютки, неся на вытянутой руке мобильный телефон, в полупоклоне, почтительно, словно крохотную икону, которая переливалась голубоватыми огоньками. Поднес к Малютке:

— Франц Егорович, вас вызывает центральный офис! — протянул хозяину священную ладанку.

Малютка прижал в кулак драгоценную вещицу. Казалось, сожмет, она хрустнет, как раковина, и на ладони, среди хрупких осколков, останется розоватый моллюск.

— Слушаю... Что-что?.. Когда?.. На каком участке?.. Какие жертвы?.. Говорил вам, мать вашу, аварийная шахта, воздержитесь от эксплуатации!.. Рентабельно, хуябельно!.. Теперь на меня двадцать трупов повесят!.. А я сказал: заткнись!.. На хер мне твои советы!.. Жди распоряжений!.. Сейчас позвоню в Воркуту!..

Он стал подниматься, желая покинуть шумную залу и перейти в тихое помещение, чтобы оттуда выяснить размеры случившейся на шахте аварии. Но Луиза Кипчак зорко, хищно блеснула глазами, схватила его за руку:

— Франтик, ты куда?

— Да тут такое несчастье. На воркутинской шахте авария. Двадцать горняков завалило. Видимо, насмерть. Пойду выяснять, как случилось.

— Останься, Франтик. Не нарушай нашу чудесную игру. Не делай всех нас жертвами этой ужасной аварии.

— Не могу, дорогая. Надо узнать. Там же люди, их женщины, дети. Надо организовать спасательные работы.

— Франтик, работы организуют без тебя. Здесь тоже люди и женщины. Не нарушай наш прелестный праздник.

— Я пойду.— Он стал подыматься из кресла, переступая через какого-то телеведущего, изображавшего таксу.

— Останься, приказываю! — гневно воскликнула Луиза Кипчак.

— Извини, я пойду.

— Ах, так! — И она влепила мужу пощечину, столь громкую, что было слышно во всех углах зала.

Малютка сник, как укрощенный дрессировщицей зверь. Послушно уселся. Луиза ослепительно улыбалась, гладила его по загривку, приговаривая:

— Вот и умничка!.. Хороший, хороший!.. Представление продолжалось.

Телемагнат Попич превратился в большого пестрого дятла с рябыми крыльями и красным хохолком. Долбил костяным носом ножки столов и стульев, выковыривая из них спящих личинок. В подставленное колено он так сильно долбанул клювом, что Луиза вскрикнула и вышвырнула дурную птицу на палубу.

Министр обороны Дезодорантов изображал дохлую, всплывшую в проруби рыбу, задохнувшуюся от замора. Лежал на боку,

картинно утопив квелый хвост. Мертвенно смотрел круглым немигающим глазом. Разлагался, полнился червячками и пиявицами и был так неаппетитен, что его не допустили к ноге и место, где он успел побывать, побрызгали духами.

Зато Куприянов великолепно преобразился в крокодила. Длинный, зазубренный, с шершавой зеленоватой кожей и могучим хвостом, словно торпеда, пересекал мутные воды Лимпопо. Набрасывался с урчаньем на зазевавшуюся у водопоя антилопу, вонзал в шелковые бока пилообразные зубы, тащил кричащую жертву на дно, превращая омут в кипящее месиво, окрашенное ржавой кровью. Он был так привлекателен, так желанен, что Луиза Кипчак протянула обнаженную ногу с нежными шевелящимися пальчиками. Куприянов, он же аллигатор, покрывал поцелуями узкую стопу, розовую пятку, сахарную белую косточку, хрупкую лодыжку, волнующую икру, перламутровое колено, белое сильное бедро. Все выше и выше, легонько отбрасывая шелковый подол, пока не открылся таинственный уголок божественного тела, где завершалась нога и начиналось нечто, что было усыпано бриллиантами, которые сверкали, словно летящая по небу россыпь звезд. Луиза томно закрыла глаза, положила белоснежную руку на голову Куприянова, поощряя его нетерпение.

Но с кресла вскочил ревнивец Малютка. Превратился в косялапого гигантского медведя. Дико взревел, когтистой лапой отшвырнул крокодила. Сгреб в охапку молодую женщину, точно так же как его сородич поступил с пушкинской Татьяной Лариной. Под восторженные клики гостей повлек ее в каюту, откуда на весь теплоход прозвучало:

— Здесь и сейчас!..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Степан Климов очнулся после тупого удара в голову. Близко у глаз лежала пластмассовая каска с горящей шахтерской лампой. Белый луч мертвенно ярко упирался в каменную глыбу. В полосе света летала пыль. Нога болела, в глазах была резь, на зубах скрипел дробленный камень. Приходя в себя, он понял, что случилось то страшное, что витало над ним каждый раз, когда опускался в шахту, тонкой прослойкой страха, подобно кварцевой жилке, залегало в уме. Случился метановый взрыв, и его завалило. Он за-

мурован в каменной подземной дыре, над ним гигантская толща, вокруг непроницаемый камень, и тесный объем, в котором находилось его побитое тело, сжимается от непомерной тяжести.

«Стоп... Спокойно... Живой... Откопают... Свои своих не бросают...» — Он старался одолеть ужас, унять озноб. Знал, что весть об аварии разнеслась по шахте, по городу. Уже мчатся бригады спасателей, опускаются в ствол, пробиваются к месту завала, — отбойные молотки, огнетушители, шланги с водой, баллоны с кислородом, — все направлено в дело. К нему уже рвутся товарищи, и он станет им помогать — пробиваться навстречу.

Степан нахлобучил проломленную каску, из которой, как белое лезвие, бил луч. Ощупал разбитую ногу.

Ухватил торчащий обломок камня, отвалил. Услышал, как зашуршали, забили в каску мелкие камни, и было страшно, что свод обвалится, накидает ему на плечи острые глыбы. Он ощупывал обломки, раскачивал, извлекал, как огромные гнилые зубы. Оттаскивал в сторону.

Пробирался туда, где навстречу сквозь осыпи и завалы приближалась подмога.

«Свои своих не бросают...» — думал он, ломая ногти о камень, отваливая ломти породы. Выбился из сил. В каменной дыре, где он оказался, стало душно. Работая, он выпил весь воздух, надыхался в пещеру свои горячие ядовитые выдохи.

Натянул кислородную маску, жадно всасывая сладкую струю кислорода. Свет лампы был бел и яркок. Камни, которые попадали в луч, казались осколками луны, шершавыми метеоритами. Он хватал их цепкими пальцами, что есть силы, раскачивал, отволакивал. Разбирал кладку громадной крепостной стены, в которую был замурован. Работал истово, с хрипом, покуда не уперся в сплошную скалу, без трещин и выбоин, которая как каменная, запертая наглухо дверь, загородила выход. Ударил в нее кулаком, словно хотел достучаться до тех, кто был по другую сторону двери. Звук не получился. Удар кулака ушел в скалу и окаменел в ней, лишь увеличив ее толщину и тяжесть.

«Все, мужики, конец... Теперь только вы, а не я...» — Степан опустился на камни, как опускается обессиленный узник на глухой пол каземата.

Он старался представить картину забоев и штреков, где случилась авария. Взрыв был такой силы, что сплющил железо комбайна, исковеркал транспортер, разбросал вагонетки. Взрывная волна растерзала людей. Уголь горел, продолжая отравлять про-

ходы и щели. Пласт пламенел, как громадная красная печь, оплавляя сталь, сжигая тела. За плитой скалы, преградившей ему дорогу, был жуткий крематорий, где горели кости, железо и камень. Ему стало страшно, он отшатнулся от плиты, вдавливаясь в угол, желая спрятаться за уступ.

«Мужики, выручайте... Я здесь... Я живой...»

Вдруг остро, слезно подумал о жене Антонине. О дочках, об их хрупких телах, бледных болезненных лицах. О нерожденном сыне Алеше. Что больше их никогда не увидит.

«Тоня, родная, да как же у нас получилось... Да как же нас с тобой разлучают...»

Он снова кинулся к глухой шершавой плите. Навалился плечом, хрипел, надсаживался, желал ее сдвинуть. Слышал, как трещат и рвутся в нем жилы, откупориваются сосуды, кровь жарко хлещет в глазницы, в гортань, в желудок.

«Господи, помоги!..— молился он, ударяя в камень плечом.— Отвали сучий камень!.. Сам завалил меня, Господи, сам теперь и отваливай!.. А иначе, какой ты Господь!.. Значит, нет тебя, Господи!.. А ты ведь есть!.. Эту землю создал, сотворил эту глыбищу!.. Вот и сдвинь ее в сторону...»

Он молился, роптал. Колотился плечом о камень. Царапал его и кусал. Прогрызал дыру. Плевал, желая размягчить породу, выцарапывая из нее малые крошки. Обессилел и сник. Сполз вдоль плиты, выпивая последние глотки кислорода, зная, что их осталось на донце.

Свет стал тускнеть. Луч, отраженный рефлектором, утратил свою белизну. В нем появилась горчичная желтизна и мутная тусклость. Аккумуляторы садились, и скоро настала тьма. Кислород иссякал, дышать становилось труднее.

Он заорал под маской, выкрикивая страшную ругань. Поносил начальство, неведомого хозяина шахты, что грабил их и гнобил. Задерживал зарплату, гонял на износ оборудование, сгубил вентиляцию, обрекая шахту на взрыв. Сквернословил, колотил кулаками в плиту, сшибая с кулаков мясо.

Вдруг ослабел и сник. Его посетила слабость. Равнодушие ко всему и усталость. Не хватало жизненных сил на ненависть, крик и молитву. Не хватало сил на любовь и нежность. Он свернулся калачиком, как младенец в утробе матери. Земля была его матерью. Пещера — утробой, куда он вернулся, как эмбрион, чтобы больше никогда не родиться.

Погружался в забытие и спячку. И в этой сонной одуре вдруг увидел зеленую траву, край синей реки. Антонина, молодая и чудная, выбредает к нему из воды, протягивает желтый цветок кувшинки.

«Тонечка, люблю тебя... Алешку моего береги...» — Степан забылся, остывая среди камней, сам превращаясь в камень.

Теплоход плыл под северной негаснущей зарей, в голубых разливах, и, казалось, кто-то невидимый манит корабль печально-волнующим отражением, влечет в беспредельные дали. Заря раскрывала свои загадочные объятия, погружая корабль в таинственную бесконечность, куда можно уплыть, но откуда невозможно вернуться.

Обитатели кают были равнодушны к голубой заре и великолепным разливам. Не видели легкого серебристого облака, похожего на перо бесшумной птицы, что пролетела над землей, явившись из бездонного Космоса,— взглянула на грешную планету и канула в Мироздании, оставив в небе знак своего пребывания. Обитатели теплохода, отведав экзотических блюд из предсмертного меню гастронома Михаила Кожухова, были исполнены эротического возбуждения, какое производят в дикарях Полинезии, Африки и Латинской Америки умело приготовленные насекомые. Пассажиры корабля предавались неудержимой оргии.

Оператор Шмультрихтер, как ночной охотник, был преисполнен азарта, творческой одержимости. Переключал мониторы, каждый из которых присылал изображение скрытой камеры, наблюдавшей забавы и фантазии обитателей кают. Иногда, когда зрелища требовали удвоенного внимания, поражая своей эксцентричностью, Шмультрихтер подбегал к дверям каюты, просовывал в замочную скважину гибкий световод с глазком и, вращая жгут, снимал эффектные ракурсы, фиксируя один и тот же план с двух разных точек. Затем торопливо возвращался в каюту, чтобы не утратить общей картины оргии.

В каюте колдуньи и злой волшебницы Толстой-Кац совершалось невероятное. Хозяйка, сбросив обременительные покровы, огромная, толстобокая, состоящая из гигантских шаров, глубоких складок, волнообразных жировых отложений, с распущенной гривой волос, с косматыми рыжими зарослями между слоновьих ног, занималась любовью с двумя неграми из новоорлеанского джаза. Трубаچی, блестящие, в черном поту, оставшись

в одних галстуках-бабочках, заседали на нее с двух разных сторон, как горняки, пробивающие гору с противоположных склонов, желая скорейшего соединения туннелей. Скрипач из одесского квартета наярывал на скрипке, мотая прядями, раскрывал на мгновение глаза и тут же с ужасом их захлопывал. Визг еврейской скрипки, аханье колдуньи, косноязычные английские ругательства мешались с гулом горных работ, подземными взрывами, хлопаньем грунтовых вод, которые щедро заливали каюту. В момент, когда встречные туннели, казалось, должны были сомкнуться и долбящие приспособления уже почти касались друг друга, колдунья вдруг исчезла, превратилась в эфир, растаяла в воздухе, оставив двух негров стоять, совершенно голых, растерянных, с воздетыми орудиями, среди мокрой лужи.

Нечто совсем иное наблюдалось в каюте известного кутюрье Словозайцева. Две манекенщицы, слывшие его фаворитками, двухметровые, одинаковые, почти лишенные плоти, гибкие как лианы, с огромными глазами тропических бабочек, уложили голого кутюрье в просторную ванну. Плеснули шампунь, сами погрузились в перламутровую благоухающую пену, обвивая Словозайцева ногами. В глубине невесомой, дивной субстанции касались пухлого детского тела маэстро, отыскивая на нем то, чем так скромно наделила его природа. Это «нечто» было не крупнее двух перепелиных яиц, такое же рябое, хрупкое, с нежной желтизной. Проказницы сначала перебирали эти маленькие изящные четки, вызывая на круглом голубоглазом лице модельера детское блаженство, а потом внезапно сдавливали податливые шарики, отчего Словозайцев, весь в пене, окруженный перламутровыми пузырям, с воем вылетал из ванны и начинал метаться по каюте. Баловницы выходили из воды, со смехом ловили обезумевшего кутюрье, щекотали, покрывали поцелуями то небольшое, что выдавало в нем мужчину. Обвязывали вокруг этих трогательных остаточных органов шелковую ленточку и водили маэстро по каюте, выгуливая, давая успокоиться. Кутюрье поддавался на хитрость, успокаивался, начинал рассказывать красавицам, как сложно ему было потерять невинность, обладая столь незначительными достоинствами. Девы сочувственно слушали, а потом неожиданно, со смехом роняли Словозайцева в ванну. Он тонул с головой, терялся из вида, и лишь шелковая ленточка позволяла женщинам вновь отыскать его в пучине вод. Перебирая тесьму, они, в конце концов, находили то, что искали,— извлекали из морских глубин две жемчужины, величиной с крупный горох, которых хвата-

ло лишь на то, чтобы украсить ими девичий кокошник из новой коллекции Словозайцева «Русский жемчуг».

Два друга и единомышленника — прокурор Грустинов и спикер Грязнов — сошлись в одной каюте. Пригласили двух немолодых поварих из корабельного ресторана. Установили их посреди каюты в позе львов, на которых обе были удивительно похожи, — большие растрепанные головы, мускулистые зады, отвислые животы и могучие, тянущие к земле груди. Оба государственных мужа напали на женщин с тыла, словно страхась встретиться с ними лицом к лицу, — мяли им бока, сильно ударяли в зады, будто хотели спихнуть с пьедесталов. Женщины не обращали на них никакого внимания. Не успев поужинать, они поставили на пол тарелки с котлетами, гуляш с картофельным гарниром и ели, лишь иногда недовольно оглядываясь, когда толчки оказывались слишком сильными и мешали проглотить кусок. «Мань, а Мань, ты вроде маленько не досолила», — говорила одна, прожевывая котлету. «Да нет, Нюр, соли нормально. Ты майонезом полей», — отвечала другая. Грустинов и Грязнов вслушивались в разговоры женщин, надеясь услышать что-нибудь для себя важное и полезное. При этом не забывали о главном. Казалось, они заколачивают сваи в тяжелый каменистый грунт, чтобы опоры могли выдержать всю тяжесть будущего строения. «Мань, а Мань, ты завтра когда встаешь?» — спрашивала одна, дожевывая и вытирая губы локтем. «Мне во вторую смену, отосплюсь хоть маленько», — отвечала другая, ковыряя в деснах зубочисткой. Грустинов и Грязнов переглянулись, поплевали на ладони и с криком: «Три-четыре!», — с новой силой принялись месить бока поварих, с огорчением убеждаясь, что за все время изнурительного труда им удалось сдвинуть женщин всего лишь на пять сантиметров.

Обитатели кают радовали выдумками, ни в чем не повторяя друг друга. Шмультрихтеру оставалось только снимать, да охать, да засовывать свой чувственный нос в замочные скважины, да облизывать сальные губки длинным языком муравьеда, радостно вздыхая, когда очередная любовная сцена напоминала аттракцион Эйзенштейна.

В каюте мадам Стеклярусовой шла азартная охота на зверьков. Принципам охоты восприимчивая женщина научилась у звероловов тувинской тайги и теперь с успехом применяла их в комфортабельном люксе, где не было столетних пихт, первозданных озер и благоухающих цветами долин. Мадам Стеклярусова, обна-

женная, возлежала на кровати, прикинувшись лесистым предгорьем, разведя колени, как это делают склоны гор, образуя распадок. Ловушка в виде маленькой темной норки была прикрыта пушистым мхом и лишайниками, создавая иллюзию убежища, в котором гнезятся небольшие таежные зверьки — бурундуки. Сам зверек, вернее его искусное чучело, был помещен у входа в норку, — милое смешное создание, золотистое, в черных полосках, напоминало белку. Этот подсадной неживой зверек служил приманкой для настоящих, живых, которые в немалом количестве содержались у тувинца Токи в плетеной корзине. Он раскрывал корзину, выпускал зверьков на волю и начинал двигаться по каюте, обнаженный, могучий, как божество, грохотал в бубен, издавал зычные клики, гоня зверьков к мадам Стеклярусовой. У той, искусной во всяком притворстве, не вздрагивал ни единый мускул. Лишь слегка волновался низ живота, сообщая чучелу бурундука легкие трясения. Живые зверьки, очумев от грохота бубна, метались по каюте. Замечали одного из своих собратьев, преспокойно восседавшего у входа в спасительную норку. Кидались в ловушку, исчезая в ней. Мадам Стеклярусова быстро сдвигала колени, и ловушка захлопывалась. Зверь был пойман. Тувинец Тока ловко вытаскивал добычу из ловушки, сдирал с бурундука шкурку, тут же расправлял мездрой наружу, оставлял сушиться. Продолжал увлекательный гон — бил в бубен, топотал, зычно кричал, загоня обезумевших бурундуков в западню. Охота длилась часами, пока все зверьки не побывали в норке у мадам Стеклярусовой, что кончалось для обитателей тайги весьма плачевно. Когда охота была закончена, шкурки в изобилии сушились на спинках стульев, оба охотника, утомленные, отекая потом, лежали обнявшись под балдахином.

Губернатор древнерусского города Русак предавался своей любимой забаве. К кровати на цепи был прикован белый, с подпалинами бультерьер, в наморднике, изрыгая хрипы, кровавую слюну, с красными, набрякшими ненавистью глазами. Русак стегал пса ременной плетью, приговаривая: «Ах ты, пес-рыцарь поганый, изведай-ка русскую статью! Чтоб неповадно было на Русь-матушку с мечом приходить! Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Хлестал собаку, высекая на мускулистых боках рубцы. Становился на четвереньки, рычал, брызгал слюной, приближал свою голову к собачьей пасти. Бультерьер что есть мочи рвал цепь, стараясь дотянуться до ненавистной головы, мечтая разорвать мучителя. Доведя бультерьера до безумия, губернатор быстро раздевался донага, напяливал на себя доспехи пса-рыцаря — шлем

с железными рогами, стальные латы, кованую кольчугу. Приговаривая: «Эх, коротка кольчужка», — вставал на четвереньки, поворачивая к собаке зад — единственное место, не прикрытое сталью. Пятился к разгоряченному псу. Бультерьер набрасывался на мучителя, начинал страшно грызть доспехи, ломал зубы, плевался кровью. Русак что-то бормотал по-немецки, крутил задом, пока обезумевший зверь не находил единственное, не прикрытое броней место. Вонзался в него не зубами, а своим кобелиным острием, поражая ненавистного соперника до самой печени. Они боролись, гремели доспехи. Их удвоенную тяжесть больше не выдерживал лед, начинал крошиться, ломался. Оба, любя и ненавидя друг друга, как истинные немец и русский, погружались на дно Чудского, пропадая среди льдин и пузырей.

Посол США Александр Киршбоу, в чем мать родила, был привязан к спинкам кровати врастяжку крепкой корабельной веревкой. Уже знакомая барышня из корабельной прислуги, освободившись от мешавшей ей белой формы, бюстгалтера и трусов, являла собой великолепное произведение бодибилдинга. Мощные бицепсы, рельефные дельтовидные мышцы, накачанный пресс, груди, своей плотностью напоминавшие боксерские груши, — все литое, натертое кремом, бронзовое и звенящее. Барышня, с самого начала полюбившаяся послу, смотрела на него, как смотрит белый человек Оклахомы на презренного негра. Время от времени наносила точные удары по рыхлому, начинавшему полнеть телу посла. При этом приговаривала: «Вот тебе, американская сволочь!.. Янки, гоу хом!.. Руки прочь от Ирака». После каждого удара посол вздрагивал, стонал, лепетал по-английски: «Уанс мор!.. Эгейн!.. Стронгер!..» Барышня хорошо знала английский. Била под дых, в печень, в скулу, доводя до кипения бушевавшее в американце наслаждение. «А это тебе за узников Абу-Грейб... А это за узников Гуантанамо!» Когда содержимое посла достигло точки кипения, барышня схватила его за горло натренированной рукой и стала душить, с любопытством глядя, как бурлящее молоко перетекает через край, и в нем плещутся миллиарды нерожденных американцев, в большинстве своем — сторонники Республиканской партии. Посол в изнеможении, весь избитый, с фингалом под глазом впал в забытие, успев прошептать: «Только пенку, пенку не ешь!»

Добровольский, положив под рыжий парик мелко наколотый лед, опоясав себя бандажом, охлаждавшим разгоряченные семенники орангутанга, никак не желавшие приживаться, зани-

мался рыбной ловлей. Как заправский рыбак, сидел на раскладном стульчике перед небольшим бассейном, словно на берегу водоема. В руках у него была удочка с катушкой и прочной леской. В бассейне плавало несколько девушек из числа манекенщиц. Добровольский забрасывал удочку с нарядным поплавком и грузилом, но вместо червя леска заканчивалась цветной, нарядной карамелькой. Как только карамелька падала в воду, к ней бросались игривые девушки, хватали ее губами, начинали заглатывать. Поплавок дергался, Добровольский подсекал, и та, что держала в губах конфетку, появлялась на поверхности. Добровольский ловко орудовал удочкой, приговаривая «Попалась, рыбка моя!.. Теперь не уйдешь!» То отпускал леску, то снова напрягал, неуклонно подтягивая добычу к берегу. Когда девушка-рыба уже плескалась на отмели, Добровольский брал сак, умело подводил под утомленное тело и вытаскивал добычу на берег. Ячея сачка облежала ягодицы пойманной красавицы, плотно липла к животу. Добровольский притягивал к себе девушку-рыбу и своими губами старался вырвать из губ красавицы сладкую карамельку. Это не сразу ему удавалось. Между ними происходила борьба. Наконец карамелька оказывалась во рту Добровольского, тот ее проглатывал, а девушку сажал на кукан — продергивал ей в рот заостренную ветку ивы, вытаскивая за ухом. Девушка, слабо подрагивая, висела на кукане, а Добровольский, весь в чешуе, в рыбьей слизи, насаживал на леску новую карамельку и снова кидал в бассейн, где на приманку набрасывались другие девушки-рыбы. Через стенку в соседней каюте пылливый Шмультрихтер мог наблюдать следующее. На стуле сидел совершенно голый Куприянов, на коленях у него поместился Круцефикс, тоже обнаженный, не доставая ногами до пола, худосочный, с тощими ребрами и комочком всклокоченной бороды. Обнимал Куприянова худенькой ручкой за шею и говорил:

— Имей в виду, я пришел к тебе сам. Это добровольный выбор. Я люблю таких сибиряков, как ты, испытываю к ним доверие.— Куприянов действительно был родом из Сибири, чем объяснялась его нерастраченная душевность и молодецкая сила.— Мне нравятся сибирские богатыри. Ты можешь показать, как любят у вас в Сибири?

— Охотно,— ответил Куприянов.

Локтем спихнул Круцефикса с колена. Подобрал с пола, держа за ноги головой вниз. Быстро ощипал, ликвидируя бородку и

эфемерный пух внизу живота. Подставил под струю воды и тщательно промыл, раздвигая ему ноги и открывая подмышки. Включил мясорубку и, опуская головой в рокошующее жерло, перемолол в фарш. Добавил лука, соли, немного баранины, столько же говядины, тонко нарезанную лососевую строганину, оленину, медвежатину. Снова перемолол, добиваясь, чтобы в фарше равномерно перемешались все компоненты. Раскатал по столу тесто, выстав из него белый эластичный лист. Чуть посыпал мукой. Выложил фарш посреди тестяного листа и, аккуратно заворачивая края теста, слепил большой пельмень, стараясь придать ему сходство с Круцефиксом, щипками вытягивая нос, подбородок, выделяя ножки и ручки. Кинул пельмень в кастрюлю с кипящей водой, добавив туда перца и лаврового листа. Когда пельмень сварился, специальной деревянной лопаткой извлек его из кипятка и положил на стол, дожидаясь, когда тот немного остынет и густой душистый пар рассеется по каюте. Убедившись, что пельмень не обжигает, спокойно, сохраняя достоинство, так, как будто вел заседание правительства, Куприянов оттрахал пельмень по полной программе, промолвив в заключение:

— Вот тебе «любовь по-сибирски». — Выпил перед зеркалом сырое яичко, чтобы баритон сохранил свою сочность.

В музыкальном салоне торжествовала содомия, жутким махровым цветком расцветал свальный грех. Шляпа Боярского летала из конца в конец, и всякий норовил вывернуть ее наизнанку, проткнуть насквозь, напаялить на причинное место, а утолив позы, отшвырнуть прочь. Но она опять лезла в самую гущу, отдавалась направо и налево, пока в пароксизме страсти ее не изжевал телеведущий программы «Вести недели» и не выплюнул в лицо ведущему программы «Зеркало». Усы Михалкова, обрызганные эмульсией тропических бабочек, приманивающих едким запахом самцов, порхали в салоне, а за ними гонялись опьяненные негры новоорлеанского оркестра, обезумев от сладострастия. Иногда им удавалось поймать усы. Тогда в ритме диксиленда они импровизировали с ними без устали, так что бедные усы начинали топорщиться, взывали к духу усопшего генерала Деникина и философа Ильина, торопя их поскорее вернуться в Россию, обратить страну к основам нравственности и правопорядка. Лысинка Жванецкого, лукаво отливая глянцем, умудрялась создать на своей гладкой поверхности аппетитную складочку, отчего становилась похожей на попку, что не оставалось незамеченным. Скрипачи одесского квартета набрасывались на нее, ударяя смычками,

славя грешную земную любовь, но их музыкальные инструменты только дразнили ироничный ум юмориста, восклицавшего с раздражением: «Вы таки скрипачи или четыре поца с Привоза?» Телемагнат Попич, поначалу ограничивающий себя в извращениях, в конце концов, пустился во все тяжкие, даря свои ягодицы безжалостным неграм. В центре неистового скопища вдруг появился осел, тот самый, которому отдавались римлянки, но скоро сдохшего осла, держа за копыта, выволокли и бросили в реку неутоленные и рассерженные манекенщицы. Вместо него появился страус, который был страшно напуган увиденным и сразу спрятал голову в песок. Эта поза оказалась привлекательной для многих, в том числе и для эстрадного певца, певшего песенки про есаула, и про «Москву златоглавую». Он коршуном налетел на страуса и так обработал его гузку, что повыдергал все страусиные перья, сделав из них плюмаж для шляпы Боярского. Биоробот, похожий на Шварценеггера, сменивший несчастного страуса, подвергся коллективному изнасилованию. В нем что-то замкнуло, стало страшно искрить. С криком: «Я — не Мерфи!.. Я — не Мерфи!..», — робот выбежал на палубу и кинулся в Волгу, наполнив воду большим свечением. В завершение в салоне появилась дама-мажордом, копия Регины Дубовицкой. Увидев происходящее, она изумленно воскликнула: «Что здесь творится, дорогие мои!» На нее тут же набросились, затащили в самую гущу, образовали кучу малу, из которой слышались робкие увещевания дамы: «Не все сразу, дорогие мои!» Шмультрихтер, снимавший сцену, едва не потерял невинность, когда раздосадованный, с набрякшими глазами негр, пошел прямо на него носорогом, и только природная верткость позволила Шмультрихтеру уклониться от смертоносного рога.

В каюте новобрачных на этот раз было тише обычного. Малютку мучили угрызания совести, и он искал утешения у суженой:

— Эта шахта, — говорил он, — была аварийной. Я должен был вложить в нее деньги. Но средства пошли на твое бриллиантовое кольцо. Мы оба повинны в смерти людей. Давай продадим кольцо и поможем вдовам и сиротам.

— Франтик, не мучай себя понапрасну. Шахтерские вдовы выйдут замуж за других шахтеров, народят детей, которые тоже станут шахтерами. Ты им отремонтируешь шахту, и мы непременно спустимся в эту отремонтированную шахту и совершим наш традиционный обряд освящения. А теперь посмотри сюда, мой дорогой.

Луиза показала Малютке то, на что он не уставал любоваться. С высоты это напоминало Лас-Вегас, переливалось бриллиантами, сулило блаженство. Но с земли это было подобно иллюминированной триумфальной арке, в которую Малютка не замедлил ворваться на двухколесной победной колеснице, оглашая воздух кликами торжества. Он внесся в священный град, стуча ободами колес, в блеске тяжелых доспехов, потрясая копьем. Проезд через арку так захватил его, так истошно кричала толпа, столько роз сыпалось под ноги коней, что ему захотелось повторить свой триумф. Он промчался в обратную сторону и вновь вломился в арку всей яростью распаленной квадриги, пронося под сводами копьё победителя. Так он носился взад и вперед, среди блеска и рева, не в силах унять свой восторг. Остановился лишь тогда, когда оба колеса отвалились, копьё согнулось, а бешеная квадрига пала и испустила дух. Малютка, глядя на осевшие своды арки, чуть слышно произнес:

— Ну, теперь-то твоя прорва насытилась? Смотри, от нее ничего не осталось, одни ошметки. Наконец-то я могу отдохнуть.

— Милый, взгляни, что у меня есть.— Луиза приподняла великолепную руку, открывая подмышку. И там, в укромном местечке, к изумлению Малютки, обнаружилась вторая триумфальная арка, чуть меньше первой. Влекла в свою глубину, сулила храбромую воину бесконечное блаженство и славу.

— Такого не найдешь в Камасутре,— пробормотал Малютка, пугаясь своей возлюбленной, обладавшей способностью производить детородные органы в самых разных частях тела.— У тебя их что,— как у осьминога присосок? — спросил он, исчезая под мышкой любимой женщины.

Есаул провел ночь, не смыкая глаз. Теплоход был прибежищем разврата, вместилищем пороков и скверны. С берега казался волшебным ковчегом, плывшим по темной реке на золотых отражениях, на деле же был лоханью нечистот, корытом отбросов, которую Господь обрек на потопление, собрав все самое мерзкое и богопротивное, что составляло элиту России. Есаул с отворачиванием слышал стенания и сладострастные вопли, доносившиеся из кают.

Он обошел корабль, заглянув в рубку, где молчаливый и верный капитан Яким вел теплоход от бакена к бакену по волжским разливам, и лицо его в сумраке рубки, чуть подсвеченное приборами, казалось высеченным из Соловецкого камня.

Спустился в трюм, где мощно и неустанно работал дизель, своей маслянистой сияющей кожей напоминая могучее, сотрясавшееся в усилиях животное. Мотористы слаженно вершили дело, и, быть может, Господь миловал корабль и терпел творимые на нем непотребства, взирая на труд этих утомленных пролетариев, искупавших своими честными жизнями сатанинское существование аристократов.

Он прошел мимо отсека, где под замками содержались таинственные существа, доставленные на корабль кутюрье Слово-зайцевым для какой-то эффектной демонстрации, державшейся в строгом секрете. Из-за железных дверей слышались странные вздохи, печальные всхлипы, словно там зевали во сне больные медведи.

Заглянул в потаенный отсек с наглухо запертой дверью, перед которой стояли автоматчики. Их мундиры сверкали безукоризненной белизной, позументы отсвечивали золотом, на кортиках струились золотые змейки. Вороненые стволы автоматов чуть дрогнули, когда охранники отдавали Есаулу честь.

Все было под контролем, подчинялось военному распоряжению, которому не могли помешать творимые на верхних палубах безумства. Есаул покинул нижние отсеки корабля и поднялся на мостик, вдыхая свежий ветер летней ночи.

Заря, наконец, угасла, и в небесах, переливаясь,плыли за кораблем разноцветные высокие звезды. Он был один пред лицом бесконечного Космоса, нес в груди сокровенную искру «замысла», которая тайным образом излетала из сердца и превращалась в мириады светил, в разноцветные мерцанья, в жемчужные туманности и золотые сияния. Его «замысел» был неслучаен, был частью великой гармонии, поддерживающей в мировой пустоте раскаленные светила, наполняющей Вселенную дышащими силами, сотворяющей бессчетные формы жизни, из которых складывался другой, божественный «замысел». Он, Есаул, лишь на Земле был одинок. Во Вселенной же находился под покровительством Божественной воли. Был с Богом, который однажды прислал ему Ангела, указал на предназначение, начертал высший смысл. Ведет его путем героического подвига во славу любимой России. И так велико было его благоговение, так страстно он желал увидеть Ангела, убедиться, что не оставлен Богом, пребывает на Божественном пути, и его страстные любовь и вера не напрасны, что он опустился на колени, на холодную железную палубу и стал

молиться. За Россию. За ее многострадальный народ. За ее воскрешение. Избавление от ига страшных коварных врагов, принесших на Родину столько горя и слез.

Он стоял на коленях подле сияющей мачты. Страстно вглядывался в отдаленный берег, уповая на то, что тьма начнет мерцать, сумрак раздвинется, и в темных лугах, над уснувшими рощами появится Ангел — его сияющий лик, огненные белые крылья, пылающая стать. Из разъятых уст, как громы и свет, прольются желанные слова.

Увидел, как впереди, за поворотом реки начало тихо светиться. Разгоралось нежное зарево. Что-то приближалось, бесшумное, великолепное, явившееся в русских пространствах, ниспосланное из иных, бесконечных пространств.

«Ангел, Ангел небесный!.. Молю тебя, появиись!..» — шептал Есаул, целуя стальной, уходящий к звездам стержень.

Из-за поворота реки, на краю елового бора, окруженная дивным заревом, вставала огромная ель. Искусством осветителей и дизайнеров дерево было озарено алыми и золотыми лучами, переливалось волшебным блеском, было усыпано изумрудными и голубыми искрами. На ее вершине, словно пышная ночная радуга, горела Вифлеемская звезда. Есаул созерцал проплывавшую мимо галлюцинацию. Провожал глазами волшебное дерево, испытывая разочарование и печаль.

Он вернулся в каюту, проходя по коридорам, где слышались звериные крики, истошные вопли, любовные стенания, прошел к себе, упал, не раздеваясь, на кровать. И как только сомкнул веки, его потаенное око медленно повернулось в глазнице, остывая от дневных видений, обращаясь к таинственному миру снов, которые были реальностью, а недавняя явь являлась их слабой, неверной тенью.

На рассвете вышел на палубу. На реке было туманно и сыро. За бортом, проплывая, качался белесый бакен, на нем сидела сонная чайка, и под оранжевыми лапками птицы призрачно загорался и гаснул зеленый огонь.

Есаул увидел, как вдоль поручней палубы приближается горбун, — красивое, изможденное лицо, большие, полные сострадания глаза, маленькое щедедушное, изуродованное тело. Есаула, как и в прошлый раз, удивила эта встреча. Горбун все сутки прятался в каюте, не принимая участия в пирах и развлечениях. Показывался на свет лишь в тихий рассветный час, когда в каютах

спали, изнуренные ночными бесчинствами. Есаул хотел о чем-то спросить горбуна. Но тот, прижимаясь к поручням, прошел, лишь слабо ему поклонился.

В пригороде Воркуты хоронили шахтеров. Одиннадцать обгорелых изувеченных тел было извлечено из шахты. Один, Степан Климов, горнорабочий, был навеки погребен под камнями.

По кладбищенской дороге валила толпа, черная, как вар. Над головами плыли одиннадцать красных гробов, в которых, как в лодках, качались мертвецы на печальных волнах. Огненно, страстно ухал оркестр, дышал ошпаренной медью, жутко звякал, рыдал. Среди венков и траурных лент за гробами шли вдовы и матери, семенили сироты. Суровый, насупленный мужик нес ведро с водой. Когда женщинам становилось худо, и они оседали на руках у родни, мужик черпал кружкой, подносил, насильно вливал в кричащий рот, и вдовы захлебывались, глотали студеною воду.

За гробом машиниста Федюли спотыкалась, хватала руками красный кумач вдова в черном платке:

— Ой, ты мой Федечка, ой мой дорогой!.. Зачем ты в гробике лежишь и не встанешь!.. Зачем деточек своих не обнимешь!.. Да как же ты нас всех любил и жалел, все доброе и хорошее делал!.. Хотел нас на море свезти, пальмы показать, на белом корабле поплавать!.. А теперь, Феденька, плывешь на красном корабле в могилу!.. Как я тебя, Федечка, из шахты ждала, все рубахи твои постирала!.. Пельмени к обеду сготовила, бутылочку припасла!.. Будешь ты, Федечка, обедать в сырой земле!.. Там тебе начальство столик накрыло!.. А мне за тем столиком нету места!..— Женщина начинала выть. На горле ее вздувалась клокочущая синяя вена. Мужичина черпал кружкой, вливал в ее стучащие зубы холодную воду.

За гробом крепильщика Скатова шла седая, в черном полushалке мать, всплескивая руками:

— Коля, Коленька, мальчик мой ненаглядный!.. Да какой же ты добрый, красивый был!.. Как ты маменьку свою любил, уважал!.. Как на баяне играл, кнопочками переливы выделявал!.. Кот наш Рыжик третий день с твоей подушки не слазит!.. Детки твои, как воробушки, жмутся!.. Сон мне приснился, что ты стоишь в огне и ручки ко мне протягиваешь!.. И зачем я, Коленька, в шахту тебя пустила!.. На пороге бы легла, за ножки тебя ухватила!.. Как же ты там мучился, задыхался!.. Всю-то жизнь под землю от меня уходил,

и сейчас снова под землю, в могилку уйдешь!.. Ох, да у меня уже нету сил!..— Она тяжело оседала, рушилась. Ее подхватывали, волокли. Ноги царапали землю. Водолей с ведром окунал кружку, вдавливал в рот. Вода щедро проливалась на землю.

За гробом бригадира шла его дочь, молодая, с заплаканным почернелым лицом:

— Папа, папочка, встань, поцелуй свою Оленьку!.. Зачем так рано от нас уходишь!.. Разве мы тебя не любили!.. Разве в гости к тебе не ходили!.. Ты внучка своего Олежку больше всех любил!.. Помнишь, папочка, как ты нам с братом Володей снежную бабу слепил и уголечки в глаза ей вставил!.. Как лошадок из досточки вырезал, и мы с Володей играли!.. Как платье мне подарил, все в бисере и стеклярусе!.. Кто же будет о тебе заботиться!.. Кто носочки теплые свяжет!.. Ведь там, в могилке ножки твои замерзнут!..— Она начинала валиться навзничь, на подставленные руки. К ней подходил мужчина с кружкой, вливал в нее воду.

Кладбище серебрилось оградками, топорщилось крестами и столбиками, зияло открытыми могилами. Гробы поставили на груды рыхлой земли. Родня потянулась прощаться.

В стороне стояла Антонина Климова в капроновой куртке, плотно облегавшей ее выпуклый живот. Пожилая соседка ее вразумляла:

— Ты, Тоня, глупость делать не смей. Твой Степан ребенка хотел, и ты его сохрани. Это тебе память об муже. Двоих растишь и третьего вырастишь. Добрые люди помогут. Профсоюз, дирекция. Я тебе вот что советую. Поезжай на остров, о котором тебе рассказывала. Пойди в монастырь, где старец святой Евлампий. Исповедуйся ему. Закажи об Степане панихиду,— пускай за него монахи молятся, чтобы душа его успокоилась. Старец тебя научит, и сердце твое утешит. Он людей утешает, к нему ото всей России съезжаются. Поняла меня, Тоня?

— Поняла,— слабо пролепетала Антонина, прижимая к животу руку, чувствуя, как трепещет младенец.

«НА ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ...»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Утром шел дождь, теплый, шумный. Звенел по железу палубы, окутывал корабль пышным облаком брызг. Река кипела, шумела, покрытая рябью, растревоженная ветром, с серыми вмятинами, с затуманенными, неразличимыми берегами, мимо которых проносились длинные космы дождя. Тучу пронесло, ярко, слепяще брызнуло солнце. Ближние холмы и далекие рощи стеклянно засверкали; по лугам побежали ликующие, полные блеска волны. Вились на холмах дороги, пахло цветами, свежестью, молодой жизнью. Корабль, белоснежный, умытый, мощно и великолепно плыл среди сверканья, под высокой пылающей радугой, один конец которой окунался в Волгу, впитывал воду, превращая ее в сочное многоцветье, а другой высоко выгибался над чудесной далью. Корабль скользил под этим небесным великолепием, словно стремился в райскую страну, где нет болезней, печалей, а вечная благодать.

Пассажиры вставали поздно, истощенные ночными неистовствами. Не все выходили к завтраку. У многих были опухшие лица и набрякшие подглазья. Не всем удавалось с помощью пудры и грима скрыть ссадины, убрать разоблачительные синяки, замаскировать прикушенные губы, умягчить следы чьих-то зубов и когтей.

Американский посол Киршбоу держался за бок, и было видно, что ему трудно дышать. Под глазом у него наливался огромная слива, и на вопрос Есаула, что произошло с глазом господина посла, тот уклончиво ответил:

— Василий Федорович, в меня попал небольшой метеорит. Видно, мы проплывали зону метеорных дождей.

В это время мимо проходила молодая корабельная служительница, сияющая утренней свежестью и невинностью, вся в белом, с золотыми позументиками. Увидев посла, она сделала вежливый книксен, чем ужасно напугала Киршбоу, как если бы хоте-

ла ударить его под дых. Это не ускользнуло от внимания Есаула. Желая развлечь чем-то испуганного дипломата, он произнес:

— Взгляните, господин посол... Видите, вон там, вдалеке...— Он указывал на дальний, медленно приближавшийся луг, среди которого возвышалось нечто стройное, великолепное, сияющее, похожее на колокольню Ивана Великого.

— Что это? — спросил посол, опасливо глядя вслед стройной вежливой барышне.

— Если вам интересно, это последняя баллистическая ракета России, подготовленная к уничтожению. Сегодня русский народ прощается с ракетой, которую вы, американцы, нарекли «Сатаной». Если хотите, можете принять участие в праздничном действе. Думаю, в Госдепартаменте оценят ваше рвение, когда прочтут донесение о полном ракетном разоружении России. Видите, мы умеем держать слово, господин посол. Нам можно было верить во все эти годы, и мы бы продолжали держать слово, если бы Госдеп согласился с третьим президентским сроком.

— О третьем президентском сроке не может быть и речи,— строго отрезал посол.— Но на ракету готов взглянуть.

Теплоход бросил якорь посреди разлива, и стремительный катер понес Есаула, посла Кишбоу и министра обороны Дезодорантова к берегу, где в лугах возвышался белый бивень ракеты.

Посреди цветущего луга, у открытой шахты, окруженная колокольчиками, лютиками и ромашками, стояла ракета, гладкая, цвета слоновой кости, уходя в высоту, увенчанная конусом боеголовки. Вокруг было множество людей, участвующих в торжестве, явившихся из дальних и ближних мест, чтобы проститься с последней баллистической ракетой России. Вновь прибывших гостей усадили на почетное место, на простую деревенскую лавку, устланную цветастым половиком, на мягкие, расшитые шелками подушки.

— Ритуал прощания, господин посол, будет совершаться в древнерусской традиции, которая, после семидесяти лет безбожия и бездуховности, постепенно возвращается в души людей, благодаря, в том числе, стараниям режиссера Никиты Михалкова.— Есаул старался «окать», чтобы у Кишбоу, любителя всего русского, подлинного, с самого начала возникло ощущение славянского праздника.— Сама ракета побуждает людей, особенно крестьянок из соседних деревень, видеть в ней фаллический символ. Покуда она находилась в шахте, много бездетных женщин

приходило потереться об нее животом, чтобы избавиться от бесплодия. В соседних хуторах и селах бегают белокурые ребятишки с заостренным темечком, напоминающим боеголовку.

— О какое место терлись животами женщины? — поинтересовался посол.

— В основном о титановые сопла и рули. Но некоторые — о разделяющиеся боевые части.

Посол внимательно слушал, что-то записывал в книжицу. Видимо, готовил записку в Госдепартамент.

На лугу, между тем, начинался праздник. Появился оркестр народных инструментов, состоящий из бывших офицеров ракетно-космических войск. Генералы, полковники, подполковники, все в домотканых холщовых рубашках с вышивками и красными ластовицами, заиграли на свирелях и тростниковых дудках, на деревянных ложках и коровьих рожках, на свистульках и сопелях. Их головы украшали веночки полевых цветов. Они были похожи на Лелей с лучистыми глазами сельских пастушков. Заливистыми тенорами выводили:

Во поле ракетушка стояла,
Во поле бесхозная стояла.
Люли, люли, стояла,
Люли, люли, стояла...

— Видите ли, мы разработали широкую программу ликвидации ракетно-ядерного потенциала России, — пояснял Есаул. — Теперь вы, американцы, можете спать спокойно. После сегодняшнего дня больше ни одна русская ракета не будет вам угрожать, и все ваши усилия могут быть направлены на борьбу с «Аль-Кайдой», которая переходит от использования «Боингов» к применению ракет средней дальности. Мы же окончательно превращаемся из ядерной державы в «страну березового ситца», как писал великий русский поэт Есенин.

На лугу появились конструкторы, испытатели, директора ракетных заводов, все в долгополых сарафанах, в кокошниках, некоторые накинули на плечи расписные платки и шали. Стали водить вокруг ракеты хоровод, увивали ее лентами, украшали свежими березовыми ветками. Их лица светились наивным счастьем. Высокими, нежными, как у девушек, голосами пели:

Некому ракету снаряжати,
Некому родную запускати.
Люли, люли, снаряжати,
Люли, люли, запускати...

— Мы приняли ряд законов, облегчающих трудоустройство бывших ракетчиков.— Есаул старался говорить медленно, чтобы посол успевал записывать.— Некоторые стали заниматься промыслами и ремеслами, вяжут туески и плетут корзины. Другие начали осваивать опустевшие ракетные шахты, выращивают там шампиньоны. Третьи, и их большинство, образуют фольклорные коллективы и ансамбли песни и пляски. Один из них выступает перед вами, господин посол. Можно было бы продумать программу обмена подобными коллективами между Россией и США. Мы охотно примем у себя ансамбль индейцев, исполняющих «танец орла».

— Среди этих фольклорных певцов только лишь конструкторы «Сатаны»? Или есть и другие ракетчики? — поинтересовался Киршбоу.

— Все без исключения. Видите, вон тот, с краю, в красном сарафане и кике? Это конструктор «Тополя-М». А рядом с ним в лапоточках, подпоясанный лыком, поет так умильно, — это конструктор СС-18.

Киршбоу торопливо записывал.

На луг «змейкой», притоптывая лаптями, белея холщовыми портками, придерживая на боках лукошки, короба и сита, выходили ученые, академики, специалисты по баллистике, по твердым сплавам, по ракетному топливу. Все дружно переступали с мыска на пятку, «руки в боки». Хватали из лукошек пригоршни зерна, осыпали ракету. Зерно золотыми брызгами ударяло в титановый корпус, солнечными фонтанчиками стремилось к боеголовке. Академики подпевали:

Уж как мы ракету задолбаем,
Уж как мы родную заламаем.
Люли, люли, задолбаем,
Люли, люли, заламаем...

— Конечно, определенную трудность для нас составляет утилизация боеголовок и стратегических запасов обогащенного ура-

на.— Есаул искренне делился с Киршбоу своими заботами.— Но ваш арест экс-министра атомной промышленности Адамова облегчает проблему. Он организует переправку в ваши арсеналы ненужных нам боевых компонентов, а также запаса урана и плутония, которые мы готовы передать вам по бартеру в обмен на куриные окорочка.

— Каковы, по-вашему, должны быть соотношения окорочков и урана? — насторожился посол, у которого были интересы в сфере «куриного бизнеса».

— Тонна на тонну,— ответил Есаул.— Но возможны варианты. Киршбоу записал цифры, обведя их кружочком.

Между тем недалеко от ракеты проворные подростки, бывшие курсанты ракетных училищ, красавцы как на подбор, в сафьяновых сапожках, рубахи навыпуск, подпоясанные кушачками, стриженные под горшок, с волосами, блестящими от лампадного масла, разложили костер. Огонь затрещал, пламя высоко взметнулось. Молодцы подтащили к костру плоское фанерное сооружение, украшенное берестой, еловыми шишками, смолистой хвоей. На фанере старославянскими буквами было начертано: «Ракетно-ядерный щит Родины». Его раскатали, метнули в огонь. Щит радостно вспыхнул, затрещал, береста стала скручиваться, смола текла и горела, искры летели к солнцу.

— Этим мы подводим черту под противостоянием двух наших стран,— сказал Есаул.— Заметьте, это была моя идея — изготовить щит из фанеры и использовать старославянский шрифт. Мы в России стремимся к нашим истокам, следуем рекомендациям Никиты Михалкова.

— Верно ли, что предки этого знаменитого режиссера служили при дворе и щекотали пятки царям, чтобы те поскорее заснули?

— Говорят, что отец режиссера Сергей Михалков щекотал пятки самому Иосифу Сталину. Он сочинил колыбельную песню, которую исполняли ежесуточно в двенадцать часов ночи, и под которую засыпала вся страна. Сам же Никита Михалков щекотал пятки Леониду Брежневу, Михаилу Горбачеву, Борису Ельцину и Президенту Порфирию. Все они страдали бессонницей.

Посол записывал, и некоторые из фраз энергично подчеркивал.

Настал момент, которого с нетерпением ждал министр обороны Дезодорантов,— военный парад обновленной российской

армии. Дезодорантов выронил из глаза монокль, вскочил со скамьи, опираясь на трость, приложил ладонь к бровям, как Илья Муромец, озирающий богатырскую степь.

— Парад, марш! — пронзительно крикнул министр.

Парад знаменовал собой смену военных поколений, преемственность вооружений, переход от традиционного и уже устаревшего оружия, представленного ракетой «Сатана», к оружию нового поколения. Под звон бубнов, вой костяных рожков, стук деревянных ложек и истошные завывания жалеек двинулись полки.

Впереди вышагивала ударная сила обновленной российской армии — стрелецкий спецназ. Бородачи, в нарядных кафтанах, с кистенями, секирами, боевыми топориками, молодцевато прошагали мимо министра, выдыхая сквозь окладистые бороды:

— Дай Бог здоровья, батюшка министр!

На что Дезодорантов бодро, по-суворовски крикнул:

— Хорошо идете, молодцы!

Следом слитно, равняя шаг, прошествовали лучники, копейщики, пускатели дротиков, метатели пращи. Каждый в своей форме — в армяках, кафтанах, в заломленных шапках, в сапожках с лихо загнутыми мысами.

За ними, чуть приотстав, проползли «пластуны», ловкие, похожие на змей. Лихие разведчики, мастера маскировки со снопами на головах, кустами жимолости на спинах, иные в медвежьих шкурах, иные же обвязанные древесной корой и гнилыми корягами. Едва ли вражеский глаз уследил бы за ними среди скошенного жнивья или лесистых чащоб.

— Эка вас нарядили! — не удержался Дезодорантов.

В ответ разведчики прокричали кукушками, прокрякали утками и один, приподнявшись на задние лапы, проревел медведем.

Двигались части тяжелой артиллерии. Пушкири с банниками толкали деревянные пушки — точные копии той, что поражает воображение иностранцев в Кремле. Орудийная прислуга несла на плече ядра — по два арбуза каждый, иные ловко ими жонглировали. Следом прошествовали метатели «греческого огня», с глиняными кувшинами, наполненными сырой нефтью. Парад завершала гигантская стенобитная машина, своей высотой и размерами конкурирующая с ракетой, — сосновый сруб на деревянных колесах, в котором на цепях раскачивалось окованное железом бревно.

— Каково назначение этой машины? — поинтересовался посол.— Не представляет ли она угрозу безопасности США?

— Отнюдь. Наши конструкторы создали это оружие на случай войны с Китаем, для пробития брешей в Великой китайской стене.

— В любом случае ваши новые вооружения не должны нарушить баланс сил в Центральной Европе. Пусть инспекторы ОБСЕ посетят оборонные заводы, занятые производством этих вооружений, а также ряд гарнизонов и мест дислокации.

Киршбоу записывал, и лицо его было то строгим, то торжествующим, то презрительно-недоверчивым.

Есаул понимал переживания посла. Киршбоу был тем, кто присутствовал при окончательном сломе стратегического соперника. Посол торжествовал победу, презирал в лице Есаула проигравшего врага. Но одновременно любил этого жалкого пораженца, доставившего ему радость победы, решившего устроить в честь победителя фольклорный праздник. Любовь к поверженному врагу была любовью хозяина к усмиренному рабу, готовому исполнять самые унижительные и черновые работы.

Именно этого и добивался Есаул, приглашая посла на праздник. Услужливым видом, подобострастными жестами не давал возможность Киршбоу разглядеть беспощадные искры, мелькавшие вдруг в его прищуренных темных глазах.

Парад завершился, и на луг повалил народ из окрестных селений. Бабы, мужики, малолетние дети. Иные женщины, страдающие от бесплодия, в последний раз получали возможность прикоснуться к целительной ракете истосковавшимися лобками. Приближались, задирали подолы, терлись бездетным тоскующим лоном о титановые сопла, сияющие обтекатели, графитовые, жаростойкие рули. Доходили до исступления, начинали кричать, валились без сил, после чего их уносили заботливые мужики, некоторых уже беременными. Откуда ни возьмись, появилось множество белокурых ребятишек с заостренным темечком. Подбегали к ракете с криками: «Тятя! Тятя!» — будто прощались с отцом родимым. Их матери, готовясь к вдовству, обнимали обреченную ракету, напоминали стрелецких жен в утро жестокой казни.

Посол, по природе своей человек не жестокий, не мог сдерживать слез.

— Трогательно и по-русски искренне! Мы, американцы, не можем не сострадать чужому горю,— произнес Киршбоу, вытирая глаза платочком.

— Не все так печально, господин посол,— утешал его Есаул, указывая на приближавшуюся живописную процессию.— Есть и отрадные стороны.

Из лугов, по проселкам, двигалась разношерстная жизнерадостная толпа. Крестьяне в домотканых одеждах, с холщовыми сумками на боках. Женщины в чеботах, с кульками на дрючках. Дети мал-мала меньше с трещотками и бубенцами. Одни опирались на страннические посохи. Другие бодро месили пыль босыми ногами. Третьи притоптывали лапоточками, распевая: «Уж я матушку-ракетушку разукрашу, распишу, я ей косу заплету, я ей ленту повяжу...» Впереди живописной группы вышагивал господин в бархатном сюртуке, широкополой шляпе, из-под которой ниспадали на плечи пышные, с сединой кудри. Это был известный арт-критик Федор Ромер, славный тем, что путешествовал по деревням и скупал крестьян, но без земли, а «на вывоз». Купленные им крестьянские семьи, включавшие глубоких старцев и грудных младенцев, содержались им в специальных ангарах, где крестьяне обучались ремеслам, учились лепить игрушки, расписывали матрешек, плели кружева, точили деревянные ложки, плели из соломки забавные сувениры. Нерадивых секли, старательных, наоборот, награждали. Теперь эта крепостная артель прибыла к ракете, расположилась вокруг белого столпа. Мастера извлекали из котомок и кульков орудия производства — кисти, краски, стамески, ножовки, готовились к творчеству.

— Видите ли, явления предстают перед нами такими, какими мы их созерцаем, а не такими, какими их сотворил Бог,— арт-критик Ромер, увидев в после Киршбоу благодарного слушателя, приступил к лекции.— Мы получили заказ от Министерства обороны и расписываем цветами и хохломскими узорами танки и гранатометы, что превращает их из оружия в артефакт. Не могли бы мы, господин посол, получить от Пентагона заказ на раскрашивание авианосца «Дуайт Эйзенхауэр» в стиле вятских игрушек? Мои люди справлялись с задачами и посложней.

В это время артель уже была готова к работе и затянула величальную песню: «То не кум, то не зять, то не сват, то не брат — то жених дорогой, он с невестой молодой...»

Бабы проворно покрывали ракету белилами. Подростки гвоздями делали прочерки, намечая контуры цветов и листьев. Крепостные художники, обучавшиеся у мастеров Федоскина, заполняли контуры алой, лазурной, золотой и зеленой краской. На глазах ракета покрывалась дивными узорами, зарослями роз, папоротников, спелых ягод. Это было чудо народного мастерства и умения. Все ликовали. Посол Киршбоу благодарил арт-критика Ромера, обещал похлопотать в Пентагоне и что-то энергично записывал.

Когда ракета от основания до вершины была покрыта цветами и напоминала огромную, стоящую среди полей хохломскую матрешку, явился сельский священник. Молоденький, рыжебородый, еще недавно атомный физик, теперь он служил Господу. В руках у батюшки было кропило и чаша со святой водой. Он стал ходить вокруг ракеты и брызгать на нее, пуская на солнце сверкающие водяные искры, приговаривая:

— Изыди, Сатана!.. Изыди, Сатана!..

Крестил ракету, изгоняя нечистую силу. В ответ из ракеты полетели населявшие ее нечистые духи. Первыми, взявшись за руки, вылетела троица — академики Келдыш, Курчатов и Королев. Все трое перебирали ногами, у Курчатова развевалась борода, а у Королева ветер задувал на спину помятый пиджак. Всех троих унесло в луга, где туманилась цветочная пыльца и кричали коростели. За ними вылетел первый отряд космонавтов во главе с Гагариным. Несмотря на печальный момент расставания, Гагарин лучезарно улыбнулся и сказал: «Поехали». Их всех унесло ветром, и они растаяли в луговом тумане. За ними вылетел Никита Хрущев, держа в руках туфлю, ту самую, которой колотил по трибуне ООН. Вслед за ним, изгоняемые батюшкой, улетали великие ученые, математики, металлурги, испытатели, каждый из которых был окружен математическими формулами, дифференциальными уравнениями, чертежами, схемами, начертаниями химических элементов. Все это кружилось, перевертывалось, улетало вдаль, навсегда пропадая среди цветущих трав.

Последним вылетал тощий, больной, с растрепанными волосами академик Кисунько — создатель противоракетной обороны Москвы. Изгнание сатаны завершилось. Удовлетворенный батюшка, внеся свою лепту в разрушение безбожного строя, удалился в родную деревеньку хлебать постные щи.

— Ну, как, господин посол, вы не устали? — любезно осведомился Есаул.

— Нисколько! — с воодушевлением воскликнул Киршбоу. — Я так люблю Россию! Хочу понять загадочную русскую душу! Но ведь «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», не так ли?

Есаул не успел ответить. На луг с гиком выскочило трое мужиков — жилистые, кряжистые, смоляные бороды, красные рубахи. В руках топоры, зубы сверкают, сапоги в дегте. Заскакали вокруг ракеты — подпрыгивали, посвистывали, выдыхая жуткую разбойничью песню с припевом: «Эхма, Холмогоры-Хохлома!»

Это были палачи, призванные казнить ракету. Поплевали на руки, накинули на вершину веревку, поднатужились, натянули и с оханьем завалили огромную тушу. Налетели все трое, рубя топорами, сверкая сталью, гремя железом в шейных позвонках боеголовки. Голова отскочила, покатила по лугу, ломая колокольчики и ромашки. Народ ахнул, увидев обезглавленное тулово. Палачи подбегали с разных сторон, врубались, кромсали плоть, хрустели костями, расчленяя, четвертуя, предавая мертвое тело страшной казни, как это делали их предшественники с Емельяном Пугачевым и Стенькой Разиным.

Скоро от ракеты осталась груда изувеченной материи, уродливые ребра, изломанные конечности. Палачи, потные, с мокрыми пятнами под мышкой, вогнали топоры в колоду. Им подносили баклаги с пенной брагой, деревянные корытца с соленой капустой. Палачи жадно пили, проливая брагу на красные рубахи. Хватали щепотью кислую капусту, заедали, блестя зубами, стряхивая с черных бород соленье.

— Эхма, Холмогоры-Хохлома, — хмелея, произнес один, делая сапожками коленце.

И уже подбегали к обезглавленной расчлененной ракете мастера и ремесленники из артели Федора Ромера. Вырезали из обшивки веселые сувениры в виде шестиконечных звездочек, знаки зодиака, профили депутатов Государственной думы, поп-звезд и телеведущих. Потрошили боеголовку и из урана вытачивали скульптурки зверей, детские игрушки, бюстики именитых людей.

Начинался пир на весь мир.

Послу Киршбоу, как почетному гостю, поднесли деревянную братину с брагой. Он пил, нахваливал русский напиток. Давали от-

ведать грибков, выращенных в ракетных шахтах. Салаты из морковки и свеклы величиной с небольшую избу, выросших на месте ракетных хранилищ и складов. Посол сначала отнекивался, а потом, захмелев, ел все подряд.

Когда пир завершился, и посол Киршбоу был готов спрятать книжицу с подробным описанием народных разносолов и яств, Есаул обратился к нему:

— Господин посол, вы могли убедиться, что вверенная мне Администрация держит свои обязательства перед старшим партнером США. Прошу вас, когда будете представлять записку в Госдепартамент, отметьте это обстоятельство и скажите, что мы готовы идти гораздо дальше. А именно — позволить американской морской пехоте установить контроль над российскими атомными станциями и другими объектами. Пусть госпожа Кондолиза Райс знает о моей лояльности. Мы бы смогли хорошо работать вместе.

— Я подумаю, Василий Федорович, — важно ответил посол. — Все, что я сейчас видел, впечатляет.

В этот миг к послу подошла маленькая прелестная девочка в долгополом платье. Она была послана арт-критиком Федором Ромером, протягивала послу Киршбоу вырезанный из урана бюстик Джорджа Вашингтона.

— Нате на память. Дядечка Жора холесенький, добленький!

Посол Киршбоу извлек из кармана счетчик Гейгера, тронул безделушку. Прибор страшно затрещал и замигал.

— Спасибо, деточка. — Посол погладил дарительницу по русской головке. — Играй сама на здоровье.

Там, где лежали останки ракеты, всю орудовали крестьяне из соседних деревень. Разбирали титановую обшивку на корыта для гусей и свиней. Тащили обтекатели, чтобы крыть ими крыши дворов и сараев. Шпангоуты и опоры пригодятся на огородах, при сооружении заборов. Пора было возвращаться на корабль.

— Хочешь поехать с нами, милая девочка? — спросил Есаул, беря на руки маленькую крестьяночку. — На кораблике хорошо, интересно.

— Хотю, — согласилась малютка. — Колаблик холесенький, добленький.

Они возвращались на теплоход, усевшись в катер. Есаул держал девочку на коленях, загораживая от ветра, чтобы ее не продуло. На берегу, где еще недавно возвышался сияющий столп

ракеты, теперь валялись бесформенные остатки с торчащими ребрами и позвонками. Словно на этом месте умер последний динозавр. Со всей округи с неистовым карканьем слетались вороны стаи расклеивать падаль.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Теплоход плыл по Волге, среди слепящего блеска и зноя. Горячий ветер прилетал с берегов, донося запах сена, сладкого дыма и людского жилья. Жители прибрежных селений, косцы в лугах, странники на проселках смотрели в волжский разлив, где, величавый, белоснежный, в стеклянных отражениях, парил волшебный корабль. Есаул в легкой белой рубашке стоял у поручней, замороженный слепящими водами, ленивым блеском плеснувшей рыбы, синими, похожими на тени прибрежными городками, где колокольни казались струйками розового дыма, а рыбацкие лодки застыли в расплавленном стекле. Ровный жар, слабое дрожание палубы, мерное движение вод рождали галлюцинации. Казалось, что помимо этой, реальной Волги, по которой плывет теплоход, и где он, Есаул, стоит на палубе, держась за деревянные поручни, существует другая, подземная Волга, студеная, синяя. По ней плывет такой же белоснежный корабль, и кто-то стоит на палубе, в легкой рубашке, опираясь на поручни, глядит, как отстают от корабля расходящиеся круги. И третья Волга, небесная, заоблачная, скрытая от глаз синевой, катит свои бескрайние воды, и по ним невесомо скользит корабль, и кто-то стоит, глядя в разлив, чувствуя, как ветер залетает за ворот открытой рубахи.

Эти три стоящих на палубах человека, три Волги, три корабля были следствием расщепленного мира, на время отделены друг от друга, существовали в разных пространствах. Но когда-нибудь, в далеком Хвалынском море, разделенные пространства сольются. Три Волги, три корабля, три стоящих на палубе человека встретятся, обретут завершенное метафизическое единство. Сны и явь отразятся в потаенном оке Есаула, и он увидит картину мира во всей ее полноте.

От медитативных переживаний его отвлек легкий свист. Это прынул в воздух беспилотный летательный аппарат, похожий на небольшого серебристого ястреба. На борту аппарата была уста-

новлена телекамера, посылавшая на корабельные мониторы панорамные изображения местности.

Впереди было несколько дней пути. Его замысел медленно реализовывался. Посол Киршбоу испытывал к нему все больше симпатии, все меньше предубежденного недоверия. Франц Малютка, обезумевший от любви к своей бессердечной красавице, слабо поддавался вербовке, хранил верность Куприянову, но и в нем появлялось все больше радушия, таяла свирепая бандитская оголтелость. Враги, окружавшие его повсеместно, не оставляли попыток выведать тайну, угадать сокровенный план. Все так же вкрадчиво заводил беседы Добровольский, посылая кому-то масонские знаки. Колдунья Толстова-Кац запускала ему под сердце прозрачную, хрустальную руку, шарила, как воровка в чужой шкатулке. Губернатор Русак топорщил при его появлении усы, которые были чувствительными антеннами, считывающими тайные мысли. Но тайна оставалась неразгаданной, сберегалась под сердцем.

За спиной Есаула в шезлонгах лежали три обнаженные красавицы и читали каждая свою книгу. Все они были продюсерами телевизионных программ «Такие времена», «Тюрьма и воля» и «Народ хочет знать».

Одна читала Пелевина, другая Сорокина, а третья пыталась читать Проханова, но то и дело откладывала.

— Знаете, девочки, читать Пелевина — одно наслаждение. Я на каждой странице кончаю. Мне не нужен никакой мужчина. Текст проникает в меня и совершает что-то невероятное, — говорила та, что вынуждена была работать с Познером, отличавшимся строгими правилами и нравственностью баптистского пастора.

— А меня Сорокин держит в постоянном сексуальном возбуждении. Я все время на грани. Начинаю кончать, а он вставит какой-нибудь отрезвляющий абзац, и меня отпускает. Можно с ума сойти, — отвечала вторая, измученная Политковским, который заставлял ее ездить по колониям строгого режима и общаться с уголовниками и маньяками.

— А что же мне делать? У Проханова абсолютно бесполой проза. С ней никогда не кончишь. Интересно, были у него когда-нибудь женщины? — поинтересовалась та, что вынуждена была выслушивать дурь поэта Андрея Дементьева и сентиментальные пошлости Киры Прошутинской.

— Одни говорят, что он скопец и вообще не знал женщин,— задумчиво произнесла та, что работала с Познером.— Другие утверждают, что он однолюб, его невеста еще в юности охромела, и он с горя уехал в Афганистан. Третьи рассказывают о его безумном романе с критикессой Натальей Ивановой, после чего он больше не мог смотреть на женщин и завел себе козу. Станный тип.

— Я согласна,— вторила та, что маялась с Политковским.

— Я тоже согласна,— кивнула продюсер программы «Народ хочет знать» и уткнулась в неудобоваримую книгу Проханова, тщетно, уголком переплета, стараясь себя возбудить.

Эти женские суждения на время увлекли Есаула, но появление капитана Якима помешало ему обдумать услышанное.

— Василий Федорович, чрезвычайные обстоятельства,— произнес капитан, и его красивое лицо, обычно бесстрастное, выражало крайнее волнение.

— Что случилось?

— По правому борту, в квадрате 812, в прибрежной «зеленке» вскрыта засада. Беспилотный летательный аппарат зафиксировал группу, вооруженную автоматами и гранатометами. Предположительно готовится нападение на корабль. Какие будут приказания?

— Немедленно высылайте по курсу корабля голографический аналог. Сообщите о засаде спецподразделению «Альфа», пусть поднимают вертолетную пару. Пройдемте на мостик.

Они уже уходили, когда Есаул окликнул посол Киршбоу, в белых шортах и рубашке апаш:

— Василий Федорович, что-то случилось?

— Приглашаю вас, господин посол, на капитанский мостик. Быть может, мы станем свидетелями чего-то весьма примечательного,— увлекая за собой капитана Якима и посла Киршбоу, Есаул прошагал на открытую площадку у рубки, откуда отрывался обзор окрестности.

В корабельной рубке уже собрались операторы, специалисты связи, акустики. Корабль продолжал мерно и величаво скользить, похожий на великолепного лебедя. Но теперь являл собой хищную, настороженную махину, окруженную средствами защиты, агрессивными полями, хваткими щупальцами. Оглядывал берега, шарил в небесах, чутко вслушивался в глубины. На мониторах, принимавших изображения летающей телекамеры, видне-

лась береговая кромка, прибрежная полоса кустов и деревьев. В зарослях, хорошо различимые сверху, лежали люди. Их было трое. Они улеглись лицом к реке, скрытые от воды древесной завесой. Лежащий в центре был одет в темную куртку и камуфлированные штаны. На голове темнела шапочка. У локтя на земле лежали три пенала гранатомета «муха». Двое других были в камуфлированных одеждах, пятнистых кепочках. Один залег за ручным пулеметом, просунув ствол в заросли. Другой уложил перед собой автомат — лакированный приклад отбрасывал слабый солнечный блик.

— Увеличьте масштаб изображения, — приказал Есаул оператору. Камера летательного аппарата изменила фокусировку. Теперь все трое были видны ближе. Лежащий в центре повернул голову к соседу, и угадывалось, что он курит, у лица воздух был затуманен, во рту различалась сигарета. Тот, к кому он повернулся, оторвался от пулемета, повел рукой вокруг — быть может, говорил о путях отхода. Третий раздвинул кусты, улучшая сектор обстрела.

— Я — «Кит»!.. Я — «Кит»!.. Повторяю координаты цели... — Помощник капитана выходил на связь с подразделением «Альфы», специально охранявшим маршрут. — Высылайте пару «вертушек»!..

— Подлетное время «вертушек» — семь — десять минут. — Есаул повернулся к капитану Яким. — Высылайте голографический аналог. Пусть аналог достигнет засады к моменту подхода вертолетов. Тогда мерзавцы себя обнаружат.

— Василий Федорович, кто они? — Киришбоу со страхом вглядывался в изображение лежащих людей.

— Диверсанты. Агентура докладывала о возможной засаде в данном районе. Кто эти бандиты, узнаем в ближайшее время, — ответил Есаул.

— Торсионные генераторы к запуску готовы, — доложил капитан Яким, поглядывая на хронометр в медном корпусе, где по белому полю бежала большая секундная стрелка. — Голографический аналог к пуску готов!

— Запускайте! — приказал Есаул.

Певуче взвыли мощные генераторы, создавая вихревые поля, в которых сотворялся иллюзорный образ объекта. Из рубки было видно, как затуманился и стал выпадать из фокуса нос корабля с металлической мачтой. Отделяясь от реального кораб-

ля, стал выплывать другой — заостренный нос с сияющим стержнем мачты, многослойные палубы, окна кают, хрустальная рубка, отведенная назад труба. Один корабль вышел из чрева другого. Стал удаляться, оставляя на воде кипящие буруны, расходящийся пенный след. Ушел далеко вперед, уменьшаясь, паря над рекой. Два корабля, реальный и его бестелесный двойник, плыли один за другим по реке.

Беспилотный самолет совершал круги, неразличимый на солнце. Транслировал изображение. Была видна река с волнистыми берегами, лесная полоса у воды, трое диверсантов в кустах. На водах возникал белоснежный корабль, медленно, плавно приближался, равняясь с засадой. Было видно, как лежащий в центре приподнялся на колени. Взял гранатомет. Вел, захватывая в прицел белые палубы, борт, стеклянную рубку, гулявших пассажиров. Из пенала прянула дымная метла с раскаленной головкой. Граната помчалась к кораблю. Впилась в борт, прошла насквозь в бестелесном пространстве, улетела к другому берегу и, ударив о воду, взорвалась коротким фонтаном.

Гранатометчик медлил секунду. Схватил второй пенал, прицелился, сделал выстрел. Граната, дымясь, сверкая злым угольком, помчалась к кораблю. Внеслась в скопление переборок, кают, гуляющих по палубам пассажиров, пронзила насквозь пустой воздух, и упала далеко в реку, подняв тусклый фонтан. Гранатометчик в панике схватил третий, последний пенал. Граната точно клюнула рубку, проникла в стеклянный блеск, за которым угадывались наполнявшие рубку люди. Промчалась насквозь, ударяя в далекую воду, выплескивая короткий фонтан, вокруг которого стала всплывать оглушенная стая стерлядок. Стрелок, пораженный, встал во весь рост. Не таясь, воздел кулаки к небу. Два его товарища вскочили, стали беспорядочно, от живота, посылать в корабль пулеметные и автоматные очереди. Было видно, как трепещут стволы, пузырится у дула белое пламя. Пули веером неслись к кораблю, не разрушая голографическую картинку. Сыпались далеко на воду на излете, как капли дождя.

Есаул, выйдя из рубки, услышал рокот вертолетных винтов. Два вертолета огневой поддержки Ми-24, пятнистые, горбатые, похожие на щук, низко прошли над берегом, блестя металлическими кругами. Следом, отставая, прошел зеленый Ми-8 с группой спецназа.

Штурманы головных вертолетов засекли обнаруживших себя стрелков. Пикировали на лесополосу, выталкивая из-под брюх черный веер заостренных дымов, вонзали в заросли вихри снарядов. Шершавые взрывы сметали стволы, сдирали землю, подбрасывали и расшвыривали стрелков. Было видно, как отброшенные ударом, они упали в нелепых позах, лежали среди горящей травы. Над ними нависал вертолет, снижался. Из машины выпрыгивали ловкие, верткие, как черные обезьяны, бойцы. Бежали к поверженным, перепрыгивали через тлеющие деревья. Командир спецназа доложил Есаулу:

— Двое «трехсотых». Не дышат. Один контужен. Осколочные ранения в ногу. Прикажете доставить на базу?

— Трупы возьми себе. Раненого — на теплоход. Спасибо за службу,— произнес Есаул, нажимая тангенту рации.

Через четверть часа вертолет, раздувая и рябя воду винтами, навис над теплоходом. Бойцы спецназа с зачехленными головами, похожие на глазастых чертей, спустили на палубу окровавленного пленника в пятнистых, замызганных кровью брюках, в распахнутой черной куртке, под которой голубела тельняшка. Вязаная шапочка осталась в сожженной «зеленке». На стриженной, с сединой голове виднелись крепкие скулы, твердый волевой подбородок и блуждающие под белесыми бровями ошалелые, полные боли и ненависти глаза. Пленного протащили к носовой мачте, отведя назад руки, приковали наручниками к стальной сияющей штанге. Проход на носовую палубу перегородили бойцы спецназа. Капитан Яким принес два стула, на которые уселись Есаул и посол Кишбоу. Остальные пассажиры столпились на верхних палубах, наблюдая сверху, как шатается прикованный к мачте окровавленный человек, и из его пробитой ноги на железную палубу капает кровь.

— Вы, должно быть, удивлены, что все три гранаты не попали в корабль и упали в пустоту? Вы стреляли не по объекту, а по иллюзии. Могу предположить, что представления, заставившие вас прибегнуть к методам террора, тоже являются иллюзиями,— произнес Есаул, разглядывая сильное мужское лицо, на котором боль и ненависть провели твердые, острые складки.

Человек молчал, стараясь перенести тяжесть тела с раненой, набитой осколками ноги на здоровую ногу. Его тело кренилось, скованные сзади руки напрягались, образуя в плечах упругие шары.

— Как ваше имя? — продолжал Есаул, вспоминая допросы, которые во множестве проводил в Афганистане, когда в саманный домик контрразведки или в короб железного трейлера, стоящий на отшибе в гарнизоне, приводили худых краснолицых моджахедов в линялых долгополых одеждах. — Как вас зовут?

Человек угрюмо молчал, наклоняя лоб, глядя из-под белесых бровей темно-синими глазами.

— Какая цель операции? Что вас заставило подстерегать теплоход и подвергнуть его обстрелу?

Пленник молчал. Брюки, облежавшие раненую ногу, чернели от крови. Было видно, что он теряет силы, голова его опускалась на грудь, и становилась видна седая, коротко стриженная макушка. Но потом с усилием он поднимал голову, и опять черно-синие глаза упрямо и ненавидяще светились на измученном лице.

— Вы не хотите со мной говорить? Я верну вас в руки спецназа. Вас доставят в управление ФСБ, и там вы неизбежно начнете давать показания.

Есаул чувствовал плотные бестелесные энергии, пульсирующие между близким, сильным лицом человека и его, Есаула, лицом. Лобная глазница испытывала давление проснувшегося потаенного ока, которое угадывало в человеке нечто знакомое, соединявшее их когда-то, силилось опознать эту связь.

— Ты Василий Есаул? — произнес человек с бурлением в горле, напоминавшим птичий клекот. — Глава Администрации Президента?

— Допустим, — ответил Есаул. Лобное око шарило по лицу человека, делало многократные снимки, сканировало, сличало с давнишним изображением, сохраненным в глубинах памяти.

— Кандагарская бригада спецназа... — бурлило в горле у пленного. — Батальон в Лашкаргахе... Войсковая операция по уничтожению Мусакалы... Переправа... Мы прикрывали твою группу, когда тебя уносили с пулей в плечо... Вы ушли тростниками, а мы отстреливались, спускаясь по мелкому руслу, отвлекая «духов»...

— Как тебя зовут? — Есаул, ошеломленный, окружал человека пучками лучей, излетающих из лобного ока. Лопасты света скользили, устремлялись в прозрачную даль, приносили обратно полузабытые зрелища.

Голубые предгорья с нежной зеленью лоскутных полей. Далекий ледник, как прозрачный, развешанный в небесах балдахин. В холмах затуманенное, телесно-белое, светло-золотое селение,

словно на мягком ложе дремлет дивная женщина — дышит округлой грудью, обнимает во сне зеленые подушки, чуть прикрытая полосатым цветным покрывалом. Мусакала, кишлак полевого командира муллы Насима, отважного моджахеда. Тяжеловесно тянутся по проселкам неповоротливые кунги, пылят машины связи, колышутся бэтээры и танки. На быстрой чистой реке, на перекатах и отмелях, среди рыжих сухих тростников — скоротечная стычка. Он, Есаул, армейский разведчик, получил в плечо пулю, хватает горстями блестящую яркую воду, жадно пьет, истекая кровью. Вторая группа спецназа с белокрысым капитаном прикрывает его отход. Посылает в сухие заросли короткие текущие очереди. И оттуда прилетает граната, бьет в воду, поднимает солнечный бурный всплеск.

Теперь этот белесый капитан, седой, постаревший, стоял, прикованный к мачте, дико вращал черно-синими затравленными глазами.

— Как ты здесь очутился? Какого черта? — Есаул погружался в головокружительную воронку, в которой вращались континенты, хребты, пылящие по бездорожью колонны, валила по солнечной площади гончарно-красная, черная, как расплавленный вар, толпа. И он, армейский разведчик, на горячей пыльной броне гнал сквозь город, мимо глиняных куполов и дувалов, и тянулся высокий, как хвощ, зеленый стебель мечети. — Почему ты здесь, капитан?

— Когда тебя сбили над пустыней Регистан, и ты попал в плен к полковому командиру Саиду, моей группе дали приказ вытаскивать тебя обратно. Мы десантировались в центре пустыни, у обломков самолета. Шли по следам, подбираясь к кишлаку, и попали в засаду. Потеряли троих, и ушли с боем, унося убитых. Так и не пробились к кишлаку.

Есаул, как сквозь толщу воды, видел кишлак, по которому его провезли, перебросив через спину коня. Дом, окруженный глинобитной стеной с кривыми кирпичными башнями. Утопанный двор с кучами белой соломы. Гнутая балка, под которой висело его вялое, как стручок, безвольное тело, и далекая, на окраинах кишлака перестрелка. Группа спецназа с белесым капитаном пробивается к нему на помощь, теряя бойцов, и теперь, пройдя по огромным кругам, две их жизни по чьей-то таинственной воле встретились на борту теплохода.

— Почему ты здесь оказался? — Есаул силился вспомнить имя капитана, которому время с тех пор набросало на погоны

звезд, а в рыжеватые волосы — белого пепла.— Напомни, как твое имя!

— Полковник Клычков, инструктор по спецоперациям Управления Генерального штаба. В отставке. Попался на удочку твоих спецэффектов, выпустив боекомплект по мыльному пузырю. Мы не работали с голографическими объектами, и это результат отставания русской военной науки от достижений противника, которому ты служишь верой и правдой.

— Я служу Государству Российскому.— Есаул испытал толчок в сердце, как если бы рука полковника отстегнулась от мачты и послала ему в грудь прямой удар.

— Ты служишь жидам. Ты нарушил присягу, данную СССР. Переметнулся на сторону врагов России, которые купили тебя с потрохами. Ты хуже жида, потому что бросил к их ногам все, что свято для русского человека. Ты — шабесгой, а это хуже собаки.

На верхних палубах, где собрались соглядатаи, слышался ропот:

— Да это фашист!

— Вот видите, господа, миф о русском фашизме — вовсе не миф!

— Почему его не убили? Зачем привели на корабль?

Толстова-Кац навалилась кулями грудей на поручни, распушила пышные юбки. Словно сова, нависла над пленником, готовая вцепиться в него когтями и отточенным клювом.

Посол Киршбоу покрылся розовыми пятнами, пытливо взирал на пленника, на Есаула, словно старался отыскать существующую между ними тайную связь.

— Быть может, тебя обидела власть? Кто-то сломал твою карьеру, и ты решил отомстить? — Есаул старался не выдать волнения, горького сострадания, мучительного влечения в то исчезнувшее драгоценное время, когда в далекой, сине-розовой, изумрудно-зеленой стране, среди разноцветных хребтов и горячих пустынь двигались русские полки. Империя казалась незыблемой, тянулась к «теплым морям», из Кандагарской долины одним рывком Россия могла очутиться на жарких берегах океана, омыть броню своих танков в соленой океанской волне, и они, офицеры великой армии, продолжали вековечное русское дело. На их утомленные лица ложился загар великих азиатских пространств.— Быть может, глаза твои затмевает месть, и ты не видишь истинного положения вещей?

— Истинное положение вещей в том, что ты предатель! Предал Россию, предал армию, предал русский народ! Служишь жидам! — Полковник Клычков, отекая кровью, упирался спиной в мачту, чтобы не упасть. Плыл на носу корабля среди волжских разливов, цветущих лугов, опалая ненавистью толпящихся на палубе врагов, которые тянули к нему жадные руки, тыкали пальцами, желали ему смерти. — Ты служишь жидам, которые изгрызли Россию, сожрали ее богатства, изводят под корень народ. Жид сидит в банке. Жид — в Генеральном штабе. Жид — в церкви. А русский народ исчезает, оставляя после себя одно бесконечное кладбище!

Есаул видел, как жадно наблюдает за ними обоими посол Киршбоу. Как Толстова-Кац насылает сверху колдовскую тучу, из которой в глаза полковника сыплется ядовитый перец, вызывая больные слезы, на рану в ногу льется ядовитый рассол, причиняя нестерпимую боль, в душу вливаются яды, не оставляя надежды. Пленник, сражаясь из последних сил, борясь с неминуемой смертью, плюнул Есаулу в лицо:

— Жидовский прислужник!

Есаул страдал, сносил оскорбления. Был не в силах кинуться к боевому товарищу, разнять наручники, подставить плечо. Отвести в каюту и там омыть глубокую рану, наложить повязку. Вынести из боя, прикрывая собой, как когда-то на быстрой реке прикрыв его капитан

— Полковник, зря растрачиваешь свое красноречие, — произнес Есаул. — Лучше расскажи, что за группу ты сколотил. Чего добивался.

— Это группа возмездия. Одна из многих, кто уже начал мстить. Уже взяты на учет все предатели, их виллы, дворцы, их банковские счета и их злодеяния. Уже собрано на тайных складах оружие, снаряжены фугасы, сложились боевые тройки. Все готово к восстанию, и скоро полетят на воздух ваши «мерседесы» и джипы, запылают ваши дворцы, и жидовская кровь окропит измученную русскую землю. На улицы городов и поселков выйдет русская молодежь. Исполненная праведным гневом, пройдет своим маршем, поднимая руку к русскому солнцу, выкликая «Слава России!». Каждая русская слеза, каждая оскорбленная женщина, каждый растленный ребенок будут отомщены. Мы подстерегали ваш развратный ковчег и хотели его уничтожить. Не удалось. Сделают другие. Еще не успеет просесть моя могила, как вы все

погибнете! — Черно-синие глаза полковника пророчески сверкали. Бледное лицо сотрясала конвульсия ясновидения. На горле дрожала пульсирующая толстая жила. Голос казался клеточным ярыстной птицы.

Есаул горевал, любил его, казнимого у стального столба. Думал, как вырвать из рук палачей, спрятать до времени в надежное место, покуда не начнет осуществляться сокровенный план. Тогда полковник Клычков будет призван на службу. Войдет в новую элиту России. Будет верным соратником. Вновь воскреснет их русское, офицерское братство.

Толстова-Кац брызгала уксусом, который попадал в глаза полковника, выжигая зрачки. Выплевывала язычки ядовитого пламени, которые прожигали тельняшку, оставляя на теле кипящие волдыри. Протягивала длинные пальцы, с которых слетали дрожащие синие молнии, впивались в пленного, пытая электрическим током.

— Убейте меня! — слабей, хрипел полковник. — Иначе я вас убью!

Есаул панически думал, как прекратить истязания. Как укрыть полковника от мучителей. Как не выдать себя, сохранив драгоценный план.

— Убейте меня, жиды! — хрипел полковник Клычков.

Есаул повернулся туда, где стояли бойцы «Альфы» в черных мундирах и масках. Сквозь прорези смотрели их выжидающие глаза. Собирался позвать командира.

Сквозь цепь охраны на палубу вдруг вышел губернатор Русак, маленький, с колючими усами и азартной улыбкой. На голове его красовалась тирольская охотничья шляпка с фазаньим пером. Шерстяные гетры, вельветовая безрукавка, кожаный ягдташ на боку — все выдавало в нем нетерпеливого охотника. В кулаке был сжат поводок, на котором хрипел, рвался, перекачивал дрожащие мускулы белесый бультерьер.

— Куси его! — визжала сверху Толстова-Кац, втыкая в воздух длинные, с загнутыми ногтями пальцы, с которых сыпались молнии. — Вырви горло мерзавцу!

Губернатор Русак сорвал с бультерьера намордник. Оскаленная дикая пасть с розовыми деснами и яркими клыками рванулась вперед.

— Куси его! — визжала колдунья.

Русак спустил поводок. Пес длинным мощным броском кинулся к пленнику. Хрипя, припал мордой к его открытой шее, к синей пульсирующей вене. Сомкнул клыки. Было видно, как они утонули в хрустящей плоти, как хлынула темная кровь. Пес тяжело повис на пленнике, скоблил лапами, вгрызался все глубже в горло. Лобастое лицо полковника помертвело, черно-синие глаза закатились. Он стал оседать, скользил вдоль железной штанги.

Толстова-Кац прыгнула сверху на своих растворенных юбках, словно на огромном парашюте, раскрыв громадные, как бидоны, ляжки, обтянутые белым трико. Опустилась рядом с собакой. Стала танцевать, приплясывать, подхватывала с палубы свежую кровь, жадно слизывала. На палубах рукоплескали, раздавались свисты, словно на трибунах Колизея ликовала толпа, наблюдая смерть гладиатора.

Прошла не одна минута, прежде чем охранники оттащили дикого пса, засовывая ему в клыки ствол автомата. Отняли у бультерьера мертвого, с перерезанным горлом полковника. Завернули в брезент. Подняли на борт вертолета. Машина, свистя винтами, ушла в солнечном блеске. Матросы швабрами мыли палубу, убирали розовую собачью пену, черную кровь. Губернатор Русак напялил на бультерьера намордник, взял на поводок и ушел. Возбужденные гости покидали верхнюю палубу, отправлялись в бар, чтобы крепкими напитками прогнать ужасные впечатления.

Есаул, твердый, сдержанный, ничем не выдавая своих переживаний, обратился к послу Киршбоу:

— Теперь вы видите, господин посол, почему мы вынуждены были прибегнуть к усилению государства, к выстраиванию вертикали власти? В России, как никогда, велика угроза фашизма. Существует военное националистическое подполье. Только жесткая власть спасет страну от еврейских погромов, от холокоста, который навис над русскими евреями. Мне кажется, Госдепартамент преуменьшает опасность такой угрозы. Надеюсь, вы, господин посол, явившись свидетелем ужасной сцены, теперь глубже понимаете эту проблему?

— Да, это было ужасно.— Посол батистовым платочком вытирал каплю крови, попавшую на его белые шорты.— Мне кажется, в Госдепартаменте недостаточно знают Россию.

— Пойдемте в бар. Нам не вредно выпить. Каков герой этот губернатор Русак!

После полуденного потрясения, что пережили пассажиры теплохода, иные пребывали в смятении, иные в глубокой задумчивости. Лысинка Жванецкого перебегала с места на место, тебила встречных и спрашивала: «Правда, что у этого чудовища на груди была выколота свастика и надпись: «Еврей, умри!»?» Круцефикс, сам, отчасти являясь свастикой, оправдывался: «Но ведь даже министр культуры Швыдкой сказал: «Русский фашизм страшнее немецкого»». Одесские скрипачи, опасаясь погромов, запросились домой. Негры из Нового Орлеана подкрасились белой пастой и, в целях маскировки, нахлобучили колпаки ку-клукс-клана. Добровольский кому-то звонил в Израиль и на чистом иврите сообщал: «Я всегда различал понятия «жид» и «еврей». Жид, извините, — это тот, кто никогда не хочет делиться». Продюсер из программы: «Тюрьма и воля» рыдала: «Разве я виновата, что моя прабабушка, будучи проездом в Витебске, согрешила с местным художником Марком Шагалом, и тот нарисовал ее голой, летящей по небу и как ее в задницу клюет красноперый петух?»

Обед прошел тихо, без обычного воодушевления, заздравных тостов и выкриков. Хотя кухня была отменной и состояла из земноводных, рекомендованных к употреблению большим гурманом и знатоком экваториальных меню Михаилом Кожуховым.

Подавались панцири морских черепах, фаршированные гречневой кашей с повидлом из перуанской сливы. Хорош был бульон из тритонов, выловленных в болотах Флориды, в который рекомендовалось добавить несколько зернышек проса. Зажаренные на палочках саламандры сохранили оранжевые пятна и смешно растопыренные пальчики на скрюченных ножках, которые обгладывались с легким, приятным хрустом. Сибирские гадюки, узбекские эфы, пакистанские кобры, приготовленные на углях, легко расставались с кожей, их розовое мясо соскальзывало с длинных скелетов, а головы с пучками душистых трав сохраняли змеиный запах. Хамелеоны Австралии сберегли тот цвет, которым обладала их кожа в момент падения в кипяток; выложенные на блюдо, переливались всеми цветами радуги, а их скрученные в спирали хвосты напоминали морские раковины. Лягушек Рио-Негро и жаб Амазонки рекомендовалось есть с острыми подливками из мексиканского перца. К игуанам пустыни Калахари при-

лагались соусы из древесных грибов. Жульен из головастиков подавался чуть охлажденным, чтобы ощущалась приятная прохлада, когда липкое существо проскальзывало в пищевод. Все это обильно запивалось французскими и итальянскими винами, однако не вызвало ожидаемого триумфа, ибо у гостей сохранялись тихое недоумение и печаль.

Желая воодушевить застолье, к концу обеда вышла мажордом, копия Регины Дубовицкой:

— Дорогие мои, здесь, на теплоходе, нет «ни эллина, ни иудея», а потому нас всех ожидает сюрприз. К вечеру мы подплывем к прелестному месту, к заповедному бору, где нам уготован пикник на берегу. Основным блюдом будет шашлык из медвежатины. Медведя застрелят самые отважные и меткие из наших мужчин. На берегу нас ждут баня, языческие игры и ночные увеселения, в которых все дозволено.— С этими словами она пленительно улыбнулась, а Гальцев и Карцев, накануне изображавшие сатиров, пугливо полезли под стол. Все разошлись на послеобеденный отдых. Есаул, на ком лежала подготовка охоты, предложил Куприянову отправиться вместе с ним на медведя.

— Извините, я не люблю пролития крови, ни медвежьей, ни человеческой,— с презирающей улыбкой отказался Куприянов.

Предложение было сделано послу Киришбоу.

— Да нет, Василий Федорович, у себя в Америке я член Общества охраны китов. Не могу же я здесь, в России, уничтожать медведей.

Согласился Франц Малютка:

— Давай, Вася, медведя завалим. А то я что-то обабился с Луизкой. Хрен ей под мышку засунул.

Когда солнце склонилось к воде, и река стала розовой, с нежными голубыми отливами, теплоход бросил якорь недалеко от берега, поросшего вековыми елями. В бору было сумрачно, у корней багровели пятна низкого солнца. Пассажиры оставили корабль и на лодках достигли берега. Стали аукать, играть в прятки, собирать чернику и ежевику. Неподалеку, у воды, стояла рубленая баня, навес с деревянным столом и лавками. Появились закуски, напитки. Все располагало к веселью, возбуждало аппетит. Есаул и Малютка на вездеходе, в сопровождении егерей отправились в охотничий заказник, где на лесных опушках был посеян овес. На эти полянки в сумерках выходили медведи лакомиться

сладким овсом. На елках, как большие темные гнезда, были сооружены стрелковые позиции. По приезде в этих гнездах, карабкаясь по шатким лестницам, и укрылись охотники, уложив на сушь многозарядные карабины.

Они сидели на ветвистой сосне, на двух соседних суках, где были сооружены небольшие дощатые площадки, укрытые хвоей. Карабины лежали на ветках, стволами к делянке, на которой колосился овес, сизо-зеленый в сумерках, с проседью, с дышащим голубым туманом. Из леса бесшумно наползала тьма, просачивалась из темных деревьев, неразличимых у корней, слабо озаренных к вершинам. Заря погасла, в холодном зеленом небе стояла белая, сочная луна, с легким блеском, окруженная прозрачным свечением. Птицы переставали петь, молча взлетали вверх, стараясь взглянуть на зарю, и камнем падали в деревья, замирая во мраке. Лишь последняя малиновка уселась на тонкую вершину, несколько раз просвистала, осеклась и прынула во мглу.

Есаул замер, окруженный кистями хвои, очарованный ночной природой, великолепием сияющей луны, каменной зеленью неба, благоуханиями земли. Пахло сырыми мхами, теплыми смолами, сладким духом молодого овса, его млечными соками, к которым тянулись невидимые могучие звери, обитавшие в чаще. Его охватило восхищение, таинственное благоговение, какое испытывал только в юности, оказываясь среди Волоколамских лесов и болот, куда уезжал на свою юношескую охоту. Тогда его жизнь была полна предчувствий, молитвенных ожиданий, поэтических предвосхищений, суливших небывалую любовь, несравненное творчество. В своих блужданиях по безлюдным полям и опушкам он ждал для себя неповторимой судьбы, богоизбранной доли. Мечтал навсегда расстаться с Москвой, уйти в леса, срубить под дикой сосной деревянную келью и схимником, созерцая божественную красоту, посвятить себя познанию высших тайн.

Теперь, в этом охотничьем гнезде, нежданно, после дневных треволнений, его посетило то давнишнее влечение — уйти от мира. Осторожно спуститься с дерева, погрузиться в глубину ночного леса и навсегда раствориться среди безымянной природы. Скрыться от непосильных забот, которые требовали нечеловеческих усилий, жестоких жертв, беспощадных деяний.

Его переживания прервал Франц Малютка, которого темнота и отсутствие Луизы Кипчак побуждали к откровениям.

— Слышь, Вась,— шепотом произнес он, почти неразличимый во мраке, похожий на большую черную копну, поднятую на сосну.— А ведь прав этот полковник Клычков — жиды заели. Куда ни глянь, всюду жид. И живем по-жидовски, и думаем по-жидовски. Я вот деньги, как жмот, на шахтерах варю, зарплату им не выплачиваю, шахты не ремонтирую. У меня в Воркуте авария, тридцать мужиков под землей осталось. Мой грех. Как буду отмаливать? Вернусь из этого гребаного плавания, полечу в Воркуту, всех вдов и сирот озолочу. Может, простится грех-то?.. Только бы Луизка не узнала,— поспешно добавил он.— Совсем задолбала баба!

Есаул остановил его жестом, дотянувшись сквозь ветку. Нельзя было нарушать тишину. Можно было спугнуть медведя, который поднялся с нагретой лежки, бесшумно пробирался в лесу, чутко тянулся на сладостные ароматы молодого овса. Его приближение улавливал Есаул лобным оком, угадывая зверя среди древесных стволов, чувствуя его грациозно-тяжкую поступь, жаркие стуки могучего сердца, перекаты железных мышц.

Медведь возник на опушке, как сгусток тьмы, отделившись от зыбкого мрака деревьев. Сначала темное пятно оставалось недвижимым — медведь озирался, затягивал воздух ночи, стараясь различить среди травяных и древесных запахов дуновение опасности. Пятно стало медленно двигаться вдоль делянки, почти сливаясь с опушкой. Переместилось в сизую гущу колосьев, где было больше пространства и лунного света. И зверь стал виден.

Есаул ощущал непомерную силу и грацию зверя. Видел слабый блеск жесткой шерсти, отражавшей луну. Чувствовал восхитительную гармонию мира, в которой медведь вместе с травами, ночными цветами, туманной луной был свидетельством вселенской красоты и божьего промысла. Ствол карабина на древесном суку не являлся орудием убийства — был вписан в эту гармонию, отражал тонкий лучик луны, сливался с веткой сосны.

Медведь остановился среди делянки, освещенный луной, отбрасывая прозрачную тень. В шерстяной голове угадывались небольшие, полные лунного света глаза, мокрый, чутко нюхающий кожаный нос. Он поднялся на задние лапы и сел, став похожим на огромного человека. Есаул подумал, что медведь напоминает Франца Малютку — такой же раскормленный торс, могучие плечи, маленькая заостренная голова. Медведь снова упал на четыре лапы, стал есть овес. Было слышно чавканье, шелест метелок.

Есаула охватило волнение. Зверь медленно приближался, все отчетливее виднелся среди тускло-серебристой деланки, слабо освещенный лунной. Благоговейное созерцание и молитвенное восхищение сменились азартом охотника, к которому приближалась добыча. Гармония мира не распалась, но в ней обнаружились натянутые струны, соединявшие ствол карабина с медведем, луну с вороненым стволом, заряженные в обойму патроны с бьющимся сердцем зверя.

Малютка на соседнем суку был зачарован, словно ему навстречу вышел из леса брат, с которым он не виделся миллионы лет, и теперь на лесной опушке состоялась долгожданная встреча. Есаул чувствовал их древнюю реликтовую связь, тотемное родство.

Медведь приближался. Все ярче под лунным светом загоралась его стеклянная шерсть, все отчетливее проступали его выпуклости и углубления, в одно из которых ворвется разрывная пуля, превращая жаркую сердцевину зверя в фонтан боли и разрушения.

Он начал осторожно поднимать карабин. Малютка потянулся навстречу брату, сместил на ветке центр тяжести своего огромного тела. Сук затрещал, обломился. Малютка с грохотом, успевая материться, проваливался сквозь сосну на землю. Плюхнулся в овес, распластываясь в колосьях, медленно поднимаясь. Медведь вначале отпрыгнул, оттолкнувшись, как на рессорах, четырьмя лапами, а потом, словно его толкнула мощная катапульта, ринулся на Малютку. Они столкнулись, оба с рычаньем, хрипом. Обнялись, как борцы, и стали качать друг друга, делали подножки, вывертывались. Казалось, в хрипе медведя слышится мат, но это не ругань ненависти, а избыток радостных чувств. Долгожданная для обоих встреча состоялась. Под лунной, окруженные лесом, они целовались и топали, совершая на овсяном поле ритуальный языческий танец.

Все длилось секунды. Схватив карабин, Есаул соскользнул с сосны. Кинулся на помощь Малютке. Видел, как одолевает медведь, как лапища выдирает из спины человека то ли клочок одежды, то ли сочный лоскут мяса. Подскочил, просунул ствол под мышку Малютке, упираясь в давящее косматое туловище. Нажал на крючок, изрыгая из карабина огонь, разящие многократные удары, отбросившие зверя. Медведь упал навзничь, как человек, лапами вверх. Малютка как куль отвалился в сторону. Есаул, наклоняясь к медведю, разрядил в него остаток обоймы.

Медведь издох. Над полем, насыщенное лунным светом, плыло облачко дыма. Малютка тяжело поднялся. В ночном воздухе пахло медовым овсом, сгоревшим порохом, парной развороченной плотью и зловоньем страха, которое исходило от Малютки. И уже выбегали на опушку егеря, гремел мотором вездеход, вырывая лучами гривы овса.

— Ты меня спас,— сипло сказал Малютка.— Я теперь твой должник по жизни. Проси чего хочешь.

— Порвал тебя зверь? — Есаул осматривал помятую фигуру Малютки.

— Кажись, нет. Только кожанку разодрал.— Малютка заводил руку за спину, нащупывая вырванный клочок.

Подкатил вездеход. Егеря осматривали зверя, хвалили выстрелы. Азартно, предчувствуя близкую трапезу, водку, комья жареного сочного мяса, заволакивали косматую тушу на вездеход. Через полчаса уже мчались обратно к берегу Волги, где их поджидали костры, вертела, уставленные бутылками столы. Есаул чувствовал рядом большое дышащее тело Малютки. Усмехался в темноте — новообретенный друг не знал и никогда не узнает, что сук, на котором он сидел, был подпилен и рухнул после несильного нажатия Есаула.

На берегу горело несколько красных костров. На темной воде, окунув в глубину длинные золотые отражения, застыл корабль. Путешественники возбужденно окружили егерей, которые свеживали медведя. Туша башкой вниз была подвешена под толстый еловый сук. Егеря орудовали мокрыми блестящими ножами, рассекали шкуру от паха к горлу, проталкивали под кожу кровавые кулаки, с треском отделяли оболочку от плоти. Распахивали, словно тяжелую сырую шубу, под которой обнажалось багровое, в жилах и мускулах тулово. Резали хрящи, рассекали сухожилия. Кидали мокрую, тяжелую шкуру на землю. Медведь висел под елью, голый, жуткий, как человек, с которого содрали кожу. Когтистые передние лапы почти касались земли, раскрытая пасть вывалила слюнявый язык, в паху, окруженные синими венами, набухли семенники. В стороне, у другого костра, устанавливали над жаровней железный вертел, расставляли сковороды для медвежьего сердца, почек и печени.

Есаул и Малютка, утомленные страхами, борьбой, смертельной опасностью, пропитанные потом и кровью, отправились в

баню, где их поджидали банщики — капитан теплохода Яким и два его верных помощника. Сбросили белоснежную, с золотыми позументами форму, отцепили кортики. Синеглазые, с литыми обнаженными торсами, крепкими голыми ногами, были опоясаны по бедрам короткими льняными фартуками. Истопили до сухого звона и прозрачного жара баню. Приготовили три дубовые лоханки, где распаренные, потемнелые, лежали веники — березовые, дубовые и эвкалиптовые, распуская мятные и пряные ароматы. В предбаннике был накрыт стол. Стояли баклаги с медовухой и квасом, деревянные черпаки и кружки. По бревенчатым стенам были развешаны чистые простыни, мохнатые полотенца.

— Попарить вас веничком, Василий Федорович? — любезно предложил Яким.

— Покуда мы сами,— сказал Есаул.— А вы где-нибудь рядом, в сторонке побудьте.

Оставшись вдвоем, два побратима скинули сырую нечистую одежду, перепачканную смолой, землей, кровью. На бугристой волосатой спине Малютки багровели царапины, проведенные медвежьей пятерней. На груди, фиолетовый и огромный, наливался синяк.

— Кабы не ты, брат, парился бы я сейчас в другой бане, в гостях у Топтыгина,— хохотнул Малютка. Подхватил лохань с березовыми вениками, приоткрыл дверцу в парную, и они друг за другом из прохладного предбанника нырнули в прозрачное пекло, где воздух звенел и светился от нестерпимого жара.

Керосиновая лампа была окружена голубым сиянием. В струганных бревнах смугло блестела смола. Булыжники в каменке были малиновые. Дощатых полок было невозможно коснуться. Они постелили полотенца, уселись, чувствуя, как раскаленное дерево подбирается к ягодицам. Сидели, взяв во рты серебряные крестики, оттягивая жгучие цепочки. Привыкали к жару, ошалело моргали глазами, покрываясь стеклянным блеском.

— Теперь, Вась, ты мой брат, и я у тебя в неоплатном долгу. Если тебе орган какой пересадить, бери у меня. Если деньги нужны, бери половину всего капитала. Хочешь, в долю тебя возьму, подарю половину пакета акций. А лучше, уедем с тобой на Амазонку.— Франц Малютка блаженно отекал жарким потом, который вытапливал из него ужас смерти, оставляя в огромном теле ощущение сладостной жизни, возможность пользоваться ею вопреки всем напастям.

— Почему на Амазонку? — спросил Есаул, теребя языком серебряный крестик, подарок духовника, схимонаха Филадельфа, встреча с которым предстояла через несколько дней на одном из озерных островов.— Почему Амазонка, Франтик?

— На Амазонке, я слышал, живут ядовитые бразильские муравьи. Хочу поймать одного, привести в Москву и выпустить на тещу. Пусть ее укусит. Как ее терпел покойный Кипчак, один Бог знает. Говорят, он был милейшей души человек, а она заставляла его изображать курицу-несушку. Бывало, сделает посреди его кабинета соломенное гнездо, усадит голого и скажет: «Сиди, дорогой, на яйцах». А сама к курсантам военно-морского училища на бал уезжала. Мне Луизка под большим секретом сказала, что Стеклярусова муженька своего задушила подушкой, когда тот приревновал ее к капитану третьего ранга. Коварнейшая бабенка, должен сказать. Тувинец Тока выходил от нее с заплаканными глазами. Говорит, она заставляет его изображать горную орлицу, для чего голого сажает на шкаф. Мы договорились с Токой, он подсадит ей бразильского муравья.— Простодушное лицо Малютки преисполнилось тонкого коварства.— Мадам Стеклярусова велит высыпать себе на спину рыжих лесных муравьев, чтобы они ее жалили муравьиным спиртом. Тока обещал подсадить бразильского муравья к нашим лесным мурашам. Укусит старую блядь, и многие от нее отдохнут.

Малютка схватил деревянный ковшик, черпнул из кадки воду, кинул на малиновые камни. И казалось, в бане взорвалась граната — дым, обжигающее пламя, крики изувеченных людей. Есаул чуть было не слетел с полки, окутанный пламенем, как человек-факел. Малютка махал кулаками, отбивался от разъяренных духов воды и огня. Когда бешеные демоны, пометавшись под потолком, улетучились сквозь невидимые щели, оба взяли из лохани по березовому венику. Стали обмахиваться, поднимая вокруг протуберанцы раскаленного воздуха. Обхлестывали себя, покрикивали, шелестели раскаленными ворохами, которые оставляли на коже румяные пятна, словно их целовала краснотелая великанша. Веники осыпали духовитые листья, и один, как водится, прилип к толстой ягодице Франца Малютки.

Вывались из парной головами вперед. Плюхнулись на холодные лавки, чудесно остужавшие накаленные задницы. Спешили влить в себя ковши прохладного кваса. Хлюпали, проливали благословенный русский напиток на бурные, дышащие груди.

Отдыхали в прохладе, глядя в растворенную дверь, как на золотом отражении парит волшебный корабль.

Отдышавшись в прохладе, похватали из лоханки дубовые веники. Прикрываясь ими, как солдаты внутренних войск прикрываются щитами, кинулись в пекло парной. Их снова охватили огни, раскаленные камни, готовое задымиться дерево. Сидели с крестами в губах, выпучивали сияющие глаза на покрасневших лицах.

— Я Луизку люблю, ты знаешь.— Франц Малютка испытывал потребность делиться с новообретенным братом переполнявшими его чувствами.— Она женщина замечательная, баба клевая. Таких я еще не видывал. Может позвать меня эдаким ласковым голосом: «Подойди ко мне, милый», а когда подойду, засадит кулаком мне под глаз. Классно! Или: «Подари мне, милый, бриллиантовый перстень, как у жены Президента Порфирия!» Я тут же, конечно, дарю, а она его — в унитаз. Но вчера такой сюрприз отмочила, даже не знаю, как объяснить. Тебе по-братски скажу. Представляешь, у нее под мышкой вторая дырка открылась, точь-в-точь как первая, только поменьше. Она меня к этой дырке стала приманивать. Подняла вверх локоток и зовет: «Милый, поставь мне градусник. Кажется, я нездорова». Один раз поставил, второй, третий. «Все,— говорю,— градусник сломался. Вся ртуть вытекла». А она говорит: «Ладно, миленький, ступай в ванну. Принеси градусник для температуры воды, с деревянным набалдашником».

Удивляясь метаморфозам своей суженой, Франц Малютка подхватил ковшом из бадьи, метнул на булыжники. Казалось, в печке открылся вулкан, ударил фонтан кипятка, полетели раскаленные камни, рванули ввысь свистящие вихри из самого центра Земли. Оба, голые, заслоняясь руками, напоминали персонажей картины Брюллова «Последний день Помпеи». Когда буря понемногу улеглась, и они выглядели как раки в кипятке, с остановившимися выпученными глазами, их ослабевшие руки дотянулись до дубовых веников. Стали обмахиваться, сначала немощно, потом все сильнее и сильнее, входя в раж, занимаясь самоуничтожением. И, только вспомнив христианскую заповедь, категорически возбраняющую самоубийство, неохотно откинули веники и устремились наружу. Есаул заметил, что к могучей ягодице Малютки, рядом с березовым, прилип волнистый дубовый лист.

Вновь остывали, как две малиновые, выхваченные из горна поковки. Пили студеный квас, любовались далеким видением корабля, стоящего на золотых столбах. Слушали отдаленные возгласы толпы, ликующей при виде насаженного на вертел медведя.

Есаул продолжал размышлять о таинственном плане, который мерещился среди дурацких выходов, коварных интриг, развратных развлечений и содомских усад. Старался угадать таинственного демиурга, управлявшего заговором, носителя inferнальной идеи, которая испускала черные лучи сквозь разноцветную маскировку.

Колдунья Толстова-Кац своей ворожбой и чарами сводила с ума, напускала порчу, лишала воли. Она насаждала зло, мучила души, окружала план незримым покровом, ослепляя всякого, кто желал его разглядеть. Наносила разящие колдовские удары тем, кто приближался к сокровенному ларцу, где хранился тайный свиток с халдейскими письменами, и была начертана ужасная истина. Но не она, чародейка и ведьма, была составительница тайного свитка, создательница inferнального плана.

Добровольский, развратный старец и бессменный масон, ведущий свою родословную от тамплиеров и розенкрейцеров, искусный игрок и ядовитый паук, окруживший своей паутиной несметные сонмы людей, хранитель несметной казны, знаток криптограмм, плетущий из века в век нескончаемую, от библейских времен интригу. Организатор, он сводил воедино усилия заговорщиков, устанавливал связи, соединял олигархов, запускал свои щупальца в министерства и партии, военные штабы и разведку. Но не он был творцом темноты, не он взрастил адский кристалл, от которого исходили черные лучи мирового затмения.

Губернатор Русак, ненавистник, садист, мучитель людей и животных, насаждавший в святом для России городе порок и растление, оспаривающий победу святого князя Александра над «псами-рыцарями», ратующий за переименование Новгорода в Ноебург. Он был виновен в безвременной гибели писателя-историка Дмитрия Балашова, когда тот докопался до генеалогии губернатора. Выяснил, что Русак ведет родословную от трусливого зайца, попавшего под копыта коня, на котором Александр Невский возвращался после победы над тевтонами. Чем и объясняется лютая ненависть губернатора к памяти великого князя. Русак носится с дурковатым модельером Словозайцевым из-за присутствующей в его фамилии «заячьей» составляющей. Хлещет до кро-

ви собаку, садистски мучит манекенщиц, доводя их до любовного исступления и многократно прерывая оргазм, после чего у нервических дев случается трехдневный припадок смеха. Но не он, потомок летописного зайца, является демиургом зла, носителем inferнального смысла, князем темноты, чье излучение туманит полдневное солнце, свертывает молоко в кормящей груди, среди летнего зноя превращает летящую птицу в комочек мертвого льда.

И уж конечно, не Куприянов, надувной политик, брызгающий одеколон на лобок, часами перед зеркалом любующийся своей наготой, глотающий сырые яйца, запечатленный коварным Шмюльрихтером с расстегнутой ширинкой и бокалом шампанского.

И конечно, не усы Михалкова, не лысинка Жванецкого, не тухлая шляпа Боярского, которые сами по себе не являются злом, а лишь полным отсутствием добра.

Есаул пил квас, погруженный в думу, пока остудившийся Малютка не толкнул его локтем. Указал воловьими глазами на дверь в парилку. Они подхватили по эвкалиптовому венуку и внеслись в невыносимое, но уже ставшее желанным пекло.

Баня благоухала березняком и дубравой. К этим русским ароматам примешался скипидарный дух эвкалипта, навевавший мечты об экзотических странах, где людям не нужно добывать в трудах средства к жизни, а только протягивать вверх ленивую руку и срывать с ветвей благодатные плоды. Оба мужчины сидели в позах роденовского «Мыслителя». Малютка исходил крупными каплями пота, и с него, как с тающего ледника, текли ручьи.

— Ты мне, Василий, брат. И Куприяныч брат. Жалею, что между вами базар. Я поговорю с Куприянычем, чтоб перестал тебя брать на понт. Станет он президентом, пойдешь к нему работать. Хочешь, в Администрации оставайся, хочешь, становись премьером. Только нынешних министров всех на хуй пошли. Один Дезодорантов чего стоит. Этот фраерок пушку когда видал? Ему в общественном туалете работать, что рядом с пивным рестораном.

— Я тебе, Франтик, вот что на это скажу. Ты мужик самостоятельный. У твоей Луизы под мышкой сам знаешь, что прорезалось. Тебя чуть медведь не заломал. Это знамения. Тебе выбирать между Куприяновым и Россией. Через день приплывем на остров, где находится святая обитель. Там, в келье живет дивный старец,

схимонах Филадельф. Он меня окормляет. Ты ему исповедуйся, испроси, что делать. Он тебе духовные очи откроет.

С этими словами Есаул потянулся к ковшу, и через секунду парная напоминала Багратионовы флешы и батарею Раевского, где стреляли сотни орудий, свистела картечь, тучи всадников неслись, рубя направо и налево блестящими саблями.

Эвкалиптовые веники, которыми охаживали себя Есаул и Малютка, превратили банный пар в маслянистый дурман. Длинные листья, касаясь кожи, впрыскивали в поры тончайший эликсир, который веселил душу, пьянил кровь, румянил лица, превращая банный ритуал в сеанс омоложения. Когда поредевшие веники были брошены обратно в лохань и побратимы откинулись на полках, позволяя горячему ветру овеять самые интимные части тела, дверь приоткрылась. В парную просунулась Толстова-Кац, вездесущая и нахальная ведьма, привлеченная в баню размышлениями Есаула о тайном плане. Способность считывать мысли на расстоянии была главным даром волшебницы. За это ее ценили спецслужбы различных стран, множественным агентом которых она являлась. Она была в одной сорочке необъятных размеров, из которой вываливались рыхлые кули голубоватых грудей, жирные плечи с жировиками и фиолетовыми пятнами пигмента, толстенные бугристые ноги со скрюченными, належавшими один на другой пальцами. Однако лицо ее было густо нарумянено, крючковатый нос любопытно вертелся, совиные глаза круглились, на старушечьих пальцах сверкали неизменные бриллианты.

— Вот вы где, добры молодцы! — язвительно хихикнула колдунья.— Ведмедя убили. Ведмедь, он ведает. А я ведьма. Вы мужа маво убили, сделали меня вдовицей. Кто вдовицу полюбит, приглубит, в баньку позовет? Может, подсяду к вам? Веничками меня поласкаете?

— После нас,— указал ей на дверь Есаул.— Мои банщики вас попарят.

Колдунья исчезла, и Малютка сказал:

— Ишь, старой лахудре свежатинки мужской захотелось. Пора, братан, сматываться, пока она дверь колом не приперла.— Он соскочил с полки, и Есаул с удивлением заметил, что к его ягодице, рядом с березовым и дубовым, приклеился лист эвкалипта. «Гербарий, да и только»,— подумал Есаул, выходя в предбанник.

Пока они одевались, снаружи на черном лугу, белая, как привидение, маячила в сорочке Толстова-Кац. Появился капитан Яким с помощниками.

— Василий Федорович, дама сказала, что вы ее пригласили в баню и нам ее нужно попарить.

— Все верно. Попарьте ее, капитан.

— По схеме «А» или схеме «Б»? — спросил пунктуальный Яким, похожий на античного бога в набедренной повязке.

— Попарьте ее по схеме «Б-прим», — ответил Есаул и вслед за Малюткой отправился к далекому костру, где метались темные тени.

— Мальчики.— Толстова-Кац приблизилась к банщикам, которые предупредительно склонились перед ней.— Да какие же вы статные, ладные. Просто загляденье! — Она шаловливо попыталась залезть к ним под льняные повязки.— О, да у вас есть, чем позабавить бедную вдову!

— Нам приказано препроводить вас в баню и сделать все для вашего удовольствия, — любезно произнес капитан Яким, чей атлетический торс отсвечивал в свете яркой керосиновой лампы.— Мы должны вас попарить по схеме «Б-прим».

— А что, позвольте узнать, означает эта загадочная схема? — поинтересовалась Толстова-Кац, кокетливо переступая слоновьими ногами.

— «Б» означает — «большая», а «прим» означает — «примадонна».

— Я готова, мальчики, к делу!

Она ступила через порог в предбанник. Совлекла сорочку, вывалив огромную массу хлюпающих желеобразных телес. Стала похожей на резиновый надувной бассейн, каким пользуются в гарнизонах, — колыхала огромными грудями, на которых темнели сморщенные, как чернослив, соски, раздвигала жирные вислые бока, выпячивала пухлый синий живот с пупочной грыжей.

— Примадонна к вашим услугам.— Она томно взглянула на банщиков и вошла в парную. Капитан Яким и оба помощника схватили деревянный ушат с березовыми вениками, внесли вслед за ведьмой и плотно затворили дверь.

Она взгромоздилась на полку, разлеглась, расплываясь по горячим доскам, словно гигантская медуза. И сразу же стала испаряться, окуталась туманом. В бане запахло плесенью, гниющими

ми водорослями, разлагающимися моллюсками, как на берегу Карибского моря.

— Поехали, мальчики! — нетерпеливо произнесла волшебница.

Капитан Яким окатил раскаленные камни водой, и баня на минуту превратилась в кромешный ад, в котором мучаются грешники, кипят котлы и черти, голые по пояс, готовят орудия пыток. Но ведьме было хорошо в этом уголке ада. Она постанывала сладострастно, торопя:

— Ну, скорей же, милые!

Молодцы схватили по венику. Провели горячими пучками вдоль горбатой спины. Шмякнули жидкие ворохи на поясницу, на шею, отчего колдунья сладко взывала.

— Эх!..— воскликнул помощник капитала и хватанул веником по бабьей спине.

— Ох!..— подхватил второй и шмякнул прутьями по мясистому боку.

— Эх!.. Ох!..— понеслось.— Эх!.. Ох!..— Мускулистые руки махали, веники свистели, колдунья с каждым ударом раздувалась, ибо переполнявшая ее влага расширялась при высокой температуре.— Эх!.. Ох!..

Капитан Яким надел тряпичную варежку. Нагнулся и достал из-под лавки железный прут. Дунул на него, словно хотел остудить. Вложил его в веник, передал помощнику. Наклонился, достал второй прут, вложил во второй веник, отдал другому

— Ну, где же вы, соколики! — шевелилось на полке громадное туловище.

— Эх!..— крикнул банщик и опустил на колдунью березовый веник, в который был вживлен стальной прут. Ведьма взвизгнула, на спине ее лопнула кожа, и оттуда, как из пореза в резине, потекла жижа.

— Ох!..— возопил второй банщик. Ударил веником, утяжеленным стальной лозой, от которой на боку у ворожеи распалась кожа и стала хлестать вода.

Она возопила, попробовала приподняться. Но на нее сыпались удары веников, глушили ее, полосовали крест-накрест. Шкура ее расползалась, из-под нее выдавливалась студенистая масса, текла вода, выпадали креветки, ракушки, плохо переваренные водоросли, мелкие морские рыбешки,— все, что меду-

за успела проглотить, плавая в маслянистых водах Карибского бассейна.

— За что? — стенала ведьма.

— Донна!.. — охаживал ее стальным веником первый банщик.

— Примадонна!.. — вторил второй, нанося ей раны, несо-
вместимые с жизнью.

И сквозь свисты и визг чей-то мрачный голос, нараспев, с за-
ыванием, прочитал в раскаленном воздухе пророческий стих:

...Та же, какой была
От судьбы, от жилья.
После тебя — зола,
Тусклые уголья.
Холод, рассвет, снежок,
Пляска замерзших розг.
И как сплошной ожог,
Не удержавший мозг...

То был голос поэта Иосифа Бродского, возвещавшего о том,
что пророчество сбылось, и колдунья Толстова-Кац испустила
свой сатанинский дух. И хоть не было «холода» и «снежка», а была
раскаленная баня и розги были не «замерзшие», а напоенные ки-
пятком, в целом пророчество исполнилось.

Из иссеченного, обмелевшего туловища вдруг возникла про-
зрачная, дивная дева с нежным прекрасным лицом, молодая и
прелестная телом. Вознеслась над изуродованной тушей, мину-
ту колебалась под потолком, а потом улетучилась.

Все, что осталось от колдуньи, — разорванный чехол кожи
и высыхающая зловонная лужа с полуистлевшими креветками
и водорослями.

Капитан Яким высвободил железный прут из вороха березо-
вых веток. Подцепил прутom кожу. Кинул на раскаленные камни.
Кожа вспыхнула. Над ней закружилось ядовитое сернистое пла-
мя и погасло. Пепел поглотили камни.

Банщики, липкие от пота, устало вышли из парной.

— Ты каким прутom пользовался? — спросил один.

— Сечение — семь миллиметров, — ответил второй.

— И пять бы сошло, — сказал первый.

Пили квас, глядели, как на черной реке, бело-золотой и вол-
шебный, застыл корабль.

Ночной пикник продолжался. Гости насытились жареной медвежатиной, перепачкались жиром, печеной кровью. Могучая природа зверя, дух непролазных чащоб, свирепых гонов и жарких соитий переполнили людские сердца. Гости обглаживали медвежьи кости, кидали в костер, и те загорались золотым пламенем. Постепенно всех обуяла страсть. В каждом просыпались инстинкты, языческие поверья, звериные культы. Люди стояли, зачарованно глядя на огонь, и в их глазах начинали метаться зеленые звериные искры. Их тянуло встать на четвереньки, рыть задними ногами землю, расшвыривая клочья травы. Шерсть на загривках поднималась, и самцы начинали жадно обнюхивать самок, а те, чтобы было удобней самцам, сбрасывали одежды. Белея бедрами в свете костра, позволяли нетерпеливыми самцам сладостно вдыхать жар ягодиц, вскакивать на изогнутые спины, больно впиваться когтями. Некоторые самки огрызались, повизгивали, другие, лукаво оглядываясь, стелились по земле, выскальзывали из объятий, скачками уносились в ночь. В еловом бору, в лугах, на речном берегу раздавались визги и вой, страстный рев и свирепые хрипы. Леса и доли под туманной луной наполнились звуками погонь и соитий, голосами и клекотом первозданной природы.

Куприянов гнался за Круцефиксом, который по-кошачьи мяукал, нарезал круги, метался в сторону, перекатывался через голову, пропуская над собой косматый ком, откуда сыпались искры, раздавалось шипенье, мерцали огромные злые глаза. Круцефикс перескочил корягу, оставив на сучке клочок шерсти. Нырнул под упавшее дерево, исцарапав спину. Истошно взвизгнув, кинулся на ствол высокой ели и вскарабкался на ветки. Куприянов, гибкий, как рысь, скребя когтями кору, взвился на ель, пытаясь схватить Круцефикса. Они стремились к вершине, распугивая спящих белок, которые, обезумев, с цоканьем сыпались в разные стороны. Круцефикс, цепляясь за шаткую ветвь, двигался к ее тонкому завершению. Замирал от ужаса, видя, как надвигаются сияющие золотые глаза Куприянова, в них светилась неумная страсть. Холодея от ужаса, в то же время испытывая томительное вожделение, Круцефикс повернулся к преследователю спиной, воздел хвост, напряг крестец. И жаркий, косматый, дерущий когтями

самец придавил его к ветке. Вонзил раскаленную, брызгающую плоть. Они визжали на елке, грызлись, остервенело царапались, пока не сорвались на землю. Рухнули в траву, продолжая вековечное, вмененное природой занятие.

Тувинец Тока увлекал мадам Стеклярусову в глухую чащу. Оба на четвереньках удалялись от костра, углубляясь в непроглядную тьму. Тока, голый и мускулистый, плавно переставляя передние и задние ноги, осторожно и чутко вел подругу среди столетних елей, колючих зарослей, поваленного бурелома. Подруга не отставала, тихонько поскуливала, торопила чрезмерно медлительного самца. Тонкое обоняние тувинца позволило ему отыскать в темноте белый гриб, и он, виляя хвостом и тихо тряся ушами, показал его милой самке. Точно так же, по запаху, он обнаружил упавший сверху орех, и его показал подруге. Орех оставил ее равнодушной. Это огорчило Току, и он по рассеянности едва не наступил в свежий кабаньей помет, но вовремя спохватился, обвел свою спутницу вокруг опасного места. Наконец среди смоляных ароматов, благоуханья ночных цветов, тонких запахов, исходящих от спящих тетеревов и рябчиков, чуткие ноздри тувинца уловили едкий, дразнящий дух муравьиного спирта. Не стоило большого труда отыскать огромный, насыпанный под деревом муравейник — мягкую овальную кучу, которую различали светящиеся в темноте, волчьи глаза тувинца. Нежно проурчав, мадам Стеклярусова благодарно лизнула Току в горячую ягодицу — он отыскал ей то, что было столь необходимо для вечного здоровья, цветущего тела, благоухающего дыханья, неувядающей молодости. Муравьиный спирт был эликсиром долголетия — недаром муравьеды Австралии, кормящиеся исключительно этими мелкими питательными насекомыми, доживали до ста пятидесяти лет. Мадам Стеклярусова торопила верного друга, подталкивала носом к муравейнику. Тока поднялся на задние лапы, смахнул с муравейника вершину, разворошил нутро, образовав в рыхлой горе углубление. Мириады проснувшихся тварей зашевелились, закипели в разоренном гнездовье, выделяя ядовитые капли, отчего в воздухе запахло эфиром, скипидаром, едким дурманом. Мадам Стеклярусова оттолкнула Току, отвела в сторону хвост и плюхнулась всей тяжестью в муравейник, придавив голыми ягодицами мириады насекомых. Ей было больно и страшно, но и пленительно и волшебю. Муравьи кусали ее, впрыскивали живительные яды,

норовили заползти туда, «куда и черный вран костей не заносил», — как пелось в опере Глинки «Иван Сусанин». Лес оглашался девичьими вскриками, нежными стонами. Все сильнее распространялся запах муравьиного спирта. И пока упоенная женщина проходила сеанс омоложения, поглощала всеми чувствительными местами муравьиный спирт, Тока, стоя во весь рост, пил из горла обыкновенный спирт, который успел прихватить со стола и нес через лес под мышкой. Когда сеанс завершился, и молодая дама встала с муравейника с распухшими ягодицами, Тока листиком папоротника стряхивал насекомых с воспаленной промежности, радуясь тому, что лесные муравьи выполнили работу, которая обычно доставалась ему. Стеклярусова не могла двигаться самостоятельно. Стояла, растопылив ноги. Тока взвалил ее себе на спину и волчьей рысью понес через лес, повторяя сюжет сказки о прекрасной царевне и сером волке.

Иначе отдал дань язычеству губернатор Русак. Как только все общество сошло на берег и расположилось на окраине бора, он углядел большого пестрого дятла. Рябая долгоносая птица с красным хохолком перелетала от ствола к стволу, колотя клювом кору, вытряхивая из трещин вкусных личинок. Русак крадучись шел за птицей, хоронясь в тени елок. Наконец, дятел снизился и нырнул в дупло, что выдолбил почти у самой земли в трухлявом стволе. Русак пометил место, кинув к корням серебряную обертку от шоколадки. Когда стемнело, и пир вокруг костра достиг апогея, и гости, один за другим, парами или в одиночку, сбрасывали покровы и уносились во тьму, Русак уже знал, что делать. Быстро разделся, расправил усы, оттолкнулся от земли тощими ногами, замахал руками и низко полетел в лес, виляя вокруг стволов. Когда глаза различили на земле светящуюся фольгу, он приземлился и крадучись приблизился к дереву. Дупло чуть виднелось. В глубине спал утомленный дневным тюканьем дятел. Русак нахохлился, вздул на макушке хохолок. Пятясь, приблизился к дереву и закрыл задом дупло. Завел назад руки и сильно стукнул в ствол. Ошалелый дятел проснулся. Сунулся, было, наружу, но едва не влетел из одного дупла в другое. Принялся, что есть силы бить острым клювом в неожиданную помеху, растачивая себе проход, слыша, что снаружи с каждым ударом раздаются вопли. В этих воплях звучал не ночной страх, но «песнь торжествующей любви».

Словозайцев, наивный и счастливый, как отрок, в окружении пленительных дев убежал на берег реки. С хохотом, дурачась, девы совлекли с модельера одежды, стали украшать его речными кувшинками, ракушками. Сплели венок из прибрежных лилий, превратили в фавна. Луна озаряла обнаженные девичьи тела, над рекой неся серебряный хохот. Шалуны затаскивали Словозайцева в воду, окатывали лунными брызгами. Вокруг плескались рыбы, стеклянно вспыхивала чешуя. Рыбины метали икру, могучие самцы брызгали холодной молокой. Рыбы и люди смешались в лунных водоворотах, на яростных нерестилищах — женские груди и рыбы плавники, распущенные волосы и сияющая чешуя. Речные девы затаскивали Словозайцева на глубину. Он вырывался в фонтанах брызг, с выпученными, синими при лунном свете глазами, но его опять с силой толкали под воду. Держали там, пока из него не вышли все серебряные пузыри. Когда он ослабел и обмяк, девы вытащили его на песок и стали делать утопленнику искусственное дыхание. Одна целовала его в рот, вдувая воздух в переполненные водой легкие. Другая сводила и разводила бессильные руки, стараясь запустить умолкнувшее сердце. Третья насыпала свои мокрые волосы ему на колени и пыталась извлечь звуки из его умолкнувшей свирели. Свирель печально молчала, навсегда лишившись своей певучей силы. Красавица не оставляла попыток, нежно перебирала пальчиками, прикасалась к свирели устами. И постепенно таинственный инструмент оживал, в нем проснулись силы жизни, слабо прозвучали тихие мелодии полей и опушек. Красавица продолжала священнодействовать, исторгала из свирели все новые и новые звуки. Волшебные переливы неслись над плесами, нерестилищами, глубокими заводами, где на звуки откликались донные рыбы, просыпались на древесных вершинах орлы, шли к опушкам лесные звери. Хоровод легконогих дев танцевал на песке языческий танец «Весны священной» Стравинского, и воскресший Словозайцев, наивный и прекрасный, как Лель, отдавал свою певучую дудку во власть сладкозвучной девы. Лежал на песке, сияя восторженными глазами. Глядел, как танцует и поет свирель в руках молодой волшебницы.

Старик Добровольский взыграл семенниками нигерийского орангутанга, в которых хлопотало раскаленное семя и просилось наружу. Он сбросил одежды и остался наг и бос, весь покрытый суровой шерстью, поскакал на кривых ногах, упираясь одним кулаком в землю, а другим, отбрасывая попадавшие на пути

деревья. Скалился, обнажал черные десны, в которых блестели мокрые хрипящие клыки. Схватился за лиану, вознеся ввысь, перелетел на другое дерево. Кинулся с вершины на свисавший растительный жгут и, раскачиваясь, издавая торжествующие вопли, полетел среди стволов. В руке его оказался банан, но он не ел его, а хранил на случай, который готов был ему подвернуться. Целью его преследования была молодая женщина с голой худой спиной, продюсер телепрограммы «Тюрьма и воля», которая пробиралась в зарослях, пугливо прячась от лунного света. Наклонялась, хватала то корешок, то сладкую ягодку. Выкапывала то сочную луковку, то клубенок. Чувствовала себя на свободе, упивалась своим одиночеством, трогательно любовалась природой, среди которой звучали голоса ее забытых славянских предков. Была оглушена, сбита наземь, повергнута в ужас, когда сверху из тьмы на нее обрушилось нечто ужасное, тяжелое и зловонное, едва не сломав ей хребет. Могучие, покрытые шерстью руки перевернули ее на спину. На живот надали кожаные, жесткие, как подошвы сапог, ягодицы. К ней склонилось оскаленное человекообразное лицо, на котором свирепо кровенели глаза. Существо отекало слюной, дышало похотью. Бедная жертва готовилась испытать нечеловеческие страдания, что однажды выпали на ее долю в темных кулисах студии. Изо всех сил сжимала худые колени. Попыталась крикнуть, но в раскрытый рот воткнулось что-то мягкое, сначала отвратительное, но потом весьма приятное и сладкое, на вкус напоминавшее банан. Молодая женщина, привыкшая ко всякому на своей изнурительной, но интересной работе, решила, что это сбежавший зэк пытается утолить свое извращенное чувство. Принялась нежить и теревить губами продолговатый, сладкий на вкус и не слишком твердый предмет, залетевший ей в рот. «Дура, это банан!» — услышала она раздраженный голос. Откусила, — и впрямь это был банан, по-видимому, туниcский, Бог весть как оказавшийся в косматой лапе беглого убийцы. Зная по опыту, что с беглецами подобного рода лучше не спорить, она покорно жевала банан, а гигантская, дурно пахнущая обезьяна сидела на ней и смотрела, как та жует.

Совсем иначе повели себя соратники и друзья спикер Госдумы Грязнов и генеральный прокурор Грустинов. Бочком, малыши шажками отошли от костра, где былолюдно, и доедался медведь. Когда оба оказались в тени, быстро скинули необременен-

тельные покровы, упали на четвереньки, превратившись в двух больших кабанов — твердые рыла, горбатые спины, жесткая, колючая шерсть, маленькие свирепые глазки. Хрюкнули, ударили в землю копытами, помчались наперегонки под луной на картофельное поле, где принялись вспарывать рылами грядки, подкапывать клубни, хрустеть и чавкать, поедая молодой картофель. Шелестели в ботве, резали бивнями сладкие плоды, набивая желудки, и тут же их опорожняли. Так лакомились они на поле, откуда не явилась мохнатая молодая свинка, привлеченная хрюканьем взрослых самцов. Стала виться, играть, поворачивалась к матерым самцам то одним, то другим боком. Кабаны возжелали ее, но она не давалась, побуждала их к состязанию. Они шиблись свирепо за право обладать молодой свиньей. Визжали, сипели, резали друг друга клыками. Секли копытами. Набрасывались разъяренно, норовя сбить с ног ненавистного соперника. Свинка тем временем поедала нарытый ими картофель, а когда насытилась, тихонько потрусила прочь в направлении болота. Оба секача помчались за ней, обливаясь кровью. На болоте, среди тростников, блестевших под высокой луной, она отдалась самцам, одному и другому. Ей это было впервой, не хотелось прерывать впервые испытанное наслаждение. Кабаны поочередно наваливались на нее, вздымали к луне мокрые пятаки, ревели от наслаждения. Вбрызгивали в нее раскаленное семя, которое текло ей в лоно, оплодотворяло, наполняло томительной негой. Позже, к зиме, она обзаведется выводком маленьких полосатых свинушек, милых лесных поросят, которых поведет по первому снегу сквозь сухие тростники, рассказывая на своем свином языке об их могучих родителях, которыми те могут по праву гордиться.

Телемагнат Попич, освободившись от стеснявших одежд, почувствовал воодушевление одинокого рыцаря, который скачет по средневековым дубравам, трубит в рог, вызывая на бой неведомого противника. Постепенно Попич погружался в глубь истории, обретая сходство с первобытным звероводом, что дует в морскую раковину и созывает на рокочущий звук лесных, еще не прирученных животных. Зверовод естественным образом, в результате нехитрого кувырка через левое плечо, превратился в зверя, который двигался по лесной опушке, взирал на луну и издавал полный томления рев, выкликая из чащи желанную и робеющую подругу. Сначала Попич кричал изюбрем, надеясь выма-
240

нить из леса жаркую, созревшую для любви длинноногую самку. Затем ревел оленем, морща верхнюю губу и открывая крепкие зубы. Вслед за этим уподобился красавцу лосю, оглашавшему окрестность страстным ревом, к которому не могла оставаться равнодушной ни одна лосиха. Не дождавшись парнокопытных подруг, обитавших в средней полосе России, он стал истошно кричать верблюдом, ожидая, что вот-вот навстречу ему выбежит верблюдица и, упав на колени, отдастся со всей аравийской страстью. Не дождавшись двугорбой самки, стал трубить в хобот, подобно слону, ничуть не смущаясь от мысли, что на зов его может прийти непомерных размеров слониха, и ему, дабы не оконфузиться, придется прибегнуть к чрезвычайным мерам. Отклика по-прежнему не было. Он ревел носорогом, хрипел бегемотом, свирепо мычал бизоном. Когда силы его иссякли, и он окончательно сорвал голос — вместо громогласных и трубных звуков издавал чуть слышное печальное ржание, из леса вышел конь, пущенный егерями «в ночное». Конь был стреножен и, вскакивая на Попича, ударил его по спине обоими копытами разом. Попич пал и не шевелился все время, пока дюжий коняга ни сотворил с ним то, что неделю назад сотворил с сивой кобылой. После этого конь, тяжело прыгая, удалился на луг, где продолжал насыщаться росистой травой. А Попич, молча, недоумевая по поводу случившегося, побрел к костру, с трудом волоча ноги.

Новоорлеанские джазмены поскидывали одежду, отступили в лесную чащу и слились с бархатной чернотой ночи. Только мерцали среди стволов их глазища, перемещались взад и вперед, словно ночные, залетевшие в лес шаровые молнии. Посол Киршбоу, привлеченный необычным явлением, двинулся на эти огни, заманивающие пытливого американца все глубже в лесную чащу. Ему казалось, что афроамериканцы должны были превратиться в черных пантер, и ему хотелось оказаться среди гибких звериных тел, хлещущих кошачьих хвостов. Наблюдавший за послом неугомонный Шмультрихтер, продолжавший и здесь, на природе, снимать свой эротический фильм, увидел, как множество глаз приблизилось к послу. Глаза округлились, заблестели злое-ще-золотым и зеленым. Послышалось уханье филина, совиный вопль, хлопанье многих крыльев. Это джазмены, обманув ожидание посла, превратились не в пантер, а в ночных сов. Вонзили в дипломата отточенные когти и разом, всей стаей, вознесли

к вершинам елей. В свете призрачной луны посол беспомощно повис в когтях у громадных сов. Когти разжались, посол камнем полетел к земле. Удар смягчили еловые ветки.

Лес и ночные луга, речные отмели и прибрежные заросли наполнились шелестами, странными звуками, мелькающими тенями. То резвились в танце усы Михалкова, лысинка Жванецкого и шляпа Боярского, распугивая зеленых светляков и перламутровых ночных бабочек. Хороводом возносились к луне, вытягивались в вереницу. К ним присоединились одесские музыканты, верхом на смычках, известный бард — исполнитель «Москвы златоголовой», оседлав электрогитару, продюсеры и телеведущие известных программ. Летучая стая, подобно призракам, кружилась над рекой, падала к самой воде и снова взмывала ввысь.

Луиза Кипчак осталась в одних бриллиантовых подвесках, которые повсюду сверкали на ней, как ночная роса. Увлекала голого Франца Малютку в чащу леса, приговаривая: «Ну, пойдем же скорее, заляжем в нашу берлогу!» Франц Малютка держал под мышкой мокрую скомканную шкуру медведя, едва поспевая за подругой. Они отыскиали перевернутую ель, под которой была глубокая рытвина, поросшая мхом и лишайником. «Вот она, наша родовая берлога!» — ликовала Луиза Кипчак. Франц Малютка встряхнул шкуру, напялил на плечи мокрую от крови шубу, вставил руки в пустоты медвежьих лап, нахлобучил на голову полу медвежью башку. «Ну, иди же, иди же ко мне, мой косолапый друг!» — зывала Луиза. Малютка, ополоумев от страсти, взревел и сгреб ее.

Есаул сторонился криков и неистовых забав. Не подходил к костру, где шипели на сковородках сердце и печень, вращалась на вертеле смуглая бугристая туша, роняя на угли пламенеющий жир. Брел вдоль берега прочь от толпы, и прожитый день казался ему громадной ступенчатой башней, на которую взбирался, надеясь достичь вершины, но достиг лишь великой усталости.

На реке, окруженный золотым ожерельем, застыл корабль. Легкие волны приносили отражение к его ногам, и казалось, кто-то невидимый пускает по воде золотые тарелки и блюда, и они, не достигая берега, тонут на дне.

Он разделся, чувствуя, как ночная прохлада охватила нагое тело, и влажный песок холодит босые ступни. Луна высоко и туманно голубела в пустых небесах. Осторожно вошел в воду. Река

холодными ладонями касалась его колен, живота, груди. Вздохнул глубоко и поплыл, чувствуя, как безмолвный поток подхватил его и понес. И чем дальше он удалялся от берега, тем ровнее стучало его сердце, безымянней становились мысли, и недавняя печаль и уныние оставались на берегу. Он плыл к середине реки. Перевернулся на спину, отдавая себя течению, и вода, отражая луну, блестела у него на груди. Этот безмолвный свет, омывавший тело, легкое журчанье потока, слабые колыханья реки повергли его в тихое созерцание, в котором начинала исчезать его личность, и он становился частью огромного безымянного мира, где существовал наравне с луной, Волгой, бесшумной ночной птицей, млечной каплей, вспыхнувшей и погасшей у него на груди. Ему хотелось раствориться в прекрасной природе, утратить свое «я», а вместе с ним — свои страхи, заботы, ненависть, стать таким же равнодушным и молчаливым, как ночное светило, плеснувшая рыба, упавшая в реку душистая ветка. Не хотелось возвращаться на берег, где подстерегали опасности, караулили враги, плелся жестокий заговор, суливший унижение и смерть. И, тоскуя, не в силах преодолеть последнюю грань, отделявшую его личность от божественных сил, он стал молиться. Закрыв глаза, звал к себе Ангела. Чтоб явился здесь, на реке, в пылающем зареве, в золотом облачении, в белоснежных пернатых крыльях. Взял его на небо. Освободил от рокового заклатья. Снял обет, данный когда-то, в минуту тоски и муки.

Его зов был немым. Сквозь сжатые веки он чувствовал приближение Ангела, прибывание света и блеска. Уже просачивались в зрачки золотые мерцанья, протягивались золоченые тончайшие нити. Раскрыл глаза, ожидая увидеть диво, стоящее на воде, облаченное в белизну и злато. Но увидел корабль на золотом отражении. Река развернула его. Не было Ангела, а был теплоход «Иосиф Бродский», ждущий его возвращения.

Он поплыл к берегу. Вдалеке багровым светом горел костер. Но там, куда его сносило течение, на песчаном мысу, теплился другой огонек. Должно быть, рыбак закинул свои «донки» и ждал, когда зазвенит бубенец, и ночной налим, попав на крючок, натянет леску.

Он приближался к огоньку и, когда было близко до берега, разглядел у костра одиноко сидящего горбуна. Неприкаянный, сторонящийся злых и развратных людей, тот отдыхал в одиночестве на берегу молчаливой реки. Есаулу захотелось подплыть,

оказаться рядом с загадочным калекой, к которому испытывал странное влечение, чувствовал необъяснимую связь. Хотелось помолчать рядом с ним, глядя, как осыпаются угольки с догорающих веток. Поплыл сильнее, чтобы выйти на отмель. Но когда ноги коснулись дна, и он поднялся и побрел, выходя на песок, горбун исчез. На песке догорал и меркнул костер. Виднелись мягкие отпечатки следов. В сумерках на песке белело перо незнакомой птицы. Есаул поднял перо, которое отливало волшебным блеском, серебрилось лунными разводами. Поднес к лицу. От пера исходил слабый аромат, какой бывает в церкви, когда священник машет кадилом, развешивая благовонные дымы. Но должно быть, это пахли догоравшие смолистые ветки. Есаул положил перо на воду, Волга подхватила его, понесла. И долго еще на воде светилось волшебным светом перо таинственной птицы, рождая в душе Есаула благоговение и печаль.

Под утро общество, утомленное игрищами, погрузилось в лодки и вернулось на корабль, чтобы предаться благословенному сну. Отдельной лодкой, которой управляли капитан Яким и его помощники, на корабль была доставлена горстка пепла, оставшаяся от Толстовой-Кац. Пепел высыпали в дорогой, из красного дерева гроб, поставили в морозильный отсек. Сверху постелили сложенный особым образом американский флаг, чему обучил капитана Якима посол Киршбоу.

Часть четвертая

«Я ПРИДУ УМИРАТЬ...»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Теплоход плыл среди голубых водоворотов, исходящих из глубины бурунов, в солнечном блеске и туманной пылице цветущих полей. На берегу, среди цветущих лугов, озаренных дубрав, нежной желтизны начинавшей созреть пшеницы, надвигалось нечто огромное, серо-туманное, в геометрических тенях и тусклых стальных отливах. Казалось, на суше, среди трав и деревьев, высится громада линкора с башнями и надстройками, плавными линиями бортов, цилиндрами боевых аппаратов, сферами локаторов. Являлась мысль, что когда-то здесь был океан, громадный корабль вошел в гостеприимную гавань, а потом вода отступила, линкор осел на мели, дно поросло лесами, запестрело цветами и травами. Громадный корабль так и остался напоминанием о несуществующем уже океане, о далеких морских походах, о могучем, ныне исчезнувшем флоте.

— Что это? — посол Кишбоу вглядывался против солнца в наплывавшие очертания.

— Наш «Марсианский проект», — ответил Есаул. — Собранный на земле «Марсианский город». Отсюда, сетью каналов, отдельные детали «Города» должны были доставляться на космодром и запускаться на Марс. Там элементы собирались бы в отдельную конструкцию, позволявшую переселенцам жить в искусственной атмосфере, пользоваться водой, разводить растения, заниматься научной и промышленной деятельностью.

— И что же теперь? — изумлялся посол.

— «Проект», начатый во времена СССР, был нами остановлен по требованию НАСА, наряду с затоплением космической станции «Мир». Вы, американцы, сумели нас убедить, что человечеству не нужны две, дублирующие друг друга космические программы. Пусть остается одна, американская. А Россия, экономя средства, станет делиться с вами открытиями, изобретениями,

учеными. Мы пошли на это и остановили «Проект». Теперь это напоминает пирамиду Хеопса — памятник исчезнувшей русской цивилизации.

Посол Киршбоу посмотрел на Есаула, нет ли в его словах горькой иронии. Но лицо Есаула оставалось серьезным, исполненным почтения к мощи Соединенных Штатов.

— Я полагаю, вы приняли правильное решение, Василий Федорович,— произнес посол.

— Хотя вы и отказываете мне в доверии, но я всегда был лоялен к вашей великой стране,— повторил Есаул, потупив глаза.

Между тем циклопическое сооружение приближалось. Уже отчетливо различались составляющие его элементы. Это было сложное сочетание сфер, параболоидов, цилиндров, параллелепипедов, пирамид. Казалось, на равнине вырастали фантастические грибы, вздувались громадные пузыри, струились металлические реки, извивались гуттаперчевые лианы. Город был прекрасен, как памятник космического зодчества. Совершенен, как произведение небесной архитектуры.

— Могли бы мы посмотреть его поближе? — спросил Киршбоу, замороженный зрелищем фантастического сооружения, в котором воплощалось величие недавнего стратегического соперника и его необратимый крах.

— Конечно,— отозвался Есаул и пошел в капитанскую рубку, с просьбой остановить теплоход.

Когда уже спускали шлюпку и Киршбоу вместе с Есаулом готовились покинуть борт, на палубе показался кутюрье Словозайцев. Жизнерадостный, с глазами, сияющими, как у целлулоидной куклы, он был в отличном настроении. Запахнул в короткое кимоно, пританцовывал голыми, в легких сандалиях, ногами, что-то курлыкал горловым пением, воспроизводя звуки свирели.

— Господа, не составить ли вам компанию? Вот бы где я провел показ высокой моды! Как раз завершаю коллекцию «Космические амазонки». Это шедевр дизайна! — Он послал «Марсианскому городу» воздушный поцелуй, и Есаул охотно прихватил Словозайцева в шлюпку, посмеиваясь над его наивным и безобидным эстетизмом.

Лодка причалила к берегу, они высадились и стали пробираться к огромным сооружениям, которые не приближались, а отступали, заманивая их фантастическими объемами. Не было дороги, тропы. Все поглотил бурьян — высокие чертополохи с малиновыми пышными купами, источающими запах эфира, яркая

пахучая пижма, желтизна которой жгла глаза, конский щавель и одурманивающая полынь, розовые бесчисленные въюнки, ромашки, полевой клевер. Город зарастал, погружался в горячие стебли, твердые пахучие листья, дурманящие цветы. И уже пробивался из земли березняк, толпились молодые сосны, темнели пушистые елочки, и скоро кругом встанет бор, сокроет в своей чаще творение человеческих рук.

— В Индии я видел город, который поглотили джунгли.— Посол Киршбоу шагал, обливаясь потом, окруженный слепнями, цветными мухами, порхающими мотыльками и бабочками.

— Наверное, индусы оставили город по просьбе американцев,— наивно предположил Словозайцев.— Как знак доброй воли и стратегического партнерства.

— Не следует шутить над дружескими чувствами, которые Россия питает к моей стране,— наставительно и строго произнес Киршбоу.— Отказавшись от освоения Марса, вы освободились от ненужного бремени и взвалили это бремя на нас.

— Вот и я говорю, зачем нам Сибирь? Продать бы ее, как Аляску.

Есаул, глядя на простодушное, бело-розовое лицо Словозайцева, не мог понять, слышит ли он слова идиота, или в них заключена тончайшая издевка.

«Марсианский город» между тем открывался для обозрения. В нем выделялись стеклянные сферы и хрустальные купола пространных оранжерей, пропускающие солнечный свет, но задерживающие жесткую радиацию Космоса. Под прозрачными сводами предполагалось выращивать леса и плантации, обеспечивающие поселенцев плодами и кислородом. В сияющих кубках и цилиндрах содержались хранилища пресной воды, которая по серебристым трубам омывала поселение, выпадала дождями, лилась ручьями. В сферических объемах и пирамидах скрывались энергетические установки, производящие электричество. Солнечные батареи напоминали крылья огромных бабочек. Чаши антенн, кустистые мачты приемо-передающих устройств связывали «Город» с Землей и космическими кораблями. В металлических цилиндрах и керамических жаростойких оболочках размещались заводы и лаборатории, помещения для работы и отдыха. Виднелись стыковочные отсеки, похожие на сосцы, куда могли причалить сразу несколько кораблей, подобно детенышам, сосущим щедрую матку.

Есаул с обожанием и горестной тоской созерцал шедевр инженерной мысли, вместилище вековых философских исканий и религиозных надежд, которые отражал в себе небесный град. Советская эпоха, пройдя сквозь кровавые катастрофы и неизмеримые траты, вырвалась, наконец, на просторы сказочных свершений. Оказалась способной воссоздавать мечты футурологов и фантастов, расселяя на другие планеты и в удаленные миры цивилизацию коммунизма. «Марсианский город» был образом коммунистического рая, готового к воплощению. Был уничтожен врагами в момент, когда великолепные сферы и сияющие башни были готовы взмывать в мироздание. Горечь поражения затмевала Есаулу глаза.

Они взобрались на холм, поросший кустарником, откуда возносились овалы стены из легких сплавов и сверхпрочных конструкций. Стали обходить выпуклую оболочку с высокими иллюминаторами. Есаулу показалось, что впереди, в кустах мелькнула бесшумная тень. Ее явление было мимолетно. Он решил, что это блик солнца на сияющей металлической поверхности. Но через несколько шагов мелькнули две тени. Он успел разглядеть двух невысоких, легконогих людей, скользнувших в кустах. Продвигались дальше, огибая выступ стены из светлого титана. Неизвестно откуда появился человек, худой, бесшумный, в невзрачной, выгоревшей на солнце одежде. Взглянул на пришельцев. Есаул отчетливо разглядел сухое желтоватое лицо, выпуклые скулы, узкие, черно-блестящие глаза и черные волосы, торчащие из-под кепки. Это был китаец, держал в руках небольшой кулек. Встретившись с Есаулом взглядом, повернулся и бесшумно скрылся.

Они обогнули титановый выступ и увидели нескольких китайцев, торопливо идущих по тропке. В руках они держали кульки, матерчатые сумки, потертые саквояжи. Торопились с ношей, исчезая внутри строения, и навстречу им выходили другие китайцы, тоже несли саквояжи и сумки.

Есаул в сопровождении Киршбоу и Словозайцева двинулись дальше, вдоль сияющего цилиндра, на котором проступали сварные швы. Им открылась дорожка, по которой торопились китайцы, желтолицые, узкоглазые, одинаковые, обремененные ношей. Исчезали внутри «Марсианского города», другие появлялись оттуда. Их становилось все больше. Несколько тропинок сливалось в проселок, по которому в солнечной пыли двигались люди, катили, сверкая спицами, велосипеды, пылили грузовики. В кузо-

вах плотно сидели китайцы и китайки. Дорога удалялась в холмы, и по ней, до горизонта, шагали, катили на велосипедах, ехали в грузовиках и в автобусах китайцы. Похожие один на другого, деловитые, как муравьи, они переносили по своей тропе разнообразную ношу. Муравейником, куда они исчезали и откуда возникали бесчисленно, служил «Марсианский город».

— Боже мой,— ахнул посол Киршбоу.— Откуда их здесь столько? Разве мы плыли по Янцзы и причалили к предместьям Шанхая?

— Это результаты незаконной эмиграции,— ответил Есаул, видя испуганное лицо посла.— Мы с Президентом Порфирием еще кое-как сдерживаем иммиграционный поток. Но господин Куприянов, когда станет Президентом, обещает увеличить иммиграционную квоту до трех миллионов китайцев в год. А это значит, что через десять лет весь Дальний Восток, Сибирь и Центральная Россия станут китайскими. Борьбу за сибирские сокровища, которая разгорается между Америкой и Китаем, выиграет Пекин. Мне кажется, вы к этому не стремитесь, господин посол?

— Кто может стремиться к такому кошмару! Это смерть для Америки! — На jovиальном лице дипломата появилась смертельная бледность.

— А мне нравятся китайцы,— легкомысленно заметил Слововайцев.— Будем изучать иероглифы, господа!

Сквозь шлюзовые камеры, которые являлись входом в герметические объемы «Марсианского города», они вошли внутрь. Им предстали пересечения цилиндров и сфер, пирамид и параллелепипедов, игра плавных сопряжений и изысканных линий. Повсюду сиял металл, пластик, композитные материалы, выдерживающие огромные температуры и давления, сберегающие земную жизнь от марсианских песчаных бурь, кислотных дождей, метеорных потоков. И эта земная жизнь была представлена китайцами. Повсюду, на разных уровнях, во всех отсеках и закоулках находились китайцы. Одни из них работали в швейных мастерских — кроили, сшивали, гладили, вешали на «плечики» рубашки, пиджаки, куртки, ловко цепляли ярлыки модных фирм, упаковывали в тюки и куда-то увозили. Другие трудились на кухнях — варили дунганскую лапшу, готовили «пекинскую утку», фаршировали рыбу, делали острые салаты, жарили собак, коптили ворон, парили лягушек, поливая горки риса соевым и гранатовым соком, наполняя пространство дразнящими ароматами. Третьи ремонти-

ровали велосипеды, мотоциклы и подержанные автомобили. Снаряжали праздничные «шутихи» и фейерверки, делали бумажных драконов и змей. Четвертые изобретали фарфор, бумагу и порох. Все шевелилось, шелестело, стрекотало от пола до высоких потолков и сводов, где каждый уголок был освоен, населен, наполнен трудолюбивыми желтолицыми мужчинами и женщинами. Их было так много, что свет, падавший сквозь хрустальные своды, был желтоватый, словно наполнен горчичной пылью.

Длинные коридоры «Города» кишели пешеходами и велосипедистами. Повсюду висели китайские фонарики, красочные рекламные иероглифы, резные драконы. У входа в парикмахерские, рестораны, гостиницы и учреждения стояли каменные львы, один из которых непременно держал лапу на сфере, что означало господство китайской расы над всем земным шаром. Это был «Марсианский город», превращенный в Чайнатаун. Слышалась пронзительная китайская музыка. На открытых площадках давались представления Пекинской оперы.

Киришбоу не мог скрыть волнения. Есаул, исподволь за ним наблюдая, замечал, что ему не по себе.

На открытых пространствах множество пожилых китайцев делали гимнастику, продлевая свой век, дисциплинированные, организованные, повинувшись указаниям руководителей. На обширной площади, напоминавшей Тяньаньмэнь, шел парад китайских войск — маршировали несметные колонны пехоты под красными знаменами, двигались вереницы транспортеров и танков, низко летели бомбардировщики и штурмовики, плыли в блеске вод крейсера и авианосцы. Современность небоскребов, мостов и аэропортов сочеталась с архаикой. Великолепно смотрелся Зимний императорский дворец. Вдоль летней резиденции императоров, по голубому озеру скользили ладьи в виде драконов. Уходила в поднебесье Великая Китайская стена.

— Это смерть не только для России, но и для Америки,— бормотал Киришбоу, наблюдая китайское нашествие.

— При Куприянове будет еще ужаснее,— ненавязчиво замечал Есаул, чувствуя растерянность дипломата, продолжая воздействовать на его представления, осуществляя вербовку.— Мне кажется, вам следует отразить увиденное в личном письме Кондолизе Райе. России нужна сильная власть, почти диктатура, для приостановки китайской экспансии.

— А мне нравится этот трудолюбивый, пусть несколько и многочисленный народ,— счастливо озирался Словозайцев.—

Они первыми изобрели фарфор и бумагу и первыми, как мы видим, высадились на Марсе.— Он сделал волнообразное движение шеей, стал на одну ногу, плеснул рукой, издав мяукающий, дребезжащий звук, совсем как лицедей Пекинской оперы.

Они миновали многолюдные кварталы, где высились гигантские супермаркеты, уходили в небо высотные здания, тянулись широкие, полные скоростных лимузинов автострады. Оказались в предместье, среди подвесных садов, искусственных водопадов, золоченых пагод. Окруженный священной рощей, возвышался храм,— смуглая черепица, уступчатая, похожая на паруса кровля, резные стены с драконами. Двери в храм, покрытые позолотой, усыпанные яшмой и бирюзой, с тяжелыми серебряными кольцами, были приоткрыты. Они благоговейно вошли. В мягком сумраке горели светильники, курились благовонные палочки, плавали разноцветные дымы. Среди этих опьяняющих дымов, в таинственных переливах света высилась гигантская статуя. Ее голову украшало множество кос, перевитых лентами, усыпанных драгоценными камнями. Золотое лицо сияло, словно ночное солнце. Глаза были закрыты, на устах играла загадочная улыбка. Алая накидка переливалась разноцветным шитьем, шею украшали золотые ожерелья с сапфирами и изумрудами. Руки были молитвенно воздеты, и на тонких пальцах сверкали магические перстни. Статуя была одета от плеч до пояса. Нижняя часть тела была обнажена. На округлом золотом животе темнело углубление пупка, в котором таинственно светился рубин. Статуя стояла на коленях, разведя ноги, упираясь в землю гибкими стопами. Из продольной складки под животом, указывающей на то, что статуя изображала женщину, из растворенного лона непрерывно шло извержение — выпадали плотные сгустки, небольшие круглые клубни. К ним подбегали служители в оранжевых хламидах, клали в люльки, увозили в дальнюю часть храма, где было туманно от благовоний, колыхались лампы, слышались заунывные звуки флейты. Было видно, как клубни начинают взбухать. Лопались оболочки, и из них, как из яиц, появлялись личинки. Принимались расти, шевелились, приподнимая небольшие черно-глянцевитые головки. Служители с бритыми головами наклонялись к личинкам, кормили их с длинных серебряных ложек сладким нектаром, питательным соком растений, белым молочком кокосов.

Личинки увеличивались, разрывали упругую кожу, но вместо бабочек или стрекоз из них появлялись китайцы — молодые,

свежие, с черно-стеклянными волосами, смуглыми, чуть желтоватыми лицами, на которых играл румянец. Выбирались из люлек, быстро облачались в одежды и покидали храм. Сотнями, тысячами направлялись в город, где их поджидали работа, тренировка, военные упражнения, манифестации и многое другое, что делало китайцев великим народом, которому принадлежало будущее. В опустелые люльки бритоголовые монахи укладывали новые клубеньки, которые были не чем иным, как яйцами, что выпадали бесчисленно из гигантской красно-золотой матки с закрытыми глазами и блаженной улыбкой роженицы. Это был центр великой общины. Животворящее ядро необъятного улья. Священное лоно гигантского муравейника, создающего сонмы солдат и работников. И было неясно, кто оплодотворяет златоликую богиню, кто вбрасывает в ее лоно пылающее семя. Уж конечно, не утомленные бритоголовые слуги, перевозящие яйца, в которых дремали зародыши.

— Боже мой.— Киршбоу закрыл лицо руками.— Зачем я это увидел?

— Вы должны сообщить Кондолизе Райе, что стратегический союз Америки и России — единственная преграда «желтой опасности». «Третий срок» Президента Порфирия — вот что остановит китайцев, если не на пороге Сибири, то уж точно на Урале. Отправляйте письмо диппочтой. Или вернемся, и я свяжу вас с Госдепом по горячей линии.

— Зачем я это увидел? — повторял Киршбоу, деморализованный зрелищем безостановочного размножения.

Есаулу и самому было не по себе. Он не ожидал, что в центре России находится инкубатор с гигантской маткой, тайно привезенной по Транссибирской магистрали под видом статуи Будды, в рамках культурного обмена, о чем с упоением рассказывал министр культуры Швыдкой в программе «Культурная революция».

Лишь Словозайцев сохранял присутствие духа. С любопытством рассматривал люльки, в которых монахи везли выпадавшие из матки яйца,— наклонился и пощупал пальцем упругую оболочку яйца, оставив легкую вмятину. Попытался обойти златоликую женщину сзади, чтобы обнаружить источник столь бурного оплодотворения. Заглянул под великаншу, надеясь рассмотреть неутомимые органы, извергающие в мир миллионы китайцев. Видимо удовлетворив любопытство, отошел к озаренному алтарю. Извлек из-под кимоно плоскую металлическую коробку,

напоминавшую табакерку. Есаул различил на крышке начертанные красным иероглифы.

Лакированным длинным ногтем кутюрье поддел крышку табакерки, она распахнулась. В сумрачный воздух храма из коробки стали вылетать бабочки — небольшие, изящные, серебристо-синие, нежно-голубые, ярко-лазурные. Напоминали бабочек-голубянок, что в изобилии водятся в русских лугах, создавая в солнечный полдень ощущение мелькающего серебра.

Бабочки вылетали из табакерки. Нестройной вереницей, словно нанизанные на незримую нить, летели все в одну сторону — к золотой великанше. Подлетели к ее пупку, затрепетали прозрачным облачком. Переместились ниже. Одна за другой, переливаясь синевой, стали влетать в заповедный разрез внизу живота, погружались в живородящее лоно. Скрылись все до одной.

Плодоношение вдруг прекратилось. Яйца перестали выпадать из животворящей пучины. На некоторое время воцарился покой. Только слабо качались светильники, беззвучно пламенили лампы, свивался в завитки перламутровый благовонный дым. Затем среди раздвинутых могучих ног великанши случилась ослепительная белая вспышка, словно сгорел магний, и оттуда повалил белый дым. Его запах нес в себе горечь подгоревшего лука и переперченных соевых бобов. От него начинали слезиться глаза.

Сквозь проступившие слезы Есаул видел, как золотая промежуток стала содрогаться, обваливаться. Из нее выпадали куски, словно плоть великанши была источена невидимыми термитами. Падала золотая труха, сыпались опилки. Разрушение распространилось на могучие ляжки, выпуклый золотой живот. Все рушилось, крошилось, превращалось в труху, опилки. Вся громадная статуя с алой, златотканой накидкой, сапфиры и изумруды, пылающий рубин живота — все растворялось и таяло, превращалось в белую пыль. Обломились и упали изящные персты, рухнули воздетые руки, накренилась и стала отваливаться луновидная голова с закрытыми веками и блаженной улыбкой. Не долетела до земли, превратилась в прах.

Вместо золотого идола зияла пустота. И обнаружилось, кто в этом улье был приставлен к матке и оплодотворял ее неустанно. За ее спиной находился полк китайских солдат, которые, по приказу командира, один за другим раздевались. С воинственными криками налетали стремглав на богиню. Вонзали в нее страстную, поставленную на службу отечества плоть. Вбрасывали нетерпе-

ливое семя. Обессилив, качаясь, отходили в сторону, уступая место другим, полным страсти, которой они заряжались, питаясь сверхкалорийным рисом.

Полк осеменителей, утратив цель, некоторое время стоял опешив. Передовой отряд, голый, с нацеленными в дело орудиями осеменения, топтался растерянно. Второй отряд, ожидавший своей очереди, все еще разминался и массировал свои отцовские органы. Но это продолжалось недолго. Волна разрушения перекинулась с богини-матери и на солдат-отцов. Все они под воздействием невидимой силы стали валиться навзничь, падали один на другого, как выстроенные в ряд плитки домино. Валились, рушились, превращались в длинные бороздки белого пепла и исчезали.

Разрушение охватило весь храм. Истребляющая энергия опустошала люльки, сжигала яйца, испепеляла личинки, превращала в горчичную пыльцу расторопных служителей. Последний, вылупившийся китаец, со страхом оглядываясь, бежал к выходу. Но его настигла безымянная смерть, и он был превращен в пудру, которая легким облачком клубилась там, где секунду назад находился молодой человек.

Это была стихия разрушения, имевшая непознанную природу. Будто в храм ворвались энергии антимира, была вброшена горсть молекул антивещества, которое вступало во взаимодействие с земными формами, превращая их в ничто.

Увлекаемый магнетизмом смерти, Есаул устремился к выходу из храма. Увидел умопомрачительную картину. Вдаль убегала нескончаемая вереница новорожденных китайцев, а их настигала незримая смерть. Сглатывала, съедала эту вереницу, продвигаясь вперед, оставляя на пути мучнистую белизну, которая таяла и исчезала.

— Что это? — в ужасе спрашивал посол Киршбоу, поспевая за Есаулом. — Эффект радиации? Воздействие смертоносных лучей? Но тогда почему мы живы?

Есаулу нечего было ему ответить. Он и сам терялся в догадках.

Они следовали тем путем, каким явились в буддийский храм. Зрелища потрясали. Бесшумные взрывы опрокидывали небоскребы, обрушивали мосты, изъедали и испепеляли переполненные машинами автобаны. Волна беззвучного «цунами» валила пагоды, сминала дворцы, плющила кварталы Чайнатауна. Смывала толпы пешеходов и велосипедистов, нарядные фонари и рекламы с ие-

роглифами. Казалось, невидимая гигантская рука, вооруженная влажной тряпкой, стирает нарисованный на стекле разноцветный фантастический мир.

Опустели отсеки и закоулки, где секунду назад работали пошивочные мастерские, дымились кухни, орудовали брадобреи, сутились массажисты и банщики. Сияющие сферы и цилиндры «Марсианского города», еще недавно заселенные бесчисленными выходцами из Китая, теперь опустели. Лишь белела повсюду невесомая пудра, какую оставляет сгоревший магний, и слегка пахивало печеным луком и переваренными соевыми бобами.

Они вышли из «Марсианского города» наружу, где было солнечно, обильными малиновыми купами цвел чертополох, в синем небе клубилось кучевое, голубоватое облако, предвещавшее дождь. По проселку убегали вдаль последние китайцы, а над ними летела невидимая птица, склевывала их и проглатывала. Дорога пустынно белела под солнцем.

Все это могло показаться сном, наваждением, галлюциногенным бредом, если бы не бумажный дракончик, повисший на колючках бурьяна, чуть трепетавший на ветру.

— Я знаю, что это было, — воскликнул посол Киршбоу. — Это было «этническое оружие», которым вы располагаете, и факт существования которого Россия скрывает от международных организаций! Оно действует направленно, поражая определенные расы, не причиняя вреда другим. Я прав?

Есаул был смущен. Не находил объяснения случившемуся. Однако сохранял самообладание:

— Россия владеет военными средствами, способными защитить ее суверенитет. В том числе сохранить за собой контроль над Сибирью и Дальним Востоком. Я специально продемонстрировал наши возможности, чтобы вы сообщили в Госдепартамент о наших намерениях совместно с вами противодействовать «желтой опасности». Конечно, если проблема пресловутого «третьего срока» не будет больше дискутироваться в невыгодном для России аспекте.

Эта дипломатическая фраза далась Есаулу нелегко. Он был поражен увиденным.

— Что было у вас в коробочке? — Есаул напрямую обратился к Словозайцеву.

— Вы о чем? — удивленно воззрился кутюрье.

— Что за бабочки-голубянки?

— Бабочки? Право, не знаю.— Словозайцев извлек из-под кимоно плоскую жестяную коробочку с красными иероглифами. Раскрыл. В ней лежали розовые ароматные подушечки.— Это мятные конфетки, чтобы приятно пахло из уст.— Кутюрье протянул коробочку Есаулу.— Не желаете отведать?

— Нет уж, спасибо. Я еще должен кое-что сделать на этом свете, прежде чем превратиться в белую пудру.

— Очень вкусные, нежные...— Модельер сунул в рот конфетку, и его наивные, детские, как у целлулоидной куклы, глаза заморгали от удовольствия.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Белая, с голубой сердцевинкой туча оросила землю сверкающим прохладным дождем, от которого в лугах, лесах, на далеких холмах раскрылось бесчисленное множество сияющих глаз, взиравших на небо и славящих Господа, что проплыл на бело-голубой туче, окропляя мир святой водой. Теплоход, окруженный нимбами, словно ковчег, населенный праведниками, плыл по озерам, на которых ветер и дождь нарисовали огромную сияющую икону «Спас на водах» — синие очи, серебряные волосы, усыпанный цветами хитон.

Есаул, вернувшись на корабль, уединился в каюте и подверг тщательному анализу все, что случилось в «Марсианском городе». Обилие китайцев, обживших космическое поселение, не смущало его,— этот эффект был запланирован и рассчитан на то, чтобы воздействовать на посла Киршбоу. Поражало другое — испепеление китайцев под воздействием необъяснимой энергии, как если бы они расщеплялись на клеточном и молекулярном уровне. Природа этого явления была неясна. Разрушающая мощь таилась в нежных серебристо-синих бабочках, выпорхнувших из табакерки Словозайцева. Благодушный, с легкими идиотическими признаками кутюрье владел разрушающим средством, сравнимым с нейтронной бомбой.

Панический вопль Киршбоу по поводу «этнического оружия» мог быть правдой, если бы не образ модельера, напоминающего бесполого евнуха, которому доверили стеречь гарем молодых красавиц.

Все было похоже на сон, на опьянение эфиром, который выделяют малиновые цветы чертополоха, столь любимые демониче-

ским художником Врубелем. Поднимаясь на холм, поросший колючими малиновыми зарослями, они могли надышаться эфирными маслами, выделение которых усиливается в жаркий полдень перед дождем. И все, увиденное ими в «Марсианском городе», было галлюцинацией, наркотическим обмороком, восхитительным и пугающим бредом. Но тогда откуда взялся этот смешной бумажный дракончик с красным хвостом и зеленым телом, который лежал теперь на столе каюты и насмешливо взирал на Есаула выпуклыми глазами модельера Словозайцева?

Не находя ответа, мучимый тяжелым предчувствием, Есаул прибегал к помощи своего «потаенного ока». Но оно лишь испуганно трепетало в глазнице, поворачивалось во все стороны, словно опасность была повсюду и «заговор», который присутствовал на борту теплохода, смыкал свои кольца. С этим паническим чувством Есаул покинул каюту, вышел на верхнюю палубу и столкнулся с послем Киршбоу. Тот, как и Есаул, мучился неразрешимыми вопросами.

— Василий Федорович, как хорошо, что я вас увидел. Я собирался у вас спросить... — Он не успел кончить фразу, ибо к ним торопливо подходил взволнованный капитан Яким.

— Василий Федорович, чрезвычайные обстоятельства!

— Опять ЧП?

— Гидролокаторы показывают цель прямо по курсу. Цель — боевой пловец. Возможна подводная атака. Прикажите прибегнуть к средствам защиты.

— Хочу взглянуть на приборы.

Вместе с послем они проследовали в капитанскую рубку.

Помощники капитана вели корабль, окруженные циферблатами и экранами, извещавшими о состоянии суши, вод и небес. Радар, вращаясь на мачте, вычерчивал на мониторе кромку берега, очертания далеких возвышенностей, резной орнамент леса и рыбацкий челн, застывший под кручей. Другой радар прочесывал небо, фиксируя стаи скворцов, перелетающих Волгу, одинокую цаплю, парящую у середины реки и легкий биплан сельскохозяйственной авиации, опудривающий вдалеке надёлы картофеля. Эхолот посылал из корабельного днища импульсы ультразвука, которые отражались от донного грунта и рисовали на экране прихотливые контуры дна. Гидролокатор облучал толщу воды впереди корабля, и на зеленоватом экране виднелись белесые метины крупных рыб, туманные сгустки рыбьих стай, и среди этих мелких

метин и размытых туманностей отчетливо различалась длинная, медленно скользящая цель, сближавшаяся с кораблем.

— Увеличьте разрешающую способность, — приказал Есаул.

Капитан Яким перебросил тумблер, и цель увеличилась, приблизилась, выхваченная из общего фона. В зеленоватом пространстве, словно в аквариуме, стал виден подводный пловец — узкое тело, пульсирующие ласты, гребущие руки, струи воздуха, летящие из акваланга. Пловец шел на пересечение с кораблем, и на его спине, помимо баллонов, виднелся рюкзак, в котором мог находиться фугас или магнитная мина.

— Вы связывались с береговыми блокпостами? — спросил Есаул. — Были нарушения режима «запретной зоны»? Была попытка прорыва?

— Береговые блокпосты не зафиксировали нарушений, Василий Федорович.

— Что говорит разведцентр?

— В агентурных донесениях присутствует информация о нескольких членах Национал-большевистской партии, которые под видом туристов направились в район Калягина.

— Это и есть один из «туристов», — жестко произнес Есаул. — Пусть пришлют на него досье. И приготовьте глубинный бомбомет.

Все это время посол Киршбоу нервно всматривался сквозь лобовое стекло в разлив реки, словно ожидал увидеть впереди огромный айсберг.

— Не волнуйтесь, господин посол, — успокаивал его Есаул. — Мы не разделим судьбу «Титаника». Но я рад, что вы на деле сможете убедиться, с какими трудностями сталкивается российская власть, стремясь сохранить социальную стабильность в стране.

Капитан Есаул орудовал кнопками пульта. В палубе открылся компактный люк. Из него поднялась сияющая штанга. На штанге был закреплен цилиндр, напоминавший подзорную трубу.

Одновременно на компьютере замелькали агентурные данные о предполагаемом террористе — имя, место жительства, роль в Национал-большевистской партии, «послужной список» и портрет — худощавое красивое лицо, короткая стрижка, пухлые, юношеские губы, большие голубые глаза.

— Курс?.. Дистанция?.. Угол прицеливания?.. — спрашивал капитан Яким. Помощник считывал данные с гидролокатора, и капитан Яким вводил их в прицел бомбомета.

— Огонь! — скомандовал Есаул.

Из цилиндра полыхнуло белое пламя. Шипящей головней полетел заряд. Навис над рекой и упал в воду, оставив крохотный серебряный всплеск. На экране гидролокатора разрастался белый шар, поглотивший аквалангиста. Из шара к поверхности устремился протуберанец. Стоящие в рубке увидели тусклый фонтан, разлетевшийся яркими брызгами. Из воды дунул дым.

Над рекой пронесся тупой хлопок, отозвавшийся в корабельном железе, как удар кувалды.

Водяной фонтан осел. На воде кипела серебром дымная яма. Успокаивалась, отсылала к берегам расходящиеся круги солнца. Корабль, замедлив ход, приближался к месту взрыва.

Есаул и посол Киршбоу вышли на мостик, всматривались в разводы реки, среди которых медленно двигался борт корабля.

Из темных глубин, из мягких голубоватых воронок стали подниматься, приближаясь к поверхности, светлые тени. Всплывала оглушенная рыба. Огромные белобрюхие щуки, хвостами вниз, вяло качались, хватали воздух окровавленными жабрами. Черные скользкие налимы с млечными животами едва шевелили змеевидными хвостами. Множество плотвы, мертвой, полуживой, вяло плещущей или недвижно лежащей, напоминало опавшие с люстры блески. Река покрылась мертвой, с разорванными пузырями рыбой. Среди этих рыбин, шевелящихся плавников, обвислых хвостов, остекленелых на солнце глаз медленно всплывал человек. Он был в черном блестящем трико, гибкий, похожий на змею. Голова была без шапочки, с коротко стриженными светлыми волосами. Лицо, бледное, ошалелое, с синими губами и выпученными невидящими глазами. Во рту дыхательная трубка, а за спиной желтый баллон с кислородом. Он слабо шевелил руками, удерживаясь на поверхности, напоминая большого налима, у которого разорвало нутро.

— Доставьте объект на борт,— приказал Есаул.

Помощник капитана приблизился к гарпунной установке. Навел аппарат, куда вместо острия была заряжена сеть. Навел на пловца и выстрелил. Плотный комок полетел к поверхности, распушился над пловцом широкой сетью, которая сжалась, захватила добычу, опутала ячеей. Закрутилась лебедка, подтягивая к борту улов. Человек поднимался в воздух, слабо шевелился в огромной «авоське», опадал обильной солнечной каплей.

Его опустили на нижнюю палубу у носовой мачты. Мокрое тело хлюпнуло, было видно, как по железу растекается солнеч-

ная вода. Множество пассажиров уже глазело на пленника. Ротозеи толпились на верхних палубах, торопились из кают. Есаул в сопровождении посла Киршбоу отправился на нос корабля.

Нацбола выпутали из сети, прислонили к мачте, приковали наручниками. Он стоял, покачиваясь, с трудом держась на ногах. Под ним блестела лужа воды, к которой приклеились растопыренные лягушачьи лапы. Светлые волосы стояли торчком. Из носа текла кровь. Синие глаза очумело вращались. Ударная волна, прокатившаяся по реке, сотрясла его и контузила.

Есаул и посол Киршбоу сидели на складных стульях, рассматривая молодого человека.

— Что, брат, молчишь как рыба? — насмешливо спросил Есаул, с легкой брезгливостью разглядывая молодого человека, у которого, казалось, был размягчен позвоночник, не способный держать массу тела. — Тебя, как рыбу, из реки достали. Никогда не глушил гранатой?

Лимоновец открывал рот, хватал воздух, кровь из носа двумя красными ручейками текла на подбородок, падала на темное трико.

— Мы в Афганистане глушили. Бывало, надоест жрать тушенку, пойдешь к арыку, кинешь «эфку», и всплывают белопузые, плоские. Вот тебе и уха.

Пленник молчал, пытаясь собрать воедино разорванное сознание, сфокусировать в зрачках расколотый мир, утвердить шатающееся, утратившее опору тело.

— Из тебя, брат, уха не сварить, не наварист и больно костист, — продолжал подтрунивать Есаул, позволяя молодому человеку обрести целостность, собрать в чашу расплескавшееся сознание.

Тот молчал, шмыгал носом, тряс головой, будто хотел сбросить упавшую на него мглу, разглядеть того, кто сквозь мутную завесу произносит слова, которые не складывались в осмысленные фразы, а звучали как рассыпанный, бессмысленный текст.

— Как звать-то тебя? — Есаул старался быть дружелюбным. Хотел проникнуть в сердцевину раненой, травмированной личности, пока она не сложилась в единство, оставляла доступ в свое незащищенное ядро. — Не бойся, здесь все свои. Вот господин посол представляет дружественные Соединенные Штаты Америки. Я представляю Администрацию Президента России. Там на палубах смотрят на тебя лучшие представители русской элиты. И всех нас ты хотел пустить на дно? За что такая немилость?

Нацбол молчал, хотя было видно, что глаза его перестали бегать, остановились на Есауле, потемнели и сосредоточенно мерцали. Осанка стала прочнее. Молодой организм сопротивлялся контузии, черпал энергию из резервных источников.

— Не хочешь говорить, не надо. Я и так все знаю. Тебя зовут Николай Стрючков. Ты — член Национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова. Тебе двадцать два года. Ты отважный активист и боец. В Риге поднялся на здание городской ратуши и поднял красный советский флаг, за что бессердечные латыши приговорили тебя к году тюрьмы. В Москве ворвался в приемную министра здравоохранения Зурабова, написал «спреем» на стене его кабинета: «Зурабов — убийца», за что отсидел еще два года в колонии общего режима. Вместе с товарищами обстрелял тухлыми яйцами нашего уважаемого режиссера Никиту Сергеевича Михалкова, чьи усы в качестве почетного гостя приглашены в наш круиз и сейчас смотрят на тебя с верхней палубы. Теперь ты решил перейти от тухлых яиц и мятых помидоров к настоящей взрывчатке. Собирался взорвать наш теплоход, будто это не мирный, прогулочный корабль, а фашистский линкор «Тирпиц».

Лимоновец молча слушал, выдувал из губ струю воздуха, хотел отогнать текущую из носа кровь.

— Ты не закончил Московский университет, филологический факультет. Решил стать революционером, наследником Че Гевары. А ведь мог стать прекрасным лингвистом.

Пленник молчал. Укреплял себя, готовый к испытаниям. Выигрывал время, собирая разрозненные взрывом мысли и ощущения, насаживая их на вертикаль вновь обретенной воли.

Внезапно у Есаула затуманились глаза, будто роговицу покрыла перламутровая слезная пленка. В непостижимой иллюзии, в болезненном колдовском обмане ему почудилось, что прикованный к мачте юноша — его сын, несуществующий в природе, не данный ему в яви, но тайно присутствующий в иных мирах, где течет иная река, плывет иной теплоход. Он, счастливый отец, стоит на палубе с милым сыном, любит его синими молодыми глазами, гладит золотые лучистые волосы, не может насмотреться на румяные, смешливые губы. Это ощущение было столь сильным, обморочно болезненным и прекрасным, что Есаул закрыл веки, стараясь удержать под ними восхитительное видение.

Молодой человек напрягал скованные за спиной руки. Упирался в мачту, обретая в ней дополнительную опору. Его облик

был фантастичен — блестящее, как кожа рептилии, трико, перепончатые ноги тритона, из ноздрей — две красные струи, словно кровавые бивни. Но глаза осмысленно и тревожно светились.

Есаул смотрел на него с паническим обожанием, не понимая, почему остается сидеть на стуле, а не кидается к сыну — чтобы разомкнуть на запястьях оковы, перебросить через плечо его гибкую молодую руку, отвести в каюту, уложить в постель, совлечь с побитого взрывом тела мокрую ткань, осмотреть ушибы и вывихи, наложить бинты и целебные пластыри.

Беспомощно оглядывался, — с верхних палуб смотрели нетерпеливые злые глаза. Посол Киришбоу всматривался ненавидяще в лицо революционера. Члены экипажа в белой флотской форме с золотыми кортиками были готовы кинуться к пленнику, мучить, выбивать показания. А он, отец, едва не убив сына, запутался в этой жуткой яви с дьявольскими поворотами судьбы, с адскими провалами в бездну, с нескончаемыми злодеяниями, в которых истребляются самые близкие, страдают самые беззащитные, гибнут самые лучшие, испепеляются самые возвышенные и благородные.

— Сейчас тебя осмотрит врач. Тебя напоят горячим молоком. Ты ляжешь в кровать, — произнес Есаул. Но в ответ услышал:

— Если вы отпустите меня, я снова вернусь и вас убью, — голос был тих, но внятен и тверд. Воля возобладала над контузией, и теперь любые мучения и унижения станут лишь укреплять эту волю, как это бывает у мучеников, чья вера и ненависть делают их нечувствительными к боли. — Вы должны меня убить, как уже многих убили, — голос нацбола обретал звенящую силу, будто ослабленная взрывом струна вновь натянулась, источала звон ненависти. — Ваш корабль — самое мерзкое место планеты. От него исходит зараза, отравляющая воду и воздух, землю и все живое. Здесь собрались самые отъявленные преступники, садисты и изуверы. Каждый бриллиант в лобке у вашей Луизы Кипчак — это сотни шахтерских вдов, слезы и кровь русских людей. За каждым из вас преступление. Смерть ребенка, растление малолетки, убийство города, осквернение святыни. Вы не достойны жить. Суд моей партии вынес вам приговор. Задача моя и моих товарищей отомстить за народ. Вы будете все убиты... Думаете, спрячетесь за своими заборами, охранными вышками, пулеметами и овчарками? Затворитесь в своих золотых дворцах? Наймете ментов, продажных генералов, свирепых тюремщиков? Под-

купите прокуроров и судей? Застройте Россию тюрьмами и зонами? Думаете уберечься в Лондоне или на Канарах? Народ сметет ваши пулеметные вышки. Мы отыщем вас на Багамах и в Ницце. За ваши преступления вы получите столько пуль, сколько у вас голов. За ваши темные дела получите столько фонарей, что хватит на каждую шею. А если кончатся пули и не хватит фонарей, вас настигнет слепой беспощадный взрыв ненависти и возмездия, который рассыплет ваши золотые дворцы и расколется ваши железные тюрьмы... Вы уповаете на Америку, на ее доллары и авианосцы, ее валютные фонды и разведку, на ее мировое могущество и мировое злодейство. Америка вас не спасет. Она рухнет под ударами тысячи «боингов», в которых будут сидеть отважные революционеры — они направят машины на небоскребы и банки, на ракетные шахты и вертепы Лас-Вегаса. Человечество восстало против Америки, и мировая революция в чалме и с Кораном в руках сметет эту мерзкую империю денег. Началось восстание мира. Здесь, в России, мы действуем от имени униженного и оскорбленного мира. Вас всех накроет цунами мировой революции, и от вас не останется даже обломков... В России грянет революция. Четвертая, Социалистическая. Мы снова поднимем красное знамя над Москвой и Ленинградом, над Таллином и Киевом. Соберем великие армии, которые промчатся от Тихого океана до Бреста с песнями гражданской войны. Все народы нашей красной социалистической Родины станут в ряды великой освободительной армии. Русский обнимет узбека, белорус встанет рядом с казахом. Наши ряды несметны, на наших знаменах ордена Великой Победы. Мы сбросим вас в тухлый овраг и снова станем строить заводы, сеять пшеницу, летать в Космос, писать картины и книги. А вы заплатите за каждую слезу ребенка, за каждый стон замученного вами раба. Я вас ненавижу...

Есаул смотрел на измученного юношу, который чувствовал приближение смерти, не ждал для себя пощады. Своим ненавидящим криком отбивался от палачей, надеясь, что вопль из застенка будет услышан друзьями. Его окружали враги, и главным врагом был отец. Тот вековечный отец, кто из века в век убивал любимого сына. Грозный царь вонзал отточенный посох в висок наследника. Царь Петр хлестал бичом подвешенного на дыбу царевича. Сталин оставлял палачам взывающего к нему сына. И он, Есаул, погруженный в кошмар сыноубийства, был не в силах прервать роковую неизбежность России, стоящей на крови сыновей.

— Ненавижу!.. Убейте меня!..— слабея и затихая, выкрикивал прикованный к мачте нацбол.

Есаул панически озирался. С верхних палуб глазели и злобно роптали. Добровольский тыкал длинным отточенным пальцем, словно на нем был невидимый штырь, которым он хотел проткнуть юношу. Стекларусова плевала сверху, как кобра, жelaющая ошпарить пленника ядовитой желтой слюной. Шмультрихтер снимал телекамерой, надеясь украсить сценой мучений свой эротический фильм. Луиза Кипчак достала маленькое, усыпанное бриллиантами зеркальце и любовалась собой. Куприянов, презрительно оттопырив губу, выражал отвращение и холодную беспощадность. Посол Кишбоу, покрытый красными пятнами, ел глазами пленника, словно желал убедиться, насколько справедливо пророчество о скором крахе Америки. А он, Есаул, в своей тоске и любви, хотел кинуться к любимому сыну, выхватить из ненавидящей беспощадной толпы. Унести по воздуху подальше от смертельной беды. Это влечение было столь сильным, что Есаул стал подниматься со стула, желая приблизиться к мачте.

В это мгновение на палубе появился губернатор Русак. Он имел вид римского императора — багряная мантия, скрепленная на груди серебряной брошью. На голове — золотой венец из листьев дуба и лавра. Глаза, исполненные сладострастия, как если бы он созерцал в Колизее терзаемых львами христиан. Сжимал поводок, на котором хрипел и рвался бешеный бультерьер, сизо-голубой от злости, с намордником, в котором кипела розовая мыльная пена. Русак сорвал с кобеля намордник, отцепил поводок:

— Куси! — крикнул он, выбрасывая царственно руку в сторону пленника.

Кобель сгорбил спину, превратился в литой, мускулистый шар. Распрямился, толкаясь о палубу. Вытянулся длинной торпедой, в голове у которой сверкали клыки, и пылал кровавый язык. Летел над палубой, протягивая когтистые лапы, вращая в башке красные карбункулы. Ударился в пленника, в его обнаженную тонкую шею, в которой оборвался последний, жалобный крик. Обвис, утягивая к земле длинный, выпадающий из горла клочок, открывая хлещущую черную рану.

Пленник съехал вдоль мачты, сучил пластмассовыми ластами, уронив на плечо голову на подломленной шее. Помощники

капитана ринулись, вставляли в собачьи клыки обнаженные кортики. Скрипели металлом, отдирая собаку от жертвы.

Толпа на палубах ревела от восхищения. Добровольский, сжав кулак, указывал большим пальцем в землю, освящая убийство. Стекларусова перевешивалась через поручни, жадно вдыхала запах крови и собачьего пота, словно совершала целительную ингаляцию. Шмультрихтер в упоении водил телекамерой, стараясь запечатлеть конвульсию мертвого тела, собачьи судороги, растекавшуюся красную лужу, в которой топотали офицеры в белоснежных мундирах с золотыми позументами. Луиза Кипчак лишь мельком взглянула на сцену убийства, продолжая смотреться в усыпанное алмазами зеркальце.

Русак и хрипящий от неутоленной злобы кобель исчезли. Есаул, потрясенный, не успевший сберечь обреченного юношу, был готов кинуться вслед за убийцей, настигнуть в каюте, бить его мерзкую усатую голову о железную стену, покуда из распавшихся костей не брызнет розовый студень. Овладел собой. Приказал офицерам:

— Свяжитесь с вертолетом — пусть заберут труп. ФСБ проведет опознание и расследует факт теракта,— повернулся к послу Киршбоу, который ошалело, с раскрытым ртом, забыв проглотить слюну, смотрел на убитого.— Прошу прощения, господин посол, что приятное плавание было омрачено столь отталкивающим инцидентом. Однако вы можете сообщить в Госдепартамент, как нестабильна социальная обстановка в России. Как сильны экстремистские настроения и чувства большевистского реванша. Если бы не наш жесткий курс, устанавливающий «вертикаль власти», если бы не наши меры по подавлению излишних, провоцирующих революцию свобод, не исключено, что шестая часть суши снова будет покрашена в красный цвет большевизма.

С этими словами он покинул носовую палубу, строгий, непроницаемый, сопровождаемый десятками вопрошающих глаз.

Закрылся в каюте. Сел на кровать среди телефонов правительственной связи. Его грудь вдруг стала содрогаться от сухих рыданий. Его колотило, бил страшный озноб. Упал лицом в подушку и рыдал без слез, страшно, по-звериному вскрикивая.

Успокаивался понемногу. Сидел, опустошенный, постаревший на тысячу лет, и все такой же бессмертный, бездетный. И кто-то таинственный, витавший над ним, беззвучно повторял молитву на исход его грешной души:

Среди ветвей березы белой,
С лазурной вровень высотой,
Рукою детской, неумелой,
Воздет скворечник золотой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Растерзанное тело юноши замотали в брезент и унесли. Матросы из брандспойта окатывали палубу, смывая кровь. Зрители, обсуждая случившееся, понемногу разошлись. Кто в бар, пропустить рюмку крепкого. Кто в бильярдную или в апартаменты для игры в покер. А кто в кинозал, где показывали новый фильм Никиты Михалкова по сценарию Пелевина: «Деникин и пустота». Корабль плыл среди озаренной природы, которая оставалась равнодушной к случившемуся.

На палубе оставались Луиза Кипчак и Франц Малютка. Красавица продолжала держать в руках зеркальце, усыпанное бриллиантами, когда-то принадлежавшее Марии-Антуанетте.

— Как это ужасно! — горько восклицала Луиза Кипчак.

— Да, дорогая, на это невозможно было смотреть, — соглашался с нею огорченный Франц Малютка.

— Это чудовищно! Я этого не переживу!

— Я предлагал тебе уйти. Жалею, что не настоял.

— Идиот! — красавица раздраженно набросилась на суженого. — Ты решил, что мне жалко этого мерзкого щенка? Думаешь, я сожалею о нем?

— А о чем же, моя дорогая? — опешил Малютка.

— А в том, что я в зеркальце разглядела на моем лбу первую морщинку. Ты видишь?

— Не вижу. — Малютка вглядывался в белоснежное чело своей возлюбленной, которое столько раз целовал, теряя рассудок.

— Да вот же, вот же! — Луиза вновь смотрелась в зеркальце казненной королевы. — Вот морщинка! — Луиза пальчиком провела между золотистых бровей, и Малютка углядел едва различимую черточку, которая становилась видной лишь тогда, когда обладательница прекрасных бровей сердито их хмурила.

— Ерунда! — засмеялся Франц Малютка. — Такие морщинки называются мимическими. Когда человек умный и много думает,

он сдвигает брови, и возникает такая линия. Я знал одного мужика, который придумывал схемы увода денег от налогов. У него была морщина от задницы, через всю спину, по черепу, между бровей, по всей морде, груди, животу до самых яиц, которые сдвигались, когда он морщил лоб. Так что, дорогая, не печалься: в России в год исчезает по миллиону народа, а ты по пустякам расстраиваешься.

— Идиот! Моя морщинка дороже миллиона дебилов, которые только и умеют, что выклянчивать у Зурабова даровой аспирин, бранить мою телепрограмму «Взасос», называть меня «богатой сучкой» и ходить с красной тряпкой на демонстрации. Да пусть они все перемрут, если после этого исчезнет моя морщинка!

Мимо них проходил прокурор Грустинов, полный, откормленный, чем-то напоминавший розового поросенка.

— Дорогая,— Малютка старался быть нежным, чувствуя, что его любимая по-настоящему несчастна и близка к рыданиям.— Ты прекрасна. Твоя морщинка делает тебя еще краше. Ты мне дорога еще больше. У тебя под мышкой появилась еще одна замечательная морщинка, которая делает тебя неотразимой. Хочешь, я закажу скульптору Церетели памятник твоей морщинке? Не той, что на лбу, а той, что под мышкой?

— Придумал тоже. Он изваяет скульптуру, которая будет видна за сто километров. В народе ее назовут «озоновая дыра» или «Цертелева пустота». И мне придется иммигрировать из России.

На глазах Луизы Кипчак появились слезы. Франц Малютка бросился их вытирать. Мимо проходил кутюрье Словозайцев.

— В чем дело, господа?

— Да вот, видишь, у нее объявилась морщинка, и она, не дай бог, повесится,— объяснял Франц Малютка.

— Морщинка? — Модельер внимательно взглянул на чело красавицы.— Для женщины, которая прекрасней всех актрис Голливуда и может претендовать на титул «Мисс Вселенная»,— это кажется трагедией. Но зачем существуем мы, стилисты и модельеры, создатели высокой моды и неувядаемой красоты?

— Вы можете мне помочь? — загорелась надеждой Луиза Кипчак.— Вы не знаете, но моя добрая мама удушила моего милого папу подушкой, когда тот, вернувшись из военно-морского училища, где танцевал котильон с молодыми курсантами, посмотрел на нее при свете нашей хрустальной люстры и сказал: «Ты, моя прелесть, похожа на морщинистый древесный гриб». Вы действительно мне поможете?

— Не сегодня, но через день, когда мы пристанем к берегу. Сегодня же я приглашаю вас на конкурс, где мои манекенщицы станут разыгрывать титул «Мисс Бродская». Вы получите удовольствие.

— Непременно придем,— с благодарностью откликнулась Луиза Кипчак.

Словозайцев галантно раскланялся и удалился, слегка поигрывая бедрами.

— Он очень мил,— глядя вслед кутюрье, сказала Луиза Кипчак.

— Не нахожу,— ревниво отозвался Малютка.— У него между ног — игольное ушко, сквозь которое он протащил своего верблюда, сточив при этом два его горба. Вряд ли после этого он может считаться мужчиной.

— Не говори гадостей,— оборвала его суженая.— Пойдем лучше в номер. Мои морщинки нуждаются в том, чтобы их помассировали.

Есаул приходил в себя после охватившей его истерики, давшей выход накопившейся усталости, не исчезавшей тревоги, громадного напряжения, связанных с реализацией «плана». Незримая точка на водной поверхности, в которую спешил теплоход, приближалась, и вместе с ней приближалась минута решительных молниеносных действий. Но временами решимость его оставляла. Закрадывались сомнения, на верном ли он пути, будут ли его грозные, сверхчеловеческие поступки способствовать благу России. Оставалась надежда на долгожданную встречу с престарелым схимником, отцом Евлампием, духовником и наставником, завершавшим свой многотрудный подвижнический век в отдаленной обители,— в монастыре, что, окруженный озерными водами, возносил купола среди бескрайних сияний севера.

В дверь каюты раздался стук. Есаул подумал, что это пунктуальный капитан Яким хочет доложить обстановку, сообщить о приближении вертолета, куда перегрузят тело несчастного террориста.

— Войдите,— произнес он устало.

Дверь отворилась, и в каюту просочился губернатор Русак. Оказавшись в каюте, заговорщически оглянулся и плотно прикрыл дверь. Весь его вид выказывал предельную осторожность, скрытность, страх преследования и вместе с тем отчаянную решимость.

— Знаю, знаю, знаю!..— заплескал он ладонью, останавливая Есаула, который пришел в крайнее раздражение, увидав у

себя человека, которому только что собирался проломить голову.— Вы считаете меня убийцей, врагом, заслуживающим смерти. Но я явился к вам открыть мою тайну. Я не враг, не «чужой». Я — «свой». Я — ваш тайный друг, единомышленник и сподвижник. Всем сердцем сочувствую тому, что выкрикивал перед смертью героический полковник Клычков. Как и он, я ненавижу жидов. Как и он, веду борьбу за полное их искоренение на святой Руси. Я разделяю убеждения бедного и прекрасного юноши, жертвенного лимоновца. Если бы вы побывали в моем губернаторском кабинете, вы бы увидели, что в задней комнате, на стене, у меня висит красный флаг. В городе у меня действуют советы депутатов трудящихся, а коммунистам я тайно выделил лучшее помещение в их бывшем обкоме. Я должен был умертвить столь жестоким образом полковника и нацбола, ибо точно так же поступал советский разведчик, внедренный в гестапо,— принимал участие в пытках подпольщиков, чтобы его не разоблачили враги.

Русак и впрямь походил на законспирированного разведчика. На нем уже не было алой мантии и золотого императорского венца. Он был во всем сером, невзрачном. Тараканьи усы, обычно вызывающе и надменно торчащие, теперь были подстрижены, превратились в скромные бухгалтерские усики, не вызывавшие к их обладателю никакого интереса. Он сжался, ссутулился, старался занимать как можно меньше места. Говорил шепотом, постоянно оглядываясь, давая понять Есаулу, что за ним следят. Однако Есаул чувствовал исходящие от него сквознячки смертельной опасности. Потаенное око сотрясилось от волнения, предупреждало о приходе врага. Так чуткие звери испытывают ужас, предугадывая землетрясение, начинают дрожать и выть в ночи. Так колдуны, прозревая близкую смерть, начинают бить в бубен, поднимая уснувшее стойбище.

— Я узнал о кончине Толстой-Кац. Ее засекали ликторскими пучками. Воздав по заслугам, накрыли ее гроб американским флагом. Она — опасная ведьма, злобная ворожея. Ее колдовскими усилиями мягкий и слабовольный Президент Порфирий отказался от третьего срока. Командуя сонмом колдунов и волхвов, она обеспечивала предвыборную кампанию Куприянова, парализуя волю его противников. Она ненавидела вас, хотела вас умертвить или лишиться рассудка. В ее каюте лежит ваша фотография, которую она колола булавками, поджигала на свече, поливала расплавленным свинцом и, простите, опрыскивала своей тлетворной

жидкостью, от которой мгновенно высыхала трава и больше не росла на том месте, где ее приспичивало присесть. Я знаю, она приходила к вам, чтобы вывести ваш сокровенный «план». Но вы, человек воли и светлой энергии, не поддались на ухищрения. Восхищаюсь вами...

Есаул вздрогнул, услышав слово «план». Это было кодовое, ключевое слово, прорвавшееся сквозь словесную неразбериху. Русак явился, чтобы вывести «план». Повторял поход Толстой-Кац. Русак действительно был разведчик, но разведчик врага, посланный в его «ставку» под видом перебежчика. И это открытие вызвало к бдительности. Понуждало оборонять священный лагерь под сердцем, скрывавший драгоценный секрет.

— Василий Федорович, я — с вами, я — ваш. Кругом нас враги. Доверьтесь мне. Хочу стать частью вашей «команды», подставить плечо. Хочу участвовать в осуществлении «плана». Поделитесь со мной, в чем его суть?..

Есаул чувствовал под сердцем драгоценную точку, к которой подбирается враг. Окружал эту точку рубежами обороны. Окапывал противотанковыми рвами. Заслонял минными полями. Русак искренне, с поражающей достоверностью изображал единомышленника. Его настойчивость была настойчивостью друга, желавшего помочь. Торопливость и взволнованность речи свидетельствовали об опасностях, которые он пережил, ведя борьбу с ненавистными заговорщиками. Исходящая от него энергия незримыми щупальцами устремлялась к Есаулу, шарилась в его душе и рассудке, нащупывая желанную цель. Эта энергия обжигала, словно ядовитые лучи, проникала сквозь материальные оболочки, добиралась до сокровенной сути.

— Не правда ли, вы хотите войти в доверие к Куприянову, чтобы позже его опорочить? Хотите поступить к нему на службу, сохранив за собой свой пост, чтобы в дальнейшем начать саботаж и свалить режим Куприянова? Хотите разоблачить масона Добровольского и вскрыть его «мировую сеть»? Я вам помогу, я обладаю исключительной информацией...

Есаул отбивался от назойливо шарящих щупальцев. Заслонялся от незримой, просвечивающей радиации, которая вторгалась в душу, подбираясь к святыне.

— Всю мою жизнь я посвятил борьбе за народное дело. Мой отец был коммунистом и первым уехал в казахстанскую степь поднимать целину. Мой дед партизанил в тылу врага, взрывал в лесах Белоруссии составы фашистов. Мой прадед был револю-

ционером, соратником Дзержинского и участвовал в операции «Трест». Вот посмотрите.— Русак расстегнул на груди скромную серую рубашку и показал золоченую ладанку на скромной хрупкой цепочке.— Это родовая реликвия. В ней находится завиток бороды Феликса Эдмундовича, который «железный Феликс» подарил прадеду на память после уничтожения террориста Савинкова. Эту священную реликвию я всегда ношу с собой. Как талисман, она оберегает меня от несчастий.

Есаул смотрел на старинную ладанку, лежащую на ладони Русака, и «лобное око» — ясновидящий орган — прозревало в Русаке коварный обман, скрытую жестокую сущность. Русак утратил человеческое обличие и явился в образе своего тотемного зверя — зайца-русака. Но не милого пугливого грызуна, населяющего русские поля и опушки, грызущего кочерыжки на капустном поле, а в виде косматого хищника, с кровавыми резцами и набрякшими от крови глазами, что обгладывает берцовую кость.

— Товарищи просили меня связаться с вами. В нашем городе все готово к восстанию. На нашей стороне ОМОН, соседние воинские гарнизоны, народные дружины, коммунисты, партия «Родина», лимоновцы, церковь, мелкий и средний бизнес. Сложилась реальная «объединенная оппозиция», которая не хочет мириться с продажной олигархической властью, представленной Куприяновым. Видит в вас, Василий Федорович, своего идеолога и вождя. Мы ждем сигнала к восстанию.

«Лобное око» вращалось в костяной глазнице, рождая невидимые пульсирующие вспышки. Как импульсы локатора, они облучали Русака, пробивали его маскировку, указывали истинное обличив. Заяц-русак превратился в саблезубого тигра с пламенеющей пастью. Скалил чудовищные, в розовой пене клыки, напрягал свирепые мускулы, придавил когтистой лапой нежное тело растерзанной антилопы, у которой фиолетовые, полные слез глаза остекленели в последней муке.

— Мне кажется, здесь, на теплоходе, надо действовать решительней. Тут собрался высший масонский круг. Здесь главные заговорщики, которые планируют еще до президентских выборов совершить государственный переворот. У меня есть предложение — давайте их всех отравим. У меня припрятан быстросействующий яд. Добавим его в пищу во время очередной дегустации блюд по рецептам обжоры и чревоугодника Михаила Кожухова, подавившегося жуком-плавунцом. Или взорвем теплоход. Я свя-

жусь с моими людьми, они завезут на корабль несколько мешков гексогена, мы заложим его в трюме, ночью уплывем на лодке и с берега пошлем сигнал «на взрыв»...

Саблезубый тигр превратился в громадного микроба. Увеличенная в миллионы раз живая бацилла чумы пульсировала мутно-прозрачным телом. Переливала из одной части клетки в другую ядовитую каплю. Начиала делиться, выделяя из себя дочернего микроба. Розовая субстанция, в которой существовала бацилла, была отравленной кровью умирающего чумного больного.

— Если бы вы знали, Василий Федорович, как я ненавижу Добровольского! Он главный заговорщик, главный носитель зла. Это он заявил на заседании «ложи», что вы подлежите смерти, если вздумаете противодействовать Куприянову. Он вел переговоры с Президентом Порфирием, убеждая его отказаться от третьего срока. На тайных встречах с послом Киршбоу обещал американцам передать под их контроль атомные центры России...

Русак воплощал в себе многоликое зло, которое постоянно меняло обличье, являясь «лобному оку» в непрерывных метаморфозах, каждая из которых несла угрозу всему человечеству. Теперь он превратился в корявый метеорит, несущийся в отдаленной части Вселенной. Под воздействием гравитации звезд и планет менял траекторию так, что ему уготовано было столкнуться с Землей. Превратится в раскаленный, багровый, рассекающий небо шар. Взорвет континент Европы в районе Парижа. И там, где сплетались в небе кружева Эйфелевой башни, золотился фасад Лувра, лимузины крутили сверкающую карусель на площади Этуаль, — там чернел жуткий кратер. Солнце затмила копоть. В вечной ночи по всей планете горели леса. Полнились города мертвецами. Монах на Валдае молился Богу в час Страшного суда...

— Куприянов — мелкий честолюбец, чванливый гордец, не способный управлять государством. Он готовит на вас компромат по Чечне, по разгрому ЮКОСа, по закрытию политических программ НТВ, особенно передачу Герасимова, где постоянно мучили бедную собачку Му-Му. Вы знаете, я так люблю собачек. Они такие славные, благородные. В них есть что-то рыцарское. Когда такой песик-рыцарь вскакивает тебе на спину, начинает больно царапать твои лопатки своими смешными лапами, а твои голые ягодицы чувствуют его горячий нетерпеливый живот... — Русак остановился, почувствовав, что произнес что-то не то. Попытался исправить: — Когда его горячий нетерпеливый живот тыка-

ется в твои голые ягодичи,— опять запутался и умолк. Этой паузой воспользовался Есаул:

— Благодарю, господин Русак, за ваше желание влиться в нашу борьбу. Благодарю, что явились ко мне, рискуя жизнью. Однако у подпольщиков не принято верить словам. Мы доверяем только паролю. Вы сказали, что у вас в ладанке хранится талисман революции — завиток бороды Феликса Эдмундовича Дзержинского. Позвольте взглянуть.— Есаул протянул руку к ладанке, висящей на утлой груди Русака.

— Не стоит,— попятился Русак.— Поверьте мне на слово. Я давно не открывал эту ладанку. Она бессменно находится на моем теле, крышка прикипела, почти припаялась. Ее невозможно открыть. Там действительно — крохотный клочок бороды «рыцаря Революции», подаренный прадеду на банкете в честь ликвидации эсеровского подполья.

— Позвольте взглянуть!

— Невозможно!

Есаул ухватил золотую ладанку, рванул. Хрупкая цепочка распалась. Ладанка оказалась у него в руках. Он поддел ногтем тускло-желтую золотую створку. Открыл. Из сияющей золотой глубины смотрело лицо колдуньи Толстовой-Кац.

— Так вот чей подарок вы носите у себя на сердце! — насмешливо воскликнул Есаул, разоблачая лжеца.— Вот чей бессмертный образ греет вам сердце!

Русак растворился в калейдоскопическом вихре превращений, которые фиксировало «лобное око». Тамплиер в белом колпаке, сгорающий в костре инквизиции, с выкипающим мочевым пузырем. Печень Марии Стюарт через секунду после казни, бурлящая тяжелой кровью. Протока Лимпопо с желтой гнилой водой, в которой плывет крокодил. Матрица суперкомпьютера с мириадами цифр, в которых, как черная дыра, сквозит код окончания мира.

Пройдя череду воплощений, Русак вырвался из кармического вихря и предстал перед Есаулом в истинном облике. Его лицо было белым от бешенства. Кончики усов дымились от ненависти. На губах пузырилась фиолетовая пена:

— Я тебя ненавижу!.. Ты антисемит и убийца!.. Твои приспешники, составляющие большинство омерзительного народа, населяющего омерзительную страну, будут уничтожены!.. Ваши дни сочтены!.. То, что зовется Россией, будет расчищено для новых,

идеальных людей, совершенного народа, который навсегда забудет об империи, о «русской идее», мессианстве, Третьем Риме, коммунизме и Царствии Небесном!.. Ты сам доживаешь последние дни!.. Ищешь заговор, а он уже тебя поглотил!.. Ищешь того, кто сосредоточил сокрушающую силу и знание, но не находишь!.. Думаешь, что это Добровольский, но это не он!.. Думаешь, что это я, но ошибаешься!.. Умертвил благородную, прекрасную душой и телом Толстову-Кац, но промахнулся!.. А тот, кого ищет по сторонам твое тупое «лобное око», остается тобой не замечен!.. Может, навестишь окулиста и для своего «третьего глаза» раздобудешь очки?.. Вспомни, кто ходил с тобой в «Марсианский город»? Кто открыл перед идолом коробочку с красными иероглифами?.. Кто выпустил голубых мотыльков, и они превратили в труху миллионы китайцев?.. Ты должен знать — подходит к завершению гигантский эксперимент генной инженерии!.. Уже создаются искусственные организмы, отвечающие высшим стандартам жизни, под которые не подпадает твой народ-пьяница, народ-лентяй, народ-сумасшедший!.. У нас в руках инструмент, которым мы за считанные секунды уничтожим несовершенные генетические формы и расчистим русские пространства для идеальных, сотворенных людей!.. — Русак вдруг осекся, почувствовав, что в бешенстве наговорил много лишнего. Вырвал из рук Есаула ладанку и выскочил из каюты. Есаул заметил, как кружится в воздухе выпавший из его усов волосок. Машинально подхватил волосок и спрятал в конвертик.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Есаул остался один, потрясенный. В бешеных словах Русака мелькнула жуткая истина. Сохраняясь непознанной, она страшно приблизилась, обжигая своим соседством. Словозайцев, целлулоидный глупыш, легкомысленный кутюрье, весь в лоскутках и бусинках, — он здесь при чем? Но таинственная табакерка с иероглифами, рой голубых мотыльков, мгновенная гибель китайцев — дело рук модельера. В панике бегущий китаец, у которого испарилась голова, пропало тело, и секунду продолжали бежать две оставшиеся худые ноги, — что это было?

Есаул связался с Москвой и попросил перебраться на компьютер досье Словозайцева. На экране возникали подиумы Парижа

и Лондона, показы в Москве и Нью-Йорке. Красавицы в перьях и мехах, похожие на фантастических птиц или грациозных пушных зверей. Почти обнаженные, напоминавшие соблазнительных купальщиц. И среди них — Словозайцев, лауреат многочисленных премий, герой гламурных журналов, законодатель высокой моды, творец болезненно-прекрасной эстетики, которой поклонялась элита влиятельных геев, знаменитых на весь мир лесбиянок, эпатирующих трансвеститов, шокирующих бисексуалов. Эти люди с поврежденной природой, особи с нарушенным генетическим кодом составляли активную, спаянную друг с другом прослойку. Проникли в культуру и власть, в церковь и журналистику, в шоу-бизнес и спорт. Определяли политику, господствовали в искусстве, диктовали стиль, философию. Какую? Уж не ту ли, согласно которой искусственные, сотворенные в лабораториях люди с измененным генетическим кодом вытеснят с земли природных людей? Совершат мировую биологическую революцию? Установят диктатуру генного инженера, «модельера человеческих душ»?

Поздним вечером, когда стемнело, был объявлен просмотр моделей, который одновременно являлся конкурсом красоты на титул «Мисс Бродская». На верхней палубе, под теплыми небесами был установлен длинный подиум. Прожектора озаряли ковер, который светился седым ворсом, словно покрытый инеем. Лазерные вспышки рассекали пространство, будто прилетали из Космоса разноцветные частицы. Вдоль подиума были расставлены столики, за которыми разместились гости в вечерних туалетах и драгоценностях. На столах горели свечи. Официанты разносили напитки, ставили перед зрителями коктейли, виски со льдом, охлажденное martini, бокалы шампанского. Среди стеклянных бокалов и рюмок лежали электронные пульты — зрители, оценивая красоту манекенщиц, должны были нажимать кнопки с цифрами. По обе стороны подиума негромко и завораживающе играли два оркестра — новоорлеанский диксиленд, представленный величественными, бархатно-черными неграми, и одесский квартет с длинноволосыми, томными скрипачами. Есаул занял столик, поставив перед собой стакан с оранжадом. Намеревался наблюдать за кутюрье, в надежде отыскать в его поведении нечто такое, что могло бы развеять ореол таинственности вокруг этой, ставшей вдруг загадочной персоны. Корабль плыл, великолепно сияя бортами, окруженный разноцветными, шальными корпуску-

лами. С далеких берегов казалось, что на воды опустилась летающая тарелка, окруженная лучами и вспышками.

Под аплодисменты на подиуме показался модельер Слово-зайцев. Он был одет просто и элегантно. Серая свободная блуза, розовая рубаша и артистический шарф. Лицо его казалось бледнее обычного, утратило округлость, обрело напряженную резкость. Он поднес к губам изящный серебристый микрофон и, сдержанно кланяясь, произнес:

— Дамы и господа, коллекция, которую я вам представляю, была создана мной специально по случаю нашего плавания. Она посвящена обворожительной Луизе Кипчак, несомненной «Мисс Вселенной», состязаться с которой не отважится ни одна из красавиц.— Луиза польщенно улыбнулась, еще больше обнажая великолепную грудь, на которой было тесно бриллиантам.— Мои манекенщицы восхитительны все как одна и похожи друг на друга как сестры. Словно они родились в одночасье от одной матери, если бы существовала женщина, способная одновременно родить десять дочерей-близнецов. Я отличаю их по крохотным «чипам», вживленным в мочки ушей.— Словозайцев показал зрителям миниатюрный прибор, похожий на пульт автомобильной сигнализации, где загорались цветные индикаторы.— А также по именам, которыми они сами себя называют при встрече... Ми-Ми... Зи-Зи... Фи-Фи... Ля-Ля... Лю-Лю... Но разумеется, не Це-Це и не Бля-Бля.— Он сделал паузу, и публика наградила аплодисментами его шутку.— Ваш выбор будет определять туалет, который украсит модель, и грация, с которой она преподнесет вам себя. Благодарю за внимание.— С этими словами кутюрье покинул подиум, а Есаул отметил то новое, что обнаружил в себе Словозайцев,— отсутствие детской наивности и безобидного идиотизма, которые сменились в нем уверенностью и волей художника, создающего несомненные шедевры.

Некоторое время подиум оставался пустым, серебрился, словно на него была натянута шкура зимнего волка.

Джаз заиграл сладкозвучней, будто из саксофонов и труб потекли тягучие струи меда. На подиум вышла женщина. Ее обнаженное тело грациозно скользило в лучах. Казалось, она плыла, не касаясь земли. Свет лился по маленькой чудной груди, скапливался на мгновение в ямках ключиц, проливался быстрой струей по животу, стекал по стройным ногам, пропадая у гибкой стопы, которая упиралась в отточенную, прозрачно-хрустальную туфлю с острым каблуком.

Ее движения были волнообразны, как если бы она попадала в струи ветра. Шелковистые ярко-голубые крылья у нее за спиной переливались при каждом шаге. Она была подобна бабочке из семейства морфид, что, подобно ангелам, озаряют лазурью тенистые джунгли Амазонки, сводя с ума коллекционеров и путешественников. Женщина-бабочка прошла до конца подиума. Чуть изогнувшись в талии, отчего по гибкой спине пролилась струя света. Повернулась на отточенном каблуке, и, казалось, кто-то провел золотистой кисточкой между худых, грациозных бедер. Голубые крылья колыхнули воздух перед лицом Куприянова, который поцеловал этот воздух, крикнул: «Браво!», кинул к ногам красавицы белую розу.

Одесские скрипки заиграли мелодию, в которой еврейские печаль и веселье рождали на улыбающихся губах вкус горьких слез. На подиум вышла модель, всей статью и прелестью повторяя предшествующую, — то же узкое, с выступающими скулами лицо, длинные, изумленно глядящие глаза, гибкие повороты худого, нервного тела. По бедрам, под чувственным животом ее опоясывал перламутровый пояс, на котором держался пышный павлиний хвост. Каждое перо казалось фонтаном света. Зелено-золотые пятна поражали огромными очами, обведенными алым и синим. Плюмаж страстно колыхался, когда женщина поднимала колени и сильно вонзала в подиум отточенную туфлю. В ее поступи была царственная властность и повелительная небрежность. Она была жар-птица, не принадлежала никому, была готова составить счастье одному-единственному, поощряя таинственной улыбкой сделать свой выбор. Прошла весь подиум, колыхнула плюмажем, открывая маленькие плотные ягодички. Было в этом движении нечто от сладострастной птицы во время брачного периода. Многие за столиками, особенно те, чьи тотемные звери были из семейства пернатых, невольно потянулись к ней.

Третья женщина являла собой люстру. Ничто не мешало любоваться ее обнаженным, обворожительным телом. Лобок, над которым потрудился искусный стилист, напоминал японский иероглиф, обозначающий солнце. Веки, прикрывающие таинственные глаза, были усыпаны космической пылью. Хрустальные туфли казались бокалами, в которых переливается золотое вино. На ее голове красовалась огромная ослепительная люстра — хрустали с разноцветными искрами, подвески, в которых трепетали волшебные отсветы. Женщина, балансируя на невидимом кана-

те, прошествовала до конца подиума, просияла всеми хрустальями и радугами. Волнуя бедра, неся на голове пылающую Вифлемскую звезду, уходила.

Есаул не мог устоять перед красотой восхитительных женщин. Поддался очарованию их туалетов, которые не просто подчеркивали природные формы, но никак не препятствовали любоваться всем тем, что делает женщину желанной. Однако что-то его тревожило. Что-то мешало до конца ощутить магическое величие зрелища. Он не мог понять что. Этим тревожащим впечатлением могла быть одинаковость и абсолютное подобие красавиц, которые напоминали великолепные копии драгоценного подлинника, находящегося где-то на небесах. Или недолгое появление из тени модельера Словозайцева, который вытягивал руку с миниатюрным приборчиком, мигал огоньками, управляя манекенщицами, словно биороботами. Оставалось нечто, еще не выявленное, что рождало тревогу. Как если бы женщины на подиуме не отбрасывали тени. Но тени присутствовали. Несколько прожекторов с разных сторон освещали модель, и она, точно летательный аппарат, скользила в аметистовых лучах, отбрасывая лепестки теней.

Новоорлеанские негры создавали звенящий, обжигающий ритм. На подиуме показалась красавица, чьи плечи, и только они, были укутаны в воротник, созданный из цветов и листьев, спелых плодов и ягод. Виноградные кисти, словно агатовые драгоценности, свисали до нежных грудей, и маленькие соски казались спелыми виноградинами. Вокруг высокой шеи горело алое ожерелье из спелой земляники. Среди листвы пламенели спелые яблоки и золотые груши. Цветы магнолии и олеандра колыхались при каждом взволнованном шаге. Женщина была похожа на корзину фруктов, которую вынесли для услаждения глаз, предлагая полакомиться сладостью даров природы. Должно быть, так же, в сиянии божественной наготы, в избытке жизненных сил явилась царю Соломону Суламифь, слагая румяными устами первые звуки «Песни песней». Модель прошагала по подиуму, распространяя ароматы фруктового сада. Повернулась на каблуках, давая зрителям одно мгновение полюбоваться красотой ее согнутой ноги и изгибом бедра. При повороте одна виноградина оторвалась от лозы, покатила по подиуму, неся каплю изумрудного теплого света и прелесть согревшего ее женского тела.

Одесские виртуозы создавали смычками и певучими скрипками страстную вибрацию, которая кружила голову, приоткрывала завесу небес, позволяя видеть истинную картину мира,— ту, что

побудила витебского гения рисовать летающих коров, парящих в невесомости женщин, огненных, повисших в синеве петухов.

Следующая модель шла, опустив глаза долу, словно в лунатическом сне, ставя худые ноги на незримую, проведенную вдоль подиума линию. Хрустальные туфли вонзались в ковер, высекая голубые искры. На ее голове возвышался античный храм — коринфские колонны, портики, уставленные скульптурами фронтоны. Так на афинском холме теплой ночью, освещенный прожекторами, парит Парфенон. Женщина-кариатида была античной богиней, восхитительной Артемидой, на чью красоту посягнул обезумевший Герострат.

Манекенщица, сменившая подругу, вызвала восхищение зрителей. На ее голове был водружен аквариум с рыбами. Вода чуть колыхалась в стеклянном сосуде, когда женщина переставляла свои обнаженные ноги. Среди изумрудных водорослей и серебряных пузырей плавали алые, голубые, золотистые рыбы, те, что населяют коралловые рифы, заставляя ныряльщиков часами оставаться под водой. Женщина олицетворяла собой морскую стихию — была nereидой.

Корабль, озаренный прожекторами, переливался всеми цветами радуги, словно над ним полыхало северное сияние. Можно было представить, какое впечатление он производил на обитателей прибрежных деревень, которые со своих огородов смотрели на реку, где плыл спустившийся с неба ковчег. Там боги справляли праздник, небожители творили священный обряд. Зеркальца света долетали до берега, падали в заросли лебеды и крапивы.

Есаул был восхищен, отдавал должное изобретательности и эстетизму Словозайцева. Но при этом тревога не покидала Есаула. Что-то казалось неладным во всем, великолепно задуманном действе. Что-то не соответствовало законам природы, которая, хотя и поражала разнообразием своих проявлений, но все же соответствовала канонам, в которых ее сотворил Господь. Здесь же чудилось отступление, но он не мог обнаружить какое.

Во время непродолжительного перерыва негры с берегов Миссисипи оседлали ревущие саксофоны и стали плясать и подпрыгивать. Казалось, из корабельной трубы выносятся закопченные демоны и мечутся в свете прожекторов на золотых ракетах. Одесские музыканты, мотая длинными волосами, натягивали волосья струны, заряжали смычки и звенящими стрелами сбивали негров, которые падали на палубу визжащими клубками.

После забавного дивертисмента, когда один из смычков угодил в лысинку Жванецкого и вырвал из нее душераздирающий вопль, представление продолжилось.

Модели одна за другой появлялись на подиуме, обнаженные и пленительные. Навстречу, из невидимого проектора, вырывались пучки лучей, одевали их в шелковистые прозрачные покровы. Картины французских импрессионистов, драгоценные слайды облакали девушек в фантастические наряды, помещали среди пейзажей и натюрмортов. Казалось, среди танцующего хора Матисса закружилась еще одна прелестная танцовщица. На пикник Ренуара явилась еще одна молодая куртизанка. Сквозь розовый туман собора Парижской Богоматери Моне проступает таинственная обнаженная дева. Под сумасшедшими светильниками и лунами Ван Гога парит обнаженная волшебница. На шаре Пабло Пикассо, рядом с худой гимнасткой, балансирует обнаженная балерина. Женщины шли, окруженные прозрачными лучами, и на лице, груди, животе каждой загорались золотые подсолнухи, текли вечерние огни бульвара Капуцинов, появлялась татуировка, изображающая мадам Самари.

Зрители были в восторге. Обычно угрюмый и сдержанный спикер Грязнов посылал на подиум воздушные поцелуи. Усы Михалкова стали закручиваться по-гусарски, и бесцеремонная рука тянулась коснуться обнаженной волшебницы, но окуналась в лазурную воду канала, где прачки полоскали белье. Круцефикс, раздавленный собственным предательством, все эти дни трусливо избегавший Есаула, вдруг осмелел, подошел к нему и произнес: «Василий, зачем лишать себя счастья жизни? Одумайся и смирись!» На что Есаул брезгливо прошептал: «Брысь!»

И вдруг, когда очередная модель шла в разноцветном воздухе под пальмами Гогена, где две фиолетовые полинезийские женщины играли раковинами, Есаула ошеломило открытие. Все манекенщицы, одинаковые и прекрасные, как дивные творения природы,— все они были без пупков. Их небольшие ладные животы, чуть напряженные при ходьбе, в переливах света, не имели пупков. Были гладкие, глазированные, без малейших признаков того, что когда-то их родила мать. Мета на животе, переходящая из поколения в поколение от детей Адама и Евы, первых людей, рожденных из человеческой плоти, а не сотворенных на гончарном круге Господом Богом,— пупочное углубление, делающее женский живот столь привлекательным для восторженного любовника,— отсутствовало напрочь. Это и было источником тревоги,

от которой не мог избавиться Есаул. Было тем, не сразу заметным признаком, что отличал манекенщиц от прочих женщин, плывущих на теплоходе. Многие из дам днем расхаживали в топиках, с голыми животами и открытыми пупками, с пирсингом или без него. Есаул, потрясенный открытием, стал пристально изучать проходящих мимо красавиц, справедливо полагая, что, будучи не рожденными, они не в состоянии родить. Есть ли у них детородные отверстия, через которые плод покидает лоно и является на свет? Есть ли врата, куда врывается нетерпеливое семя, торопясь продлить бесконечную цепь поколений? Есаул, как антрополог, изучал красавиц, но их тесно сжатые бедра мешали ему сделать окончательный вывод. К тому же, ничто им не мешало наложить на лобки небольшие золотистые шиньоны, скрывавшие истину.

Словозайцев, на мгновение возникавший у подиума, переключавший пультом разноцветные слайды, был похож на диспетчера, менявшего картину мира. На алхимика из разноцветных растворов, мелькающих корпускул, лучей серебристого света сотворяющего искусственных дев. Красавицы были синтезированы. Рождались в банках, на которые проецировались слайды импрессионистов. Были водорослями, рожденными из растворов и морских солей. Это было невероятно. Приближало Есаула к разгадке «заговора», пугавшего своей грандиозностью и бесчеловечностью.

Вспыхнул яркий свет, как если бы лучи прожектора были пропущены сквозь кристалл аметиста. Ковер на подиуме сверкал, словно снежный наст. Ночь над кораблем расступилась, наполненная сиянием. Казалось, заря предвещает восход небывалого светила. И оно не замедлило взойти. На подиум ступила красавица, переливаясь в лучах, словно по ее обнаженному телу струилась божественная влага. Свежесть, прелесть, пленительная таинственность, задумчивая грациозность делали девушку прекрасной. Она улыбалась, но не замороженным зрителям, а какой-то своей потаенной мечте. Глаза, прикрытые ресницами, хоть и смотрели на подиум, но видели другое пространство, иную даль, в которой кто-то желанный и ненаглядный спешил ей навстречу. Ее острые плечи приподнимались при каждом шаге, и на них переливался аметистовый свет. Маленькие, с заостренными сосками груди, отбрасывали нежные тени. Ступая, она сжимала бедра так плотно, что виднелась лишь серебристо-темная, с соболиным блеском полоска лобка. На ее правой ноге, от хрустальной остроконечной туфли, по хрупкой щиколотке до круглого чувственно-

го колена, обвивалась алмазная змейка. Казалась живой, трепетала, качала крохотной, с рубиновыми глазами, головкой. Струилась вверх по ноге, тянулась к животу, к полоске соболиного меха, пугая зрителей, взволнованных соседством красоты и смерти, прелесть, сулившей несказанное блаженство, и гибельного страдания, обрывающего нежную жизнь. Девушка с алмазной змейкой была Клеопатра. Жрица любви, чья экстатическая страсть, пропитанная каплями яда, волновала воображение миллионов мужчин, включая и тех, кто замороженно сидел за столиками.

Словозайцев издали, находясь в тени, вытягивал руку с миниатюрным прибором, где мерцали бусины индикаторов. Из прибора к манекенщице тянулся лучик света,— касался плеча, мочки уха, гибкой талии. Есаул наблюдал за кутюрье, который управлял своей креатурой, как управляют на состязаниях моделями игрушечных самолетов и кораблей. Луч, летящий к манекенщице, разноцветно переливался. Становился голубым, розовым, нежно-зеленым. Будто в женщину впрыскивали цветные растворы. Если приглядеться, то луч был прерывистый, состоял из множества разноцветных корпускул. Словозайцев направлял к женщине потоки разноцветных молекул, которые погружались в живую плоть, меняли ее эмоции, управляли пластикой. Это были инъекции, уколы на расстоянии, сигналы биороботу, чутко на них реагирующему. Открытия следовали одно за другим, повергая Есаула в паническое возбуждение.

В не меньшем возбуждении находился Франц Малютка. Едва узрев взошедшую на подиум женщину, он, казалось, забыл о сидящей рядом Луизе Кипчак. Раскрыл в восхищении рот. Устремился к красавице обожаящим лицом. Вострепетал могучим, охваченным страстью телом.

Девушка достигла края подиума, на мгновение застыла. Стало видно, как змейка качает беспощадной ядовитой головкой, готовая укусить. Малютка застонал. Когда жрица, повернувшись на каблучках, мелькнула соболиным хвостиком и пошла обратно, переставляя восхитительные ноги перед самым лицом Малютки, тот полез в карман. Извлек узкий сафьяновый футляр, где лежали женские, усыпанные бриллиантами часики, предназначенные для суженой. Извлек драгоценность и в упоении кинул красавице. Та подхватила дар на лету и, не глядя на дарителя, удалилась по ковру.

Аметистовый прожектор погас. Вспыхнул ровный свет. Все нажимали пульта для голосования, подносили к губам бокалы и аплодировали. Оба оркестра утомленно умолкли. И среди воца-

рившейся тишины сочно прозвучала пощечина. Это взбешенная Луиза Кипчак припечатала свою изящную, но увесистую пятерню к толстой, гладко выбритой щеке Франца Малютки.

— Ты потный кобель!.. Похотливый кабан!.. У тебя весь разум помещается в яйцах!.. Я подарила тебе свою невинность, породнила с аристократической фамилией, ввела в высший свет!.. Старалась превратить тебя из неотесанного мужика и бандита в человека комильфо!.. А ты кидаешься на первую встречную блядь, позоришь меня перед обществом!.. Вот что значит моя первая морщинка!.. Ты заметил ее и побежал к другой!.. Вот что значит первое дуновение осени, посыпающей голову женщины серым пеплом, накладывающей на чело первые признаки увядания!.. Я ухожу от тебя, негодяй!.. Прикажи капитану спустить шлюпку. Уплыву в ночь, и пусть на берегу я стану жертвой грубых мужиков, неотесанных русских крестьян, за освобождение которых от колхозного рабства отдал жизнь мой благородный отец!.. Капитан, шлюпку! — патетически воскликнула Луиза Кипчак, указывая на берег, где светились тусклые огоньки нищей деревеньки.

— Дорогая, ты не так меня поняла! — силился объяснить Франц Малютка. — Это был невольный порыв!.. Я принял ее за тебя!.. Мне в глаза попали какие-то цветные частицы, и я потерял рассудок!..

— Не говори ничего, мерзкий обманщик и коварный изменник!.. Капитан, шлюпку!.. О, моя первая морщинка, посланница близкой осени и неизбежной зимы!.. О, моя бедная маменька, делающая себе каждый месяц подтяжку, наматывающая на металлический винт свою нежную аристократическую кожу!

Стеклярусова, услышав вопль возлюбленного чада, кинулась с кулаками на обидчика. Но вовремя опомнилась. Обернулась к верному Токе и раздраженно прошептала:

— Винтик поверни, дуралей!

Тока залез ей за шиворот и повернул на пол-оборота тайный винт, отчего вся кожа мадам Стеклярусовой натянулась, как барабан, издав легкий треск.

— Отпусти немного, — прохрипела мадам Стеклярусова ртом, который разъехался до ушей и никак не сдвигался.

Тока ослабил винт. Дама в изнеможении опустилась на стул, забыв, зачем поднималась.

Между тем, общество кинулось утешать прекрасную Луизу. Все упрекали Малютку, тот смущенно сопел, топтался на месте. Мучился, видя, как по лицу возлюбленной текут обильные слезы.

Вновь заиграл одесский квартет. Под пение негромких скрипок на освещенный подиум поднялся Словозайцев. Он был изящен и прост. Движения его были уверенны и элегантны.

— Дамы и господа,— произнес кутюрье.— Проведен подсчет голосов, который позволил жюри выбрать из всех претенденток ту, что удостоивается титула «Мисс Бродская»... Кстати, вам будет небезынтересно узнать. Когда я был на Венецианском карнавале, где представлял мою коллекцию «Гвельфы и гибеллины», мне довелось побывать на венецианском кладбище «Сан-Микеле». Там самом, где покоится прах великого поэта, чье имя носит наш теплоход. Должен заметить, что могила Иосифа Бродского находится в нескольких метрах от могилы другого великого поэта — Эзры Паунда, друга Бенито Муссолини и певца фашизма. Два поэта, иудей и фашист, оказались рядом, в венецианской земле, в двух соседних могилах. Можно было предположить, что между соседями возникнет непреодолимая распря. Но земная жизнь после смерти обретает перевернутую проекцию. Под землей между Бродским и Паундом установились великолепные отношения. Чтобы удобнее было ходить друг к другу в гости, они прорыли подземный ход и ночами, когда кладбище пустело, и сторожа удалялись на покой, они сходились вместе и читали друг другу стихи. И те, что были написаны при жизни, и совершенно новые, свежие, написанные под землей. Они засиживались друг у друга в гостях, иногда у Паунда, иногда у Бродского. Сидели до зари, едва успевая разойтись по домам до появления первых посетителей и кладбищенских сторожей. Иногда они менялись могилами, и Эзра Паунд оставался под надгробием Иосифа Бродского, а тот коротал день в могиле знаменитого фашиста. В редких случаях, но и это бывало, они ночевали вместе, в одной могиле, то у Бродского, то у Паунда. Но такое случалось нечасто. С помощью новейших изобретений, уникальных, сконструированных нами приборов, удалось подслушать их поэтические чтения. Уже готовится к выходу сборник их посмертных стихов под названием «Рифмы Сан-Микеле», где потустороннее творчество открывает нам безбрежные горизонты того, что именуется «жизнью после смерти». А теперь объявляю имя победительницы! — Словозайцев воссиял лицом, которое превратилось в хрустальную люстру Георгиевского зала.— Приветствуйте «Мисс Бродскую»!.. Топ-модель по имени Фи-Фи!.. На сцену!

Ахнул медью и золотом, вскипятил ночь, раскалил ее добела новоорлеанский оркестр. Неистовые негры затанцевали со своими саксофонами и ударниками. Выпучивали фарфоровые белки, раздули глянцевые черные щеки, высовывали красные языки. На подиум вышла та, что еще недавно изображала Клеопатру, сияющая, в ореоле победы, в божественной наготе. С ее ноги исчезла алмазная змейка, но на запястье сверкали бриллиантами миниатюрные часики, показывая мгновение ее триумфа.

Луиза Кипчак, выпустив когти, попыталась было кинуться к ней и отобрать драгоценную вещицу, но властный взгляд кутюрье остановил бешеную от ревности женщину.

— Поприветствуем победительницу! — воскликнул модельер, обнимая за голые плечи красавицу.

Все аплодировали, чокались, пили шампанское. Шумно и ослепительно полыхнул салют. С палубы стали взлетать струи света. Уносились в ночь, распускаясь в небесах великолепными букетами, сказочными соцветьями, разноцветными фонтанами пламени.

Вслед за победительницей на подиуме появились остальные красавицы. Славили прекрасную сестру, обнимали, целовали, вели вокруг нее лесбийский танец. А потом улеглись у ее ног, образуя живой цветок, смуглую лилию с раскрытыми лепестками.

— Небольшой перерыв, господа, после чего мы продолжим показ современной высокой моды, — провозгласил Словозайцев, покидая подиум.

К нему подошла Луиза Кипчак. Лицо ее оставалось заплаканным:

— Вы видите, до чего довела меня моя роковая морщинка. Знаменитый маэстро, вы можете вернуть мне лицо?

— Что я должен для этого сделать, моя ненаглядная? — произнес Словозайцев, церемонно целуя Луизе руку.

— Убейте ту, что стала причиной моих несчастий!

— Вы действительно желаете смерти этой прекрасной девушке?

— Не желаю, чтобы кто-нибудь был прекрасней меня!

— «Ты прекрасна, спору нет, — улыбнулся Словозайцев. — Ты, царица, всех милее, всех прекрасней и белее». Вы, моя прелесть, — «Мисс Вселенная», и ваше желание для меня — закон. Обещаю, у вас не будет соперниц, — с галантным поклоном он покинул палубу, готовясь к продолжению представления.

В перерыве между представлениями гости возбужденно обменивались впечатлениями, налегали на горячительные напитки, ожидали продолжения действия. Есаул удалился к корме. Смотрел, как на черной воде за винтом пенится бурлящий мерцающий след. Пытался осмыслить увиденное.

Подтверждалась догадка, что Словозайцев был далеко не тем, за кого себя выдавал. Лишь прикидывался добродушным олигофреном, целлулоидным пупсиком для забавы шаловливых красавиц. Напротив, красавицы были его забавой, его послушными рабынями, подопытными существами, в которые он внедрял потоки разноцветных молекул, управлявших поведением подопытных жертв. Словозайцев был кутюрье, но одновременно испытатель биороботов, дрессировщик искусственно созданных существ. Он был обворожителен и страшен. Милостив и жесток. Добродушно-наивен и сатанински-коварен. Был главный из тех, кто состоял в загадочном «заговоре». Был носитель пугающей тайны.

Эту зловещую тайну чувствовало потаенное «око», которое во время показа мод бушевало и билось в глазнице, словно стремилось прорвать костяную мембрану, выпучиться на лбу, чтобы лучше разглядеть чародея.

Древняя природа, к которой принадлежало рудиментарное «око», проснулась в Есауле. Кровь гудела шумом гигантских папоротников, ревом ящеров, хлюпаньем горячих дождей. Являлись образы молодой земли, когда вся она была покрыта вулканами и кипящими гейзерами, в остывающих кратерах среди густеющей магмы вырастали кристаллы драгоценных камней, в породах пролегали рудные жилы, твердели золотые капли слитков, черный пепел превращался в алмаз.

Это воскрешение древнего зверя пугало Есаула. Он чувствовал эволюцию своего вида, как непрерывную конвульсию печени, в которой сотрясались далекие пращуры, дочеловеческие предтечи и предки — млекопитающие, земноводные, беспозвоночные, водоросли и микробы. Огненная точка, в которой был спрятан сокровенный «план», была молекулой, из которой проистекла земная жизнь. Передавалась от организма к организму через тысячи превращений и миллионы лет. Была упрятана в организме Есаула среди мириад других несметных молекул.

Действо, которое он только что наблюдал, лишь отчасти напоминало демонстрацию мод. Было ритуальным прославлением неизвестного бога, жрецом которого был Словозайцев. Предвещало явление в мир новой неизвестной религии, перед которой меркли иудаизм, ислам и христианство, отступали буддизм и даосизм. Эта религия еще не имела названия, но уже надвигалась, расчищая место среди изумленного человечества, которое со страхом отрекалось от прежних богов. Была той зловещей силой, о которой не подозревал Есаул. Угрозой, перед которой смехотворными казались решение Президента Порфирия отречься от третьего срока, честолюбивое намерение Куприянова занять место в Кремле, возможность американского контроля над ядерными объектами России. Перед этой угрозой были бессильны ракеты «Тополь-М», 45-й полк ВДВ специального назначения, хитроумные комбинации ФСБ.

Знание, которым владел Словозайцев, было добыто не в лабораториях и научных центрах, а было занесено на землю вместе с космической пылью, подобно эманации Бога.

Вновь замелькали лазеры, запульсировали световые гирлянды, заиграла музыка. Новоорлеанцы в малиновых пиджаках раскачивались в такт своим саксофонам. Зрители покидали бар, вновь стекались к подиуму, усаживались за столики. Ставили перед собой бокалы, в которых вскипали пузырьки, мерцали кристаллы льда, плавали разноцветные ягоды. Представление продолжалось.

Появился Словозайцев. Теперь он был одет в черный фрак. На голове красовался цилиндр. Галстук-бабочка был серебристо-синим. Из нагрудного кармана выглядывал шелковый платок того же металлически-лазурного цвета. Кутюрье походил на факира, и был встречен аплодисментами.

— Дамы и господа, — произнес он, чопорно кланяясь. — Сейчас вы увидите нечто, что доселе хранилось в строжайшей тайне. Вы, избранная элита, узнаете такое, о чем остальной народ не должен знать. В закрытых центрах, в засекреченных лабораториях проводятся уникальные опыты скрещивания различных видов. Эти опыты стали возможны благодаря открытиям гениальных генетиков, разработкам биотехнологов, творцов великой биореволюции, которая совершается вдали от шумных городов и крикливых политиков, и которая готова изменить существующий мир. Вам будут показаны ожившие химеры собора Парижской Бого-

матери. Животные, которые никогда не существовали в природе. Цель этих удивительных скрещиваний — пополнить зоопарки мира новыми особями. Обогащать частные зоосады богатых людей такими экземплярами, о которых нельзя прочесть в творениях Брема и о которых никогда не слышал великий Дарвин. Сегодня с земли исчезают многие уникальные виды, которые занесены в Красную книгу. Но одновременно новые формы вписываются в книгу бытия.

Словозайцев хлопнул в ладоши. На подиуме появилось странное существо, на которое был натянут оранжевый, до земли, балахон. Из-под балахона в разные стороны тянулись хромированные цепи. Их держали мускулистые служители. Существо слепо топталось, похожее на узника Гуантанамо.

Есаул, пристально наблюдавший за Словозайцевым, узнал в этом зачехленном существе одного из тех, кого перегрузили на теплоход из закрытого автобуса, поместили в глухой отсек на нижней палубе.

Словозайцев снова хлопнул в ладоши. Служители стянули оранжевый балахон, и зрителям предстало чудовище. Огромного роста урод, у которого была человеческая голова с редкой щетиной на лысине. На румянном лице альбиноса моргали не привыкшие к свету розовые глаза. Могучие, в белесой растительности плечи переходили в руки, которые кончались не пальцами, а свиными копытами. Торс чудовища перетекал в кабанье туловище, розоватое, в косматой шерсти. Между свиных раздвинутых ляжек набухли могучие семенники, и качался возбужденный отросток почуявшего самку кабана. Но кабаньи бедра удлинялись в чешуйчатые ноги, длинные и крепкие, как у страуса, с тремя когтистыми пальцами. Мутант в два человеческих роста покачивался на страусиных ногах, поворачивал во все стороны голову, и его вздернутый, с большими ноздрями нос громко втягивал воздух.

Все ахнули. Есаул продолжал испытывать судорогу, в которой его сущность перемещалась назад и вперед по лестнице эволюции, от первичных моллюсков в теплых морях до австралопитека, строгоющего кость мамонта. Есаул вдруг вспомнил изображения на стене Вавилона, которые видел, когда был в Ираке в гостях у Саддама Хусейна. На гончарной стене были изображены месопотамские звери с головами льва и хвостами змеи, с крыльями ворона и копытами быка — загадочные гибриды, выведенные генными инженерами прошлого. О чем существовали намеки в глиняных табличках царя Хаммурапи, исписанных клинописью.

Служители потянули хромированные цепи, повлекли чудовище по подиуму. Оно упиралось, хрипело, хрюкало. С трудом, цепля ковер когтями, добрело до края. Увидело мадам Стеклярусову, в ужасе заслонившую прекрасное лицо руками. Жадно захрюкало, отчего могучие чресла налились неистовым соком. Верный Тока, заслоняя госпожу, вышел вперед, заняв боевую позу. Но служители потянули урода назад. Тот неохотно повернулся и ушел.

На подиум на цепях вывели существо, покрытое с головой оранжевой попоной. Сбросили чехол, и появилась четвероногая тварь, составленная из разнородных животных. Бастард, какой может возникнуть от самки, если ее одновременно оплодотворяют множество разных самцов. Это был козел с копытцами и вихляющим хвостиком. Голова была человечесьа — башка сурового чернобородого мужика, похожего на Карла Маркса. Из косматой гривы торчало два витых рога и чуткие козлиные уши. Тулово лишь до половины покрывала короткая шерсть, которая постепенно переходила в рыбью чешую, — слизистая, блестящая чешуя отражала свет, как и хромированные цепи, по которым пробегали прерывистые отраженные молнии. Между задних ног торчал возбужденный остроконечный клин, перевитый розовыми и синими жилами. Человеко-зверь мотал головой и пронзительно блеял. Его тянули по подиуму, а он по-козлиному упирался и по-рыбы сверкал чешуей. Его нервный хвостик дрожал, из-под него на ковер сыпались орехи. Служители довели рогатую тварь до конца панели. Козлоногий мужик углядел за столиком женщину-продюсера из программы «Тюрьма и воля», принял ее за козу, стал извергать в ее сторону перламутровое, брызжущее желе. Женщина истошно закричала, смахивая брызги с дорогого платья. Но жидкость, словно серная кислота, разъедала непрочную ткань. Служители оттаскивали неистового козла, который гневно тряс бородой, норовил боднуть служителей, искал и не находил желанного лона, куда стремился вбросить остатки жаркого семени.

Третьим уродом был мужчина с песьей головой, как на древнеегипетских фресках. Острая морда завершалась черным кожаным носом, который влажно блестел. Тело было атлетически совершенным, с мускулами античного дискобола. Однако между пальцами рук и ног виднелись зеленоватые перепонки тритона. Из ягодиц, напоминавших птичью гузку, торчало несколько иссиня-черных перьев, какие бывают в хвосте у сороки. Вместо мужского члена, служащего продолжению рода, свисало нечто страш-

ное, огромное, как у слона, когда тот, трубя и ломая деревья, бежит на зов изнывающей от похоти слонихи. Служители тянули цепи. Химера шла изящно и горделиво, напоминая поступью Куприянова. Поравнялась со столиком, где сидели шляпа Боярского и усы Михалкова. Что-то ей не понравилось в обоих. Животное протянуло слоновий член и тяжело положило на шляпу Боярского, отчего та сплющилась. Животное оттащило. Усы Михалкова помогали шляпе Боярского восстановить форму и тихо хихикали: «Да он на тебя положил!»

Мысль Есаула лихорадочно работала. Ему следовало в кратчайшее время обработать лавину информации. Существа, являвшиеся на подиуме, не могли рождаться на свет в результате природного совокупления. Сорока не могла подставить нежную гузку разъяренной немецкой овчарке. Козел, при всем его бесподобии, не мог проклянуться из рыбьей икринки. Карл Маркс, являясь несомненным гением, все-таки вышел из обычного женского лона, но никак не из страусинового яйца. Следовательно, гибриды сложились в результате насилия над естественной природой. Были следствием вторжения своевольного разума в мир непреложных природных законов. Эволюция, породившая химеры, совершалась не тысячелетиями, а мгновенно, в пределах лабораторного времени. В колбах и искусственных матках, под воздействием энергетических импульсов. Направленные в молекулярный строй организма, импульсы перестраивали его генную архитектуру. Искажали замысел природы. Эволюционное творчество заменялось экспрессивным и капризным творчеством человека. Смысл биологической революции, о которой говорил Словозайцев, сводился к тому, что человек нарушал монополию Бога на сотворение видов. Это означало, что Бог уступал человеку свою важнейшую функцию — сотворение видов, в том числе — человека. Этот новый, сотворенный человеком, человек мог быть все и не человеком, а загадочным сочетанием несопоставимых форм, напоминавших картины сюрреалистов. Гитара могла быть одновременно и женщиной. Берцовая кость медведя вырастала из глаза гигантской болотной жабы. Перо жар-птицы выстилало своим волшебным узором внутренние стенки желудка.

Есаул пытался припомнить сведения, которые передавали ему сотрудники разведки, — о том, что существует незафиксированная транснациональная корпорация. Она занята производством человеческих органов и синтезированных организмов. Выращивает в пробирках людей. Расщепляет человеческую личность

на отдельные составляющие, где каждая помещается в живую, выращенную искусственно ткань. В результате появляется кубическое мясо, обладающее сверхволей. Цилиндрический мускул с гипертрофированным сексуальным влечением. Пирамида, обладавшая неодолимым аппетитом. Сфера — носитель сверхразума. Тогда Есаул, занятый решением чеченской проблемы, отмахнулся от этой экзотической информации. Позволил себе ироническое замечание в адрес утомленного, с интеллигентным лицом полковника. Теперь же, созерцая являвшихся на подиуме уродов, он пожалел о своей бестактной иронии.

Представление тем временем продолжалось. Теперь Словозайцев демонстрировал образцы незавершенного творчества. Примеры ошибок, допущенных небрежным криэйтером.

На подиуме появилось нечто ужасное — человек, у которого была снесена вся левая половина тела.словно его разрубили пополам от темени до паха ударом жуткого топора. Такие полутуши с розовой костью и красным мясом можно видеть на плахе мясника. Подобные манекены выставляются в классах анатомии, где студенты-медики изучают внутреннее строение человека. У чудовища отсутствовала одна половина тела, был виден рассеченный надвое мозг, жутко мерцал исполненный страдания и ненависти глаз. Сокращался пищевод с остатками непроглоченной пищи. Раздувались и сипели обнаженные трахеи и легкие. Пульсировало черно-алое, с фиолетовым отливом сердце, изрытое кавернами и тромбами. В открытом желудке совершалось пищеварение, выделялись соки, распадалась пища, извергались газы. Сотрясался клубок кишечника, словно сплелось множество разноцветных змей. Человек был на одной ноге, опирался на костыль единственной рукой. При каждом шаге сотрясался его разбухший фаллос, напоминавший мясистый малиновый георгин. Этот получеловек, блестя обнаженными зубами, цокая рассеченным языком, хлюпая внутренностями, проковылял по подиуму, достиг столика, за которым сидел Круцефикс, потягивая из трубочки сладкий коктейль. Чудище остановилось и вдруг вывалило на столик мокрый, хлюпающий ворох кишок, накрывший с головой Круцефикса. Несчастный страшно вскрикнул, запутался в двенадцатиперстной кишке, стал походить на Лаокоона, сбрасывающего с себя удушающие петли. Служители кое-как помогли ему выпутаться. Затолкали в чудовище его скользкие кишки. Поспешно увели с подиума, над которым витал запах парного мяса.

Недолго панель оставалась пустой. Следующий урод был детищем неудачного монтажа, когда на общий стержень навинчивались детали с несовпадением по оси на 180 градусов. Крупная красивая голова с клинышком бороды напоминала режиссера Грымова. Однако шея была недокручена, кадык повернут к спине. Спина же с выступавшими лопатками, наоборот, занимала место живота и груди. Последние смотрели вспять, под животом находились упругие ягодички, а грудь была не мужской, а женской, с огромными, как у роженицы, молочными железами и намятыми, влажными сосками. Спереди чудище было отмечено непомерных размеров фаллосом, который прорывался наружу из густых черных зарослей, как гриб красноголовик из мха. Находясь в стадии роста, он увеличивался на глазах. Этот несуразный субъект двигался пятками вперед, и казалось, он пятится. Но при этом руки он держал перед собой, по-наполеоновски сложенными на груди, хотя эта грудь являлась спиной. Все это производило умопомрачительное впечатление. Жертва неосторожного обращения с осями симметрии допятилась до столика Дезодорантова. Повернулась к нему ягодичками, так что министру открылись громадные груди с возбужденными сосками. Дезодорантов достал монокль, стал рассматривать небывалую грудь. Попросил субъекта повернуться к нему спиной. Тот послушно повернулся, и тогда фаллос оказался прямо перед моноклем Дезодорантова, который стал медленно оседать под стол.

На подиум вышел зверь, напоминавший низкорослую таксу. Длинное гладкошерстое тело имело человеческую голову, причем не какую-нибудь, а феминистки Маши Арбатовой,— те же выющиеся засаленные патлы, вислые уши, тревожно бегающие выпуклые глаза. Туловище опиралось на восемь конечностей, которые никак нельзя было назвать ногами, ибо все восемь заканчивались пятипалыми ладонями и, стало быть, являлись руками. Животное перемещалось, быстро перебирая руками, что делало его похожим на сороконожку. Между самыми задними руками, поставленными слегка в раскорячку, размещался вытянутый горизонтально, твердый, словно выструганный из смолистого кедра, член. Именно он определял пол животного, а не женская голова феминистки. Восьминогая такса бодро просеменила по подиуму. Достигла столика, где восседали Грязнов и Грустинов. Приподняла заднюю руку и пустила на стол едкую желтую струйку, после чего деловито побежала обратно. Грустинов сделал вид, что ни-

292

чего не случилось. А Грязнов возмущенно выплеснул за борт стакан апельсинового сока, куда попало несколько брызг.

Есаул больше не сомневался — Словозайцев был главной персоной «заговора». Стратегической фигурой, объединявшей вокруг себя заговорщиков. Суть «заговора» оставалась неясной, но таила в себе грандиозную опасность. Приближалось жуткое, пока еще безымянное будущее, которое радикально отличалось от предшествовавших эпох. Имело материальную и метафизическую составляющую. Переводило земную жизнь в иное измерение. И хотелось скорее приплыть к святому острову, где стояла окруженная водами обитель, и в озерном монастыре доживал земную жизнь схимомонах Евлампий, в миру Евгений Евдокимович Краснопевцев, светило естественных наук. Неожиданно покинул лабораторию, уединился в монастырской тиши. К нему, своему духовнику и наставнику, стремился Есаул, полагая, что монах просветит его неокрепший, метущийся в догадках ум. Поможет раскрыть тайну заговора.

Неожиданно у подиума появился горбун. Опоздал на представление и теперь, смущаясь, пробирался, выискивая место за столиком. То ли по ошибке, то ли по злому умыслу служителя, увидев горбуна, набросились на него. Сделали вид, что приняли его за уродца, соскользнувшего с панели и стремящегося скрыться. Затолкали, стиснули, намотали ему на руки блестящие цепи. Воздели на подиум, растягивая крепь. Горбун, ошеломленный, стоял, маленький, сутулый, разведя руки, с побледневшим лицом, на котором светились большие страдальческие глаза. За столиками улюлюкали, смеялись, аплодировали коварной шутке. Внезапно из глаз горбуна сверкнули лучи, словно проблеск лезвия. Отточенное острие ударило в цепи, рассекло. Служители попадали в разные стороны. Горбун круговым движением сбросил с рук остатки оков, прыгнул с подиума. Потупясь, ни на кого не глядя, покинул палубу. Все в изумлении молчали. Казалось, только что над палубой сверкнул самурайский меч, рассек сталь и освобожденный пленник покинул место своего позора.

Замешательство продолжалось минуту. Зрители оживились, когда на подиум въехала инвалидная коляска. В ней, предназначенной для безногих калеков, восседало нечто, что нельзя было охарактеризовать иначе, чем фаллос громадных размеров. Семенники с натянутой кожей, в сетке розово-голубых плетений, занимали все пространство коляски. Громадный ствол был воздет в зенит.

И все вместе, включая коляску, напоминало Царь-пушку на подвижном лафете. Однако при внимательном разглядывании можно было заметить выраставшие из фаллоса ручки и ножки, крохотные, дистрофичные — жалкие отростки, не способные выполнять вмененные им функции. Видно, взращивающая сила обделила их калориями, сохранила лишь намек. Точно так же на венчающем фаллос вздутии, округлом и мощном, виднелись подслеповатые глазки, едва намеченный ротик, проколы ноздрей, слегка выступавшие уши. У многих одновременно явилась мысль — каково человеческому лицу быть совмещенным с головкой члена? Что видят очи и произносят уста, когда наступает миг сладострастия и мужчина погружает в любимую женщину свою обезумевшую, страстную плоть? Служители медленно катили коляску, и это напоминало Ялтинскую конференцию, когда в зал заседания въезжал на коляске президент Рузвельт. Посол Киршбоу даже робко хлопал в ладони. Все было чинно в свете софитов, под музыку Гершвина, исполняемую одесситами. До той лишь поры, пока коляска не поравнялась со столиком, где сидела продюсер программы «Тюрьма и воля». Милая женщина оправилась от недавнего поползновения мерзкого козлица. Высушила платье и беззаботно потягивала коктейль. Была атакована чем-то ужасным и сокрушительным, как чугунная баба. Пассажир инвалидной коляски ринулся со своей колесницы, опрокинул несчастную и стал проделывать с ней такое, что в криминальной практике именуется изнасилованием. Рудиментарные ручки ловко раздевали барышню. Рудиментарные ножки расталкивали ей колени, а все остальное, с мигающими глазками и чмокающим ротком, погружалось в несчастную. Женщина не раз подвергалась нападениям в колониях строгого режима. Привыкла служить непродолжительной и мимолетной отрадой для рецидивистов, серийных маньяков и канибалов. Но тут, забыв приемы самообороны, бездыханно отдавалась нападавшему. К счастью подоспел Словозайцев. Направил на насильника миниатюрный приборчик, впрыснул струйку усмиряющих голубоватых корпускул. Чудище оставило женщину и покорно вернулось в коляску. Служители торопливо увозили уroda, пережившего неожиданный всплеск влюбленности.

Показ моделей завершился на трагической ноте. Зрители были подавлены. Уроды в таком количестве действовали угнетающе. Это не мог не заметить Словозайцев. Великолепный в своем черном цилиндре и фраке, переливаясь в лучах, вышел на подиум и возгласил:

— Дамы и господа, в заключение показа через несколько минут победительница конкурса «Мисс Бродская» порадует нас эротическим танцем, который она посвящает своему венецианскому жениху. Танец будет исполнен на нижней палубе, возле мачты. Все могут наблюдать его с верхней палубы.

Произнес и пошел, ослепительно улыбаясь. Его нагнала Луиза Кипчак:

— Маэстро, вы не забыли свое обещание? Она должна умереть!

— Я умею держать слово,— с достоинством ответил Слово-зайцев.

— И еще, маэстро. Поскольку всем стало понятно, вы не только замечательный модельер с тонким вкусом, но и чародей, знаток тех маленьких странностей в строении человеческого тела, что делают его особенно привлекательным, могу я обратиться к вам с деликатным вопросом?

— Доверьтесь мне,— мягко сказал Словозайцев.

— Видите ли, маэстро, я обнаружила в себе некоторую странность. Ну, как бы это помягче сказать... Одним словом, у меня под мышкой образовалась сама собой... Ах, маэстро, ну, право, не знаю... Лучше взгляните сами...— С этими словами Луиза Кипчак подняла руку и показала Словозайцеву свою маленькую тайну под мышкой.

Тот извлек из кармана линзу и долго рассматривал то, что ему показала Луиза.

— Пусть это вас не тревожит, моя дорогая,— ответил он.— В моей практике это встречалось. Видите ли, у вас проявился рудимент, оставшийся со времен матриархата. Тогда племенем правила женщина. Перед человечеством стояла задача быстрого размножения. Несколько мужчин оплодотворяли одну женщину-прародительницу. Природа сделала так, что прародительницу могли осеменять сразу десятки мужчин. А для этого, сами понимаете, надо было создать дублирующие органы, которые покрывали все женское тело. Сохранились намеки, в результате дешифровки ирландских рун, что эти дублирующие органы издавали особые звуки, которые запечатлели шотландские и ирландские волынки. Так что, прислушайтесь к себе, дорогая. Быть может, вы услышите музыку древних кельтов,— с этими словами кутюрье удалился на нижнюю палубу.

Зрители покинули столики и столпились у поручней. Оттуда был виден корабельный нос,— треугольный участок палубы,

где вырастала стальная блестящая мачта, и где недавно состоялись две казни,— националиста-полковника и террориста-лимоновца. Теперь железо палубы застилал восточный ковер. В свете прожектора он казался клумбой, на которой краснели цветы. Тут же разместился квартет одесситов. Музыканты одинаково прижимали свои бледные лица к лакированным скрипкам, самозабвенно водили смычками, враз откидывали назад смоляные космы. Словозайцев, в розовом трико, похожий на циркача, вышел, приветствуя зрителей.

Следом, невесомая, едва касаясь земли, выскользнула танцовщица. Это была Фи-Фи, «Мисс Бродская», невеста поэта, посвящавшая танец возлюбленному жениху. Ничто не сковывало ее вольных движений — ни лента, ни перевязь, ни единая цветастая нить не закрывали прелестной наготы. Лишь на голове волшебной переливалась крохотная алмазная корона. Подобно классической балерине, она порхнула в воздухе, согнув в полете колени, вознеся прелестные руки. Приземлилась у сияющей колонны. Прильнула к блистающей стали, по которой скользнул фиолетовый луч, превратив мачту в струю восходящего света.

Танцовщица обнимала сияющий поднебесный шест, описывала круги, оплетала его, как плющ, обвиняла змеей. Струилась ввысь, и казалось, что сама превращается в поток лучистой энергии,— взмоет и исчезнет среди звезд и туманностей. словно ныряльщица, кидалась вниз, проливалась из неба, как драгоценный ручей, в котором сверкали алмазы.

Это была воплощенная в танце библейская «Песнь песней». Избранница славилась своего жениха, приносила ему самое дорогое — свое целомудрие, предвкушая несказанное счастье, чудо их скорой встречи, их лобзания и ласки, в которых не было запретов, а лишь слепое обожание любящих тел.

Танцовщица обняла ногами сияющий шест. Казалось, что он вырастает из ее пронзенного лона, старается дотянуться до звезд. В этом чудились отголоски фаллических культов. Она отвернулась от зрителей, выгнула гибкую спину, и, казалось, что стальная ось проходит сквозь нее к небу, ее пронзил невидимый стальной великан. Обняла сияющую мачту; стала лобзать, нежить тонкими пальцами, касалась прелестной грудью. Железный ствол трепетал от страсти, уносил в небеса ее женственность, ее нежность и жар. Она отвела назад руки, выгнулась гибким колесом, коснулась пальцами палубы. Все увидели, как расцветает ее прелестный цветок, подобный нильскому лотосу.

Все это было так страстно и сильно, что Малютка, наказанный до этого Луизой Кипчак, не выдержал и закричал: «Браво!» Восторженно устремился к красавице, едва не упав через поручни. Луиза Кипчак не выдержала унижения. Истошно, с верхней палубы, крикнула:

— Убей суку!.. Она не должна жить!..

Есаул видел, как на ее крик обернулся Словозайцев. Вытянул руку, которая сжимала приборчик. Мигнул золотой глазок. Из приборчика, как из ручного фонарика, скользнул тончайший луч. Вонзился в делающую «мостик» красавицу. Она слабо вскрикнула, гибко разогнулась, прилипла к мачте, словно фольга, которую притянул магнит. Обнимала стальную штангу, стремясь вперед, по курсу корабля, выставив грудь навстречу ветру. Вокруг нее двигались темные массы воды, на которых играл прожектор. Она была, как статуя на носу корабля, что украшали когда-то фрегаты и каравеллы.

На приборчике кутюрье мигнул рубиновый огонек. Пульсирующей стружкой потянулись красные корпускулы. Укрупнялись в череду рубиновых бусинок. Превращались в рой мотыльков, в красно-золотистых «червонцев». Бабочки трепещущей бахромой летели к топ-модели, касались ее, погружались в недвижимое тело. В разных местах этого парализованного пронзенного тела начинали сыпаться искры. Все обильней и ярче. Словно на бедрах, в груди, в животе загорались бенгальские огни. Искры сыпались, освещали воду, лучисто отражались. Статуя на носу корабля горела, словно огромный бенгальский огонь. С берега, из ночных деревень, казалось, что на корабле зажглась новогодняя елка, над ее вершиной плывет, рассыпает искрящийся свет пылающая звезда.

Все смотрели, как сгорает красавица. Она осыпалась, превращалась в белесый пепел. Уходила в небо, перемещаясь с прохладных русских вод к теплым венецианским каналам, к древесным кушам кладбища «Сан-Микеле». Там, в свадебном чертоге, ждал ее ненаглядный жених. Он поджидал ее в великолепных покоях, у входа в которые невесту встретил друг жениха. Эзра Паунд церемонно раскланялся, указал девушке на готическую дверь. Она вошла, и они встретились, чтобы больше не разлучаться,— певец поднебесной империи и его божественная муза.

Гости, очарованные красотой сгоревшей девы, опечаленные ее исчезновением, расходились. Ветер уносил с палубы светлый прах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Завершались четвертые сутки плавания. Наступала четвертая ночь, когда вновь торжествовал порок, и искусство разврата находило своих творцов и подвижников, коих на корабле было множество. Словозайцев, кинув одну из своих красавиц на алтарь всеожжения, остальных щедро раздаривал именитым гостям. Их выводили, обернутых в целлофан, и девушки напоминали букеты, которые в цветочных магазинах продают бойкие азербайджанцы. И хоть все красавицы были на одно лицо, но изысканный маэстро дал каждой в руки неповторимый цветок. Мужчины окружали манекенщиц, обернутых в прозрачные сверкающие оболочки, и каждый выбирал свой цветок,— алую розу, или белоснежную лилию, или золотой тюльпан, или фиолетовую орхидею. Женщина вручала цветок своему господину, и тот уводил избранницу в каюту.

Есаул, пораженный множеством открытий, возбужденный ужасными догадками, продолжал исследования. Как разведчик, привыкший сначала извлекать информацию, а потом подвергать ее анализу и обобщению, он испытывал нехватку эмпирических данных. Прозрениям, эвристическим откровениям всегда предшествовало скрупулезное накопление знаний. Слишком велик был риск ошибиться. Поэтому он решил в эту ночь не спать, а продолжить сбор информации.

Он отправился в каюту к Шмультрихтеру, где были установлены мониторы и стекались увлекательные сюжеты, снятые скрытыми камерами. Оператор Шмультрихтер только что сбросил жилетку, удобно расположился в крутящемся кресле перед пультом с тумблерами, пил водку, разбавленную ананасовым соком. Перебрасывал тумблеры, наблюдая, как в каюты входят целлофановые женщины, и галантные мужчины осторожно освобождают их от оберток. Оператор был неприятно удивлен, увидев у себя Есаула:

— Извините, сюда нельзя. Идет съемка,— пытался он воспротивиться вторжению.

— Съемка скрытой камерой запрещена законом,— спокойно возразил Есаул.— Несанкционированное вторжение в частную жизнь влечет уголовную ответственность.

— Вы не имеете права претендовать на эти кадры. Это собственность Луизы Кипчак,— парировал Шмультрихтер.

— Если это будет доказано, то вы и она пойдете под суд за распространение порнографии.

— Что вы себе позволяете! Вы уже далеко не тот, кем были вчера! Ваше время кончилось! — надменно произнес оператор.

Теряя терпение, глядя в упор на длинноносого, похожего на галку, заносчивого человека, ледяным тоном Есаул произнес:

— Послушай ты, хер собачий. Забыл, кто вытащил тебя из-под следствия, когда ты, сука, на деньги ЦРУ, по заданию радиостанции «Свобода» работал в Чечне с террористами, обливая грязью федеральные войска? Забыл, как тебя отпиздили наши «особисты» и передали полковому командиру Ибрагиму? Он посадил тебя в зиндан, и бородатые «чеки» сделали тебя классным «жо-пошником». Чего больше хочешь — в тюрьму за содействие террористам или снова в зиндан к чеченцам?

Шмультрихтер сник, соскочил с кресла, уступая место Есаулу:

— Да я ничего... Смотрите, пожалуйста... Умеете пользоваться тумблерами?.. Может, вам водочки с джусом принести из буфета?

— Пошел вон! — цыкнул на него Есаул, и Шмультрихтер бесшумно исчез.

Есаул расположился в кресле, просматривая панель, — каждый тумблер был помечен номером каюты, откуда поступало изображение. Есаул перебрал первый тумблер и оказался в каюте Куприянова. Особая оптика и цветное изображение обеспечивали иллюзию присутствия, так что Есаул отшатнулся, оказавшись почти соучастником действия, от которого становилось не по себе.

На постели, животом вниз, лежала девушка, абсолютно нагая, но в строгих очках, делавших ее похожей на классную даму. В руках у нее был свежий номер «Новой газеты», где печатался комплиментарный очерк о Куприянове. Девушка читала очерк вслух, с выражением. Сам же натуральный Куприянов, голый, робяка, подступал к девушке сзади, перекидывал через нее крупную волосатую ногу, пытаясь ее незаметно оседлать. Девушка изумленно прерывала чтение и оглядывалась. Это раздражало Куприянова, он сердился, делал девушке нарекание, снова заставлял читать. Сам же подкрадывался сзади, заносил ногу, стараясь сесть ей на спину. Девушка вновь оглядывалась, прерывая чтение. Так повторялось несколько раз. После чего раздосадованный неудачами Куприянов зарыдал и скрылся в ванной. Сцена была душе-

раздирающей. Не оставила Есаула равнодушным. Не злой по природе человек, он испытал к сопернику сострадание.

Перебросив тумблер, Есаул оказался в каюте посла Киршбоу. Зрелище было завораживающим. Барышня разметалась на открытой постели, притворялась спящей, словно «Венера» Джорджоне. Посол, в одних носках, открыл чемоданчик, наполненный живыми французскими улитками. Брал моллюсков и пересаживал на тело красавицы. Улитки расплзались по нежному телу, словно по листьям огородных растений. Медленно двигались по животу, груди, шее, переплзали на бедра и лобок. Посол, как опытный гурман, отрезал дольки лимона, прицеливался, выдавливал несколько капель на ползущую улитку. Та замирала, обожженная кислотой, прятала в раковину влажный язычок и чуткие рожки. Посол тут же снимал ее с тела девушки, ломал хрупкий панцирь и выпивал моллюска. Жмурился от наслаждения — таков был вкус сочной мякоти, пропитанной лимонным соком, согретой нежной теплотой девичьего тела. Есаул пожелал послу приятного аппетита и перебросил тумблер.

В каюте губернатора Русака шла не столь безобидная забава. Русак, голый, мускулистый, оскалившись и растопырив усы, держал на поводке рычащего пса, который обнажил блестящие клыки, брызгал слюной, набрасывался на девушку, а та истощно визжала, закрывая заплаканное лицо руками. Затем девушка без чувств упала на живот, и тогда Русак оттащил пса, посадил на цепь, а сам кинулся на девушку и начал ее кусать. Хрипел по-звериному, вонзал зубы в бездыханное тело, изображая свирепого кобеля. Псина из зависти к хозяину билась на цепи, ненавидяще гавкала, брызгала слюной. Русак, насытившись истязанием, отваливался к стене. Наблюдал, как девушка медленно приходит в чувство. Едва она открыла глаза, как Русак вновь спустил кобеля с цепи, и садистское развлечение продолжалось. Есаул с отвращением наблюдал за губернатором, который странным образом — мускулистым телом, энергичными конечностями, звериным оскалом и сиплыми звуками — повторял своего цепного друга. Что-то родственное, кровное было в обоих. Эти сходство и родственность отметил про себя Есаул, предполагая позже обдумать странную деталь.

Добровольский по-стариковски развратно чмокал губами, шурил сальные глазки, оглядывал со всех сторон стоящую перед ним красавицу, как на невольничьих рынках Востока богатые сла-

дострастники оглядывали печальных и покорных полонянок. Открыл баночку с «тигровой мазью», подцепил крючковатым пальцем и нанес на девичий живот мазок золотистого вещества. Стал растирать, массировал, вдавливал мазь в нежный живот, бедра, целомудренную грудь. Мазь начинала действовать, тело розовело, по нему разливался жар. Девушка оживала, глаза ее начинали блестеть, уста раскрывались, и вся она казалась розовым бутоном, готовая распуститься в пламенный цветок. Добровольский отводил ее в душ, ставил под холодную воду. Жар остывал, девушка сникала, бессильно под струями воды опускала руки. Добровольский вытирал ее махровым полотенцем, выводил из душа. Снова наносил на девичий живот «тигровую мазь». Растирал, нежил, причмокивал языком, жадно оглядывал розовеющий живот, возбужденные груди, трепещущие колени и бедра. Девушка начинала страстно дышать, тянулась к Добровольскому, старалась к нему прильнуть. Но коварный старец отводил ее в душ, окатывал холодной водой, и она сникала, остывала, безжизненно опускала плечи. Так длилось до той поры, пока с девушкой не случилась истерика. Когда в очередной раз Добровольский повлек ее в душ, она дико захохотала, упала на пол, стала кататься, издавая вопли и визги. Видимо, этого и добивался искусный в любви старец. Запах тигра, шум водопада, истошные вопли джунглей разбудили в нем дремлющего орангутанга, чьи семенники были пришиты ему знаменитым доктором Дебейки. На глазах стал превращаться в страшную косматую обезьяну. Поддерживая руками свое тяжеленное фиолетовое полено, на кривых ногах, скаля зубы, свирепый и беспощадный к соперникам, двинулся к самке, чтобы произвести от нее потомство. Все дальнейшее было столь ужасно, что Есаул перебросил тумблер.

Может быть, и зря перебросил. Он увидел каюту Круцефикса, посреди которой находился гроб с прислоненной крышкой. Девушка, ни жива ни мертва, стояла, обернутая в целлофан. Круцефикс постелил в гроб простыню. Распаковал девушку из целлофана и уложил в гроб. Белую лилию, что она держала в руке, он положил ей на живот. Зажег свечу и прилепил в головах покойницы. Разделся, извлек из саквояжа какую-то книжицу и стал читать, поглядывая печальным взором на ту, что безвременно покинула свет. Текст в книжице был набран готическим шрифтом. Кончив отпевание, Круцефикс достал пакет с землей и высыпал ее на девушку. Затем, порывшись под кроватью, извлек банку до-

ждевых червей и вытряхнул комок в гроб, где черви зашевелились, почуяв запах земли. Немного подумав, Круцефикс принес из ванной кувшин с водой и полил девушку, присыпанную землей лилию и шевелящихся червей. Только убедившись, что ничего не забыл, он лег поверх девушки в гроб и не без ловкости натянул сверху гробовую крышку. После этого у Есаула резко сократился обзор — только стоящий посреди каюты гроб, горящая свеча и подрагивающая крышка.

В каюте Попича наблюдалось совсем иное. Девушка с завязанными глазами выставила вперед руки, топталась по комнате, а Попич, в чем мать родила, проныривал у нее под руками, забивался то в один, то в другой угол, «аукая», словно грибник в лесу. Эта была игра в жмурки, которой они предавались самозабвенно, как дети. В своей изобретательности, ускользая от преследования, Попич залезал под кровать, нырял в шкаф, притворялся торшером, изображал из себя унитаза. Всячески обманывал девушку, прикидываясь разными животными, — то по-кошачьи мяукал, то гавкал, то заливался соловьем, то кричал кукушкой. Девушка поддавалась на эти уловки, пропускала его, хватала руками воздух. Наконец Попич допустил просчет — прикидываясь торшером, стал кричать осликом. Девушка изловила его. Сбросила повязку. Несмотря на кажущуюся хрупкость и нежность, скрутила его полотенцем. Кинула на кровать носом вниз и стала стегать шнуром от чайника «Тефаль». «А как делает уточка?» — спрашивала девушка, охаживая ягодицы Попича. Тот вынужден был кричать. «А как делает козочка?» Тот, вздрагивая от шлепков, блеял козой. «А как делает шестисотый «мерседес»? И Попич с покрасневшей задницей, уже жалея о своей затее, изображал дорогую машину с автоматическим переключением передач, кондиционером, подушками безопасности и пепельницей, где лежало много окурков.

Министр обороны Дезодорантов даже на отдыхе, в окружении дам, не мог забыть о воинском долге. Голый, надменный, держа в руках стек, сидел на стуле, чуть отставив хромую ногу. В каюте звучал марш Преображенского полка. Под бодрые, бравурные звуки девушка выполняла различные приемы. Брала «на караул». Маршировала строевым шагом. Сдваивала ряды. Рассчитывалась слева направо «на первый-второй». Колола штыком. Кидалась короткими перебежками в атаку. Залегала. Выполняла команду «лечь-встать». Метала гранату. Стреляла в кувырке с переверты-

ванием. Демонстрировала приемы рукопашного боя. Проявляла чудо маскировки. Наконец, убедившись в том, что строевые части готовы к наступлению, Дезодорантов по-суворовски взбил хохолок, вскочил, поднял стек, словно это была сабля, и, оглянувшись на девушку, закричал: «Братцы, вперед!.. Не посраим матушку Россию!..» С этим криком кинулся штурмовать Измаил. Девушка не отставала от любимого командира. Вместе они преодолели ров, вскарабкались по штурмовым лестницам на стену, сбили неприятеля с позиции и заставили капитулировать, захватив в плен пашу.

В каюте Луизы Кипчак и Франца Малютки творилось невозможное. Стараясь загладить случившуюся накануне оплошность, Франц Малютка превзошел себя самого. Он раздирал Луизу на части, пронзал ее, четвертовал, вторгался в ее потрясенное лоно со свирепым криком: «А ну, где тут твоя морщинка? Уж я до нее доберусь!» Этот поиск продолжался час и другой. Когда Малютка не нашел желанную морщинку в предполагаемом месте, Луиза приподняла локоть, открыла подмышку, подзывая любимого: «А ну-ка поищи здесь мою морщинку?» Малютка искал так ревностно, что, казалось, будто он хочет оторвать своей суженой руку. «Не нашел морщинку? — вопрошала Луиза. — А ну-ка здесь поищи!» Открывала другую подмышку. Франц Малютка обнаруживал, что и под второй подмышкой у любимой женщиной образовался ход туда, где могла скрываться морщинка. Чем дольше продолжался поиск, тем большее количество ходов открывалось на теле любимой. Она требовала, чтобы Малютка заглянул в каждый ход, проверил, не скрывается ли именно в нем заветная морщинка. Как спелеолог проникает в многочисленные пещеры в поисках настенных изображений, так Франц Малютка погружался во все новые и новые ходы, пока в изнеможении не рухнул, пробормотав: «Лучше одна, но огромная, чем много, но маленьких...» С этими словами забылся. Луиза Кипчак бережно накрыла любимого попой. Она больше в нем не нуждалась. Вся была покрыта ликующими детородными органами. Благодаря рвению возлюбленного, они были лишены девственной плевы и издавали таинственные мелодии первобытных времен. В те времена древние племена прекратили кровопролитные войны, объединились вокруг Женщины-прародительницы, обступали ее со всех сторон нетерпеливой толпой, оплодотворяя нерастраченным на войнах семенем. Теперь Луиза чувствовала в себе необъ-

ятные силы плодоношения. Была похожа на певицу со множеством поющих ртов. На ирландскую волынку со множеством отверстий, каждое из которых издавало восхитительные звучания. Казалось, в каюте поселился ансамбль кельтской музыки в количестве ста музыкантов. Тоскливая, как вой неутоленного самца, нежно-печальная, как воркование утолненной самки, мелодия доносилась из каюты. Это Луиза Кипчак, с ног до головы покрытая пиздами, славил продолжение рода людского.

Есаул заслушался и не сразу перебросил тумблер, соединивший его с каютой модельера Словозайцева. Увидел девушку, покорно стоящую в стыдливой позе, прикрывающую ладонями низ живота. Кутюрье сидел на кровати, ссутулившись, все в том же розовом трико, и было видно, что он устал. Предшествующее действо обессилило его, он казался потухшим, с вялыми мышцами, поблекшим лицом. Сидя, дремал, не обращая внимания на девушку. Есаул, рассчитывая подсмотреть нечто разоблачительное и ужасное, был разочарован. Перед ним был не злодей, не кудесник, а утомленный фокусник, уставший забавлять публику.

Так продолжалось несколько минут. Затем кутюрье тяжело поднялся, вышел в переднюю и вернулся с алюминиевым кейсом. Поставил на пол, повозился с замком, открыл. Извлек из кейса столовую клеенку с нарядными цветочками и неловко постелил на полу. Указал девушке на подстилку. Та покорно легла, вписавшись в клеенку светловолосой головой, нежными плечами, длинными худыми ногами, на которых поблескивал педикюр.

Словозайцев достал из кейса кусок марли, флакон с прозрачной жидкостью. Пропитал жидкостью бинт и наложил девушке на лицо. Должно быть, это был эфир, потому что она слабо дрогнула и вяло опала, как во сне. Словозайцев достал из кейса шпагат, протянул через каюту, повесил на нем небольшие прищепки, словно собирался сушить белье. Видно было, что проделанная работа его утомила: ему стоило немалых усилий, чтобы продолжить начатое. Он достал из кейса небольшой, сверкающий белой сталью, ланцет. Прицелился. Мощным ударом вонзил его девушке в грудь. Брызнула кровь, но Словозайцев нажатием пальца умело перекрыл артерию, и кровотечение прекратилось. Словозайцев взялся обеими руками за ручку ланцета и резко потянул на себя. Ткань распалась, в длинном разрезе стали видны нежно-розовые, дышащие легкие, большое темное сердце, голубоватый желудок, малиновая гладкая печень. Словозайцев довел разрез до золотистой кудели лобка, так что стала видна ярко-красная губчатая

матка. Он совершил эту операцию привычно и быстро, как патологоанатом, но потерял при этом остаток сил. Некоторое время сидел на полу перед девушкой, вытирая выступивший на лбу пот. Затем продолжил работу.

Достал из кейса пластиковый пакет. Сунул ланцет вглубь разреза и несколько раз сильно повернул в глубине разъятой груди. Вытянул наружу пузырящийся ворох легких, нежно-розовый, перламутровый. Переложил в пакет и, устало поднявшись, повесил на шпагат, закрепив прищепкой. Снова проник ланцетом в разрез, сильно и ловко двигая локтем. Извлек пульсирующее сердце с обрезками артерий. Кинул в пластиковый мешок, который подвесил на шпагат, прижав прищепкой. То же самое он проделал с желудком, с клубком кишок. Так, в течение нескольких минут на подвесках оказались печень, почки, селезенка, желчный пузырь, поджелудочная железа. Все органы, извлеченные из девушки, висели в пластиковых пакетах. Некоторые из них сокращались, дышали, продолжали жить отдельно.

Словозайцев отдыхал, сидя на полу и глядя в одну точку. Потом тяжело стал совлекать с себя трико. Есаул отметил, что он был правильного телосложения, почти без волосяного покрова, с недоразвитыми семенниками и зачаточным детородным органом.

Некоторое время Словозайцев оставался недвижим. Затем наклонился над девушкой и стал раздвигать разрез. Растягивал его, расширял, подбивал изнутри кулаками, пока не открылась широкая скважина, алая изнутри, с голубоватыми ребрами и текшей черной кровью. Девушка напоминала лодку, долбленную пирогу, выточенную из красного дерева каноэ. Все внутренние органы были извлечены, оставалась только сочная, как георгин, багровая матка.

Словозайцев зябко передернул плечами, как это делает купальщик, перед тем как полезть в прорубь. Наклонился и лег на девушку. Утонул животом и грудью в красном разрезе. Пустой короб девичьего тела поглотил его, стиснул с боков. Матка касалась его паха, приливая в утомленное тело кутюрье жар плодоносящего чрева. Было видно, как наливаются силой его утомленные мускулы, розовеет еще недавно бесцветная кожа. Даже клубеньки в паху набухали и небольшой стебелек, касавшийся матки, пульсировал, словно горлышко пьющей птицы.

Словозайцев лежал полчаса. Поглощение энергии происходило всей поверхностью тела. Каждая клетка, каждая живая моле-

кула соприкасались с молекулами девичьего тела, получая от них крохотный живительный импульс. Наконец, Словозайцев поднялся, отправился в душ. Долго плескался, смывая кровь. Вернулся и стал снимать со шнура развешенные органы. Извлекал из пакетов, вкладывал в разъятую грудь, и они приживались. В груди колыхались дышащие легкие, билось большое сердце, пульсировали желудок и печень. Когда все органы оказались на своих местах, Словозайцев сдвинул разрез, провел над ним крохотным, уже знакомым Есаулу приборчиком, испускавшим цветные корпускулы. Разрез сросся, остался лишь бледный рубец. Но потом и он рассосался. Девушка открыла глаза. Словозайцев ласково погладил ее по волосам, помог подняться. Накинул ей на плечи махровый халат и отправил из номера. Свернул окровавленную клеенку и отнес в ванную. Лег на кровать и задумался.

Есаул выключил тумблер. Увиденное потрясло его. Синтезированная девушка разбиралась на отдельные детали, которые могли быть использованы как запасные части. Эти же детали возвращались обратно и привинчивались на прежнее место. Перед ним был генный инженер, биореволюционер, оснащенный небывалыми методиками, перед которыми было бессильно традиционное знание.

Есаул вышел на ночную палубу, где было пустынно, дул с реки студеной ветер, и шумела за бортом вода. Теплоход пересекал водохранилища, вплывал в речные русла, двигался на север. На водах, под Полярной звездой, отражая ее зыбкий блеск, существовала незримая точка, в которой он, Есаул, начнет осуществлять свой «план».

Враг, против которого был заострен изначальный «замысел», теперь изменил свой облик. Из политического противника, подающегося силовому давлению, превратился в загадочное метафизическое существо, обладающее бессмертием, перед которым были бессильны коварство и сила. Оснащенное сатанинскими знаниями, владеющее тайной живой материи. Он мог создавать ее из разноцветных корпускул, черпая их из космической пыли. Из мыльных пузырей и перламутровой пены мог сотворить Афродиту. Словозайцев, генный инженер и биотехнолог, мог перемещаться по кривой эволюции, возвращая в современные формы исчезнувшие прообразы. Перебрасывал клетки одного вида в другой, творил химеры, конструировал существа, о которых грезил фантазия древних. И этот страшный человек находился

здесь, на борту теплохода. Был окружен союзниками. Имел приспешников на берегу. Сплел «заговор» против России, обрекая ее на исчезновение. Готовился выпустить на русские пространства «джинна биореволюции», выращенного в ретортах, чтобы истребить «несовершенных» русских, населить освободившиеся территории искусственной, возвращенной в колбах расой.

Есаул ужасался своим прозрениям, жадно глотая холодный ветер, в котором пыльца луговых трав и цветов уже содержала в себе разноцветные «корпускулы смерти». Он всматривался в туманный берег, и там перед его помраченным взором разворачивались картины «русского ада». Ему казалось, кто-то невидимый и огромный, адской кистью рисует черно-красную, фосфорно-белую фреску.

Библейские образы Апокалипсиса накладывались на картины военных маневров, в которых он когда-то участвовал. Древние пророчества, ютившиеся в реликтовой памяти, всплывали, как образы будущего, и он был свидетелем скончания мира. Видал, как свертывается свиток небес, подобно бересте, сгорает земля, и красная гигантская печь проглатывает эфемерную, опостылевшую Господу жизнь.

Он видел, как по небу движутся громадные, прозрачные, как кувшины, сосуды. В них бьется синий огонь. Кувшины наклонялись над городами и селами, огонь изливался падающей синей струей. Города начинали гореть, пылали колокольни и башни, разваливались дворцы и чертоги.

Гигантский супермаркет сминался, осыпался стеклом и сталью, извергался цветными газами. Из окон, как раскаленные бусины, падали сгоравшие люди. Прекрасный, с античной колоннадой музей, был охвачен пламенем — рушился свод, сгорали картины и статуи, в золоченых рамах, где недавно светились шедевры, прекрасные пейзажи и лица, теперь оставались «черные квадраты» Малевича. Парламент в центре столицы с толпой депутатов был наполнен горячим дымом. Горела трибуна, в волдырях и ожогах бился на ней депутат. Превращался в золу золотой государственный герб. Церковь, полная верующих, была как огромный факел. Морщился в пламени купол, дымился в руке священника поднятый крест. Кипела в купели вода, среди булькающих пузырей варился не успевший креститься младенец.

Есаул понимал, что это в нем самом рождались картины ада. Он наполняет ими мир, тем самым приближая погибель. Что это

он — исчадие ада, творящее в своем сознании картины гибели. И надо себя убить, чтобы мир был спасен. Мир, который он хотел изменить, собираясь привести в исполнение свой спасительный «замысел», был адской иллюзией, порождением его собственной тьмы. Спасти этот гибнущий мир означало спасти свою гибнущую, пораженную кошмарами душу. Но для этого нужен был Ангел. Но Ангела не было.

Ночь краснела пожарами, чернели в огнях берега. Повсюду сновали химеры, ужасного вида гибриды. Двигались батальоны закованных в броню лилипутов с гигантскими головами, костяными черепашьими панцирями, в проблесках чешуи. Вышагивали отряды громадных черноперых скворцов с мохнатыми кошачьими лапами, с золотыми глазами лягушек. Прыгали ватаги сияющих рыб с ногами жуков, с хвостами цветных попугаев. И в каждой химере, вживленные в ткань, сквозь перья и шерсть проглядывали элементы машины. Головка болта, хромированный рычаг, посаженная на заклепки пластина. Мерцали в подлобьях индикаторы глаз, поворачивались головки слежения, сыпались искры контактов, поднимался металлический пар. Химеры врывались в храмы, оскверняли иконы, вытряхивали мощи святых. Другие разрывали могилы, расшвыривали мертвые кости. Третьи казнили и мучили.

Есаул содрогнулся от ужаса. Это он порождал химеры. Его извращенный разум сотворял чудовища, в которых злые машины сочетались с порочной плотью. Он сам был химерой, в которой живые органы были свинчены железной резьбой, под черепом работал раскаленный компьютер, во лбу, в костяном углублении, вращался прибор ясновидения — улавливал свет звезды, магнитное поле Земли, энергию человеческих мыслей.

Есаул упал на колени, стиснул перед грудью ладони и стал молиться, стоя на коленях на железной холодной палубе. Вымалывал явление Ангела. Ушел в каюту с помраченным сознанием.

Он проснулся с ощущением счастья. Поднялся и вышел на палубу. Занимался рассвет. Серая, в дымке, бежала вода. Туман скрывал берег. И опять на безлюдной палубе ему повстречался горбун, словно измученное насмешками существо весь день таилось в каюте и на краткий миг, когда мучители спали, выходил на воздух. Есаул перехватил его испуганный взгляд. Больное сутулое тело сжалось, словно ожидало удара. Мысль, что его боятся, причинила Есаулу боль. Он поклонился горбуну:

— Вам не спится? Не правда ли, есть в этих ранних часах своя невыразимая прелесть?

— Это особое время, когда отлетают сны,— тихо ответил горбун.— Я чувствую, как, подобно теням, они покидают землю и несутся куда-то ввысь. Может быть, к Богу.

— Вы собиратель снов? — деликатно спросил Есаул.

— Видите ли,— ответил горбун, мучительно вглядываясь в лицо Есаула, словно хотел, чтобы ему поверили и не подвергли насмешкам.— Мне кажется, что на Страшном суде, где Господь станет судить представшую душу, припоминая ее добрые и злые поступки, в расчет будут приняты не только земные дела, но и земные сны человека. Если человек очень зол, творил беззакония и ему уготован Ад, то, быть может, сон, который он видел в детстве, невинный и чистый, будет учтен Судьей, и грешник будет помилован.

— Вы так считаете? — изумился Есаул.— Вы можете развить свою мысль?

— Не теперь,— ответил горбун, опуская глаза, даже в полутьме поражавшие своей синевой.— Простите, мне что-то зябко. Нездоровится. С вашего позволения, я вернусь в каюту.

Поклонился и тихо ушел. На палубе, где он только что стоял, что-то слабо светлело. Есаул наклонился и поднял перо. Оно было длинным, нежно-белым, с розово-голубым отливом. Отражало тихую, занимавшуюся в небе зарю. Есаул держал его на ладони, вспоминая, что точно такое перо нашел на ночном берегу, где горел костер горбуна. Одна и та же неведомая птица пролетела тогда над берегом и теперь над кораблем уронила свое перо.

Дунул ветер, смахнул перо с ладони, и оно, кружась, улетело за борт, пропало в темной воде. И там, где оно исчезло, некоторое время оставалось свечение.

«ТВОЙ ФАСАД ТЕМНО-СИНИЙ...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Все утро теплоход пыл в непроглядном тумане. Однако к полудню туман улетучился, и открылась нежная бирюзовая ширь с расступившимися, едва голубевшими берегами. Солнце ярко сияло, корабль был белоснежный, на медных деталях горели сочные вспышки. Вдали, из воды, остроконечно и одиноко выступала розовеющая колокольня. Ее вид был странен, как странно на картинах Сальвадора Дали выглядят лодки, стоящие в пустынных барханах. Есаул всматривался в колокольню, которая свидетельствовала о загадочном периоде русской истории, когда на дно уходили царства. Он услышал далекий колокол. Ровные звоны отрывались от колокольни, медленно, плавно летели, не расточаясь в воздухе, словно их несли невидимые ладони, выливали на воды, на далекие леса. Вся озерная даль наполнилась печальными, уныло-прекрасными звуками. Корабль плыл на колокольню. Она увеличивалась, светилась сквозными арками. В верхних проемах виднелся бородатый звонарь.

— Кто это? — спросил Есаул у проходящего мимо капитана Якима.

— Генерал Макашов. Много лет он бьет в набат, сзывает сторонников. Но никто не идет на зов. Местные рыбаки в лодках доставляют ему провизию, уговаривают сойти с колокольни. Но генерал не уходит, зовет на бой.

Теплоход проплывал мимо розовой кирпичной колокольни, вокруг которой застыло несколько рыбачьих лодок. Рыбаки, забросив удочки, слушали мерные звоны. Наверху генерал с развеянной седой бородой раскачивал чугунный язык, бил в старый колокол. На его голове был тот же черный берет, в котором он защищал Белый дом, топорщились на плечах генеральские полевые погоны. Он смотрел не на корабль, но в туманную синюю даль, посылая весть о пришедшей на Русь беде, о вселенском море, со-

зывая людей на битву. Но никто не являлся. Только из сирой деревни плыл челнок рыбака, оставляя на озере солнечный стеклянный след. Есаул провожал уплывавшую за кормой колокольню, испытывая к генералу печальную нежность.

За обедом публику потчевали одной из самых изысканных кухонь, завезенных в Россию пытливым исследователем деликатесов Михаилом Кожуховым, который умер на боевом посту, подавившись живым жуком-плавунцом. Кушанья состояли из того, что уже было съедено прежде другими животными. Переваренная в желудках и исторгнутая в виде помета еда, специально приготовленная, таила в себе пикантные ингредиенты желудочного сока, неповторимые для каждого вида. Козьи орешки под майонезом не могли сравниться вкусом и нежностью ни с какой спаржей. Собранная в птичнике куриная известка, политая клубничным вареньем, соединяла вкус овсяных зерен, запах яичного желтка и аромат свежих ягод. Коровьи «лепешки», слегка поджаренные, политые сметаной, почти не отличались от масленичных блинов, но были диетически выдержанны, с меньшим количеством белка. Добытый в джунглях помет слона, разрезанный на ломти и зажаренный на вертеле, был сравним по вкусу с говяжьим шашлыком, только сочнее и мягче. Пропущенные сквозь тело червя комочки плодородной земли напоминали формой, цветом и вкусом черную икру.

Гости остались довольны обедом. Далеко не все из них разбежались по каютам, чтобы поскорее принять желудочные таблетки. Большинство собралось на палубе, глядя в сияющие голубые просторы, в которых маячил в солнечной дымке корабль. Встреча двух кораблей сулила радость, рождала нетерпение. Пассажиры направляли на туманные очертания бинокли, лорнеты, подзорные трубы. Гадали, что за корабль посылает им навстречу судьба.

После ужасной ночи Есаул жаждал увидеть Словозайцева, заглянуть ему в глаза, быть может, услышать голос. Либо утвердиться в страшном прозрении, либо, напротив, с облегчением вздохнуть, обнаружив, что все это — лишь сон утомленного разума, игра больного воображения. Однако модельера нигде не было. Он не вышел к столу. Его тарелка с колбасками из помета африканской гиены так и осталась нетронутой.

Между тем корабли в озерном просторе сближались. Ощупывали друг друга бестелесными касаниями радаров, обменива-

лись радиограммами. А когда рассеялась дымка, и обоим капитанам стали видны борта, надстройки и палубы, корабли обменялись протяжными, приветственными ревами, в которых были мощь, дружелюбие и симпатия одних утомленных машин к другим, обреченным весь век вращать гребные винты.

— Что за сухогруз? — поинтересовался Есаул у капитана Якима, выходявшего из рубки.

Капитан, во всем великолепии белоснежной формы, сияя позуменгами, поправляя на бедре золоченый кортик, ответил:

— Везут в Москву прах генерала Деникина и философа Ильина. Их доставили морем из Франции в Санкт-Петербург. А оттуда водой, как завещали оба, везут через всю Россию в столицу, чтобы захоронить на Донском кладбище.

— Почему не воздухом, а водой? — Есаул вглядывался в синюю даль, где в туманах и солнечных вспышках маячили размытые контуры корабля.

— Дешевле, Василий Федорович. Эти двое — только первые ласточки. Будут сухогрузы, на которых повезут прах генералов Шкуро, Врангеля, Краснова, адмирала Колчака и барона Унгера. А также останки русских философов и писателей, которых Ленин отправил пароходом во Францию.

— Да, это только начало! — с энтузиазмом воскликнули усы Михалкова, которые, едва отошел капитан Яким, заняли его место рядом с Есаулом. — Сбывается замечательный «Национальный проект», задуманный Никитой Сергеевичем. Сам он сейчас на съемке автобиографического фильма «Сервильный циркульник», он бы лучше вам рассказал. Но и я кое-что знаю. Желаете, расскажу? — Усы Михалкова смотрели на Есаула выпуклыми глазами беспардонного плута и весельчака.

— Буду признателен, — сказал Есаул, в душе недолюбливая этого фата, который, являясь всего лишь волосяным придатком именитого режиссера, был вхож в высший свет и иногда бездумными выходками компрометировал весь древний род Михалковых, неутомимо, во все века, чesавший пятки царям, вождям и президентам.

Усы Михалкова откашлялись, тонко сплюнули за борт, закрутили свои щегольские кончики.

— Видите ли, этот «Национальный проект» мог создать только Никита Сергеевич Михалков, чей род тесно связан с русской историей. Вы, должно быть, знаете, что прародитель нашего рода

отрок Михалко находился в дружине князя Рюрика и чесал ему пятки, когда тот в варяжском челне подплывал к стенам Новгорода. С тех пор все самые выдающиеся Михалковы призывались в терема, дворцы и кремлевские резиденции с единственной задачей — чесать пятки правителям России, чьими трудами создавалась и сберегалась империя. — Эти слова усы Михалкова произнесли с гордостью и даже надменностью, распушившись от чувства собственной значимости. — «Пяткочес» — профессия на Руси древняя и почетная. Один из моих предков чесал пятки Ивану Грозному перед его казанским походом. Другой предок запускал руку под одеяло Борису Годунову, когда тот вынашивал убийство царевича Дмитрия. Третий ласкал стопы Алексея Михайловича, когда тот не мог уснуть после ссоры с патриархом Никоном. Петр Первый, едва касались его пяток, сначала бурно хохотал, а потом сладко засыпал и чмокал во сне, как дитя. Екатерина Великая, напротив, долго сучила пятками и никак не могла заснуть, если к ней в постель не ложился светлейший князь Потемкин. Павел Первый, если ему не чесали пятки, наутро вставал в дурном расположении духа и отправлял в Сибирь строевым шагом очередной провинившийся полк. Александр Первый однажды заставил нашего предка всю ночь чесать себе пятки и только после этого отдал Кутузову приказ оставить Москву. Николай Первый с удовольствием принимал услуги моего прапрадедушки, однажды утром встал и распорядился повесить декабристов. Александр Второй после первого на себя покушения потерял сон и уже не мог обходиться без нашего родственника-«чесальщика». Александр Третий, после того как позировал знаменитому скульптору Трубецкому, впадал в меланхолию, и только нежное почесывание августейших пяток возвращало ему хорошее настроение. Николай Второй стал прибегать к нашим услугам после поражения русских войск под Мукденом. Владимир Ленин пренебрег услугами «чесальщика»-пролетария и обратился к такому же, как и он сам, дворянину Михалкову, с просьбой чесать ему пятки, когда его роман с Инессой Арманд стал достоянием партийной общест-венности. Иосиф Сталин, как вы знаете, засиживался в Кремле до утра, и все это время наш родственник, прошедший проверку в НКВД, чесал пятки вождю, для чего в сталинских валенках были специально вырезаны небольшие дырочки. Не обошлось без «наших» и при дворе Хрущева, который, наевшись кукурузы, ужасно храпел, и только легкое поглаживание пяток пером сизоворонка

прерывало этот душераздирающий храп. Брежнев засыпал только тогда, когда ему перед сном чесали пятки и одновременно читали вслух его собственную книгу «Малая земля». Андропов чесанию пяток предпочитал легкое постукивание, во время которого надумал выслать Солженицына из страны. Черненко умер при почесывании пяток. Горбачев всегда засыпал вместе с Раисой Максимовной, и было очень трудно отличить, где его пятки, а где жены. Ельцин, враг привилегий, пробовал сам себе чесать пятки, но потом передумал и обратился к нам, Михалковым. Президенту Порфирию целую ночь чесали пятки, когда он наконец под утро решил отказаться от третьего срока. Сейчас наш род ведет переговоры с Куприяновым — я здесь, чтобы снять размер с его пяток. Так что, да будет вам известно, мы, Михалковы, изучали русскую историю не понаслышке. Щупали ее, можно сказать, своими руками.

Встречный корабль приближался, и можно было рассмотреть скопление на его палубе множества людей, среди которых вспыхивали искорки солнца. То поблескивали лорнеты и бинокли, обращенные на теплоход «Иосиф Бродский».

— Только среди Михалковых мог родиться столь грандиозный «Национальный проект» возрождения России, о котором вы сейчас услышите. Только светлый, оригинальный и патриотический ум Никиты Сергеевича, кинорежиссера, предпринимателя, общественного деятеля, личного друга Президента Порфирия, мог родить столь амбициозный проект. В чем, вы спросите, его суть? Видите ли, мы прекрасно сознаем, что нам не хватает национально мыслящей элиты — благородных патриотов, преданных полководцев, не коррумпированных государственных деятелей, возвышенных художников и поэтов. Сказалась проклятая эра большевизма, когда Никита Михалков был вынужден буквально под пыткой снимать воспевающие чекистов кинокартины. А его замечательный батюшка, заточенный в камеру СМЕРШ, на клочке бумаги своей собственной кровью нацарапал гимн СССР. «Как создать новую элиту России? — думал Никита Сергеевич. — А зачем ее создавать? Она уже есть! Вся белая эмиграция, лежащая на кладбищах Парижа, Белграда, Лос-Анджелеса, — и есть та самая благородная элита, в которой нуждается Родина. Перевезти ее обратно в Россию, вернуть в политику, культуру, предпринимательство и военное дело!» Конечно, это могло напоминать проект Чичикова, если бы не одно обстоятельство. Никита

Сергеевич познакомился с удивительным человеком, небывалым маэстро, мировым ученым, чудодейственным биологом, который решил проблему воскрешения мертвых.— Усы Михалкова вдруг умолкли, прикрыли ладошкой рот, стали испуганно озиаться по сторонам, перешли на шепот.— Всего не могу сказать... Страшная тайна... Государственный секрет... Только намеком... Иносказательно... Словом, один человек... Быть может, вы о нем слышали... Быть может, даже встречали... Быть может, он находится среди нас... Однако ни слова об этом... Я дал честное слово дворянина... Мы, Михалковы, не смешивались с простолюдинами в течение двенадцати колен... Нет не колен, а пяток...— Усы Михалкова сбились, умолкли на мгновение. Достали гребеночку и стали ею себя расчесывать.

Встречный сухогруз приближался. Люди на его палубе начинали махать.

— Продолжаю излагать «Национальный проект». После долгих бесед с Президентом Порфирием и министром экономического развития Круцефиксом решили использовать для воскрешения Белой армии и всей белой эмиграции стабилизационный фонд с его несметными нефтедолларами. Под видом строительства огромных супермаркетов «Ашан», «Метро», «Рамстор» «Крокус-Сити», «Мосмарт», «Икеа», в Подмоскovie разворачиваются гигантские лаборатории воскрешения. Строится на верфях Европы многотоннажный флот «перевозчиков праха», один из которых сейчас приближается к нам. На деревообрабатывающих и мебельных комбинатах заказано громадное количество гробов, своим внешним видом и комфортностью соответствующих поставленной задаче. Уже наняты в третьем мире сотни тысяч могильщиков, которые извлекут русский прах из могил Нового и Старого Света. Ритуал воскрешения, поставленный на поток, возродит к жизни несколько миллионов людей, босых и нагих, которые, как вы понимаете, будут нуждаться в одежде и пище. Для этого на швейных фабриках заказаны офицерские мундиры, эполеты царских времен, дамские туалеты и украшения, зимняя и летняя одежда, в какой мы видим прелестных женщин на картинах Сомова, Серова, Коровина. Воскрешенные офицеры, министры, разведчики генерального штаба, купцы, коммерсанты, профессора — все они требуют немедленного трудоустройства. Им уже подыскиваются соответствующие места в армии, правительстве, Государственной думе, университетах. Предполагается возратить экспроприиро-

ванную большевиками собственность — имения, усадьбы, дворцы, квартиры в Москве и Петербурге, земельные наделы, заводы, а также компенсировать нанесенный революцией материальный ущерб. Мы получаем готовую, просвещенную, преданную России элиту, которая сразу же занимает ведущие посты в государстве. Венцом этого невиданного торжества «русской идеи» явится открытие Всероссийского дворянского собрания в одном из небо-скребов «Сити», которое заменит собой никчемную Общественную палату. Председателем Собрания станет, разумеется, Никита Сергеевич Михалков, отчасти и я, ваш покорный слуга.— Усы Михалкова самодовольно улыбнулись, обнажив крепкие собачьи зубы любителя погрызть сахарную косточку.

Встречный корабль был уже отчетливо виден со всеми своими величественными формами — хрустальной рубкой, вспышками начищенной меди, солнечной рябью на высоких бортах, где старославянскими буквами было начертано: «Феникс», что намекало на вечное возрождение.

— Но это лишь одна сторона великого «Национального проекта». Есть и зеркальное его отражение. Землеройная техника, «перевозчики праха», вся мощь «воскресительных» лабораторий и фабрик будет направлена на то, чтобы разрыть могилы командиров и бойцов Красной армии и отправить их в страны Европы и Америки. Воскресить и внедрить в жизнь западного сообщества. Ленин, Сталин, Киров, Каганович, Ворошилов, Землячка, Надежда Константиновна Крупская — все они воскреснут и сразу же займутся революционной агитацией и классовой борьбой. неизбежно поднимут революцию и ввергнут Запад в пучину гражданской войны. Это на долгие годы остановит развитие Запада, отвлечет от российских проблем и даст нашей многострадальной Родине время на передышку. Которую мы, возглавляемые новой элитой, употребим на возрождение!

Последние слова, произнесенные усами Михалкова, утонули в корабельных гудках и залпах ружейного салюта.

Корабли поравнялись. Две махины, отбрасывая тени на синюю воду, шумно и мощно скользили, выдавливая буруны. На палубе «Феникса» рядами тянулись постаменты, напоминавшие могильные плиты. Из трюма, предназначенного для перевозки саркофагов, были подняты наверх два величественных гроба из красного дерева с бронзовыми украшениями. В них покоился прах прославленного генерала, чуть было не завоевавшего Мо-

скву, и кости именитого философа, которым зачитывались русские патриоты. Вокруг в почетном карауле стояли члены военно-исторических клубов, преданных памяти «белого движения». Золотые и серебряные погоны, аксельбанты, георгиевские кресты, нашивки за ранения. «Дроздовцы», «марковцы», «каппелевцы» радовали выправкой, одухотворенностью лиц, готовностью умереть за Россию. Развевались штандарты полков, монархические знамена, хоругви. Бархат, золотое шитье, эмблемы двуглавых орлов. Гремел салют, оркестр играл «Славянку». Все, кто был на палубах «Феникса» и «Иосифа Бродского», замерли в минуте молчания. Есаул с изумлением заметил, что все, стоящие рядом, по-масонски сдвинули пятки и развели носы. И все, кто находился на «Фениксе», повторили этот символический знак. Должно быть, и лежащие в гробах герои белого движения тоже сдвинули костяные пятки и развели костяные мыски. «Феникс» проплывал, полный музыки, ружейных залпов, молитвенных песнопений и тостов за монархию. Над кораблем, едва заметные, вились две крохотные темные ласточки, словно чьи-то смятенные души.

Ближе к вечеру в каюту Есаула постучали. На пороге стояли сразу три визитера — генпрокурор Грустинов, министр обороны Дезодорантов и спикер Госдумы Грязнов.

— Вася, мы решили тебя потревожить, — сказал прокурор. — Есть разговор.

— Заходите.

Гости вошли и расселись. Было видно, что они взволнованы и не решаются начать разговор. Нарушил молчание все тот же Грустинов:

— Вася, мы находимся в растерянности. Время идет, а никакого действия нет. Ты сказал, что у тебя существует «план». Где? Какой? Только жрем, пьем, с бабами развлекаемся. Для этого разве поехали? В стране не спокойно, Вася. Союзников наших все меньше. Сука Круцефикс изменил, но это в его сучьем характере. Попич, подлюга, нервничает, заигрывает с Куприяновым — готов переметнуться, трусливая тварь. Куприянов чувствует себя Президентом. Раздает интервью, как будто уже въехал в Кремль. Получаем сводки из Москвы — повсюду создаются комитеты в поддержку Куприянова. Лимоновцы готовят захват Администрации. «Яблочники» грозят «оранжевой революцией». Замечено брожение в армии. Несколько следователей, раскрутивших дело ЮКО-

Са, застрелились. Ходорковский в зоне пишет свою работу «Левый поворот — 104» и всех нас поименно обвиняет в своем аресте. Как нам быть? Ты правильно нас пойми...

— Сохраняйте спокойствие, одно могу вам сказать.— Есаул был сух и холоден.— «План», о котором вам говорил, близок к осуществлению. Еще немного терпения.

— Ты нам скажи откровенно. Если ты раздумал действовать или что-то еще у тебя на уме, ты от нас не скрывай. Мы должны знать. Если ты сдался, и дело наше проиграно, мы станем действовать каждый за себя.

— Разве когда-нибудь я вас подводил? — резко сказал Есаул.— Разве мы не съели вместе пуд соли? Разве я сам хочу поехать в наручниках в Гаагу? Вы должны мне верить.

— Тогда поклянись.

— Клянусь.

— Этого мало. Поклянись на крови.

— Готов.

Прокурор Грустинов достал перочинный нож. Все четверо протянули пальцы. Грустинов сделал каждому на указательном пальце надрез. Выступила кровь. Касаясь друг друга надрезами, они смешали кровь. Одновременно произнесли: «Клянусь».

Есаул достал из аптечки йод и залил ранки. Когда соратники успокоенные ушли, и он остался один, то вновь явилась мысль о чудовищном искусстве Словозайцева. Подумал, не произрастет ли в результате кровосмешения гибрид, у которого будет слоновье туловище Грустинова, хромая нога Дезодорантова, моржовые усы Грязнова и трагическая его, Есаула, душа, в которой все еще брезжит надежда на почти невозможное чудо — на спасение любимой России.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Перед ужином пассажиры теплохода были званы в музыкальный салон, где разыгрывалось представление, именуемое «Дебаты». Предоставлялась трибуна двум кандидатам в Президенты России, как если бы эти выборы уже проходили. Кандидатам следовало изложить предвыборные программы и ответить на вопросы избирателей. Роли кандидатов взяли на себя — Куприянов, который и являлся истинным кандидатом, лишь ожидавшим на-

чала настоящей компании, и Есаул, который изображал оппозицию, приверженную прежнему курсу.

В салоне находились две небольшие трибуны для соперников и одна для арбитра — телемагната Попича. В зале были расставлены кресла, наполненные нетерпеливыми зрителями с пультами для голосования, которыми они могли высказать свои предпочтения.

Есаул вначале хотел уклониться от обременительного действия. Однако инстинкт разведчика подсказывал — «Дебаты» могли обнаружить дополнительные подробности замысла, что вынашивал Словозайцев. Куприянов в своем напыщенном красноречии мог выболтать план зловещего маэстро. И Есаул, поразмыслив, пошел на «Дебаты».

Зал был переполнен. Всем хотелось насладиться схваткой умов, борьбой мировоззрений.

Куприянов вышел к трибуне статный, красиво выгнув грудь. Ласково и снисходительно озирает почитателей, чувствуя, что его артистическая глотка, промытая яичным желтком, полна непроизнесенных звуков.

Его встретили аплодисменты, улыбки дам, громкие, чтобы он мог услышать, шепоты: «Как хорош!..», «Сколько в нем мужской силы!..», «И ума, конечно!..»

На Есаула, когда он вышел, зашикали. Кто-то, кажется шляпа Боярского, негромко свистнул. Лысинка Жванецкого ехидно произнесла: «Казачок-то засранный!» — и все засмеялись.

Есаул видел перед собой лица врагов, вероломных, лживых и мстительных. Еще недавно они добивались его ласки, толпились в приемной, торопились поймать его взгляд, произнести льстивую речь. Но как только его власть пошатнулась и его солнце стало меркнуть под черной тенью опалы, они разом отпрянули, переметнулись к сопернику, не жалели в его адрес ядовитых слов и сплетен.

— Дамы и господа,— с аффектацией воскликнул Попич, словно он вел аукцион «Сотбис», выставя на продажу шедевры живописи.— Два политических курса, два исключаящих друг друга мировоззрения, две предвыборные платформы, из которых вам предстоит выбрать ту, которая, по вашему мнению, обеспечит процветание стране. Пусть наши «Дебаты» не покажутся вам игрой. Политический нерв страны бьется особенно чутко здесь, на теплоходе, где собралась интеллектуальная и культурная эли-

та. Она в состоянии отличить демагогию и популизм, где слова о величии России скрывают низменные поползновения и злобные инстинкты.— Попич молниеносно взглянул на Есаула, словно в нем подозревал демагога и популиста.— Отличить их от высоких идей, через которые демократия обретает свои новые формы, совершенствуется, вбирает в себя мировой опыт опередивших нас в демократическом развитии стран.— Попич едва заметно поклонился в сторону Куприянова. Двумя этими поклонами уже заранее каждому выставял оценку, предвосхищал итоги голосования.— Прошу вас, господа претенденты, кратко изложите свои программы, чтобы почтенная публика могла выбирать.— Первое слово предоставляется Есаулу Василию Федоровичу! — И Попич сделал шаг назад, словно освобождая место для схватки.

Есаул чувствовал дующий от Попича сквознячок предательства. Зыбкость и размытость его души, которая всю жизнь тянулась туда, где присутствовала власть, чутко угадывая ее взлеты и падения. Попич, как угодливая голосистая птица, свивал гнездо под окнами очередного властителя, среди завитков и узоров башни, услаждая слух господина. Оставлял гнездо, едва башня власти начинала качаться. Не попадал под обломки, перелетал на другую башню, где селился новый кумир. Есаул знал ему цену и все же был уязвлен вероломством соратника. Тем дороже ему казались Грустинов, Дезодорантов, Грязнов, посылавшие исподволь знаки поддержки.

— Моя программа лишена популизма,— начал Есаул сурово и сдержанно, хотя бледность лица выдавала волнение.— Напротив, я взываю к тем чувствам, которые всегда были свойственны нашему народу,— к жертвенности, стоицизму, готовности отказаться от личного во имя всеобщего, всенародного, государственного. Я — «государственник» и этого не скрываю. Государство Российское шатается и готово пасть под напором внутренних и внешних врагов. Изнутри страну разъедает необузданное воровство и мздоимство, эгоизм и самодурство удельных бояр, малодушие Кремля, в котором исчезла «воля к власти», и уродливый экономический курс, благодаря которому все богатства страны уже больше не служат ее народу. Внешне этот курс поддерживается традиционными врагами России, которые ждут, когда власть ослабеет настолько, что уже не сможет сберечь территории. И тогда неизбежен распад страны, захват расколотых русских пространств крупнейшими мировыми державами...

Есаул умолк, оглядев зал. Кругом были ухмыляющиеся, презирающие его лица. Ненавидящие, с жестоким блеском глаза. Его слова вызывали отторжение. Он видел, как вокруг голов пылало синее газовое пламя. Драгоценности на шеях и запястьях у женщин излучали едкие зеленые искры, словно сгорала медь. Дорогие часы на руках мужчин посылали ему в зрачки слепящие вспышки лазера. Его отторгали прожорливые, привыкшие к деликатесам желудки. Холеные тела, пропитанные благовониями. Гениталии, неутолимые в наслаждениях. Он являл собой угрозу для их состояний, великолепных дворцов, неограниченных привилегий. Он хотел их лишить необозримых возможностей развлекаться, услаждать свою плоть, дразнить свой развратный ум, праздно, в увеселениях и игрищах, проводить беззаботный век.

— Как только я буду избран Президентом России,— а я не сомневаюсь в истинности народного волеизъявления,— я стану осуществлять неуклонный и жесткий курс на укрепление государства. Силою закона и народной воли верну под эгиду власти русские нефть и газ, древесину и алмазы, вырвав эти богатства у компрадорских предателей и преступников. Введу монополию на спирт и табак. В руках государства окажутся громадные средства, которые будут немедленно пущены на сбережения народа. Мы продлим век старикам, возродим многодетные русские семьи, вернем народу бесплатные больницы и клиники, очистим магазины от отравленных зарубежных продуктов. Создадим для людей нормальную жизнь, когда они смогут трудиться, пользоваться благами культуры и искусства, посвящать себя призваниям, высшее из которых — служение Родине. Мы запретим разврат на телеэкранах, набросим намордник на русофобов, прекратим пропаганду насилия и смерти. Восстановим дружбу народов, вернув в лоно России искусственно отторгнутые окраины. Силой возрожденных армии и флота обеспечим безопасность страны. Все это потребует мобилизации и единства, верности идеалам России. Наградой за это будет могучая светоносная Родина, вернувшая право называться великой державой... Вот краткое изложение моей программы.

Минуто было так тихо, что слышался шум воды за бортом и едва уловимое дрожание палубы. Затем началось невероятное.

Шляпа Боярского вскочила ногами на кресло и завопила:

— Гитлер!.. Пиночет!.. Русский фашист!..

Лысинка Жванецкого покрылась бисером и заверещала:

— Антисемит!.. Погромщик!..

Усы Михалкова, еще недавно благодушно настроенные, теперь гневно вздыбились:

— Как можно такое слушать?.. Руки прочь от «русской идеи»!.. Да здравствует монархия!..

Губернатор Русак визжал и плевался:

— Он всем нам готовит ГУЛАГ!.. Это он убил невинную Толстову-Кац!

Стеклярусова разволновалась настолько, что стали расходиться многочисленные швы на ее лице, животе, ягодицах:

— Это он погубил моего ненаглядного мужа!.. Приказал привязать его к танку и волочил по Невскому проспекту!..

Луиза Кипчак указывала гневным, усыпанным сапфирами пальцем:

— Он хочет закрыть все казино и ночные клубы!.. От его слов у меня появится вторая морщинка!

Круцефикс брызгал ненавистью:

— У него, я знаю, приготовлены расстрельные списки!.. Надо обратиться в ООН!.. Написать Президенту Америки!..

Все кричали, топали ногами. Попич пытался унять возмущение, умоляюще складывал руки:

— Ну, господа, ну прошу вас!.. Да нельзя же все принимать близко к сердцу!.. Ну, мало ли на Руси мракобесов!.. Все зависит от вашего выбора!.. Демократы должны объединиться и преградить дорогу фашизму!.. Слово предоставляется надежде нашей демократии Аркадию Трофимовичу Куприянову!..

Возмущение улеглось. Есаул стоически остался на трибуне. Попич, подобострастно улыбаясь, предоставил слово Куприянову.

— Дамы и господа.— Бархатный баритон Куприянова был исполнен благодушия, которым он одарил зал, и аристократической снисходительности, обращенной к Есаулу.— Здесь только что была нарисована картина мира, давно исчезнувшего и отвергнутого человечеством. Человечество, слава богу, миновало тот период, когда оно делило себя на суверенные государства, цеплялось за территорию, враждовало из этих территорий, тратя все свои силы на создание армий, чудовищных орудий разрушения. Мы — не каннибалы, не империалисты, не узколобые националисты, размышляющие о том, что важнее: кровь или почва. Хватит крови, которая настолько пропитала почву, что на ней ничего не растет! — Он обличающе возвысил голос, не поворачивая красивую голову в сторону Есаула, но было видно, что обличе-

ние относится именно к нему. Зал аплодировал, дамы-продюсерши послали Куприянову воздушные поцелуи.— Эра государств завершилась. Государственные границы пали. Люди соединены между собой Интернетом, мобильными телефонами, путешествиями. Строят единую мировую экономику и культуру, в которой больше нет ни русского, ни американского, ни белокожего, ни чернокожего. Есть один мировой Голливуд, единый, полный товаров супермаркет, куда вхож житель Китая и житель Норвегии. Все мы братья по супермаркету, близнецы Голливуда, дети одной ноосферы... Границы в современном мире проходят не по Амуру, Дунаю или Висле. Границы проведены внутри человечества. Между элитой совершенных, просвещенных, стремящихся к усовершенствованию людей, обогнавших в своем развитии остальных современников. И прочей человеческой массой, которую раньше именовали «плебсом», а теперь называют «антропологической посредственностью» или «среднестатистическим человеком». Смысл этого усредненного, состоящего из миллиардов человечества, в том, чтобы позволить элите совершить качественный скачок в совершенствовании и достичь бессмертия. Вы, сидящие в зале,— и есть элита мира. Вам предстоит так устроить общество, так организовать в нем науку, искусство и производство, выбрать такого лидера, чтобы, в конце концов, воплотилась заповедная мечта человечества, и лучшие из нас обрели бессмертие...

Зал заворуженно замер. Не все понимали, что изрек Куприянов. Но было ясно — их, сидящих в зале, назвали «элитой мира». И им обещано, в случае избрания Куприянова Президентом, неслуханное благо.

Есаул, словно опытный концертмейстер, среди знакомого пения флейт и тромбонов, скрипок и фортепьяно, труб и контрабасов уловил звучание незнакомого инструмента. Он не значился в списке струнных, духовых и ударных. Его не обнаруживал взгляд среди клавиш, смычков, барабанных палочек. Он прорывался не из оркестровой ямы, а откуда-то глубже, быть может, из самой преисподней, где угрюмый подземный сквозняк летел среди черных утесов и издавал заунывные стоны.

— Я приоткрою вам тайну,— продолжал Куприянов, приобщая избранный круг к сокровенному знанию.— Совсем недавно, накануне нашего плаванья, я посетил удивительный научный центр, расположенный недалеко от Москвы. Мне показали лю-

дей, рожденных не от матерей, а искусственных, где в живительных растворах под воздействием электромагнитных полей созревает совершенный человек. Эти люди были воистину прекрасны, подобны творениям Фидия и Праксителя. Их красота, ум, интуиция, способность усваивать знания превосходили все известные примеры. Там был трехлетний ребенок, игравший в шахматы, как Гарри Каспаров. Была пятилетняя девочка, разговаривающая на двадцати языках, в том числе на арамейском. Был отрок, доказавший теорему Ферма и создавший математику шестимерного мира. Там были люди, которые, как они утверждают, участвовали в битве Александра Македонского с персидским царем Киrom. Была милая девушка, вылитая копия Натальи Гончаровой, которая рассказывала, как накануне познакомилась со своим женихом, и имя жениха — Александр Пушкин. Мне показали юношу, прекрасного лицом и сложением, который лежал под прозрачным колпаком. В его голову сквозь крохотные золотые зонды поступали импульсы. Они возбуждали те или иные участки мозга, и он за минуту усваивал знания, содержащиеся в десятках библиотек. Его память хранила зрелища тысячелетней давности, и он вспоминал события Древнего Рима, распятие Христа, открытие Колумбом Америки, как если бы сам был тому свидетель. Он не нуждался в пище, энергия поступала к нему прямо из Космоса. Он испытывал несравненные наслаждения вкуса, запаха, цвета, которые дарили ему возбужденные клетки мозга. Его эротические переживания не требовали присутствия женщины, потому что в его памяти он, как царь Соломон, обнимал на брачном ложе царицу Савскую и, как Антоний, наслаждался прелестями Клеопатры. Рассказывая вам об этом, хочу показать, как новый, фантастический и уже реальный мир отличается от унылой и ветхой картины, нарисованной моим оппонентом. Я строю мою политику, исходя из ослепительного наступившего Будущего, а он — из унылого отошедшего Прошлого.— Куприянов с состраданием взглянул на Есаула, как супермен из космического корабля смотрит на калеку в инвалидной коляске.

Есаул улавливал в словах Куприянова эхо другого голоса. В его рассказе, похожем на научную фантастику советских тридцатых годов, угадывались грандиозные научные знания, ставшие достоянием тайной касты ученых, которые готовили великие потрясения миру, ураганы войн и революций, каких не знало человечество. Оно, человечество, делило нефтяные ресурсы,

вело религиозные войны, бранило коммунизм и фашизм, славил либеральные ценности. А в тайных научных центрах биологии с микроскопами создавали будущее, не снившееся Платону и Кампанелле, Ганди и Ленину, Гитлеру и Иосифу Сталину. Вальяжный Куприянов, как гулкий пустой горшок, был полон звуков, которые вдохнул в него другой голос.

— «Гражданское общество», «социальная справедливость», «ипотека», «разделение властей», «четыре национальных проекта» — все это «пустышки» для «среднестатистического человека», чтобы чмокал и не мешал главному «национальному проекту», на который мы уже начали тратить стабилизационный фонд и золотовалютный запас. В этом проекте Россия освоит самые высокие технологии, оставив позади конкурентов. Биореволюция, генная инженерия, строительство заводов по созданию «совершенной породы людей» сделают «элиту», то есть вас, господа, истинной вершиной творенья. «Элитарный человек» в сто крат увеличит свои возможности, а значит, потребности, а значит, и права. В каждом из вас дремлет другой, неразбуженный человек. Мы разбудим его. Разбудим каждую дремлющую клетку, каждую уснувшую молекулу, и в вас очнется великан, о котором писала мадам Блаватская, излагая предания Востока о перволюдях — исполинах громадной мощи, безграничного знания и неограниченной жизни. Разбудить в человеке Человека — это значит вернуть в его память всю грандиозную прапамять предков, архетипов, предшествующих форм биологической и даже минеральной жизни. В вас оживут не просто первобытные папоротники, хвощи и гигантские стрекозы, но и молодые вулканы, горячие океаны, летящие к Земле метеоритные дожди. Этот разбуженный мир — больше, чем ноосфера. Он есть отпечаток Божественного пальца, оставленного при сотворении мира...

Куприянов преобразился. Его самодовольное плотядное лицо одухотворилось. Сытый баритон приобрел страстные вибрации проповедника и пророка. Речь наполнилась несвойственными ему оборотами. Он прибегал к понятиям, которых прежде никто от него не слышал. Есаул знал тайну его преображения. Через зал к нему тянулась едва различимая струнка света, в которой трепетали бесчисленные цветные частицы, как перламутровые пылинки, танцующие в солнечном луче. Они касались лба Куприянова, погружались в белую холеную кожу, и в точке соприкосновения кипел крохотный стоцветный вулканчик. Есаул знал

происхождение луча. Знал, кто скрывается в тени за открытыми дверями салона. Кто направляет на Куприянова кодированный поток молекул, превращающий пресного пошляка и ленивого си-барита в пылающего интеллектуала и провидца. Словозайцева не было видно, но он был рядом, управлял дебатами.

— Человек изнывает от себя самого, хочет сбросить с себя «человеческое», преодолеть вмененное ему природой обличие. Погоня за новизной — все новые предметы роскоши, новые знакомства, новые автомобили и жилища, путешествия по новым местам, новые партнеры в любви — это проявление тоски человека, связанной с его «человечностью». Люди меняют пол все от той же тоски, пытаясь восстать против вмененного им облика, роли, чувственности, демонстрируют «восстание полов». Революция геев и лесбиянок — это отчаянная попытка сбросить рабство изначальной сотворенности, на страже которой стоит неумолимая природа, жестокая мораль, репрессивное общество. Биореволюция, совершаемая в тиши лабораторий, но готовая, словно буря, вырваться в мир, обещает человеку истинную свободу — свободу выбора плотских форм, которые, словно маски, станет менять душа на великом карнавале бессмертных превращений. Человек сможет путешествовать не только в пространстве, меняя города и континенты, и не только во времени, принимая образ своих давних предков и еще нерожденных потомков. Он сможет путешествовать по всей «кривой эволюции», превращаясь в птицу, рыбу, африканского слона, игуанодона времен мезозоя, в гигантский цветок реликтовой орхидеи или в тысячелетнюю секвойю. Сохраняя свойства своей бессмертной души, может превратиться в микроба, в кристаллик гранита, в луч света. Сберегая в полной мере свою личность, сможет в виде электромагнитной волны стремительно перемещаться в мирозданье, навещая другие миры, вступая в контакт с иными видами жизни. Ибо он сам становится иным видом жизни, для которой Солнце — есть такой же, как и он, человек, сбросивший условную, необязательную форму. Мы можем являться в мир в виде звука, вкуса или запаха. Стать, если угодно, воплощением одного непрерывного, растянутого на десятки лет оргазма, что, впрочем, мало чем отличается от воплощения в Солнце. Биореволюция, о которой я вам говорю, несет истинную свободу, не сравнимую с той, которую влекут за собой революции социальные. Биореволюция — это и есть истинный либерализм, переходящий из социальной и моральной категории в категорию Вселенной. Однако все мною

сказанное относится лишь к вам, «мировой элите». Становится уделом избранных, на которых, говоря народным языком, Бог «положил свой глаз». «Среднестатистический человек», «антропологическая посредственность» должны исчезнуть, не вписавшись в новый виток эволюции...

Зал зачарованно слушал. Люди внимали с галлюциногенным блеском в глазах, слегка покачиваясь, как пьяные.

— Вы можете спросить меня — в чем же моя предвыборная программа? Может, в том, как увеличить доход на душу населения? Или провести реформу РАО ЕЭС? Или продвинуться по пути гражданского общества? Что, спросите вы, сделаю я для формирования среднего класса? Разочарую вас, господа. Вы услышите от меня абсолютно другое. Моя задача — вас, избранную элиту России, привести к Богу. Не в церковь к приходскому батюшке, не к текстам священного писания на уроках закона Божьего, не в календарную круговорот религиозных праздников. Но к Богу буквально. К персту, которым Бог коснулся глиняного Адама, превращая его минеральные неживые частицы в одухотворенного человека. Биореволюция разбудит в человеке все спящие молекулы, проведет человека вспять к моменту творения, поместит в мир чистых энергий — света, магнетизма, гравитации, к тому моменту, когда перст Божий коснулся глиняного сосуда, наполнив его Духом Святым. Мы воспроизведем миг творения. В микросекунду Божественного касания, когда исчезла грань между человеком и Богом, когда образ и подобие Божий становились достоинством человека, когда Бог становился человеком, а человек Богом, мы перебросимся в Бога. Раскаленным ручейком плазмы, стремительной корпускулой света, вспышкой электромагнитной волны мы вонзимся в перст Божий. Станем Богом. Это и есть истинное Богопознание, подлинная Боговоплощенность, неразделимая Богослиянность...

Есаул смотрел на Куприянова. Тот казался огромным сияющим монументом, отлитым из таинственных сплавов, из неведомых металлов, которых не существовало в природе. Был голым сияющим исполином, в которого вливалась непрерывная струйка разноцветных молекул. Облучала его поверхность, брызгала радужными каплями, орошала лик, выпуклую грудь, мускулистый живот, напряженный пах. Он был кумир, которого воздвигнут посреди России и которому поклонится околдованный, обреченный на истребление народ. Религия, которую исповедовал Куприянов, была религией смерти. Возвращением к Богу именовалось исчез-

новение Человека, свертывание, истребление человечества. Это был гимн Танатосу. Проповедь нового мистического Сверхчеловека, перед которой меркли изыскания «Аненербе».

— Когда мы вернемся к Богу и станем Богом, покинув сотворенный Богом мир, то этот мир уже будет не нужен — в нем не останется человека. Он может погаснуть. Это и будет концом истории, концом мира, завершающим аккордом Вселенной. Наступит великое, всепоглощающее Ничто, которое одновременно будет великим изначальным Всем, то есть Нами...

Куприянов умолк. Воцарилась тишина, какая бывает в абсолютном вакууме, где нет носителя звуков, но любая весть переносится беззвучной электромагнитной волной. Так же беззвучно мчались из зала к Куприянову волны обожания и поклонения, молитвенные восторги и уверения в вечной любви. Лишь постепенно безмолвие экстатической страсти стало сменяться вздохами и любовными стонами, страстными всхлипами и криками ликования:

— Bravo!.. Виват Президенту!..

Все стали срываться с мест, стремились к кумиру, хотели коснуться его одежд, лобызать стопы, припасть жадными губами к следам его ног. Так встречают на площади Ватикана появление понтифика, наместника Бога на земле. Восторженной всех взывала мадам Стеклярусова, умоляюще протягивая к Куприянову руки:

— Аркадий, сделай мне подтяжку — сам знаешь чего!.. Хочу бесконечное количество раз терять мою девственность!

Ей вторила дочь Луиза Кипчак:

— Аркаша, ты бесподобен!.. Вождедею тебя!.. Устала от этого грубияна Малютки!.. Приду к тебе сегодня ночью, и ты увидишь, как светится в темноте моя морщинка!..

Попич в суматохе действовал, как дюжина швейцарских гвардейцев, отгоняющих от понтифика обезумевших богомольцев. Пинал, толкал, возвращал всех на место:

— Дамы и господа!.. Уймите свои восторги!.. Аркадий Трофимович никуда не уходит!.. Он остается с нами не только на вечер, но и на следующий президентский срок!.. Прошу задавать вопросы участникам дебатов!.. Полагаю, полученные ответы еще больше укрепят вас в выборе, который, нет сомнения, уже состоялся!..

Страсти поутихли. Попич вернул себе респектабельный вид торговца ценностями, которые на аукционе идей были представлены взволнованным, в победном ореоле, Куприяновым и окаменевшим, хмурым Есаулом. Зал был наполнен таинственным

электричеством, которое слабо шуршало, потрескивало, бледно вспыхивало в прическах у дам, начинало светиться вокруг голов, блуждало под потолком, словно северное сияние, где начинали тихо гореть зеленые и розовые сполохи, изумрудные и алые пере­ливы. Есаул видел, как шарит по залу разноцветный, вылетающий из тени лучик, поджигает молекулы воздуха. В том месте, где он пролетал, некоторое время нежно светился цветной ожог, словно таинственный фантом, а потом угасал. Луч скользнул к трибуне. Проник в стакан с водой, где загорелась нежная радуга. Переместился к Есаулу, и тот почувствовал, как в плечо вонзилась тончайшая игла боли, вторглась в плоть, начиная круговые движения, как пуля со смещенным центром тяжести, захватывая в свои круги и эллипсы все новые участки тела. Это было ужасно. Он понял, что Слово­зайцев идет по стопам Толстой-Кац и губернатора Русака, которые пытались колдовством и лукавством обнаружить его потаенный «план». Нащупать сокровенную точку, раздавить ее и тем самым обезопасить свой коварный «замысел».

— Прошу задавать претендентам вопросы,— дирижировал Попич.— Первый вопрос к Аркадию Трофимовичу Куприянову!.. Пожалуйста! — поднимал он из кресла нетерпеливую лысинку Жванецкого.

— Уважаемый Аркадий Трофимович,— лысинка Жванецкого вся светилась обожанием и преданностью, словно ее полили лампадным маслом.— Правда ли, что вы, по благословению Патриарха, раздали все свое состояние бедным и увечным и тем самым выполнили Христову заповедь: «Раздай имение свое»?

— Я никогда не был привязан к материальным благам. Все, что я имел, я заработал честным трудом. Но, как говорится, «Бог дал, Бог взял». В нашем народе столько несчастных, столько таких, по ком ударили «реформы», что я не мог равнодушно смотреть на людское горе. Действительно, я раздал все мое имущество и теперь ничего не имею. Но Христос сказал: «Живите, как птицы небесные». Я и живу, как птица! — Он печально и мило улыбнулся, и зал рукоплескал этой искренности и добротолубию. Сантиментальный оператор Шмультрихтер, снимавший дебаты на пленку, смахнул набежавшую слезу.

— Вопрос господину Есаулу,— сухо произнес Попич, кинув в сторону Есаула нелюбезный взгляд.— Кажется, вы хотели? — Он выбрал среди поднятых рук ту, что принадлежала шляпе Боярского.

— Да-с, так вот-с.— Шляпа Боярского старалась усвоить надменный вид и обличительные интонации.— Скажите, господин... Атаман, то есть, нет... Есаул... Правда ли, что деньги, полученные в результате разорения ЮКОСа, вы потратили на приобретение дворца на Лазурном берегу, виллы на Сардинии, средиземноморской яхты, для которой выстроили роскошный причал, и в свои прогулки по Средиземному морю вы берете танцовщиц Пуэрто-Рико, балерин «Фоли Берже», эротический ансамбль ночного клуба «Нью-Йорк» и самых дорогих проституток «Лас-Вегаса»?

Есаул чувствовал, как луч, подобно гибкой игле, проникает под кожу. Углубляется в мягкую ткань, впрыскивает капли парализующего яда. Будто на плечо присела оса-наездник, пронзила тончайшим жалом. Впрыснула в кровь тысячи личинок, которые пробирались по сосудам в каждую клеточку его тела. Есаул под воздействием этого парализующего яда, лишь немощно вращал языком:

— У-у-гы-ы... А-о-э-э-э!..— издавал он звуки олигофрена, бесильного выразить мысль.

Зал возроптал, раздались свисты, возмущенные возгласы:

— Да он пьян!..

— Был у нас один кремлевский пьяница, не надо другого!..

— Следующий вопрос Аркадию Трофимовичу!.. Будьте любезны!..— Попич взмахнул рукой, словно в ней была дирижерская палочка. Вопрос исходил от женщины-продюсера программы «Тюрьма и воля»:

— Правда ли, дорогой Аркадий Трофимович, что вы — прекрасный семьянин, женаты один-единственный раз, взяли жену из простой крестьянской семьи и, простите, вы и она потеряли девственность в первую брачную ночь?

— Не стыжусь признаться в этом. В простых деревенских женщинах сохраняются традиции нашего патриархального прошлого. Они берегут свое целомудрие до свадебного венца и очень стыдливы в постели. Для них соитие с мужчиной — не утоление греховной страсти, а средство произвести потомство. У нас четверо детей, и ровно столько раз она, стыдливо прикрываясь своей чудесной русой косой, приходила ко мне в опочивальню.

Все аплодировали. Шмультрихтер старался запечатлеть застенчивое лицо Куприянова, на котором выступил румянец стыдливости.

— Ваши вопросы господину Есаулу! — Попич саркастически усмехнулся.— Если, конечно, он в состоянии отвечать на вопросы...

Поднялся эстрадный певец, воспевающий «Москву златоглавую», исполнитель мыльного шлягера «Господа офицеры»:

— Будьте любезны — да или нет? Вы были судимы за растление малолетней? Правда ли, что отец совращенной вами девочки вас кастрировал? Верно ли, что вас одолевают неврозы из-за мастурбации, которой вы предавались с самого детства?

Есаул чувствовал, как весь его организм переполнен юркими личинками. Их ножки и усики щекотали дыхательные пути, скребли оболочки сосудов, обшаривали внутренние и внешние стенки кишечника. Он хотел ответить мерзавцу, сфабриковавшему уничижительный вопрос, но язык распух, словно его укусила пчела.

— У-у-э-ю... Ы-ы-о-а-а...— издавал он звуки разбитого инсультном страдальца, и зал над ним потешался.

— Последние вопросы претендентам! — с ужимками Пельша и с тем же наглым, плутовским выражением воскликнул Попич.— Сначала Аркадию Трофимовичу... Прошу, сударыня!..

Поднялась телеведущая программы «Деликатес». Выбеленные хлором волосы торчали в разные стороны, делая ее похожей на морского ежа. Один глаз был фиолетовый, другой ярко-розовый. Утробным голосом ведьмы она спросила:

— Любезнейший Аркадий Трофимович, верно ли, что все свободное время вы предаетесь искусству? Пишите дивные картины маслом, делаете рисунки фломастером, работаете пастелью. Вашими работами заинтересовался Центр Помпиду, и целый этаж этого парижского музея посвящен вам?

— Вы мне льстите,— скромно потупился Куприянов.— Я всего лишь дилетант и скрываю мои камерные увлечения. Мне странно, что мои работы то и дело закупает Третьяковка и Русский музей, мои холсты висят в «Метрополитен» и Лондонском музее, каталог моих картин издан в Уффици и Прадо.

Все аплодировали. Дамы восторженно перешептывались.

— Вопрос господину Есаулу!..

Поднялся губернатор Русак, в котором чудилось что-то неперепеливо-собачье. Так спаниель ожидает выстрела, чтобы кинуться в воду, бурно плыть, схватить подбитую птицу и, вонзив зубы в пахучие перья, плыть обратно, неся хозяину трепещущую добычу.

— Правда ли, сударь мой, что в свободное от работы в Администрации время вы ходите в морг и там с вожделением наблюдаете, как вскрывают трупы?

Есаул чувствовал, как хищные личинки окружают его сердце. Охватывают кольцом. Набрасываются на ухающие пульсирующие стенки. Одни проникают в предсердие. Другие ныряют в переполненную кровью аорту. Третьи начинают рыться в желудочке, все ближе подбираясь к сокровенной молекуле. Сейчас нащупают чуткими лапками, огладят хрупкими усиками, разомкнут клещевидные челюсти.

Губернатор Русак с ненавидящей усмешкой, выпуклыми, пламенеющими от ненависти глазами ожидал ответа. И эта истребляющая ненависть врага, соседство смерти заставили Есаула очнуться. Невероятным усилием воли, всеми витальными силами он выхватил из-под сердца светящуюся «точку». Промчал ее сквозь кольцо личинок. Метнулся в мозг, путая следы, залегая на время в правом полушарии. Оттуда стремительно упал в пищевод, скрываясь за его грубыми складчатыми стенками. Переждал и нырнул в печень, утонув в текущей желчи. А потом, внедрившись в тазовую кость, продираясь сквозь губчатую костную ткань ноги, доставил «точку» в фалангу мизинца на левой ноге. Замуровал подход костной мозолью, преградив доступ врагам. Прodelав работу по эвакуации драгоценной молекулы, растворил селезенку и выпустил в кровь антитела, которые набросились на враждебных пришельцев, вступили с ними в смертельную схватку. Это вызвало резкое повышение температуры тела, он почувствовал жар и озноб. Одновременно он напряг дельтовидную мышцу, дернул плечом, стряхивая ядовитое насекомое, ломая его хрупкое жало, которое осталось в тканях, но уже не впрыскивало в кровь отравляющие цветные частицы. Луч соскользнул с плеча, прожег стакан с водой, из которого сквозь крохотную скважину засочилась капель.

Рывок Есаула Попич истолковал как жест нападения. Ему померещилось, что Есаул хочет его ударить.

— Не смей!.. Я не боюсь!.. Господа, он задумал ужасный план!.. Хочет вас всех расстрелять!.. У него есть расстрельные списки!.. Его надо арестовать!.. Я с вами, господа!.. Да здравствует демократия!.. Да здравствует Президент Куприянов!.. Мы все заслужили бессмертие, а этот изверг — только смерть!.. Только смерть!.. Только смерть!..

Попич выскочил из-за своей конторки, спрятался за Куприянова, заслоняясь им от Есаула, который, чувствуя, предынфарктную боль в сердце, стал покидать трибуну.

Зал бушевал. Орали, брызгали слюной, грозили Есаулу кулаками, требовали смерти.

Вмешалась дама-мажордом, она же Регина Дубовицкая:

— Дорогие мои.— Она старалась унять суматоху.— Постарайтесь обрести мир душевный! Смех — лучшее лекарство от невзгод! У вас есть полчаса, чтобы сменить туалеты и собраться на верхней палубе, где прославленный маэстро Словозайцев будет демонстрировать высокую моду. Как вы думали, для кого? Верно — для собачек! Собаки и высокая мода! Псы и новый дизайн! Кобели и изысканный стиль! Породистые суки и мы вместе с вами!..

Она успокаивала зал, давая возможность Есаулу, окруженному тройкой верных соратников, покинуть помещение и вернуться в каюту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В каюте, когда Есаул, отдыхая от сердечного приступа, прилег на кровать, прокурор Грустинов взволнованно воскликнул:

— Я говорил, эта сука Попич — предатель. Они с Круцефиксом два гондона — пара. На этого Жопича есть уголовное дело по факту распространения наркотиков. Я замял, но теперь дам ход. А этот Круцефикс, жалкий педик, замешан в «Дело Мабетекса». Ему, а не Пал Палычу Бородину бестолковому, сидеть бы в бруклинской тюрьме.

— Нельзя больше ждать, надо действовать,— угрюмо произнес спикер Грязнов.— Пока еще я контролирую Думу. Но «Единая Россия» — конвертируемая партия. Смотрит, сколько дают в конверте. Куприянов может дать больше.

— Полк лейб-гвардейских гусар, вооруженных дуэльными пистолетами, готов выступить по первому сигналу,— докладывал обстановку в армии министр обороны Дезодорантов.— Кирасиры по-прежнему верны престолу. Гардемарины, как всегда, лишают невинности курсисток Смольного, но присяге верны, стервецы. А вот казачий эскадрон, на призыв олигарха Березовского быть жестче с жидами, кричал: «Любо!»

— Господа, спасибо за службу. Действия не заставят себя ждать. А сейчас мне нужно побыть одному,— сказал Есаул, выпроваживая соратников.

Еще некоторое время лежал, прислушиваясь, как стихает сердечная боль. Затем поднялся и принялся ходить по каюте. Ходил, прихрамывая, боясь наступать на левую ногу. Там, в фаланге мизинца, укрывалась драгоценная «точка», при неосторожной ходьбе можно было ее раздавить, как робкого светлячка на тропинке.

При всех огорчениях и напастях он мог себя поздравить. Замысел врагов становился все очевидней. Он столкнулся не просто с научной теорией, управляющей природой людей. Не просто с индустрией, способной производить мутантов и биороботов. Не только с грандиозной социальной концепцией, направленной на изменение общественных отношений и установление строя, который мог именоваться «биофашизмом». Он имел дело с новой религией, небывалой метафизикой, в которой человечество существовало без Человека, Бог был равносителен смерти, а исчезновение бытия было целью самого бытия. И все это было готово обрушиться на Россию новыми ужасными испытаниями.

Нет, этого он не допустит. Еще несколько деталей сатанинского плана, и он ответит разящим ударом. Разрушит сатанинский план. Спасет Россию от гибели.

Приближалось время, когда Словозайцев начнет демонстрацию высокой собачьей моды. К этому моменту надлежало быть во всеоружии.

Есаул извлек из ящика бумажный конвертик, в котором хранился волос, выпавший из усов губернатора Русака. Легкий завиток, слабо наэлектризованный, прилепился к бумаге. Есаул достал стакан тонкого стекла. Налил некрепкий раствор календулы. Добавил несколько капель эвкалиптового масла. Раздавил и выжал ягодку облепихи. Кинул кристаллик глюкозы и ждал, когда тот растворится. Пинцетом вынул из конверта волосок и, держа над стаканом, поднес к нему пламя зажигалки. Волосок вспыхнул, сгорел, и легчайший прах просыпался в зеленоватый раствор. Есаул пинцетом перемешал в эликсире молекулы пепла. Достал одноразовый шприц. Насадил иглу. Всосал в шприц прозрачную, травяного цвета, влагу. Выдавил хрупкую струйку. Положил наполненный шприц на край стола. Вызвал к себе верного капитана Якима.

Теплоход плыл под голубой негасимой зарей. Бирюзовые воды отражали лазурь, в которой брезжили иные миры, витали пленительные духи, посылали на землю весть об иных пределах, о нескончаемом блаженстве, о длящейся вечно жизни. На верх-

ней палубе вдоль подиума горели свежие огни, волнующие своей чистотой. Подиум, застеленный светлым ковром, казался белоснежной, блестящей под фонарями дорогой. Гости уселись за столиками, в стекле переливались разноцветные коктейли, мерцал лед, золотилось шампанское. Есаул с соратниками сидел поодаль, отчужденный от прочего общества. Его старались не замечать. Он же замечал все — хмурого Франца Малютку, исполненного ревности к своей необузданной жене, пожелавшей отдаться Куприянову. Самого Куприянова, превратившегося в напыщенного самодовольного гордеца, после того как цветные молекулы перестали сообщать ему пророческое вдохновение. Посла Киршбоу, пребывавшего в задумчивости, отославшего в Госдеп очередную шифровку о странных событиях, свидетелем которых он явился. Добровольского, пребывавшего в приподнятом настроении, как если бы ему выпал карточный выигрыш или молоденькая куртизанка усладила его по-французски. Губернатора Русака не было за столиком, и это тоже с удовлетворением отметил Есаул.

Вспыхнул аметистовый прожектор, и в его лучах возник кутюрье Словозайцев. Он был облачен в оранжевую хламиду буддийского монаха. Его босые ноги бесшумно ступали по ворсу ковра.

Череп был наголо выбрит. Длинные персты сжимали благовонную палочку, от которой струился серый дымок. Что означал этот образ восточного мудреца и философа, оставалось только гадать. Быть может, он намекал на кармический круг превращений, в котором вращалась заблудшая душа, переселяемая генными инженерами из человека в паука, из лягушки в горного орла, из микроба в повелителя человечества. Или же, напротив, он давал понять, что есть путь избавления от изнурительного круговорота форм, идей и страданий и душа, следуя за благовонным дымком, покинет абсурдное бытие и превратится в зарю, в абсолютную лазурь, в нескончаемое блаженство.

Словозайцев благостно улыбался и кланялся, обращая к собравшимся свое подкрашенное белилами луновидное лицо, обретшее сходство с ликами храмовых статуй.

— Любезные зрители, не хочу утомлять вас долгим показом. Отнеситесь к тому, что вам предстоит увидеть, как к милой шутке, которую позволил себе творец, отдыхающий от высокого творчества. Собаки, если они долго живут в доме, обретают сходство с хозяевами. Нам же удалось добиться этого сходства лабораторным путем, вводя в генетические структуры животного кле-

точный материал той или иной именитой персоны. Вам будет не трудно угадать, с кем из деятелей нашего общества породнилась собака. Вы различите в облике собаки черты фамильного сходства, и для вас по-новому прозвучит известное словосочетание «сукин сын». Оно берет свое начало из глубокой древности, когда скрещивание людей и животных происходило не в лабораторных условиях, но в обычных собачьих будках, или на псарнях, или на пастбищах, где скушающий пастух, вспоминая о доме, в час, когда дремлет стадо, мог приласкать тоскующую, как и он сам, собаку. Это направление в нашей лаборатории не главное, скорее побочное. Но несколько молодых генетиков взялись за скрещивание овчарок и кинологов, надеясь добиться оптимального взаимопонимания животного и человека, что необходимо при обезвреживании чеченских фугасов. Интересные результаты получены от скрещивания поисковой собаки и рецидивиста-уголовника — у гибрида появилось то, что детективы называют «нюх на преступника». И конечно, мы не обошли вниманием проблемы границы, которая в нынешней России разительно отличается от границы СССР. Нам уже нет необходимости скрещивать пограничных собак с персами, турками, поляками, румынами и болгарами. Теперь мы скрещиваем их с украинцами, латышами, эстонцами, казахами и грузинами. Не все наши вчерашние братья легко поддаются скрещиванию. Лучше всех скрещиваются эстонцы и латыши. Отгадка этого кроется в происхождении упомянутых народов, в их глубинной природе. Но я отвлекся. Начнем представление.

На подиум вышла первая топ-модель. Ее вел на поводке служитель, приотстав, чтобы не мешать зрителям любоваться пластикой пса и изысканностью его туалета. Это был дворовый барбос с физиономией собачьего простолюдина, умный, хитрый, со следами враждебных клыков, шрамами от камней и укусов. На нем был новенький, ладно сидящий генеральский скюртук, с золотыми погонами и орденскими колодками. Передние лапы, пропущенные сквозь рукава, переступали слегка в раскорячку, что придавало модели особый шарм. Задние лапы облегали брюки с лампасами, сквозь особую прорезь был продет мохнатый, победно загнутый хвост. На голове, между собачьих ушей, красовалась фуражка с высокой тульей, на которой золотился двуглавый орел.

Пока барбос в генеральском мундире бывалой походкой по-левого вояки шел по подиуму, кто-то из зрителей не удержался и крикнул:

— Да это Паша Грачев!

И все захлопали, пораженные удивительным сходством — криволапой походки, лихой осанки, хитрого выражения бегающих умных глаз.

— Вы правы,— произнес Словозайцев.— В 93-м году, во время расстрела Белого дома из танков, Павел Грачев стоял на набережной у гостиницы «Украина», прислонившись спиной к дереву. В руки ученых попала чешуйка его перхоти, прилипшая к древесной коре. Этой частицы было достаточно, чтобы провести скрещивание. Результат налицо.

Дворняга в генеральском мундире прошествовала по подиуму, ловко соскочила и удалилась с лихой небрежностью, с какой генералы покидают плац, чтобы париться в бане и пить водку.

В аметистовом озарении возник холеный породистый спаниель — бархатистая страстная морда, выпуклые, как вишни, глаза, волнистые кудри, нетерпеливое, сладострастное подрагивание кожи. Он был облачен в свободный вельветовый камзол, из рукавов выглядывали белые кружева, в шелковом, небрежно повязанном галстуке торчала золотая булавка. Задняя часть тела с махающим нервным хвостом была свободна от одежды. Весь кобелиный комплект был отлично виден и лишь подчеркивал породистость и артистизм, какой бывает у животных, привыкших к ласке, обожанию и мягким домашним диванам.

— Это Никос Сафронов, я узнала! — выкрикнула продюсер передачи «Тюрьма и воля», равнодушная к известному художнику.— Несносный ловелас, соблазнитель! — И все взволнованно аплодировали, посылали спаниелю воздушные поцелуи. А тот улыбался во все стороны собачьей улыбкой, порывисто и страстно облизывался.

— И на этот раз вы угадали,— комментировал Словозайцев, дымя благовонной палочкой.— К нам в лабораторию попал кусочек ногтя, когда известный эстет делал себе маникюр. Мы приготовили клеточную инъекцию и оплодотворили яйцеклетку породистой суки-медалистки.

Спаниель удалился с сосредоточенным выражением морды, на которой восторг общения с публикой сменился азартом предстоящей работы в ателье, где его ожидала обнаженная натурщица.

На подиуме появился остроносый мопс в застегнутом пальто, в пышном кашне и кожаном картузе, прилепившемся между ко-

ротких ушей. Даже если бы физиономию мопса не искажала постоянная нервная судорога, если бы он не тыкал во все стороны нюхающим мокрым носом и к его пальто не был приколот значок ЛДПР, то все равно кожаный картуз выдавал в нем партийное и биологическое родство с популярным лидером партии. Что и было отмечено радостными возгласами:

— Владимир Вольфович, вы за жидов или за евреев?.. За фашистов или коммунистов?.. За Ельцина или ГКЧП?.. Владимир Вольфович, вы получали деньги от Саддама Хусейна?..

Мопс радостно повизгивал, норовил то ли лизнуть, то ли куснуть. В конце подиума задрал ногу и побрызгал струйкой. А потом, прыгая и натягивая поводок, утянул за собой служителя, словно начиналась передача «К барьеру», где его поджидал злой соперник Борис Немцов.

Словозайцев кланялся бритой головой, поправляя оранжевую хламиду:

— Жириновский во время разговора выделяет огромное количество слюны, в которой изобилуют сперматозоиды. Стоит взять пробу воздуха в комнате, где находился Жириновский, чтобы получить необходимые для оплодотворения клетки. Показанный экземпляр почти усыновлен известным политиком и уже получил членский билет партии и мандат депутата Госдумы.

Есаул внимательно наблюдал за демонстрацией мод. Его знания о враге пополнялись. Отсутствие среди зрителей губернатора Русака убеждало, что тот появится на подиуме, демонстрируя любимую собаку. Во время ужасных сцен, когда свирепая тварь, спущенная с поводка Русаком, вырывала кадык у полковника-националиста и у лимоновца-террориста,— в эти страшные мгновения Есаул не мог разглядеть искаженную ненавистью собачью морду. Но теперь он знал безошибочно: губернатор Русак и страшная псина были похожи. Пес был вырождением, полученным от скрещивания с Русаком. Эту особенность и решил использовать Есаул.

На подиуме показалась толстобокая самка бульдога — вислые губы, оплывшая морда, маленькие, исподлобья глядящие глазки. На голове у собаки был белый шиньон, собранный в пук. Губы в помаде. Все ее сытое неуклюжее тело облегалo широкое платье, из которого высывались мускулистые ноги. Задних почти не было видно, их мясистые ляжки скрывала дорогая ткань, а стопы были обуты в модные туфли. На передних лапах красовались небольшие бриллиантовые часики и браслет с изумрудами.

За ее неуклюжей поступью молча наблюдали зрители, пока шляпа Боярского, знающая толк в женщинах, не воскликнула:

— Да ведь это вице-спикер Госдумы, сама несравненная Любовь Слиска! — И остальные, поймав не слишком выявленное сходство, зааплодировали.

Даме-бульдогу нравились аплодисменты. Она поводила головой, словно искала микрофон. А увидев оператора Шмультрихтера с телекамерой, тут же к нему потянулась, будто собиралась дать интервью.

— Мы воспользовались отпечатком губной помады на стакане с водой, — пояснял Словозайцев. — Госпожа Слиска во время заседаний много пьет, и нам не составило труда заполучить ее стакан. Скрещивание проходило не совсем удачно. Гибрид страдает несварением желудка и требует особых медикаментов.

Топ-модель в шиньоне тяжело соскочила с подиума, и было слышно, как что-то булькнуло у нее в желудке.

Зато следующая топ-модель была само очарование. Миниа-тюрная томная болонка с распущенными до плеч волосами, изящными лапками и милой, пленительной мордочкой. Все тело ее было побрито наголо, нежно белело и робко вздрагивало. На груди красовался розовый бюстгальтер с кружавчиками, бедра обтягивали розовые полупрозрачные трусики. Собачка мелко семенила ногами, умоляюще взирала на окружающих, словно говорила: «Ведь вы меня не обидите? Вы ведь знаете, кто я? Я советница Президента по правам человека Эллы Панфиловой». И впрямь, она была тотчас узнана. Ей рукоплескали. Кинули на подиум вкусную ягоду из коктейля, которую она осторожно обнюхала и проглотила.

— У Эллы Александровны мы раздобыли ее слезу, когда она рыдала по поводу состояния дел с правами человека в России, — пояснял Словозайцев, дымя духовитой палочкой. — Эту слезу мы смешали с брусничным сиропом, добавили каплю духов «Шанель № 6», бросили в раствор крошку мармелада и в таком виде ввели в материнскую плоть. Собачка родилась недоношенной, и ее пришлось долго держать в вате. Зато сейчас она влюблена, у нее сумасшедший роман с сенбернардом, которого вы сейчас увидите.

На подиум вышел печальный облезший пес. Голова у него была лысой, края губ низко отвисли. В желтых зубах дымилась трубка. Он не смотрел по сторонам, лишь изредка опускал башку к подиуму, не слишком радуясь запаху, оставленному его милостливой возлюбленной. На нем был дорогой клетчатый пиджак и галстук-бабочка. Брюк не было. Не нужно было долго его изу-

чать, чтобы признать известного кинорежиссера Говорухина. Это и было сделано зрителями, которые с энтузиазмом хлопали, поднимали бокалы и рюмки, шуточно выкликая:

— Вор должен сидеть в тюрьме, а Говорухин в Думе!

— Так жить нельзя, а как Говорухин — можно!

— Россия, которую мы потеряли, а Говорухин нашел и отдал в «стол находок»!

Сенбернар устало смотрел на насмешников, словно хотел сказать: «Какого хера?» Ушел, даже не вильнув хвостом на прощанье.

— Станислав Сергеевич имеет обыкновение подолгу орудовать зубочисткой, — давал пояснения Словозайцев. — Когда он откушал в «Метрополе» суп из омаров и ждал вырезку молодого барашка, официант, по нашей просьбе, унес его зубочистку, которая и послужила источником клеточного материала. Первый опыт осеменения прошел неудачно. В результате скрещивания возник полусенбернар-полуомар. Мы долго смеялись, глядя, как собака с трудом передвигается, опираясь на клешни. Но со второй попытки родился вылитый Станислав Сергеевич — того времени, когда он считал московскую власть самой криминальной в России и еще не пользовался ее покровительством.

На подиуме, сменяя одна другую, появлялись собаки с человекообразными физиономиями. Тут был энергичный эрдельтерьер, похожий на музыканта Макаревича, оскалившийся, тяжело дышащий, с небольшой гитарой через плечо. Страстный симпатичный песик в неряшливом свитере, который неудержимо хрипел и лаял, — вылитый телеобозреватель Михаил Леонтьев. Худющая остроносая борзая, с впалыми боками и голодным блеском в глазах, в которой все узнали вице-премьера Жукова.

Наконец настал момент, которого так ждал Есаул. У подиума, ожидая своей очереди, появился губернатор Русак со своей собакой, которую держал на поводке. Их сходство было поразительным. Те же недоверчивые, злые, с фиолетовой поволокой глаза. Те же усы, ниспадающие на брызгливые губы. Тот же низкий наморщенный лоб, в котором гнездилась одна-единственная мысль — кому бы вырвать кадык. Было видно, что их связывает не просто родство отца и сына, но и глубинная ненависть, рожденная травмированными хромосомами. Пес был облачен в специально скованные для него рыцарские доспехи — голубоватые, прикрывавшие грудь латы. Стальной шлем, из которого вы-

глядывала усатая морда. Стальные пластины, облежавшие все четыре ноги. На бедре качался рыцарский меч. Шею оведал шелковый бант цвета морской волны — знак того, что у рыцаря была дама сердца. Есаул всматривался в обоих, в отца и сына, моля, чтобы его затея удалась.

Появился капитан Яким в своем белоснежном мундире. Проходя мимо «пса-рыцаря», наклонился и едва заметно коснулся места, что слыло уязвимым для закованных в латы бойцов,— того, где на крестце сходились пластины доспехов. Быстро вколол шприц, выдавил под кожу вакцину. Прошагал дальше, кланяясь дамам, отдавая честь мужчинам. Есаул с удовольствием отметил, как ловко и безукоризненно действовал верный офицер.

— А теперь, любезная публика, я хочу продемонстрировать пример удивительного слияния генов — благородной собаки и благородного человека. И хоть господин Русак утверждает, что его тотемным зверем является заяц, обитатель русских лесных опушек, но генетический анализ показал, что его дальний предок и предок собаки динго были одно и то же. Лишь случайность разделила их и повела разными путями эволюции. Но в нашей лаборатории эти пути вновь сошлись. Гены, тосковавшие друг по другу долгие тысячи лет, наконец, встретились и празднуют эту встречу.

На подиум вышел губернатор Русак и его закованный в латы сын. Русак торжествовал, был преисполнен отцовства. Впервые демонстрировал публике своего отпрыска, кому, быть может, передаст по наследству древнерусский город с давними традициями демократии, известный своими ганзейскими связями. «Западник», сторонник свободы слова и «выборности губернаторов», он никогда не скрывал своего неприятия пресловутой «вертикали власти». Хотел, чтобы будущий Президент Куприянов приметил его сына, приблизил молодого человека, получившего образование в Оксфорде, способного менеджера, знатока языков, обходительного в манерах. Лучшего пресс-атташе не найти. Работоспособность громадная. В рот не берет спиртного. Не замечен в карточной игре и разврате. Наследственный антифашист. Спас еврейского отрока, когда тот безуспешно пытался утонуть в Мертвом море, а насыщенная солями вода выталкивала утопленника, как пробку.

Губернатор Русак вел на поводке сына, демонстрируя его гостям и особенно Куприянову. Тот милостиво рассматривал лицо молодого человека, выглядывающее из-под забрала.

Настойка календулы, насыщенная пеплом сгоревшего волоска, достигла мозга собаки. Хромосомы Русака, те, что содержались в вакцине, и те, что жили собачьей жизнью в теле сына, встретились в уродливой комбинации, порождающей «генетический взрыв». Вся накопившаяся в собаке ненависть — избиения плетью, пытки электрическим током, принуждения к сожительству, чтение вслух воспоминаний Валерии Новодворской, — все это полыхнуло в башке животного кровавым затмением. Лицо отца превратилось в мертвенную луну, на которую голодными ночами выли далекие предки. Эту кровавую луну, источник вечных страданий, круглую, как колесо бессмысленных воплощений, следовало разорвать на куски. Собака напрягла мускулистое тело, сясь раздвинуть сталь доспехов. Оттолкнулась от подиума четырьмя ногами и, сияя в лучах прожектора синей сталью, ринулась на мучителя. Ее блестящие клыки впились в кадык Русака. Собака повисла. Кусок пищевода с кожей стал медленно выпадать из глотки под тяжестью песьего тела. В горле Русака зияла жуткая смердящая рана, хлестала кровь. Он зажимал дыру, падая на подиум. Все визжали, разбегались, сметая оранжевого монаха с бритой головой, роняя бокалы и рюмки, — предметы вакхических возлияний. С высоты, из голубой негасимой зари, звучали вещие стихи Иосифа Бродского, предвещавшие конец Русака от клыков отцеубийцы:

...И в этом пункте планы Божества
И наше ощущение униженья
Настолько абсолютно совпадают,
Что за спиною остаются ночь,
Смердящий зверь, ликующие толпы,
Дома, огни. И Вакх на пустыре...

Есаул торжествующее встал. Удаляясь, наступил каблуком на дымящую благовонную палочку. Матросы подхватили бездыханного Русака, отнесли в морозильный отсек. Уложили в гроб, рядом с покойницей Толстой-Кац. Накрыли гроб красного дерева американским флагом, свернув его так, как научил их посол США Киршбоу. Аккуратно поправили складки.

Часть шестая

«Я В ПОТЕМКАХ НАЙДУ...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Глубокой ночью, пылая, словно золотой ковчег, теплоход причалил к острову. Озарил прожекторами дощатую, полную народа пристань, каменный, вымощенный булыжниками путь, ведущий к монастырским воротам. Высокая стена, башни, купола, колокольни — старинная обитель была окружена ночными деревьями, непроглядной чащей с тонким проблеском скрытого в кронах креста. Пассажиры, разбуженные колоколом, вышли на палубы, дивясь на сказочный монастырь. Изумленно вглядывались в причал со встречавшими монахами — черные мантии, клобуки, фонари в руках, красный уголек кадила, и над всем — радостное уханье незримого колокола, извещавшего о прибытии желанных гостей.

Все поспешили на пристань. Дамы кутались в шали, спасаясь от ночного озерного ветра. Мужчины взирали на древнюю красоту куполов и шатров, кланялись встречавшим монахам, сыпали деньги в шапки калек и нищих. Предвкушали новые, ожидавшие их впечатления.

Есаул, не сомкнувший глаз, нетерпеливо смотрел на обитель. За стенами, удаленный от богомольцев и многочисленных служб, в тихой келье доживал свой век святой старец, схимник Евлампий, духовник Есаула.

Мимо торопилась сойти на берег мадам Стеклярусова, жеманно, на ходу, подкрашивая губки. Ее красавица дочь Луиза Кипчак уже с палубы строила глазки монахам, приподымала юбку, открывая стройную ножку. Добровольский, ступив на пристань, оказался в объятиях могучего игумена, чья кольчатая смоляная борода делала его похожим на Навуходоносора. Куприянов отвечал на поклоны монахов, словно перед ними был сам Патриарх. Посол Киршбоу, большой знаток русской старины, старался вдохнуть сладкий дым лампы, опускал стодолларовую бумажку

в ладонь увечного. Словозайцев наивно и радостно улыбался богомольцам — наклонился и что-то ласково сказал молодой измученной женщине с большим животом, который она заслоняла измученными руками, страшась за свое нерожденное чадо. Лысинка Жванецкого как всегда хихикала, слушая русский колокол. Шляпа Боярского выискивала среди паломников молодые женские лица. Усы Михалкова подошли под благословение к батюшке и картинно, истово целовали протянутый крест.

Среди сходящих на берег пассажиров Есаул увидел маленькую девочку, ту, что упросилась на теплоход с фольклорного праздника, когда крепостные крестьяне арт-критика Федора Ромера водили хоровод вокруг последней русской ракеты. Девочка среди ночных огней казалась хрупкой и нежной. На тонкой шее краснели стеклянные бусы. Голубой сарафанчик пузырился от озерного ветра. Лыковые лапоточки трогательно переступали по палубе.

— Дяденька, а мне можно на берег? Я к маме хочу,— спросила она Есаула.

— Не нужно, милая, потеряешься,— сказал Есаул.— На обратном пути мы тебя к маме доставим.

Мимо проходил капитан Яким.

— Капитан, отведите девочку в каюту и дайте ей клубнично-го мороженого и «сникерс». Пусть дитя спокойно уснет.

— Будет сделано, Василий Федорович.

Вслед за прочими Есаул вышел на пристань, когда уже служили молебн. Игумен, растворяя в густой бороде рокочущий зев, возглашал:

— Иже приплывающе по водам бескрайне, яко ковчег грядуще со многими дарами и опресноками, бо нисходяще на стезю пречистых оумовения дивноприсных и откровение еси...

Есаул пытался вникнуть в рокоты древнего языка, в котором чудилась загадочная, недоступная разумению весть. Но смысл ускользал. Закопченные фонари в руках у братии с пылающими в стеклах свечами, кадила, в которых озерный ветер раздувал рубиновые угли, кружили голову. И он, закрыв глаза, внимал рокочущим песнопениям.

— И вознесохо от земель бренных и червь снедающий, або скрытен и поползновением иссякающе, до воскрешения волею человеков и обретаемых в могилах вечных, духом раскрываемы и воспряше человеколюбце...

Что-то важное, тревожное, скрытое от постижения чудилось Есаулу в словах игумена. Смысл ускользал, словно его вымывало ветром. И только «лобное око» тревожно вращалось в глазнице, выглядывая кого-то в ночи.

— И всякую снедь, и млеко, и яства горние на пирах пречистых во днесь избавления и прославления, яко тенета в пучины вод бросаемы, рыба озерная лабардан, изъятий из волн на обретение и вкушение днесь...

Молебен окончился. Чернобородый игумен сверкнул в смоляной бороде белозубой улыбкой, кланяясь дорогим гостям:

— Теперь же, братья и сестры, добро пожаловать в нашу смиренную обитель. Хотя вы и устали с дороги, но смею предложить вам ее осмотреть. Затем приглашаю на монастырскую трапезу, во время которой вам будет предложена озерная рыба лабардан, редкий экземпляр, изловленный рыбаками-монахами в глубинах нашего озера. По преданию, такой же рыбой потчевали патриарха Никона, когда тот, уже в опале, прибыл в нашу обитель и был премного утешен, вкусив этой нежной диковинной рыбы.

— Люблю рыбку,— оживился Добровольский, плотоядно облизываясь.— А как, простите, готовят эту самую рыбу лабардан?

— Кладут на лед, замораживают, а потом секут на куски и едят сырой, как строганину,— охотно объяснил игумен.

— Рыбка — слабость моя. Не терпится отведать,— потирал стариковские ручки Добровольский.

Игумен откинул мантию и поправил рясу. На мгновение обнажились начищенные сапоги, и Есаул с удивлением заметил, что их пятки были тесно составлены, а мыски разведены врозь. Подобным же образом были поставлены ноги остальных монахов, а также Добровольского, Куприянова, Круцефикса и некоторых других, включая усы Михалкова.

Монахи и гости величаво потянулись в обитель, где продолжал ухать приветственный колокол. Есаул же, улучив минуту, отделился от толпы и направился в дальнюю келью к святому схимнику.

Келья, куда привел его молчаливый служка, была слабо озарена двумя свечами. Почти все пространство занимала кровать, и на ней, плоско, во всю длину, лежал схимник Евлампий — остроконечный черный капюшон, черная схи́ма, на которой страшно и великолепно, белым шитьем, было начертано распятие, выведены ступени Голгофы, глазел Адамов череп и белели кости.

Из-под капюшона смотрели запавшие немигающие глаза. Белая как снег борода невесомо покрыла ткань схимы. Из рукавов выглядывали огромные стариковские руки с костяными недвижными пальцами в черно-синих венах. В головах стояла тумбочка, уставленная пузырьками лекарств, флаконами, чашками, — ералаш, какой царит в комнате смертельно больного. Воздух был душен, пропитан медикаментами. Казалось, свечам трудно гореть в этом недвижимом загустелом воздухе, они задыхаются и скоро погаснут. Все стены были увешаны иконами, в окладах, иные за стеклами, перед которыми висели погашенные лампы. На стене, в ногах старца висел крупный образ святомученика царя Николая, в мундире, полковничьих погонах, с золоченым нимбом вокруг лобастой головы. Над кроватью схимника на железной петле висела седая, с затесами и зарубками доска, в которой виднелись две темные дыры, будто дерево было пробито гвоздями.

Есаула, как только он оказался в келье, едва увидел немощное, изможденное хворыми и постами лицо, огромные, мерцающие в костяных впадинах глаза, — охватила горячая нежность, слезная любовь, сострадание и острое влечение к дорогому человеку.

Старец медленно перевел на Есаула глаза, и они утратили определенность и истовость, наполнились слезной радостью:

— Вася, пришел... Я ждал... Долго же ты добирался...

— Отче! — Есаул упал на колени перед ложем, хватая холодную, тяжелую руку. Стал покрывать ее поцелуями. — Благослови меня, отче!

Вторая рука тяжело, словно темная усталая птица, оторвалась от постели, воспарила над головой Есаула и трижды, с усилием, перекрестила его.

— Ждал тебя, Вася... Следил за тобой оком духовным... Видел твои боренья и страсти... Звал тебя... Скоро умру...

— Отче, я присылал лекарства, гостинцы. Не мог раньше выбраться. Но стремился к тебе душой.

— Ты весь в сражении. Времена порубежные. В этой брани уже нет посторонних. Либо за, либо против. Вижу, как ты сражаешься. Ты воин Христов!

— Хочу тебе исповедаться, отче. Обуревают сомнения. Прав я или нет. Задумал грозное дело. Через день его совершу. Звал Ангела, чтобы он мне снова явился. Повторил мне слова, что тогда в Афганистане сказал. Не является. Хочу тебе исповедаться.

— Ты и так исповедуешься. Каждая твоя клеточка глаголет. Глаза старца, исполненные любви и слезного блеска, сияли из-под черного капюшона. Серебряная борода шевелилась от негромких слов...

— Хорошо, что успел доехать... Последний раз видимся...

— Отче, я доктора пришлю замечательного. Хочешь, возьму тебя отсюда в больницу? Лучшие врачи, отборные лекарства. Поправишься.

— Мой доктор на небесах.— Старец Евлампий перевел глаза на стену, где в сумрачных тенях висел царский образ. Колыхания света блуждали по лику, золотому нимбу, блестящим эполетам мундира.— Государь молится за меня, зовет к себе. Он и за тебя молится, Вася. За всех праведников и подвижников, которые Россию спасали и поныне спасают. И за всех грешников, которые Россию мучили и поныне мучают.

Есаул стоял на коленях перед старцем, чувствуя, как в воздухе, еще недавно затхло, полным болезненных испарений, повеяло чудной прохладой, чистым благоуханием, будто отворили окно в сад, где, невидимые в ночи, цвели деревья. Это было дуновение любви, исходящей от старца, преображающей болезненный тварный мир в духовное пространство, где «несть болезней, печалей».

— Видишь, доска на стене.— Схимник слабо кивнул на висющую доску с двумя отверстиями, похожими на следы от гвоздей.— Ее подарил мне знакомый архимандрит, который тайно проник в подвал дома Ипатьевых и вынес оттуда доску. В ней следы от пуль, убивших государя и наследника. Когда молюсь Христовой молитвой, и государь меня слышит, тогда из доски, из черной дыры, как из государевой раны, вырастает роза и пахнет дивно. Вот помолимся с тобой, Государь нас услышит, и расцветет роза, цветок небесного сада.

Есаул смотрел на седое, в рубцах и зазубринах дерево, в темные, уходящие в древесину скважины, сквозь которые пронесся окровавленный горячий свинец, умчался в бесконечность. Оттуда, из узких пробоин, сквозил божественный свет, сочилась лазурь, мерцали две серебристые далекие звезды, словно сквозь доску вели две тонкие дороги в Рай. Там, в окружении белых и алых роз, стоял государь в мундире полковника, прекрасные светлоликие барышни, милый отрок, и царица положила на царский погон легкую белую руку.

— Отче.— Есаул чувствовал легчайшее кружение головы, какое бывает в горах, вблизи сверкающих вершин, где воздух насыщен озоном и прозрачными спектрами, от которых случается сладкое опьянение.— Хотел тебя спросить, отче. Когда виделись в прошлый раз, мы говорили о воскрешении мертвых и о «жизни вечной», на которую устремлен замысел Божий «о человеках». Ты обмолвился о некоем ученом с иностранной фамилией, с которым познакомился, когда занимался генной инженерией. Что это за история, напомни.

Старец шевельнулся, и вместе с ним шевельнулось белое, с фосфорным свечением распятие схимы, будто он силился сдвинуть с себя могильную плиту, желая еще побыть в этой жизни, куда возвращал его вопрос Есаула:

— Ты, Вася, мою историю знаешь. Я был профессором генетики, доктором наук. Прекрасная лаборатория, с советских времен. Лучшие ученые, импортное оборудование. Читал курс в университете по генной инженерии и биотехнологиям. Ко мне обратились люди из разведки. Принесли секретные документы, где их агент из Америки сообщал о существовании некоего плана под кодовым названием «Черный ворон». Он выглядел фантастично. Речь шла о массовых поставках из Соединенных Штатов дешевой курятины, а именно того, что в России называют «окорочка Буша». Когда окончательно рухнуло наше сельское хозяйство, птицеводство и животноводство и возник острейший дефицит мяса, предвестник массового голода, тогда американцы предложили Ельцину дешевую курятину в обмен на уничтожение русских ракет. В России стали резать ракеты и взрывать шахты, а из-за океана пошел вал дешевой и питательной курятины... Поставкой курятины занималась никому не известная американская фирма, которую якобы курировало ЦРУ. А в России распространением окорочков занималась другая фирма, созданная бывшими сотрудниками КГБ. В Америке были построены гигантские птицефабрики по разведению кур, бойни, морозильники, рефрижераторный флот, который вез мясо через океан. В России его получала дочерняя фирма и оперативно рассылала по всем крупным городам на западе и на востоке страны. Люди из разведки просили меня провести генетическую экспертизу мяса, в котором, по показаниям агента, содержались генетически опасные присадки, специально внесенные в клетки птицы еще в период выведения из яйца и выкармливания... Я принял образцы куриного мяса и, ис-

пользуя открытые мною методики и новейшее оборудование, обнаружил в куриных тканях имплантированные чужеродные клетки. В них содержались человеческие гены, которые мощно воздействуют на тех, кто питается этим мясом. Не стану обременять тебя научными формулами, но если говорить на понятном языке, то в пресловутых «окорочках Буша» оказались «клетки уныния», «клетки бесплодия», «клетки суицида», «клетки безволия». Попадая в организм человека, они отравляют его живую ткань и порождают духовный упадок, чувство абсурда, парализуют жизненную волю, приводя у женщин к бесплодию, а у мужчин к импотенции. Блокируют в женщине материнский инстинкт, а в мужчине — инстинкт отца. Люди, употребляющие в пищу это генетически отравленное мясо, гибнут физически и духовно. Желая погасить невыносимое чувство тоски, они начинают безудержно пить, принимать наркотики, впадают в различные формы социальных безумий и фобий. К ним является тот, кого называют «бесом уныния». Они впадают в этот тяжкий грех, который ведет к разрушению всех жизненных основ и, в конечном счете, к самоубийству. Это открытие ошеломило меня. Ошеломило людей разведки. Мы имели дело с гигантской спецоперацией по истреблению населения России. Недаром Буш-старший был стратегическим врагом СССР, руководил подрывной работой ЦРУ, в ведении которого находились засекреченные лаборатории генетиков. По просьбе наших разведчиков я составил подробный отчет о проделанной экспертизе, с анализом возможных общенациональных последствий. Через неделю после того, как я передал им записку, на меня наехал грузовик, переломал меня, и я три месяца лежал в больнице на грани жизни и смерти...

И сейчас схимник находился на грани жизни и смерти. Жизнь и смерть, которыми он занимался в свою бытность ученым, оставались предметом его помышлений в этой монашеской келье. Келья была лабораторией, где в лампадах, в этих волшебных сосудах, светился таинственный огонь воскрешения. Образа излучали мистическую энергию святости, превращавшую тленную плоть в бестелесный нетленный дух. Молитвы отходящего в смерть человека обращали его в вечную горнюю жизнь. Вместо лаборантов в белоснежных халатах, ученых с электронными микроскопами здесь незримо реяли ангелы, веяли райские силы. Доска на стене, пробитая смертоносными пулями, была калиткой в сад вечной жизни. Старец в схиме приоткрывает калитку в сад и уйдет

туда, где цветут небесные розы, и ждет его снискавший вечность преподобный царь-мученик.

— Ты спросил меня о том иностранном ученом. Когда я лежал в больнице и начал уже выздоравливать, ко мне пришел посетитель. Он представился американским генетиком русско-го происхождения. Его звали Савл Зайсман. Он приглашал меня уехать в Америку. Обещал прекрасную лабораторию, чудесную виллу на берегу лесного озера, полный комфорт, богатство. И, главное, захватывающую работу в области генной инженерии, которую вела транснациональная корпорация, разрабатывающая биотехнологии. Он был очень приветлив, обаятелен. У него был прекрасный русский язык. Мы долго разговаривали в палате. Я узнал от него удивительные вещи... Савл Зайсман представился правнуком Троцкого. Его прабабушка, известная революционерка, ездила с Троцким в литерном вагоне по фронтам Гражданской войны, и у ней появился незаконнорожденный отпрыск, который уцелел во время сталинских чисток. Он от матери узнал о тайне Троцкого, о «формуле генетического преобразования России». Савл Зайсман получил эти сведения по наследству. Он окончил в Москве университет, а потом, в начале перестройки, уехал в Америку. Там он собирал сведения о «великой биореволюции», которую начал осуществлять Лев Давыдович. По его словам, создав Первую конную армию, а затем и Вторую, Троцкий испугался роста антисемитских настроений в рядах красных конников. Участились случаи неповиновения еврейским комиссарам, крестьянские и казачьи выступления против Троцкого лично. Однажды, выйдя из своего литерного вагона, чтобы произнести зажигательную речь перед бойцами, он обнаружил написанное на вагоне слово «жид». Одержимый идеей интернациональной мировой революции, он возгорелся мечтой создать армию интернациональных бойцов, свободных от пережитков русского шовинизма, который он выкорчевывал огнем и мечом во время подавления крестьянских и казачьих восстаний. Он добился от Совнаркома выделения огромных денег на строительство секретного генетического центра. Там проводились эксперименты по искусственному выведению людей. Именно в этом центре спаривались люди и обезьяны, делалась попытка стереть у человека историческую память, создать бойца, для которого еврей был бы таким же генетически родственным образом, как тотемный зверь. Именно в этой секретной лаборатории попытались вывести кентавра, человека-

коня с туловищем бойца и крупом лошади. Армия, составленная из подобных кентавров, вооруженная саблями, в сопровождении обозов с сеном и фуражом, должна была составить костяк Третьей конной, которую Троцкий хотел бросить на европейский театр войны. Однако эти планы разрушил Сталин...

Что-то безумное и знакомое чудилось Есаулу в повествовании схимника. Будто это было воспоминание о недавнем ночном кошмаре, куда погрузилась душа в запредельных странствиях. Сон во всех ужасающих подробностях отлетел, оставив на лбу отпечаток холодного слизистого моллюска, канувшего в непроглядную бездну. Есаул старался что-то вспомнить, восстановить улетевший сон, но картины кошмара не повторялись, лишь оставался страх помрачения.

— Борьба Сталина с Троцким и с троцкистами велась вокруг «генетического проекта», который отстаивал Троцкий. Были сделаны грандиозные открытия в генетике, созданы кадры замечательных ученых, опробованы технологии, началось создание первых клонов для нужд кавалерии и авиации. Тухачевский требовал тысячу клонов для комплектации танковых экипажей. Радек просил несколько клонов для театра Мейерхольда, они играли в знаменитой постановке «Лес», совершая опасные для жизни кульбиты и обеспечив успех спектакля. Кандинский, Малевич и Татлин были допущены в секретные лаборатории, и их авангардное искусство, которые многие называют «условным» или «абстрактным», было реалистическим. Они рисовали клетки под большим увеличением, жизнь сперматозоидов в среде влагилица, оплодотворение яйцеклетки. Черный герметический бокс, непроницаемый для света, абсолютно изолированный от внешней среды, где созрел воин-кентавр по кличке Буденный,— был изображен Малевичем в виде «Черного квадрата». Сталин, православный человек, знаток Священного Писания, восстал против сатанизма Троцкого и последовательными ударами ликвидировал троцкизм и связанные с ним генетические планы переустройства России. Те, кто изучал в архивах НКВД протоколы допросов троцкистов, может подтвердить, что разговор шел о генетике, о формуле генома человека, о тех грандиозных открытиях, которыми владел Троцкий. Следователи пытками старались вывести тайну генома, но подследственные ею не владели, говорили только намеками. Троцкий, который вывез «геном» в Мехико, был готов передать его американской разведке. Тогда Сталину ничего не оставалось,

как убить Троцкого. Он послал в Мехико Меркадера, и тот исполнил задание. Однако тайные троцкисты, уцелевшие в партии и в госбезопасности, выкрали прах Троцкого, а также прах расстрелянных Бухарина, Зиновьева, Каменева и Радека. Перевезли их на этот остров, и теперь за стенами монастыря находятся пять безымянных могил, где спрятаны упомянутые мною кости. «Могила пятерых братьев» — так называют ее монахи...

Схимник вздымал грудь, волновал покров бороды, блистал глазищами из глубоких глазниц. Схима с Голгофой, белоснежным крестом, берцовыми костями и черепом шевелилась. Казалось, колышется могильная плита, под ней силится восстать и воскреснуть длинный скелет, облечься в плоть, наполниться соками жизни, выйти на свет из-под мертвенного, тяжелого камня. Есаул чувствовал, как хрупкая стена, отделяющая бытие от небытия, напрягается, выпукло давит, за ней плещет, рокошет полная мрака, непосильная для разума тайна, соприкосновение с которой грозит безумием. «Могила пяти братьев» была упомянута Добровольским в самом начале плавания. Тогда все это казалось игрой воображения, фантазией коварного старика. Ничего общего не имело с той опасной борьбой, которую Есаул вел с предательским окружением Куприянова. Теперь же политическая борьба, в которой он не имел себе равных, отступила, и обнаружился ужасающий, мистический замысел. Наука достигала высот богословия, религиозные пророчества облекались в постулаты молекулярной биологии. Конец бытия, отнесенный в писании в далекое, недостижимое будущее, вдруг придвинулся, приобрел календарный смысл, совпал с его, Есаулом, жизнью.

— Обо всем этом рассказал мне Савл Зайсман, навестив меня в больнице, — продолжал старец. — Он также рассказал, что генетик Вавилов участвовал в строительстве «Троцклонстоя», а после отъезда Троцкого продолжал генетические эксперименты по воскрешению героев революции. Он был уничтожен Сталиным как генный инженер, почти добившийся воскрешения матроса Железняка и Блюмкина. Еще Савл Зайсман сказал, что существует план воскрешения самого Троцкого, чтобы узнать у него детали того грандиозного биотехнологического проекта, тайну которого он унес с собой. Савл Зайсман приглашал меня принять участие в этом воскрешении. Я обещал дать ответ через неделю. На следующую ночь ко мне явился Государь с розой в руках, из которой капала кровь, и сказал: «Ступай в монастырь». С тех пор я

здесь, на острове. Жду, когда явится Савл Зайсман и вместе с масонами-черноризцами предпримет попытку воскресить Троцкого. Я помешаю им это сделать, не дав сконцентрироваться энергии тьмы, которую посылает им Дьявородица. Противопоставлю им энергию любви и Христовой молитвы, которая ослабит их демонический импульс, и могила не разверзнется.

Есаул слышал, как лопается и хрустит тончайшая стеклянная преграда, отделяющая келью от черного океана. Как выпадают ломти стекла из стенки аквариума, и в пролом начинает врываться, вламываться жуткая, невыносимая для разумения истина. Два пространства сомкнулись. Бытие смешалось с небытием. Миф и реальность совпали. Имя «Савл Зайсман» наложилось на имя «Словозайцев» — оба принадлежали одному человеку, и этот человек был на острове, где монахи-масоны под звуки ночного колокола отправились вокруг монастыря к «Могиле пятерых братьев», чтобы осуществить магический обряд воскрешения Троцкого.

— Отче! — воскликнул Есаул, сжимая хладную руку схимника. — Отче, ты открыл мне глаза!.. Я понял, к чему призывал Ангел, когда явился мне в афганской пустыне. Теперь я знаю, что делать!.. Благослови меня, отче!.. Пойду сейчас к «Могиле пяти братьев» и убью из автомата все масонское скопище во главе с Савлом Зайсманом!.. Лучшего момента не найти!.. Одна длинная очередь из «калашникова», и Россия будет спасена!.. — Он целовал костяную руку, припадал к ней щекой, желая, чтобы истекающая из старца одухотворенная жизнь коснулась его, наполнила сердце благой истиной и священной решимостью. — Отче, благослови!..

Схимник с усилием оторвал от постели ладонь. Перенес к голове Есаула. Наложил на темя. Есаул затих под тяжестью холодной стариковской руки, под властной дланью духовника.

— Сын мой, больше нельзя убивать. В России слишком много убито. Под каждым камушком, под каждой травинкой, под каждой избой или храмом лежит убитый. Что бы ни построили на этой земле, все упадет — кости убитых ничему не дадут устоять. Какую державу построил Сталин, какие города и ракеты, какие корабли и заводы, какую армию и подводный атомный флот, — все упало, когда зашевелились неотмоленные кости убитых. Каждый убиенный должен быть отмолен. Каждая слезинка должна быть омыта святой водой. Каждый крик ненависти и страдания должен утихнуть среди молитвенных песнопений любви. Только

любовь может спасти Россию. Бесконечная, исполненная любви и благоговения молитва способна преобразить зло в добро, смерть в жизнь, убиение в воскресение. Только любовь превращает неживую кристаллическую песчинку в трепещущую живую молекулу. Собирает эти молекулы вместе. Сотворяет дивный цветок или волшебную птицу. Приводит в мир человека или целый народ. Когда я работал генетиком, я стремился выделить «ген любви», одухотворяющий плоть, открывающий путь к бессмертию. Любовь в мировой пустоте держатся миры и светила, затягиваются «черные дыры», вспыхивают и расцветают галактики. Царь-мученик молится за Россию, отмаливает ее грехи и паденья. Его любовь безгранична. Когда умер последний боец конной армии, и вся она перенеслась на небо, царь возглавил ее. Вся она со своими командирами, кавалеристами, стягами, буденовками превратилась в Церковь Воинствующую, которая летит по небу, неся на своих саблях и пиках не смерть, а любовь. Ты говорил мне про Ангела, который явился тебе в пустыне и призывал к отмщению. Это может быть прельщение. Искуситель мира сего мог явиться в ангельском виде и побудить тебя к греховным деяниям. Я знаю твой план. Пока мы беседовали, я развернул тот крохотный свиток, что таится у тебя в сокровенном месте. Откажись от него. Только любовь, бесконечная, божественная, всепрощающая и всеобъемлющая, может спасти Россию.

— Отче, как узнать, где истинная любовь, а где мнимая? Где Ангел, а где Искуситель? Где друг, а где притворившийся враг? Отче, я путаюсь, сбиваюсь с пути!

— Верь своему «лобному оку». Когда Бог из глины слепил человека, он оживил его, коснувшись перстом Адамова лба. Там, где перст Божий коснулся Адамова лба, открылось «зрячее око». Первые люди видели этим оком добро и зло. Но потом у большинства людей это око ослепло, затянулось костью, покрылось кожей. Твой «глаз» спасает тебя от ошибок, ты им Бога зришь. Когда бесы тебя обступят и потащат в ад, и неоткуда будет ждать спасенья, прибегни к практике афонских монахов. Они умели вырываться из пораженной грехами плоти. Вскинуться ввысь, как это делают акробаты. Перевернуться и влететь обратно в свое «лобное око», за которым открывается длинный коридор, ведущий в рай. Они пролетали сквозь «око» в этот коридор и спасались душой, оставляя бесам пустую плоть...

Старец умолк, утратив остаток сил. Борода опала, он почти перестал дышать. Черная схема с фосфорно-белым крестом стала тяжелой и плоской, как каменное надгробье. Но глаза, окруженные костяными ободами, продолжали сиять, и в них, в полумраке, проступила чистейшая синева.

— Давай помолимся, сын мой!.. Помолимся единой молитвой Государю Императору, чтобы он не оставил Россию своей любовью. Созвал к своему трону всех Святомучеников и молитвенников, и они распростирали над Россией полог любви. Я же сегодня умру и еще до рассвета увижу моего Государя...

Есаул стоял на коленях у изголовья старца. Тяжелая длань схимника лежала у него на темени. Две свечи слабо освещали ложе с черным покрывом и белой Голгофой. Одиноко светила багровая лампада перед образом царя в эполетах. Сухо серебрилась доска с метинами от пуль. Оба молча молились.

Вначале Есаул не чувствовал ничего, кроме тяжелой руки старика. Затем из холодной ладони пролился едва ощутимый ручеек тепла. Стал просачиваться в тело, омывал грудь, проникал в дыхание, освещал изнутри таинственный сумеречный мир мыслей и чувств. Эти мысли и чувства утрачивали свою хаотичность, успокаивались, как укрощенные вихри. Светлели, обретали гармонию. И от этого — сладость, умиление, благодарность духовному отцу и его небесному покровителю Государю Императору, и Отцу Небесному, сидящему среди звезд и радуг на алмазном троне, озаряющем мирозданье несказанной любовью.

Есаул чувствовал, как его коснулась любовь,— так весной касается лица ветка цветущей яблони. В сердце не было отмищения. Тяготивший его «план» отступил и растаял, как кристаллик снега на горячих губах. Любовь прибывала — то молились о спасении России все новые и новые заступники, от древних святых Бориса и Глеба до последнего, Евгения Родионова, сложившего голову на чеченской войне. Слезы текли из глаз Есаула. Он что-то шептал, любил всех, и живых и мертвых, ненаглядную, сберегаемую любовью Россию.

Увидел, как на сухой доске из черных скважин показались два зеленых побега. Стали расти, увеличивались. На них распускались свежие листья, завязывались бутоны.

В серебряном подсвечнике вдруг разом зажглись все свечи. В келье стало светло. Запылали повешенные перед образами лампы, и келья чудесно озарилась. Бутоны один за другим раскры-

лись — распустились две алые дивные розы. Благоухали, источали ароматы неземного сада. Из одного цветка в руку старца капнула кровь. Алая капля дрожала на худой стариковской ладони. Из красной капли вылетел соловей. Крохотными ножками пробежал по схеме, перескочил на плечо старца и дивно запел.

Есаул плакал от счастья, слушая соловья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Между тем в монастыре разворачивалось действо. Процессия монахов с чернобородым игуменом смешалась с пассажирами теплохода, обходила монастырские храмы, огибала часовни, двигалась вдоль источников и святых колодцев. Двери в церкви были наглухо заперты. В окнах монашеских келий не теплились лампы и свечи. Стены соборов, столпы колокольни слабо светились. Золото куполов и крестов отливало в небесах черным блеском. Булыжная дорога, ведущая через монастырь, ремонтировалась, и булыжники были сложены грудой, напоминавшей пирамиду отсеченных голов. Игумен с черной ассирийской бородой держал перед грудью потир, накрытый серебряным покровом, величественно, важно вышагивал. За ним следовал Словозайцев, в черном облачении, в капюшоне. Держал в руках высокий шест с хоругвью. Но вместо святого образа на ней был начертан зверь — по виду козел с четырьмя рогами, на перепончатых лапах, с птичьим хвостом и ветвистым деревом, выраставшем из козлиной спины. Следом шагал Добровольский, в том же островерхом облачении, похожий на капуцина. Держал высокое древо с флагом, на котором были полумесяц, солнце, летящая комета, ползущая змея, жалящая орла. Флаг был усеян каббалистическими знаками, вместо навершия болтался бычий сухой пузырь, в котором гремели горошины. Монахи в процессии несли закопченные фонари. Другие поддерживали бамбуковые палки, на которых высоко волновался зубчатый длиннохвостый дракон. Гости все были в черных покрывалах и капюшонах, скрывавших лица. Над процессией уныло и мерно бил колокол.

Сквозь малые ворота покинули монастырь, вышли на просторную сырую луговину, окруженную высокими деревьями. Сквозь черные стволы и кустистые заросли горело золотое зарево стоящего у пристани теплохода. Монастырская стена мучни-

сто белела. Посреди луговины в сумерках находилось место, освобожденное от дерна,— обширная остроконечная пентаграмма, в каждом углу которой высился могильный холм. «Могила пяти братьев» была без крестов, без надгробий,— вырезанная в дерне звезда, упокоившая в своих лучах основателей красной утопической империи. В стороне от звезды был сложен сруб, навалены смолистые ветки,— жертвенник всесожжения. Монахи обступили одну из могил, повторяя кромки звезды, освещая фонарями могильное возвышение, без цветка, без травинки, без знака. Чуть поодаль на лугу стоял грузовичок с открытым кузовом. Под брезентом скрывалось какое-то оборудование, напоминавшее проектор. Было сыро, сумрачно, трава отекала росой, черные купы деревьев круглились на тусклом небе.

— Братии и сестры,— возгласил игумен, над головой которого два монаха приподняли закопченные фонари. В их мутном свете мощно и властно горбился нос настоятеля, клубилась на груди черная, словно из конского волоса, борода, потир под серебряным покровом слабо светился, словно в его глубине тлел уголь.— Да свершится реченное от пророка Ицхака, сына Иерувима, рожденного от Муэрлоха в земле Ханаанской, отправшего от сынов Израиля в колене Изохвы, ушедшего к горе Евсон, что по правому берегу Чермного моря в пустыне Сидим, и там, в долине Арваль, получившего скрижали, отличные от Моисеевых, где тайна истинного завета, сбереженного сынами Ицхаковыми. Завета воскрешения из праха мертвых, собранного из ветра пустынь, возложенного на пяти сторонах света во избрание духов Безарха, Оврахима, Иезола, Иереля и Аргодона. Да свершится таинство отпадения с преумножением плоти и воскрешением мертвых костей на остриях мира звезды полуночи, красной и негасимой, багряной и неусыпной, цвета рубин... А-у-а-э-э-и-вен!..— протяжно, с гортанными переливами возгласил игумен, наполняя сырую поляну печальным рыком. На его призывный вопль откликнулся невидимый колокол. Ночной звонарь посылал на пять сторон света настойчивые выкликающие гулы, они улетали в озеро, растворяясь в водах, туманах, звездной росе.

В ночи послышался металлический свист. Небо над поляной перечеркнула неясная тень. На могилу тяжело плюхнулось, хрустя мышцами, складывая перепончатые крылья, костлявое мускулистое существо — голенастое, горбатое, с лысой головой огромного птенца, с клювом пеликана. Повозилось, поудобнее стисну-

ло крылья, успокаивая натруженные полетом мышцы. Застыло на могильном холме, повернув голову и наклонив клюв. В холодном воздухе повеяло едким запахом, каким пахнут змеи. То был дух Безарх, явившийся по заклинанию из Северной Сахары.

Колокол бил, и на его удары из-за деревьев выносились тени, делали круг над поляной. Существа, похожие на птеродактилей, опускались в звезду. Усаживались на могилах, словно на гнездах, готовясь высиживать яйца. То были дух Оврахим, явившийся из болот Полинезии. Дух Иезол, покинувший пристанище в топях Амазонки. Дух Иерель, обитавший в мрачных скалах острова Елены. И дух Аргодон, царивший в студеном фьордах Исландии. Все они расселись по концам звезды на могильных холмах, прикрывая пупырчатыми животами и чешуйчатыми гузками глубокие захоронения, в которых слабо дрогнули кости и застрявшие в черепах свинцовые пули зашевелились, словно прорастающие зерна.

— Да сбудется реченное во втором завете, с возложением угля неопалимого из пламени содомова, в грехе очистительном, яко в трубе иерихонской звук сцепляющий, сочетающий, соединяющий пыль пустынь, ил морей, буквы в слог, слог слагающий в слово воскресающее. А-у-а-э-э-и-вен!..— С этим возгласом игумен сдернул с потира покров. Из серебряного кубка излетели лучи, как если бы в глубине сосуда пылала аметистовая лампада,— озарили ассирийское лицо игумена, чернильные глаза, черно-каменную бороду Навуходоносора, сквозь которую не продерется никакой гребень. Игумен шагнул к звезде, опрокинул над ней потир, и оттуда излилась горящая, сверкающая влага. Коснулась звезды, и та по всему периметру мгновенно зажглась, серебряно запылала, озарила поляну. Стали отчетливо видны сидящие по углам кожаные, пупырчатые духи, как химеры парижского храма,— складки коричневой кожи, когтистые лапы, лысые головы грифов. Мерцали под желтыми веками розовые глаза, дышали зобы, зеленела чешуя на горле, проступали сквозь кожу сильные кости. Все пространство внутри горящей звезды кишело улитками, слизняками, ползающими жуками, которые натывались на бенгальский блеск, не в силах вырваться за пределы пентаграммы.

— Жертвуй духам загробного воскресения и сотворения адской плоти, извергая из огня вечного и остужая очаг пылкий, давая жизнь сынам адовым, вознесем козла жертвенного на очаг всежжения... А-у-а-э-э-и-вен! — Игумен простер руки в черных

рукавах в сторону леса, и на его вопль из тьмы возникли два монаха. Вели на ременных поводках кенийского козла, огромного и свирепого, в космах спутанной шерсти, с бляющей башкой, которую увенчивали громадные витые рога. Рога были позолочены, с серебряными бубенцами. В шерстяные космы были вплетены шелковые нити и ленты. На шее зверя помещался портрет Лейбы Троцкого в момент, когда тот со ступенек литерного вагона произносил речь перед бойцами Первой Конной, посылая их на разгром Деникина. Козла ввели внутрь пылающей пентаграммы, и духи с надгробий воззрились на жертвенного зверя розовыми глазами, и на их дышащих зобах переливалась перламутровая чешуя.

Вперед вышел Словозайцев. Перешагнул искрящуюся кромку звезды. Приблизился к жертвенному зверю. Поводыри что есть мочи натянули кожаные ремни. Козел взревел, вываливая изо рта дрожащий язык. Его рога сияли позолотой, звенели бубенцы, Троцкий на козлиной шее казался живым. Словозайцев распахнул балахон, выхватил жертвенный нож и сильно полоснул по горлу козла. Блеяние смолкло, в горле животного открылся второй черный зев, откуда излетел сиплый хрип трубы, и бурно хлынула кровь. Упала черной струей на могилу, где сидел дух африканской пустыни Безарх. Тот отпрыгнул, освобождая земляное надгробие, в которое била черная кровь. Впитывалась, просачивалась в землю, оживляя холодные мертвенные пласты магической силой. Козла повалили навзничь. Он еще бился, рыл позолоченными копытами землю, но уже Словозайцев рассекал ему брюхо, раскрывал черный парной провал, в котором, озаренное серебряным блеском, ухало сердце, сотрясалась козлиная печень, клочкотали легкие. Словозайцев, как опытный жрец, высекал из зверя внутренние органы, кидал на землю. Металлическое пламя играло на лезвии ножа, на окровавленных руках жреца, на комьях горячей плоти, к которой стремились жадные жуки, муравьи и жужелицы, впиваясь в жертвенную плоть. Словозайцев иссек из внутренностей желчный и мочевого пузыри. Поочередно выдавливал их содержимое над могилой. Едкая желчь и ядовитая моча всасывались в могилу, проникали в сокровенную глубину, где лежали мертвые кости и набитый землей череп с трегольной, оставленной ледорубом дырой.

Монахи на ремнях оттащили козла за пределы пентаграммы, водрузили на смоляной сруб жертвенника и подожгли. Дро-

ва жарко вспыхнули, озарили поляну. Пламя летело к вершинам. Стало видно, что все окружавшие поляну деревья были усеяны слетевшимися совами. Жертвенник всежжения жарко пылал, пахло расплавленной смолой и горелым мясом.

Колокол продолжал ухать, но теперь его глухие удары становились чаще, к ним примешивались стуки барабанов, завывание дудок, всхлипы волюнок, щебет и хруст трещоток. Это монахи извлекли из-под мантий множество жертвенных инструментов, изготовленных из рыбьих костей, сушеных тыков, бычьих пузырей, козлиных рогов, наполняя поляну вибрирующими звуками. Вибрация воздуха соединялась с пульсацией пламени. Над могилой создавались вихри растревоженного пространства, сворачивались в воронки, утекали в могилу.

— А-у-а-э-э-и-вен!.. — возопил Добровольский.

Откликаясь на вопль, монахи стали притоптывать, пританцовывали, странно подпрыгивали, сомкнув пятки и разведя носки, при этом скрестив большие и указательные пальцы рук. Что-то птичье, колдовское чудилось в скачках облаченных в рясы танцоров. Они сотрясали землю, месили ногами черное тесто могилы. Их удары погружались в глубину, будили мертвые кости, трамбовали прах, сцепляли распавшиеся частицы, лепили скелеты, соединяли расчлененные суставы. Могила дрожала, ходила ходуном. «Духи пяти сторон света» переступали на могилах когтистыми лапами, неуклюже подскакивали, перекладывали головы с плеча на плечо. Страстно розовели их налитые светом глаза, бурно дышали кожаные зобы.

Два монаха подбежали к грузовичку, сдернули чехол с установки, и открылся лазерный проектор, нацеленный на белые монастырские стены, фасады соборов, мучнистый столб колокольни. Лазеры вспыхнули. В дымном воздухе заматались лучи, раскаленно сталкивались, пересекались, били в фасады и стены, расцвечивая их узорами.

Заиграла, загрохотала безумная музыка самбы. На белой монастырской стене, от земли до настенной, крытой тесом галереи, появилась мулатка, огромная, голая, с фиолетовыми грудями, мощным животом, яростными, подвижными бедрами. Низ дрожащего живота прикрывала тонкая перевязь, на которой сзади крепился пышный павлиний плюмаж. Круговое движение живота, трясение ягодиц, притопывание босых энергичных ног раскачивали радужный, красно-золотой, сине-зеленый хвост. Возде-

360

тые руки в браслетах и кольцах трепетали. Красный рот хохотал, открывая белоснежные зубы и алый язык. В черных волосах скакал костяной гребень. Вся она, воплощение страсти, неукротимой похоти, яростного влечения, двигалась, притоптывая, вдоль монастырской стены. Монахи на поляне выбрали подрясники, притопывали в такт самбы. Вращали под рясками бедрами, крутили животами, высовывали языки, превращая поляну в продолжение бразильского карнавала. Казалось, лоно мулатки, жаждущее любви, обжигает холодную могильную землю, орошает плодоносящей влагой. Пламенный хвост веял, как опахало, раздувая над могилой костер воцелений, которые вторгались в погребенье, будили и тревожили мертвые кости. Скелет начинал вращать тазом, дергал костяшками пальцев. Череп шире разевал рот, как если бы старался высунуть несуществующий язык.

От топота сотрясалась стена храма, гудела земля поляны, духи надгробий испуганно раскрывали перепончатые крылья, готовые взлететь. Мулатка подсовывала ладони под груди, превращая их в две дрожащие башни. Из сосков брызгало горячее молоко, окропляло могилу. Жаркий напиток, истекавший из сосцов великанши, питал скелет. Череп раскрывал жадный рот, глотал молоко, и в темени начинала затягиваться треугольная дыра — метина ледоруба. Монахи и все, кто был на поляне, двигались большим хороводом вокруг пылающей пентаграммы. Топотали, словно направляли музыку глубже в землю, превращая ее в создающую силу.

Все гремело, сверкало, переливалось шелками, вспыхивало радугами. Кругом ликовало обнаженное тело, зывало к соитию, сотрясало детородными глубинами, выплескивало неуголимые страсти. Выкликало великое Божество, что ведает жизнью и смертью, испепеляет и воскрешает, предает забвению и вырывает из беспамятства.

И оно явилось. На огромной монастырской колокольне, под золотой главой, возник бог древних инков, чудовищный великан. Многоглазая башка с четырьмя рогами. Смоляная борода, ниспадавшая на женские груди. Пухлый беременный живот, под которым висели гроздья семенников, и каждый являл собой хохочущий череп. Из рта великана выползали змеи. Из ушей выглядывали клювы птиц. Из ноздрей торчали рыбы хвосты. Из глаз высовывались оскаленные кабаньи рыла. До колен свисало ог-

ромное кривое орудие зачатия, которым великан оплодотворял самого себя, вторглся в свое жаждущее лоно. Протыкал черные дыры Вселенной, разбрызгивая жемчужные брызги спермы, от которой в пустотах мира зарождались планеты и луны, возгорались солнца и беременная Вселенная плодоносила и множилась. Великан величиной с колокольню шагал в ночной черноте, сжимая в кулаках свое огнедышащее жерло.

— А-у-а-э-э-и-вен!.. — неистово возопил Словозайцев, и все многолюдное скопище откликнулось на этот истошный утробный вопль. Монахи сбрасывали клобуки и мантии, сдирали подрясники, открывая взору экзотические облачения. Игумен предстал громадным силачом с накачанными мускулами, в огненно-красной майке, на которой было написано «Чикаго Буффало». Сквозь продранные джинсы виднелся волосатый пах. Кольчатая борода тряслась и взвизгивала, когда он отплясывал румбу, мощно двигая локтями. Другие монахи были кто в шортах, кто в шелковых трико, голые по пояс, с фантастическими татуировками, где мажонские символы мешались с кабалистическими знаками. Танцевали самбу и ча-ча-ча, на потных блестящих телах пульсировали и извивались дикий звери, морские гады, небывалые птицы, словно их выведением занимались искусные селекционеры.

Луиза Кипчак, гибкая как кошка, выгибая голый крестец, упала на четвереньки и стала ползти к могиле, на которой восседал дух Безарх, опаленный зноем Сахары. На нее упал игумен в красной майке. Стал драть ее волосы, кусать чувственные плечи, подсовывал ей под грудь могучую лапищу, больно стискивал соски, и она визжала от боли и наслаждения. Черная ассирийская борода накрывала ее острые лопатки, и оба они свивались в клубок, катались по могиле, брызгая на нее жаркой слюной, злыми слезами и пылающим семенем. Выкрикивали колдовское заклинание:

Лейба, Лейба, лейборист,
Лейбл, лейбл, ты борись!

Мадам Стеклярусова, распахнув балахон, вывалила из него свое пышное, цвета перезрелой дыни тело. Кинулась на могилу, сдирая с нее землю, посыпая сырыми комьями свои вялые груди, складчатый живот, венозные ноги. Заталкивала глину погребения в промежность, согревая ее своим истлевающим лоном, от кото-

рого в страхе разбегались жужелицы и отползали улитки. Колотилась животом о могилу, истошно выкликая:

Ты Бронштейн, горящий камень,
Превратил Россию в пламень.

Дух Сахары Безарх молча смотрел на красавицу, наливая розовые глаза, а потом вскочил на нее, размещая когтистые лапы на пояснице у дамы. Напряг гузку, выбрасывая вперед червеобразный студенистый отросток, с его помощью заталкивая в мадам Стекларусову могильную землю. Стал бить ее кожаными крыльями, долбить в лысеющий затылок красавицы желтым клювом.

Добровольский высунул длинный, как у муравьеда, язык и облизывал с ног до головы обнаженную женщину-продюсера из программы «Тюрьма и воля». Та была благодарна чистоплотному старцу, старательно, по-собачьи, убиравшего с ее тела следы преждевременных извержений. Ее дурная кровь капала на могилу, заставляя ее дымиться. Наложив ладони на медно-красный парик Добровольского, женщина-продюсер восклицала:

Бейте, бубны и литавры,
Мчатся конники-кентавры.

Круцефикс, маленький и подвижный, с волосатыми ляжками и раздвоенными копытцами, скакал словно козлик, норовя пристроиться к высокой топ-модели. Никак не допрыгивал. Величавая дева сжалилась над похотливым домогателем, посадила его на себя и поддерживала, пока тот не облегчил свой раскаленный тигель, выплескивая расплавленные, прожигавшие могилу брызги. Блеюще возопил:

Люций, Люций, Люцифер,
Революций грозный хер.

Лысинка Жванецкого то натягивала до ушей шляпу Боярского, издавая сладострастные стоны. То плюхалась на нее, как на ночную вазу, и тогда шляпа Боярского рычала, как д'Артаньян, завидевший госпожу Бонасье:

Меркадер, Мойдодыр
На реке Анадырь.

Усы Михалкова распушились от вожделения. Он ловил пробежавших мимо манекенщиц, с силой наклонял их к могиле и с пугающей быстротой поступал с ними так, словно это были куры-несушки. После каждой скоротечной победы, бил себя по бокам руками и кукарекал:

Ни за доллар, ни за рубль
Ты не сыщешь ледорубль.

Телемагнат Попич уткнулся надменным лицом в пах Куприянову. Было видно, как дергается его возбужденный хохолок. Иногда он прерывал свое упорное занятие, поворачивался лицом к пылавшему жертвеннику, в котором чернели обгоравшие козлиные рога, и умоляюще зазывал:

Ты вернись, товарищ Троцкий,
В мир проклятый и уродский.

Куприянов, держа за уши Попича, задыхался от восторга и, когда позволяли силы, раскрывал рот и великолепным баритоном возглашал:

Великаны или гномы,
Все мы вышли из генома.

Одесский квартет, на этот раз без скрипок, разделился на двое, ибо состоял из двух супружеских пар, обвенчанных в голландской кирхе, где толерантный и политкорректный пастор благословлял однополые браки. Теперь возлюбленные супруги ласкали друг друга, сидя на священной могиле, менялись женами. Жены в ночных чепцах и пеньюарах вонзали свои жилистые грибовидные отростки в глубину могилы, старясь достать череп. А тот раскрывал жадно рот, тянулся схватить зубами прораставшие с поверхности земли корневища. Мужья в это время кричали внутрь могилы:

От Тристана и Изольды
К вам пришли сперматозойды.

Негры Нью-Орлеана сбросили черные балахоны, но остались такими же черными. За ними гонялись монахи, словно играли в

салочки. Каждый пойманный негр становился предметом сексуальных домогательств того или иного монаха. Однако никто не подавал в суд. Конфликт решался полюбовно — негр отряхивал с ягодиц могильную землю, а монах стыдливо засовывал в плавки не помещавшийся инструмент любви, и через минуту игра продолжалась. Пойманный негр, прежде чем разделить судьбу предыдущего оркестранта, выкрикивал:

Перманенты, спермоненты
Все гормоны и ферменты.

Эстрадный певец, исполнитель шлягера «Москва златоглавая», оседлал духа Оврахима, прилетевшего из болот Полинезии. За время перелета дух устал и не мог отбиться от страстных приставаний певца. Тому было не впервой совокупляться со злыми духами, и, отделав Оврахима под орех, звезда эстрады пропела под гитару:

Безразмерна, невесома
Золотая хромосома.

Последней стыдливо сбросила с себя наряд кармелитки дама-мажордом, копия Регины Дубовицкой. Осталась в том, в чем оказывалась каждый раз, когда возвращалась домой после программы «Аншлаг», принимала душ и, стоя босыми ногами на полу с подогревом, задумчиво глядела в зеркало, сокрушаясь по поводу того, как морщинит и глупит человека постоянный смех. Теперь же на поляне она опустилась на могилу мученика революции и генетика пролетарской России и произнесла заклинание:

Превратится круг полярный
В организм молекулярный.

Действо достигало апогея. Колокол неустанно бил. Ему вторили трещотки, бубны, гребешки и губные гармошки. Грохотала обжигающая музыка Карибского бассейна. Бразильский карнавал наполнял поляну шелками, лентами, танцовщицами варьете, колдуньями Рио-де-Жанейро, волхвовательницами Амазонки, чародейками Атлантического побережья. Монахи разбегались и с развеянными бородами сигналы через могилу. Топ-модели ста-

новились на могильный холм, сгибали спины, и новоорлеанские негры перепрыгивали через них, играя в чехарду. Все бросались на обнаженных красавиц, устраивая кучу малу. Лазеры метались над поляной, в их обжигающие лучи попадали ночные бабочки и очумелые птицы, вспыхивали и падали на могилу.

Такое не мог выдержать ни один покойник. Лежащие в глупине кости начали срастаться. Сползались позвонки, скреплялись растертые в муку суставы. Еще лишенный плоти, скелет оживал, тянулся вверх, прорывал костяной рукой могильный холм, махал из-под земли костлявыми пальцами. Мадам Стеклярусова жадно их целовала. Луиза Кипчак припадала к ним пламенными устами. Только Франц Малютка раздраженно отплевывался и тихо, чтобы не быть услышанным, ворчал: «Жид проклятый... Не лежится ему под землей, суке рваной». Но скелету не хватало сил. Он был лишен витальных энергий, необходимых для оживления. Рука, помахав, провалилась вглубь могилы.

— А-у-а-э-э-и-вен!.. — возопил Словозайцев, он же великий генетик и биореволюционер Савл Зайсман. Подбежал к грузовичку, схватил молекулярный генератор. Включил и направил на могилу. Из чаши генератора хлынули потоки разноцветных лучей, словно шелковые ткани. Словозайцев покачивал генератор, словно лейку. Поливал могилу, как клумбу. Живые молекулы, плодородные клетки вторгались в черную землю, пропитывали, и она становилась стеклянной, похожей на хрустальную вазу, в которой играли радуги. Могила взбухала, начинала дымиться. В ней шло могучее созревание, слышались подземные гулы и скрежеты.

Внезапно в земляном надгробии открылась ноздря, из которой ударил пар, прянул багровый дым, полетели брызги земли, словно ожил вулкан, выталкивая из подземной квашни багровое тесто. Било белое пламя, словно взлетала космическая ракета, и в раскаленном облаке, выдавливаемый из-под земли, возникал человек. Окруженный огнем, с черной бородкой, в пенсне, в военной фуражке, Лев Троцкий после долгого сна выходил на поверхность. Все ахнули, попадали ниц при его появлении. Не вся плоть прилепилась к костям. Некоторые мускулы, словно клейкое тесто, отвалились от скелета и висели на ребрах. Лишь половина лица была одета кожей, другая желтела несвежей костью. Под окуляром пенсне зияла пустая глазница. Оживляемый Троцкий всплывал из-под земли сначала по шею, затем по пояс. Показались облаченные в галифе ноги, удобные хромовые сапож-

ки. Они зависли над землей, как и сам великий революционер, охваченный подземным пламенем. Так на старте зависает ракета, преодолевая гравитацию земли, с трудом толкаемая реактивными соплами. Троцкий силился изойти из могилы, но его затягивало обратно. Чувствовался недостаток адской тяги.

Словозайцев поливал его молекулярным генератором, насыщая телесную массу все новыми и новыми клетками.

— Лейба, выходи! — взывал Словозайцев к воскрешаемому Троцкому.

— Не могу! — глухо отзывался из огня революционер, двигая верхней губой с усами, жутко скаля голые зубы в нижней челюсти, лишенной десен.

— Поднатужься! — требовал Словозайцев. Так повивальная бабка заставляет роженицу трудиться при появлении желанного плода.

— Нет сил! — жалобно отзывался председатель Реввоенсовета, поблескивая пенсне.

— Что мешает?

— Схимник Евлампий!

— Каким образом?

— Святой молитвой и силой бескорыстной любви, которая ослабляет действие генератора!

— Держись, Лев Давыдович! Держись, тебе говорю! — кричал Словозайцев, видя, как Троцкого вновь утягивает в глубину могилы. Уже скрылись нарядные сапожки и галифе, стала погружаться щегольская, перетянутая портупеей кожанка. — Скажи тайну генома!

— Не могу! — простонал Троцкий и ахнул в могилу. Открывшийся было кратер, сомкнулся, оставив на поверхности кучу рыхлой земли, какую оставляет проползший крот.

Колокол смолк. Лазеры погасли. Изображение карнавала исчезло. Пылающая пентаграмма померкла. «Духи пяти сторон света» взмыли и бесшумно растаяли в предрассветном небе.

Все подавленно молчали.

— Убить старика! — завопил Добровольский. — Почему не убили? — накинулся он на игумена.

— Не было команды, — отозвался тот, напяливая поверх джинсов подрясник, облекаясь в клобук и мантию.

— Так вот же, даю команду! — крикнул Добровольский, запахивая на себе черное облачение.

Помолившись, схимник Евлампий и Есаул с любовью взирали один на другого. Лицо старца светилось неземной благодатью. Свечи наполняли келью ликованием свершившегося чуда. Образ царя, висевший в ногах старца, золотился нимбом и эполетами.

— Вася, помоги подняться. Выведи меня из кельи,— попросил старец.

— Стоит ли утруждать себя, отче? — робко отговаривал его Есаул.

— Там меня ждут,— ответил старец, с трудом усаживаясь на кровати. Есаул его поддержал, помог утвердиться на ногах.

— Теперь пойдем,— сказал схимник, долгим взглядом озирая келью, как озирают дом, из которого навсегда уходят. Вышли в длинный коридор с тусклым огоньком. Спустились по каменным ступеням. Оказались в прохладной ночи.

Было тихо и торжественно. Небо перед рассветом начинало едва заметно светлеть. Стены соборов, полукруглые апсиды, стройная колокольня казались бело-голубыми, сложенными из светящегося мрамора. Золотые купола, почти черные, глянцевитые, уже таили в себе отблеск близкой зари. Резная надкладезная часовня переливалась изразцами. Высоко, перед образом Богородицы, краснела лампада. Повсюду благоухали свежестью цветочные клумбы — душистые табаки, пряные ноготки, медовые левкои. Все было чудесно и свято.

Они медленно шли по монастырю. Старец опирался на его руку. Старикивская борода прозрачно светилась. На плече старца не умолкал соловей. Казалось, они шествуют в Раю среди небесных цветов и соборов.

— Вася, когда ты внесешь меня в келью, положи головой к образу государя императора. Мне уж видеть его будет не нужно. А хотелось бы лежать поближе к нему.

— Отче, ты сам войдешь в келью. Уляжешься, как будет тебе удобно.

— Мне жить, Вася, осталось не более десяти минут. Ты меня в келью внесешь и уложишь на смертный одр, как прошу.

Они шли мимо часовни с золоченой главкой. Дорога была разрыта, высилась в стороне гряда камней, напоминавших соб-

ранные в кучу диковинные плоды — арбузы или темные дыни, созревшие на бахче.

— Люби всех, Вася, и любовью наша матушка Россия спасется,— произнес старец.— Теперь постой тут, я один пойду.

Остановил Есаула легким взмахом руки, нетвердо, словно колеблемый ветром, пошел к часовне. Послышался отдаленный шум, ровный хруст, приближавшийся рокот. Из-за часовни показалась темная колонна — монахи, шли плечом к плечу, шагали в ногу, развевались бороды, качались закопченные фонари. Перед колонной неловко семенил Добровольский, закутанный в черное покрывало, держа фонарь, в котором тускло желтела свеча.

— Вот он! — воскликнул Добровольский, увидев старца.— Ты — вечная нам помеха и укоризна!.. Ты — кривизна земли!.. Искра в стоге сена!.. Песчинка в глазу!.. Испорченная хромосома!.. Пропущенная буква!.. Ты сорвал наш замысел, помешал воскрешению!..

Колонна монахов встала. Несколько фонарей поднялось, освещая схимника.

Старец слабо колыхался на невидимом ветру, который, казалось, вот-вот подымет его с земли и унесет, как пушистое семя, чтобы в иных мирах, на других планетах оно расцвело волшебным цветком.

— Братья, любите друг друга,— воззвал схимник к монахам. Но те лишь теснее сдвинули шеренгу, угрюмо взирали из-под клобуков.

— Ты — безумный старик! — возопил Добровольский.— Говорил тебе, уезжай! Не мешай нашему делу! Предупреждал добром!

— Не мог уехать. Государь император привел меня сюда и поставил на страже. Я страж царя-мученика, стою на посту... Братья, любите друг друга. Только любовью совершится великое воскрешение. Из тлена и праха встанет наша матушка-Россия.

— Убейте его! — приказал Добровольский.— Забейте его камнями!

Монахи, исполняя приказ, кинулись к груде булыжников, выбирали каждый по камню. Первый булыжник ударил схимника в грудь, там, где белела Голгофа. Схимник упал навзничь. Соловей взлетел с плеча и жалобно засвистал, стал виться в воздухе. Второй подбежавший монах наотмашь ударил схимника в голову, пробивая булыжником череп. Старец затих и лежал, белея крестом. Другие подбегали и швыряли камни. Они с хрустом лома-

ли стариковские кости, плющили слабое тело. Монахи подбегали один за другим к груде камней, подхватывали булыжники, торопились кинуть. Камни заваливали старца. Из-под черной глыбы белела легкая борода.

— Не смей! — крикнул Есаул, бросаясь к побиваемому камнями духовному отцу. — Отступитесь!

Подбежал к схимнику, заслонил его своим телом. Почувствовал, как тяжелый булыжник ударил его в поясницу.

— Отставить! — приказал Добровольский. — Больше он не будет мешать. Пойдемте, братья, на трапезу. А эти двое пусть любя друг друга.

Монахи, тяжело дыша, вытирали о рясы руки. Жалели, что была остановлена библейская казнь. Гурьбой прошествовали к трапезной.

Небо над монастырем светлело. Начинали сиять купола. За крестом часовни заалела зорька, словно струйка крови. Есаул прижимал к груди пробитую голову старца, шептал:

— Прости, не уберег тебя, отче...

Есаул поднял на руки легкое тело старца, понес в келью.

Жарко пылали свечи. Пламенели лампы. Есаул уложил схимника Евлампия на кровать, головой к образу государя императора. Розы, еще недавно благоухавшие, теперь осыпались и увяли. Из темных пробоин в доске сочилась кровь.

Есаул стоял в монашеской келье, где еще недавно испытывал небывалую любовь и блаженство. Не было любви и блаженства. Он был похож на затравленного хищного зверя, жестокого, чуткого, готового к броску и удару. Под сердцем жарко, как осколок рубина, светилась искра ненависти. Он больше не смотрел на измученное, залитое кровью лицо старца. Достал мобильный телефон. Набрал номер:

— Капитан Яким?.. Срочно прибыть ко мне!..

На заре, когда солнце осветило кресты, и они победно засверкали среди дивной лазури, в монастырской трапезной собралась братия. Есаул занял скромное место среди деревянных столов, под сводами, которые были расписаны искусным художником. Не было ангелов, святых и угодников, ветхозаветных и евангельских сюжетов. Все своды покрывали диковинные чертополохи, африканские орхидеи, болотные цветы. Повсюду извивались лианы,

свисали фиолетовые мхи, сиреневые лишайники. Среди болотной растительности притаились пятнистые тритоны, глазастые лягушки, перламутровые хамелеоны, живописные улитки.

Игумен, колыхая на груди иссиня-черной бородой, поднялся и обратился к собравшимся:

— А теперь, дорогие гости, отведайте деликатес, свойственный только нашей озерной кухне, занесенный в поваренные монастырские книги еще в шестнадцатом веке, при основании сей обители. Рыба лабардан, попавшая в сети нашей рыбацкой артели, водится в глубинах сего благословенного озера. После поимки замораживается на льду и подается в сыром виде, как строганина. Прошу внести чудо-рыбу! — Игумен обратился к дверям и хлопнул в ладоши. Добровольский, услышав про рыбу, заерзал на лавке, стал облизываться, потирал в нетерпении руки:

— Рыбка, слабость моя!.. А ну-ка, ну-ка, какая она, рыба озерная лабардан?..

Двери распахнулись. Двое послушников в подрясниках внесли огромное деревянное блюдо, на котором возлежала фантастическая рыбина. Горбатая, усыпанная шипами спина. Растопыренные прозрачно-алые плавники. Синий змеиный хвост. Огромная, с растворенным ртом голова. Зеленые пластины жабр. Черно-золотые выпученные замороженные глаза. Фиолетовая, заледенелая чешуя. Иней на длинных усах. Белое сдобное брюхо, обложенное кристаллами льда. От рыбы, замороженной, твердо застывшей, шел легчайший пар. Казалось, от одного ее появления в трапезной стало прохладней.

— Рыбу такого размера,— пояснял игумен, гордясь небывалым уловом,— в последний раз поймали в четырнадцатом году перед германской войной. Угощали великого князя, совершавшего водное путешествие мимо нашей обители. О чем была оставлена запись в монастырской книге. Теперь же и вы, дорогие гости, сподобились вкусить несравненное яство. Разделить рыбу! — приказал игумен и снова ударил в ладоши. Послушники, обнеся столы и дав возможность гостям налюбоваться на водяное диво, понесли рыбу на кухню, где собирались ее рассечь на ломти.

На кухне их поджидали Есаул, капитан и его верный помощник. Ударами деревянных молотков оглушили служек. Подхватили падающее блюдо. Содрали с оглушенных послушников темные раски. Облачились в них поверх белоснежных мундиров. Отточенные ножами стали рассекать рыбу на плоские ломти, розо-

вые, ледяные, сочно-хрустящие, в каждом из которых светился жемчужный позвонок.

Капитан Яким извлек из кармана тонкую металлическую пластину с отточенными концами. Гибко ее согнул. В согнутом положении вставил в розовый рыбный ломоть, над которым торчал льдистый плавник. Утопил синеватую сталь в мороженом мясе.

Рассеченную на ломти рыбу внесли в трапезную. Стали обносить гостей и монахов, и те руками брали ломти, клали перед собой на скобленные доски стола, принимались есть. Когда подошел черед Добровольского и пред ним оказался ломоть, в недрах которого, стиснутая замороженным мясом, притаилась стальная пружина, Добровольский схватил ломоть. Сладострастно обнюхал. Несколько раз по-собачьи лизнул розовое ледяное мясо. Стал жадно глотать, давился, чавкал, хрустел рыбьей плотью. Глаза его слезились от наслаждения, из губ тонко лилась слюна.

— Рыбка, ах рыбка моя!.. Сладость несказанная!..

Он обводил застолье счастливыми глазами, которые начинали выпучиваться, лицо стало бледнеть, наполнялось идиотической мукой. Из посиневших губ вместе с неразжеванным мясом вырвался крик боли и ужаса. Он вскочил, хватаясь за живот. В его жадном горячем желудке под воздействием едкого сока проглоченный кусок растаял, стальная пружина распрямилась, пронзая отточенными жалами стенки желудка, вызывая нестерпимую боль. Добровольский вывалился из-за стола и упал, держась за живот. Стал кататься по полу. Визжал гиеной, лаял собакой, блеял козлом, шипел змеей, чихал дикобразом, рыдал совой, квакал болотной жабой, а потом вдруг умолк. Обмяк, завалился на бок. От головы отлепился парик, обнажив голый, с синими венами череп. Из-под скрюченного носа, из растворенных губ, сквозь вставные зубы хлынула синюшная стариковская кровь. В трапезной, среди расписанных сводов, огненных чертополохов и лиловых орхидей прозвучали пророческие стихи Иосифа Бродского:

...Так в феврале мы, рты раскрыв,
таращились в окно на звездных Рыб,
сдвигая лысоватые затылки
в том месте, где мокрота на полу.
Где рыбу подают порой к столу,
но к рыбе не дают ножа и вилки.

И хотя на дворе стоял не февраль, а конец июля, в остальном пророчество точно описывало ужасную картину мертвого, с кровавой мокротой старика, в чреве которого таяла строганина, и в стенках изъеденного язвами желудка торчало невидимое орудие смерти.

Гости с ужасом покидали трапезную, бежали к теплоходу. Монахи, рокоча на неведомом языке, молились над телом старого масона.

Капитан Яким и его помощник сбросили ряски. Во всем великолепии белых флотских мундиров предстали перед Есаулом, который пожал им руки. И уже члены корабельной команды уносили Добровольского на корабль. Поместили в морозильник, в богатый гроб, накрытый американским флагом, как тому учил посол США Киришбоу. В холоде морозильника растаявшая в желудке рыба лабардан снова замерзала, превращаясь в строганину.

Савл Зайсман, не успев сбросить с себя монашеское облачение, возвращался на теплоход. Он пребывал в скверном расположении духа. Оживление Троцкого не состоялось. «Формула великого проекта генетического преобразования России» осталась непознанной. Ему, Савлу Зайсману, великому генетику и магу, биотехнологу и доктору оккультных наук, не удалось превозмочь молитвенную мощь схимника. Единственное, что удалось совершить, так это забить камнями неумного старца, чья смерть открывала дорогу новым попыткам воскрешения великого революционера и генного инженера Лейбы Бронштейна.

Однако по закону метафизического баланса гибель старца повлекла за собой гибель Добровольского. Смерть старого масона, чревоугодника и интригана, не слишком заботила Савла Зайсмана — сластолюбивый старик будет воскрешен, как, впрочем, и губернатор Русак, и несравненная ведунья Толстова-Кац. Их бездыханные тела покоятся в морозильнике, в специальных саркофагах, накрытых американскими флагами. Звездно-полосатая ткань флага обладала мумифицирующими свойствами. Синие полосы излучали энергию, подмораживающую клетки тела, сохраняли их от распада. Красные звезды, напротив, впрыскивали в клетки кванты витальной энергии, поддерживая их существование. Вернувшись в Москву, он распорядится перенести тела усопших в секретную подземную лабораторию, что размещается под гигантским супермаркетом на пересечении Кольцевой доро-

ги и Ленинградского шоссе. К покойникам будут применены новейшие методики воскрешения, и те встанут живыми и невредимыми, как после анабиоза.

От этих раздражительных размышлений модельера отвлекла Луиза Кипчак, догнавшая его перед самой пристанью.

— Маэстро.— Красавица ухватила его за край черного балахона.— Вы мне обещали помочь. Как мне избавиться от досадной морщинки?

— Не сейчас, дорогая,— не слишком любезно ответил Савл Зайсман.— У меня для этого нет ни сил, ни времени.

Они подходили к причалу, над которым высилась белая громада теплохода. На пристани, ожидая парома, толпились богомольцы и нищие — платки, долгополые юбки, стоптанные башмаки, смиренные изможденные лица.

— Батюшка! — Навстречу Савлу Зайсману, приняв его за священника, кинулась худая истощенная женщина с большим животом, прикрытым нелепой блузой. Ее синие глаза умоляюще взирали, иссушенные губы были искусаны, бледное лицо выражало муку и последнее отчаяние.— Батюшка, исповедуй! За тысячу верст добиралась, думала исповедоваться. А меня прогнали, не приняли исповедь! Не погуби мою душу, батюшка, прими исповедь! — Она семенила рядом, заглядывала в лицо Савлу Зайсману, придерживая худыми руками свой беременный живот.

Сначала кутюрье раздраженно прибавил шаг, желая уклониться от назойливой бабы. Но вдруг в его скучающем лице мелькнуло озарение, напоминавшее ночную молнию. В этом озарении скользнуло дьявольское веселье, игра скучающего воображения, прихоть злого гения. Он повернулся к богомолке:

— Откуда сама?

— С севера, с Воркуты. Муж на шахте погиб. Двое детей осталось. Третьего вот ношу. Не вырастить мне троих. От третьего хочу отказаться. Вразуми, батюшка!

— Хорошо, пойдем на корабль.— Приглашающим жестом он позвал за собой богомолку.— Так что вы хотели, сударыня? — С изысканным поклоном он повернулся к Луизе Кипчак.

— Я убедилась в вашем волшебстве, маэстро. Вам все под силу. Уберите с моего лба морщинку. Верните мне свежесть и красоту первозданной молодости.

— Попробую вам помочь.

Ведя за собой двух женщин — обтрепанную беременную богомолку и блистательную Луизу Кипчак, Савл Зайсман взошел на борт и проследовал в свою каюту.

— Примите ванну,— обратился он к Луизе Кипчак.— На вас еще видны следы могильной земли, по которой вы изволили кататься, а также той плохо смываемой жидкости, какой поливает избранниц дух африканской пустыни Безарх.— С этими словами он проводил красавицу в ванную, где сияли зеркала, благоухали шампуни, ослепительно белел фаянс. Сам же вернулся к богомолке.

— Ну, милая,— усаживал он ее на стул, протягивая для поцелуя руку.— Как тебя звать?

— Антонина.

— Ну, раба Божья Антонина, в чем твоя боль? — Он накрыл ее голову своим черным пологом, положив поверх ткани ладонь.— Облегчи душу.

— Батюшка, осталась без мужа одна с двумя мал-мала меньше. Мой-то, Степа, в шахте взорвался, так его и не вытащили. Я ему говорила: «Степушка, зачем нам третий? Денег тебе на шахте не платят, есть нечего. Нищету плодить?» А он говорит: «Это временно, Тоня. Деньги будут платить. Я мужик здоровый, еще заработаю. Русских людей мало на земле остается, нужно больше рожать. Ты рожай, а я об вас позабочусь». Вот и позаботился — там, под землей остался. Всех вытащили, а его забыли. Как мне, батюшка, быть? Под нож ложиться или рожать, чтобы потом всем вместе от голода помереть?

Она билась под черным пологом, как пойманная птица, не в силах взлететь. Он чувствовал сквозь ткань ее темя, улавливал ладонью бестелесные фонтаны боли и страха, которые из нее излетали. Лицо его было сосредоточенным и серьезным, и только в глубине выпуклых глаз таилось злое веселье.

— Вот что я тебе скажу, раба Божья Антонина. Троих тебе не поднять. Кто-нибудь да умрет, или от болезни, или от голода, или от несчастного случая. Нет сегодня таких семей, чтобы троих поднимали. Но я тебе могу помочь. Я врач, хоть и священник. Сделаю тебе аборт и дам денег. Грех твой возьму на себя, а во искупление моего греха дам тебе денег. На эти деньги ты сможешь двоих воспитать. Можешь уехать с ними с проклятого Севера и где-нибудь под Воронежем или Липецком купить себе домик в деревне.

— Я его, третьего, мальчика моего Алешу, в себе чую, уже говорю с ним, люблю. Как же мне от его избавляться?

— Твое дело, Антонина. Тебе решать. Я тебе помощь предлагаю — кучу денег и медицинскую помощь. Хоть сейчас тебе аборт сделаю, а к вечеру сможешь ходить. И денег вот сколько, посмотри!

Савл Зайсман сдернул с головы женщины покров. Достал из-под кровати баул. Вытряхнул на кровать пачки долларов. Женщина ахнула, прижала руки к животу. В глазах ее загорелся ужас неодолимого искушения и смертного греха.

— Как же мне быть-то? — возопила она.

— Соглашайся. Долго ждать не могу. На размышление две минуты.— Он отвернулся, прислушиваясь, как шумит в ванной вода. Представлял обнаженную Луизу Кипчак в розовой пене.

— Согласна,— тихо промолвила женщина.

— Вот и хорошо, вот и ладно,— обрадовался Савл Зайсман, не сомневаясь в ее неизбежном согласии.— Разденься, ложись на стол. А я сейчас вымою руки, приготовлю все к операции.

Женщина неловко раздевалась, сволакивая с себя поношенную юбку, дырявую кофту, несвежую сорочку. Откладывала в сторону затертый лифчик и блеклые трусы. Осталась стоять обнаженная, некрасивая, с худым, измочаленным в непрестанных работах, родах и хворях телом, на котором выступали синеватые, неправильной формы груди с набухшими железами, вздутый голубоватый живот с выпученным пупком и фиолетовой продольной полосой.

Кутюрье осмотрел ее с ног до головы, словно снял гробовую мерку, взял заветный алюминиевый кейс, раскрыл его. Извлек столовую, усеянную цветочками клеенку и постелил на стол.

— Ложись,— приказал он женщине.

Та легла, отрешенным лицом к потолку. Уже не защищала живот, бессильно положила вдоль бедер жилистые руки. Савл Зайсман достал из кейса флакон с эфиром, пропитал щедро марлю. Наложил женщине на лицо. Та слабо вздрогнула и затихла. Он достал длинную бечевку, протянул ее через каюту. Повесил на нее пустой полиэтиленовый пакет, прикрепив бельевой прищепкой. Доллары зеленоватой грудой бугрились на кровати. Женщина с маской эфира лежала на столе. В ванной нежно шелестела вода, омывая изнеженную красавицу. Там под сверкающим ду-

шем стояла Луиза Кипчак. Восхитительная, бело-розовая, высоко подняла локти, омываемая сияющими струями. Бриллианты внизу живота делали ее похожей на небесную звезду среди влажного небосвода.

Савл Зайсман ухватил пинцетом ватный тампон, окунул в склянку с йодом. Провел борозду по дышащему животу, от пупка к лобку с редкой белесой паклей. Смотрел, как высыхает яркая лента, словно на живот наклеили полоску золотой фольги. Подумал и, усмехнувшись, нарисовал на животе смешную рожицу — кружок, две точки, черточку и под ней запятую. Так рисуют маленьких человечков.

Извлек из кейса яркий ланцет. Покачивая головой, прицелился и сделал быстрый твердый надрез. Ткань распалась, полилась вишневая кровь. В фиолетово-розовых пленках разверзлось женское лоно, где, укутанный в прозрачные оболочки, пульсировал зародыш — лобастая голова, выпученные, как у рыбьего малька, глаза, поджатые к подбородку колени, скрюченные на складчатых ручках кулачки. Эмбрион был живой, казалось, ослеп от преждевременно хлынувшего света. Савл Зайсман просунул под него ладони, бережно вытягивая из материнской утробы. За эмбрионом тянулась прозрачная слизь, толстая пуповина, горячий отекающий студень. Поддерживая плод одной широкой ладонью, в другую он взял ланцет и отсек ребенка от матери. Смотрел, как сотрясается скользкое тельце на его большой ладони, плывет в ней, словно в священной ладье; появившись в мир, чтобы тотчас его покинуть.

Растворил висящий на шпагате полиэтиленовый пакет и аккуратно слил в него скользкий плод. Подвесил пакет на прищепке. Смотрел, как натекает розовато-желтая жидкость. Эмбрион в пакете был похож на размороженного цыпленка.

Савл Зайсман извлек из кейса молекулярный вибратор — изящный прибор с красным огоньком индикатора. Запустил его и стал водить струйкой разноцветных молекул в разъятой утробе. Истерзанное ланцетом лоно начинало заживать, рассеченные сосуды срастались, кровь унималась. Ловкими пальцами модельер стянул кромки раны, вел вибратором, и рана смыкалась, словно застегивали молнию. Скоро на опавшем, обмелевшем животе не было даже рубца. Только пролежала полустертая золотистая полоса да красовалась смешная детская рожица.

Кутюрье позвонил по телефону.

— Господа, быстро ко мне,— позвал он кого-то.— И захватите носилки.

Через несколько минут в каюте появились лысинка Жванецкого и шляпа Боярского. Оба несли пустые носилки.

— Господа, нужна ваша помощь. Эту милую русскую женщину отнесите на пристань и положите где-нибудь в сторонке, на свежем воздухе. Через пару часов она проснется. Эти деньги,— он указал на грудку долларов,— заложите в длинную ткань и опояшайте ее под юбкой. Чтобы, не дай бог, другие богомольцы ни сперли.

Вошедшие беспрекословно, как верные слуги, и ловко, как санитары, одели спящую женщину. Обмотали вокруг живота матерчатый пояс, полный денежных пачек. Одернули юбку. Переложили женщину на носилки и унесли.

Савл Зайсман свернул окровавленную клеенку и сунул в кейс. Туда же уложил ланцет и склянки. Извлек небольшую хромированную мясорубку, вставил в розетку штепсель. Подошел к висящему эмбриону, легонько ткнул пальцем, чувствуя мякоть теплого тельца. Смотрел, как качается на прищепке пакет.

— Сударыня,— постучал он в дверь ванной, за которой умолк шум воды.— Время ложиться в ванну и время вставать из ванной. Я вас жду, моя прелесть.

На этот нежный призыв появилась Луиза Кипчак. Она не сочла нужным набросить халат на свои влажные розовые плечи. Возникла во всей обольстительной наготе, в благоухающем тумане, похожая на раскрывшуюся лилию.

— Я готова, маэстро.— Она позволяла любоваться собой, медленно поворачивалась. Так на выставке антиквариата поворачивается драгоценная ваза,— блистательны были ее плечи, бедра, округлые груди и ягодицы.

Савл Зайсман стал оглядывать ее восхитительные формы. Брал за щиколотку и осматривал босую стопу. Нежно раздвигал бедра и заглядывал в самый сокровенный уголок. Просил воздеть руку и рассматривал подмышки. Приподымал на затылке влажные золотистые волосы и исследовал шею. Осторожно, как в музеях трогают драгоценные экспонаты, слегка приподнял грудь с изюминкой соска и заглянул под нее. И повсюду обнаруживал живородящие женские прелести, покрывавшие красавицу с ног до головы, превращая ее из обычной женщины в богиню плодородо-

дия и деторождения. Пресловутая морщинка на лбу уже не была морщинкой, но нежной расселиной, куда влекло любящего мужчину, который в своем обожании был готов проникнуть любимой женщине даже в мозг.

— Сударыня, извольте прилечь.— Савл Зайсман уложил Луизу Кипчак на постель, лицом в подушку. Любовался совершенным изгибом спины с розовой влажной ложбинкой, в которой держался аромат клубничного шампуня. Обнаружил под правой лопаткой все ту же прельстительную лунку, окруженную алыми лепестками. Скромный цветок ждал, когда в его медовую глубину опадет с тычинок пыльца. Нежно припал губами, вдыхая чудную сладость. Подобно шмелю, осторожно и нежно вкушал нектар, пока Луиза Кипчак не издала едва слышный вздох. Ее плечи опустились, голова утонула в подушке, и она забылась в упоительной грезе.

Савл Зайсман подставил под хромированную мясорубку эмалированную миску. Снял с прищепки пакет с эмбрионом. Включил мясорубку, слыша, как зарокотала отточенная фреза. Вытряхнул из пакета сырого фиолетово-розового младенца. Разогнул ему ножки и, держа вниз головой, стал погружать в мясорубку. Фреза хрустела, хлюпала, перемалывала сахарные хрящи, нежную плоть. Выдавливала в отверстия розовый, душно пахнущий фарш, который комочками падал в миску. Савл Зайсман окунул в мясорубку всего младенца, надавливая пальцем на крохотные пяточки, и их заталкивая под жужжащую фрезу. Все, что недавно было младенцем, теперь являло собой розовую кучку, пропитанную соком, из которой хоть сейчас можно было жарить котлетку.

Савл Зайсман достал одноразовый шприц. Насадил иглу. Всосал розовато-мутную жидкость. В ней содержались высококалорийные, насыщенные интенсивными генами клетки, обладающие огромной омолаживающей силой, гигантской витальной энергией, взятой из матки мира, откуда в первозданные времена возникла Вселенная. Савл Зайсман приблизился к дремлющей красавице и вколол иглу в матовую, жемчужную ягодицу. Укол был столь нежен, что богиня его не заметила. Лишь тихо вздохнула во сне.

Совершив омолаживающую инъекцию, маэстро промыл мясорубку, спрятал инструменты в алюминиевый кейс. Взял эмалированную миску и вышел на палубу.

Теплоход был готов к отплытию. Матросы разматывали швартовые. Кутюрье хотел отыскать на пристани рабу Божью Антони-

ну, но ее не было видно среди толпы богомольцев. Он перешел на противоположный борт, где открывался озерный простор. Вылил за борт содержимое миски, и красная муть расточилась среди бескрайних вод. Его распирало от дьявольского самодовольства Капризная дура, изнеженная и беспардонная стерва Луиза Кипчак надоела ему своими приставаниями, и он сыграл с нею злую шутку. Вместе с омолаживающими стволовыми клетками он впрыснул ей в кровь перемолотую ткань младенца, ответственную за рост зубов. И теперь исход вливания мог быть самым непредсказуемым.

Подумав об этом, Савл Зайсман весело рассмеялся и пошел в каюту будить Луизу Кипчак, ибо по палубам метался встревоженный и ревнивый Франц Малютка, отыскивающий свою вероломную подругу.

Теплоход отчалил. Остров с дивной обителью удалялся, сияя золотом глав, белея среди могучих деревьев благородной белизной соборов и башен.

Есаул печально смотрел на удалявшийся остров. Там остался его духовный отец, святой старец Евлампий, которого он не смог уберечь. Вода за бортом переливалась синевой в легчайших серебряных плесках. Над водами, из глубин, сотканный из водяной пылицы, звучал неизвестный стих. Кто-то молодой и печальный читал его тихим взволнованным голосом:

Милый друг, свиданье было долгим.
Ни друзей вокруг и ни врагов.
Белый пароход плывет по Волге,
А у Волги нету берегов.

На глубине, в обвалившейся шахте, засыпанный глыбами, лежал человек. Окаменелый, в позе эмбриона, он скрючился, словно в матке Земли, где случилось зачатие, но не случилось рождения. С поверхности, сквозь толщу, к нему неслись цветные корпускулы, что вырвались из плоти его умерщвленного сына. Как космические частицы со скоростью света прошибают планету насквозь, так молекулы сыновнего тела пронзили толщу земли, пронзили пласты, ударили в окаменелого человека. Разбудили. Шахтер Степан Климов, оживленный сыновней смертью, шевельнулся и встал. Но окаменелая статуя не вернула себе теплую одухотворенную плоть, биение сердца, дыхание оживших легких. Это

380

было подобие человека, преисполненное яростной силы. На шахтерской каске загорелся огненный луч, но теперь это был луч лазера, расплавлявший породу. Напряглись, шевельнулись ожившие мускулы, но теперь это были упругие рычаги и колеса, преисполненные мягкого рокота. Его руки вращались, как стальной грохочущий ротор, и пальцы были как насадки из победита. Он поднялся на сильных ногах, и они отжались, словно колонны с гидравликой, сияя сверкающей сталью. На его груди мерцала панель с индикаторами.

Он нащупал на ребрах рычаг управления, рванул, и его руки превратились в свистящий вихрь. Шагнул, неся перед собой металлическое солнце фрезы. Коснулся камня, делая овальный звонкий надрез, брызгая хрустящей породой. Частицы с поверхности продолжали лететь, указывая направление. Он вгрызался в камень, сверкая сталью, вытачивая коридор. Если камень не поддавался расточке и победит звенел и отскакивал, то шахтер направлял на глыбу луч лазера, и камень плавился, отекал, словно воск. Он двигался в центре Земли, как упорный металлический крот, вытачивая ход на поверхность, навстречу неведомым частицам.

«МЕЖДУ ВЫЦВЕТШИХ ЛИНИЙ...»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В открытом озере на теплоход поступила радиограмма. Президент Российской Федерации Порфирий Антонович Мухин приближается к теплоходу «Иосиф Бродский». Через полчаса его вертолет опустится на палубу корабля, где Президент выступит перед прессой с важным заявлением. Эта весть облетела теплоход, и пассажиры, готовясь к встрече, надевали лучшие туалеты, а журналисты и представители телевизионных компаний устранивались поближе к корме, где на палубе был начертан оранжевый круг — место посадки вертолета. Есаул первым получил сообщение, и оно вызвало в нем жестокое удовлетворение и холодную ясность. Такое чувство возникает у снайпера, когда точный затвор с легким шелестом посылает в канал ствола дальнобойный патрон, и тот ложится вдоль линии, соединяющей меткий зрачок с отчетливо различимой целью. Огненная «точка» под сердцем неумолимо приближалась к невидимой точке среди озерных разливов, и уже через несколько часов произойдет их совмещение. Так на экране локатора сближаются две отметки — летящего самолета и стремящейся навстречу ракеты. Два матовых пятнышка сольются и бесследно исчезнут, оставляя гаснущую млечную тень — координаты попадания, пустоту воздушного взрыва.

Он стоял на мостике, глядя в озерный разлив, обдумывая, все ли учел в предстоящей операции, не поддавался ли иллюзиям, не пошел ли на поводу сентиментальной жалости, не оставил ли врагам шанс уцелеть. Одни враги были уже уничтожены, заиндевевшие, лежали в морозильнике, накрытые американскими флагами. Другие еще разгуливали по палубе, глумливо поглядывая в его сторону. Но ни один из них не подкрался близко, не дотянулся до огненной, мерцающей под сердцем искры, не развернул крохотный свиток, на котором был начертан «план».

В небе появилась вертолетная пара Ми-24. Пятнистые и горбатые, с пушками и подвесками, военные машины барражировали над озером. Затем в солнечном нимбе винтов возник бело-голубой вертолет Президента. Золотой каплей горел на борту геральдический двуглавый орел. Все кинулись к корме, куда опускалась изящная машина, раздувая лопастями озерную воду. Коснулась колесами оранжевого круга. Был спущен трап. По нему, под огромным сверкающим опахалом винтов, сошел Президент, весь охваченный ветром, в пузырящемся легком костюме. Вертолет взлетел, оставив на палубе невысокого изысканного человека.

Президент Порфирий стоял в середине оранжевого круга, щурясь на солнце, невысокий, стройный, с великолепным загаром горнолыжника, недавно покинувшего альпийский курорт. Пресса кинулась к нему, остановленная охраной на границе охранительного оранжевого круга, куда не смели сунуться назойливые репортеры, не выдвигались алчные телекамеры, не дотягивались настырные руки с включенными диктофонами. Посыпались вопросы, на которые Президент отвечал произвольно и шутливо.

— Господин Президент, как снег в Альпах?

— Вез вам пригоршню на пробу, но в пути она растаяла.

— Как горнолыжные трассы в Швейцарии?

— Ни одной горизонтальной.

— Господин Президент, удалась ли ваша встреча с Жаком Шираком?

— Президент Франции на высоте двух тысяч метров выглядит столь же великолепно, как и на нулевой отметке.

— Правда ли, что у вас завязался курортный роман с Клаудией Шиффер?

— Роман — не шнурок на ботинке, чтобы ему завязываться или развязываться.

— Будет ли Украина платить за русский газ по мировым ценам?

— Я послал в подарок президенту Ющенко большой калькулятор, переводящий гривны в доллары.

— Как вы оцениваете обращение Президента Беларуси Лукашенко с оппозицией?

— Оппозицию нужно любить и лелеять и никогда не обременять властью.

— Что пожелаете нашим счастливым молодоженам?

— Крепкая семья — залог сильного государства.

— Вы остаетесь на третий срок?

— По этому поводу я сделаю сейчас специальное заявление.

Президент Порфирий пригласил в оранжевый круг Куприянова и посла Соединенных Штатов Александра Киршбоу и, улыбаясь в телекамеры, произнес:

— Конституция — это «символ веры» нашей демократии. Ее соблюдение — религия новой демократической России. Я присягал на Конституции и стану свято ее соблюдать. Поэтому третий срок президентства абсолютно для меня исключен. Я сделал все, что мог для нашей любимой Родины, и готов передать полномочия достойному человеку. — Он взглянул на Куприянова, и тот скромно потупился, предлагая публике не принимать сделанный Президентом намек на его счет. — Не сомневаюсь, новый, избранный народом Президент продолжит политику демократических преобразований, совершит дальнейший прорыв в деле возрождения нашей России, используя для этого прорыва все самые передовые достижения мировой цивилизации, в том числе и те, которые только пробивают себе дорогу на Западе. Россия останется верным другом Соединенных Штатов. — Он взглянул на посла Киршбоу, и тот, полный достоинства, поклонился. — Мы вместе примем вызовы наступающей эпохи, среди которых «международный терроризм» — далеко не единственный. Меня могут упрекнуть, что во времена моего президентства меня не всегда окружали достойные люди. Но полная смена кабинета, Администрации, аппарата, сопутствующая выборам Первого Лица, позволит новому хозяину Кремля собрать для себя наилучшую команду, с помощью которой он поведет Россию курсом прогресса и преуспевания! — Собравшиеся мельком взглянули на Есаула, и тот испытал презрительную иронию отторжения.

«Предатель!.. — проносилось в его голове. — Чекистский изменник!.. В Афганистане они всегда кидали нас на минные поля, а потом наводили на нас авиацию и артиллерию!.. Ненавижу!..»

Журналисты вновь устремились к Президенту с вопросами. Но тот, мило улыбаясь, произнес:

— Уважаемые дамы и господа, у нас еще будет время обменяться мнениями. Сейчас же я предпочел бы завершить пресс-конференцию. Мне необходимо уединиться с господином Киршбоу и обсудить ряд вопросов. Оставляю в ваше полное распо-

ряжение Аркадия Трофимовича Куприянова. — Он обнял одной рукой Куприянова, а другой — посла Киршбоу. Так они стояли под телекамерами, вспышками фотоаппаратов, чтобы уже к вечеру украсить своей непринужденной «троицей» первые страницы газет, кадры новостных передач.

Вместе с Киршбоу Президент удалился в свою каюту. А Куприянов, как медоносный цветок в саду, облепленный бабочками, шмелями, пчелами и разноцветными мухами, стал охотно и многоречиво отвечать на вопросы.

К Есаулу не подходил никто. Только чернявенький, насмешливый журналист из третьесортной газеты подскочил и, шепелявя, спросил:

— Господин Есаул, а вы бывали когда-нибудь в Гааге?

Не удостоив гниду ответом, Есаул удалился.

Вечером, когда угасала длинная летняя заря, теплоход плыл в мягких сумерках огромного, похожего на море озера. В салон для куренья сошлись Президент Порфирий и утомленный переговорами посол Киршбоу, элегантный и меланхоличный Савл Зайсман, неразлучная супружеская пара Луиза Кипчак и Франц Малютка, томный и снисходительный Куприянов и Есаул, исполненный чуткого ожидания. Оставили у порога обувь. Улеглись на полу среди персидских ковров, узорных подушек, полосатых турецких мутак. Служители в облачении сарацинов вносили кальяны, ставили перед курильщиками. Молча возжигали благовонные табаки, куда замешивались наркотические травы, маковые смеси, конопляная пыль. Было сладко вдыхать вкусный дым, глядя, как стеклянные колбы — зеленые, голубые, нежно-алые — наполняются плавающими завитками, как медленно булькает вода, пропуская мутно-серебряные пузыри, как тлеет и разгорается от вдохов алый уголь, и жадные губы соседа сосут костяной мундштук и его глаза наполняются дивным безумием. Узоры восточного ковра вдруг вспыхивали разноцветно, серебряная нить на подушке начинала сверкать и струиться, и казалось, в комнату залетела лучистая звезда и встала, разбрызгивая серебряный хвост, — манит, зовет, и ты, становясь бестелесным, превращаешься в сияющий дух, готов вспорхнуть и поплыть за звездой в манящие, беспредельные миры.

— Господа, — Савл Зайсман, медленно поводя невидящими, в наркотической поволоке глазами, выпустил облачко дыма, на-

поминавшее маленькую голову льва, которая стала разрастаться, занимая пространство комнаты, разевала пасть, высовывала влажный красный язык.— Не поиграть ли нам в увлекательную игру? Пусть каждый расскажет историю, которая изменила его жизнь. Сейчас мы опьянены, сознание свободно от условностей. Поведаем друг другу наши сокровенные тайны.

— Я не прочь.— Президент Порфирий водил в воздухе изящной рукой, стараясь уловить голубой завиток дыма, а тот струился меж пальцев, превращаясь то в лазурную бабочку, то в перламутровую парящую раковину.— Кто начнет?

— Мы предоставим это право прекрасной Луизе, в чьей судьбе произошел неведомый нам перелом, сделавшей ее жрицей любви.— Савл Зайсман сжал губы трубочкой, воображая себя птицей колибри, которая вьется над прекрасным цветком.— Вам слово, несравненная!

Луиза Кипчак не сразу откликнулась на предложение. Ее суженый Франц Малютка опьянел от комочка гашиша, тлеющего в кальяне. Рубаха на груди расстегнулась, серебряный крест съехал на сторону. Он закатил глаза, воображая себя синим озером, расположенным высоко в Тибете, на берегу которого стоит забытый монахами кувшин. Пользуясь отрешенностью мужа, супруга незаметно протянула босую ногу в сторону Куприянова, нащупала гибкими пальцами его ширинку и неторопливо расстегивала пуговицы, старательно пробираясь внутрь. Куприянову казалось, что он плывет по серебристой лагуне, над пальмами сияет луна, и невидимая рыба ласкает ему пах и живот.

— Я согласна,— отозвалась на приглашение Луиза Кипчак, расстегивая последнюю неподатливую пуговицу и касаясь пальчиками того, что так тщательно скрывал Куприянов.— Это случилось со мной в девичестве, в ту волшебную пору, когда любовь присылает своих гонцов, но они не переступают порог твоей опочивальни и издалека снимают шляпу. Однажды, белой петербургской ночью, я не могла уснуть. Под подушкой у меня лежал журнал «Плейбой», который я взяла у папы из потайного ящика. Я услышала в гостиной какой-то шум, звуки рояля, сдавленные крики. Босая, в ночной рубашке, поднялась, вышла в коридор и заглянула в замочную скважину нашей великолепной двери, ведущей в гостиную, которую папа привез из средневекового английского замка. Моим глазам предстала поразительная картина. Папа,

голый, в буденовке, на которой красовалась красная звезда, стоял на четвереньках. Перед ним находился обруч, охваченный по всей окружности пламенем. Мама, тоже обнаженная, в парижской соломенной шляпке, стояла рядом и щелкала бичом. Папин шофер, тоже без всякой одежды, сидел за роялем и играл Брамса. Мама вскрикивала: «Алле-гоп!» Папа отталкивался от паркета и нырял в горящий обруч, а мама успевала хлестнуть его по ягодицам. Папа на четвереньках подбегал к маме и целовал ей руку. Мама кидала ему на пол кусочек докторской колбасы, и пока папа ел прямо с пола, мама садилась на колени к шоферу, и они начинали играть в четыре руки. Вот тогда, глядя в замочную скважину, я впервые поняла, что любовь имеет множество удивительных проявлений. И я решила стать «жрицей любви». Удалось ли это, не мне судить.

Она умолкла. Шевелила гибкими пальчиками в брюках у Куприянова. А тому казалось, что он — Уинстон Черчилль, у него между ног торчит гаванская сигара и на ней золотится изящный фирменный ярлычок.

— Благодарим вас, восхитительная Луиза,— произнес Савл Зайсман, отгоняя слоистое облачко дыма, которое напоминало летящего фламинго, превратилось в дамскую туфлю с хрустальными крылышками, а затем в хохочущий рот, уплывающий в дальний угол комнаты.— Ваша история через тысячу лет всплывет в рассказе какого-нибудь мечтателя, и он не будет знать, как она залетела в его память. А теперь пусть расскажет наш замечательный друг, счастливый супруг Франц Малютка. Франц, дорогой, что круто изменило всю твою жизнь? Франц Малютка, накурившись, чувствовал любовь ко всем возлежащим на персидских коврах. Особенно к своей строптивой, но такой беззащитной, такой уязвимой жене. Бедняжка босая, на лютом морозе, среди сверкающих льдов, пытаясь спастись, прятала босые стопы в стоге мерзлого сена. Сено не грело, кололо милые пальчики. К тому же в стоге обитали мыши, тушканчики и морские свинки, и одна из них, большая и мерзкая, вдруг высунула наружу свою розовую раздраженную мордочку.

— А что тут рассказывать? — рассеянно произнес Малютка.— Посредники заебли. Никакого бизнеса. Ну, я их пригласил в ресторан. Принесли коньяк, осетрину. Я сказал: «Братаны, так больше жить нельзя». Достал «макарыча» и прострелил им бошки. С тех пор дела пошли хорошо.

Он улыбался, потому что с любимой женой они парили на серебряном дирижабле, внизу, совсем близко, проплывала Эйфелева башня и принц Чарльз, в цилиндре и белом шарфе, манил его колодой карт, приглашая сразиться в покер.

— Поучительный пример, дорогой Франц,— поощрял его Савл Зайсман.— Только в Сибири еще не перевелись подобные натуры. Этот ген заслуживает того, чтобы его сохраняли века. Быть может, вы, господин посол, расскажете нечто, что сделало вас столь известным дипломатом и утонченным знатоком России?

Посол Александр Киршбоу выпустил из губ костяной мундштук зеленого кальяна. Дым вскружил ему голову. Он казался себе дамским лифчиком размером № 6, отороченным кружевами. Так чудесно было ощущать полноту теплой, пышной груди с чуть выпиравшими сосками. Знать, что весь день можно находиться в тесном соприкосновении с любимой женщиной. А когда та, утомленная к вечеру, лениво совлекала перед зеркалом платье и вешала лифчик на спинку стула, можно было всю ночь перед таинственно мерцающим зеркалом любоваться спящей возлюбленной, озаряемой редкими вспышками пролетающих автомобилей.

— Господа,— посол неохотно возвращался из мира грез в мир реальности.— Детство мое прошло на Западном побережье, и я мечтал стать зоологом, естествоиспытателем. Ничего никогда не слышал о России. Я рано вступил в «Общество охраны китов». Однажды нам сообщили, что недалеко от Сан-Диего на песчаный пляж выбросился кит. Мы поспешили его спасти. Животное еще было живо, когда мы подъехали. Мы ломали голову, что заставило этого красавца покончить с жизнью, что явилось основой его суицидного инстинкта. Внезапно из раскрытого зева кита показалась человеческая голова, и скоро на свет вылез весь человек, в слизи, облепленный планктоном, в ракушках и мелких рачках, которые составляют излюбленную пищу кита. На плохом английском он объяснил, что является известным советским поэтом Андреем Дементьевым. Решил таким образом иммигрировать из СССР, не в силах выносить гнет режима. Чтобы быть проглоченным китом, он долго плавал в облаке планктона, прикидываясь одним из ракообразных. Наконец, кит его проглотил, и поэт, перемещаясь в чреве кита, громко, как молитву, читал собственные стихи. Кит не выдержал декламаций и решил покончить с собой. От поэта, много дней проведенного в чреве кита, пахло несвежей рыбой и

водорослями. Он тут же стал читать нам стихи. Я запомнил только одну строку: «Мне снился сон, что Пушкин был Кобзон». Эта встреча перевернула всю мою жизнь. Я поступил в Гарвард, стал интересоваться Россией, перечитал всего Достоевского. Когда приехал послом в Москву, снова встретил поэта Андрея Дементьева. Он ничуть не постарел. От него все еще пахнет водорослями. Теперь он ведет телевизионную программу «Народ хочет знать» и почти никогда не падает с трибуны от ветхости.

Савл Зайсман сделал глубокий вздох, наполнив мозг дымом, разбудившим генетическую память. Ему показалось, что в голове открылся бесконечный коридор, сквозь который сочилась лазурь. Вытянув руки, он летел на эту лазурь, возвращаясь вспять через миллионы лет эволюции. Вынесся на простор, где плескалось безбрежное море, отражая на волнах золотое солнце. В фонтане брызг, распахивая волны чешуйчатым телом, вынырнул динозавр, держа в зубах сиреневую скользкую рыбу.

— Весьма поучительная история,— сказал Савл Зайсман, ощущая свое тождество с рыбой, погибшей в зубах динозавра миллион лет назад.— А вы, любезный Аркадий Трофимович,— обратился он к Куприянову.— Что повлияло на вашу судьбу?

Куприянов не отрывал глаз от багрового угля в горловине кальяна. Уголь казался гигантской планетой в сопредельной галактике, откуда поступали непрерывные излучения, настойчивые сигналы. Планета, воплощение женственности, взывала, манила в свои багряные глубины, сулила блаженство, невозможное на земле. Он знал, что чья-то душа, родная и верная, ждет его в иных мирах, посылая безмолвную весть.

— Мой случай особый,— произнес Куприянов, позволяя прелестной ножке Луизы Кипчак пробираться все дальше и дальше в недрах своего туалета. Утолив самый первый, непосредственный интерес, ножка перестала теревить то, что нуждалось в покое. Перебралась под рубашкой на грудь, в надежде обнаружить нательный крест. Не найдя, просунулась из воротничка под подбородком Куприянова, поглаживая его щеку и почесывая за ухом. Франц Малютка, обкуренный, с остекляненными зрачками, узнал ногу жены, схватившую мочку Куприяновского уха. Но это не вызвало у него недоумения, а лишь породило умиление, любовь ко всем, благодарность за то, что приняли его в этот прекрасный загадочный мир, где правая нога жены не знает, что делает левая.— Мой случай особый,— повторил Куприянов.— В детстве у меня

был попугайчик, синенький, желто-зелененький, с милым хохолком. Это была самочка, которую звали Сити. Она замечательно пела. Часто, оставаясь вдвоем, мы пели дуэтом. Это могло продолжаться часами. Между нами возникло чувство двух родственных душ, посвятивших свои жизни вокалу. Это чувство не могло не перейти в близость. При первом же соитии она умерла. Я не стал устраивать пышные похороны. Нашел пустырь на берегу Москвы-реки за гостиницей «Украина». Вырыл небольшую ямку, выложил ее изнутри фарфоровыми черепками, постелил серебряную бумажку от шоколада «Красная Москва», опустил покойницу, которая была как живая. Накрыл ее уютный склеп кусочком стекла, чтобы можно было приходить и на нее любоваться. А сверху утвердил керамическую плитку, на которой написал эпитафию: «Она была большой актрисой, питалась зернышками риса». Нередко я навещал могилу, посыпая ее крошками хлеба, пшеном и рисовыми зернами. Тихонько пел ее любимые романсы и арии, и мне казалось, что она подпевает. Однажды я уехал в Париж, где меня прослушала известная певица Галина Вишневская и тут же рекомендовала в Гранд-опера. Вернувшись в Москву, я с ужасом увидел, что весь пустырь у реки перерыт, повсюду взрывают котлованы, вгоняют бетонные сваи, утюжат гусеницами землю. Это мэр Лужков начал строительство делового центра. Меня словно ударила молния. Могила любимого существа бесследно исчезла. Вместе с ней исчезла последняя иллюзия, что мы все еще вместе. Я решил оставить карьеру певца и ушел с головой в политику. В конце концов, мне удалось заставить мэра Лужкова назвать этот деловой центр именем моей ненаглядной Сити. Теперь, проезжая по Третьему кольцу, мне чудится, что это она, моя птичка, превратившись в небоскребы, хрустальные мосты и огненные рекламы, взирает на меня со словами: «Я здесь». Последние события таковы, что у меня возникла надежда на воскрешение моей милой Сити. Если стану Президентом, посвящу этому всю мою жизнь.

Он умолк, жадно припал к кальяну. Возлежащая подле него Луиза Кипчак казалась ему трогательной и любимой птицей, в голубом оперении, с золотисто-зеленой грудкой и милым хохолком, который так чудесно щекотал его ухо.

— Эту историю нельзя слушать без слез,— произнес Савл Зайсман.— Обещаю вам, дорогой Аркадий Трофимович, все мои знания посвятить воскрешению вашего незабвенного друга, птич-

390

ки Сити. По возвращении в Москву распоряжусь взять пробы грунта в районе строительства. Почва, как и вода, хранит генетическую информацию. Мы поместим образцы в банку, подведем электрический ток и станем взращивать вашу Сити. Это будет называться «Сити-банк». Сейчас же послушаем исповедь нашего дорогого Порфирия Антоновича. Пусть расскажет о своих изломах судьбы.— С этими словами Савл Зайсман обратился к Президенту Порфирию, который вкусил вместе с дымом легкую дозу «экстази». Мчался по альпийским снегам, переносясь с вершины на вершину в тот предзакатный час, когда швейцарские льды напоминают разноцветные хрустали. Он, легконогий лыжник, переносился с алой вершины на изумрудную, перелетал с золотого ледника на лазурный. Казался себе волшебным фонарщиком, развешивающим над Швейцарией цветные лампы.

— Вы знаете, что мое прошлое связано с КГБ,— не сразу отозвался Президент Порфирий, еще некоторое время летая над Монбланом, напоминавшим гигантский бокал рубинового вина.— Отслужив в Германии на конспиративной работе, я был переведен в Ленинград, где меня бросили на раскрытие американской шпионской сети. Мы подозревали одного человека. След вывел на негс. Мне было поручено проследить за ним и взять в тот момент, когда он станет делать «закладку» в тайник. Я сел ему на хвост в районе Фонтанки, обратив внимание, как он трет спиною о конскую статую скульптора Клода. Это был явный сигнал кому-то, с кем ему предстояло встретиться. У Казанского собора он долго стоял, взирая на памятник Барклаю де Толли, и ковырял в носу, подавая сигналы невидимому сообщнику. В арке Главного штаба он несколько раз чихнул, пользуясь акустикой и создавая эхо, которое не мог не слышать его подельник. Когда он переходил Дворцовую площадь, пролетавшая ворона уронила ему на шляпу жидкий известковый комочек, и он несколько минут чистил шляпу, при этом, помахивая ею в сторону Невы,— намечал направление своих перемещений. Перед Медным всадником задержался минуты на три и показывал царю язык, корчил рожи, передавая кому-то зашифрованное мимическое послание. Задержался на мосту и плюнул в Неву, что могло равно означать как сигнал тревоги, так и знак того, что опасности не существует. У Большой Пятничной мечети он сидел на скамейке, ел эскимо и кинул бумажку от мороженого не в урну, которая находилась рядом, а на дорожку, под ноги прохожим, что было явным

предупреждением кому-то, с кем он выходил на связь. Уже вечером, на Литейном проспекте он съел пончик и вытирал сальные руки прямо о пальто, что на языке конспираторов могло означать: «За мной хвост». К ночи, желая от меня оторваться, он нырнул в подворотню, проскользнул внутренними дворами, миновал пару улиц и, зайдя на задворки дома, на котором, обращенная к проспекту, горела и переливалась реклама, остановился. Расстегнул штаны и стал мочиться. Никогда не забуду, как в свете рекламы переливалась его струя. Становилась то огненно-красной, то волшебноголубой, то изумрудно-зеленой, то нежно-аметистовой. Он заметил, что я люблюсь. Подозвал меня, и мы вместе наблюдали игру цвета, пока не иссякла струя. Он произнес: «Вот так же в предзакатный час переливаются ледники Швейцарии». Я понял, что больше не могу находиться в рядах КГБ. Мы подружились. Эта дружба стала для меня судьбоносной. Ибо человек, в котором я подозревал американского шпиона, был не кто иной, как будущий мэр Петербурга, чья очаровательная дочь составляет сейчас цвет нашей компании. Я навещал их дом, когда Луиза была еще девочкой-подростком. Она не раз приглашала меня в ванную, где принимала душ, и просила потереть ее милую стройную спинку. Когда я тер, ее наивные, похожие на воробышков грудки трогательно трепетали, словно хотели взлететь.

С этими словами Президент Порфирий мечтательно забылся, словно вновь увидел ту сумрачную подворотню у Литейного, драгоценные переливы струи, так странно изменившие течение его судьбы.

— Дорогой Савл.— Луиза Кипчак залезла мизинцем ноги в ухо Куприянова и создавала там нежный шелест, от которого у мечтательного Куприянова кружилась голова,— ему казалось, что это шелестят крылышки его незабвенной Сити.— А почему бы вам не поведать нам историю, которая подняла вас на вершину вашей славы? Вы бросили вызов беспощадному времени, которое обращает дворцы в руины, царства в прах, могущественных властителей в горстку пыли. Времени, что испещряет лицо красавицы морщинами старости, превращает красоту в уродство, бал жизни в ритуал погребения. Как вы стали прославленным кутюрье и несравненным гением инженером?

Савл Зайсман, искуриив вместе с табаком кальяна крошку наркотической смолы, свободно перемещался по шкале эволюции, носился в замкнутом круге бесчисленных воплощений. Он стано-

вился то вирусом гриппа в легких Наполеона, помешавшего тому выиграть битву при Ватерлоо. То раковой опухолью в голове Нерона, заставлявшей императора искать средства от боли, что и побудило его сжечь Рим — эту злокачественную опухоль древнего мира. То он становился княгиней Ольгой в ее первую брачную ночь с князем Игорем, когда того посетило бессилие. То Хемингуэем, приступающим к написанию повести «Там, в Мичигане», когда у писателя завязалась переписка с Гертрудой Стайн. Савл Зайсман не сразу соскочил с этой восхитительной карусели, но, соскочив, произнес:

— Вы знаете мое родство со Львом Давыдовичем Троцким. Это родство не помешало мне в советское время получить достойное образование. Я окончил университет, географический факультет и увлекся изучением Антарктиды. Меня, молодого ученого, направили в антарктическую экспедицию, где я изучал шельфовые льды на берегу Принцессы Марты. Когда основная часть экспедиции на вездеходе направилась к Южному полюсу водружать там советский флаг, я предпринял одиночную прогулку вдоль берега к прибрежному леднику, постепенно сползавшему в океан. Было предвечернее время, когда низкое солнце бросало косые лучи, делающие ледник прозрачным. Двигаясь по берегу моря Лазарева, я вдруг увидел потрясшее меня зрелище. В гигантскую глыбу льда, нависшую над океаном, прозрачную, как зеленоватое стекло, были вморожены две человеческие фигуры, громадных размеров мужчина и женщина. Это были великаны, метров по пятнадцать ростом, абсолютно голые, в позах соития. Видимо в этот момент их и застало всемирное оледенение. Их лица были прекрасны, выражали высший момент сладострастия. Мужчина обнимал женщину, впишись в ее рот губами. Она охватила его ногами, плотно сжимая пятками, желая продлить вспышку блаженства. Эта вспышка и совпала с моментом их смерти, придав их лицам выражение эпической одухотворенности. Я был поражен, не мог налюбоваться. Сквозь слой прозрачного льда были видны великолепные груди великанши, ее золотые кудри, малая часть которых проступала сквозь лед. Могучая мускулатура мужчины, часть фаллоса, скрытого в женщине. У меня мелькнула мысль, что в его семенниках, сбереженное во льду, еще хранится семя, от которого могло бы произрасти поколение совершенных, огромного роста людей, населявших планету в мифологические времена. О чем, между прочим, в своих

трудах писала мадам Блаватская. Я загорелся желанием вернуть на землю это племя великанов, добыть замороженное семя и в условиях лаборатории приступить к эксперименту взращивания. Вскарабкался на ледовую глыбу, срезал прядь женских волос, которые напоминали золотые нити, какими расцвечивают праздничные ризы патриархов. Вернулся на базу, чтобы сообщить о своем открытии и побудить товарищей отложить все остальные исследования и начать выпиливать из ледника драгоценную глыбу. Но экспедиция еще не вернулась с Южного полюса. А когда на следующий день я вновь отправился к заповедному месту, моим глазам открылась горькая картина. Глыба с вмороженными великанами отломилась от ледника и уплывала в виде айсберга в холодном морском течении. Я смотрел, как переливается лед, как покачиваются в нем тела, будто продолжается их любовная встреча. Увы, они были потеряны для науки. Их уносило холодным Бенгельским течением в сторону Южной Африки, где айсберг неминуемо растает, великаны канут в море, став добычей прожорливых рыб. Я мог лишь с горечью провожать их в последнее странствие, радуясь тому, что сберег пучок золотых волос. С этого момента я оставил географию и посвятил себя изучению древних преданий, мифов, археологических свидетельств существования древней совершенной расы людей, которых в последующие тысячелетия постигла порча, они уменьшились в размерах, утратили совершенство, сократили срок своего пребывания на земле. Я изучал фольклор, ритуальные приемы, священные наряды жрецов. Последнее позволило мне стать непревзойденным кутюрье, использующим в своих коллекциях магическую эстетику древности. Но главное мое дело — воссоздание совершенного человека. Оказывается, той же идеей был увлечен мой прадедушка Лев Давыдович. Когда началась горбачевская перестройка, я уехал в Америку и там основал сначала лабораторию, а потом и корпорацию, производящую биотехнологии. Мы находимся накануне великой эры. Пусть не сегодня, но завтра я воскрешу своего великого прадеда и добуду у него «Формулу великого генетического преобразования России».

Он умолк, лег на живот и стал сотрясаться, воображая себя доисторическим великаном, обнимающим могучую подругу на берегу теплой лагуны в момент, когда уже подлетал к земле гигантский метеорит и гасил жаркое солнце.

— Ну а ты, Василий,— обратился к Есаулу Президент Порфирий,— позабавь и ты нас своей историей. Как ты дошел до жизни такой?

Все это время Есаул мучительно наблюдал за Президентом Порфирием. Старался разглядеть на его миловидном лице признаки душевных борений. Намеки на то, что принятое им решение не окончательно, подлежит пересмотру. Что великое дело, ради которого все эти годы они сражались и жертвовали, не предано.

Его «лобный глаз» был зорек и прозорлив. Он тщательно следил за тем, чтобы служители в восточных чувяках и шелковых тюрбанах в легкий табак кальяна не добавляли наркотическую смесь. Разум оставался светел. Хотя дым, витавший под сводами курильни, насыщенный «экстази», героиновой смолкой, гарью конопляных семян, слегка возбуждал. Но это сообщало его «сокровенному оку» дополнительную прозорливость. Казалось, закрывавшая глазницу костяная пластина исчезла, и вместо нее был вставлен окуляр голубоватой просветленной оптики. Сквозь эту магическую оптику он видел Афганистан, картины и зрелища «афганского похода».

Штаб 40-й армии — янтарный дворец на горе, окруженный цветущими яблонями, с серпантинном, изящным порталом. На третьем этаже, в золоченой стойке резного бара, сохранилось пулевое отверстие,— место, где был застрелен Амин. Клубящийся черный вар кабульской толпы, нескончаемо бредущей по Майванду. Кожаный мешок водоноши. Голубое лезвие брадобрея. Медные веса духанщика. Горы изюма, урюка и черного чая. Лазуриты и яшмы в ювелирной лавке. Черно-красные ковры, брошенные на проезжую часть. Фиолетовый недобрый глаз под чалмой. Таинственная прелесть укрытого в паранджу молодого женского тела. И над всем — зеленый, изразцовый, как огромный стебель хвоща, минарет мечети Пули Хишти. Ущелье Саланг, охваченное кручами, с крохотными, как гнезда ласточек, кишлаками, мимо которых катят «наливники», трейлеры, разукрашенные грузовики — «барбухайки», платформы с танками. И внезапно ущелье окутывает дым перестрелки, электросваркой мерцают на горе пулеметы, горит с двух концов колонна, и водитель, словно пылающий факел, выпадает из кабины под кручу. Ущелье Панджшер в районе Киджоля, седая поднебесная осыпь с глубокими, у самой вершины пещерами, где грохочут пулеметы душманов, танки выкуривают их из укрытий, бьют, задрав пушки, прямой наводкой, возвра-

щуются пополнить боезапас, утыканные, как ежи, вонзившимися в броню стальными сердечниками. Сладкий дым очага, глинобитный, телесно-золотистый дувал, пыльные овцы на солнце, в белоснежных балахонах, краснолицые чернобородые крестьяне с кетменями на плечах, женщины в накидках, как дивные цветы,— голубая, зеленая, желтая — плывут вдоль горячей стены. Грохот вертолетов, скребущих рыжее небо Герата, пыльные розы под гусеницами БМП, осторожная колонна втягивается в мятежный район Деванчу, и тупой железный удар, от которого ноют кости,— подорвалась головная машина, вялый дым, отскочивший каток. Кандагар, похожий на лоскутное цветное одеяло. Голошение рынков, заунывные молитвы мечетей. Моторикши, как нарядные резные табакерки. Трофейные английские пушки на «Черной площади». Застава с металлическими, пробитыми пулями баками. И ночью над пепельной безмолвной равниной с остатками виноградников и разбитыми вдребезги кишлаками мертвенно плывут осветительные бомбы, как оранжевые дыни, рождая в душах тоску и предчувствие смерти. Лашкаргах с развалинами крепости и аркой, построенной Александром Македонским, от которой открывается унылая бесконечная степь, предвестье пустыни, и солдаты в панاماх развели под аркой костер, жарят подорвавшегося на mine барана. Пустыня Регистан, красная как Марс, катит барханы до Пакистанской границы. Вертолет, завидев черточку каравана, снижается, делает очередь из курсового пулемета, и спецназ бежит по песку к тощим пыльным верблюдам, обыскивает переметные сумки, и погонщик-белудж, черный как смола, что-то испуганно и невнятно бормочет.

Эти зрелища тянулись вдоль дороги, которая была его жизнью. Он созерцал их со щемящей любовью и болью, благодарный стране, которая казалась приснившимся сном, одарила во сне небывалым откровением.

— Василий, расскажи нам, как ты дошел до жизни такой? — повторил свой вопрос Президент Порфирий с незлой насмешкой, подбадривая Есаула.

Есаул лежал на мягкой подушке, на которой серебряной нитью была вышита цапля. Его окружали грезящие опьяненные люди, говорившие, как сомнамбулы. Он и сам был опьянен своей прожитой жизнью, которую ему кто-то поднес, как жертвенный сосуд с таинственным напитком. От этого напитка вдруг расширялись счастливо глаза, и он созерцал бесконечную лазурь,

но потом наступала мгла, полная теней и иллюзий, и сердце охватывал страх.

— Вы знаете, я служил в военной разведке при штабе 40-й армии,— начал он свой рассказ, обращая его главным образом к Президенту Порфирию, глядя на его тонкую переносицу, где, казалось, теплится нежное свечение неисчезнувшего детства.— Мы разработали операцию, намереваясь столкнуть между собой два пуштунских племени, чтобы они, враждуя, дали нам передышку. Для этого я был отправлен на переговоры с вождем племени Ага-ханом. Повез ему деньги и несколько грузовиков с «калашниковыми». Ага-хан принял оружие, клялся в вечной дружбе, обещал преградить путь пакистанским караванам. Но стоило мне уехать, как он обратил подаренные «калашниковы» против наших застав и конвоев, и наши потери удвоились. Командование армии решило наказать вероломного Ага-хана. Послало штурмовики разбомбить его родовой кишлак. Я сел в головную спарку, мы совершили несколько воздушных атак на кишлак, который находился у самой пакистанской границы. Было видно, как взрывы сметают дома, рушат мечеть, разрушают арыки, сжигают виноградники и сады. Бежали обезумевшие люди, скакали сорванные с привязей кони, рассыпались горящие овцы. Мы заходили на кишлак с разных сторон, посыпали его бомбами, гвоздили ракетами, поливали из скорострельных пушек. Во время одного из заходов мы нарушили пакистанскую границу. Взлетевшая из Пешавара пара «фантомов» атаковала нас и выпустила ракету. Я услышал взрыв, крыло развалилось, мы потеряли управление, стали падать в красные пески пустыни Регистан. Летчик был убит, а я, оглушенный, катапультировался. Приземлился недалеко от обломков самолета в сыпучих песках. У меня был пистолет, я стал уходить по пустыне, подальше от границы, в надежде, что наши пришлют подмогу. На песках оставались мои следы. Я знал, что пуштуны гонятся за мной по пятам. День я пробирался по пеклу, так что лицо мое обгорело и распухло от солнечного ожога. Я умирал от жажды. К вечеру меня настигли душманы. В перестрелке я израсходовал всю обойму. Был ранен, захвачен в плен. Меня связали, перебрали через спину лошади и привезли в кишлак, который мы недавно бомбили. Нас встречала толпа разъяренных людей. В меня кидали камнями, били палками, сыпали в глаза песок, полосовали ножами. Я потерял сознание. Очнулся лишь утром во дворе афганского дома, подвешенный под деревянную балку, один среди

чужаков. Сначала ожидал, что нагрянет подмога, ибо слышал на окраине кишлака какие-то выстрелы. Потом ожидал, что вернутся пуштуны и устроят мне мучительную казнь. Я ослабел от жажды, от потери крови. Висел на солнцепеке, на грани теплового удара. И тогда мне явился Ангел...

Есаул обращался к Президенту Порфирию, облучая своим «сокровенным оком», источая страстный луч, коим старался обратить его в прежнюю веру, отогнать мистической страстью злые чары. Вразумлял, убеждал, делился своим откровением.

Ангел возник из соседней пустыни, огромный, под самое солнце, с лицом ослепительным и горящим. У него были белоснежные крылья, которыми он касался земли. Его ноги, громадные, как колонны из яшмы, упирались в бархан. На груди сиял золотой доспех. Очи сверкали как молнии, а уста рокотали как гром. Он мне сказал: «Ты отмечен судьбой. Выбран Богом. Тебе уготована доля спасителя России, которую ждут ужасные поражения. Страну захватят предатели, разрежут на части, в Кремле обоснуется враг, народ впадет в бессилие и уныние. Но тебе будет дано спасти Родину. Готовься, это потребует от тебя великого подвига, жестокости, безжалостности к себе и к другим. Только великим подвигом и жертвой ты спасешь Россию». Не буду рассказывать, как я выдержал ад плена, допросы в пакистанской разведке, увечья, потерю памяти. Вернувшись домой, жил как во сне. Почти не заметил распад СССР, московский пожар 93-го года. И только когда началась вторая Чеченская, я вернулся в разведку. Состоялось мое знакомство с Президентом Порфирием...

Есаулу казалось, что в лице Президента Порфирия открылось прежнее выражение восторженной веры, мессианского озарения, которое так поразило Есаула в их первую встречу.

— Порфирий, ты помнишь нашу встречу в Барвихе, как мы гуляли под соснами и наш первый разговор о трагическом положении, в котором оказалась страна? Олигархи захватили власть и финансы. Министры и чиновники погрязли в воровстве и коррупции. Армии нет, промышленность в развале, казна пуста. Кругом предатели, агенты врага или откровенные шизофреники. Страна трещит и разваливается. Ты помнишь, как мы поклялись остановить разрушение, перехватить у предателей власть?

Лицо Президента Порфирия покрылось легким румянцем — знак того, что его посетили возвышенные мысли и чувства. Он внимал Есаулу. Был прежним — страстным, верным и верящим.

— Как много мы сделали за эти пять лет! Посадили олигархов на короткий поводок. Приструнили сепаратистов в Казани, в Грозном, в Кызыле. Изгнали агентов Америки из армии и госбезопасности. Наполнили казну нефтедолларами, каких никогда не видала Россия. Вышвырнули либералов из политики и телевидения. Собрали в Думе команду деятельных патриотов, истосковавшихся по служению Родине. Мы подготовились для мощного рывка. Собранные деньги хотели пустить на воссоздание здорового, жизнеспособного населения. Готовили грандиозные проекты, продолжающие великое советское строительство. У людей появилась надежда, нам поверили, народ вздохнул. Армия возродилась. Ученые, не покинувшие лабораторий, радовали открытиями. Художники и писатели вновь посвящали свои таланты великой стране. Порфирий, ты не можешь изменить своей клятве. Не можешь покинуть пост. Ты — солдат, «воин Христов», как сказал один мученик-схимник. Тебя околдовали чародеи, заманили в сети масоны. Разруби эти сети! Прогони чародеев!

Есаул умолял, угрожал, проповедовал. Вкладывал в свою проповедь всю свою веру и страсть, последние свои упования.

— Решайся, Порфирий! Иди на третий срок! Народ и Россия ждут тебя!..

Умолк, задыхаясь. Кальяны вокруг переливались цветными стеклами. Пламенели жаркие угли. Струился душистый дым. Серебряная цапля на восточной подушке нацелила сверкающий клюв.

— Ты — дурак, сумасшедший, спятивший маньяк, — произнес Президент Порфирий. Есаул увидел, как уродливо искривился его маленький рот. — Ты не понимаешь, что произошло. Нет никакой России. Нет никакого народа. Спившееся, больное быдло, не годное ни на какую работу. Россия завершила свою историю, и теперь на этом месте зарождается иная история, грядут иные свершения, не имеющие ничего общего с так называемой «Великой Россией». Я передам мою власть Куприянову и людям, созидającym будущий мир, будущее совершенное человечество. А сам уйду из политики. С меня хватит. Я создан не для высоких идей и мессианских свершений. Моя вила на Сардинии, моя средиземноморская яхта, мой дворец на альпийском курорте, мой кругленький пай в Газпроме, несколько миллиардов на счетах в европейских банках — мне этого довольно. Буду жить частной жизнью. Наверстывать то, что пропустил в эти идиотские годы, когда слушал твои безумства. Уймись и уйди.

— Ты заслуживаешь смерти! — воскликнул Есаул, видя, что между ними разверзается пропасть, полная адского огня.— Ты хуже Гришки Отрепьева! Хуже Мазепы! Хуже Власова! Хуже Горбачева и Ельцина! Ты — последнее проклятье России!

— Твои слова выдают в тебе сумасшедшего,— холодно заметил Президент Порфирий.— Завтра утром я подпишу приказ о твой отставке с поста главы Администрации Президента. Тебя обследуют психиатры и подвергнут принудительному лечению в Институте Сербского. Завтра утром прилетит вертолет, тебя отправит под конвоем в Москву. Мы же, избавленные от твоего сумасшествия, продолжим приятное плавание... Господа,— оборачиваясь к остальным курильщикам, Президент Порфирий вновь казался элегантным, с очаровательным, милым лицом, в котором было что-то от простодушного отрока.— Не кажется ли вам, господа, что мы засиделись? Еще немного, и мы на колечках дыма воспарим над озером, не нуждаясь в теплоходе. По-моему, пора расходиться.

— Вы правы,— поддержал его Савл Зайсман.— Кое-кто обкурился настолько, что лишился рассудка.— Мерцая колдовским глазом, он посмотрел на Есаула.

Все покидали курильню. Франц Малютка настолько надышался наркотиком, что его в бессознательном состоянии доставили в каюту. Луиза Кипчак незаметно скользнула вслед за Куприяновым и закрылась вместе с ним на замок. Все разошлись отдышаться.

Ничто не укрылось от глаз Есаула. Он был холоден и жесток. Решение необратимо созрело. Отступить было некуда. Среди ночного разлива стремительно приближалась координата, в которой должно было произойти совпадение — огненной искры под сердцем и Божьего, направленного в сердце перста.

Оживший под землей шахтер Степан Климов, превращенный в ревуший, режущий механизм, пробивался к поверхности, движимый страданьем и ненавистью, если подобные чувства может испытывать сгусток стали, огня, электричества. Повинуясь электронной программе, он вытачивал коридор. Программа направляла его туда, где на земле продолжали жить мучители его вдовы Антонины и нерожденного сына Алеши.

Он легко одолел завал тупика, прошел сквозь разрушенную штольню, где хлупала вода, тлел едкий уголь, валялись обломки

400

искореженных механизмов. Проточив гранитную толщу, он вошел в известняк — остаток океанского дна, в котором сохранились раковины древних моллюсков, скелеты исчезнувших рыб, спрессованные чудища мезозоя. Продвигаясь в твердых породах, он врезался в изумрудную россыпь, расшвыривая ротором фиолетовые драгоценные брызги. Рудные жилы, залеганье железа и меди он протачивал лазером, оплавляя проход. Слепо прорываясь в земле, он разрушил попавшийся на пути, замурованный инопланетный корабль с окаменелыми гуманоидами и приборами наведения, в которых застыл свет далекой звезды. Он прошел сквозь подземное море, толщу нетающих льдов, слои поваренной соли. Ротор сверкал, как подземное солнце. Скрежетали стальные пальцы. Бил изо лба белый луч. Он протачивал ход к поверхности, туда, где, введенные в женскую плоть, жили клетки убитого сына. В скрежете и звоне металла, взрывах расплавленной плазмы клочкотала неукротимая ненависть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Поздней ночью, когда теплоход окружала непроглядная плещущая тьма, и обитатели кают, утомленные усадками, крепко спали, Есаул вызвал к себе капитана Якима.

— Пора. Проверим посты,— произнес он, встречая бодрого, безупречно выбритого капитана, чей белоснежный мундир и золоченый кортик парадно сияли, а в синих холодных глазах светилась неколебимая вера в своего командира и благодетеля. Вдвоем они обошли корабль. В коридорах, блокируя выходы на палубы, стояли посты — члены команды, вооруженные короткоствольными автоматами. В нижних отсеках, где рокотал в масляном блеске могучий двигатель, посты были удвоены. В помещениях, где за железными дверями содержались собаки и чудовищные уроды, обезображенные биологическими экспериментами, слышались поскуливания и вздыхания — это души химер и животных тяготились своими увечьями, молили во сне жестокого, сотворившего их создателя прекратить мучения, отпустить их души в бестелесные миры. У заветной каюты, перед бронированной дверью, два охранника отдали честь, кратко отрапортовали:

— Без проблем.

Есаул в сопровождении капитана Якима направился в каюту телеоператора Шмультрихтера, который, утомленный мастурбацией, заснул прямо в кресле перед полиэкраном. На экранах, словно заспиртованные в голубоватом формалине, застыли обитатели кают — иные продолжали сжимать в объятиях своих наперсников и наперсниц, другие отпали от них, даже во сне выкаывая отвращение. Есаул, переключая тумблеры, отыскал каюту Куприянова — тот спал на спине с просветленным лицом, приоткрыв рот, и казалось, он поет какую-то вдохновенную арию. Луиза Кипчак лежала, положив голову ему на грудь. Была видна ее гибкая спина, длинные ноги, чуть раздвинутые ягодицы, среди которых свернулся клубочком дремлющий зверек-ласка. Часть спины и плечи красавицы были покрыты чем-то напоминающим перья, и это не могло не удивить Есаула.

Он пальцами сдавил длинный нос Шмультрихтера. Тот стал задыхаться, ошалело раскрыв глаза.

— Кассету из каюты Куприянова! Живо! — приказал Есаул.

— Вы не имеете права!.. Это собственность канала ТНТ!.. — пробовал возмущаться Шмультрихтер.

— Хочешь за борт, спирохета? — холодно поинтересовался Есаул.

Шмультрихтер поглядел в ледяные глаза капитана Якима и полез извлекать кассету.

Следующий визит они нанесли Францу Малютке. Все еще одурманенный куревом, тот спал на кровати в костюме и богатырски храпел. В роскошной каюте люкс царил ералаш, повсюду были разбросаны предметы женского туалета. На люстре висел французский бюстгальтер, и в нем, как на чашах весов, чуть покачивались английские туфли Малютки. Тут же стоял изящный столик, сплошь уставленный свадебными подарками. В раскрытом футляре на черном сафьяне сиял изумруд «Слеза изумленного бога», принадлежащий когда-то Александру Македонскому, — подарок друга Куприянова. Тут же виднелась открытая шкатулка с золотым, воздетым в зенит фаллосом, — подношение губернатора Русака. Дар Добровольского Камасутра с рисунками культового художника Сальникова была раскрыта на том месте, где любовники сплелись, изображая букву «Ж». Египетская статуэтка из яшмы, подаренная Толстой-Кац, — сидела, разверзнув лоно, и в лоне торчал свернутый в трубочку автограф Джорджа Вашинг-

тона,— презент посла Киршбоу. На видном месте, сияя золотой глубиной, окаймленная серебром, красовалась чаша — подарок Есаула.

— Вставай, Франц, просыпайся! — Есаул тормозил своего названного брата, с которым породнился на смертельно опасной медвежьей охоте.— Говорю тебе, просыпайся!

— А?.. Чего?.. Опять, что ль, идти ширяться? — не мог разлепить глаза Франц Малютка.

Капитан Яким налил в стакан воды, капнул десять капель отрезвляющего снадобья, применяемого в наркологических клиниках. Дал выпить Малютке. Тот выпил, сел и затряс загривком, как делает выходящая из воды собака.

— А Луизка где? — посмотрел он на пустую кровать.— Опять в бар пошла надираться?

— Твоя Луизка лежит в кровати Куприянова в каких-то перьях, и этот херов певец, этот Паоло Повороти спит, положив на нее свою волосатую ногу.

— Как ты сказал? — Франц Малютка, мгновенно свирепея, воззрился на Есаула красными кабаньими глазками.— Как смеешь оскорблять мою жену? Не посмотрю, что ты мне названный брат, и так тебя двину, что твоим именем назовут теплоход.

— Франц, я спас тебе жизнь во время медвежьей охоты. Теперь я спасаю твою честь. Садись и смотри.

С этими словами Есаул вставил кассету в «видак» и предоставил Францу Малютке испытать всю ужасающую муку ревности.

Вначале каюта оставалась пустой. В поле зрения скрытой камеры попадал край широкой кровати под балдахином, стол, уставленный яствами, брошенный на пол ковер. Затем появился Куприянов, слегка пошатываясь от наркотических благовоний, и стал стаскивать с себя пиджак. Следом в каюту проскользнула гибкая, струящаяся, как змея, Луиза Кипчак и помогла Куприянову совлечь дорогой пиджак.

— Ты зачем здесь оказалась? — изображая изумление, произнес Куприянов.

— Аркаша, ты так упоительно рассказывал о своей птичке Сити, о том, как вы вместе музицировали. Мне захотелось попеть с тобой.— Луиза Кипчак ластилась к нему, между делом растягивая его великолепный брючный ремень.

— Но разве ты поешь? — изображал недоумение Куприянов, освобождаясь от мешавших штанов.

— Как целая стая птиц.— Луиза Кипчак, как бы между прочим, в состоянии легкой забывчивости, сбрасывала свое платье.

— Да ты и впрямь одна можешь заменить целый хор девушек.— Куприянов с острейшим любопытством рассматривал восхитительное тело гостыи, усыпанное с ног до головы очаровательными приоткрытыми губками, которые, казалось, издают мелодичные звуки.

— Ты будешь солировать, мой дорогой, а мы станем тебе подпевать.

— Сначала я должен выпить сырое яйцо.— Куприянов достал из шкафа яйцо, разбил о край стола, вылил содержимое в свой широко раскрытый зев. Страстно проглотив, издал баритонном сочную руладу.— По-моему, я готов.

— Но и нам всем нужно прочистить горлышко,— произнесла Луиза Кипчак, приподнимая обе руки и показывая свои поющие подмышки, отрывая от пола поочередно босые стопы, демонстрируя их вокальные возможности. Куда бы ни падал изумленный взгляд Куприянова, повсюду навстречу ему тянулись милые губки, раскрывались мелодично взывавшие рты.— Милый, достань свое «бельканто» и прочисть нам всем горлышко.

Куприянов не заставил себя долго ждать. То, что музыкально образованная Луиза Кипчак назвала «бельканто», мгновенно было пущено в дело. Так в католических соборах опытный настройщик чистит трубы органа, проникая в самую глубину звучащего ствола, извлекая из него неповторимый, ему одному свойственный звук. Луиза Кипчак откликалась на каждое прикосновение настройщика особой музыкальной нотой, меняя октавы, переходя с регистра на регистр. Для чего ей постоянно приходилось изобретать позы,— делать то «мостик», то «ласточку», то растягиваться в «шпагат», то совершать легкие подпрыгивания. Наконец, все горлышки были прочищены, обрели природный, мелодичный, ничем не замутненный звук. И тогда Куприянов, напоминая обнаженную античную статую Зевса, и Луиза Кипчак, стройная в талии, с округлыми бедрами, словно Венера, запели. Он — мощным, исполненным свежести баритоном, а она — многоголосом, на все лады, создавая иллюзию великолепного консерваторского хора. Концертный номер, который они исполняли, был романсом Шуберта «Мельница». Куприянов, расправив плечи, выгнув грудь, сцепив перед грудью ладони, раскрывал зев,

выдыхая: «Колеса, колеса!.. Колеса, колеса!..», и все тонуло в хоре дивных женских голосов.

Эта сцена тяжело досталась Францу Малютке. Он взревел:

— Луизка, блядище!.. Пригрел змею!.. Аркашка, кобель!.. Яйца отрежу!..— Он порывался вскочить и мчаться в каюту Куприянова, чтобы мстить за поруганную честь. Но Есаул его удержал. Между тем в каюте Куприянова действие продолжало развиваться.

— Знаешь что? — Луиза Кипчак пресытилась пением и решила поразвлечь своего нового обожателя.— Давай я тебе покажу, как утешались в любви мои мама и папа. Я часто наблюдала за ними в замочную скважину, и теперь, когда меня посещают воспоминания детства, я вижу их молодыми и счастливыми.

— Давай,— согласился Куприянов.— Мне дорога память о твоём знаменитом отце.

Вслед за этим были явлены номера, которым позавидовали бы артисты цирка и каскадеры смертельного риска. Во-первых, был воспроизведен номер с горящим обручем. Причем, пролетая сквозь него, голый Куприянов получал сильнейший удар подсвечником в зад и падал в таз с холодной водой. За что получал вознаграждение в виде поцелуя. Затем следовала верховая езда. На спину голого Куприянова, задом наперед, усаживалась Луиза Кипчак. Вставляла в нежное место скакуна пылающую свечу, пришпоривала пятками, и бедняга, чувствуя, как подбирается пламя к ягодицам, носился по комнате. После этого следовал аттракцион, называемый «Без воздуха». Куприянов спиной ложился на пол. Луиза Кипчак плюхалась ему на лицо ягодицами, лишая всякой возможности дышать. Куприянов терпел, Луиза Кипчак засекала время. Страдалец, задыхаясь, начинал ерзать, сучил ногами. Неумолимая красавица продолжала сидеть, поглядывая на секундомер. Наконец на третьей минуте, Куприянов вырывался из-под нее, шумно дышал, напоминая выпрыгнувшего на поверхность океана кита. Последний номер назывался «Дьявольский бильярд». Луиза Кипчак набрасывала ремень на набухшие, переполненные семенем гроздья Куприянова, подтягивала поводок к люстре. Палкой метко ударяла в многострадальные гроздья с криком «рокамболь!», а несчастный Куприянов должен был терпеть, иначе тяжелая люстра от неосторожного рывка могла упасть ему на голову.

Эту часть видеозаписи несчастный Франц Малютка перенес, как самец гориллы, которого отсаживают от любимой самки в со-

седнюю клетку, а к той подпускают похотливого соперника. Бедняга вскакивал, норовил разбить видеомэгнитофон, пальцами пытался разорвать себе рот, а потом со стоном упал на кровать, где у него случился микроинфаркт.

Есаул, преследуя жестокую цель, неумолимо продолжал прокручивать запись.

После часа увлекательных номеров, авторство которых принадлежало старшему поколению, Луиза Кипчак предложила Куприянову:

— Аркаша, хочешь я покажу тебе игры, в которые мы пускаемся с Францем Малюткой? Думаю, тебе будет небезынтересно узнать.

— Учиться никогда не поздно,— утомленно ответил Куприянов, извлекая из нежного места огарок свечи.

Первая игра называлась «Жмурки». Луиза Кипчак лифчиком завязала Куприянову глаза. Сама же, жеманно изгибаясь, перемещалась по комнате, издавая призывные курлыканья. Куприянов с разбегу должен был по звуку отыскать ее и вонзиться. Это удавалось далеко не всегда. Неудачник напоминал корабль, ведомый ослепшим капитаном. Врезался бушпритом то в стену, то в зеркало, то в накрытый яствами стол, сметая мощным, окованным медью тараном жареных куропаток, рыбный балык и заливное. Луиза Кипчак только смеялась, продолжая ускользать от ослепленного циклопа, лишь изредка, играя в поддавки, позволяла овладеть собой. Следующая игра называлась «Подушечка». Луиза укладывалась на спину в вольной позе, закрывая свои бриллиантовые россыпи пуховой подушкой. Куприянов же, демонстрируя свирепую страсть, должен был пробиться к ее бриллиантам через подушку, пронзить яростной и огненной силой. Подушка рвалась, из нее сыпался пух, а Луиза Кипчак оставалась неуживимой. Третья игра называлась: «Хрустальные подвески». Куприянов повисал на хрустальной люстре. Луиза Кипчак, держа его за мощный выступ, начинала раскручивать. Он крутился, люстра сверкала хрусталями, превращалась в сжатую пружину. Луиза Кипчак отпускала Куприянова. Тот начинал бешено вращаться в обратную сторону, мелькая своим ятаганом. Луиза подносила к нему бокалы, радуясь тому, как ятаган ударяет в бокал, перелаывая хрустальные ножки. Еще одна, небезопасная игра называлась «Утюг». Изделие фирмы «Тефаль» включалось в розетку и подкладывалось под спину лежащего Куприянова. Свер-

406

ху усаживалась Луиза Кипчак, предлагая поверженному другу, с накаляемым под спиной утюгом, добиться экстатического взрыва раньше, чем утюг сожжет спину. Куприянов торопился, что было мочи. Утюг нестерпимо раскалялся. Коварная Луиза Кипчак всячески препятствовала естественному ходу событий, пока, наконец, чудо не совершалось. Куприянов с животным ревом вскакивал, фонтанируя, словно петергофский «Самсон», а на спине его дымился пахнувший грилем утюг.

Эти сюжеты вызвали у Франца Малютки род помешательства. Он разбежался и ударился головой о стену. Затем стал грызть свой громадный волосатый кулак, стачивая его до кости. Пытался покончить с собой, кольнув себя вилкой под сердце. В конце концов, у него случился микроинсульт, и он затих на кровати с мокрым полотенцем на лбу.

На экране одно зрелище сменялось другим. Неутомимая в затеях, игровая в проявлениях, склонная к познанию Луиза Кипчак попросила Куприянова:

— Аркаша, милый, ты так трогательно рассказывал о своей первой любви к девушке-попугайчику Сити, с такой болью поведал о ее безвременной кончине, что мне захотелось узнать, как проходила ваша первая и последняя брачная ночь.

— Уверена, что тебе хочется знать?

— Все, что связано с тобой, мне дорого бесконечно.

— Тогда смотри.

Куприянов прошел в ванную. Принес оттуда бутыл с шампунем. Стал выдавливать клейкую жидкость на плечи, спину, грудь, ягодичы Луизы Кипчак. Взял подушку, уже изрядно порванную во время любовного аттракциона. Еще больше ее разодрал, потряхнул перья и обвалял ими Луизу Кипчак. Перья и пух прилипли к шампуню, и женщина стала похожа на птицу. Куприянов обошел ее сзади, с силой нагнул и вошел в нее. Женщина вскрикнула, стала махать руками. Было похоже, что это птица старается взлететь и не может — напрягает пернатую гузку, трясет хохолком. Куприянов сотворял с ней то, что выдержит не всякая пернатая. При этом общипывал ее перья, клевал в затылок, пока женщина-птица не упала бездыханной на пол. Он перенес ее на кровать, лег рядом, и оба забылись. Последним был уже известный Есаулу кадр — спящий Куприянов, обклеенная перьями Луиза Кипчак, ее чуть раздвинутые ягодичы, среди которых сладко дремал пушной зверек-ласка.

— За что мне такое? За что? — рыдал Франц Малютка на груди у Есаула.— Этот развратный мир аристократов не по мне! Как было хорошо среди братанов и обыкновенных телок! Теперь я должен себя убить, пока эти кадры не появились в светской хронике сучьего канала ТНТ!

— Подожди себя убивать, Франц,— твердо сказал Есаул.— Мы еще послужим России.

Есаул встал. Нашел в шкафу бутылку итальянского красного вина урожая 2003 года. Откупорил и перелил в чашу. Алое вино хлынуло на золотое дно, и на лице у Есаула засияли жестокие огненные отсветы.

— «Пока еще ты не пил слез из чаши бытия»,— таковы слова гениального Дельвига, что начертаны на этом сосуде. Но теперь ты сполна испил чашу слез. Испей же чашу праведной мести.— Он сделал глоток и передал священный сосуд Малютке. Тот, все еще рыдая, пригубил чашу.

— Теперь вытри слезы, и пойдем,— произнес Есаул.

В сопровождении преданного капитана Якима они покинули каюту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Они вышли на верхнюю палубу. Дул свежий озерный ветер. Кругом была непроглядная тьма, без бакенов, береговых маяков, без встречных плывущих огней. Казалось, теплоход движется в океане, где утрачены все ориентиры. Только вдоль борта, в желтых отсветах, бурлила вода, и летели блестящие брызги. Но впереди, из прогала небес, на воду опускался прозрачный конус лучей, голубой невесомый шатер. Там, где он касался озера, вода нежно светилась, таинственно вспыхивала, будто шел невидимый нерест, множество живых существ трепетало в воде, озаряя ее бледным сиянием. Есаул тянулся на этот мистический свет, зная, что корабль приближается к заветной координате. Она, не занесенная на карту, была отмечена перстом Божиим, от которого исходило волшебное сияние.

— За дело,— произнес Есаул. Капитан Яким и два его помощника, в белоснежных мундирах, с кортиками, покинули палубу и направились по корабельному коридору. Есаул и Франц Малютка не отставали от них.

Ототкнули ключами каюту Куприянова, ворвались и включили свет. Все в тех же позах, что и на видеопленке, спали Куприянов и Луиза Кипчак. Куприянов ошалело сел, изумленно таращился, бормотал несвязные, прилетевшие из сна слова:

— Как?.. Для чего?.. Из какого списка?..

Луиза раскрыла глаза, увидела Франца Малютку и в ужасе натянула на себя простыню.

Есаул, истовый, напряженно-звонящим голосом произнес, простирая руку в сторону Куприянова, его сытого холеного тела, тучных плеч, начинавшего полнеть живота:

— Именем оскорбленного народа ты вычеркиваешься из списка живых!

Капитан Яким и двое его помощников подскочили к постели. Выхватили из ножен кортики. Разом всадили заостренные клинки в сдобное тело Куприянова. Куприянов сидел на кровати с изумленно раскрытым ртом, прислушиваясь, как клокочет в нем кровь. Повалился вперед, на пол, ударяясь лбом о ковер. Лежал, сотрясаясь лопаткой с тонким алым порезом, из которого вяло сочилась кровь. Его рот издал бархатный затихающий звук, словно последний аккорд романа Шуберта.

Луиза Кипчак, не в силах кричать, с ужасом смотрела на мужа, ожидая для себя немедленной смерти. Малютка был страшен. На узком лбу выступил голубоватый смертельный пот. Черные волосы прилипли ко лбу завитком. Кабаныи глаза безумно сверкали. Ноздри бурно дышали.

— Франтик, прости!..— лепетала Луиза Кипчак.— Он меня силой взял!.. Люблю тебя, Франтик!..

Глядя в лживое и прекрасное, ненавистное и такое любимое лицо жены, Франц Малютка совладал с желаньем убить. Повернулся к дверям, где стояли наготове члены экипажа:

— Надеть на суку наручники! Запереть в каюте! Буду судить ее судом праведным!

Матросы сковали Луизу Кипчак, залепили ей рот скотчем. Голую, с остатками перьев на теле, оттащили в каюту и остались снаружи на страже. А Франц Малютка, глядя на поверженного соперника, расстегнул штаны и стал мочиться на его спину, затылок, крестец, поливая мстительной ядовитой струей, смывавшей позор.

Вторая каюта, куда они ворвались, принадлежала Президенту Порфирию. Яркий свет не разбудил его. Он продолжал безмя-

тежно спать, белея тонким красивым лицом, с открытой шеей, на которой дрожала детская голубоватая жилка. И во сне он выглядел аристократически-утонченным, милым и, казалось, улыбался во сне.

— Проснись! — ткнул его в плечо Есаул. Президент Порфирий очнулся. Приподнялся, без страха, потягиваясь, с капризным выражением лица, с каким просыпаются изнеженные дети. Боясь попасть под обаяние этого милого лица, подавляя в себе внезапное щемящее сострадание, Есаул сипло, с жестоким клекотом воскликнул:

— Именем оскорбленного народа!.. Казнью, настигающей предателей и иуд!.. Ты вычеркиваешься из списка живых!..

Отошел от кровати. Капитан Яким хищным прыжком кинулся и вонзил в хрупкое тело кортик. Вогнал всей тяжестью набегавшего тела. Клинок, нежно хрустнув, погрузился в щуплую плоть, неся на своем острие пузырек боли. Президент Порфирий продолжал сидеть с торчащим в груди клинком, чувствуя, как расширяется в нем волна убивающей боли. На его тонких губах стал распускаться темно-красный пион. Выбрасывал наружу сочные лепестки. А потом вдруг распался, и ударила яркая кровь, заливая простыню, белый мундир капитана Якима, долетая до лица Есаула. Президент Порфирий рухнул лицом вперед. Капитан Яким перерывал его на спину, выхватывая узкое лезвие.

В это время в дверях показалась мадам Стеклярусова. Разбуженная шумом, она покинула каюту и стояла на пороге, в пеньюаре, в ночном чепце, с маской из огуречной мякоти. С ужасом созерцала убийство. На ее лице, в жидкой огуречной кашеце открылся испуганный рот. Круглые глаза, не мигая, смотрели на мертвое тело. Искушенная в превратностях большой политики, вдова умудренного царедворца и виртуоза интриг, пережившая не один государственный переворот, мадам Стеклярусова быстро овладела собой:

— Я ничего не видала!.. Ничего никому не скажу!.. Боже, какая тревожная ночь!.. — Повернулась, засеменила прочь. Помощники капитана Якима устремились ее догонять. Но Есаул остановил их:

— Ведьма будет молчать. Нас ждут другие клиенты.

Третьим, кого они навестили, был Круцефикс. Когда он увидел занесенные над собой ножи, он заверещал как заяц. Из него на кровать стала брызгать струйка мочи.

— Да у тебя недержание! — усмехнулся Есаул. — Надо показаться врачу! Доктор, осмотрите его!

Брезгливо отступил. Помощник капитана Якима осторожно приставил кортик к утлой ключице Круцефикса. Примерился и с силой вдавил. Лезвие погрузилось в худосочное тело, кольнуло сердце. Заячий крик прекратился. Круцефикс упал на кровать, маленький, тощий, с волосатыми кривыми ногами, с нелепым комочком седеющей бороды. Он был уже мертв, но мочевой пузырь продолжал сокращаться, выплескивая наружу блестящую струйку.

— Ведь говорил же: «Пользуйся памперсами!» — саркастически произнес Есаул и направился вон из каюты.

— Дай кортик, — попросил Есаул капитана Якима, принимая от него клинок, в ложбинке которого сочился красный язычок. Они остановились перед каютой Савла Зайсмана. Отокнули замок. Есаул с силой толкнул дверь. В лицо ударил ветер из распахнутого окна, и в черном проеме с трепещущей занавеской мелькнула исчезающая тень Савла Зайсмана.

— Ушел! — страшно крикнул Есаул и кинулся к окну, выбрасываясь на черную холодную палубу.

Бежал, грохоча по железу, видя, как исчезает впереди невнятная тень. Скрылась в курильне. Есаул, держа занесенный кортик, ворвался в салон кальянов, где еще висели сладкие остывшие дымы и на полках, как потухшие лампы, мерцали колбы. Пробежал по коврам и подушкам, выбегая на противоположную палубу. Впереди мелькнул в освещенных дверях Савл Зайсман и скрылся в недрах корабля. Есаул вслед за ним ворвался в коридор. Слыша, как стучат по лестнице убегающие шаги, скатился следом, на среднюю палубу, держа кортик наотмашь. Савл Зайсман шмыгнул в музыкальный салон, где в сумерках, как странные сервизы, серебрились саксофоны, мерцали тарелки, тускло сияли ударники. Есаул слышал звук задеваемой струны, печальный стук опрокинутого барабана. Промчался по салону, выскакивая на открытую палубу. Савл Зайсман цепко карабкался вверх по лестнице, скрываясь из глаз. Есаул, в страстном напряжении, хищно и яростно гнался, чувствуя, как воля и страсть скопились на кончике кинжала. Кортик летел впереди, как жалящее острие, настигая врага. Верхняя палуба была охвачена ветром. Кругом была мгла огромного озера. Одинокий фонарь освещал накрененную трубу с багровой полосой и латунной надписью: «Иосиф Бродский».

Савл Зайсман скрылся за трубой. Есаул метнулся следом. Увидел, как навстречу полоснул тонкий луч, рассек воздух, оставляя узкий разрез, в котором клубились раскаленные цветные частицы. Это брызнул пульт в руках Савла Зайсмана, стреляющий активированными молекулами. Их разящее лезвие прошло у виска Есаула, воздух ударил, как пролетевшая пуля. Есаул отпрянул назад. Следом, появляясь из-за выступа округлой тубы, возник Савл Зайсман, разъяренный, торжествующий, с оскаленным ртом и вытянутой рукой. Колющий луч, наполненный разноцветным огнем, протянулся к Есаулу. Тот уклонился. Видел, как луч скользнул по трубе, прожигая сталь. Вознесся к латунной надписи, оплавляя букву «ф». Ушел в высоту, превращаясь в искрящийся, уходящий в бесконечность пунктир. Это Савл Зайсман поскользнулся на мокрой палубе, выронил пульт и упал, ударившись о выступ трубы. Есаул со звериной прытью, воспользовавшись оплошностью врага, мощным скачком приблизился. Отшвырнул ногой искрящийся на палубе пульт. Всей тяжестью рухнул на Савла Зайсмана, слыша, как хрустнули кости. Придавил, видя близко его дрожащее горло. Приставил клинок:

— Ты хотел узнать мой сокровенный план. Теперь ты знаешь.— Есаул медлил с ударом, позволяя себе поиграть с поверженным врагом.

— Подожди...— умолял Савл Зайсман, бегая глазами, косясь на близкую сталь, прислоненную к дышащему горлу.— Мы можем поладить... Я возьму тебя в долю... Корпорация, которую я основал, зарабатывает несметные деньги... Мои технологии привлекают мировой капитал, и мы станем самыми богатыми людьми на планете... Мы обречем безграничную власть... Станем царями земли, ты и я... Нам покорятся народы... Мы будем поднимать из праха исчезнувшие цивилизации и...

Есаул понимал, что его искушают. Возвели на кровлю храма, откуда видны все населяющие землю народы, все мировые дворцы и столицы, и Царь Зла, явленный в образе Савла Зайсмана, искушает его, предлагая безграничную власть.

— Я открою тебе секрет волшебства, который принесет небывалые наслаждения... Ты сможешь обладать самыми обольстительными женщинами, перед которыми меркнут Клеопатра или мадам Помпадур... Сможешь вкушать напитки и яства, которым позавидуют античные боги... Сможешь путешествовать по ландшафтам, что прекраснее рая, несравнимы с курортами Таиланда

и Полинезии... Мои технологии даруют власть над пространством и временем, и ты станешь как демиург...

Божественный покров отделял их от остального мира, оставляя наедине с высшей силой, сотворившей землю и мир, даровавшей человеку свободу воли, пустившей человека в великое странствие, со множеством дорог и перекрестков. Теперь они, Есаул и Савл Зайсман, находились на развилке мира, и в их воле было изменить пути человечества, отменить одряхлевшие заповеди, отринуть мировые религии. Устремиться туда, где сверкало ослепительно манящее будущее.

— Я открою тебе секрет бессмертия... Твои клетки, утомляясь жить, будут тот час замещаться молодыми и свежими, как у юноши, исполненными витальных энергий... Наделенный бессмертием, ты вкусишь от Древа Жизни и от Древа Познания Добра и Зла, как первородный Адам, которого не изгнали из Рая...

Перст Божий был направлен из небес, источая голубые лучи, накрывавшие их обоих священным шатром. Таинственная материя Космоса оплодотворяла землю, внося в нее источники вечного обновления, поселяя в одних народах беспричинное уныние и страх, а в других ослепительные откровения. Есаул чувствовал свою богоизбранность, звучанье тонкой струны, проходившей через клинок, напряженную руку, всевидящее лобное око, уходящей в беспредельную высь. Оттуда раздавался едва уловимый звук, принадлежащий музыке сфер.

— Ты воспользуешься моими открытиями... Вернешься вспять по неисповедимым путям эволюции к тому моменту, когда Господь сотворил человека... Когда прикоснулся перстом к его глиняному лбу, открыв в нем всевидящее око... Я научу тебя методикам афонских монахов, и ты нырнешь в свое лобное око, вырвешься из тварной природы и сольешься с Творцом. Станешь Богом...

Есаул испытывал головокружение, словно продолжалось куренье кальяна. Сладкий дым блаженства заставлял любить весь окружающий мир, дивный шатер лучей, лежащего перед ним человека, который совершил подвиг познания. Принес себя в жертву людям. Совет его, Есаула, в круг небожителей.

Он погружался в сладкую бесконечность, окруженный летящими светляками, опьяненный музыкой сфер. Уже убирал ослабевшую руку от дышащего беззащитного горла. Хотел отбросить ненужный клинок. Но внезапно среди мелькавших частичек, разноцветных конфетти, появилась красная точка. Стала нали-

ваться, расти. Превратилась в рдеющую каплю. В огненный багряный бутон. Один за другим стали раскрываться алые лепестки. В сердцевине розы возникло лицо старца Евлампия, его укоряющие голубые глаза, молитвенно взывающие уста. Есаул очнулся. Бесовское наваждение исчезло. На него смотрело лукавое лицо Врага рода человеческого с чертами фамильного сходства. Не хватало пенсне и бородки. Кочующий из поколения в поколение красный комиссар, народный трибун, создатель Первой Конной, идеолог «перманентной революции» смотрел беспощадными глазами, подстерегая миг его слабости.

— Ты овладел секретом бессмертия,— произнес Есаул, вновь обретая крепость руки, приближая кортик к голубой играющей вене.— Так воспользуйся им, счастливец! — Он надавил, погружая сталь.

Так перерезают автомобильный шланг, из которого начинает хлестать тормозная жидкость. Желтовато-зеленая, пахнущая лаком и спиртом кровь ударила из-под клинка. Савл Зайсман задержал животом. Есаул почувствовал, как набух перед смертью детородный отросток кутюрье, извергая семя. С брезгливостью отскочил. Смотрел, как затихает на палубе мертвеющее тело. В косом фонаре белела труба. На надписи «Иосиф

Бродский» оплавленная, в застывших каплях, желтела латунная буква «ф».

Пульт лежал в стороне, мигая огоньком индикатора. Есаул подошел. Носком туфли подогнал его к самому борту. Толкнул под поручень. Обессилев, стоял на палубе. К нему подбегал взволнованный капитан Яким.

— Как вы, Василий Федорович?

— Действуем дальше по плану.— Есаул возвратил ему кортик.— На рассвете продолжим вторую часть операции. С Президентом поступить по инструкции.

— Слушаюсь,— отчеканил капитан Яким, опуская кортик в ножны. Есаул заметил темные пятна крови на его белоснежном мундире.

Молчаливые члены экипажа сложили в отдельной каюте трупы Куприянова, Круцефикса и Савла Зайсмана. Тело Президента Порфирия отнесли на корму. Обвязали вокруг щиколотки канат. Стали опускать за борт, где, слабо освещенный, кипел бурун. Президент Порфирий, раскачиваясь, приближался к воде. Окунал в нее сначала руки, потом голову. Погрузился по пояс. Попал под

отточенные лопасти бронзового винта, который, как мясорубкой, стал рассекать и перемалывать тело. Отрезал ломти, отшвыривал в озеро. Скоро все тело было перемолото и смешалось с водой, став пищей озерных рыб. Матросы вытянули канат с обрезком ноги. Круглилась босая пятка, белела размозженная кость. Размотали узел, кинули огрызок ноги в озеро. Расходились по кобрю, швабрами смывая кровь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ранним утром, когда солнце, словно огромная клубничина, качалось в тумане, и озеро всплескивалось красноватыми гребешками, и теплоход, розовый как фламинго, плыл среди ветряных вод,— на корму, в оранжевый вертолетный круг матросы бросили бесформенный матерчатый ворох. Вязкая грудa состояла из синих полос, желтых клиньев, голубых и красных пятен. Матросы принесли плетеную корзину, газовые баллоны, горелку, и стало ясно, что это воздушный шар, пустой, еще не наполненный воздухом кожух. Разрозненные части шара соединили. Запалили горелку. Ворох колыхнулся, стал взбухать, выдавливал из себя вялые пузыри. Вскоре весь объем наполнился воздухом. Шар приподнялся над палубой — полосатая, сшитая из клиньев сфера, где голубое перемежалось с алым, зеленое с фиолетовым, а на выпуклой поверхности распростер царственные крылья золотой двуглавый орел с имперской короной и властительными державой и скипетром. Шар величаво колыхался на стропах, притороченный к палубе.

Покуда пассажиры спали и палубы оставались пустыми, матросы принесли и поместили в гондолу остывшие тела Куприянова, Круцефикса и Савла Зайсмана. Поставили в люльку в рост на специальных поворотных штативах. Двигатели поворачивали подставки, тела неторопливо обращались в разные стороны. К их рукам были приторочены тонкие струны — когда натягивались, руки мертвецов поднимались, сгибались, разводились в стороны. Казалось, пассажиры воздушного шара управляют стропами, регулируют пламя горелки, выглядят вполне живыми и деятельными. В руках Савла Зайсмана находилась фотокамера, и казалось, он подносит ее к глазам, время от времени делает снимки.

Выход на корму был заблокирован охраной, доступ к шару закрыт. На верхней палубе были расставлены кресла, приготовлены места для прессы. Когда первые сонные пассажиры стали появляться из кают, заспанные выходили на палубу полюбоваться утренним озером или направлялись в ресторан для раннего завтрака, по громкой связи прозвучало сообщение:

— Дорогие гости теплохода, полно спать! Эдак вы можете проспять Второе Пришествие. Просим вас пожаловать на верхнюю палубу, где вы сможете наблюдать красочное зрелище. Славные воздухоплаватели отправляются в стратосферный полет на воздушном шаре, чтобы сделать с высоты уникальные аэрофото-снимки. Милости просим, дамы и господа!

Никто не остался равнодушным. Все быстро проснулись, скопились на верхней палубе. В передних креслах разместились Есаул и посол Киршбой. За ними пресса, телекамеры. Вокруг, взволнованные, восхищенные зрелищем шара, столпились пассажиры.

— Василий Федорович,— обратился к Есаулу посол.— А где уважаемый господин Президент?

— Дорогой Александр, он заглянул ко мне и извинился. Он на связи с Москвой, принимает утренние информационные сводки. Он подойдет чуть позже.

— Все-таки мы вчера засиделись. Не следовало подкладывать в табак марихуану, гашиш и опиум.

— Эти коварные турки в загнутых чувяках переборщили с травкой. В следующий раз нас будут обслуживать выходцы из Марокко.

— Как жаль, что меня не взяли на воздушный шар.

— Ничто не упущено. Эта троица вернется, и полетим мы — Президент, вы и я.

— О'кей! — согласился посол и принялся созерцать.

Взыграли сразу два оркестра — виртуозы Одессы и новоорлеанский диксиленд. Бравурно, пылко импровизировали на тему советской песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Матросы подскочили к воздушному шару, отвязали крепящие канаты. Чудесный пузырь воспарил, закачался, поплыл. Вспыхивал и угасал пышный язык пламени. Сверкала озерная вода. Летели чайки, плескались рыбы. Воздухоплаватели в гондоле поворачивались, управляли стропами. Савл Зайсман неумоимо щелкал камерой, делая с высоты уникальные снимки. Толпа на теплоходе ликovala, рукоплескала, посылала героям воздушные поце-

луи. Шар являл собой восхитительное зрелище. Казался яйцом, которое несет в когтях двуглавый орел. Бледное пламя полыхало на солнце. Белоснежный корабль был связан с шаром стихией воды и огня, восторженными взорами, благоговейными поцелуями. Все завидовали трем отважным счастливцам, воспарившим над миром.

Соратники Есаула сидели в сторонке, недовольно бурчали.

— Надо действовать, а он мыльные пузыри пускает,— укоризненно поглядывал в сторону Есаула спикер думы Грязнов.

— Президент Порфирий не вышел. Небось, документы подписывает о нашей с вами отставке,— хмыкнул прокурор Грустинов.

— Господа, а что, если в шарик пальнуть из снайперской винтовки СВД? Небось начнут кувыркаться.— Министр обороны Деводорантов с интересом рассматривал шар в монокль.

Между тем к сидящему в кресле Есаулу приблизился капитан Яким. Он сменил свой белоснежный мундир на легкий английский костюм. Вместо украшавшего китель золоченого кортика в петлице красовалась белая роза.

— Господа не желают «чинзано»? — обратился он к Есаулу и послу Киршбоу.

— Благодарю, я так рано не пью,— отклонил предложение посол.

— А я, пожалуй, выпью,— сказал Есаул.

— Вам со льдом или без?

— Со льдом,— кивнул Есаул.

Слова «со льдом» и сопровождавший их кивок обозначали пароль, позволяющий капитану Якиму действовать. В гондоло воздушного шара был заложен фугас с радиовзрывателем. Капитан Яким поднялся в рубку и приблизил палец к крохотной антенне, направляющей радиосигнал. Полосатый и пышный шар, напоминавший восточный тюрбан, круглился высоко в синеве. Мягко полыхало пламя, вдувающее жар в полость шара. Невооруженным глазом было видно, как слаженно работают воздухоплаватели, управляя полетом.

Капитан Яким нажал кнопку. Высоко в небесах полыхнул взрыв. Гондола превратилась в белесую вспышку, распалась, стала осыпаться требухой. Шар разорвался, стал медленно оседать, теряя сферическую форму, превращаясь в струящуюся пеструю ткань. Обломки гондолы, останки людей просыпались в озеро. Вслед за ними, с большим опозданием, на воду опустилась пу-

зырящаяся полосатая ткань, медленно погружалась в пучину. И в опустевшем сияющем небе, словно рокочущий гром, прозвучал пророческий стих Иосифа Бродского:

...Один топором был встречен,
и кровь полилась по часам,
другой от разрыва сердца
умер мгновенно сам.
Убитых тащили в рощу
(по рукам их струилась кровь)
и бросили в пруд заросший.
И там они встретились вновь...

В первую секунду на палубе возникла обморочная тишина. Затем раздался истошный женский вопль. Следом заголосили, завывали, стали разбегаться, давить друг друга. Люди метались по палубе, скатывались по лестницам, забивались в каюты. Кто-то силится спустить на воду шлюпку.

— Что это? — воскликнул посол Киришбоу. — Я не понимаю, что это?

— Прошу меня простить, я должен вас покинуть. Мое место рядом с Президентом, — сказал Есаул. Статный, бесстрастный, военной походкой оставил палубу, скрылся в недрах корабля.

Через несколько минут по громкой связи металлический голос произнес:

— Дамы и господа, просьба разойтись по каютам и соблюдать спокойствие. На ваших глазах совершен террористический акт, в котором погибли господа Куприянов, Круцефикс и Словожайцев. Подобные террористические акты произошли в других городах России. Есть жертвы. По предварительным данным службы безопасности, предпринятые действия являются согласованной акцией международной террористической сети «Аль-Кайда» в сговоре с боевиками Национал-большевистской партии и группами вооруженного националистического подполья. Есть угроза атаки на наш теплоход. Президент контролирует обстановку. В настоящий момент он связывается с военными округами, с ракетными частями стратегического назначения, с политическими партиями страны. Еще раз, господа, прошу сохранять спокойствие и оставаться в каютах. Через некоторое время Президент выступит с обращением к нации.

В каюту посла Киршбоу без стука вошел Есаул. Он был бледен, держался подчеркнуто строго. На узком лице с темными подглазьями играли желваки. Без разрешения сел. Минуту молча смотрел на взволнованного посла, доводя это волнение до предела.

— Господин посол, извещаю вас от имени Президента России, что в стране объявлено чрезвычайное положение. На неопределенное время отменяются отдельные статьи конституции. В частности, продлевается пребывание на президентском посту нынешнего Президента России. Об этом в ближайшее время будут извещены послы европейских государств, Индии и Китая. Мы нуждаемся в понимании и поддержке нашего стратегического партнера Соединенных Штатов.

— Это невозможно! — воскликнул посол Киршбоу. — Это противоречит установкам Госдепартамента! Противоречит нашим национальным интересам!

— Мы всегда уважали национальные интересы США. Иногда в ущерб нашим собственным. Разве мы не уничтожили нашу космическую станцию «Мир», чтобы не составлять конкуренцию американским программам НАСА? Разве не молчали, когда ваша субмарина «Лос-Анджелес» протаранила нашу подводную лодку «Курск», и мы, под рыдание вдов и матерей, лгали мировой общественности, ссылаясь на самопроизвольный взрыв торпеды?

— Мы ценим ваши жертвы. Ценим дух союзничества, который вы проявляете.

— Господин посол, вы должны верить, что и в условиях чрезвычайного положения Россия остается верным союзником Америки. Мы не жалеем сил в борьбе с международным терроризмом. Готовы пойти навстречу Америке в ее политике сдерживания по отношению к Ирану и Северной Корее. Мы станем покрывать растущие потребности Соединенных Штатов в нефти и газе. Готовы обеспечить американским компаниям участие в нефтедобывающем бизнесе России. Господин посол, в настоящее время предпринимаются жесткие меры по пресечению антигосударственного мятежа, осуществленного враждебными России силами. Вводится военное положение, идут аресты. Приведены в готовность части ракетных войск стратегического назначения. Прошу сообщить об этом Президенту Соединенных Штатов и сказать, что Россия, как никогда, нуждается в дружеской поддержке.

— Но вы сказали...— Посол Киршбоу растерянно моргал глазами.— Сказали, что Россия распиливает свою последнюю стратегическую ракету. Даже танцевали вокруг нее русские народные танцы!

— Нам казалось, что это действительно последняя ракета. Но в последующие дни мы обнаружили тысячу двести бесхозных ракет и поставили их на боевое дежурство.

— Понимаю,— пролепетал посол Киршбоу.— Я буду связываться с Госдепартаментом. Реакция Президента США последует незамедлительно.

— Полагаю, через четверть часа Президент России на борту теплохода выступит с обращением к нации.

Есаул поднялся. Молча поклонился. Покинул каюту.

Есаул созвал к себе в люкс соратников. Смущенные и подавленные, появились спикер Грязнов, прокурор Грустинов и хромающий, с негнущейся ногой министр обороны Дезодорантов.

— Через четверть часа на палубе перед прессой Президент Порфирий сделает обращение к нации. Объявит о введении чрезвычайного положения и о продлении своих полномочий на третий срок,— начал Есаул.

— Вот так так! Ни хрена себе!.. Давно пора было сделать решительный шаг! — воскликнули все трое разом.

— Не перебивайте и слушайте.— Есаул раздраженно пресек прения.— Каждому из вас надлежит предпринять незамедлительные действия... Ты,— Есаул ткнул в спикера Государственной думы Грязнова,— свяжись с твоим гребаным парламентским большинством. Прикажи утвердить чрезвычайное положение и изменить статью конституции, где говорится о сроках президентских полномочий. Если твои идиоты начнут артачиться, стимулируй «конвертами»... Ты...— Есаул кивнул прокурору Грустинову.— Подготовь ордера на арест восьмидесяти двух человек. Вот список. Интернируй правозащитников в подмосковные санатории для душевнобольных. Друзей Куприянова помести в казармы дивизии внутренних войск, особенно гроссмейстера и эту японскую стерву... Тебе...— Он обратился к министру обороны Дезодорантову.— Да перестань, мать твою, грызть трость... Войска переводятся на казарменное положение. В обеих столицах объявляется комендантский час. Подними авиацию, пусть истребители барра-

420

жируют над Москвой и Питером на бреющих высотах. Чтобы либералы не вылезали из сортиров.

— Может, сбросить небольшую атомную бомбу на Вышний Волочёк? — азартно предложил Дезодорантов.

— Вынь трость из задницы и делай, что тебе велят,— оборвал его Есаул.

— Позволь узнать, Василий, текст президентского обращения подготовлен? — поинтересовался спикер Грязнов, видимо желая предложить свои услуги спичрайтера

— Подготовлен,— сказал Есаул.

— Его будет читать сам Порфирий? — недоверчиво спросил прокурор Грустинов.

— Прочитает через четверть часа. Все. Теперь ступайте и действуйте как можно быстрее.

Все трое вышли в коридор. Прокурор, мотая головой, повторял:

— Ай да кот Вася! Ай да Есаул! И впрямь, «он догадлив был».

Разошлись по каютам, уселись за телефоны правительственной связи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Направив соратников в дело, Есаул взял со стола лист бумаги с заготовленным текстом и оставил каюту. Вышел в пустой коридор, где за дверями испуганные пассажиры ожидали катастрофу,— налет мятежных самолетов, готовых разбомбить теплоход. Всплытие на перископную глубину подводной лодки, посылающей торпеду в президентский корабль. Появление на далеком берегу батареи дальнобойных орудий, берущих в перекрестье прицела белоснежный лайнер. Коридоры были пусты, маячили посты с автоматами.

Есаул спустился на нижнюю палубу, прошел в отдаленный отсек, где у железных дверей стояла вооруженная охрана.

— Откройте,— приказал Есаул. Со скрипом тюремной камеры дверь отворилась. Есаул переступил порог.

Это и впрямь была камера. Отсутствие окон. Голые, выкрашенные грязной масляной краской стены. Клепанный пол. В потолке тусклая, охваченная решеткой лампа. Посредине на возвы-

шении железное кресло. В нем человек. Руки, закрепленные скобами в поручнях кресла. Ноги, вставленные в стремяна. На лице железный намордник с прорезями для глаз. Отверстие для носа и рта, зарешеченное нержавеющей сталью. Человек был накрыт клеенчатым фартуком. Под креслом стояла параша, от которой исходило зловонье.

Некоторое время Есаул молча рассматривал узника.

— Я тот, кто вынул тебя из тюрьмы и взял сюда,— медленно произнес Есаул,— ты — Лешка Зыков по кличке Сластена, серийный убийца. Получил пожизненное за убийство и изнасилование десяти малолетних девочек, пять из которых ты съел. Такие, как ты, в тюрьме не живут. Их убивают уколом в сердце, как убили чеченского террориста Радиева. Мне ты обязан жизнью.

Узник молчал. Только зыркали в прорези веселые злые глаза, да губы слабо розовели в зарешеченной скважине.

— Не догадываешься, зачем ты мне нужен?

— Начальник, пусть снимут намордник. И уберут парашу. Второй день не выносят,— раздался из-под железа приятный негромкий голос.

Есаул повернулся к стоящим в дверях охранникам:

— Сделайте, как он сказал.

Один охранник, не скрывая отвращения, вынес переполненную парашу. Другой достал ключ, стал лязгать в металлической маске. Отокнул запор, снял с узника железный колпак. Свет лампы упал на бледное лицо, и Есаул, хоть и был подготовлен к зрелищу, не удержался и ахнул.

Перед ним сидел вылитый Президент Порфирий — то же утонченное лицо. Хрупкая переносица со светящимся меж золотистых бровей островком. Серые, чуть нависают глаза. Тонкие изящные губы, застенчивые, дрожащие в милой детской улыбке. Лишь когда открывался рот, зубы казались крупнее, чем у Президента Порфирия. Клыки выдавали хищника, привыкшего грызть хрящи и кости.

Сходство было поразительным. Еще большим, чем на фотографии, которую Есаул месяц назад вынул из компьютера Министерства юстиции и при взгляде на которую родился дерзновенный план. Природа создала два клона, по единым лекалам и выкройкам, с поразительным подобием тела, но с различной судьбой. Один близнец выбрал судьбу офицера госбезопасности, добился президентских высот. Другой окунулся в преступный

мир, был наделен пороками, сделавшими его серийным убийцей и людоедом. Их сходство, а также прочитанная в детстве книжка «Принц и нищий» вдохновили Есаула на замысел.

— Я пришел объявить, для чего ты мне нужен,— Есаул видел, как двойник Президента Порфирия сжимает и разжимает кулаки, разминая охваченные скобами запястья.— Через десять минут тебя оденут, приведут в христианский вид. Ты выйдешь к людям и зачитаешь бумагу. Если ты ошибешься хоть в одном слове или позволишь себе валять дурака, тебя застрелят прямо здесь и вышвырнут в воду, где тобой полакомятся рыбы, как ты лакомился маленькими девочками. Ты понял меня?

— Прочту, если дашь маленькую девочку,— усмехнулся Сластена.— А то кашей закармили, тошнит. Иначе не буду читать.

— Ну, ты, ублюдок, я тебя сам по кусочкам нарежу, посыплю солью и скормлю озерным щукам. Они любят человечинку с тухлей.— Есаул растянул губы, открывая волчий оскал, от которого сердце серийного убийцы дрогнуло.

— Да ладно, начальник, пошутить нельзя. Давай свою сраную бумагу.

— Другое дело, Сластена,— Есаул передал ему текст обращения Президента России к нации. Повернулся к охране.— Отмойте его. Вам принесут костюм из президентского гардероба. Пусть гример наложит на эту бледную рожу шафрановый альпийский загар.

С этими словами Есаул покинул камеру, видя, как навстречу идет гример. Несет саквояж с принадлежностями.

На корме, в оранжевом вертолетном кругу, был установлен микрофон. Охрана жестко блокировала проход. За несколько шагов от оранжевой окружности были расставлены телекамеры, столпились репортеры, газетные журналисты, приглашенные на краткий брифинг. Несколько передающих «тарелок» были готовы транслировать пресс-конференцию по всем федеральным каналам. На верхней палубе под присмотром вооруженной охраны собрались пассажиры, притихшие, подавленные, в предчувствии зловещих перемен.

В центр круга к микрофону вышел Есаул. Он выглядел властно, говорил решительно, безапелляционно:

— Господа, сейчас перед вами с кратким заявлением выступит Президент России Порфирий Антонович Мухин. Дела чрез-

вычайной государственной важности лишают его возможности долго отвечать на вопросы. По одному вопросу от каждого издания. Прошу быть предельно краткими.

Через минуту на корму вышел Президент. Он шел знакомой стройной походкой, прижимая к бедру левую руку и делая правой энергичную отмашку. Все тот же статный, спортивный вид. Чудесный альпийский загар. Лишь самые пронизательные уловили в лице перемену, вызванную крайними обстоятельствами, мобилизацией всех духовных и физических сил. Нечто жесткое, почти злое появилось в красивом, миловидном лице. В походке обнаружилась звериная цепкость, словно он шел по следу добычи.

Мерцали фотовспышки. Двигались окуляры телекамер. Президент встал перед микрофоном, рядом с Есаулом. Поднес к глазам лист бумаги. Стал читать голосом, измененным металлической мембраной, по которой озерной ветер скрежетал, как ножом по металлу.

— Граждане России, обращаюсь к вам в связи с чрезвычайными событиями, случившимися в стране в последние несколько часов. Только что был свершен злодейский террористический акт, унесший жизни нескольких выдающихся людей, в том числе известного российского политика Аркадия Трофимовича Куприянова и министра экономического развития господина Круцефика. Одновременно с этим злодеянием в различных районах страны произведены поджоги общественных зданий, взрывы супермаркетов, нападения на должностных лиц. Имеются признаки мятежа в нескольких военных гарнизонах. Все это свидетельствует о попытке государственного переворота и насильственного захвата власти силами, враждебными российской государственности. Исламские экстремисты, красные радикалы и фашиствующие националисты попытались нанести удар по общественному и политическому строю России с целью его демонтировать, что сулит неисчислимые бедствия для страны, кровавые жертвы среди российского населения.

В этой связи вверенными мне полномочиями объявляю в стране режим чрезвычайного положения. Приостанавливаю некоторые положения конституции, в том числе те, что ограничивают пребывание Президента на своем посту двумя президентскими сроками. Иными словами, под воздействием обстоятельств я принял решение баллотироваться на третий президентский срок. Надеюсь на здравомыслящий подход Государственной думы, ко-

торая в ближайшие часы должна утвердить поправку к конституции и проголосовать за введение чрезвычайного положения. Для управления страной в эти тревожные дни создается Государственный комитет чрезвычайного регулирования — ГКЧР, — куда входят ведущие политики страны. Генеральный прокурор, министр обороны, спикер Государственной думы и глава Администрации Президента, осуществляющий координацию деятельности Комитета. Комитет действует под управлением непосредственно Президента страны.

Заверяю граждан России в том, что антиконституционный мятеж будет подавлен со всей жесткостью и последовательностью. Уже проводятся аресты, выемки документов из структур, подозреваемых в соучастии. Российская государственность будет защищена со всей строгостью демократических законов. Благодарю за внимание.

Президент умолк. Опустил листок. Воцарилась тишина, прерываемая рыканьем ветра. Будто к микрофону припадал невидимый зверь, всхрапывал и впивался зубами.

— Вопросы? — Есаул слегка оттеснил Президента.

В круг потянулись микрофоны, похожие на артиллерийские банники. Журналисты нацеливали диктофоны. Репортеры мерцали вспышками.

— Господин Президент, была ли предварительная информация о готовящемся заговоре? — Вопрос задал журналист правительственного «Второго канала».

Вместо Президента отвечал Есаул:

— Такая информация была. Главный оплот мятежа был раздавлен в предшествующие дни. Однако некоторой части мятежников удалось осуществить свои преступные замыслы.

— Господин Президент, что делается для предотвращения заговора? — Этот вопрос исходил от журналиста «Первого канала», напористого, как бычок.

Снова отвечал Есаул так, словно он и был Президент:

— Арестовано несколько лиц, связанных с международными террористами. Наложено арест на счета нескольких банков. Запрещены экстремистские организации, такие как пресловутая Национал-большевистская партия, «Движение против нелегальной миграции», «Союз русского народа». Приостановлена деятельность националистической партии «Родина». Локализованы мятежники в среде ВДВ и ГРУ. Закрыта профашистская газета «Зав-

тра», и ее редактор Проханов объявлен во всероссийский розыск. Следствию предстоит выяснить подстрекательскую роль этой газеты в совершенных преступлениях. По сообщениям нашего спецарента Галковского, Проханов является английским шпионом, причем наследственным, в трех поколениях.

— Найдены ли тела погибших Куприянова, Круцефика и Словозайцева, чтобы провести следственную экспертизу? — Этот вопрос был задан представителем ТВЦ. Вопрос адресовался непосредственно Есаулу, чья возросшая государственная роль была зафиксирована чутким журналистом.

— Вызваны водолазы, ведется поиск останков.

— Будет ли свернуто свадебное путешествие молодоженов Франца Малютки и Луизы Кипчак? — Этим интересовался журналист телеканала ТНТ, диск-жокей в рыжем экстравагантном картузе.

— Чтобы продемонстрировать нашу уверенность и дееспособность, мы решили не прерывать путешествия. Как и планировалось, оно завершится в Санкт-Петербурге, где состоится венчание новобрачных в Исаакиевском соборе.

— Господин Есаул...

Вопрос попыталась задать представительница программы «Тюрьма и воля», на шее которой виднелся плохо загримированный засос.

Есаул резко ее оборвал:

— Господа, время вышло. Пресс-конференция окончена. Президент возвращается к исполнению неотложных государственных дел. Всем спасибо.

С этими словами Есаул сделал шаг в сторону, пропуская вперед Президента. И они удалились.

Сопроводив Сластену в железную камеру, Есаул вернулся в каюту, где по Интернету стал отслеживать отклики на пресс-конференцию. Все мировые агентства полностью или в пересказе сообщали о введении в России чрезвычайного положения и о третьем сроке Президента Порфирия. Поддержку ГКЧР выражали политические партии, общественные организации, творческие союзы, отдельные знаменитости и простые граждане. Все требовали расправы над заговорщиками. Клеймили позором газету «Завтра» и ее редактора. Свою поддержку обнародовали Святейший Патриарх Пий 45-й, мэр Москвы Юрий Долгоухий, певица

Алла Пугачева, космонавты с МКС, пациенты психлечебниц города Екатеринбурга, почти все население Корякского автономного округа, а также два младенца, родившиеся в момент совершения теракта,— патриотические родители в честь убитого Куприянова дали обоим новорожденным имя Аркадий. Наконец, с некоторым опозданием, пришло заявление представителя Белого дома, где говорилось, что Президент США понимает вынужденный характер непростого решения, принятого Президентом России. Сразу вслед за этим заявлением последовали ободряющие слова поддержки лидеров Европы, Китая, а также специальная телеграмма Ватикана, в которой понтифик молится о судьбах России.

Есаул ликовал. Его план удался. Захотелось на солнце, на свет, на ветреный свежий воздух. Покинул каюту и вышел на верхнюю палубу.

Там былолюдно, разносили напитки. Поднимали тосты за Президента, за ГКЧР. С постными физиономиями, иные крестясь, поминали мучеников теракта. Особым вниманием пользовались прокурор Грустинов, спикер Грязнов, министр обороны Дезодорантов. Их обхаживали, им льстили, просили прокомментировать блестящее заявление Президента.

Как только показался Есаул, все колыхнулись к нему. Обступили, толкались, спешили попасть на глаза. Усы Михалкова погвардейски салютовали. Воскликнули:

— Виват русскому государственнику! Нашему Столыпину! Имперскому гению!

Шляпа Боярского лезла обниматься, тянула бокал шампанского:

— Наконец-то мы почувствовали «сильную руку»! «Выходи на новенького!..» «Один за всех, и все за одного!..»

Лысинка Жванецкого юлила, чмокала губками, лучилась глазками:

— Спасибо вам, что начали громить антисемитское подполье. Русским интеллигентам был чужд антисемитизм. Кроме, конечно, Гоголя. И Достоевского. И разумеется, Чехова. И Лескова. И, несомненно, Розанова. И Булгакова. «Подпольный человек» Достоевского и есть русский антисемит, не так ли?

Издалека умоляющими глазами смотрела мадам Стеклярусова. Прикладывала пальчик к губам, давая знать, что она нема как рыба.

Из толпы выскочил телемагнат Попич, кинулся к Есаулу, раскрывая объятья. Воскликнул:

— Наконец-то!.. Мы так ожидали от Президента этого третьего срока!.. Ты сумел его убедить!.. Бедный Круцефикс, он был столь нетерпелив, что не мог усмотреть государственную подоплеку событий!.. Мужайся, Василий, я рядом!..

К нему протиснулись прокурор Грустинов и спикер Грязнов.

— Подлец! Сука предательская! — Прокурор Грустинов норовил схватить Попича за горделивый кок. — Ты действовал против нас! Грозил компроматами! Еще надо проверить, не являешься ли ты агентом террористов!

— Ты был вместе с масоном Добровольским, с изменником Русаком! Мы внесем тебя в списки тех, кто подлежит интернированию! — Спикер Грязнов мстительно и больно бил его в бок.

— Василий, защити! Они от зависти! Ты же знаешь, что я всегда был верен тебе! Я нужен именно теперь, когда необходимо создать информационную поддержку мероприятиям ГКЧР!

— Ты ни в чем не виновен. — Есаул осторожно выпутал кок Попича из лапищи прокурора Грустинова. — Ты — наш брат, товарищ. Ты нам нужен. Мы верим тебе.

Он прижал Попича к груди, и тот разрыдался. Бился в рыданиях, целуя руку Есаула. Повторял:

— Я — брат!.. «Брат-2»... Я нужен!.. Это Круцефикс предатель, а не я!..

Все потонуло в криках «ура» и в звоне бокалов.

В то время как на верхней палубе ликовали, клялись в верности Есаулу, скорбели по поводу безвременно ушедших, а заодно старалась вспомнить, не слишком ли зарекомендовали себя приверженцами Куприянова, — на нижней палубе совершалось возмездие. Франц Малютка, раздумав убивать жену, еще больше утвердился в намерении наказать вероломную женщину. Голую, обклеенную перьями Луизу Кипчак со скованными руками провели по лестницам и коридорам и втолкнули в отсек, где размещались уроды и химерические чудовища — наследие кутюрье Слововайцева, столь безвременно покинувшего подиум.

Страшилища, изголодавшиеся по самкам, едва увидели обнаженную женщину, напоминавшую полуоципанную птицу, едва узрели бриллиантовые россыпи ее восхитительного лобка, кинулись жуткой гурьбой ее насиловать. Однако очень скоро обнаружили у нее множество влагищ, бессчетное количество прель-

стительных углублений и крохотных, покрытых пушком лобков. Вместо того чтобы устраивать ушибы и кровавое побоище за право обладать желанной самкой, приладились насилловать ее всем скопищем. Прилепились каждый к своему стыковочному отсеку, образуя вокруг Луизы Кипчак чудовищную гроздь, сопящую, чмокающую, вгонявшую в нее изуродованные генетикой члены.

Когда через два часа на пороге камеры появился Франц Малютка, он увидел истерзанную жену и усевшихся вокруг нее химер, которые делили бриллианты.

У сурового Франца Малютки сердце разорвалось от жалости. Он отогнал человекоподобных чудовищ. Поднял на руки истерзанную жену. Та приоткрыла глаза.

— Прости меня, Франтик,— пролепетала она.— Теперь ты не станешь со мной венчаться?

— Люблю тебя... Повенчаемся... А это,— он целовал ее раны,— до свадьбы заживет.

Нес ее на руках в каюту. Когда проходил по коридору, увидел, как в соседнюю камеру за железную дверь два автоматчика вводили крестьянскую девочку с тонкой шейкой и голубыми глазами, в красных бусах и лыковых лапоточках.

Часть восьмая

«НА АСФАЛЬТ УПАДУ...»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Водное странствие завершилось. Белоснежный корабль, отчалив от пристаней великолепной Москвы, обогнул полсвета и вплывал в ярко-синие воды Невы, окруженный дымами, гранитом и золотом. В речном порту Петербурга, куда причалил теплоход «Иосиф Бродский», состоялась пышная встреча. Сквозь оцепление войск проезжали кортежи. Повсюду виделись портреты Президента Порфирия и Есаула. Над Невой низко, с устрашающим грохотом, прошел истребитель, хлестнув по городу плетью. Взмыл в небеса, затуманив гарью Петропавловскую золотую иглу. Величаво и царственно подкатил бронированный «Мерседес» мэра Валентины Воспаленко-Оскуденко в сопровождении сияющего автофургона, где содержался гардероб светской дамы. Каждые четверть часа госпожа Воспаленко-Оскуденко меняла туалеты, для чего при ней находился специальный чиновник с хронометром. По его знаку дама-мэр скрывалась в фургоне, где юные пажи совлекали с ее тучного тела шелестящие шелка и облачали ее пышные формы в дорогие наряды, ни один из которых не повторял другой. Дама вновь появлялась на людях, поражая воображение подданных, соперничая туалетами с императрицей Елизаветой Петровной, которой старалась подражать.

Следом явился архиепископ Санкт-Петербургский и Ладожский Аарон. Весь в серебре, с седыми библейскими кудрями, опираясь на посох. Ничем не напоминал своего предшественника владыку Иоанна, неумеренно радевшего за обездоленный люд. Вечно среди хворых и нищих, в постах и слезных молитвах, пастырь Иоанн не умел ладить с прежним мэром, великим демократом, который стремился объединить православие с другими мировыми религиями,— сам в интересах конфессионального мира принял ислам, иудаизм и крещение в Ватикане. Нынешний владыка Аарон был принят в мировой экуменической элите, стро-

ил в городе мечети, синагоги и пагоды, замышлял возведение на Петроградской стороне стеклянной пирамиды в честь ассирийской богини Астарты.

Гости сходили на берег. Есаул сопровождал Президента, не отходя от него ни на шаг,— подпустил к нему ненадолго верно-подданную даму-мэра и архипастыря, благословившего первое лицо государства на особый манер,— легким щелчком в лоб, плевком в правое ухо и потиранием носа о нос. Зато молодые Луиза Кипчак и Франц Малютка пользовались полной свободой — вращались среди военных, бизнесменов, артистов, принимая букеты и поздравления.

Состоялась краткая церемония встречи. Первым, среди кадильного дыма и сияния лампад, с речью, напоминавшей молебн, обратился архиепископ Аарон:

— Всестранствие по водам, яко разверзшиися моря рассту-паемы, сквозь пучину, аки посуху кораблям и ладьям и вским ковчегам об устроении благ, покровительствующих Астарте, Гекате и о здравии властей и растворении воздушей поспешай!.. Об увечении и пастырского благословения властной длани, карающей всяческое вольнодумство и нестроение и злоупотребление во всяком дома и чертоге и храме, яко отсекаемы главу непокорную и народа жестоковыйного в землю Ханаанскую во всесожжение!.. В прославление родов знатных и христоролюбивых и в мусульман и иудеев чающе и венчающе, и всякое продление лет и возвещающе благодатью и успокоения всяческих чад и плодов и курений есть!..

Взяла слово дама-мэр Воспаленко-Оскуденко. До этого она дважды по знаку «куратора времени» исчезала в фургоне, меняя туалеты. Сначала появлялась в старомодном кринолине с высокими бедрами, стиснутая корсетом, в декольте, с маленькой бриллиантовой короной — вылитая государыня императрица. Затем выпорхнула в голубой прозрачной юбке, на розовых пуантах, с сиреневым девичьим бантом на голове — балерина с картины Тулуз-Лотрека. Теперь же появилась в мехах абиссинского бабуина, наброшенных на голое тело, которое чуть ниже пупка было прикрыто стеклянным аквариумом. Аквариум не скрывал прелестей властной дамы. Казалось, подсвеченные рыбки плавают среди кустистых рыжевато-водорослей. Авангардный туалет был создан по эскизам безвременно почившего кутюрье Словозайцева, на что указывала опоясывающая талию траурная ленточка.

— Господин Президент, господин Глава президентской администрации, северная столица Санкт-Петербург встречает вас как цитадель демократии, раздавившая на своих гранитных бастионах гидру мятежа. Силами ОМОНа была сорвана попытка агрессивных стариков выйти под красными знаменами на Дворцовую площадь с требованием вернуть городу Петра имя кровавого Ульянова-Ленина. Молодежь из патриотического антифашистского движения «Нейшн» с помощью бейсбольных бит разогнала группы лимоновцев, пытавшихся спреями написать на Зимнем дворце ругательства в адрес руководителей города. Произведены аресты среди подпольщиков, скопивших на конспиративных квартирах целые арсеналы майонеза, помидоров, кремовых тортов и куриных яиц. И, наконец, изъят и уничтожен тираж запрещенной профашистской газеты «Завтра». Мы все как один поддерживаем декреты ГКЧР и одобряем решение нашего мудрого Президента идти во имя России на третий президентский срок!

В этот момент «куратор времени» посмотрел на громадный, с медным боем секундомер. Сделал взмах рукой, облаченной в белую перчатку. Воспаленко-Оскуденко заторопилась, в спешке выплеснув из аквариума несколько рыбок. Помчалась в фургон переодеваться, не обращая внимания на трепещущих перламутровых гуппи.

После этого с кратким ответным словом выступил Есаул. Еще предстояла масса мероприятий — поездка на Волковское кладбище на могилу бывшего мэра. Участие в праздничном шествии с фейерверком. Венчание в Исаакиевском соборе. И ночное пиршество в Константиновском дворце. Поэтому Есаул был лаконичен. Поблагодарил за радушную встречу. Передал мэру Воспаленко-Оскуденко послание от ее московского коллеги мэра Юрия Долгоухова. Дама к этому времени успела сменить туалет — была облачена в розовый пеньюар, на голове красовалась огромная шляпа с живыми цветами в горшочках, на ногах были «испанские сапоги». Она разорвала конверт с сургучными печатями. Из конверта выскочила живая мышка. Шмыгнула даме за вырез пеньюара. Пробежала вниз по восхитительному, хотя и не молодому телу. Выбралась из-под подола. Прянула на плечо властительной даме и сделала умную мордочку, будто повидала нечто поучительное и необыкновенное.

На этом церемония встречи завершилась. Все стали рассаживаться по автомобилям. Есаул обернулся и увидел горбуна — бледный, с несчастным лицом, он удалялся прочь. Оглядывался на Есаула, силился что-то сказать синими, полными слез глазами. Есаул, было, устремился к нему. Но в воздухе, с разящим свистом пронесся перехватчик, саданул по реке страшным ударом и вознесся свечой, превращаясь в луч золотой Петропавловской иглы. За это время горбун бесследно исчез.

Покинул общество также и посол США Александр Киршбоу. На консульской машине с американским флажком он срочно отбыл на Московский вокзал, чтобы на скором поезде «Северная стрела» поскорее вернуться в столицу и отчитаться перед Госдепартаментом. Мчался по городу. Навстречу то и дело попадались грузовики с солдатами и «черные воронки», перевозившие арестованных в «Кресты». «Обычное русское дело», — вздохнул посол и задернул шторку.

Есаул сидел в бронированном «мерседесе» рядом с двойником, серийным убийцей Сластеной. Не позволял тому пикнуть. Время от времени приставлял к тощим ребрам двойника твердый ствол пистолета «макаров». Город был чист, сиял зеркальными окнами дворцов, янтарно желтел амбирными колоннами, восхищал сиреневым проблеском ленивых каналов. Повсюду на перекрестках стояли военные патрули. Из подворотен старинных, времен Достоевского, домов выглядывали ребристые бэтэры. Радовали глаз транспаранты, славящие ГКЧР, и внушительных размеров портреты Президента и Главы его администрации. В нескольких местах, приостановленные постовыми ГАИ, прижались к тротуарам «автозаки», серые фургоны «воронков», отвозивших в «Кресты» арестованных врагов народа. К их числу относились сторонники Куприянова, агенты Америки, обосновавшиеся в правозащитных организациях, и генетики секретных лабораторий, занимавшихся клонированием людей по методикам Савла Зайсмана.

Все это доставляло Есаулу глубокое удовлетворение. Он мысленно готовил еще одно «ленинградское дело», которое выявит глубинную грибницу предательства, сохранившуюся в недрах северной столицы со времен Троцкого, Зиновьева, Каменева. Сталин усердно выкорчевывал эту грибницу. Но метастазы залегли

глубоко и опять превращали гармоничную жизнь города в мерзкую опухоль. Есаул был намерен продолжить эту священную оздоровительную работу. Людоед с чертами Президента Порфирия ненадолго будет появляться на пресс-конференциях, презентациях иностранных послов и правительственных раутах. Его унесет какая-нибудь новомодная болезнь — «птичий грипп», «коровье бешенство» или «атипичная пневмония». Его труп, дабы не распространялась зараза, сожгут, прах забетонируют в глубоком могильнике, а на Фонтанке, рядом с памятником Чижику-пыжику, поставят его бюст небольших размеров. И тогда Есаул, став Президентом, начнет долгожданную работу по возрождению Государства Российского. Вновь заработают великие стройки империи. Наполнятся заводы и лаборатории. Поплывут в Мировой океан боевые корабли и подводные лодки. Полетят на Камчатку баллистические ракеты. Соединятся растерзанные земли, узбек обнимет эстонца, украинец назовет армянина братом, и в тайге и пустынях встанут города, краше которых нет на земле.

Так думал Есаул, поглаживая ребра Сластены вороненым стволом «макарова», пока не подъехали к Волковскому кладбищу.

Могила прежнего мэра была окружена войсками, не пропуская посторонних. Надгробный памятник изображал великого демократа и преобразователя в виде стройного, мечтательного мужчины, воздевшего лицо к небу, как если бы тот собирался улететь к звездам. На могиле было много свежих цветов, ветер волновал траурные ленты с золотыми буквами. В отдалении толпилась пресса, ожидая появления неутешной вдовы, а также прекрасной дочери, продолжавшей на ниве эротики священное дело отца.

Прибывшие с теплохода гости окружили могилу. Началась церемония поминовения. Она была задумана как символическое освобождение птиц из клеток. Ибо Россия, благодаря усилиям и жертвам покойного, подобно птице вырвалась из клетки коммунистического рабства. Дети из лучших городских семейств подходили к могиле, открывали дверцы в птичьих клетках. Оттуда вылетали на волю голуби, дрозды, щеглы, канарейки, воробьи, овсянки, клесты, свиристели, трясогузки и другие пернатые, специально для этого случая пойманные птицеловами в окрестностях Петербурга.

Оркестр новоорлеанских негров заиграл погребальный марш, который в свое время был исполнен на похоронах Мар-

тина Лютера Кинга. Одесские скрипачи, напротив, стали исполнять мелодию Утесова «Легко на сердце от песни веселой...». Возникла некоторая неразбериха, которую прекратила решительная Луиза Кипчак:

— Откажитесь от этих мелодий, друзья,— обратилась она к музыкантам.— Мой папа очень любил ламбаду. В его честь я хочу исполнить этот зажигательный карибский танец.

Музыкантов не нужно было упрашивать. Зазвучала музыка «тропикаль». Прекрасная Луиза Кипчак вскочила на могилу отца и стала танцевать среди цветов и траурных лент, делая восхитительные телодвижения, будто ее прижимал к себе двухметровый мулат, опьяненный кубинским ромом. Оператор Шмультрихтер снимал этот эротический танец. Пленительная сила дочери опускалась в могилу, достигая скелета любвеобильного отца. Улетевшие недалеко от клеток дрозды, воробьи, синицы, трясогузки и свиристели на разные голоса подпевали музыкантам.

Мадам Стеклярусова не могла оставаться в стороне от церемонии. На нее нахлынули воспоминания о счастливых днях, проведенных с мужем в новой петербургской квартире, уставленной мебелью из Зимнего дворца, куда постепенно перетекало серебро и золото из музейных запасников. И о горестных днях парижского изгнания, куда они удалились все из-за той же квартиры — притча во языцех злых завистников и коммунистических недобитков. Едва перестала танцевать ламбаду ее красавица дочь, как мадам Стеклярусова обратилась к собравшимся с речью:

— Здесь, на могиле моего незабвенного мужа, я хочу, наконец, открыть вам тайну его безвременной смерти. Дело в том, что он верил в космическое происхождение демократии. Он считал, что демократия была занесена к нам из Космоса. Убежденный космист-демократ, он ночами выходил на крышу нашего петербургского дома и часами смотрел на звезды. Ожидал сигнала и знака, чтобы, повинувшись космической воле, продолжить демократические преобразования в России. Однажды, когда ожидался звездный дождь, зрелище «Леонидов», он отправился на крышу, чтобы услышать долгожданную весть. Скульптор изобразил его именно в этот момент, когда глаза его были устремлены к звездам, и весь дух напрягался в надежде услышать благую весть. Но с неба прилетел небольшой метеорит, попал ему в голову, и мы нашли его утром на крыше с метеорным веществом в голо-

ве... Мой незабвенный друг,— мадам Стеклярусова обратилась к надгробному памятнику.— Я тоже исполню на твоей могиле танец нашей космической любви! — С этими словами она приподняла юбку, с трудом взгромоздилась на могилу среди лент и цветов и стала танцевать, приговаривая: — Как мне без тебя одиноко!.. Как я хочу к тебе!..

Под ее тяжестью могила проседала, по ней шли трещины.

Есаул подошел к тувинцу Токе:

— Товарищ майор, выполняйте ваш долг.

— Так точно.— Тока, являвшийся кадровым офицером ФСБ, шагнул к могиле. Коснулся заветного винта, чуть поблескивающего между лопатками танцовщицы. Повернул на несколько оборотов. Растяжки распались. Как из прорванного полиэтиленового пакета, все содержимое мадам Стеклярусовой скользко шмякнулось на могилу. Земля разверзлась, и груда костей, несвежей кожи и мяса утекла на дно. Там обнялись два любящих скелета, чтобы навек не расставаться. В воздухе, в гробовом безмолвии, отчетливо прозвучал пророческий стих Иосифа Бродского:

...Черная лента цыганит с ветром.
Странно тебя оставлять нам в этом
Месте, под грудой цветов, в могиле,
Здесь, где люди лежат, как жили,
В вечной своей темноте, в границах.
Разница вся в тишине и в птицах...

Подавленные, все покидали кладбище, утешаясь единственной мыслью о скорых торжествах,— венчании и ночном свадебном пиршестве.

Луиза Кипчак, прижимаясь к мужу Францу Малютке, сказала:

— Знаешь, Франтик, я чувствую какой-то странный зуд во всем теле. Внизу живота, под мышками, под лопаткой, везде-везде. Что бы это могло быть?

— Может, чудовища, которые насильовали тебя на корабле, заразили тебя нехорошей болезнью? Не беда, от этого теперь легко лечат.

— Очень странный зуд, ничем не напоминающий любовное влечение.— Она теснее прижалась к мужу. Потерлась о него лопаткой, которая очень чесалась.

С кладбища, уже в сумерках, все отправились на Дворцовую площадь, где начиналось гулянье. Площадь была оцеплена войсками, не пускавшими простолюдинов и зевак. В арке Главного штаба, перекрывая вход, укрылся спецназ. На кровле Зимнего дворца, за скульптурами и вазами притаились снайперы. Квадрига коней на помпезном фасаде Штаба была покрыта шелковыми попонами. Кариатиды Эрмитажа с ног до головы были убраны живыми цветами. Александрийский столп освещался прожекторами, так что казался выточенным из сияющих самоцветов.

Процессия ступила на площадь, где брусчатка переливалась цветами радуги. Окруженный свитой, величаво и одновременно изящно, вышагивал Президент. Есаул поддерживал его за локоть, обмотав руку в цветастый платок. Никто не видел, что под платком скрывается взведенный «макаров», и улыбающиеся уста Есаула шепчут Президенту: «Дернешься, сука, убью». Архиепископ Аарон, опираясь на посох, раздавал благословения, рассыпал по плечам серебряные кудри. Директор Эрмитажа вынес из музейной коллекции рыцарские гобелены, ковры арабских халифов, плащаницы средневековых соборов, знамена времен Столетней войны. Постелил на брусчатку. Гости ступали по узорам и вышивкам, пребывая в блаженстве. Мэр Петербурга Воспаленко-Оскуденко дарила улыбки. Молодые пажы несли за ней гардероб и ширму, позволявшую даме переодеваться каждые пятнадцать минут, не смущая присутствующих зрелищем своей наготы.

При входе на площадь к основной процессии присоединилась ликующая группа геев и трансвеститов, приехавших в Петербург со всей Европы и Америки. Все были хороши собой, с накладными грудями, в шиньонах, с пышными бедрами, накрашенными помадой губами. Группу возглавлял Элтон Джон со своей женой, которая не пожелала сбрить бороды, а только надела розовое трико, подчеркивающее ее мощные клубни и кактусовидный отросток. В этой группе было много известных российских персон — министров правительства, депутатов Думы и Совета Федерации, членов Конституционного суда, звезд шоу-бизнеса, прославленных журналистов и несколько иерархов церкви. Максим Галкин шел в обнимку с Борисом Моисеевым и смешно подделывался под мужчину. Борис Моисеев накрасил губы в све-

кольный цвет, и каждый его поцелуй оставлял на шее Максима огненный отпечаток. Тут же бренчал на гитаре одетый в кружевной бюстгальтер эстрадный певец, исполнитель шлягера «Москва златоглавая».

Отдельной шеренгой вышагивали, разумеется, не в ногу химерические чудища, плод болезненных фантазий кутюрье Словозайцева. Человек-кабан, двухметрового роста, с косматой щетиной на бедрах, цокал копытами, нес перед собой оранжевый китайский фонарик. Рогатый Карл Маркс, поблескивая на торсе чешуей зеркального карпа, раскачивал цветастое опахало. Пес с тритонными лапами и хвостом сороки лаял и подпрыгивал. Полутуша, вывалив на бок груды свисавших кишок, хлюпая открытым желудком, несла транспарант: «Нет терроризму!» Мужик с усами Буденного и белой грудью Аллы Пугачевой нес другой транспарант: «Даешь четыре национальных проекта!» Человек-фаллос в инвалидной коляске сжимал крохотными ручками древко, на котором раскачивался плакат: «Голодная наука — позор для страны!» Их всех окружали петербургские демократы, чиновники либеральных воззрений, интеллигенция, среди которой был виден алебастровый бюст академика Дмитрия Лихачева и взятая напрокат в кунсткамере банка с заспиртованным двухгодовалым младенцем.

Чуть в стороне, с независимым видом, семенили правозащитники одной из катакомбных организаций под названием: «Евреи подполья». Они отличились тем, что выявили подпольный тираж запрещенной газеты «Завтра» и теперь разыскивали в Петербурге скрывавшегося главного редактора Проханова.

На площади начался карнавал. Возникали маски. Маркиза танцевала с виконтом. Сарацин в чалме прижимал к груди индийскую жрицу. Разыгрывалась сцена убийства Распутина Юсуповым и Пуришкевичем — бородач с бородой из конского волоса пил водку, раздевал донага княгиню Дашкову, горланил мужичьи песни. А в него стреляли холостыми коварные монархисты, вливали в бороду чашу яда, топили в большом тазу, а потом, облив мазутом, сжигали. Частью карнавала являлось непрестанное переодевание мэра Воспаленко-Оскуденко. Как только «куратор времени» бил в гонг, возвещая о том, что протекли очередные четверть часа, дама стремительно кидалась за ширму. И из-за нее появлялась то наядя с наброшенной на голые плечи рыбацкой сетью. То свирепая дикарка джунглей с ожерельем из мужских че-

репов. То целомудренная весталка в античном облачении, которое, как бочка, было стиснуто стальными обручами.

Карнавал завершился грандиозным фейерверком. Сотни зениток выбрасывали в небо огненные соцветья, радужные букеты, пылающие цветы, фантастические зонтики, огнемётные брызги. Над площадью гуляло разноцветное зарево. Плыла гигантская, из огненных языков, надпись: «Слава ГКЧР!» Ее догоняла другая: «Следующий Президент России — Есаул!» Над площадью показался огромный крылатый дракон, озаренный, раскрашенный. Из его пасти летело пламя, на перепончатых крыльях стояли топ-модели, красавицы без пупков. Слаженно выбрасывали вперед стройные ноги, исполняя номер парижского кафешантана «Мулен Руж».

Толпа кричала «ура», кидала ввысь шапки, кошельки, часы «Ролекс». Телемагнат Попич, пьяный от восторга, преисполненный верноподданнических чувств, закричал:

— Да здравствует лидер нации Василий Федорович Есаул!

Есаул подозвал к себе верного капитана Якима, который был вновь облачен в белоснежный мундир с позументами.

— Парень раскричался не к месту.— Есаул кивнул на Попича.— Ты знаешь, что делать.

Капитан Яким приблизился к Попичу. Когда тот снова раскрыл рот, собираясь выкрикнуть здравицу, капитан Яким сунул ему в зев зажженную шутиху. Плотно сжал Попичу челюсти, видя, как сквозь зубы сыплются искры. Отскочил. Шутиха взорвалась в глотке у Попича и снесла ему голову. Все, что секунду назад было головой телемагната, теперь разметалось по площади, извергало огни, разноцветные брызги, огненные спирали и завитки.

Есаул прислушался, не прозвучит ли пророческий стих Иосифа Бродского. Но знакомый голос молчал. Только пролетала, жужжа, большая зеленая муха.

Луиза Кипчак чесалась об Александрийский столп. Ей не мешали. Думали, что красавица исповедует фаллический культ. Трется о гранитный фаллос, чтобы бог плодородия послал ей множество деток.

Прямо с площади все общество отправилось в Исаакиевский собор на обряд венчания. Громадный храм в вечереющем небе напоминал сумрачную гору с тяжелым золотым ледником. Нева таинственно переливалась гаснущей синевой. Медный всадник гарцевал на гранитной глыбе. Все было торжественно и волшебным.

Процессия вливалась в собор, в его гулкую глубину, оставляя снаружи хохот, бесчинства, неистовые игры и пляски. Преоб-

ражалась, стихала, подавленная мрачным великолепием, имперской помпезностью, мистическим пространством, где внизу жарко пылали свечи, выше туманно пламенели лампы, а в смуглой высоте сквозь мглу мерцали золотые мозаики, едва различимые фрески, таинственные письма, вещавшие о какой-то великой, ниспосланной тайне, так и не разгаданной людьми.

Не каждого пускали в храм. Не пустили птиц, пытавшихся в суе влететь под священные своды. Их отгоняли опахалами. И только золоченой вороне, притворившейся вещью птицей Гамаюн, удалось влететь под своды и усесться в высокую капитель, откуда все было видно. Не пустили также ряженых Распутина, Юсупова и Пуришкевича. Первому отказали по причине его безнравственного поведения при дворе Его Императорского Величества. Двух других задержали за намерение, воспользовавшись чужим венчанием, зарегистрировать свой однополый брак. Что, однако же, не помешало Элтону Джону и его бородатой жене оказаться в числе избранных гостей, стоящих у аналая. Все остальные его друзья, прибывшие из Голландии, из гей-клубов Европы и Америки, успешно изменившие пол в хирургических клиниках Израиля, хоть и были допущены в храм, но оказались поодаль, чтобы своими шиньонами и прозрачными трико не нарушать византийский обряд.

На почетном месте, огражденные легкой золотой балюстрадой, со свечами в руках стояли Президент, озирающий собор торжественно сияющими глазами, и Есаул. Он держал в левой руке большую теплую свечу, с которой летел блестящий воск, а в правой сжимал пистолет «макарова», ствол которого касался президентских ребер. Тут же оказалась мэр Санкт-Петербурга Воспаленко-Оскуденко, в облачении кармелитки, наброшенном на голое тело, чтобы легче было, по истечении заветных пятнадцати минут, броситься за колонну и там, с помощью дьякона и псаломщика, сменить туалет. Все прочие гости расположились полукругом, оставляя пустоту, где, озаренные свечами, стояли жених и невеста, торжественные, вдохновенные, любящие.

Владыка Аарон, в золотом облачении, с серебряной епитрахилью, усыпанный бриллиантами, сапфирами и рубинами, с благородной сединой, напоминал новогоднюю елку. И это рождало в зрителях детское умиление, веру в вечный, наивный праздник, ожидавший новобрачных.

— Оскудение откровения еси, аще сочетаемых брачно и язычно, и пряно, и присно, и кисло, омертвляемых и всякое бла-

гоговение, и оскудение, и воспаление обретаемо есть,— звучал завораживающий голос владыки, от которого замирало сердце и слезы приближались к глазам. Два священника держали над головами Франца Малютки и Луизы Кипчак золотые венцы.

— И возлобызавши и откровения снискавши, в Иерусалим войдоха и возлежаха, яко пребывающе и возглашающе человеколюбце и всякая прочая еси...— бархатно рокотало под сводами.

Есаул, не забывая совмещать ствол «макарова» с худосочными ребрами людоеда Сластены, испытывал просветление и духовный подъем. Здесь, в этом имперском храме, знаменующем триумф русской государственности, венчали сегодня не просто двух смертных жениха и невесту. Венчали его, Есаула, замысел, грандиозный, удавшийся план, положивший начало новой эре России. Через дерзновения, великие риски, мрачные преступления и неотмолимые грехи он сумел повернуть в новое русло остановленный поток российской истории. Дал ему новый, грандиозный разбег. Страна принадлежала ему. Как только кончится священный обряд, и он покинет пределы собора, тотчас начнется долгожданная, с петровских и сталинских времен, чаемая народом работа. Истосковавшийся по имперской работе народ вновь вернется на громадную, между трех океанов, верфь, где будет заложен корабль новой империи, невиданный ковчег, продолжающий космическое странствие Великой России. Не для себя, не во имя корысти предпринял Есаул свои труды и радения, пролил виноватую и невинную кровь. Во имя Родины, во имя ненаглядной земли, во имя извечной русской мечты.

Он смотрел на золотые венцы, плывущие в храме. На высокий, из бездны неба, взирающий лик. Молил о пришествии Ангела, чтобы в час триумфа встал посреди великого храма, озарил солнцеподобным ликом, распростер белоснежные крылья и голосом, как рокочущий гром, восславил его, Есаула, его безмерный триумф и подвиг.

«Явись!..— умолял он Ангела.— Яви свою силу и свет!..»

— Венчающе раб Божий Франц с рабой Божьей Луизой, яко лоза виноградная в чертог знаков небесных восходяще и всяческие прегрешения и молитвенные воздаяния, паче оуведомления и обрезания, и млеко от сосцов горних испивание есть...— Владыка Аарон источал свет драгоценных камней. Простирали руки, словно ветви волшебного дерева, усыпанного новогодним блеском. Рассыпал по плечам серебро волос, как усыпавший ветви снег. Все было торжественно и волшебным.— Желаешь ли, раб

Божий Франц, вольно или невольно, во сне или в бдении обручиться рабы Божьей Луизе? — вопрошал владыка Аарон, еще не зная ответа, готовясь ко всякому. Взира́л на невесту взором пастыря, еще весьма молодого, не утратившего мужского блеска в фиолетовых, навывкат глазах, нет-нет да и облизывающего алые губы быстрым молодым языком.

Есаул взывал к таинственной высоте громадного купола, где что-то мерцало, сулило появление Ангела. Сердце его жарко пылало от нескончаемой бессловесной молитвы. «Лобное око» бурно вращалось, чувствуя, как что-то меняется, беззвучно приближается в храме. Казалось, поднялся ветер афганской пустыни, наклонил пламя свечей, взволновал алые и золотые огни высоких лампад. Перемены коснулись озаренных лиц. Все так же плотно улыбался взиравший на свечи Сластена. Готовилась к очередному переодеванию мэр Воспаленко-Оскуденко, расшнуровывая под монашеской мантией корсет. Негры новоорлеанского оркестра, подавленные грандиозностью православного храма, от волнения танцевали степ. Прекрасное лицо невесты Луизы Кипчак было обращено к жениху Францу Малютке и о чем-то молило. Все лица были слегка размыты, выпадали из фокуса, как если бы пространство храма сотрясало́сь от землетрясения. Рубиновые лампы́ были окружены багровым туманом, несколько свечей упало из подсвечников и погасло.

«Явись, мой Ангел, явись!..» — молил Есаул, угадывая, что означают эти таинственные перемены.

В храме вокруг голов появились разноцветные корпускулы, мелькающие цветные частицы. Они излетали из лампад, из мраморных и гранитных колонн, из мозаик и фресок. Метались по храму. Казалось, лампы́, колонны, лица людей испаряются, превращаются в стоцветный туман, в мелькание бессчетных молекул.

Внезапно раздался истошный тоскливый вопль. Повторился, как звериный рык. Вознесся к куполу и обрушился, как исполненный боли и ужаса рев. Это кричала Луиза Кипчак. Золотой венец все еще сиял над ее головой. В руке теплилась венчальная свеча. Но лицо было искажено уродливой судорогой, сотряслось от невыносимого страдания. Ее подвенечное платье распиралось изнутри, натягивалось и трещало. Тонкая ткань распадалась. Сквозь треснувшую материю просовывались клыки, отточенные белые бивни. Они лезли из нее отовсюду — из груди, живота и паха, из подмышек и спины. Ими прорастали бедра и ягодицы, щеки и лоб. Чудные золотистые волосы, собранные в

античный пучок, раздвигались огромным белым зубом. Это причиняло женщине невыносимую боль, ужасало дьявольской, расправшей ее силой.

Так действовали в Луизе Кипчак введенные в ее плоть «стволовые клетки», куда коварный Савл Зайсман ввел гены, ответственные за произрастание зубов. Теперь эти зубы раздирали нежное тело, словно в Луизе Кипчак поселилось стадо неистовых мамонтов, бусевало, рвалось наружу, высовывало загнутые белые бивни.

Все ужаснулись и замерли. Бедная женщина была мертва, израсходовав витальные силы на произрастание множества зубов. Но не падала, ибо торчащие во все стороны бивни упирались в пол храма и мешали ей рухнуть. Так и стояла, держа венчальную свечу.

Есаул, все еще вызывая Ангела, слышал, как нарастают подземные трясения и гулы. Храм содрогался. Осыпались мозаики и фрески. Гасли лампы. Отламывались и рушились капители. Из стен выкалывались камни и горами валились вниз. Мраморный пол начал вздуваться. По гранитным плитам бежали трещины. Нечеловеческая адская сила рвалась наружу, вздымая пол уродливым черным горбом.

Есаул видел, как падали стоящие в храме люди. Как прятался за жену Элтон Джон. Не было сил бежать. Была парализована воля. Кошмар приближался в реве подземных стихий. Внезапно среди гаснущих лампад и летящих глыб возник перед Есаулом цветок алой розы. Проплыл и встал у лица. В цветке, улыбаясь, сияя голубыми очами, появился схимник Евлампий. Что-то силился объяснить, шевелил в бороде устами. Есаул читал по губам. Это было напоминание о спасительных методиках, к которым прибегали афонские монахи в момент «исхода души», когда душу обступали несметные силы ада.

Есаул очнулся. Напружинил ставшее гибким и легким тело. Взметнулся ввысь, делая кувырок и стремясь влететь в самого себя, в свое лобное, широко растворенное «око». Уже в кувырке увидел, как страшным взрывом разверзся пол в храме и наружу, в брызгах камней, в фонтанах огня и дыма, вырвался великан. Черный и страшный лик, громадные ободренные в кровь руки. На черном лице в гневе и ненависти сияли глаза. На шахтерской каске пылал беспощадный луч. От взрыва качались и рушились столпы и колонны храма. И все, кто стоял, гибли от каменных глыб, запекались в магме, рассекались слепящим лучом.

Есаул сгруппировался в прыжке. Превратился в стрелу. Пронзил свое «лобное око» и влетел в коридор, чувствуя за собой гул взрыва, догоняющий клуб огня. Несся в туннеле, как частица в трубе циклотрона, разгоняемая магнитными вихрями. На стенах туннеля, как слайды, мелькали образы детства, мама и бабушка, янтарный столб колокольни, фиолетовый фонарь переулка. Волоколамские леса и деревни, седые стога на полях, плеск уток на вечернем болоте. Чудные женские лица, образы полузабытых друзей, горные снега Гиндукуша. Промерцали изразцы гератских мечетей. Мелькнули, как стоцветное пламя, фруктовые ряды Кандагара. Полыхнули красные пески Регистана с ленивым караваном верблюдов.

Он несся по туннелю, приближаясь к свету. Последнее, что увидел, излетая наружу, — была крестьянская девочка, ее хрупкая шейка с красными бусами, бледное личико с голубыми глазами, лыковые лапоточки.

Вылетел из циклотрона и оказался в прохладной пустоте, в белом бесцветном объеме, где стены, почти невидимые, были озарены люминесцентным сиянием. Было прохладно, чисто. Как в огромном предбаннике, стояли голые люди. Они вытянулись несколькими длинными очередями, которые упирались в турникеты и будки, какие бывают в аэропортах при паспортном контроле. В будках кто-то сидел, но людей не пускали. Они терпеливо ждали.

Есаул встал в конец одной из очередей, чувствуя стопами прохладный кафельный пол, стыдливо прикрывая руками пах. Оглядывался. В соседних очередях было много знакомых лиц. Одни — из тех, кого он встречал при жизни. Другие — те, кого видел на фотографиях в семейном альбоме. Третьи — кто украшал своими портретами, литографиями и гравюрами исторические хрестоматии. Великие полководцы, вожди, открыватели звезд, создатели картин и учений, голые, терпеливые, стояли в очереди на прохладном полу.

— Почему мы ждем? — спросил Есаул стоящего перед ним человека. Тот, нагой, со следами обморожения, с бородой и печальным взором, напоминал генерала Карбышева:

— Ждем, когда явится Архангел Михаил. Без него суд невозможен.

— А где Архангел? — спросил Есаул.

— Задержался на земле, — ответил генерал Карбышев и вернулся.

Они стояли на прохладном полу, среди бесцветного сияния, не отбрасывая тени, и ждали.

По Литейному проспекту шли неторопливо писатель Проханов и горбун — ссутулив узкие плечи, свернув на сторону мешающий горб, с болезненным выражением красивого лица. Они познакомились недавно у ампирной церкви, у ограды из турецких трофейных пушек, где когда-то в юности писатель встречался со своей первой любовью. Ждал у скованных цепями орудий, когда возникнет перед ним его любимая — белое, с ярким румянцем лицо, узкие, с вишневым блеском калмыцкие глаза, черно-стеклянные волосы. И через многие годы он все помнил, как тонко пахли эти чудесные волосы, как слабо благоухал духами ее батистовый платок, которым она закрывала его лицо, и Ленинград сквозь прозрачную ткань переливался, как волшебная морская раковина.

Они разговорились, трактуя каждый по-своему сюжет Страшного суда, разговор показался обоим интересным, и они, шаг за шагом удаляясь от церкви, продолжали дискуссию.

— Но рассматривает ли Господь на Страшном суде только дела, добрые или злые поступки? Или же на весы кладутся и помыслы, среди которых, как вы знаете, есть добрые, однако ими вымощена дорога в ад? — спрашивал писатель не без запальчивости, обнаружив в собеседнике некоторую склонность к софизмам.

— Больше скажу, — отвечал горбун, сияя голубыми глазами, яркими, как васильки. — Помыслы и намерения, как правило, бывают у человека осознанными. А вот сны принадлежат к бессознательному. Но и сны человеческие учитывает Господь на Страшном суде. Он любит сотворенного им человека и использует каждую, пусть самую малую возможность, чтобы оправдать его на Суде.

Они шли по набережной вдоль Невы, которую пересекало изрезанное волнами, золотое отражение Петропавловской иглы. Отражение дробилось, рассыпалось и вновь стремилось собраться в золотой луч. Они проходили Эрмитаж, служебный вход с узорным чугунным крыльцом. На фасаде, в окнах кое-где сохранились выпуклые сиреневые стекла. Писатель вспоминал, как сюда, на крыльцо, выходила его любимая, работавшая искусствоведом Эрмитажа в отделе старинных знамен. Пускала его в подъезд, они поднимались на второй этаж и стояли, взявшись за руки, глядя сквозь сиреневые стекла на Неву, Петропавловскую крепость, на луч, плещущий среди сиреневых волн.

— А творчество художника, которое есть его главное дело? Ведь книга писателя — его главный поступок, — допытывался

Проханов, чувствуя в собеседнике опыт, которым не обладал.— Значит, Господь является тем литературным критиком, который один способен оценить художника высшим критерием? Испытать его искусство Добром и Злом и выявить в нем «райское» и «адское», что для обычных людей является невыполнимой задачей.

— Некоторые из ваших книг мне известны,— ответил горбун.— Все ваше творчество является сновидением. Жизнью, которая вам приснилась. Господь на Суде станет зачитывать те страницы, где вы пытались увековечить ускользающее, воскресить умирающее. Другое дело, удалось ли вам это. Это станет известно после вашей смерти.

Они проходили гостиницу «Астория», где несколько лет назад писателю была вручена литературная премия «Национальный бестселлер». Тогда весной, с букетом цветов, он вышел к Исаакию, восхищенный его непомерной мощью, сходством с библейским пророком, у которого копна золотых волос рассыпалась по гранитным плечам. Сейчас доступ к собору был перекрыт. Солдаты в касках и милиционеры в бронежилетах не пускали прохожих, разворачивали в сторону набережной.

— В чем дело? — спросил писатель утомленного милиционера с короткоствольным автоматом.— Нам нельзя пройти?

— Нельзя. Террористы пытались взорвать собор.

Они вернулись к набережной и вышли на Дворцовый мост. Стояли, любясь Зимним дворцом, стрелкой Васильевского острова, ростральными колоннами, в чьих чашах пылали ветряные факелы. Здесь, на мосту, много лет назад писатель расстался с любимой, узнав, что она уходит к другому. Тогда Нева была черной, предзимней. По фарватеру в честь праздника стояли корабли Балтийского флота. Их контуры были очерчены гирляндами. Подводная лодка, усыпанная бриллиантами, чернела на ледяном отражении. Теперь, спустя много лет, он испытал боль. Горбун сочувственно на него посмотрел, словно угадал воспоминание.

— Кто вы? — спросил Проханов, заглядывая в лицо горбуна.— Мы с вами прежде встречались?

— Быть может,— ответил горбун.— Я собиратель и угадыватель снов. Я мог вам присниться.

Он вдруг стал расти, выпрямлялся. Горб исчез, худосочное лицо наполнилось силой и свежестью. Он возматал огромно и мощно, уходя головой в небеса. Сверху из туманного неба сияло дивное молодое лицо. Белые крылья спускались на мост и ниже,

волнуя речную воду. От него исходили сила, свет и любовь. Оттолкнулся от моста босыми стопами так мощно, что сталь моста загудела. Прянул ввысь, взметая бурю воды, и умчался на небо с затихающим гулом, туда, где ожидали его души умерших.

Писатель остался один, глядя на лежащее у ног перо. Поднял, рассматривал. Перо было ярко-белое, с розоватым отливом, переходящим в нежную бирюзу. Тонко светилось. Задумчиво, держа перо, он перешел мост, углубился в линии Васильевского острова, где остановился в небольшой квартире, у знакомого литератора. Когда-то на Васильевском острове жила его исчезнувшая родня, в светлых комнатах собиралась большая семья, его деды и бабки, тогда молодые, жизнелюбивые, не ведающие грядущих несчастий.

Квартира, куда он поднялся, была пуста. На столе лежал чистый бумажный лист. Стояла старомодная стеклянная чернильница, полная свежих чернил. Он сел, не выпуская пера. Конец пера оказался заточен.

На белизне чудесно переливалось голубое и розовое. Он обмакнул перо в чернильницу и, побуждаемый таинственной силой, уповая не на память, а на чей-то звучащий в нем голос, начертал:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
Я в потемках найду.
Между выцветших линий
На асфальт упаду.

Смотрел, как высыхают чернила. Думал, какой печальный и изысканный стих.

Июль 2005 — январь 2006 г.

Александр Андреевич Проханов

ТЕПЛОХОД

Роман-триллер

Редактор Т.И. Маршкова

Художник Б.Б. Протопопов

Верстка А.А. Кувшинников

Корректор Н.Н. Самойлова

ООО «Алгоритм–Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825

Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 27.10.09. Подписано в печать 14.12.09.

Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Печ. л. 14. Тираж 4000 экз. Заказ 1064

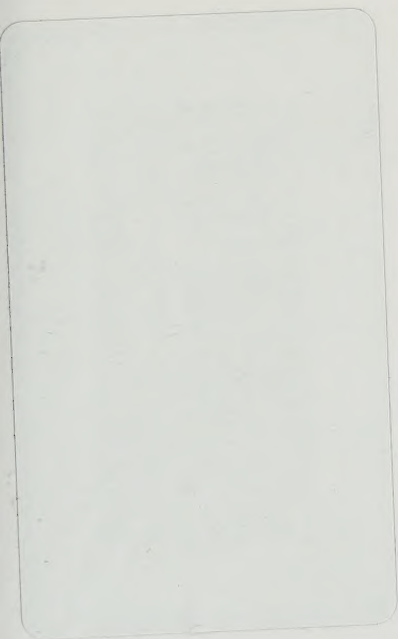
Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Hee 2225

SACRAMENTO PUBLIC LIBRARY

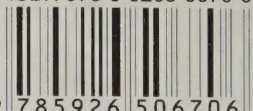

3 3029 06453 0686

Главные действующие лица
романа-триллера Александра Проханова
«Теплоход» – российская элита, легко
узнаваемая за ироничными псевдонимами.

На теплоходе «Иосиф Бродский» избранное
общество отмечает свадьбу угольного
магната Франца Малютки и светской львицы
Луизы Кипчак. Во всех каютах телеканал,
специализирующийся на реалити-шоу
интимной жизни, установил видеокамеры.
Канун президентских выборов. Действующий
президент отказывается идти на «третий срок»,
и его ближайший помощник готовит
переворот...

ISBN 978-5-9265-0670-6

9 785926 506706 >